

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Научные труды 2016–2020 гг.

В 6 томах

Научные руководители:

чл.-кор. РАН Ильин Владимир Александрович

д.э.н. Шабунова Александра Анатольевна

д.э.н. Ускова Тамара Витальевна

Том 3

Развитие экономики региона

Вологда • 2020

УДК 330.34(470)
ББК 65.9(2Рос)
ТЗЗ

Публикуется по решению
Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

ТЗЗ Тенденции и проблемы развития территорий : научные труды 2016–2020 гг. : в 6 т. / под науч. рук. чл.-кор. РАН В.А. Ильина, д.э.н. А.А. Шабуновой, д.э.н. Т.В. Усковой. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020.

ISBN 978-5-93299-472-6

Редакционная коллегия издания:

Ильин В.А. (председатель),
Шабунова А.А. (зам. председателя), Ускова Т.В. (зам. председателя), Бабич Л.В.,
Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Мазилев Е.А., Морев М.В., Третьякова О.В.

Начиная с 2005 года, каждые пять лет, ВолНЦ РАН выпускает сборники избранных научных трудов. К 15-летию научного центра в 2005 году был издан первый сборник в трех томах. В нем представлены результаты исследований проблем развития региональной экономики и общества в период трансформации административно-командной системы на рыночные принципы хозяйствования. Особое внимание уделено механизмам экономического и социального развития территорий в условиях рынка.

К 20-летию научного учреждения приурочено выпущенное в 2010 году второе собрание избранных трудов в четырех томах. В нем освещаются вопросы регионального развития в период восстановительного роста российской экономики, обосновываются методы преодоления последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и резервы ускорения региональной экономики.

К 25-летию со дня основания научного центра вышел в свет третий сборник научных трудов в шести томах. В него включены избранные труды по проблемам территориального развития в 2010–2015 гг. Основной акцент сделан на вопросах эффективности управления социально-экономическими процессами, механизмов модернизации экономики и общества, ускорения экономического роста и изменения его качества, развития потенциала территорий.

К 30-летию Вологодского научного центра РАН подготовлено настоящее, четвертое собрание избранных научных трудов. Они представлены в шести томах, каждый из которых объединяет работы, связанные с развитием Российской Федерации в условиях крайне неблагоприятной внешней среды. При обострении глобальных вызовов, которые оказывают существенное влияние на реализуемую социально-экономическую политику, коллектив научного центра сосредоточил исследования на поиске организационно-экономических механизмов управления социально-экономическими процессами, обеспечивающими эффективность государственного управления и национальную безопасность. Особое внимание в работах вологодских ученых уделено связанности экономического пространства, устойчивому росту экономики и развитию территорий, гуманизации общества, решению наиболее острых социальных проблем.

Издание предназначается работникам органов власти и управления всех уровней, научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам и всем, кто интересуется проблемами региональной экономики, управления и территориального развития.

**УДК 330.34(470)
ББК 65.9(2Рос)**

ISBN 978-5-93299-472-6

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Научные труды 2016–2020 гг.

В 6 томах

Том 1

Эффективность государственного управления

Эффективность государственного управления.

Политический цикл 2012–2018: точка зрения главного редактора

Национальная безопасность России:

проблемы обеспечения экономического роста

Том 2

Управление социально-экономическими системами

Эффективность государственного управления:

проблемы и методы повышения

Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном
хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития

Социальная ответственность бизнеса:

проблемы и перспективы развития

ТОМ 3

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Анализ и моделирование экономики
на основе межотраслевого баланса

Организация и факторы новой индустриализации

Внутрирегиональная
социально-экономическая дифференциация

Том 4

Социально-демографическое развитие России

Социальная уязвимость в региональном сообществе:
эксклюзия и современные механизмы ее преодоления

Качество молодого поколения
в контексте модернизации России

Том 5

Общество в эпоху перемен

Социальное государство в России:
проблемы и перспективы

Гражданское общество – общество граждан

Учитель и образовательная реформа:
взгляд из региона

Том 6

Развитие научно-технологического пространства и предпринимательства

Научно-технологическое пространство и прогнозирование
его развития в условиях глобальной конкуренции

Малое предпринимательство в экономике территорий

Механизмы повышения инновационной активности промышленных
предприятий: проблемы разработки и внедрения

УДК 330.34(470)

ББК 65.9(2Рос)

Т33

Публикуется по решению

Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

Т33 Тенденции и проблемы развития территорий : научные труды 2016–2020 гг. : в 6 т. Т. 3 : Развитие экономики региона / под науч. рук. чл.-кор. РАН В.А. Ильина, д.э.н. А.А. Шабуновой, д.э.н. Т.В. Усковой. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. – 467 с.

ISBN 978-5-93299-475-7 (т. 3)

ISBN 978-5-93299-472-6

Коллектив авторов тома 3

под научным руководством чл.-кор. РАН Ильина В.А.,

д.э.н. Шабуновой А.А., д.э.н. Усковой Т.В.:

Ускова Т.В., Лукин Е.В., Кожевников С.А., Ворошилов Н.В.,

Губанова Е.С., Мельников А.Е.

В третьем томе представлены труды сотрудников ФГБУН ВолНЦ РАН, опубликованные в 2017–2019 гг. В них рассматриваются проблемы и факторы устойчивого развития региональной экономики в современных условиях, методический инструментарий его обеспечения, а также проблематика внутрирегиональной социально-экономической дифференциации.

Книга может быть полезна специалистам региональных органов государственной власти, научным сотрудникам, преподавателям высших учебных заведений, студентам, аспирантам и широкому кругу читателей, которые интересуются проблемами устойчивого экономического развития России и ее регионов.

УДК 330.34(470)

ББК 65.9(2Рос)

ISBN 978-5-93299-475-7 (т. 3)

ISBN 978-5-93299-472-6

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

На каждом историческом этапе развития экономики и общества перед страной стоят задачи, направленные на достижение актуальных для этого периода времени целей и решение наиболее острых, волнующих практически каждого гражданина проблем. Выделение таких периодов связано прежде всего с процессами, происходившими в стране, и внешними вызовами, которые оказывали на нее наиболее сильное воздействие.

В истории Российской Федерации, вступившей на путь рыночных преобразований в начале 90-х годов прошлого века, можно условно выделить несколько периодов. В первом из них, который охватывал начало реформ и продолжался до нового тысячелетия, формировались основы рыночного хозяйствования. Он характеризовался крайне негативными процессами в экономике и обществе. Валовой внутренний продукт как важнейший индикатор успешности экономического развития снизился в сопоставимой оценке более чем в 2 раза. Спад рождаемости и рост смертности привели к резкому сокращению численности россиян. Уровень бедности достиг небывалых масштабов: за чертой бедности оказалась четверть населения страны. Наиболее острой задачей в эти годы было переломить негативные тенденции.

Сделать это удалось только к 2000 году. Именно тогда начался следующий исторический период (2000–2008 гг.) – быстрый восстановительный рост экономики. Среднегодовые темпы ее прироста составляли в среднем 6,5%. ВВП страны вырос на 63%, промышленное производство – почти на 49%; положительные тенденции были характерны и для регионов. В эти годы, еще называемые «тучными», удалось решить ряд социальных задач, повысить уровень жизни населения, остановить спад его численности. Перед страной стояли задачи не только внутреннего развития, но и выхода в мировые лидеры.

Однако мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. стал причиной смены роста экономики резким падением, обострения социальных проблем и неопределенности перспектив. Границы этого периода – с 2009 г. по настоящее время. С 2010 г. начался посткризисный подъем экономики, который постепенно замедлялся. К 2015 г. экономический рост сменился падением, в результате чего началось снижение денежных доходов населения и рост бедности. Существенно повлияли на экономику санкции, введенные западными государствами после присоединения Россией Крыма. В последние годы основные социально-экономические показатели не демонстрируют заметного улучшения

положения дел в экономике и обществе. Ежегодный прирост ВВП России балансирует в пределах 1,5–2%. Модернизационные процессы тормозятся из-за недостатка инвестиций. Уровень бедности практически не снижается. Снова происходит сокращение численности населения. Все явственнее звучит угроза закрепления за страной статуса сырьевого придатка экономик ведущих западных государств. Актуальнейшей для нее задачей стал поиск путей развития в условиях крайне неблагоприятной внешней среды.

К решению проблемы адекватного и своевременного ответа на глобальные вызовы подключается не только руководство страны и ее территорий, но и отечественная наука. Не остается в стороне и Вологодский научный центр РАН, который в декабре 2020 года отметит свое 30-летие.

Его становление и развитие совпало с периодом трансформации в стране. В декабре 1990 года директором Института экономических проблем Кольского научного центра Академии наук СССР был подписан приказ о создании, в статусе отдела, Вологодского научно-координационного центра, который возглавил, а затем 25 лет руководил им доктор экономических наук **В.А. Ильин** – ныне научный руководитель Вологодского научного центра, член-корреспондент РАН.

За прошедшие годы статус научного учреждения неоднократно менялся. В 1993 году Вологодский научно-координационный центр стал самостоятельным учреждением в составе Отделения общественных наук Российской академии наук. В 1997 году он был зарегистрирован как Вологодский научно-координационный центр Центрального экономико-математического института РАН. Этот шаг позволил существенно расширить масштаб и тематику деятельности, улучшить качество выполняемых работ, что в 2009 году стало основанием для переименования центра в Институт социально-экономического развития территорий РАН и открыло новые возможности для развития. Целенаправленная реализация этих возможностей, укрепление авторитета в научном сообществе позволили институту не только менее болезненно войти в период реформирования Российской академии наук, но и укрепить свои позиции. В августе 2017 года на базе Института социально-экономического развития территорий РАН путем присоединения к нему обособленного подразделения Северо-Западного научно-исследовательского института молочного и лугопастбищного хозяйства была создано Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Его директором избрана доктор экономических наук, доцент **А.А. Шабунова**.

Как уже отмечалось, развитие академического учреждения на Вологодчине происходило в сложных условиях переходного периода. Все эти годы Научный центр видел своей главной целью методическое сопровождение социально-экономических преобразований первоначально на уровне одного субъекта РФ – Вологодской области, затем регионов Северо-Западного федерального округа и страны целом. Для успешного достижения этой цели руководство Центра решало задачи поиска и подготовки квалифицированных специалистов, укрепления материально-технической базы, расширения тематики научно-исследовательских работ, повышения их качества, научной и практической значимости.

За тридцатилетний период научными сотрудниками ВолНЦ выполнен большой объем научно-исследовательских работ, основные результаты которых нашли отражение в многочисленных статьях, отчетах о НИР, монографиях. К юбилейным датам Центра публиковались собрания его трудов, в которых представлялись наиболее важные достижения за последние пять лет. Так, в 2005 году к 15-летию ВНКЦ ЦЭМИ РАН вышло в свет первое собрание избранных работ «Тенденции и проблемы развития региона» в 3-х томах. В 2010 году выпущено второе, четырехтомное собрание трудов под тем же названием. Оно было приурочено к 20-летию ИСЭРТ РАН. В 2015 году к 25-летию со дня основания ИСЭРТ РАН издано третье собрание научных трудов в шести томах – «Тенденции и проблемы развития территорий». Не стал исключением и этот юбилейный год. К 30-летию ВолНЦ РАН подготовлено четвертое собрание избранных научных трудов в шести томах «Тенденции и проблемы развития территорий». Каждый из шести томов объединяет работы, тематика которых отражена в названии тома.

Первый том «Эффективность государственного управления» содержит монографические работы, нацеленные на решение задач в сфере повышения эффективности управления, прежде всего на федеральном уровне, и укрепления безопасности страны.

Открывается он монографией, подготовленной на основе статей главного редактора ведущего периодического издания ВолНЦ РАН – журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» – за 2012–2018 гг. В ней акцентируется внимание на современных проблемах государственного управления. Оценка его эффективности осуществляется на основе анализа стратегических решений, принятых на федеральном уровне и определяющих тенденции развития экономики и общества в 2012–2018 гг., через призму субъек-

тивного восприятия населением динамики уровня и качества жизни, социальной справедливости, реализации национальных интересов, тенденций развития гражданского общества. Для этих целей, наряду с анализом экспертных мнений и официальных статистических источников, авторы широко используют результаты социологических исследований.

В данный том вошла также монография коллектива авторов, в фокусе внимания которых находится проблема достижения высоких темпов экономического роста как важнейшего фактора обеспечения национальной безопасности страны. В книге выявляются ключевые угрозы и обосновываются возможности повышения роста российской экономики. Для этого предлагается комплекс эффективных механизмов диверсификации промышленности, доказывается необходимость неоиндустриализации, государственной поддержки малого и среднего бизнеса, повышения инвестиционной активности, регулирования движения капитала. Разрабатываются меры по снижению уровня внутрирегиональной дифференциации, корректировке межбюджетных отношений.

Авторы работ, опубликованных в томе: В.А. Ильин, М.В. Морев (отв. за подготовку), Т.В. Ускова, К.А. Гулин, А.Н. Чекавинский, Е.В. Лукин, Е.А. Мазиллов, А.Е. Кремин, Н.В. Ворошилов, С.А. Кожевников, О.Н. Калачикова, Г.В. Леонидова, А.В. Попов, А.М. Панов, А.В. Галухин, А.И. Поварова, М.А. Печенская.

Во втором томе «Управление социально-экономическими системами» представлены работы, в которых раскрываются проблемы управления социально-экономическими системами регионального уровня и предлагаются методы повышения его эффективности.

Акцентируя внимание читателей на проблеме необходимости повышения эффективности управления территориальными социально-экономическими системами, авторы обосновывают возможность использования в деятельности региональных органов государственной власти и местного самоуправления таких методов, как проектное управление, бенчмаркинг, краудсорсинг, SMART-технологии.

В работе подчеркивается важность развития взаимодействия власти, бизнес-структур и институтов гражданского общества в форме государственно-частного партнерства. В качестве одного из эффективных инструментов этого сотрудничества рассматривается социальная ответственность бизнеса.

Авторы работ, опубликованных в томе: Т.В. Ускова (отв. за подготовку), С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова.

В третий том «Развитие экономики региона» включены монографические труды, исследующие различные аспекты устойчивого развития региональной экономики.

В частности, авторы выявляют ключевые проблемы региональной экономики, важнейшие факторы устойчивого развития и предлагают методический инструментарий его обеспечения. Они показывают, что преодоление кризисных явлений и выход на траекторию устойчивого экономического роста требуют активного включения государства в регулирование воспроизводственных процессов путем корректировки государственной экономической политики. Разработанные авторским коллективом межотраслевые модели позволяют оценивать последствия регулирующих воздействий.

В книге доказывается, что устойчивое развитие региональной экономики невозможно без развитого производственного сектора и снижения уровня территориальной дифференциации. В этой связи большое внимание уделено промышленной политике, важнейшим направлением которой выступает новая индустриализация, а также региональной социально-экономической политике, преследующей цели снижения масштабов территориальных различий и преодоления негативных последствий.

Авторы работ, опубликованных в томе: Т.В. Ускова (отв. за подготовку), Е.В. Лукин, С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова, А.Е. Мельников, Е.С. Губанова, Н.В. Ворошилов.

Четвертый том «Социально-демографическое развитие России» посвящен гуманизации общества как одному из векторов модернизационных процессов, развернувшихся в современной России.

Авторы обосновывают тезис о том, что переход к новой модели экономического роста требует активизации человеческого капитала, основы воспроизводства которого закладываются в еще детстве. Они доказывают, что молодое поколение, обладающее колоссальным инновационным потенциалом, является стратегическим ресурсом развития, поэтому важнейшей государственной задачей становится демографическое сохранение молодого поколения, укрепление его здоровья, интеллектуальное и творческое развитие.

Особое внимание авторов сосредоточено на проблеме реализации трудового потенциала разных групп населения. Показаны особенности социально-экономического положения таких категорий, как пожилые, лица с ограниченными возможностями здоровья, многодетные роди-

тели и молодые специалисты, выявлена их социальная уязвимость, предложены механизмы включения их в трудовую деятельность.

Авторы работ, опубликованных в томе: В.А. Ильин, А.А. Шабунова, М.А. Головчин, М.А. Груздева, О.Н. Калачикова (отв. за подготовку), Н.А. Кондакова, А.В. Короленко, М.А. Ласточкина, Г.В. Леонидова, Л.Н. Нацун, А.В. Попов, И.Н. Разварина, К.А. Устинова, Е.О. Смолева, В.Н. Барсуков.

Пятый том «Общество в эпоху перемен» составляют монографические работы, исследующие социальные вопросы, прежде всего – формирования в России социального государства, развития гражданского общества и реформирования системы школьного образования.

Авторами выявлены наиболее острые проблемы социального развития российского государства; обосновано, что первостепенной задачей государственной власти должно стать обеспечение развития общества исходя из принципов социальной справедливости и взаимной ответственности. Это может быть реализовано путем организации работы социальных лифтов, создания равных условий для продвижения каждого человека на основе его способностей и таланта. В книге показана роль гражданского общества как индикатора развития социального государства, определены главные факторы его становления в России, обоснована необходимость активизации участия широких слоев населения в общественно-политической жизни страны. Обобщены результаты мониторингового исследования социального самочувствия и социально-профессиональной активности элиты регионального сообщества – учителей – в период реформирования школьного образования, выяснены перспективы учительской профессии в контексте перехода от программно-целевого к проектному подходу в управлении образованием.

Авторы работ, опубликованных в томе: В.А. Ильин, А.А. Шабунова, М.В. Морев (отв. за подготовку), А.И. Поварова, Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева, Т.А. Гужавина, Е.О. Смолева, В.С. Каминский, К.Е. Косыгина, Ю.В. Уханова, А.В. Попов, А.И. Россошанский.

Шестой том «Развитие научно-технологического пространства и предпринимательства» включает в себя работы, посвященные проблемам научно-технологического развития как важнейшего императива России на современном этапе.

Авторы монографических трудов проводят анализ уровня научно-технологического развития российских территорий, выявляют

наиболее острые проблемы, в числе которых высокий уровень неравномерности развития научно-технологического пространства, предлагают концептуальный подход к управлению его развитием. Они доказывают, что важнейшим фактором научно-технологического развития выступает организация и ведение инновационной деятельности. В этой связи ими разработаны методические подходы и инструментарий, нацеленные на повышение инновационной активности российских промышленных предприятий в условиях растущей конкуренции на региональных рынках. В книге раскрыта роль малого предпринимательства в социально-экономическом и инновационном развитии локальных территорий.

Авторы работ, опубликованных в томе: К.А. Гулин, С.В. Теребова, Е.А. Мазилев (отв. за подготовку), Д.А. Алферьев, К.Б. Квитко, А.Е. Кремин, Н.О. Якушев.

Хотя настоящее собрание трудов представлено в шести томах, все же это только часть монографий, выпущенных Вологодским научным центром за 2016–2019 гг. Их полный перечень можно найти на веб-сайте Центра.

Полагаем, что данное издание поможет читателям сформировать общее представление о деятельности нашего научного учреждения, познакомиться не только с основными направлениями научно-исследовательских работ, выполняемых вологодскими учеными, но и важнейшими научными результатами, внедрение которых в практику управления позволяет успешно преодолевать социально-экономические проблемы как на региональном, так и федеральном уровне.

Решение острейших задач современности, поиск ответов на глобальные вызовы, повышение эффективности государственного управления с целью обеспечения национальной безопасности, достижения нового качества роста российской экономики, построения социального государства, обеспечивающего социальную справедливость и реализацию потенциала каждого гражданина, – все это предусматривается в перспективных планах ВолНЦ РАН. Надеемся, что осуществление задуманного будет способствовать повышению качества жизни россиян, наращиванию потенциала и конкурентоспособности страны, позволит Российской Федерации укрепить позиции среди стран – мировых лидеров.

Т.В. Ускова,

*заместитель директора ВолНЦ РАН по научной работе
д.э.н., профессор*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТОМУ 3

С момента распада СССР прошло почти 30 лет. Российская экономика пережила за это время несколько периодов спада и подъема, претерпела значительные качественные и количественные трансформации. Современный этап развития характеризуется затуханием экономической динамики на фоне внутреннего системного кризиса и беспрецедентного внешнего давления. Среднегодовой темп прироста ВВП страны в 2014–2019 годах составил всего 0,8%. Падают реальные располагаемые денежные доходы населения и объемы инвестиций в основной капитал (в среднем на 1,7 и 0,4% в год соответственно). Ухудшаются параметры воспроизводственного контура экономики.

На повестке дня остро стоит вопрос о том, как обеспечить устойчивое развитие экономики и реформировать существующую экономическую модель. Президентом страны сформирован перечень из 13 национальных проектов федерального масштаба, поставлена задача к 2024 году войти в число пяти крупнейших экономик мира.

В представленных в данном томе работах сотрудники Вологодского научного центра РАН на основе глубоких исследований обосновывают важнейшие с их точки зрения факторы устойчивого развития региональной экономики в современных условиях и методический инструментарий его обеспечения.

В монографии **«Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса»** (Ильин В.А., Ускова Т.В., Лукин Е.В., Кожевников С.А.), подготовленной в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований и ставшей лауреатом *Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2017 года*, убедительно доказывается наличие системного кризиса в российской экономике, фиксируются наиболее чувствительные болевые точки общественного воспроизводства. Авторы

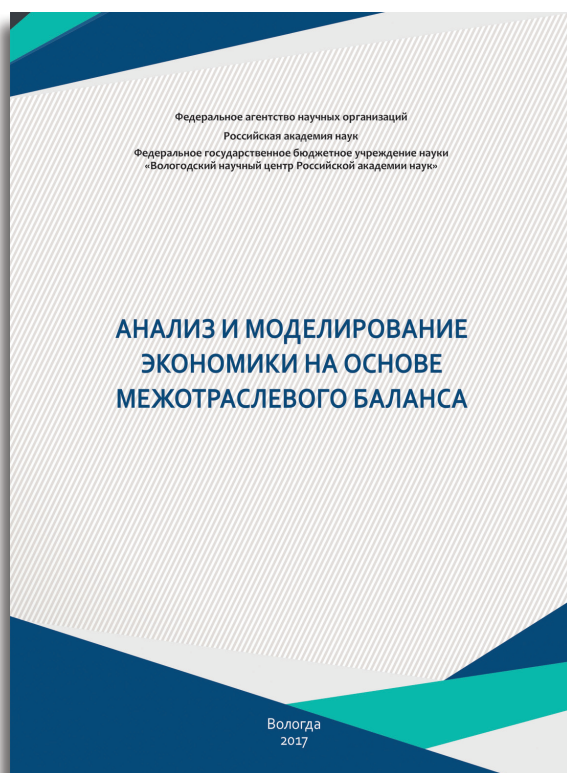
показывают, что преодолеть кризисные явления, выйти на устойчиво высокие темпы экономического роста невозможно без активного включения государства в регулирование воспроизводственных процессов. Опираясь на методологию межотраслевого баланса, они предлагают приоритетные направления корректировки государственной экономической политики. Исключительную важность представляют впервые разработанные в Вологодском научном центре РАН межотраслевые модели, учитывающие сложность экономических процессов и позволяющие оценивать народнохозяйственные последствия предлагаемых регулирующих воздействий.

Мысль о непреложности активного государственного участия в регулировании экономики развивается в монографии **«Организация и факторы новой индустриализации»** (Лукин Е.В., Кожевников С.А., Мельников А.Е.; под науч. рук. д.э.н. Усковой Т.В.). В работе обоснована необходимость новой индустриализации. Как показывают авторы, в сложившейся нестабильной геополитической обстановке у России нет иной альтернативы развития, чем наращивание собственного промышленного потенциала и модернизация технологической базы. Большое внимание в связи с этим уделяется совершенствованию промышленной политики в контексте проведения новой индустриализации, вопросам управления формированием и развитием вертикально интегрированных структур в приоритетных секторах экономики, а также поиску финансовых средств для осуществления перехода к новым технологическим укладам.

По мнению многих экспертов, имеющие место проблемы деиндустриализации российских регионов, обусловленные глобализацией, во многом стали причинами растущего неравенства в стране. Увеличивается дифференциация в доходах, расселении людей, размещении экономической активности и т.д. В монографии **«Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация»** (Ворошилов Н.В., Губанова Е.С.) структурированы факторы, детерминирующие социально-экономические различия муниципалитетов на внутрирегиональном уровне, на материалах Вологодской области исследованы тенденции и факторы дифференциации муниципальных районов и городских округов в постсоветский период. Авторами разработан научно-методический подход к регулированию внутрирегиональной дифференциации, направленный на создание условий для снижения ее масштабов и преодоления негативных последствий.

Полагаем, что труды данного тома будут интересны как специалистам региональных органов государственной власти, курирующих вопросы регионального развития, так и научным сотрудникам, преподавателям высших учебных заведений, студентам, аспирантам, исследующим эти проблемы, и широкому кругу читателей, которые интересуются проблемами устойчивого экономического развития России и ее регионов.

АНАЛИЗ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трансформационный период для экономики России оказался весьма сложным. Непростыми стали и годы после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. И обусловлено это не только обвалом цен на нефть, введением санкций и ответным торговым эмбарго, но и внутренними причинами стагнации, в числе которых рассогласованность отдельных элементов экономической политики, запаздывание реагирования экономических властей на нарастающие риски и, главное, неадекватность используемого инструментария. В связи с этим совершенствование научно-методических основ и методологии государственного регулирования экономики, повышение эффективности госуправления приобретает особую актуальность.

В число важнейших научных задач входят совершенствование методологии и методического инструментария управления экономикой на основе моделей, адекватных современным условиям хозяйствования, учитывающих сложность экономических процессов, их зависимость от множества факторов; разработка комплекса научно обоснованных мер по корректировке экономической политики, реализация которых будет способствовать выходу экономики из кризиса, ее устойчивому росту и укреплению позиций Российской Федерации в мире.

Проводимые в последние десятилетия рыночные реформы, а также динамично меняющаяся внешняя среда кардинальным образом влияют на экономическую структуру России и ее регионов. Меняется структура производства, структура образования и распределения доходов, отраслевые пропорции цен. Принятие органами власти управленческих решений в сфере экономики сопряжено с необходимостью проведения углубленного анализа объемов, структуры и динамики имеющихся ресурсов, источни-

ков их формирования и направлений использования, оценки фактически сложившейся ситуации и проектировок на перспективу, своевременной корректировки реализуемой экономической политики.

Одним из возможных путей повышения эффективности государственного управления экономикой видится использование методологии межотраслевого баланса, позволяющего объективно отражать процессы на уровне экономики в целом, ее отраслевой и институциональной структуры, осуществлять сценарные расчеты последствий принимаемых решений, научно обосновывать инструменты экономической политики и вносимые коррективы.

Между тем возможности использования межотраслевого подхода при анализе и моделировании экономики существенно ограничиваются слабым развитием статистики. В частности, в настоящее время органы государственной статистики не разрабатывают полной системы счетов, отсутствуют региональные межотраслевые балансы. Все это приводит к необходимости пересмотра многих теоретических положений и практических методов балансовых построений, требует их развития с учетом требований и условий сегодняшней экономической действительности.

В рамках проведенного исследования нами предпринята попытка развития методологии и инструментария углубленного анализа пропорций и структурных взаимосвязей в экономике, моделирования развития социально-экономических процессов с использованием межотраслевого баланса. Выбранная цель и комплекс решаемых научных задач определили структуру данной монографии.

Методология исследования основывается на теории национального счетоводства, практике использования экономико-математических методов макроэкономического анализа и прогнозирования. Особое внимание уделено исследованиям отечественных и зарубежных экономистов в области теории и практического применения межотраслевого баланса.

Основой методических подходов послужили материалы ООН (Руководство СНС), МВФ (Руководство по разработке платежного баланса), Всемирного Банка, ОЭСР, ЕС, Росстата, Банка России, Минпромторга, Минфина России и других российских ведомств, а также исследовательские работы ГУ ИМЭИ, ИНП РАН, других ведущих научно-исследовательских центров.

Информационную базу исследования составили статистические данные и материалы Федеральной службы государственной статистики, Федеральной таможенной службы, Центрального банка РФ, Федераль-

ного казначейства РФ, U.S. Bureau of Economic Analysis, U.S. Census Bureau, U.S. Bureau of Labor Statistics, Eurostat, Министерства экономического развития РФ, законодательные акты Российской Федерации, публикации в периодических изданиях.

Полагаем, что представленные в монографии результаты проведенного исследования послужат импульсом для дальнейшего развития теории и методологии межотраслевого баланса и его применения в практике государственного регулирования экономики.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА В АНАЛИЗЕ И МОДЕЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ

1.1. Сущность балансового метода и межотраслевого баланса

Современная экономика характеризуется сложной отраслевой структурой. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (ОКВЭД 2), введенный в действие с 1 февраля 2014 г., содержит более 2600 группировок [75]. В процессе производства предприятия различных отраслей активно взаимодействуют друг с другом, используя основные фонды и рабочую силу; происходит перераспределение доходов.

Учет этих процессов имеет большое значение для выработки управленческих воздействий. Регулирование экономики должно опираться на методологию, позволяющую заглянуть внутрь этого «черного ящика», исследовать его внутреннюю структуру. Для анализа основных межотраслевых связей, структурных сдвигов и пропорций в экономике, оценки последствий реализации управляющих воздействий и их эффективности, а также выявления факторов и условий развития целесообразно использовать балансовый метод и методологию межотраслевого баланса.

Балансовый метод – метод установления и соблюдения материально-вещественных и стоимостных пропорций, а также пропорций в распределении ресурсов [9]. Балансовый метод реализуется через систему балансов.

Балансом называется таблица, в которой осуществляется сопоставление наличия ресурсов и источников их поступления с направлениями и объемами использования [10]. Совокупность балансов позволяет охарактеризовать, объединить и сбалансировать многочисленные экономические процессы и явления.

Баланс народного хозяйства состоит из следующих основных разделов: воспроизводство общественного продукта в натурально-вещественном составе; воспроизводство общественного продукта по стоимости в форме образования и использования доходов; воспроизводство трудовых ресурсов; воспроизводство национального богатства [9]. Каждый из этих разделов представлен в балансе народного хозяйства в виде сводных балансов (рис. 1.1).

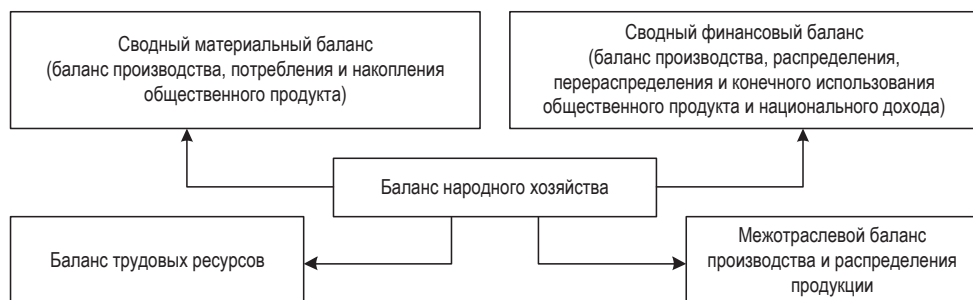

Рисунок 1.1. Структура баланса народного хозяйства

В свою очередь, каждый из сводных балансов органически дополняется системой локальных балансов и таблиц, задача которых состоит в том, чтобы более детально отразить отдельные стороны воспроизводства. Вместе с тем каждый из локальных балансов имеет и самостоятельное значение. К числу их относятся: баланс трудовых ресурсов по отдельным регионам страны, баланс использования времени рабочих в отдельных отраслях народного хозяйства, материальные балансы по отдельным видам продукции, баланс денежных доходов и расходов населения, баланс основных фондов, балансовая таблица накопленного богатства и ряд других.

В экономической практике используется система балансов, включающая следующие виды балансов.

Материальные (натуральные) балансы, при помощи которых устанавливаются материально-вещественные пропорции внутри каждой отрасли, между отдельными отраслями и производствами [9].

Материальные балансы характеризуют производство и использование конкретных видов продукции, сырья, материалов (топлива, электроэнергии, металла и др.), производственных мощностей, оборудования, основных фондов и т.д. Материальные балансы разрабатываются в

физических единицах, условно-натуральном и стоимостном выражении и состоят из двух частей, равных между собой: ресурсной, где отражаются показатели, характеризующие ресурсы по всем источникам поступления, и распределительной, характеризующей направления использования ресурсов.

Материальные балансы разрабатываются на всех уровнях управления – предприятия, отрасли, региона, страны в целом – для выявления обеспеченности производства сырьем и материалами, определения материально-вещественных пропорций в народном хозяйстве. В совокупности материальных балансов выделяют: топливно-энергетический, баланс производственных мощностей, балансы машин и оборудования, балансы основных фондов и т.д.

Топливо-энергетический баланс характеризует наличие, распределение и использование топлива и энергии (табл. 1.1). Он разрабатывается как в натуральном исчислении, так и в пересчете на условное топливо. В ресурсной части баланса отражаются группы и виды топливно-энергетических ресурсов: природное топливо (нефть, газ, уголь и т.п.), продукты переработки топлива (кокс, мазут, угольные и торфяные брикеты, бензин и т.п.), горючие побочные топливные энергоносители, электроэнергия, теплоэнергия (пар, горячая вода). В распределительной части отражаются расход топлива и энергии по целевым направлениям их использования (в качестве сырья и материалов на нетопливные нужды, непосредственно в качестве топлива или энергии), их потери, отпуск на сторону и остатки у потребителей и поставщиков. Баланс позволяет определить общие размеры и структуру производства и потребления всех видов топлива и энергии, выявить направления их использования.

Таблица 1.1. **Топливо-энергетический баланс РФ за 2015 г.**, млн. тонн условного топлива

	При- родное топливо	В том числе:			Про- дукты пере- работки топлива	Горю- чие по- бочные энерго- ресурсы	Элек- троэнер- гия	Тепло- энергия	Ко- тельно- печное топливо
		Нефть	Газ	Уголь					
Ресурсы									
Добыча (производство) без потерь	1724,2	762,4	728,5	228,9	442,6	14,9	367,8	177,7	1173,1
Изменение запасов	-4,7	-3,2	-2,9	1,4	0,8	–	–	–	-0,6
Импорт	32,1	4,1	10,2	17,8	3,2	–	3	–	28,3
Итого ресурсов	1751,6	763,3	735,8	248,1	446,5	14,9	370,8	177,7	1200,8

Окончание таблицы 1.1

Распределение									
Экспорт	680,6	349,7	214	116,8	194,4	–	5,6	–	538,3
Общее потребление, в том числе:	1071	413,6	521,8	131,3	252,1	14,9	365,3	177,7	662,5
на преобразование в другие виды энергии	364,2	0,8	277,5	84,6	13,1	7,3	0,9	–	381,2
на переработку в другие виды топлива	396,2	358,3	10,5	27,4	7,9	–	–	–	–
на производство нетопливной продукции	84	45,2	38,5	0,2	25,2	0,1	–	–	–
в качестве материала на нетопливные нужды	13,9	0,3	13,3	0,1	11,7	0,02	–	–	–
на конечное потребление	196,2	0,3	174,1	19	194,2	7,5	327,6	161,4	273,5
Потери на стадии потребления и транспортировки	16,5	8,7	7,8	–	–	–	36,7	16,3	7,8
Источник: Росстат.									

Баланс производственных мощностей показывает наличие мощностей на начало и конец периода, движение (прирост, выбытие), уровень использования производственных мощностей по выпуску конкретных видов промышленной продукции. Составляется в натуральном выражении, но в ряде отраслей машиностроения также и в стоимостном выражении.

Балансы машин и оборудования характеризуют общие наличие оборудования и машин и их распределение по направлениям использования.

Балансы основных фондов характеризуют воспроизводство основных фондов по народному хозяйству, отраслям и формам собственности. Данные балансов имеют важное значение для анализа воспроизводства, изучения объема и структуры основных фондов в народном хозяйстве, исчисления показателей эффективности их использования. По ним исчисляют показатели износа, годности, обновления, выбытия основных фондов. Данные о наличии основных фондов используются для расчета показателей фондоемкости, фондовооруженности, фондоотдачи и других важных экономических показателей.

К материальным балансам относятся балансы земельных угодий, государственных ресурсов зерна, картофеля, технических культур, кормов и другие.

Стоимостные балансы, позволяющие осуществлять увязку между производством, распределением и использованием доходов, в частности увязку доходов и расходов организаций, государства, населения и т.д. [9].

Стоимостные балансы – это балансы, в которых отражено образование доходов по всем источникам поступления и их распределение по направлениям использования. Они отражают процесс движения финансовых ресурсов, экономические связи, пропорции, процесс формирования и использования доходов государства, предприятий, населения в стоимостном выражении. К стоимостным балансам относятся баланс доходов и расходов населения, предприятий, госбюджет, финансовый, платежный, расчетный балансы и другие.

Баланс денежных доходов и расходов населения применяется для расчета реальных доходов, покупательной способности населения, спроса и предложения на товары, а также для регулирования денежного обращения и эмиссии денег в стране (табл. 1.2).

Таблица 1.2. **Баланс денежных доходов и расходов населения РФ**, млрд. руб.

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Доходы				
Доходы от предпринимательской деятельности	612	1580	2873	4245
Оплата труда наемных работников	1454	5263	12638	19994
Доходы наемных работников от предприятий и организаций, кроме оплаты труда	87	206	448	523
Социальные трансферты	551	1756	5762	9768
Доходы от собственности	271	1425	2023	3340
Доходы от продажи иностранной валюты	191	601	978	1488
Другие доходы	819	2988	7776	14167
Всего денежных доходов	3984	13819	32498	53526
Расходы и сбережения				
Покупка товаров и оплата услуг	3009	9614	22614	38004
Обязательные платежи и разнообразные взносы	309	1151	3025	5773
Сбережения во вкладах и ценных бумагах	142	687	2474	3453
Расходы на покупку недвижимости	48	352	1105	1535
Приобретение иностранной валюты	254	1173	1173	2234
Изменение средств на счетах ИП	128	956	1693	1744
Изменение задолженности по кредитам	-16	-558	-546	833
Деньги, отосланные по переводам	1	238	140	42
Покупка населением скота и птицы	0	0	85	122
Всего денежных расходов и сбережений	3874	13614	31763	53740
Источник: Росстат.				

Разрабатывается в целом по стране и по ее отдельным регионам, а также по отдельным группам населения. Состоит из двух частей: доходной и расходной. Доходная часть отражает доходы населения по всем источ-

никам поступления, расходная – все направления расходов. Баланс показывает оборот денег между общественными группами, миграцию денег в стране. Он разрабатывается в составе плановых документов и отражает сбалансированность денежных доходов и расходов населения. Денежные доходы за вычетом оплаты услуг, платежей и сбережений составляют покупательные фонды населения, в соответствии с которыми определяется объем розничного товарооборота.

Баланс финансовых ресурсов – сводный прогнозно-аналитический документ, показатели которого являются основой для принятия решений в области налоговой, ценовой, кредитной политики и особенно для разработки госбюджета. Схема финансового баланса отличается от обычной. Он состоит из трех частей, отражающих формирование, распределение и использование финансовых ресурсов. В системе стоимостных балансов особое место занимает платежный. Он представляет собой документ, отражающий внешнеэкономические операции страны за определенный период.

Трудовые балансы, посредством которых осуществляется планомерное распределение трудовых ресурсов, определяются задания по подготовке кадров, производятся расчеты необходимого перераспределения трудовых ресурсов между отраслями народного хозяйства и регионами страны и др. [9].

Трудовые балансы представляют систему сводных и частных балансов, которая отражает процесс воспроизводства рабочей силы, выявляет наличие трудовых ресурсов и потребность в них по отраслям, сферам народного хозяйства, формам собственности, позволяет изучать состав трудовых ресурсов по социальным группам, выявлять резервы рабочей силы. Центральное место в системе трудовых балансов занимает сводный баланс трудовых ресурсов (табл. 1.3). Он состоит из двух частей. В первой характеризуется наличие и численный состав трудовых ресурсов, во второй – направления их использования по сферам и отраслям народного хозяйства, по видам занятости, формам собственности и общественным группам с выделением города и сельской местности. Баланс разрабатывается по стране в целом, по областям, районам, что дает возможность отслеживать масштабы и направления миграции населения. В системе частных трудовых балансов выделяют балансовые расчеты распределения молодежи по каналам обучения, балансы квалифицированных кадров, рабочих мест и другие.

Таблица 1.3. Баланс трудовых ресурсов РФ за 2016 г.

	Тыс. чел.	% к итогу
Трудовые ресурсы		
Численность трудовых ресурсов	91129,9	100,0
Трудоспособное население в трудоспособном возрасте	81309,9	89,2
Иностранцы трудовые мигранты	2850	3,1
Работающие граждане, находящиеся за пределами трудоспособного возраста	6970	7,6
Пенсионеры старше трудоспособного возраста	6900	7,6
Подростки моложе трудоспособного возраста	70	0,1
Распределение трудовых ресурсов		
Численность занятых в экономике (без военнослужащих)	68228,1	74,9
Численность населения, не занятого в экономике	22901,8	25,1
Численность обучающихся в трудоспособном возрасте с отрывом от производства	5534,4	6,1
Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости	1000	1,1
Численность прочих категорий населения в трудоспособном возрасте, не занятого в экономике	16367,4	18,0
Распределение занятых в экономике по разделам ОКВЭД		
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6290	6,9
Рыболовство, рыбоводство	139	0,2
Добыча полезных ископаемых	1048	1,2
Обрабатывающие производства	9730	10,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1910	2,1
Строительство	5740	6,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	12725	14,0
Гостиницы и рестораны	1290	1,4
Транспорт и связь	5500	6,0
Финансовая деятельность	1300	1,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5900	6,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	3760	4,1
Образование	5590	6,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4590	5,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2640	2,9
Прочие виды экономической деятельности	76,1	0,1
Источник: Росстат.		

Указанная система балансов не позволяет получить общей характеристики межотраслевых связей. Она не дает развернутой характеристики распределения конкретных видов продукции в стоимостном и натуральном выражении по отдельным отраслям. Поэтому важное значение приобретает построение *межотраслевого баланса* производства и распределения продукции, охватывающего движение совокупного общественного продукта с выделением отраслей. Синтезируя в единой таблице част-

ные материальные балансы, межотраслевой баланс представляет собой систему показателей, дающих подробную характеристику воспроизводства совокупного общественного продукта по стоимости (производство продукции – столбцы таблицы) и по натурально-вещественному составу (распределение продукта – строки таблицы) как в целом по народному хозяйству, так и по отдельным отраслям.

Межотраслевой баланс производства и распределения продукции (МОБ, таблицы «затраты – выпуск») – составная часть баланса народного хозяйства, отображающая с помощью системы показателей главные функциональные направления использования совокупного продукта, количественную характеристику важнейших социально-экономических результатов воспроизводства. Главные особенности этого баланса в том, что воспроизводство совокупного общественного продукта рассматривается в нем в единстве его натурально-вещественного и стоимостного состава по развернутой классификации отраслей народного хозяйства и промышленности.

Теоретические основы межотраслевого баланса были разработаны В.В. Леонтьевым. В 1930-х гг. он успешно реализовал этот метод при построении первых таблиц «затраты – выпуск» для США за 1919 и 1929 гг. по 44 отраслям экономики [93]. К середине 1950-х гг. идеи В.В. Леонтьева приобрели мировое признание, регулярные таблицы «затраты – выпуск» стали разрабатываться для США, Франции, Нидерландов, Норвегии, Австралии.

В отечественной практике метод впервые был полномасштабно реализован в межотраслевом балансе производства и распределения продукции в народном хозяйстве СССР за 1959 г. Базовые (т.е. сформированные на основе прямых обследований производства и потребления) МОБ разрабатывались в дальнейшем регулярно каждые 5 лет: за 1966, 1972, 1977, 1982, 1987 гг.

В настоящее время роль методологии МОБ, представляющей мощное средство количественного анализа взаимосвязей в реальной экономике, давно признана в большинстве стран мира [147]. Разработка таблиц «затраты – выпуск» стала частью регулярной работы статистических агентств в государствах, правительства которых желают проводить осмысленную промышленную и региональную политику [64]. Оценки таблиц «затраты – выпуск», выполненные на официальном и неофициальном уровнях, с разной периодичностью и разным качеством, существуют для 94-х из 193 стран, входящих в ООН [98]. При этом ведущие

20 стран (на которые приходится около 80% мирового ВВП) выпускают эти таблицы на регулярной основе силами государственных органов статистики. В развитых странах таблицы «затраты – выпуск» давно встроены в систему национальных счетов (еще с 1968 г. в соответствии с рекомендациями руководства ООН по национальному счетоводству SNA-68; табл. 1.4).

Таблица 1.4. Разработчики таблиц «затраты – выпуск»

Страна	Институт/организация	Доступный архив	Режим доступа
Германия	Federal Statistical Office	1999–2015	https://www.destatis.de/EN/Publications/Specialized/Nationalaccounts/NationalAccounts.html
Франция	France's National Institute for Statistics and Economic Studies	2005, 2010	http://www.bdm.insee.fr/bdm2/choixTheme?code=1#arbo.montrerbranches=theme1/theme2/theme145/theme343
Великобритания	Office for National Statistics	1997–2014	http://www.ons.gov.uk/ons/taxonomy/index.html?nscl=Supply+and+Use+Tables#tab-data-tables
Канада	Statistics Canada	1980–2015	http://www5.statcan.gc.ca/subject-sujet/result-reultat?pid=3764&id=2745&lang=eng&type=ARRAY&sortType=1&pageNum=1&more=0
США	Bureau of Economic Analysis	1947–2015	http://bea.gov/industry/io_annual.htm
Япония	Statistics Bureau	1990, 1995, 2000, 2005, 2011	http://www.soumu.go.jp/english/dgpp_ss/data/io/io05.htm
Евросоюз	Eurostat	1990–2015	http://ec.europa.eu/eurostat/data/database
Россия	Росстат	1998–2003	http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135086739625
	Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	1980–2013	http://macroforecast.ru/statistics.html
Международные организации	World Input-Output Database (WIOD)	2000–2014	http://www.wiod.org/new_site/database/niots.htm
	Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD)	1995–2011	http://www.oecd.org/trade/input-outputtables.htm
	Global Trade Analysis Project (GTAP)	1993–2015	https://www.gtap.agecon.purdue.edu/databases/default.asp

Так, например, в США годовые таблицы «затраты – выпуск» по 71 виду продуктов за 1947–2015 гг. находятся в открытом доступе на сайте Бюро экономического анализа (за 2007 г. доступны базовые таблицы по 389 продуктам). Разработка таких таблиц является обязательным элементом статистической базы для стран-членов Евросоюза. Эти таблицы разрабатываются в Японии, Китае, Канаде, ряде других стран (в т.ч. Украине,

Беларуси и Казахстане). Для реализации крупных исследовательских задач (оценка распространенности технологий, выбросов углекислого газа, глобальных цепочек создания добавленной стоимости) базы данных таблиц «затраты – выпуск» создаются и международными организациями (WIOD, OECD, GTAP).

База таблиц «затраты – выпуск», создаваемая Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD), включает 63 страны (в том числе Россию) [99]. Каждая страна представлена симметричными таблицами (межотраслевыми балансами производства и распределения отечественных, импортных и совокупных товаров и услуг), организованными по принципу «товар – товар» или «отрасль – отрасль» и исчисленными в основных ценах (реже – в ценах производителя). Эти таблицы разработаны в 34-х-отраслевой классификации за 1995–2011 гг. Наличие гармонизированных таблиц «затраты – выпуск» позволяет, например, провести международные сопоставления вертикальной интеграции производства, т.е. содержания импортированных затрат в экспортируемой продукции¹. Перспективы наполнения и дальнейшей унификации таблиц «затраты – выпуск» в базе OECD делают возможным анализ структурных изменений в национальных экономиках, измерения уровня их взаимозависимости, степени влияния на окружающую среду, эквивалентности международной торговли и т.д.

Мировая база данных «затраты – выпуск» (WIOD) содержит временные ряды таблиц «затраты – выпуск» за 1995–2014 гг. Таблицы «затраты – выпуск» 43 крупных стран мира (в том числе России) в разрезе 56 отраслей связаны в ней между собой через показатели международной торговли. Эта база основана на трех типах данных, доступных из различных источников, и включает в себя: статистику национальных счетов, таблицы ресурсов и использования товаров и услуг, статистику международной торговли. Все эти данные согласовываются по единой классификации отраслей и продуктов как во времени, так и по странам.

Данные WIOD очень важны для исследования экономического роста и производительности труда, для диагностики неэффективности наци-

¹ Эти сопоставления показывают, что крупные страны OECD (США, Австралия, Япония) и ресурсные экономики (Россия, Бразилия) в меньшей степени зависимы от импорта, чем такие страны, как Сингапур, Ирландия, Чехия, Тайвань. Если в первой группе доля импортируемых затрат в экспорте не превышает 10-15%, то во второй – более 40-50%. За 1995–2005 гг. уровень вертикальной специализации, измеряемый таким образом, увеличился в большинстве стран, но не в России, которая, судя по приведенным данным, не продвигается по пути встраивания в глобальные цепочки производства [64].

ональной экономики, выявления внешних эффектов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, для анализа международной конкуренции, для структурной декомпозиции (оценки относительного вклада разных факторов, таких как изменение конечного спроса, технологий, структуры торговли и т.п., в прирост выпуска продукции или добавленной стоимости), для моделирования общего равновесия и др. [167, 171]. Перспективными направлениями исследований WIOD являются анализ развития глобальных цепей создания стоимости, определение содержания производственных факторов международной торговли и др.

В России до недавнего времени последние опубликованные Росстатом таблицы «затраты – выпуск» относились к 2003 г. Данные в них были агрегированы в 24 вида продуктов (промышленность представлена 13 видами). Тем не менее, несмотря на такую высокую степень агрегации, таблицы дают информацию о важнейших пропорциях производства и потребления в российской экономике, согласованную с системой национальных счетов. Однако после 2006 г. перестали разрабатываться даже такие агрегированные таблицы «затраты – выпуск».

Это вынудило исследовательские организации (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Институт макроэкономических исследований и др.) проводить экспериментальные оценки таблиц «затраты – выпуск». Результаты таких оценок получаются разные, однако ни подтвердить, ни опровергнуть их невозможно [68]. Реальную картину «внутреннего устройства» экономики, в том числе уточнение параметров ненаблюдаемой экономической деятельности по ее видам, может дать только разработка базовых таблиц «затраты – выпуск» по развернутой схеме на основе крупномасштабного обследования российской экономики.

14 февраля 2009 г. вышло Распоряжение Правительства РФ № 201-р, которое предписало Росстату «в целях формирования официальной статистической информации о межотраслевых связях и структурных пропорциях экономики Российской Федерации, а также повышения качества статистических и прогнозных расчетов макроэкономических показателей» разработать базовые таблицы «затраты – выпуск» за 2011 г. и в 2015 г. представить их в Правительство РФ, а также осуществлять разработку базовых таблиц «затраты – выпуск» на регулярной основе один раз в 5 лет [74]. Во исполнение этого распоряжения Росстатом было организовано обследование затрат в российской экономике и разработаны базовые таблицы «затраты – выпуск» за 2011 г. В конце марта 2017 г.

материалы были опубликованы в открытом доступе. Разработка следующего базового межотраслевого баланса, за 2016 г., стартовала в прошлом году. Можно утверждать, что работа по регулярному созданию российских таблиц «затраты – выпуск» после трудностей 1990-х налажена. У научной общественности и органов государственной власти появился надежный источник информации для проведения широкого круга межотраслевых исследований.

Таким образом, в экономике применяются различные виды балансов, выполняющие различные функции, разрабатываемые для различных целей и использующиеся в различных сферах деятельности. Их совокупность позволяет охарактеризовать, объединить и сбалансировать многочисленные экономические процессы и явления. Особую важность для экономики имеют межотраслевые балансы, которые позволяют получить развернутую характеристику распределения конкретных видов продукции в стоимостном и натуральном выражении по отдельным отраслям. В настоящее время практика регулярной разработки межотраслевого баланса распространилась по всему миру. Таблицы «затраты – выпуск» органично встроены в систему национального счетоводства, конкретизируя ее основные счета. Базы данных ведущих стран по объему и качеству статистики (США, Япония и Нидерланды) отражают важнейшие статистические показатели в разрезе отраслей, рынков и регионов по всем материальным затратам; занятости (классификация профессий, численность, профессиональные группы, подразделения и центры ответственности, компенсация, часовая и годовая оплата труда, процентные социальные, пенсионные отчисления); основным средствам, амортизации, сроку службы, инвестициям; прибыли; субсидиям и налогам; процентным доходам и расходам; ценам, доходам, логистике и т.д.

1.2. Методология построения межотраслевого баланса

Схема межотраслевого баланса содержит три раздела (рис. 1.2). Первый раздел, включающий промежуточное потребление, показывает стоимость всех товаров и рыночных услуг, потребленных в производственных целях. Во втором разделе представлено конечное использование товаров и услуг, валовое накопление и чистый экспорт товаров и услуг. Третий раздел содержит стоимостную структуру валовой добавленной стоимости (ВДС). Важными стоимостными компонентами ВДС (по строкам) являются оплата труда наемных работников, валовая прибыль, валовой

смешанный доход, налоги и субсидии, связанные с производством, потребление основного капитала, налоги и субсидии на продукты.

			Промежуточный спрос								Конечный спрос		
			Отрасли-потребители								Конечное потребление	Накопление	Чистый экспорт
			1	2	3	4	5	6	7	8			
Отрасли-производители	Сельское хозяйство	1	I раздел								II раздел		
	Добыча	2											
	Промышленность	3											
	Строительство	4											
	Торговля	5											
	Транспорт и связь	6											
	Услуги	7											
	Прочее	8											
ВДС	Заработная плата		III раздел										
	Предпринимательская прибыль												
	Налоги												

Рисунок 1.2. **Схема межотраслевого баланса**

Источник: составлено на основе [65].

Общие итоги и элементы валовой добавленной стоимости по отраслям экономики в межотраслевом балансе корреспондируют со счетом образования доходов СНС и являются контрольными. Итоги валовой добавленной стоимости по отраслям МОБ рассчитываются двумя методами: как разница между валовым выпуском и промежуточным потреблением и как сумма элементов добавленной стоимости.

Межотраслевые балансы подразделяются по экономическому содержанию и характеру информации на ряд видов. По единицам измерения выделяются стоимостные, натурально-стоимостные, натуральные балансы; по объекту анализа – национальные, межрегиональные и региональные; по цели исследования – отчетные и плановые; по временному признаку – статические и динамические.

Межотраслевой баланс в натуральном выражении (табл. 1.5) состоит из двух разделов. Первый раздел отражает источники формирования ресурсов продукции:

$$R_i = Q_i + S_i, \quad (1)$$

где R_i – ресурсы продукции вида i ($i = 1, 2, \dots, n$); Q_i – производство продукции вида i ; S_i – прочие ресурсы продукции вида i (т.е. импорт, запасы и резервы на начало периода).

Таблица 1.5. Межотраслевой баланс в натуральном выражении

Наименование продукции	Поступление ресурсов		Использование ресурсов										Итого использовано ресурсов
	Единица измерения	в том числе:		На производство продукции (по видам) – текущее производственное потребление							На конечное потребление (возмещение выбытия и накопление основных фондов, запасы и резервы на конец периода, личное и общественное потребление, экспорт, потери)		
		Всего	Прочие ресурсы (импорт, запасы и резервы на начало периода)	1	2	...	j	...	n	Итого			
Первый раздел			Второй раздел										
1	R_1	Q_1	S_1	Q_{11}	Q_{12}	...	Q_{1j}	...	Q_{1n}	$\sum_{j=1}^n Q_{1j}$	G_1	R_1	
2	R_2	Q_2	S_2	Q_{21}	Q_{22}	...	Q_{2j}	...	Q_{2n}	$\sum_{j=1}^n Q_{2j}$	G_2	R_2	
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	
i	R_i	Q_i	S_i	Q_{i1}	Q_{i2}	...	Q_{ij}	...	Q_{in}	$\sum_{j=1}^n Q_{ij}$	G_i	R_i	
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	
n	R_n	Q_n	S_n	Q_{n1}	Q_{n2}	...	Q_{nj}	...	Q_{nn}	$\sum_{j=1}^n Q_{nj}$	G_n	R_n	

Второй раздел характеризует направления использования ресурсов на текущее производственное потребление (в разрезе тех же видов продукции, по которым в балансе учитывается формирование ресурсов, что обеспечивает шахматное построение данного раздела баланса) и на конечное потребление:

$$\sum_{j=1}^n Q_{ij} + G_i = R_i, \quad (2)$$

где Q_{ij} – потребление продукции вида i на производство продукции вида j (текущее производственное потребление); G_i – конечное потребление продукции вида i (т.е. возмещение выбытия и накопление основных фондов, запасы и резервы на конец периода, личное и общественное потребление, экспорт, потери).

Межотраслевой баланс в денежном выражении (табл. 1.6) состоит из четырех разделов.

В первом разделе отражаются межотраслевые потоки продукции в процессе текущего производственного потребления. Этот раздел имеет одинаковую классификацию отраслей-производителей и отраслей-потребителей, что обеспечивает его шахматную структуру. Общий итог первого раздела выражает промежуточный продукт.

Второй раздел характеризует материально-вещественную структуру элементов конечного продукта.

В третьем разделе показывается амортизация и вновь созданная стоимость² по отраслям материального производства.

Четвертый раздел отражает элементы частичного перераспределения вновь созданной стоимости.

Строки межотраслевого баланса показывают, что:

$$x_i = \sum_{j=1}^n x_{ij} + y_i, \quad (3)$$

где x_i – валовая продукция отрасли i (т.е. общий стоимостной объем производства продукции отрасли i , $i = 1, 2, \dots, n$); x_{ij} – затраты продукции отрасли i на производство продукции в отрасли j (текущее производственное потребление); y_i – конечный продукт отрасли i (т.е. продукция, идущая на непроизводственное (личное и общественное) потребление, возмещение выбытия основных фондов и возмещение потерь, накопление основных фондов, прирост материальных оборотных фондов, т.е. запасов и резервов на конец периода; сальдо экспорта и импорта).

² Вновь созданная стоимость (или чистая продукция) – это стоимость, вновь созданная трудом людей в процессе производства; она распадается на фонд зарплаты и прибыль. С точки зрения бухучета чистая продукция равна валовой продукции за вычетом материальных затрат (прямых материальных затрат и амортизации).

Таблица 1.6. Межотраслевой баланс в денежном (стоимостном) выражении

Затраты на произ-водство	Текущее производственное потребление в отраслях (промежуточный продукт)						Конечный продукт					Всего – валовая продукция
	1	2	...	j	...	n	Итого	Непроиз-водственное потребление	Фонд нако-пления	Возмещение выбытия основных фондов и возмещение потерь	Сальдо экс-порта (+) и импорта (–)	
Первый раздел												
Текущие матери-альные затраты по видам продукции:	1	X_{11}	X_{12}	...	X_{1j}	...	$\sum_{j=1}^n X_{1j}$	X_{1n}	...	$\sum_{j=1}^n X_{1j}$		Y_1
	2	X_{21}	X_{22}	...	X_{2j}	...	$\sum_{j=1}^n X_{2j}$	X_{2n}	...	$\sum_{j=1}^n X_{2j}$		Y_2
	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...		...
	i	X_{i1}	X_{i2}	...	X_{ij}	...	$\sum_{j=1}^n X_{ij}$	X_{in}	...	$\sum_{j=1}^n X_{ij}$		Y_i
	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...		...
n	X_{n1}	X_{n2}	...	X_{nj}	...	X_{nn}	$\sum_{j=1}^n X_{nj}$	...	...	$\sum_{j=1}^n X_{nj}$		Y_n
Итого	$\sum_{i=1}^n X_{i1}$	$\sum_{i=1}^n X_{i2}$	...	$\sum_{i=1}^n X_{ij}$	...	$\sum_{i=1}^n X_{in}$	$\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n X_{ij}$					$\sum_{i=1}^n Y_i$
Второй раздел												
Четвертый раздел												
Амортизация и чи-стая продукция	Z_1	Z_2	...	Z_j	...	Z_n	$\sum_{j=1}^n Z_j$					
Всего валовая про-дукция	X_1	X_2	...	X_j	...	X_n	$\sum_{j=1}^n X_j$					

Уравнение (3) характеризует распределение продукции отраслей. Оно показывает, что часть валового продукта отрасли i используется в других отраслях (в качестве «прямых материальных затрат»), а остальное (y_i) идет на конечное потребление.

Как видно из столбцов межотраслевого баланса:

$$x_j = \sum_{i=1}^n x_{ij} + z_j, \quad (4)$$

где z_j – амортизация и чистая продукция отрасли j ($j = 1, 2, \dots, n$).

Уравнение (4) характеризует затраты на производство продукции отраслей. Оно показывает, что стоимость продукции отрасли j складывается из стоимости продукции других отраслей, использованных в производстве в данной отрасли в качестве «прямых материальных затрат», а также амортизации, фонда оплаты труда и прибыли данной отрасли.

Шахматное построение межотраслевого баланса обеспечивает соблюдение в нем следующих соотношений:

а) общие итоги одноименных строк и столбцов равны между собой, т.е. при $i = j$ $x_i = x_j$. Следовательно, из уравнений (3) и (4) при $i = j = k$ получаем:

$$x_k = \sum_{j=1}^n x_{kj} + y_k = \sum_{i=1}^n x_{ik} + z_k. \quad (5)$$

б) общий итог второго раздела равен общему итогу третьего раздела:

$$\sum_{i=1}^n y_i = \sum_{j=1}^n z_j. \quad (6)$$

Различие между денежными и натуральными балансами состоит в том, что показатели денежного (стоимостного) баланса можно складывать по столбцам, а натурального – нельзя. Цены, используемые в денежном (стоимостном) МОБ, играют лишь роль весов, поэтому можно использовать любые другие измерители, например трудовые. Если для одного и того же района составить МОБ в денежном и натуральном выражении, то теоретически их показатели должны быть сопоставимы. Но на практике обеспечить такую сопоставимость очень трудно, что объясняется как особенностями статистического учета, так и природой действующих цен. Необходимо отметить, что в мировой практике широко распространены лишь межотраслевые балансы в денежном (стоимостном) выражении.

Экономико-математическая модель *статического* межотраслевого баланса исходит из следующих основных предпосылок:

а) объемы производственного потребления прямо пропорциональны объемам производства продукции потребляющих отраслей; коэффициен-

тами пропорциональности являются коэффициенты прямых затрат, которые для межотраслевого баланса в денежном выражении определяются так: $a_{ij} = x_{ij} / x_j$; следовательно, $x_{ij} = a_{ij} x_j$;

б) каждый продукт производится только одной отраслью.

В математической форме данные межотраслевого баланса представляются по каждой отрасли в виде следующего уравнения:

$$x_i = \sum_{j=1}^n a_{ij} x_j + y_i, \quad (7)$$

где x_i – продукция i -й отрасли ($i = 1, 2, \dots, n$); a_{ij} – коэффициент прямых затрат продукции i -й отрасли на единицу продукции j -й отрасли ($a_{ij} = x_{ij} / x_j$); x_j – продукция j -й отрасли; y_i – конечный продукт i -й отрасли (конечное потребление, валовое накопление, сальдо экспорта-импорта).

Соотношение (7) носит название уравнения распределения продукции в межотраслевом балансе, так как устанавливает зависимость между использованием продукции в различных отраслях и валовой продукцией отраслей.

При рассмотрении МОБ по вертикали получается, что каждая отрасль интерпретируется уравнением:

$$x_j = \sum_{i=1}^n a_{ij} x_j + z_j, \quad (8)$$

где z_j – чистая продукция j -й отрасли ($j = 1, 2, \dots, n$).

Коэффициенты прямых затрат – это отраслевые показатели, выражающие непосредственные затраты продукции одной отрасли на производство продукции другой отрасли (табл. 1.7). Для анализа воспроизводственного процесса они имеют большое значение, т. к. позволяют определить удельные (средние) затраты одних продуктов на производство единицы других продуктов, т.е. характеризуют структуру материальных затрат по отдельным отраслям.

Коэффициенты полных затрат – народнохозяйственные показатели, характеризующие как прямые, так и косвенные затраты одной отрасли на производство продукции другой отрасли, т.е. учитывающие народнохозяйственный оборот сырья и материалов по всей цепочке технологических связей. Величина полных затрат, т.е. индуцированного за счет межотраслевых связей дополнительного выпуска, оказывается тем выше, чем интенсивнее связи в экономике. Например, прямые затраты на производство 1000 руб. черных металлов составляют 671 руб., полные затраты, учитывающие межотраслевые взаимодействия, – 1447 руб.

Таблица 1.7. **Коэффициенты прямых и полных затрат черных металлов при производстве различных продуктов**, руб. на 1000 руб. продукции

Продукты	Прямые	Полные
Черные металлы	269,58	392,74
Торгово-посреднические услуги (включая услуги общественного питания)	119,39	267,92
Услуги транспорта и связи	61,10	142,39
Электро- и теплоэнергия	52,33	119,75
Цветные металлы	44,86	113,13
Продукты нефтегазовой промышленности	27,74	87,03
Машины и оборудование, продукты металлообработки	17,50	73,76
Уголь	24,97	49,98
Продукция строительства	13,14	33,94
Продукты химической и нефтехимической промышленности	5,57	31,81
Услуги финансового посредничества, страхования, управления и общественных объединений	13,83	29,71
Услуги науки и научного обслуживания, геологии и разведки недр, геодезической и гидрометеорологической служб	3,52	15,19
Продукты лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности	2,42	15,03
Продукты прочих видов деятельности	3,66	13,35
Услуги жилищно-коммунального хозяйства и непроизводственных видов бытового обслуживания населения	3,17	12,50
Строительные материалы	1,77	11,25
Продукты пищевой промышленности	0,61	9,68
Прочие промышленные продукты	2,81	9,65
Продукты легкой промышленности	1,85	9,06
Сельхозпродукты, услуги по обслуживанию сельского хозяйства и продукты лесного хозяйства	0,40	7,13
Услуги здравоохранения, физической культуры и социального обеспечения, образования, культуры и искусства	0,55	1,60
Горючие сланцы и торф	0,03	0,12
Суммарные коэффициенты затрат	670,82	1 446,72
Источник: Росстат.		

Эти коэффициенты являются важными экономическими показателями использования материальных ресурсов. Коэффициенты рассчитываются по формуле:

$$C = (E - A)^{-1} - E, \quad (9)$$

где C – матрица коэффициентов полных затрат, E – единичная матрица.

На основе матрицы коэффициентов полных затрат составляется система зависимостей между промежуточной и конечной продукцией отраслей. Кроме того, на базе коэффициентов полных затрат расчи-

тываются коэффициенты полных потребностей (b_{ij}), которые включают полные производственные затраты (a_{ij}) и саму единицу конечной продукции (если $i=j$). В векторно-матричной форме это выглядит так: $B = C + E = (E - A)^{-1}$.

Коэффициенты полных потребностей показывают, какой объём валового продукта должен быть произведён при появлении дополнительной потребности в ней у конечного потребителя. То есть через эти коэффициенты осуществляется взаимосвязь между валовым и конечным продуктом.

Коэффициенты полных потребностей, представляя соотношения валового и конечного продукта, относятся к числу основных пропорций расширенного воспроизводства. Коэффициент, превышающий единицу, означает опережающий рост валового продукта над конечным продуктом, что является крайне неблагоприятной ситуацией с точки зрения эффективности воспроизводственного процесса. Для более глубокого и всестороннего анализа межотраслевых связей необходимо знать не только прямые, полные, но и косвенные зависимости. Косвенные затраты входят в продукт не непосредственно, а через затраты сопряжённых отраслей. На практике различают косвенные затраты первого, второго, третьего и т.д. порядка.

Соотношение коэффициентов полных затрат, учитывающих все прямые и косвенные народнохозяйственные затраты, и коэффициентов прямых затрат, характеризующих связи непосредственно между отраслями, даёт количественное представление о косвенных взаимосвязях отраслей.

В динамическом МОБ рассматривается процесс производства в течение нескольких лет, причем результаты первого года определяют условия производства во втором году и т.д. Особенностью динамических МОБ является то, что в них из состава конечного использования исключаются капиталовложения. Это означает, что капиталовложения в динамическом МОБ являются функцией выпусков отраслей в последующие годы. Динамические МОБ значительно точнее описывают развитие экономики, чем любые другие экономико-математические методы. Динамическая модель межотраслевого баланса – частный случай модели экономической динамики, основанный на принципе межотраслевого баланса. Большое практическое значение этой модели связано с тем, что исходная информация, необходимая для ее построения, специально приспособлена к существующей системе сбора и обработки статистических показателей.

По методологии системы национального счетоводства предусмотрены две *схемы составления МОБ*. В первой схеме анализируются итоги деятельности «хозяйственных» отраслей, под которыми понимаются совокупности однородных заведений, т.е. подразделений предприятий, находящихся в одном месте и занятых производством однородной продукции. Во второй схеме анализируются потоки товаров, сгруппированных по «чистым» отраслям. «Чистые» отрасли содержат товары данного вида независимо от того, в какой «хозяйственной» отрасли они произведены. Например, «чистая» отрасль «сельское хозяйство» включает сельскохозяйственные продукты, произведенные в сельском хозяйстве в качестве основной продукции, а также сельскохозяйственные продукты, произведенные в качестве неотраслевой продукции в других отраслях экономики, например на промышленных предприятиях.

«Хозяйственные» отрасли, где единицей классификации является заведение, помимо основной продукции производят некоторое количество вторичной (непрофильной) продукции. Например, «хозяйственная» отрасль «сельское хозяйство» помимо сельскохозяйственных продуктов может в небольших размерах производить продукцию промышленности.

С теоретической точки зрения разработка МОБ по схеме «чистых» отраслей более предпочтительна, так как в этом случае достигаются большая однородность записей в МОБ и более высокая стабильность коэффициентов прямых затрат. Однако с практической точки зрения составление МОБ по схеме «чистых» отраслей гораздо сложнее, так как необходимы данные о непрофильной продукции и затратах на ее производство.

При разработке МОБ его показатели могут быть оценены в ценах конечного потребления (покупателей), ценах производителей и основных ценах. Наиболее предпочтительным вариантом является оценка в основных ценах, так как в этом случае обеспечивается наибольшая однородность записей в МОБ. Взаимосвязь между этими ценами показана на рисунке 1.3.

$$\begin{array}{l}
 \boxed{\text{Цена конечного потребления (покупателей)}} - \boxed{\text{Торгово-транспортная наценка, НДС, налоги на импорт}} = \\
 = \boxed{\text{Цена производителей}} - \boxed{\text{Налоги на продукты (кроме НДС, акцизов и др.)}} + \boxed{\text{Субсидии на продукты}} = \boxed{\text{Основная цена}}
 \end{array}$$

Рисунок 1.3. Взаимосвязь между ценой конечного потребления, ценой производителей и основной ценой в МОБ

Необходимо также отметить, что на основе данных межотраслевого баланса можно несколькими способами рассчитать ВВП: производственным методом, т.е. как разность между выпуском и промежуточным потреблением; методом суммирования валовой добавленной стоимости по отраслям экономики; методом конечного использования (как сумму конечного потребления, валового накопления и сальдо экспорта-импорта). Использование сбалансированной по отраслям информации существенно повышает качество оценки ВВП.

1.3. Опыт применения межотраслевого баланса в исследовании экономики

Проблемам практического применения МОБ посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых. Среди них можно выделить труды В.В. Леонтьева [44, 59, 165], А.Г. Аганбегяна [1, 2], А.Г. Гранберга [20-24], Э.Б. Ершова [35], В.В. Коссова [55], Н.Н. Михеевой [67, 68], В.С. Немчинова [70], М.Н. Узякова [110], А.А. Широга [136-139], М.Р. Эйдельмана [141], Ю.В. Яременко [144] и др., а также зарубежных экономистов: К. Алмона [3], Р. Стоуна [116], Х. Ченери [135], И. Ямады [143], М. Катанаки [160], Р.Е. Миллера [167], Т. Раа [171-172] и др.

Балансовый подход имеет большую практику использования в исследовании экономики. Большая советская энциклопедия определяет следующие направления применения балансового метода [9]:

1. В анализе хозяйственной деятельности – для выяснения и измерения влияния взаимосвязанных показателей и подсчета резервов повышения эффективности производства.

2. В планировании и прогнозировании – для увязки потребностей и ресурсов в масштабе всего общественного производства, координации в развитии смежных отраслей и производств, обеспечения пропорциональности и взаимоувязки всех элементов народного хозяйства.

3. В статистике – для обработки данных с целью увязки наличия ресурсов с их использованием, изучения пропорций и взаимосвязей в процессе воспроизводства.

Весь спектр направлений применения МОБ в экономических исследованиях можно условно разграничить на 2 блока: аналитические и модельные (вариантные и прогнозные) расчеты (рис. 1.4).

Аналитические расчеты	
1. Анализ абсолютных показателей 2. Анализ межотраслевых связей 3. Структурный анализ 4. Исследование основных пропорций 5. Анализ экономической эффективности	

Модельные расчеты	
1. Вариация структуры личного и общественного потребления 2. Вариация структуры накопления 3. Вариация ввоза и вывоза 4. Вариация валовых выпусков отраслей 5. Другие вариации	1. Динамика коэффициентов прямых и полных затрат 2. Динамика валовых выпусков отраслей 3. Динамика трудовых ресурсов и капитальных вложений 4. Динамика доходов и расходов населения

Рисунок 1.4. Направления применения МОБ

Источники: обобщено на основе [1; 3; 8; 13; 19-22; 30; 36; 40; 42; 44; 55; 59; 64; 68; 70; 76; 77; 82; 84-85; 93; 108; 116; 122; 126; 135; 141; 143; 144; 147; 165; 167; 171-172].

В межотраслевом балансе представлены все основные *макроэкономические показатели* (в том числе по видам экономической деятельности и институциональным секторам):

- валовой выпуск;
- промежуточное потребление;
- валовая добавленная стоимость;
- конечное потребление (домашних хозяйств и государства);
- валовое накопление;
- изменение запасов материальных оборотных средств;
- ввоз и вывоз;
- фонд оплаты труда;
- валовая прибыль и валовой смешанный доход;
- налоги (НДС, акцизы, таможенные пошлины и прочие) и др.

Анализ перечисленных показателей, имеющий большое практическое значение, широко применяется в экономических исследованиях [26, 56, 61, 62, 82, 107, 124, 136, 159, 164, 168, 169, 172]. На их основе проводятся динамические и межрегиональные сравнения, расчеты различных относительных показателей.

МОБ является важным аналитическим инструментом *исследования межотраслевых взаимодействий в экономике*. Он позволяет анализировать обмен продукцией в текущем производственном (промежуточном) потреблении (I квадрант) и продукцией, поступающей в конечное потребление (II квадрант). Анализ проводится на основе коэффициентов прямых

и полных затрат, характеризующих структуру материальных затрат по отдельным отраслям.

Вопросы анализа межотраслевых связей находят отражение в трудах многих исследователей. Например, Й. Рихтер оценивает влияние роста туристических расходов на экономику Австрии [176], Л. Бейритц – зависимость расходов на научные исследования от объемов внешней торговли автомобилями и фармацевтическими товарами с крупнейшими торговыми партнерами – США и Китаем [102].

МОБ также позволяет проводить *структурный анализ* по широкому кругу показателей экономики:

- структура производства в отраслях экономики;
- структура формирования ресурсов товаров и услуг;
- структура цен покупателей по видам товаров и услуг;
- продуктовая структура промежуточного потребления;
- отраслевая структура промежуточного спроса (в том числе с разбивкой на отечественные и импортные товары и услуги);
- структура использования товаров и услуг (в том числе с разбивкой на отечественные и импортные товары и услуги);
- функциональная структура конечного спроса (в том числе с разбивкой на отечественные и импортные товары и услуги);
- продуктовая структура функциональных элементов конечного спроса (в том числе с разбивкой на отечественные и импортные товары и услуги);
- поэлементная структура добавленной стоимости по отраслям экономики;
- отраслевая структура элементов добавленной стоимости;
- продуктовая структура затрат отечественных и импортных товаров и услуг.

Примеры структурного анализа с использованием МОБ можно найти в трудах многих исследователей. Например, работы Р. Паниццы посвящены структурному анализу экономики Италии на региональном уровне [100], Д. Найхуса – анализу структурных изменений в системе воспроизводства, показателей энергоемкости и экологического ущерба для китайской экономики [105], А. Широка – проблемам структурных изменений в народном хозяйстве России [138].

Помимо исследования структуры экономики, межотраслевой баланс дает возможность рассчитывать важные *народнохозяйственные и отраслевые пропорции* (табл. 1.8).

Таблица 1.8. Показатели, характеризующие народнохозяйственные и отраслевые пропорции

№ п/п	Характеристика показателя	Расчетная формула
1.	Соотношение потребляемой и производимой продукции	R/X
2.	Соотношение ресурсов и производства продукции	N/X
3.	Соотношение ресурсов и потребления	R/N
4.	Удельный вес ввоза в совокупном внутреннем потреблении	I/R
5.	Удельный вес местного производства в обеспечении потребления продукции	$(R - I)/R$
6.	Удельный вес вывоза в общем объеме производства	W/X
7.	Удельный вес вывоза в общем объеме ресурсов	W/N
8.	Удельный вес добавленной стоимости в валовом выпуске	M/X
9.	Удельный вес материальных затрат в себестоимости продукции	$C/(C + V + A)$
10.	Удельный вес амортизации в себестоимости продукции	$A/(C + V + A)$
11.	Удельный вес оплаты труда в себестоимости продукции	$V/(C + V + A)$

Условные обозначения: X – валовой выпуск; Y – объем произведенного конечного продукта; W – объем вывоза; I – объем ввоза; R – объем потребления ($R = X - W + I$); N – объем ресурсов ($N = X + I$); C – материальные затраты; A – потребление капитала (амортизация); V – фонд оплаты труда; M – валовая добавленная стоимость; S – фонд накопления.

В качестве примера можно выделить работу Шантонг Ли, содержащую анализ взаимосвязи изменения демографических пропорций и структуры потребления домашних хозяйств и склонности к накоплению в Китае [97]. За последние 30–40 лет в Китае произошли значительные изменения в возрастной структуре населения, вызванные повышением продолжительности жизни, снижением уровня рождаемости и смертности. Каждая возрастная группа имеет отличную структуру потребления: так, расходы на здравоохранение выше у старшего поколения; расходы на образование достигают максимума в семьях, где преобладают родственники среднего возраста. В результате рост «значимости» той или иной возрастной группы меняет структуру потребления домашних хозяйств в целом.

На основе МОБ можно рассчитать также показатели *экономической эффективности* по отдельным отраслям и всему народнохозяйственному комплексу, такие как производительность труда, фондоотдача, рентабельность (табл. 1.9).

Примеры оценки эффективности экономики на основе данных МОБ можно найти в работах Л. Сафиуллиной (оценка конкурентоспособности российских регионов [96]), М. Грассини (оценка эффективности экономики Италии и отдельных ее отраслей [152]). Мы использовали методологию межотраслевого баланса для расчета мультипликатора добавленной стоимости, показателя, характеризующего технологичность экономики и глубину переработки сырьевых ресурсов [61, 62]. Кроме того, эта методо-

логия является основой для проектирования вертикальной интеграции предприятий – ключевого инструмента повышения мультипликатора добавленной стоимости в экономике. Подробнее эти вопросы будут рассмотрены в следующих главах.

Таблица 1.9. Показатели, характеризующие эффективность народнохозяйственного комплекса и отдельных отраслей

№ п/п	Характеристика показателя	Расчетная формула
1.	Материальные затраты на рубль валовой продукции, руб.	C/X
2.	Производительность труда, руб./чел.:	
	– по валовой продукции	X/L
	– по произведённому продукту	$(Y - A)/L$
3.	Фондоотдача, руб./руб.:	
	– по валовой продукции	X/F
	– по произведённому продукту	$(Y - A)/F$
4.	Рентабельность, %:	
	– по себестоимости	$M/(C + V) \cdot 100\%$
	– по среднегодовой стоимости основных производственных фондов	$M/F \cdot 100\%$
	– по сумме стоимостей потреблённого капитала и труда	$M/(A + V) \cdot 100\%$
Условные обозначения: L – количество занятых в отраслях экономики; F – среднегодовая стоимость основных производственных фондов; M – прибыль.		

Аналитические возможности, предоставляемые МОБ, обусловили его активное применение в практике экономического анализа. В фундаментальной монографии по межотраслевому балансу Р.Е. Миллера и П.Д. Блэйра [167] отмечается, что в настоящее время межотраслевой анализ служит одним из наиболее широко применяемых в экономике методов. Его использование позволяет производить анализ абсолютных показателей, межотраслевых связей, структуры и основных пропорций экономики, ее экономической эффективности.

Таблицы «затраты – выпуск» довольно легко «превращаются» в *экономико-математическую модель*. Модель опирается на основное уравнение межотраслевого баланса:

$$x = Ax + y, \quad (10)$$

где x – вектор валового выпуска продукции; A – матрица коэффициентов прямых затрат; y – вектор конечного продукта.

В моделировании используется уравнение:

$$(E - A)^{-1} \cdot y = x, \quad (11)$$

где E – единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

Использование межотраслевой модели даже в простейшей ее форме позволяет выполнять вариантные расчеты состояния экономики с учетом изменений как со стороны личных и общественных потребностей, так и со стороны производственных возможностей. То есть с помощью этой модели можно использовать две гипотезы вариантов развития экономики. Первая заключается в том, что конечный продукт (конечный спрос) является фактором развития отраслей экономики (что будет с экономикой, если изменить конечный спрос). Вторая (обратная) гипотеза предполагает, что динамика отраслевого производства определяет рост конечного продукта (что будет с экономикой, если изменить объемы производства товаров и услуг). Модельные расчеты ориентированы на достижение определенных конечных результатов в производственной (увеличение или сокращение объемов производства) и в социальной (повышение уровня жизни) сферах. Конечно, на практике используются более сложные модели, но общий их смысл при этом остается прежним – они позволяют связывать множество разнообразных экономических показателей.

При наличии в таблицах дополнительной строки, характеризующей затраты труда на единицу выпуска по отдельным продуктам, появляется возможность рассчитать полную потребность в трудовых ресурсах, которая возникает при увеличении конечного спроса на отдельные виды продуктов, учитывая не только прямые затраты, но и косвенные, индуцированные в смежных отраслях [68]. Не менее актуальна и противоположная по содержанию задача: определить, насколько сократится совокупная потребность в рабочей силе при сокращении спроса на тот или иной вид продукции с учетом снижения спроса на продукцию смежных отраслей и, соответственно, снижения потребности в рабочей силе. Анализ такого рода востребован при оценке масштабов безработицы, которая может возникнуть, например, в условиях кризиса или при масштабных изменениях структуры производства, требующей перераспределения трудовых ресурсов из одних отраслей в другие [68].

Работы по развитию методологии и практическому применению межотраслевого моделирования имеют давнюю историю. Принципы межотраслевого баланса, как уже отмечалось, были разработаны в первой половине XX века В.В. Леонтьевым, однако практическое использование межотраслевых моделей началось позже. Во многом это связано с большим объемом расчетов, которые требуется осуществить для построения прогноза, и высокими требованиями к полноте и качеству используемых статистических данных.

Большой вклад в развитие межотраслевых моделей внесли советские ученые. В 1960–1980 гг. в СССР наблюдался бум разработок межотраслевых моделей. Множество работ по проблеме статического и динамического межотраслевого баланса опубликовано А.Г. Гранбергом [20, 21], Э.Б. Ершовым [35]. В этот период были созданы модели Ф.Н. Клоцвога, Н.Ф. Шатилова, В.В. Коссова, Я.М. Уринсона, Э.Ф. Баранова, Ю.В. Яременко и др. В настоящее время разработки межотраслевых моделей ведутся в Институте макроэкономических исследований (Л.А. Стрижкова), Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН (М.Н. Узяков, Н.В. Суворов, А.Р. Белоусов и др.), Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН (В.И. Суслов, Б.В. Мелентьев, Ю.С. Ершов и др.), Совете по организации производительных сил, Институте системных исследований РАН, Институте энергетических исследований РАН (Д.В. Шапот), ряде региональных институтов (табл. 1.10).

Таблица 1.10. Межотраслевые модели российской экономики

№ п/п	Разработчик	Наименование модели	Сущность
1.	ЦМАКП	Модель долгосрочного развития экономики России	Кратко-, средне- и долгосрочный анализ экономической ситуации и сценарное прогнозирование экономической динамики России
2.	Э.Б. Ершов и Ю.В. Яременко	Модель межотраслевых взаимодействий [144]	Прогнозирование структуры производства – материально-вещественных межотраслевых пропорций
3.	ГУ ИМЭИ	Модельные инструменты МОБ [118]	Ядро инструментария, применяемого при проведении сценарно-прогнозных расчетов, составляют система межотраслевых моделей (статическая и динамическая модели стоимостного МОБ; модель цен на основе МОБ; модель натурально-стоимостного МОБ) и межсекторальная модель финансовых потоков, позволяющая более полно учитывать открытость рыночной экономики и прогнозировать оценки ВРД
4.	ИНП РАН	Макроэкономическая межотраслевая модель российской экономики RIM [111]	Анализ и прогнозирование развития российской экономики с точки зрения ее структуры. Модель состоит из трех блоков: блока производства и распределения продукции, блока цен и доходов и блока расчетных показателей. Производство моделируется для 25 отраслей народного хозяйства (в том числе 15 отраслей промышленности). В составе ресурсов выделен также импорт. В качестве компонентов конечного использования выступают: потребление домашних хозяйств, государственных учреждений и некоммерческих организаций, валовые инвестиции в основной капитал, изменение запасов материальных оборотных средств и экспорт
5.	ИЗОПП СО РАН	Оптимизационные межрегиональные межотраслевые модели СИРЕНА и СИРЕНА-2 [123-126]	Исследование влияния территориальных факторов на тенденцию развития национальной экономики, обоснование концепции развития и размещения производственных сил, оценка возможностей и последствий сближения региональных уровней экономического развития и благосостояния

В использовании межотраслевых моделей весомую долю занимают вариантные расчеты. Исследователи рассматривают всевозможные варианты развития экономики при реализации тех или иных сценариев – от оценки последствий изменения ставок социальных взносов до выхода страны из Еврозоны (табл. 1.11).

Таблица 1.11. **Примеры вариантных расчетов развития экономики с использованием МОБ**

№ п/п	Автор	Направление вариантных расчетов
1.	В. Потапенко	Исследование вариантов развития пенсионной системы России [139]. Оценка последствий изменения ставок социальных взносов [87]
2.	А. Янтовский	Исследование экономических эффектов для России, Беларуси, Казахстана и Украины при создании Единого экономического пространства [53]
3.	Н. Суслов	Оценка макроэкономических эффектов реализации крупных инвестиционных проектов в сфере энергетики, а также последствия изменения применяемых технологий энергопотребления или изменения внешнеэкономических условий на энергетических рынках с помощью использования межрегиональной межотраслевой модели российской экономики [124]
4.	В. Гильмулдинов	Оценка последствий инфляционного таргетирования в современных российских условиях [16, 17, 146]
5.	К. Вейб	Моделирование технологических изменений в секторе производства возобновляемой энергии (энергия Солнца, ветра, энергия, получаемая при сжигании биомассы, гидро- и геотермальная энергии) [102]
6.	Д. Мюллинс	Анализ функционирования сектора производства бензина в ЮАР и определение оптимального уровня потребления бензина для устойчивого экономического роста в условиях отсутствия собственных энергоресурсов и сильной зависимости внутренних цен от мировой конъюнктуры [96]
7.	М. Плих	Моделирование экономической динамики при реализации проекта по добыче сланцевого газа в Польше [104]
8.	Д. Мид	Исследование макроэкономических последствий расширения добычи газа в США [105]
9.	Р. Хорст	Исследование динамики экономической активности и занятости как в целом по экономике, так и для отдельных штатов в условиях сокращения военных расходов бюджета США [105]
10.	Р. Бардацци	Оценка последствий выхода экономики Италии из зоны евро [103]
11.	У. Лехр	Измерение и моделирование энергоэффективности экономики и оценки влияния ее снижения на экономическую динамику [102]
12.	А. Озина-Емси́на и В. Озолин	Оценка изменений в структуре внешней торговли и соответствующие отраслевые сдвиги в Латвии и других странах Балтии в период экономического роста 2004–2007 гг., связанного со вступлением в Евросоюз, и в период рецессии (2008–2010 гг.) [96]

Основное отличие прогнозных расчетов от вариантных заключается в использовании динамических матриц коэффициентов прямых затрат. Проблема их анализа и прогнозирования в настоящее время успешно решается достаточно большим количеством методов [2, 59, 116, 121, 143, 149, 171]:

- простые и слабо формализованные методы (экстраполяция, экспертные оценки, метод наложения матриц, дисперсионный анализ и др.);
- технико-экономические методы (методы технологических и ассортиментных сдвигов, нормативный метод, корреляционно-регрессионный и факторный анализ);
- формализованные экономико-математические методы: анализ временных рядов (методы сглаживания, авторегрессии, конечно-разностных уравнений), методы исследования зависимостей, метод линейного программирования, метод RAS и др.

Система межотраслевых социально-экономических прогнозов включает демографические, социальные и экологические прогнозы, прогнозы динамики и структуры производства, развития отдельных отраслей, освоения природных ресурсов и др. (табл. 1.12).

Перспективным направлением использования МОБ выступает анализ последствий принимаемых в экономике решений: оценка инвестиционных проектов с учетом государственной поддержки, эффективности федеральных целевых программ, обоснование создания особых экономических зон.

Таблица 1.12. **Примеры прогнозных расчетов развития экономики с использованием МОБ**

№ п/п	Автор	Направление прогнозных расчетов
1.	Коллектив ИНП РАН	Долгосрочный прогноз развития экономики России на 2007–2030 гг. по двум вариантам [33]. Прогноз социально-экономического развития Вологодской области до 2020 г. [34]. Прогноз социально-экономического развития Ивановской области [110]
2.	К. Савчишина	Долгосрочный прогноз показателей бюджетной сферы и влияния бюджетных показателей на макроэкономическую динамику РФ [95]. Анализ и расчет экономической динамики Республики Беларусь в среднесрочной перспективе (2012–2016 гг.) [96]
3.	А. Баранов	Прогноз развития экономики РФ в 2012–2015 гг. для умеренно-оптимистического (инерционного) и пессимистического сценариев развития мировой экономики [146]
4.	В. Гильмулдинов	Анализ и долгосрочный прогноз влияния финансовых и внешнеторговых шоков на развития экономики РФ [17]
5.	Н. Багаутдинова	Прогноз развития региональной экономики, основанный на реализации потенциала промышленных предприятий [106]
6.	Д. Мид	Прогноз многофакторной производительности в рамках межотраслевого моделирования экономики США [105]
7.	Г.Ф. Вердуско	Анализ и долгосрочный прогноз развития экономики Мексики [105]
8.	Л. Цецци	Оценка и прогноз макроэкономических последствий реализации Европейского соглашения о бюджетной сбалансированности [100]

Таким образом, межотраслевой баланс выступает важным инструментом анализа и разработки научно обоснованных сценарных вариантов развития экономики и моделирования последствий их реализации для социально-экономической системы. В качестве управляющих переменных могут выступать валовой выпуск, производительность труда, промежуточное потребление, норма накопления основного капитала, оплата труда, объемы внешней и межрегиональной торговли, численность занятых, уровень безработицы и т.д. Использование его аналитических и прогностических возможностей дает прочную основу государственному регулированию экономики. Его применение позволяет проводить углубленный анализ основных межотраслевых связей, структурных сдвигов и пропорций, увязать потребности и ресурсы в масштабе всего общественного производства, скоординировать развитие смежных отраслей и производств, обеспечить пропорциональность и взаимоувязку всех элементов народного хозяйства, рассчитывать различные варианты развития ситуации.

ГЛАВА 2

АНАЛИЗ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА

2.1. Оценка тенденций экономического развития

Переход России к рыночным отношениям сопровождался кризисными явлениями в экономике и непрерывным спадом производства. Лишь с начала 2000-х годов наметилась, а затем стала устойчивой позитивная тенденция в развитии российской экономики. По данным Федеральной службы государственной статистики, за 2000–2007 гг. произошел рост валового внутреннего продукта (ВВП) Российской Федерации на 63%. Положительные тенденции были характерны и для её субъектов. Однако мировой финансово-экономический кризис, захвативший во втором полугодии 2008 г. и российскую экономику, стал причиной смены ее роста резким падением, обострения социальных проблем и неопределенности перспектив. К началу 2009 г. началась рецессия, сопровождавшаяся обесценением рубля, ростом безработицы, приостановкой реализации инвестиционных программ. Негативная динамика промышленного производства отмечалась почти во всех регионах. В середине 2009 г. удалось преодолеть спад экономической активности и в первом квартале 2010 г. возобновить рост.

Однако уже в период 2009–2014 гг. среднегодовые тренды указывали на резкое замедление темпов роста экономики. Если в 2004–2008 гг. ежегодный прирост ВВП составлял более 7%, то в 2009–2014 гг. – 1,1%. По итогам 2015 года валовой внутренний продукт снизился на 2,8% к предыдущему году, по итогам 2016 – на 0,2%. Отрицательный тренд ВВП, отсутствие очевидных успехов, прорывных действий, которые бы вели страну к экономическому росту, позволяют говорить о новой волне экономического кризиса, вызванного внутренними факторами.

Затухание экономической динамики российской экономики и неспособность выйти на докризисные (2000–2008 гг.) темпы экономического роста свидетельствуют об исчерпании потенциала сложившейся модели «сырьевого роста», которая преимущественно зависит от конъюнктуры мировых цен на энергоносители и постоянно усиливает угрозу закрепления за Россией роли сырьевого придатка развитого мира (рис. 2.1, 2.2).

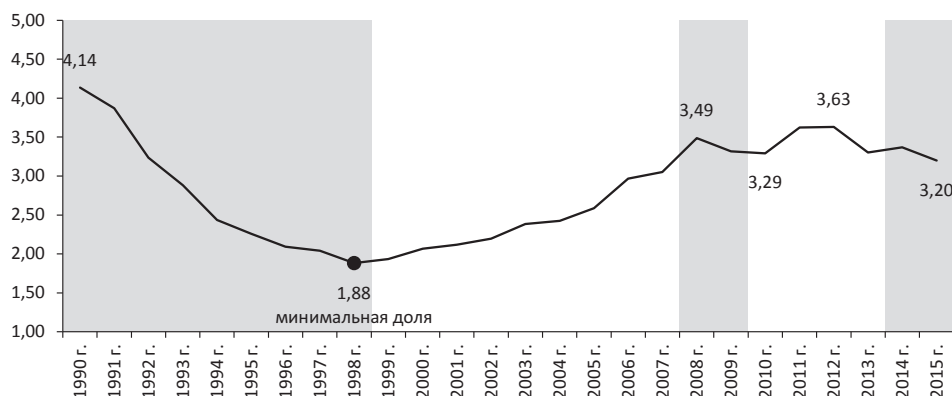

Рисунок 2.1. Доля России в мировом ВВП, % к итогу (по ППС)

Источник: рассчитано на основе данных WorldBank.

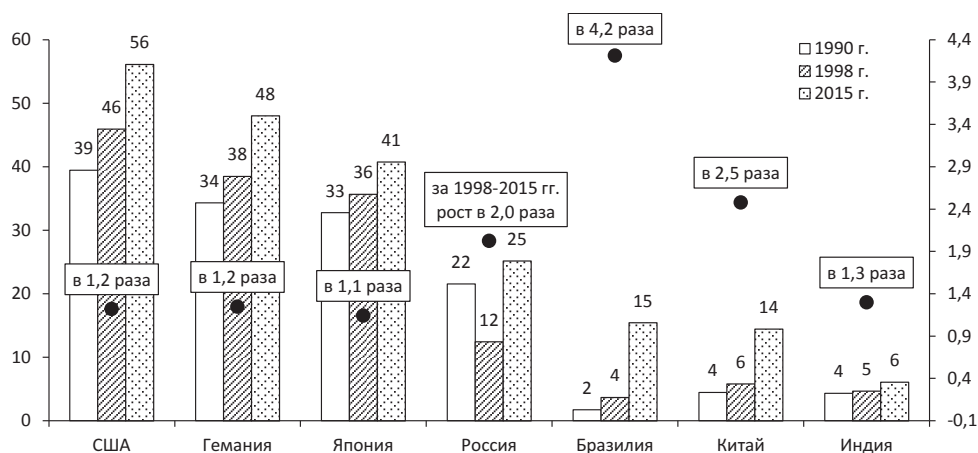

Рисунок 2.2. ВВП на душу населения, тыс. долл. США (по ППС) в ценах 2015 г.

Источник: рассчитано на основе данных WorldBank.

Негативные процессы, происходящие в стране, отражаются и на положении регионов. Темпы роста их ВРП в последние годы существенно замедлились (табл. 2.1). Наименьшие темпы прироста ВРП в 2012–2015 гг. показали Северо-Кавказский (+11,8%), Южный (+9,6%) и Приволжский (+7,3%) федеральные округа. Значения темпов роста Северо-Западного федерального округа оказалось чуть выше среднероссийских (106,6 против 105,7%). Самая сложная ситуация в экономике среди регионов округа наблюдалась в Республике Коми (спад на 7,4%) и Псковской области (спад на 1,9%).

Таблица 2.1. **Динамика ВРП, % к предыдущему году**

Территория	2000– 2007 гг.	2008– 2009 гг.	2010– 2011 гг.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2012– 2015 гг.
Российская Федерация	163,1	97,7	110,2	103,1	101,8	101,3	99,4	105,7
Северо-Кавказский ФО	191,3	109,7	110,2	103,4	103,6	104,6	99,8	111,8
Южный ФО	162,8	100,7	112,3	103,7	104,0	102,1	99,5	109,6
Приволжский ФО	152,6	97,3	112,7	104,1	102,4	102,0	98,7	107,3
Северо-Западный ФО	165,5	99,4	110,8	103,8	100,3	100,9	101,5	106,6
Новгородская область	138,3	107,0	106,1	108,4	101,9	105,2	102,2	118,8
Ленинградская область	202,7	104,9	112,3	106,2	98,6	100,2	104,6	109,7
Калининградская обл.	199,2	95,8	112,5	104,7	101,0	104,6	98,5	109,0
г. Санкт-Петербург	189,5	103,1	114,3	104,3	101,8	101,0	101,4	108,7
Архангельская область	185,1	102,2	102,5	100,6	101,1	102,0	103,3	107,2
Вологодская область	137,8	84,2	113,0	104,8	95,7	103,0	101,3	104,6
Мурманская область	112,3	91,0	99,2	100,5	100,8	101,3	101,2	103,9
Республика Карелия	141,0	83,6	106,7	101,5	100,7	100,1	100,4	102,7
Псковская область	127,9	96,7	112,5	100,1	100,5	99,5	98,0	98,1
Республика Коми	128,0	101,8	108,4	101,8	96,7	95,7	98,3	92,6
Сибирский ФО	155,0	99,8	109,6	103,0	102,1	101,6	98,8	105,6
Центральный ФО	171,0	95,9	107,9	103,7	101,6	100,8	99,3	105,5
Уральский ФО	164,0	95,1	111,7	101,5	102,2	99,0	98,8	101,5
Дальневосточный ФО	149,4	105,0	112,5	98,6	99,1	101,9	100,7	100,3

Источник: рассчитано на основе Росстата.

Регионы по величине душевого ВРП крайне неоднородно распределены по территории страны (табл. 2.2). ВРП Уральского федерального округа почти в 4,2 раза выше ВРП Северо-Кавказского федерального округа.

Наибольшими значениями ВРП обладают регионы с развитой промышленной базой. Промышленное производство обеспечивает почти 52%

валовой добавленной стоимости в экономике Уральского федерального округа, 38% – Дальневосточного. В среднем по стране доля промышленности в структуре ВВП составляет 24%. В отраслевой структуре промышленного комплекса РФ доминируют обрабатывающие производства – их доля 66%.

Таблица 2.2. **ВРП на душу населения**, тыс. руб. (в ценах 2015 г.)

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	239	255	408	430	442	449	447	444	185,3
Уральский ФО	407	445	700	729	736	750	740	730	179,2
Центральный ФО	319	331	535	559	577	585	587	581	182,2
Дальневосточный ФО	294	315	535	565	558	556	568	573	195,0
Северо-Западный ФО	246	260	440	466	482	480	483	490	199,1
<i>Республика Коми</i>	<i>383</i>	<i>419</i>	<i>595</i>	<i>635</i>	<i>654</i>	<i>638</i>	<i>616</i>	<i>611</i>	<i>159,3</i>
<i>г. Санкт-Петербург</i>	<i>264</i>	<i>278</i>	<i>524</i>	<i>561</i>	<i>577</i>	<i>575</i>	<i>574</i>	<i>579</i>	<i>218,9</i>
<i>Архангельская область</i>	<i>217</i>	<i>233</i>	<i>462</i>	<i>475</i>	<i>482</i>	<i>491</i>	<i>505</i>	<i>526</i>	<i>242,3</i>
<i>Мурманская область</i>	<i>402</i>	<i>416</i>	<i>474</i>	<i>477</i>	<i>484</i>	<i>494</i>	<i>504</i>	<i>512</i>	<i>127,5</i>
<i>Ленинградская область</i>	<i>194</i>	<i>211</i>	<i>425</i>	<i>449</i>	<i>472</i>	<i>462</i>	<i>459</i>	<i>480</i>	<i>247,4</i>
<i>Вологодская область</i>	<i>265</i>	<i>272</i>	<i>349</i>	<i>374</i>	<i>393</i>	<i>377</i>	<i>389</i>	<i>395</i>	<i>149,1</i>
<i>Новгородская область</i>	<i>182</i>	<i>206</i>	<i>308</i>	<i>321</i>	<i>350</i>	<i>359</i>	<i>380</i>	<i>390</i>	<i>215,0</i>
<i>Калининградская обл.</i>	<i>147</i>	<i>152</i>	<i>306</i>	<i>319</i>	<i>331</i>	<i>331</i>	<i>344</i>	<i>337</i>	<i>229,6</i>
<i>Республика Карелия</i>	<i>224</i>	<i>233</i>	<i>313</i>	<i>321</i>	<i>328</i>	<i>331</i>	<i>332</i>	<i>335</i>	<i>149,4</i>
<i>Псковская область</i>	<i>125</i>	<i>127</i>	<i>190</i>	<i>203</i>	<i>205</i>	<i>207</i>	<i>208</i>	<i>206</i>	<i>165,0</i>
Сибирский ФО	185	200	316	332	342	349	354	349	188,4
Приволжский ФО	175	189	290	310	323	331	338	334	190,8
Южный ФО	162	173	284	302	312	324	329	327	201,8
Северо-Кавказский ФО	76	84	152	161	165	170	177	175	231,6
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

В то же время именно на промышленно развитых регионах в наибольшей степени сказались кризисные явления. Если в период с 2000 по 2007 г. промышленное производство в целом по стране развивалось достаточно устойчиво, то уже с 2008 г. в нем отчетливо проявились негативные последствия кризиса. Замедление роста промышленного производства по сравнению с 2007 г. отмечалось по всем видам экономической деятельности и было характерно практически для всех регионов. В период с осени 2008 и до середины 2009 г. регионы страны испытали сильный спад в ряде ключевых отраслей промышленности, и прежде

всего в металлургии, машиностроении и деревопереработке. Вследствие этого по итогам 2008 г. производство выросло всего на 0,6%, а по итогам 2009 г. упало на 10,7% (табл. 2.3). 2010–2011 годы стали временем восстановительного роста промышленности. Докризисного уровня производства удалось достичь практически всем регионам. Однако с 2012 по 2016 г. темпы роста промышленного производства начали замедляться, в 2015 г. став в целом по стране отрицательными.

Таблица 2.3. Динамика промышленного производства, % к предыдущему году

Территория	2000– 2007 гг.	2008– 2009 гг.	2010– 2011 гг.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2012– 2016 гг.
Российская Федерация	148,9	89,8	112,7	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1	103,1
Южный ФО	169,7	90,5	118,9	107,8	104,4	105,2	102,8	106,4	129,5
Северо-Кавказский ФО	167,0	103,9	113,5	106,3	106,2	100,4	102,3	106,8	123,8
Сибирский ФО	141,0	96,4	125,8	107,2	104,7	102,7	100,2	100,6	116,2
Дальневосточный ФО	170,1	107,4	116,6	103,0	103,3	106,7	101,0	100,8	115,6
Центральный ФО	184,0	89,5	112,8	105,7	101,4	101,4	97,2	104,0	109,9
Приволжский ФО	137,4	95,3	119,9	104,5	101,8	102,5	96,5	101,0	106,3
Уральский ФО	151,0	89,1	106,3	101,6	101,1	100,7	98,1	101,8	103,3
Северо-Западный ФО	180,6	93,2	116,2	102,6	99,8	97,9	96,0	102,0	98,2
Новгородская область	151,5	89,7	128,8	104,4	105,4	112,9	102,7	103,8	132,4
Мурманская область	106,1	91,3	102,7	102,7	99,8	99,8	106,8	106,6	116,5
Вологодская область	135,3	86,2	118,1	101,3	102,5	103,7	102,6	99,8	110,3
Ленинградская обл.	246,2	97,9	126,4	105,7	95,6	100,2	99,6	103,7	104,6
Калининградская обл.	357,3	97,0	174,1	101,9	99,1	109,9	92,2	100,9	103,2
Республика Коми	132,3	101,2	105,2	102,1	102,4	100,5	101,6	96,0	102,5
Псковская область	137,6	94,2	136,5	99,6	100,6	94,4	102,8	104,5	101,6
Республика Карелия	148,8	76,1	110,6	102,0	94,5	101,7	99,7	103,7	101,4
г. Санкт-Петербург	200,3	86,4	123,5	104,7	99,6	93,6	93,0	103,9	94,3
Архангельская область	233,1	121,7	93,2	95,1	102,4	89,6	103,8	103,8	94,0
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

Еще не восстановлен уровень промышленного производства 1991 г. (рис. 2.3). По-разному развиваются сектора промышленности. Относительно неплохо себя чувствует сектор промежуточного спроса (101,8% от 1991 г.), хуже дела обстоят в секторе конечного потребления (87,7%). Но наибольшие трудности испытывают отрасли инвестиционного спроса – объемы их производства в 2016 г. составили лишь 64,7% от 1991 г.

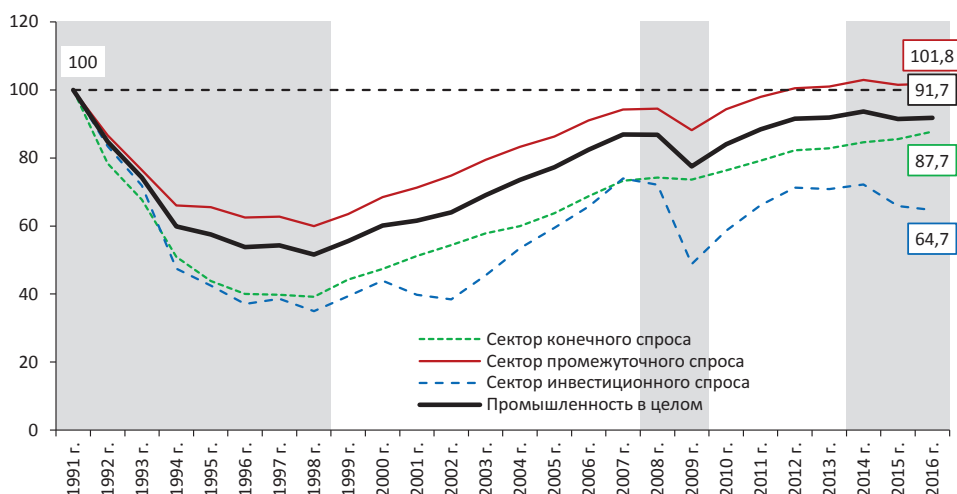

Рисунок 2.3. Динамика промышленного производства РФ, % к 1991 г.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Примечание: **сектор конечного спроса** – производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; текстильное и швейное производство; производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; **сектор промежуточного спроса** – добыча полезных ископаемых; обработка древесины и производство изделий из дерева; целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность; производство кокса и нефтепродуктов; химическое производство; производство резиновых и пластмассовых изделий; металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; **сектор инвестиционного спроса** – производство прочих неметаллических минеральных продуктов; производство машин и оборудования; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; производство транспортных средств и оборудования.

В региональном разрезе лидерами по промышленному производству в расчете на душу населения являются Уральский, Северо-Западный и Дальневосточный федеральные округа (табл. 2.4). По этому показателю дифференциация достигает почти 14 раз.

Большое значение для экономики страны имеет экспорт товаров и услуг. Он является источником валютных поступлений и формирует значительную долю доходов экономики. Объемы экспорта РФ в последние годы стабильно растут (рис. 2.4, 2.5).

Таблица 2.4. Промышленное производство на душу населения, тыс. руб. (в ценах 2016 г.)

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	232	311	340	368	369	369	355	359	155,0
Уральский ФО	513	729	743	762	768	771	754	766	149,4
Северо-Западный ФО	225	372	425	466	463	452	433	441	196,3
Республика Коми	336	421	525	572	591	599	614	592	176,3
Ленинградская область	191	369	513	589	559	556	553	571	299,7
Калининградская обл.	78	149	319	481	473	516	472	474	608,3
Вологодская область	285	359	400	429	441	458	471	471	165,3
г. Санкт-Петербург	247	472	444	519	506	468	433	447	181,0
Мурманская область	305	347	355	369	372	374	401	429	140,7
Архангельская область	124	288	412	354	366	330	346	360	290,9
Новгородская область	128	191	226	265	281	319	329	343	267,9
Республика Карелия	180	237	252	264	251	255	256	266	147,4
Псковская область	70	89	124	145	147	140	145	152	218,2
Дальневосточный ФО	149	188	317	358	372	397	402	406	271,9
Центральный ФО	192	316	331	372	376	380	368	382	198,9
Приволжский ФО	189	242	287	329	335	344	332	336	177,4
Сибирский ФО	150	199	255	290	304	312	312	314	209,0
Южный ФО	91	126	154	181	188	198	203	185	202,8
Северо-Кавказский ФО	26	34	43	50	53	52	53	57	217,9

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

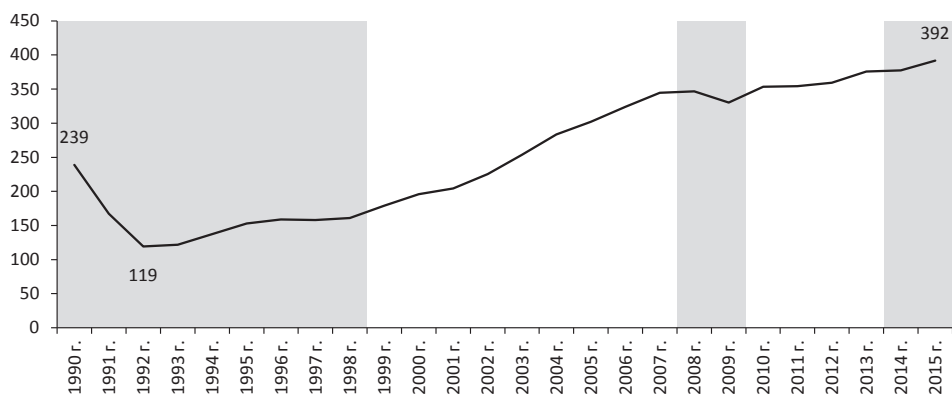

Рисунок 2.4. Объем экспорта товаров и услуг РФ, млрд. долл. США (в ценах 2015 г.)

Источник: WorldBank.

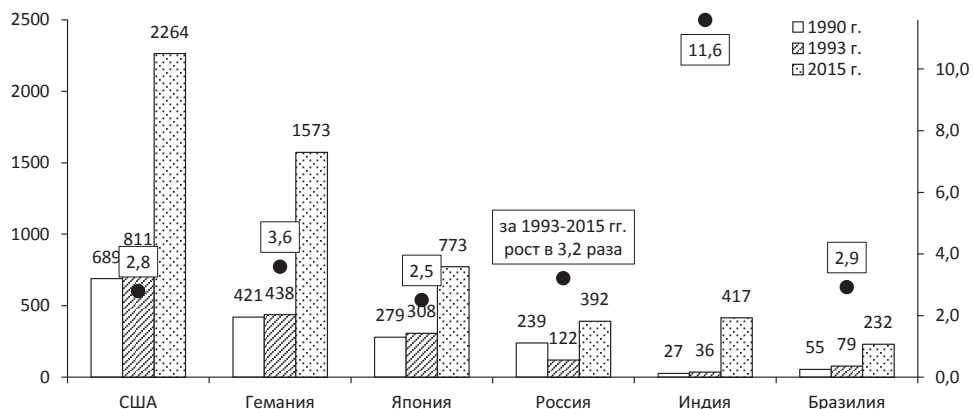

Рисунок 2.5. Объем экспорта товаров и услуг, млрд. долл. США (в ценах 2015 г.)

Источник: WorldBank.

В период с 2000 по 2016 г. экспорт товаров и услуг в целом по стране увеличился в 2,8 раза. Наибольшие темпы роста были характерны для Дальневосточного, Центрального и Южного федеральных округов (табл. 2.5).

Таблица 2.5. Экспорт на душу населения, долл. США

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	704	1692	2779	3661	3661	3404	2344	1948	276,5
Центральный ФО	845	2582	4209	6144	6598	6556	4358	3499	414,0
Дальневосточный ФО	532	1365	2960	4152	4527	4618	3328	3008	565,8
Северо-Западный ФО	705	1462	2707	4051	3789	4027	2819	2293	325,4
Мурманская область	642	1378	2246	2309	3043	2978	2894	3240	504,6
г. Санкт-Петербург	540	1073	2414	4651	4324	4300	2915	3002	556,2
Ленинградская область	1249	3679	5786	9232	7737	8878	5624	2691	215,5
Вологодская область	1177	2442	3030	3707	3442	2971	2702	2430	206,5
Архангельская область	562	803	4498	2316	1916	1946	1745	1785	317,5
Новгородская область	383	1148	1621	2198	2045	2091	1689	1527	399,2
Калининградская обл.	461	914	668	1931	1592	3815	2804	1262	273,7
Республика Карелия	739	1431	2218	1929	1689	1579	1096	1066	144,2
Республика Коми	1075	707	1157	2755	4099	3760	1954	983	91,4
Псковская область	138	555	96	194	409	454	319	191	137,9
Уральский ФО	1656	3416	4936	6465	5228	3074	2191	2182	131,8
Сибирский ФО	562	1303	1958	1842	1869	1811	1563	1344	239,3
Приволжский ФО	505	1031	1560	2325	2315	2145	1399	1057	209,6
Южный ФО	215	413	762	1486	1376	1444	959	783	364,4
Северо-Кавказский ФО	64	154	105	136	133	133	114	101	156,9

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Импорт товаров и услуг в Россию до недавнего времени также активно рос (рис. 2.6, 2.7). Но финансовый кризис 2008–2009 гг. и обострение внешнеэкономической обстановки в 2014 г. вызвали его понижающую динамику.

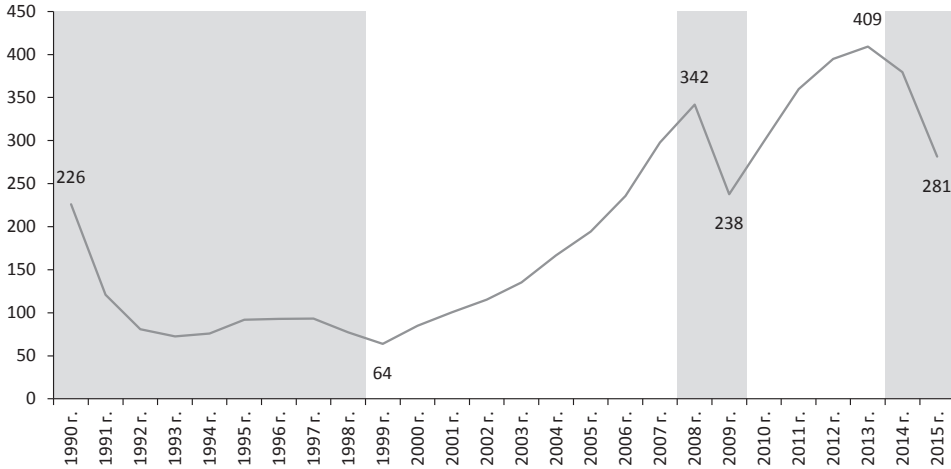

Рисунок 2.6. **Объем импорта товаров и услуг РФ**, млрд. долл. США (в ценах 2015 г.)

Источник: WorldBank.

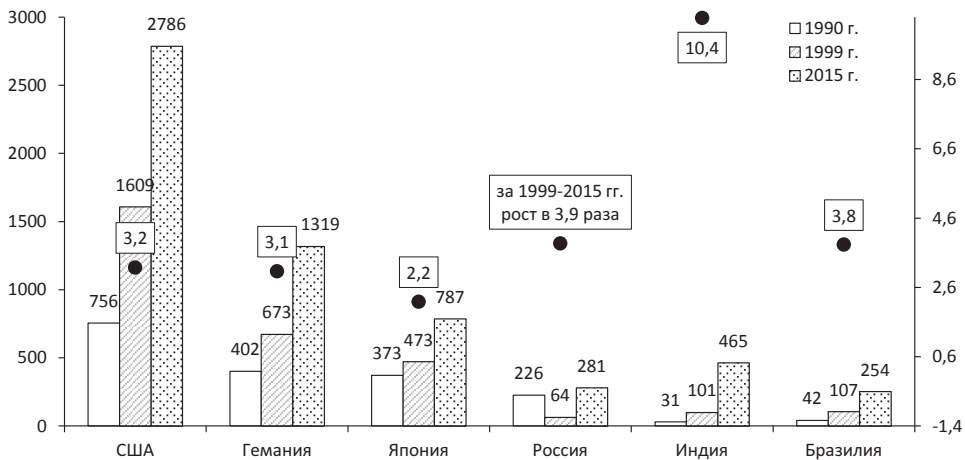

Рисунок 2.7. **Объем импорта товаров и услуг**, млрд. долл. США (в ценах 2015 г.)

Источник: WorldBank.

С 2000 по 2016 г. импорт в целом по стране увеличился в 5,4 раза (табл. 2.6). Наибольший его рост был характерен для Дальневосточного (в 9,5 раза), Центрального (в 6,8 раза) и Северо-Западного (в 7 раз) федеральных округов.

Таблица 2.6. **Импорт на душу населения, долл. США**

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	232	691	1602	2213	2195	1960	1247	1243	536,5
Центральный ФО	407	1343	3432	4992	4971	4462	2814	2789	684,9
Северо-Западный ФО	329	1380	2925	4211	4139	3939	2434	2316	704,8
<i>Калининградская обл.</i>	<i>8025</i>	<i>4039</i>	<i>8457</i>	<i>12729</i>	<i>12704</i>	<i>16404</i>	<i>8153</i>	<i>5917</i>	<i>73,7</i>
<i>г. Санкт-Петербург</i>	<i>551</i>	<i>2208</i>	<i>5006</i>	<i>7230</i>	<i>6985</i>	<i>5946</i>	<i>3824</i>	<i>4059</i>	<i>736,4</i>
<i>Ленинградская область</i>	<i>274</i>	<i>1950</i>	<i>2664</i>	<i>2985</i>	<i>2872</i>	<i>2458</i>	<i>1768</i>	<i>1502</i>	<i>548,6</i>
<i>Новгородская область</i>	<i>91</i>	<i>450</i>	<i>703</i>	<i>990</i>	<i>1140</i>	<i>1242</i>	<i>1012</i>	<i>712</i>	<i>784,9</i>
<i>Псковская область</i>	<i>99</i>	<i>452</i>	<i>1601</i>	<i>1984</i>	<i>1612</i>	<i>1330</i>	<i>820</i>	<i>578</i>	<i>582,8</i>
<i>Мурманская область</i>	<i>141</i>	<i>244</i>	<i>260</i>	<i>830</i>	<i>1013</i>	<i>587</i>	<i>477</i>	<i>520</i>	<i>368,6</i>
<i>Вологодская область</i>	<i>98</i>	<i>256</i>	<i>319</i>	<i>518</i>	<i>520</i>	<i>539</i>	<i>562</i>	<i>509</i>	<i>518,0</i>
<i>Республика Карелия</i>	<i>2010</i>	<i>263</i>	<i>371</i>	<i>468</i>	<i>379</i>	<i>347</i>	<i>232</i>	<i>286</i>	<i>14,2</i>
<i>Архангельская область</i>	<i>76</i>	<i>102</i>	<i>163</i>	<i>221</i>	<i>221</i>	<i>171</i>	<i>107</i>	<i>186</i>	<i>245,0</i>
<i>Республика Коми</i>	<i>132</i>	<i>228</i>	<i>267</i>	<i>301</i>	<i>342</i>	<i>291</i>	<i>203</i>	<i>148</i>	<i>111,7</i>
Дальневосточный ФО	98	862	1224	1687	1944	1715	949	936	954,1
Уральский ФО	164	327	716	856	852	707	525	878	536,8
Южный ФО	103	306	714	851	879	789	530	432	417,8
Приволжский ФО	91	173	356	550	637	594	376	348	383,6
Сибирский ФО	113	202	382	545	481	418	336	304	269,5
Северо-Кавказский ФО	34	51	137	211	228	215	110	104	302,1

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Анализ товарного состава экспорта и импорта показывает невысокий уровень технологических переделов в РФ. В структуре экспорта преобладают нефть и газ (37%), нефтепродукты (22%) и металлы (8%; рис. 2.8).

За период с 1990 по 2014 гг. произошли существенные трансформации в отраслевой структуре экспорта – значительно увеличилась доля сырьевых отраслей, снизилась доля машиностроительных (рис. 2.9). Это меняет структуру доходов в секторах экономики в пользу низкотехнологических отраслей.

Рисунок 2.8. Структура экспорта товаров и услуг РФ в 2014 г., % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

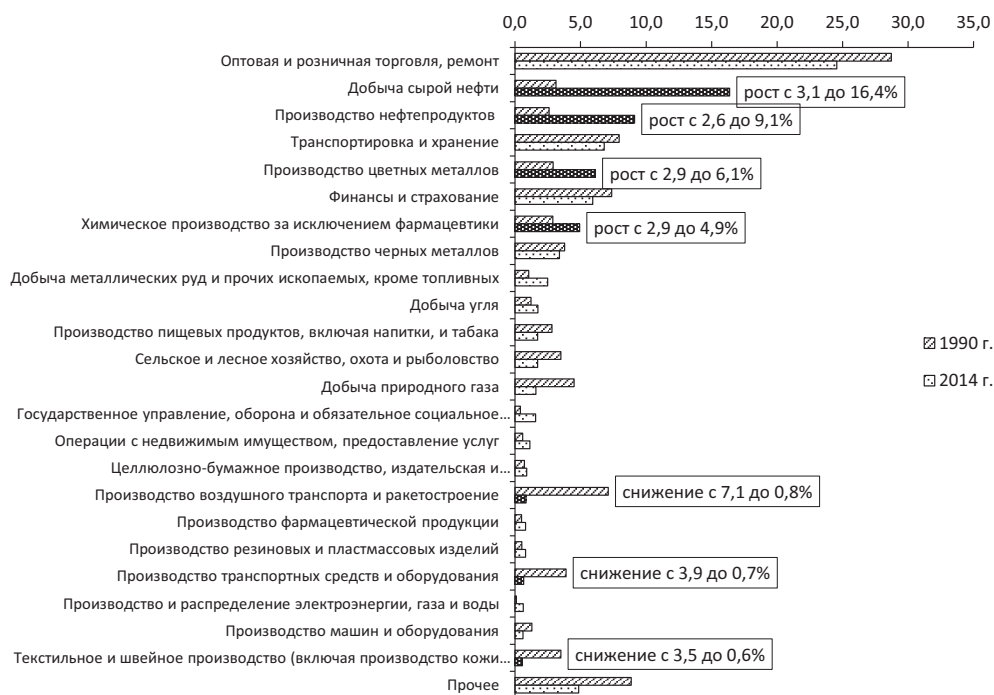

Рисунок 2.9. Отраслевая структура экспорта товаров и услуг РФ в 1990 и 2014 гг., % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Ключевыми импортируемыми товарами выступает машиностроительная продукция (рис. 2.10, 2.11).

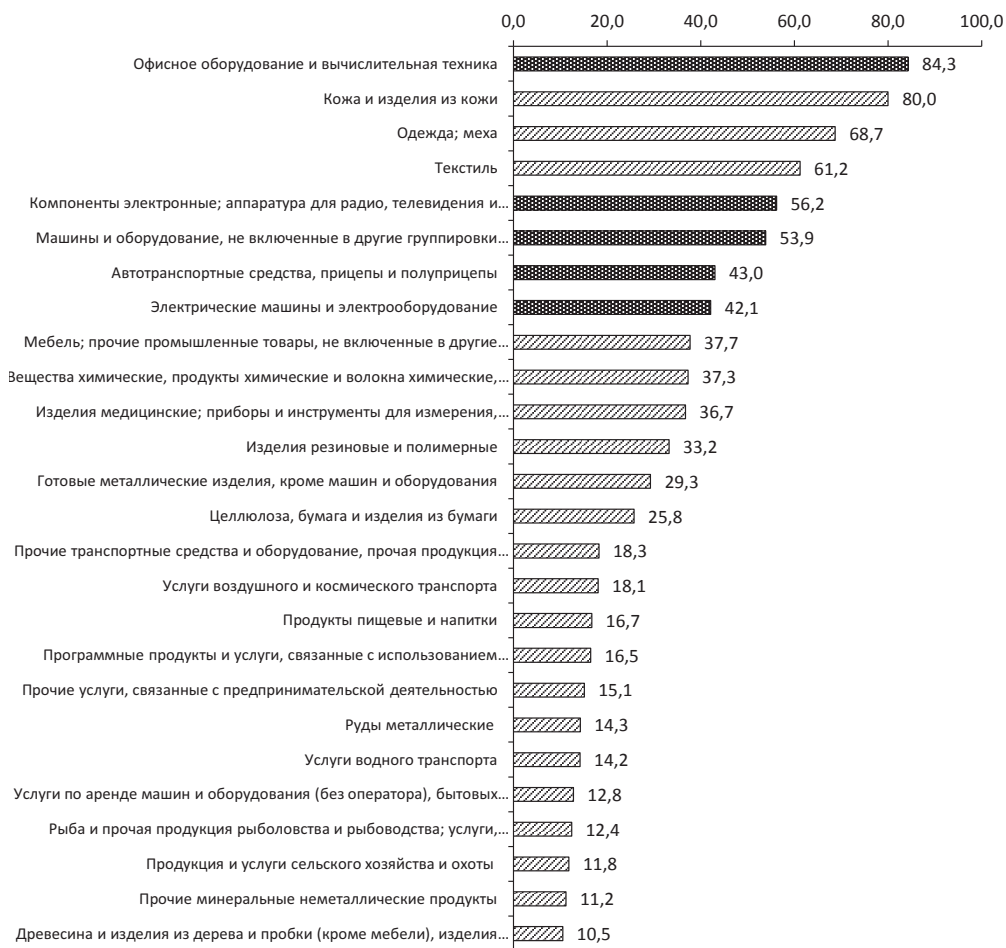

Рисунок 2.10. Доля импорта в формировании ресурсов продукции РФ в 2014 г., % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

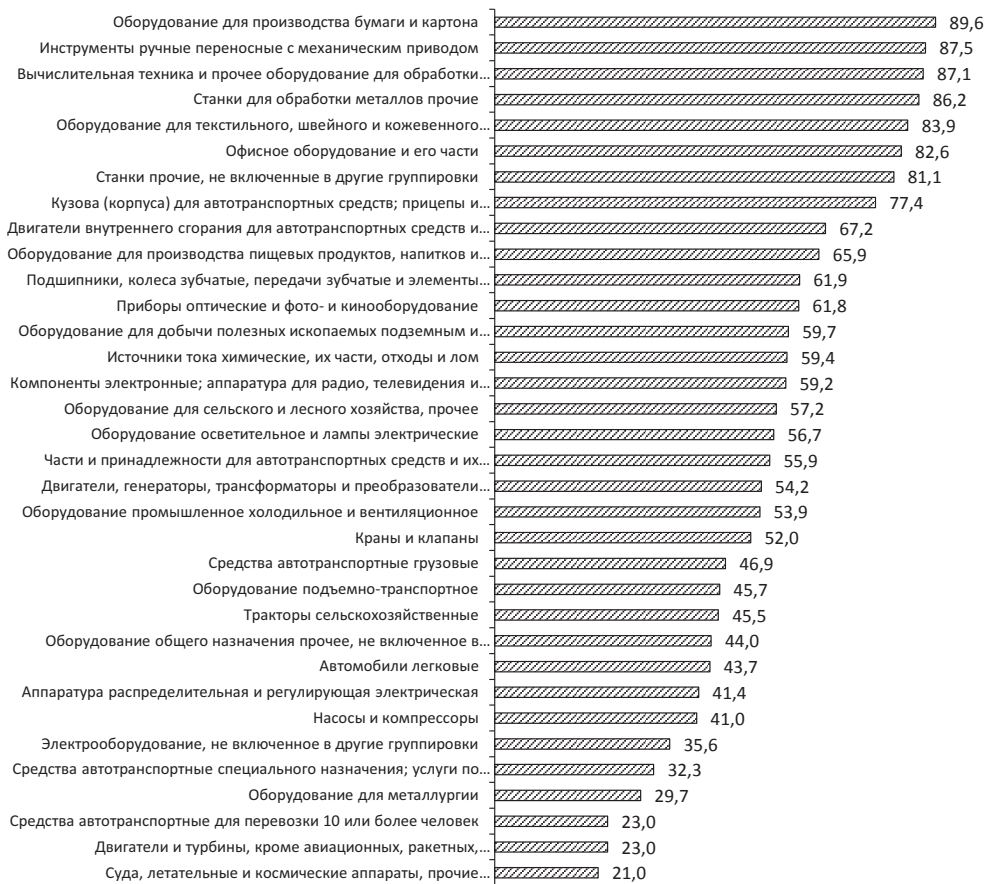

Рисунок 2.11. Доля импорта в машиностроении РФ в 2014 г., % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Для сравнения: в США ситуация в корне другая. Основа их импорта – газовое и нефтяное сырье. Удельный вес использования импорта в выпуске товаров и услуг по отраслям экономики США приведен в таблице 2.7. По данным таблицы можно сделать вывод о низкой импортной зависимости экономики США. Наибольшая зависимость от импорта отмечается в таких отраслях экономики США, как добыча нефти и газа; компьютерные и электронные продукты; электрическое оборудование, приборы, компоненты; текстиль и текстильные изделия; первичные металлы. Потребности в большинстве товаров и услуг США покрывает за счет внутреннего производства.

Таблица 2.7. **Использование импортных товаров отраслями экономики США в 2015 г.**
(доля импорта в выпуске более 1%)

Товар	Выпуск, млрд. долл. США	Использование импорта, млрд. долл. США	Доля импорта в выпуске, %
Добыча нефти и газа	323,0	292,7	90,6
Лом, используемый и б/у товары	11,3	6,6	58,6
Электрическое оборудование, приборы, компоненты	118,3	46,5	39,4
Компьютерные и электронные продукты	316,6	110,1	34,8
Текстиль и текстильные изделия	51,6	15,3	29,7
Первичные металлы	297,5	76,5	25,7
Лесное хозяйство, рыбная ловля	61,1	14,3	23,4
Одежда, кожа и смежные продукты	37,2	6,5	17,4
Машинное оборудование	399,0	67,8	17,0
Неметаллические минеральные продукты	98,6	16,5	16,8
Изделия из древесины	88,1	14,7	16,7
Пластмассы и резинотехнические изделия	215,0	34,2	15,9
Автотранспортные средства, кузова и прицепы, запчасти	594,8	91,9	15,5
Готовые металлические изделия	335,0	47,8	14,3
Химические продукты	784,4	96,9	12,4
Продукты из нефти и угля	802,0	95,8	11,9
Бумажная продукция	167,2	19,6	11,7
Прочие производства	162,9	17,6	10,8
Другие транспортные средства	272,5	27,5	10,1
Мебель и сопутствующие товары	64,8	4,5	7,0
Страхование перевозчиков	785,0	49,9	6,4
Фермы	419,9	20,8	4,9
Добыча, за исключением нефти и газа	104,8	5,1	4,9
Воздушный транспорт	173,5	7,1	4,1
Еда, напитки и табачные изделия	919,5	33,5	3,6
Проектирование компьютерных систем	444,7	15,5	3,5
Прочие профессиональные, научные и технические услуги	1612,2	48,3	3,0
Печать и сопутствующие услуги	62,1	1,8	2,9
Киносъемки и записи звука отраслей	150,5	3,0	2,0
Источник: рассчитано на основе данных U.S. Bureau of Economic Analysis.			

Ключевым фактором экономического роста территории выступают инвестиции. Однако ситуация в этой сфере достаточно сложная. В 2016 г. объем инвестиций в основной капитал РФ составил лишь 67% от уровня 1990 г. (рис. 2.12, 2.13).

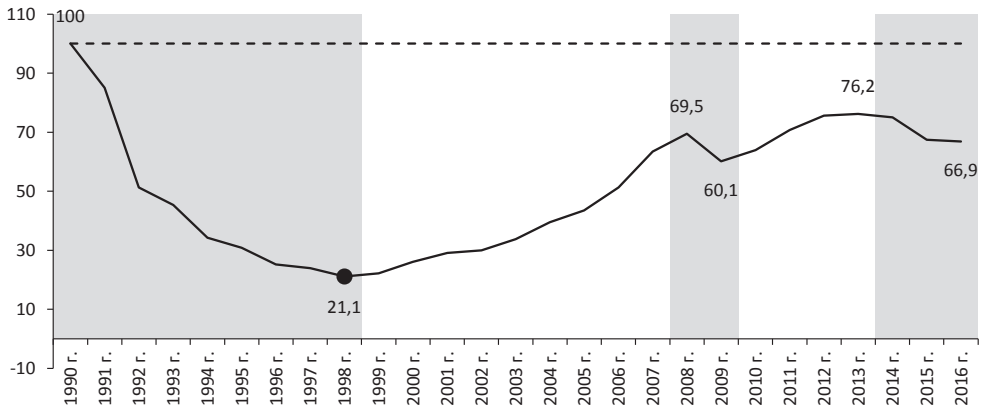

Рисунок 2.12. Динамика инвестиций в основной капитал РФ, % к 1990 г.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

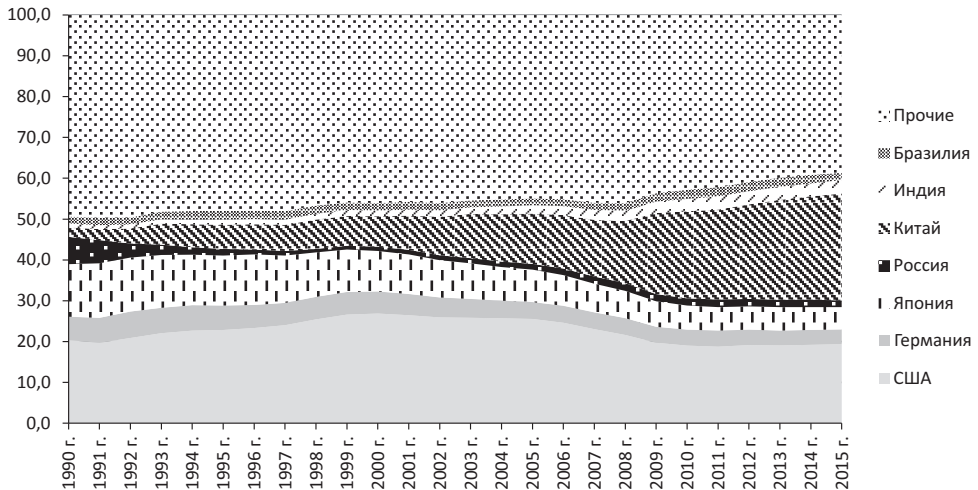

Рисунок 2.13. Структура мировых инвестиций в основной капитал, % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных WorldBank.

За период с 2012 по 2016 г. инвестиции в основной капитал в целом по стране сократились на 5,5% (табл. 2.8). В 2014–2016 гг. практически повсеместно наблюдался спад инвестиций. Такие низкие цифры связаны, несомненно, со структурными проблемами. Приток инвестиций явно недостаточен, а санкции в отношении России еще больше его снижают.

Таблица 2.8. Динамика инвестиций в основной капитал, % к предыдущему году

Территория	2000– 2007 гг.	2008– 2009 гг.	2010– 2011 гг.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2012– 2016 гг.
Российская Федерация	229,7	92,6	117,8	106,8	100,8	98,5	89,9	99,1	94,5
Центральный ФО	214,6	87,8	111,9	112,9	105,2	102,8	94,1	98,7	113,4
Уральский ФО	187,3	100,0	124,6	106,4	101,4	103,2	89,7	108,8	108,7
Северо-Кавказский ФО	141,7	110,3	115,5	112,2	107,8	104,2	87,5	96,3	106,2
Приволжский ФО	221,9	90,1	119,0	109,5	106,9	100,1	93,1	92,3	100,7
Северо-Западный ФО	318,8	89,6	127,1	104,0	90,6	95,7	90,8	108,3	88,7
Новгородская область	243,4	120,3	86,8	109,6	109,8	109,0	99,2	101,3	131,8
Мурманская область	180,0	125,1	119,4	121,3	92,8	121,0	101,8	91,1	126,3
г. Санкт-Петербург	394,8	84,5	99,2	92,6	127,4	106,0	82,6	112,4	116,1
Республика Карелия	164,8	83,5	147,2	106,5	93,5	92,9	91,7	109,5	92,9
Архангельская область	519,5	47,4	154,2	110,5	90,2	96,3	97,4	96,1	89,9
Калининградская обл.	356,2	105,8	88,9	106,3	88,9	89,1	96,3	100,9	81,8
Псковская область	250,4	75,9	130,7	128,4	84,5	96,9	82,8	93,0	81,0
Вологодская область	490,5	61,4	173,5	120,7	49,3	99,0	93,3	128,4	70,6
Республика Коми	165,4	142,0	167,5	104,9	80,1	97,4	74,6	112,8	68,9
Ленинградская обл.	256,3	119,5	148,1	101,0	74,8	66,1	118,4	111,6	66,0
Сибирский ФО	303,9	95,7	131,9	111,8	94,1	99,2	83,4	95,8	83,4
Южный ФО	168,3	116,8	131,5	107,4	114,6	88,3	85,6	83,6	77,8
Дальневосточный ФО	333,5	119,6	134,2	88,1	83,2	93,4	98,9	97,1	65,7
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

Говоря о частных инвестициях в народном хозяйстве, необходимо отметить, что их финансовая база размывается благодаря интенсивному вывозу капитала корпоративным сектором за рубеж [41].

Сложившаяся ситуация негативно влияет на процессы модернизации экономики регионов. В 2016 г. износ основных производственных фондов достиг 48,1% (в 2000 г. – 39,3%).

При этом в стране наблюдается значительная дифференциация регионов по инвестиционной привлекательности. Разрыв между наиболее и наименее инвестиционно привлекательными федеральными округами достигает почти 3 раз (табл. 2.9). Основная масса инвестиций вкладывается в регионы-лидеры по экономическому развитию. В дальнейшем такое положение вещей только усилит социально-экономическое неравенство между территориями, что является дестабилизирующим фактором для федеративного устройства страны и может привести к нарастанию регионального сепаратизма.

Таблица 2.9. **Инвестиции в основной капитал на душу населения**, тыс. руб. (в ценах 2016 г.)

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	42	69	98	115	116	112	101	100	236,2
Уральский ФО	86	114	182	219	222	228	204	222	256,6
Дальневосточный ФО	41	117	188	211	176	165	164	159	388,6
Северо-Западный ФО	36	87	125	142	128	122	111	120	329,2
Республика Коми	71	122	193	347	280	276	207	235	331,2
Архангельская область	38	96	131	180	164	159	156	150	399,3
Ленинградская область	52	117	222	229	170	112	132	147	281,7
Мурманская область	32	56	73	124	117	142	146	133	412,6
Новгородская область	33	61	107	103	114	125	125	127	387,6
г. Санкт-Петербург	32	81	118	92	115	121	99	111	344,9
Вологодская область	25	125	95	172	85	85	79	102	401,1
Калининградская обл.	30	95	97	106	94	83	79	80	267,5
Республика Карелия	26	42	47	64	60	56	51	56	218,2
Псковская область	17	24	39	65	56	54	45	42	244,3
Центральный ФО	42	65	81	98	102	105	98	97	233,1
Приволжский ФО	32	51	73	89	95	95	89	82	254,7
Сибирский ФО	22	43	75	98	92	91	76	73	336,4
Южный ФО	39	43	93	110	126	111	95	68	172,3
Северо-Кавказский ФО	29	49	47	54	58	60	52	50	171,0
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

Судя по мировому опыту, инновации выступают одним из основных факторов достижения роста экономики. Однако необходимо отметить, что инновационная активность организаций регионов страны находится на крайне низком уровне: по данным государственной статистики в 2016 году менее 9% обследованных организаций осуществляли инновационные мероприятия (табл. 2.10). В Вологодской области ситуация в инновационной сфере еще более сложная: за 2000–2016 гг. инновационная активность организаций упала почти в 2 раза – до 6%. Основная причина – недостаток инвестиций как основного драйвера роста экономики.

Таблица 2.10. **Инновационная активность организаций**, %

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	8,8	9,7	9,5	10,3	10,1	9,9	9,3	8,4	95,5
Центральный ФО	10,0	10,3	8,6	10,9	10,7	10,9	10,9	10,3	103,0
Приволжский ФО	10,1	10,8	12,3	11,9	11,7	11,4	10,6	9,4	93,1

Окончание таблицы 2.10

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., %
Северо-Западный ФО	7,7	9,4	9,4	11,0	10,7	10,3	9,6	8,3	107,8
г. Санкт-Петербург	8,9	12,7	13,0	18,8	18,0	18,9	17,2	14,8	166,3
Ленинградская область	4,1	6,9	9,4	10,1	10,5	8,7	10,1	8,5	207,3
Псковская область	10,3	9,5	9,6	8,1	7,3	9,2	7,0	7,9	76,7
Новгородская область	9,2	9,9	8,7	7,5	6,6	7,7	8,9	7,3	79,3
Мурманская область	7,9	13,5	9,7	9,0	13,5	10,2	9,4	7,2	91,1
Республика Карелия	1,7	5,6	6,6	10,9	8,1	7,7	7,2	6,4	376,5
Вологодская область	11,0	8,4	7,4	7,3	7,8	5,6	5,5	6,0	54,5
Архангельская область	6,3	8,4	9,0	8,2	5,4	5,0	5,8	4,9	77,8
Калининградская обл.	13,1	4,6	3,2	5,1	5,1	2,4	4,1	4,8	36,6
Республика Коми	5,5	7,1	7,5	7,6	8,8	8,9	5,2	4,5	81,8
Уральский ФО	10,6	12,4	11,5	10,6	9,6	8,9	7,9	8,2	77,4
Южный ФО	7,6	8,5	7,5	7,4	7,2	7,7	7,6	7,1	93,4
Сибирский ФО	6,1	7,7	8,2	8,5	9,1	8,8	8,0	6,9	113,1
Дальневосточный ФО	6,3	6,2	8,6	10,8	9,5	8,9	7,2	6,4	101,6
Северо-Кавказский ФО	7,6	8,5	6,2	6,4	5,9	6,5	4,7	2,9	38,2
Источник: Росстат.									

Таким образом, сложившаяся в экономике России модель инвестиционной деятельности, которой органически присущи постоянные миграции частного капитала к зарубежным центрам аккумуляции прибыли, значительный удельный вес в структуре национального накопления государственных вложений, а также острая нехватка адекватных существующим потребностям внутренних источников дешевых «длинных» денег, в принципе не способны демонстрировать минимально приемлемые темпы расширения производственных возможностей.

Что касается второго внутреннего драйвера экономической динамики – повышения покупательной способности населения, то он зависит от темпа роста реальных располагаемых доходов домашних хозяйств. Не будет большим преувеличением утверждать, что этот параметр фиксирует верхнюю границу, верхний предел потенциального экономического роста. Ясно, что при планировании объемов выпуска на следующий производственный период субъекты предпринимательской деятельности будут исходить из ожидаемых размеров платежеспособного спроса, ибо в противном случае они столкнутся с проблемой сбыта своей продукции [31].

За счет перераспределения экспортных доходов до недавнего времени удавалось поддерживать рост реальных доходов населения (рис. 2.14).

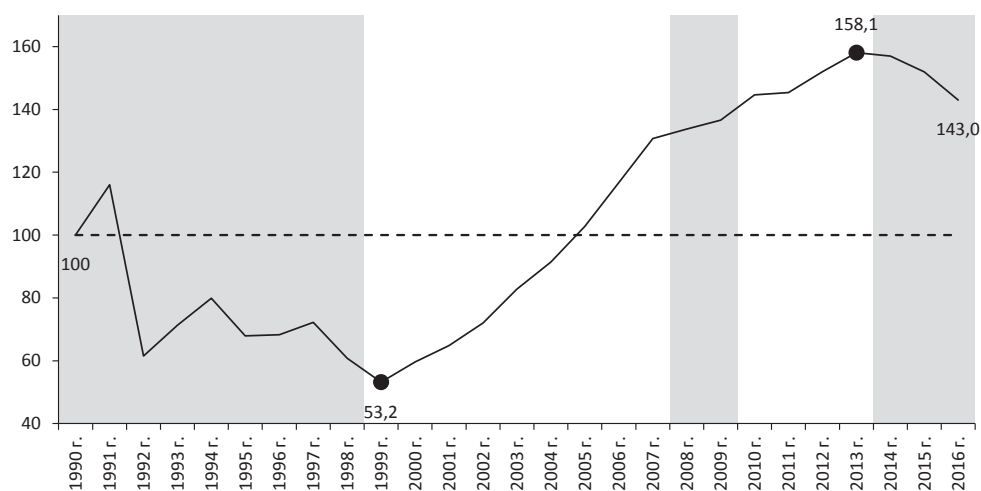

Рисунок 2.14. Динамика реальных денежных доходов населения РФ, % к 1990 г.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Согласно результатам государственного статистического наблюдения, реальные располагаемые доходы населения нашей страны в течение 2009–2012 гг. увеличивались ежегодно в среднем на 3,2 %. С 2013 по 2016 г. реальные среднедушевые доходы населения сократились на 10,8% (табл. 2.11). Кроме того, под вопросом оказывается выполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 об увеличении в 2013–2018 гг. размера реальной заработной платы в 1,4–1,5 раза.

Принимая во внимание тот факт, какой уровень неравенства, поляризации, расслоения присущ современному российскому обществу, несложно догадаться, что в отечественном народном хозяйстве обсуждаемая неравномерность распределения с большой вероятностью выражена еще сильнее. Как справедливо подчеркивает академик РАН А. Аганбегян, повышение благосостояния в нашей стране охватывает лишь «малочисленную богатую прослойку» граждан [1]. Из этого следует, что верхняя граница потенциального экономического роста в России может быть еще ниже, чем это показывают значения индикатора среднего увеличения реальных располагаемых доходов населения.

Таблица 2.11. **Среднедушевые денежные доходы населения**, тыс. руб. (в ценах 2016 г.)

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., раз
Российская Федерация	11,3	21,2	30,2	32,8	34,4	33,0	32,1	30,7	2,7
Центральный ФО	16,6	29,8	40,2	43,2	45,1	42,1	41,1	39,5	2,4
Дальневосточный ФО	12,2	22,4	32,8	35,5	37,8	37,7	38,2	36,5	3,0
Северо-Западный ФО	11,6	24,1	31,7	33,4	35,0	34,0	34,0	33,5	2,9
г. Санкт-Петербург	13,4	34,3	40,2	40,1	42,4	41,4	42,0	41,5	3,1
Мурманская область	19,7	27,4	37,9	40,7	43,5	40,9	38,9	36,1	1,8
Архангельская область	11,0	20,9	31,2	33,0	35,1	34,8	34,1	32,6	3,0
Республика Коми	16,3	29,3	35,2	37,9	38,6	36,6	34,1	31,5	1,9
Ленинградская область	7,6	16,2	23,7	25,4	26,9	25,1	26,2	28,1	3,7
Вологодская область	9,7	16,5	22,3	25,8	27,0	26,8	26,9	27,4	2,8
Республика Карелия	11,3	18,4	24,8	27,7	27,9	26,9	26,8	25,9	2,3
Новгородская область	9,1	14,3	24,5	27,4	28,1	28,1	27,1	25,7	2,8
Калининградская обл.	9,3	16,8	25,9	28,1	27,9	26,9	27,1	25,6	2,7
Псковская область	6,7	12,9	20,9	23,5	23,9	23,4	22,8	22,1	3,3
Уральский ФО	13,3	24,7	34,5	36,7	38,1	36,4	34,8	32,2	2,4
Южный ФО	8,5	15,4	24,3	26,8	29,1	29,0	26,9	26,5	3,1
Приволжский ФО	8,3	15,9	24,6	27,1	28,3	28,0	27,5	25,7	3,1
Сибирский ФО	9,0	16,6	23,4	25,4	26,6	25,2	24,7	23,6	2,6
Северо-Кавказский ФО	5,9	12,5	20,9	24,1	25,0	25,0	24,2	23,4	4,0
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

С 2016 года наметились негативные тренды социальных настроений – комплексного показателя, отражающего психологическое состояние общества. Население волнуется из-за отсутствия позитивных изменений в динамике материального положения. Низкие зарплаты, рост цен и положение дел в экономике – три наиболее острые проблемы, которые отмечают жители страны [6].

Сложная экономическая ситуация замедлила положительные изменения, происходящие в демографической сфере страны (табл. 2.12). В ряде регионов из-за низкой рождаемости и высокой смертности депопуляционные процессы приобрели устойчивую тенденцию. Существующие показатели рождаемости в 1,5 раза ниже, чем необходимо для простого воспроизводства населения. Такая ситуация ставит под вопрос дальнейшие возможности народов России развивать накопленный веками материальный, духовный и культурный потенциал.

Таблица 2.12. Коэффициент естественной убыли (-), прироста (+) населения, на 1000 человек населения

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., п.п.
Российская Федерация	-6,6	-5,9	-1,7	0,0	+0,2	+0,2	+0,3	0,0	+6,6
Северо-Кавказский ФО	+1,9	+4,5	+8,7	+9,1	+9,2	+9,3	+8,7	+8,1	+6,2
Уральский ФО	-5,2	-3,7	+1,1	+2,5	+2,7	+2,7	+2,3	+1,8	+7,0
Сибирский ФО	-4,9	-5,1	-0,1	+1,3	+1,5	+1,5	+1,2	+0,8	+5,7
Дальневосточный ФО	-3,5	-3,9	-0,6	+0,9	+1,3	+1,4	+1,3	+0,8	+4,3
Приволжский ФО	-6,5	-6,7	-2,6	-0,7	-0,6	-0,6	-0,6	-0,8	+5,7
Северо-Западный ФО	-8,7	-8,4	-3,5	-1,6	-1,2	-1,0	-0,9	-0,8	+7,9
г. Санкт-Петербург	-9,4	-7,2	-2,0	+0,2	+0,7	+1,3	+1,7	+2,1	+11,5
Республика Коми	-3,5	-4,2	-0,2	+1,8	+2,2	+2,0	+1,3	+0,7	+4,2
Калининградская обл.	-7,3	-9,2	-2,8	-0,8	-0,7	-0,7	-0,5	-0,1	+7,2
Мурманская область	-3,0	-3,8	-0,2	+0,5	+0,9	+0,3	+0,3	-0,3	+2,7
Архангельская область	-7,5	-6,3	-2,0	-0,8	-0,5	-0,7	-1,1	-1,5	+6,0
Вологодская область	-7,2	-8,3	-4,2	-1,1	-1,2	-1,2	-1,1	-1,7	+5,5
Республика Карелия	-7,8	-8,3	-4,1	-2,8	-2,7	-2,3	-3,1	-2,8	+5,0
Ленинградская область	-12,1	-12,3	-7,0	-5,7	-5,6	-5,4	-5,0	-4,8	+7,3
Новгородская область	-12,6	-13,2	-8,7	-5,8	-6,0	-5,4	-5,6	-5,8	+6,8
Псковская область	-14,9	-15,8	-10,7	-8,5	-7,6	-7,5	-7,2	-6,8	+8,1
Южный ФО	-6,4	-5,7	-2,3	-0,8	-0,6	-0,5	-0,8	-1,2	+5,2
Центральный ФО	-9,6	-8,4	-4,5	-2,5	-2,3	-2,2	-1,8	-1,9	+7,7
Источник: Росстат.									

Приведенные данные доказывают наличие системного кризиса в экономике страны и обуславливают необходимость выявления проблем общественного воспроизводства.

2.2. Диагностика проблем общественного воспроизводства

Развитие экономики России невозможно без крупномасштабной технологической модернизации, что обуславливает необходимость активного государственного участия в регулировании воспроизводственных процессов. Между тем, существующие системные условия хозяйствования остаются дезинтегрированными, а упрощенная схема функционирования экономики свелась к вывозу сырьевых ресурсов в обмен на машинно-технические изделия и продовольствие. При такой схеме социально-экономическая ситуация значительно зависит от внешней конъюнктуры, у страны не появляются ни внутренние, ни внешние факторы крупномасштабной технологической модернизации, не происходит оживления базового и фундаментального источника прогресса – производства новейших наукоемких средств производства [29].

Сложившаяся в 1990-е годы экономическая система нарушила целостность действовавших цепочек добавленной стоимости. Рассечены на разрозненные переделы и дезинтегрированы технологические цепочки во всем народном хозяйстве. Из-за системной дезорганизации и упадка обрабатывающей промышленности существенно снизилась величина агрегированного мультипликатора добавленной стоимости³ (рис. 2.15). Как показывает анализ, в расчете на единицу стоимости добывающего сектора обрабатывающая промышленность в 2005–2016 гг. создавала в среднем 1,58 единицы добавленной стоимости. Это почти на порядок ниже, чем в промышленно развитых странах, где значение мультипликатора поддерживается в диапазоне 11–13 единиц (в США – 12,8 [62]). Значение мультипликатора в экономике Вологодской области еще ниже.

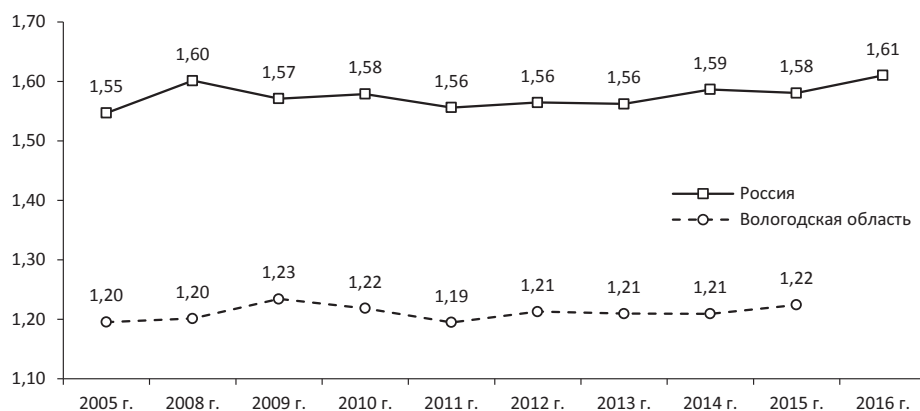

Рисунок 2.15. Динамика мультипликатора добавленной стоимости в экономике России и Вологодской области

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Крайне низкая величина мультипликатора добавленной стоимости исчерпывающе характеризует природу нынешнего экономического роста, при котором экономика России выступает сырьевым источником для экономик развитых стран. Изменение качества экономического роста возможно только за счет разворота к высокотехнологическому развитию.

³ Мультипликатор добавленной стоимости исчисляется отношением совокупной величины товарной массы к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот, и рассчитывается по официальным данным Росстата о детализированной разработке счета производства СНС [28]. Он характеризует глубину переработки сырьевых ресурсов.

За годы рыночных реформ в отраслевой структуре российской экономики произошли кардинальные изменения (табл. 2.13). Изменилась структура валового выпуска: сократилась доля продукции машиностроения, сельского и лесного хозяйства, легкой промышленности, возрос удельный вес предпринимательских услуг (прежде всего финансового посредничества и операций с недвижимым имуществом), полезных ископаемых и торговли. Это привело к перераспределению валовой добавленной стоимости (т.е. доходов) по отраслям экономики.

Таблица 2.13. **Структура валового выпуска и валовой добавленной стоимости (ВДС) в РФ в 1990–2016 гг., % к итогу**

Отрасль	Валовой выпуск			ВДС		
	1990 г.	2016 г.	2016 к 1990 г.	1990 г.	2016 г.	2016 к 1990 г.
Предпринимательские услуги*	6,4	15,0	+8,6	7,7	20,8	+13,1
Добыча полезных ископаемых	3,6	7,3	+3,7	3,4	9,4	+6,0
Энергетика	1,6	5,2	+3,6	-1,3	3,1	+4,4
Государственное управление	5,0	5,9	+0,9	3,6	7,9	+4,3
Оптовая и розничная торговля	10,0	13,6	+3,6	13,7	16,0	+2,3
Металлургия	4,0	4,1	+0,1	0,9	2,5	+1,6
Образование	1,6	3,3	+1,7	3,1	4,3	+1,2
Строительство	7,7	6,6	-1,1	5,4	6,2	+0,8
Пищевая промышленность	7,1	4,9	-2,2	1,5	2,1	+0,6
Здравоохранение	2,3	3,2	+0,9	3,7	3,8	+0,1
Связь	1,5	1,3	-0,2	2,4	1,3	-1,1
Деревообработка	1,9	1,2	-0,7	2,1	0,8	-1,3
Химическое производство	5,7	6,5	+0,8	5,2	3,3	-1,9
Транспорт	6,6	7,1	+0,5	8,9	6,6	-2,3
Прочее	5,9	4,3	-1,6	7,2	3,7	-3,5
Сельское и лесное хозяйство	11,1	4,3	-6,8	11,0	4,5	-6,5
Машиностроение	11,4	5,8	-5,6	12,0	3,6	-8,4
Легкая промышленность	6,5	0,4	-6,1	9,4	0,3	-9,1

* К предпринимательским услугам отнесены такие виды деятельности по ОКВЭД, как: Н. Гостиницы и рестораны, J. Финансовая деятельность, К. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, О. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Отраслевая структура очень заметно влияет на возможности роста добавленной стоимости и чистого дохода, предопределяет фондо- или материалоемкость продукта. Это влияет на масштаб возмещения основных фондов и возможности накопления и, следовательно, роста в перспективе.

В существующей структуре российского хозяйства единственным сектором, способным генерировать технологическое развитие, являются обрабатывающие производства (табл. 2.14). По итогам 2016 года их вклад составил 10 636 млрд. руб., или 13,7% совокупной величины ВВП. При первичной оценке данный показатель представляется достаточно весомым, формально он даже находится на уровне развитых стран (в американской экономике, например, вклад обрабатывающей индустрии составляет около 14,5% ВВП [61]). В Вологодской области – существенно превосходит уровень развитых стран (38,9%).

Таблица 2.14. **Валовая добавленная стоимость РФ и Вологодской области по видам экономической деятельности**

Вид экономической деятельности	РФ (2016 г.)		ВО (2015 г.)	
	Млрд. руб.	% к итогу	Млрд. руб.	% к итогу
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	13314	17,2	260,3	5,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	12390	16,0	557,2	11,9
Обрабатывающие производства	10636	13,7	1823,3	38,9
Добыча полезных ископаемых	7297	9,4	2,0	0,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	6102	7,9	251,7	5,4
Транспорт и связь	6067	7,8	799,0	17,0
Строительство	4781	6,2	221,7	4,7
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3456	4,5	208,1	4,4
Финансовая деятельность	3455	4,5	12,3	0,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2921	3,8	180,5	3,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2416	3,1	174,3	3,7
Образование	2011	2,6	108,4	2,3
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1334	1,7	57,5	1,2
Гостиницы и рестораны	649	0,8	26,0	0,6
Деятельность домашних хозяйств	461	0,6	–	–
Рыболовство, рыбоводство	218	0,3	5,4	0,1
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	77508	100,0	4687,6	100,0
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.				

В то же время структура национального хозяйства развитых стран, а также масштабы разработки, освоения, производства и применения высоких технологий существенно отличаются от российской. Так, в США помимо сектора обрабатывающей индустрии на производство высоких

технологий работают также государственный сектор (12,3% ВВП), сектор промышленного лизинга (12,1%), сектор инжиниринга и научных услуг (6,9%), сектор информационной техники (4,7%) [62]. Их общая доля достигает 50,5% ВВП. Поэтому можно утверждать, что ВВП США технологичен более чем наполовину. Этим предопределяется высокое значение мультипликатора добавленной стоимости и разница в уровнях технологических укладов с РФ.

Повышение технологического уклада в России идет крайне медленно. До сих пор не удалось восстановить уровень 1991 г. в производстве транспортных средств (44%) и машин и оборудования (68,2%; рис. 2.16).

Рисунок 2.16. Динамика производства в отраслях машиностроения России в 1991–2016 гг., % (1991 г. = 100%)

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Продолжается утрата материально-технической базы инвестиционного машиностроения [11, 86, 88], о чем свидетельствует отрицательная динамика производства по многим видам продукции в станкоинструментальной и электротехнической промышленности. Загрузка мощностей по большинству важнейших видов продукции инвестиционно-технологического назначения является очень низкой (табл. 2.15). Без восстановления загрузки и ввода новых мощностей машиностроительного комплекса технологическое (т.е. основанное на современных наукоемких технологиях) развитие неосуществимо [28].

Таблица 2.15. **Уровень использования среднегодовой производственной мощности в машиностроении России в 2012–2015 годах**

Наименование продукции	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2012 г., п.п.
Автомобили легковые	80	68	59	43	-37
Турбины газовые	41	28	43	40	-1
Автомобили грузовые	47	45	39	34	-13
Автобусы	50	44	35	34	-16
Электродвигатели мощностью более 37,5 Вт	42	38	32	33	-9
Подшипники шариковые или роликовые	33	29	29	31	-2
Машины кузнечно-прессовые	40	39	18	21	-19
Турбины на водяном паре и турбины паровые прочие	44	38	12	20	-24
Краны мостовые электрические	13	10	9	20	+7
Станки металлорежущие	10	24	17	17	+7
Бульдозеры	44	39	19	17	-27
Экскаваторы	12	12	16	12	0
Тракторы для сельского и лесного хозяйства прочие	40	19	16	10	-30
Источник: Росстат.					

Рыночные реформы коренным образом изменили механизм воспроизводства и накопления капитала: в советский период он действовал на плановой основе, а в постсоветское время свелся к стародавним капиталистическим началам [5, 7, 80, 81].

В 1991–1998 гг. накопление капитала по источникам и способам в прямом смысле было первоначальным, так как оно происходило в обстановке денационализации и внеэкономического передела собственности, уменьшения ВВП, фактически неуправляемой инфляции, громадного превышения номинального денежного спроса над реальным объемом предложения товаров и услуг. Основными источниками накопления частного капитала, как денежного, так и представленного в товарном виде, являлись присвоение государственной собственности через процедуру приватизации и снижение уровня жизни основной части населения путем гиперинфляции [109]. Экономика вошла в состояние распада.

В 1999–2008 гг. приватизация и перераспределение собственности в основном были завершены, накопление капитала частично переводится на инвестиционную базу, уровень инфляции снижается, достигается, по терминологии реформаторов, макроэкономическая финансовая стабилизация. Однако и на этом этапе рыночные механизмы, сформированные государством и частным бизнесом, не смогли придать росту экономики необходимой устойчивости, интересы обогащения буржуазии подавили неокрепшие стимулы народнохозяйственного развития.

2009–2015 годы, обозначенные кризисом 2008–2009 гг., подтвердили сказанное о нерешенности тех стратегических для рыночных реформ задач, которые выходят за рамки первоначального накопления частного капитала. Поэтому посткризисного восстановления не получилось, дело завершилось автономной рецессией, результатом которой стал очередной спад экономики и инвестиционной деятельности в 2015 г. В механизме накопления усилились проявления негативных черт 1990-х гг. – падение доли и эффективности капиталовложений, высокая инфляция, расширение разного рода перераспределительных операций, препятствующих активизации долговременных факторов развития.

Валовое накопление основного капитала в 2016 г. составило 18,1 трлн. руб., или 21,1% ВВП (табл. 2.16). Динамика валового накопления, расходов на конечное потребление и чистого экспорта представлена на рисунке 2.17.

Таблица 2.16. **Использование ВВП России в 2010 и 2015 г.**

Показатель	2010 г.		2015 г.	
	Трлн. руб.	Доля в ВВП, %*	Трлн. руб.	Доля в ВВП, %*
ВВП	46,3	100	80,8	100
Конечное потребление домашних хозяйств	23,6	51	43,3	54
Конечное потребление государственного управления	8,7	19	15,4	19
Сбережения	12,2	26	19,2	24
Валовое накопление основного капитала	10,0	22	17,7	22
Чистый экспорт	3,7	8	6,7	8
Чистый вывоз капитала	3,5	8	6,4	8
* Сумма показателей больше 100%.				
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.				

Реальный же инвестиционный потенциал намного выше и уменьшается, главным образом, за счет чрезмерной величины чистого (т.е. за вычетом ввоза) вывоза капитала (за 1995–2016 гг. общий чистый вывоз капитала составил 54,7 трлн. руб., или 7,5% от ВВП за указанный период)⁴. Следует отметить, что динамика данного показателя имеет устойчивый тренд на снижение (в том числе и на региональном уровне; рис. 2.18, 2.19).

⁴ Заметим в связи со сказанным, что с экономической точки зрения сущность вывоза капитала не зависит от того, кем он осуществляется – частными собственниками или государством. Так, размещение валютных резервов ЦБ РФ в иностранные активы означает не что иное, как изъятие денежного капитала из внутреннего кругооборота и вывод за рубеж.

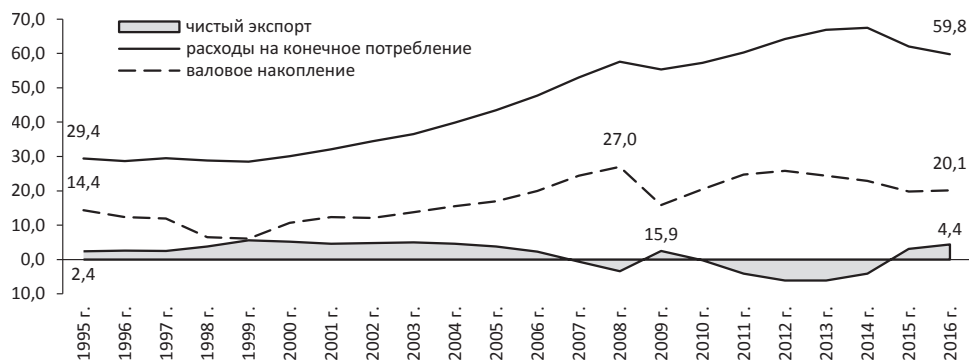

Рисунок 2.17. Динамика элементов использования ВВП России в 1995–2016 гг., трлн. руб. (в ценах 2016 г.)

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

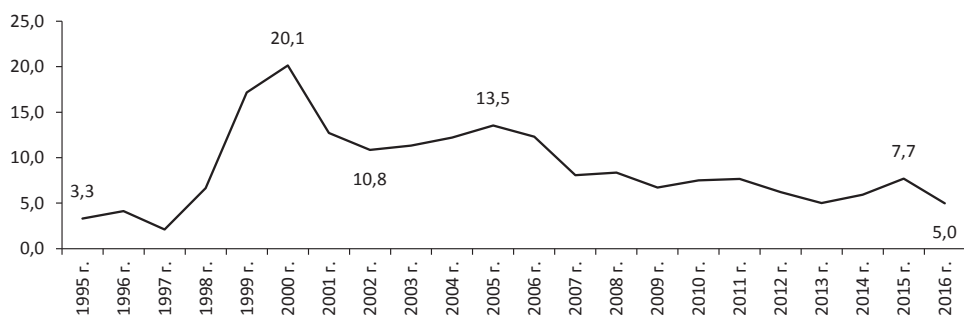

Рисунок 2.18. Отношение чистого вывоза капитала к ВВП России, % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Рисунок 2.19. Отношение чистого кредитования (+), заимствования (-) к ВРП Вологодской области, % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

С 2000 по 2016 г. доля чистого вывоза капитала упала с 20 до 5% ВВП. Позитивная динамика обусловлена в основном сокращением чистого кредитования других стран⁵ (в 2000 г. оно составляло 21,6% ВВП, в 2016 г. – лишь 2%); чистый вывоз капитала в форме капитальных и текущих трансфертов, а также доходов от собственности относительно стабилен и составляет 2,5–3,5% ВВП. Ранее (с 1998 по 2008 г.) для России было характерно крупное чистое кредитование других стран (до 3 трлн. руб. в год), что снижало валовое накопление на 10–15% от возможностей, вытекающих из объемов сбережений (рис. 2.20) [83].

Рисунок 2.20. Доля в ВВП валового сбережения и валового накопления основного капитала, % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Такое значимое сокращение ресурсной базы внутреннего развития сказывается как на инвестиционной ситуации, так и на социальной. С одной стороны, наблюдается существенное недопотребление в сфере домашних хозяйств: они используют лишь 54% ВВП (в развитых странах – 65–70%).

С другой стороны, экономика испытывает острое недоинвестирование: вместо нормы в 30% ВВП используется лишь 21% (рис. 2.21). Причем при 14,7 трлн. руб. инвестиций в основной капитал ввод основных фондов в обрабатывающих производствах составил в 2014 году 1,0 трлн. руб., или 7% совокупной величины, т.е. норма накопления промышленного

⁵ Превышение финансовых активов, приобретенных резидентами страны, над суммой принятых ими финансовых обязательств.

капитала⁶ в России равняется 1,3% ВВП (табл. 2.17). Это свидетельствует о крайне неэффективном распределении инвестиций в российской экономике (для сравнения: в экономике США норма накопления промышленного капитала превышает 15% ВВП).

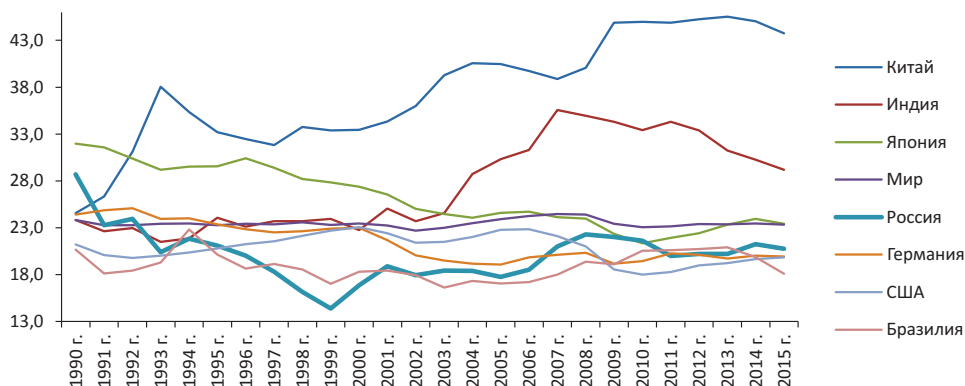

Рисунок 2.21. Норма накопления капитала, % от ВВП

Источник: WorldBank.

Таблица 2.17. Движение основных фондов в обрабатывающих производствах России в 2010–2014 годах

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Наличие основных фондов, млрд. руб.	7989,0	8876,6	9862,3	11379,0	13550,3	169,6
Коэффициент обновления, %	5,9	6,4	6,5	6,9	6,9	116,9
Коэффициент выбытия, %	1,0	1,0	0,8	1,1	1,0	100,0
Объем ввода, млрд. руб.	881,4	1094,2	1186,5	1540,8	1012,8	114,9

Источник: Росстат.

Таким образом, проанализированные данные указывают на слабое регулирование в сфере общественного воспроизводства. Существуют важные проблемы в отраслевой и воспроизводственной структуре ВВП, в структуре экспорта и импорта, инвестиций и сбережения. Технологическое развитие экономики требует управления ключевыми параметрами кругооборота промышленного капитала (скоростью, пропорциями), обеспечения необходимой величины, технологической и продуктовой структуры капиталовложений, поддержки должных уровней обновления основных производственных фондов.

⁶ Величина приобретения основных средств производства, инвестирования промышленными предприятиями.

2.3. Анализ структурных сдвигов в экономике

Важнейшим этапом выработки эффективной экономической политики выступает анализ основных структурных сдвигов и пропорций в экономике, оценка эффективности ее функционирования, а также выявление факторов и условий развития [48, 50]. Подобное исследование реализуется через систему балансов⁷, которая содержит основные макроэкономические показатели как в целом по экономике, так и в отраслевом разрезе: валовой выпуск, промежуточное потребление, текущие материальные затраты, конечное потребление, валовое накопление, ввоз и вывоз, фонд оплаты труда, чистую прибыль, валовую добавленную стоимость, налоги и т.д. Их анализ позволяет проводить комплексную диагностику экономики.

Согласно теории воспроизводства [27, 59, 82, 158] основой формирования ресурсов является производство. В процессе производства, с одной стороны, выпускаются товары и услуги в их натуральном виде, с другой – создается их стоимость и добавленная стоимость, которой соответствуют образовавшиеся в производстве первичные доходы⁸. Первичные доходы после их распределения и перераспределения образуют располагаемые доходы субъектов хозяйствований и расходуются на конечный спрос (конечное потребление⁹ и валовое накопление¹⁰). Разница между производством и конечным спросом по экономике в целом, группам продуктов и отдельным продуктам балансируется за счет вывоза и ввоза:

$$\begin{aligned} \text{выпуск продукции} + \text{ввоз} = & \text{промежуточное потребление} + \\ & + \text{конечное потребление} + \text{накопление капитала} + \text{вывоз}. \end{aligned} \quad (12)$$

⁷ Минимально необходимое и одновременно логически полное описание процесса общественного воспроизводства предполагает при построении прогнозных расчетов составление трех таблиц-счетов: производства ВВП (т.е. формирование выручки и добавленной стоимости в отдельных отраслях), его первичного распределения (оплата труда, валовая прибыль и др.), его использования на накопление и потребление [120].

⁸ К первичным доходам относятся оплата труда наемных работников, получаемые государством чистые налоги на производство и импорт, валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы [65].

⁹ Конечное потребление включает расходы на конечное потребление домашних хозяйств, государственного управления и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства [65].

¹⁰ В валовое накопление входят валовое накопление основного капитала, изменение запасов материальных оборотных средств, приобретение минус выбытие произведенных нефинансовых активов, чистое кредитование (+) или чистое заимствование (-) [65].

Это тождество отражает концепцию, в соответствии с которой товары и услуги, произведенные в текущем периоде, используются для производства других товаров и услуг в текущем периоде (промежуточное потребление), для производства других товаров и услуг в будущих периодах (накопление) или для удовлетворения человеческих потребностей в текущем периоде (конечное потребление) [82]. Соотношения между этими показателями находятся в процессе постоянных изменений, вытекающих из сложных воспроизводственных процессов. Они отражают результаты экономического развития, складывающиеся на основе экономических закономерностей, проводимой экономической политики и экономической конъюнктуры как внутри страны (региона), так и за ее (его) пределами [82]. Рассмотрение данных за ряд лет позволяет выявлять возникающие дисбалансы и направления их разрешения.

Анализ баланса ресурсов и их использования дает возможность устанавливать важные зависимости в функционировании экономики. В условиях сбалансированности между выпуском, промежуточным потреблением и конечным использованием имеются определенные пропорции:

- увеличение конечного потребления может быть осуществлено лишь за счет увеличения ресурсов или уменьшения накопления;
- увеличение ресурсов за счет регионального производства сопряжено с увеличением добавленной стоимости;
- уменьшение промежуточного потребления при данном объеме выпуска ведет к увеличению добавленной стоимости, а увеличение промежуточного потребления без увеличения выпуска ведет к уменьшению конечного использования и к уменьшению добавленной стоимости. Соответственно в динамических процессах эффективность повышается при опережении роста выпуска над ростом промежуточного потребления и снижается при отставании.

Анализ баланса ресурсов и использования продукции за период с 2000 по 2015 г. был проведен для экономики Вологодской области – промышленно развитого экспортоориентированного региона европейской части России.

Общий объем ресурсов, которыми располагает экономика области, составил в 2015 г. в текущих рыночных ценах 1281,8 млрд. рублей (табл. 2.18). Основой формирования ресурсов выступает производство, результаты которого характеризуются выпуском продукции. В общем объеме ресурсов доля выпуска продукции составляет около 90%. Оставшаяся часть ресурсов экономики области (130,2 млрд. руб.) обеспечивается за

счет ввоза товаров и услуг из других регионов РФ и импорта. Располагаемые ресурсы в свою очередь используются на промежуточное потребление (41,3%), конечное потребление (22,9%), накопление капитала (6,9%) и вывоз за пределы области (28,9%).

Таблица 2.18. **Баланс ресурсов экономики Вологодской области и их использования**

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
<i>Объем, млрд. руб. (в текущих рыночных ценах)</i>								
Ресурсы, всего	182,3	547,9	871,2	1072,1	1109,6	1041,3	1125,0	1281,8
Выпуск продукции	161,0	495,1	771,9	958,8	1012,8	948,6	1022,4	1151,6
Импорт товаров и услуг	5,0	13,0	13,3	23,3	16,6	16,5	19,7	35,3
Ввоз товаров и услуг из регионов РФ	16,3	39,8	86,0	90,0	80,1	76,2	82,9	94,9
Использование ресурсов, всего	182,3	547,9	871,2	1072,1	1109,6	1041,3	1125,0	1281,8
Промежуточное потребление	69,2	211,6	374,9	469,2	472,5	457,7	491,3	529,9
Расходы на конечное потребление	28,8	82,3	178,9	203,0	236,6	256,3	279,3	293,2
Валовое накопление капитала	8,3	63,2	68,3	117,0	150,9	73,9	80,1	89,0
Экспорт товаров и услуг	43,2	91,5	121,1	142,9	113,8	100,6	108,3	175,4
Вывоз товаров и услуг в регионы РФ	32,8	99,4	128,0	140,0	135,8	152,9	165,9	194,3
<i>Структура, % к общему объему ресурсов</i>								
Ресурсы, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Выпуск продукции	88,3	90,4	88,6	89,4	91,3	91,1	90,9	89,8
Импорт товаров и услуг	2,7	2,4	1,5	2,2	1,5	1,6	1,7	2,8
Ввоз товаров и услуг из регионов РФ	8,9	7,3	9,9	8,4	7,2	7,3	7,4	7,4
Использование ресурсов, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Промежуточное потребление	38,0	38,6	43,0	43,8	42,6	43,9	43,7	41,3
Расходы на конечное потребление	15,8	15,0	20,5	18,9	21,3	24,6	24,8	22,9
Валовое накопление капитала	4,5	11,5	7,8	10,9	13,6	7,1	7,1	6,9
Экспорт товаров и услуг	23,7	16,7	13,9	13,3	10,3	9,7	9,6	13,7
Вывоз товаров и услуг в регионы РФ	18,0	18,1	14,7	13,1	12,2	14,7	14,7	15,2
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.								

Основными тенденциями изменения структуры формирования и использования ресурсов области в 2000–2015 гг. стали:

- 1) рост доли выпуска продукции с одновременным сокращением доли ввоза товаров и услуг в создании ресурсов (на 1,5 п.п.);
- 2) увеличение доли промежуточного потребления (на 3,4 п.п.);
- 3) рост доли валового накопления капитала (на 2,4 п.п.);
- 4) существенное увеличение доли расходов на конечное потребление (на 7,1 п.п.);
- 5) значительное уменьшение доли вывоза товаров и услуг (на 12,8 п.п.).

Перечисленные тенденции рассмотрены ниже более детально.

Выпуск продукции¹¹ в Вологодской области в 2015 г. составил в основных ценах 998,7 млрд. рублей. Ключевая роль в выпуске отводится отраслям, производящим товары (прежде всего промышленности и строительству). В 2015 г. на их долю суммарно пришлось 65,6% выпуска (табл. 2.19). Производство услуг обеспечило 34,4% выпуска, в том числе рыночных услуг – 25,7%, нерыночных услуг – 8,7%. За период с 2000 по 2015 г. произошла существенная трансформация структуры выпуска продукции. Доля производства товаров сократилась на 11 п.п. (в т.ч. промышленности – на 9,3 п.п.), одновременно существенно возросла доля производства рыночных и нерыночных услуг – на 7,8 и 3,3 п.п. соответственно. Эти изменения, в свою очередь, сказались на структуре промежуточного потребления и, как следствие, на перераспределении валовой добавленной стоимости (ВДС) по отраслям экономики. В итоге к 2014 г. отрасли, производящие товары, отдали первенство по формированию ВДС в экономике отраслям, производящим услуги¹².

Таблица 2.19. **Структура выпуска продукции Вологодской области,**
млрд. руб. (в основных ценах)

Вид деятельности	2000 г.			2015 г.		
	Выпуск продукции	Промежуточное потребление	ВДС	Выпуск продукции	Промежуточное потребление	ВДС
Производство товаров	106,0	57,0	49,1	655,6	412,1	243,5
	76,6*	82,3*	70,9*	65,6*	77,8*	51,9*
Промышленность	89,8	49,7	40,2	554,9	355,0	200,0
	64,9*	71,8*	58,0*	55,6*	67,0*	42,7*
Строительство	6,2	2,6	3,7	55,6	33,4	22,2
	4,5*	3,7*	5,3*	5,6*	6,3*	4,7*
Прочие виды деятельности по производству товаров	10,0	4,7	5,2	45,1	23,7	21,3
	7,2*	6,8*	7,6*	4,5*	4,5*	4,6*
Производство рыночных услуг	24,8	8,6	16,2	256,3	85,1	171,2
	17,9*	12,5*	23,4*	25,7*	16,1*	36,5*
Оптовая и розничная торговля	10,5	3,6	6,9	85,9	30,2	55,7
	7,6*	5,2*	10,0*	8,6*	5,7*	11,9*

¹¹ Суммарная стоимость произведенных товаров, выполненных работ и услуг.

¹² Следует отметить, что при сопоставлении сферы производства товаров и услуг на основе ВДС в основных ценах несколько преуменьшается удельный вес товаров. Это происходит потому, что ВДС, определяемая в основных ценах, не учитывает величину чистых налогов на продукты (косвенных налогов), являющихся частью добавленной стоимости и входящих в рыночную стоимость товаров. Услуги же косвенными налогами не облагаются.

Окончание таблицы 2.19

Вид деятельности	2000 г.			2015 г.		
	Выпуск продукции	Промежуточное потребление	ВДС	Выпуск продукции	Промежуточное потребление	ВДС
Транспорт и связь	8,8	3,4	5,4	111,2	31,3	79,9
	6,3*	4,9*	7,7*	11,1*	5,9*	17,0*
Операции с недвижимым имуществом	1,0	0,01	1,0	41,6	15,6	26,0
	0,7*	0,02*	1,5*	4,2*	2,9*	5,6*
Прочие рыночные услуги	4,5	1,6	2,9	17,6	8,0	9,6
	3,3*	2,3*	4,2*	1,8*	1,5*	2,0*
Производство нерыночных услуг	7,5	3,6	3,9	86,8	32,7	54,1
	5,4*	5,2*	5,7*	8,7*	6,2*	11,5*
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	2,4	1,1	1,3	45,2	20,0	25,2
	1,7*	1,6*	1,9*	4,5*	3,8*	5,4*
Образование	2,2	0,7	1,5	13,2	2,4	10,8
	1,6*	1,0*	2,1*	1,3*	0,5*	2,3*
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2,9	1,8	1,2	28,4	10,3	18,0
	2,1*	2,6*	1,7*	2,8*	1,9*	3,8*
Итого	138,4	69,2	69,2	998,7	529,9	468,8
	100,0*	100,0*	100,0*	100,0*	100,0*	100,0*
* % к итогу. Источник: рассчитано на основе данных Росстата.						

Основой всего производственного процесса должно оставаться все же производство товаров, создавая возможности по материальному обеспечению производства услуг [29]. Поэтому появляющаяся в Вологодской области диспропорция между производством товаров и услуг указывает на необходимость модернизации ее материального производства, направленной на повышение эффективности затрат и снижение ресурсоемкости выпуска.

В сложившихся условиях в регионе наблюдается рост ресурсоемкости выпуска продукции и снижение общей экономической эффективности. В 2015 г. промежуточное потребление¹³ составило 529,9 млрд. рублей (табл. 2.20). Наибольший удельный вес промежуточного потребления в выпуске складывается как раз в производственных сферах, имеющих

¹³ Затраты хозяйствующих субъектов на приобретение материальных ресурсов и услуг для текущих производственных целей.

значительные материальные затраты: в обрабатывающих производствах – 64,1%, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – 63%, строительстве – 60,1%, сельском и лесном хозяйстве – 53%. В числе самых ресурсоемких – металлургическое производство (78%), производство молочных продуктов, мяса и мясопродуктов (70%), прочих неметаллических минеральных продуктов (69%). В транспорте и связи, торговле и видах деятельности по оказанию различного рода услуг (операции с недвижимым имуществом, здравоохранение, образование) на долю промежуточного потребления приходится от 18 до 55% выпуска.

Таблица 2.20. **Ресурсоемкость выпуска продукции***
в экономике Вологодской области, %

Вид деятельности	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Изм. 2000-2015 гг., п.п.
Производство товаров	53,7	58,1	66,8	67,1	65,9	68,3	66,7	62,9	+9,2
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	47,5	40,8	52,4	56,5	57,4	59,1	53,8	53,0	+5,5
Обрабатывающие производства	55,5	61,0	70,3	69,6	68,3	71,5	69,2	64,1	+8,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	52,0	59,4	61,3	62,2	61,5	63,8	65,8	63,0	+11,0
Строительство	40,9	51,3	55,4	60,6	60,9	52,1	57,1	60,1	+19,2
Рыночные услуги	34,8	29,3	42,3	38,9	36,5	36,3	36,2	33,2	-1,6
Оптовая и розничная торговля	34,4	35,7	38,3	38,0	40,8	38,7	37,5	35,1	+0,7
Транспорт и связь	38,9	23,0	45,6	39,8	32,7	33,0	33,4	28,2	-10,7
Операции с недвижимым имуществом	12,0	26,1	37,2	36,7	33,5	35,5	38,1	37,4	+25,4
Прочие рыночные услуги	35,4	42,9	45,0	42,7	44,6	47,0	52,5	45,5	+10,1
Нерыночные услуги	47,9	39,2	34,0	33,8	34,5	36,3	36,0	37,7	-10,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	46,1	45,9	31,3	32,8	34,0	41,4	42,3	44,3	-1,8
Образование	32,9	32,3	30,1	29,0	25,4	21,7	18,4	18,2	-14,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	60,6	37,9	39,6	37,7	39,7	35,9	33,9	36,4	-24,2
Итого	50,0	52,2	58,8	59,2	57,1	57,1	56,0	53,1	+3,1
Справочно:									
Ресурсоемкость выпуска продукции в экономике РФ	48,4	50,0	51,2	49,1	48,7	49,2	48,3	49,1	+0,7
* Удельный вес промежуточного потребления в выпуске. Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

Ресурсоемкость выпуска продукции в экономике области за 2000–2015 гг. поднялась с 50 до 53%. Существенное увеличение этого показателя было характерно почти для всех ключевых видов деятельности экономики области – обрабатывающих производств, сельского и лесного хозяйства, строительства. В целом по стране ресурсоемкость за аналогичный период возросла на 0,7 п.п. и составила в 2015 г. 49,1%. Стоит отметить, что значения этого важнейшего показателя существенно превышают уровень промышленно развитых стран (для сравнения: в США в 2015 г. он был равен 44,0%, в 2000 г. – 44,6%, т.е. наблюдается его некоторое снижение) и отражают низкую эффективность российской экономики.

Ресурсоемкость производства характеризует способность экономики увеличивать генерацию доходов (добавленную стоимость) при уменьшении расхода ресурсов на единицу выпуска продукции. Увеличение ресурсоемкости ведет к сокращению производственных возможностей экономики и усложняет достижение ее сбалансированности за счет большей потребности в сырье, материалах, комплектующих изделиях и энергетических ресурсах. Снижение доли добавленной стоимости в выпуске свидетельствует об ухудшении способности экономики генерировать доходы. Сокращение доходов, в свою очередь, ведет к уменьшению спроса и сдерживает развитие производства [82].

Исходя из балансовых соотношений, рост ресурсоемкости (т.е. доли промежуточного потребления в выпуске продукции) ведет к сокращению доли добавленной обработки и свидетельствует о снижении эффективности затрат в экономике. Показатель экономической эффективности затрат в целом по экономике области за 2000–2015 гг. сократился на 12%, при этом в производстве товаров снижение составило 31,4% (табл. 2.21). Темпы падения эффективности затрат в области существенно опережают среднероссийские. Примечательно, что рост эффективности затрат отмечается лишь в производстве нерыночных услуг – госуправлении, образовании и здравоохранении (одним из объяснений этого можно считать опережающий рост оплаты труда, которая в бюджетной сфере составляет более 95% валовой добавленной стоимости, а в целом по экономике – 45,3%).

Таблица 2.21. **Эффективность затрат*** в экономике Вологодской области

Вид деятельности	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2000 г., %
Производство товаров	0,86	0,72	0,50	0,49	0,52	0,46	0,50	0,59	68,6
Промышленность	0,81	0,64	0,44	0,45	0,48	0,41	0,45	0,56	69,1
Строительство	1,44	0,95	0,81	0,65	0,64	0,92	0,75	0,66	45,8
Прочие виды деятельности по производству товаров	1,11	1,44	0,91	0,77	0,74	0,70	0,86	0,90	81,1
Рыночные услуги	1,87	2,42	1,36	1,57	1,74	1,75	1,76	2,01	107,5
Оптовая и розничная торговля	1,90	1,80	1,61	1,63	1,45	1,59	1,67	1,85	97,4
Транспорт и связь	1,57	3,34	1,19	1,51	2,06	2,03	1,99	2,55	162,4
Операции с недвижимым имуще- ством	н/д	2,83	1,68	1,73	1,98	1,82	1,63	1,67	–
Прочие рыночные услуги	1,83	1,33	1,22	1,34	1,24	1,13	1,26	1,20	65,6
Нерыночные услуги	1,09	1,55	1,94	1,96	1,90	1,75	1,79	1,65	151,4
Государственное управление и обеспечение военной безопас- ности; обязательное социальное обеспечение	1,17	1,18	2,20	2,05	1,94	1,42	1,36	1,26	107,7
Образование	2,04	2,09	2,32	2,45	2,94	3,61	4,45	4,51	221,1
Здравоохранение и предоставле- ние социальных услуг	0,65	1,64	1,52	1,65	1,52	1,79	1,95	1,75	269,2
Итого	1,00	0,92	0,70	0,69	0,75	0,75	0,79	0,88	88,0
Справочно:									
Эффективность затрат в экономике РФ	1,06	1,00	0,95	1,04	1,05	1,03	1,07	1,07	100,9
* Отношение ВДС к промежуточному потреблению. Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

Ключевым фактором, позволяющим снизить ресурсоемкость производства и повысить эффективность его затрат, выступают обновление основного капитала и связанные с ним новые технологии, дающие возможность создать такой же или больший объем продукции с меньшими затратами сырья и материалов [4, 15, 18, 136].

В период активного роста экономики после кризиса 1998 г. в Вологодской области произошло существенное обновление капитала [42]. На конец 2015 г. стоимость всех основных фондов (по полной учетной стоимости) равнялась 1403,8 млрд. рублей. Прирост основных фондов за 2000–2015 гг. в сопоставимых ценах составил 420,9 млрд. рублей. Обновление основных фондов должно было привести к значительному

снижению ресурсоемкости (промежуточного потребления) производства. Однако приведенные выше данные этого не подтверждают. По мнению М.М. Соколова [113], такое возможно в том случае, если инвестиции идут не на покупку нового оборудования, а на капитальный ремонт старого. Об этом красноречиво свидетельствует низкий и постоянно снижающийся коэффициент выбытия основных фондов, сократившийся в 2016 году до 0,5% (рис. 2.22). Опасной тенденцией является рост износа основных фондов в промышленности. С 2008 по 2016 г. он увеличился с 34,8 до 53,3%, вернувшись к уровню конца 1990-х.

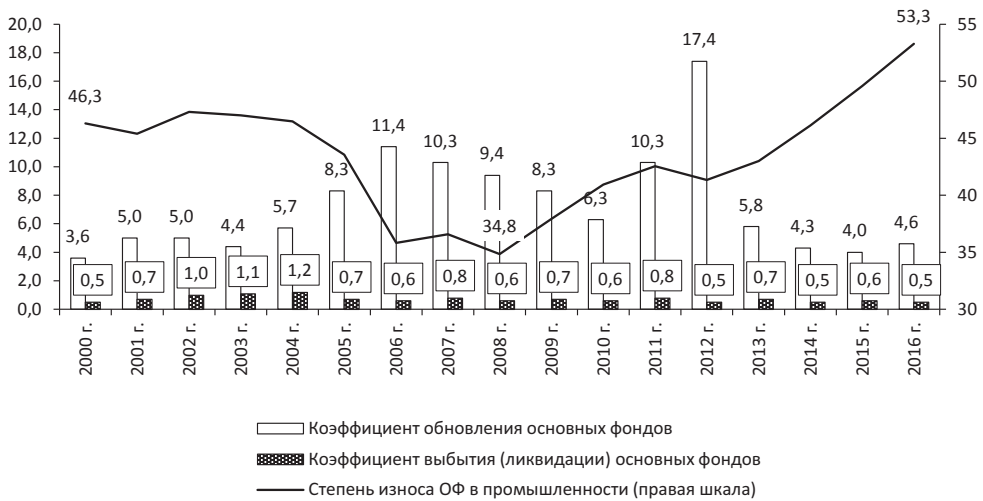

Рисунок 2.22. Характеристика основных фондов Вологодской области

Источник: Росстат.

Такое положение вещей связано в основном с низкими темпами инвестиций (рис. 2.23). Если за период с 2000 по 2005 г. инвестиции в основной капитал выросли в 4,7 раза, то за период с 2005 по 2016 г. снизились почти на 22%. Норма накопления основного капитала сократилась к 2015 г. до 19,1% ВРП, что является крайне низкой величиной по сравнению даже со среднероссийским уровнем (25% ВВП в основных ценах), не говоря уже об уровне ряда развивающихся стран, где норма накопления достигает 35–40% ВВП [25]. При существующем состоянии основных фондов и динамике их обновления можно забыть о расширенном воспроизводстве, речь может идти только о выживании.

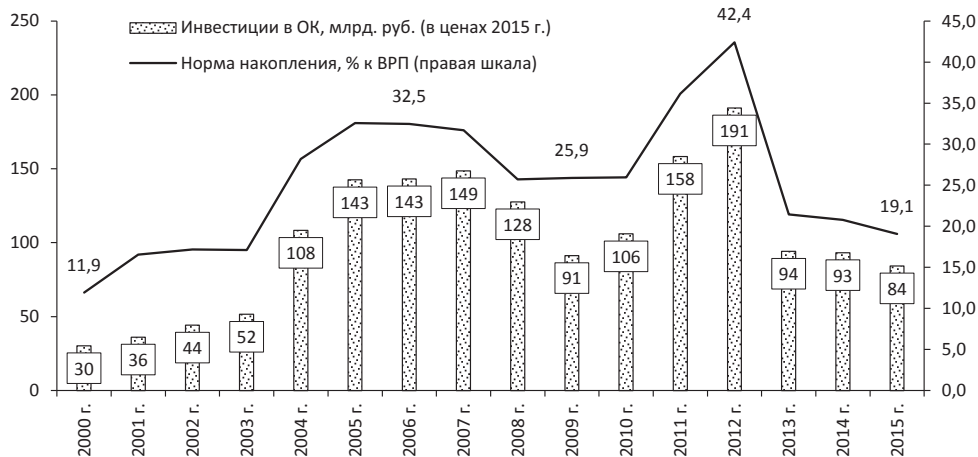

Рисунок 2.23. Инвестиции и норма накопления основного капитала* Вологодской области

* Доля валового накопления основного капитала в ВРП.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Недостаток средств для накопления обусловлен несколькими факторами. Во-первых, чрезмерным изъятием средств из регионального воспроизводственного процесса, связанным с бегством капитала, что сдерживает рост производства и соответственно доходов экономики¹⁴ (табл. 2.22). Во-вторых, активным увеличением конечного потребления, недостаточно обеспеченным ростом внутреннего промышленного производства¹⁵.

Существенное влияние на формирование фонда накопления оказывает ухудшение мировой конъюнктуры, а также рост цен сырьевые ресурсы внутри страны, уменьшающие прибыль организаций и, как следствие, величину средств, потенциально используемых для инвестирования.

¹⁴ Согласно экспертным оценкам, за 2008–2014 гг. общий объем капитала, вывезенного из России субъектами экономики и частными лицами, составил 30 трлн. руб. (эквивалентно 16% ВВП и 30% доходов федерального бюджета, полученных в эти годы) [42]. Утечка капитала, прежде всего со стороны крупнейших экспортеров, осуществляется с использованием офшорных схем в целях минимизации налогообложения. Основными собственниками крупнейших корпораций Вологодской области ПАО «Северсталь» и АО «ФосАгро» являются как раз офшорные компании.

¹⁵ Согласно экспертным оценкам, за 2008–2014 гг. общий объем капитала, вывезенного из России субъектами экономики и частными лицами, составил 30 трлн. руб. (эквивалентно 16% ВВП и 30% доходов федерального бюджета, полученных в эти годы) [42]. Утечка капитала, прежде всего со стороны крупнейших экспортеров, осуществляется с использованием офшорных схем в целях минимизации налогообложения. Основными собственниками крупнейших корпораций Вологодской области ПАО «Северсталь» и АО «ФосАгро» являются как раз офшорные компании.

Таблица 2.22. **Использование располагаемого дохода в Вологодской области**

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2000 г., %
<i>Объем, млрд. руб. (в текущих ценах)</i>									
Валовой располагаемый доход	69,2	194,0	262,4	323,1	355,3	346,2	387,2	468,8	В 6,8 р.
Расходы на конечное потребление	28,8	82,3	178,9	203,0	236,6	256,3	279,3	293,2	В 10,2 р.
Валовое сбережение	40,4	111,7	83,5	120,1	118,7	90,0	107,9	175,6	В 4,3 р.
Валовое накопление ОК	13,1	69,8	68,1	116,7	150,7	73,9	87,8	97,6	В 7,5 р.
Чистое кредитование (+), чистое заимствование (-) и статистическое расхождение ¹⁶	27,3	41,9	15,4	3,4	-32,0	16,1	20,0	78,0	В 2,9 р.
<i>Структура, % к общему объему располагаемого дохода</i>									
Валовой располагаемый доход	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Расходы на конечное потребление	41,6	42,4	68,2	62,8	66,6	74,0	72,1	62,5	150,3
Валовое сбережение	58,4	57,6	31,8	37,2	33,4	26,0	27,9	37,5	64,2
Валовое накопление ОК	18,9	36,0	26,0	36,1	42,4	21,3	22,7	20,8	110,0
Чистое кредитование (+), чистое заимствование (-) и статистическое расхождение	39,5	21,6	5,9	1,1	-9,0	4,7	5,2	16,6	42,2
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

Политика повышения внутренних цен на сырьевые товары оказала существенное влияние на экономику [131]. Для России характерен относительно низкий уровень внутренних цен на сырьевые товары¹⁷. Это имеет как положительные, так и отрицательные последствия для национального производства. Низкие по сравнению с другими странами цены на топливные ресурсы, электроэнергию и другие сырьевые ресурсы удешевляют производство национальной продукции, способствуя ее конкурентоспособности. Издержки производителей, ориентированных на экспорт, складываются на основе внутренних заниженных цен, а товар продается на внешних рынках по относительно более высоким ценам. В результате за счет ножниц цен происходит перераспределение доходов из отраслей, работающих на внутреннюю экономику, в экспортоориентированные

¹⁶ Чистое кредитование (+) или чистое заимствование (-) представляет собой превышение или дефицит источников финансирования по сравнению с расходами на чистое приобретение нефинансовых активов. На уровне экономики в целом чистое кредитование или чистое заимствование показывает количество ресурсов, которое страна (регион) предоставляет в распоряжение «остального мира» или которое «остальной мир» предоставляет стране (региону).

¹⁷ Например, средняя стоимость одного литра бензина в России составляет 36 рублей, в США – 41, в Китае – 64, в Индии – 64, в Японии – 67, в Германии – 94. Средняя стоимость электричества в России оценивается в 8,2 цента США за один кВт, в США – 12,5, в Великобритании – 20,0, в Германии – 36,3.

производства, что для сектора государственного управления ведет к увеличению налоговой базы и соответственно доходов бюджета. Внешне это выглядит как увеличение доходов от экспорта сырьевых товаров, хотя, по существу, доходы сырьевых корпораций в значительной мере являются следствием скрытого перераспределения доходов предприятий, работающих на внутренний рынок.

Относительно низкие цены на энергоресурсы в определенной мере компенсируют повышенные затраты, связанные с климатическими условиями и использованием энергозатратного¹⁸ оборудования и технологий. Кроме того, низкие цены на сырьевые товары способствуют привлечению иностранных инвестиций не только в сырьевые отрасли, но и в обрабатывающие производства.

Вместе с тем низкие цены на сырьевые ресурсы не стимулируют производителей к повышению технического уровня производства, сдерживают процессы по внедрению ресурсосбережения.

В ходе реформ¹⁹ в начале 2000-х гг. была взята на вооружение идея, согласно которой рост цен на энергоресурсы приведет к росту эффективности, что оказалось фундаментальной ошибкой. Рост цен на энергоресурсы существенно опережал рост цен на промышленную продукцию. Например, индекс цен промышленных товаров в Вологодской области в 2015 г. по сравнению с 2000 г. составил 492% (рис. 2.24). За это время рост цен на приобретенные промышленными предприятиями энергоресурсы составил более 750% (в т.ч. на газ – 2091%, электроэнергию – 742%, теплоэнергию – 685%, уголь – 591%), на грузовые перевозки – более 770%.

Рост цен на ресурсы оказался весьма значительным, однако это не привело к увеличению эффективности. В то же время рост цен на энергоресурсы оказывал негативное влияние на рентабельность и инвестиционные возможности предприятий (рис. 2.25). Одновременно снижалась конкурентоспособность российской продукции, что облегчило доступ

¹⁸ Энергоемкость выпуска продукции в Вологодской области за 2000–2014 гг. выросла в сопоставимых ценах на 3,4%, составив в 2014 г. 18,2 млн. кВт·ч на 1 млрд. рублей выпуска. Это чрезвычайно высокое значение, которое превышает на 10–15% даже среднероссийский уровень, который Е.М. Примаков характеризовал так: «На одну тонну стали в России расходуется в три раза больше электроэнергии, чем в Бельгии, Франции, Италии, на производство одной тонны минеральных удобрений – в шесть раз больше, чем в арабских странах».

¹⁹ Реформирование электроэнергетики осуществлялось в 2002–2008 гг. В процессе реформы в РАО «ЕЭС» была ликвидирована вертикальная интеграция генерирующей и сетевой деятельности, что привело к дезинтеграции энергетической системы страны, снижению качественных показателей работы электроэнергетики, повышенной аварийности. Примерно в те же сроки «Газпром» активно повышал цены на газ для внутренних потребителей.

зарубежных товаров на национальный рынок. Выигрыш от реализации политики повышения внутренних цен на ресурсы получили преимущественно владельцы нефтедобывающих и металлургических предприятий, а основными проигравшими стали обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство и население.

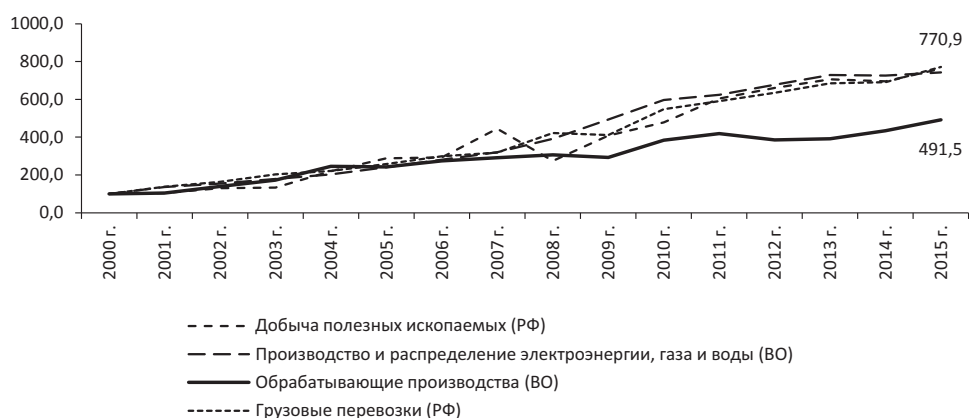

Рисунок 2.24. **Индексы цен в ключевых секторах экономики Вологодской области и РФ,**
% к 2000 г.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

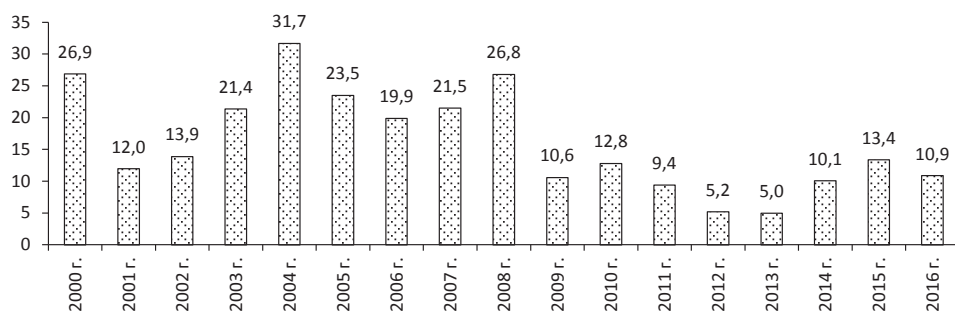

Рисунок 2.25. **Рентабельность проданных товаров организаций Вологодской области, %**

Источник: Росстат.

Важным фактором снижения ресурсоемкости производства и повышения эффективности его затрат выступает снижение объемов ввоза (в т.ч. импорта) в регион сырья и комплектующих изделий. По отношению к выпуску товаров на экономической территории Вологодской области они

представляют собой промежуточное потребление. Их выпуск, затраты сырья, материалов, энергоресурсов и т.д., а также образовавшаяся при их производстве добавленная стоимость были учтены в объеме производства регионов-производителей. В Вологодской области они увеличивают материальные затраты. За счет ввоза товаров материальные затраты в области возрастают без создания добавленной стоимости, что влечет формальное повышение промежуточного потребления по отношению к выпуску.

В структуре импорта происходят некоторые положительные изменения. Соотношение импорта потребительских, промежуточных и инвестиционных товаров в последние годы улучшилось – сократилась доля потребительских и промежуточных товаров, увеличилась доля инвестиционных (табл. 2.23).

Таблица 2.23. **Удельный вес различных групп товаров в объеме импорта Вологодской области, %**

Группа товаров	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 к 2000 г.
Потребительские товары	31,9	15,8	16,0	10,7	15,4	15,7	13,3	9,3	29,0
Промежуточные товары	28,3	17,6	27,7	20,1	29,9	30,0	28,5	25,4	94,0
Инвестиционные товары	39,8	66,6	56,3	69,2	54,7	54,4	58,1	65,4	159,2
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

Объем товаров и услуг, использованный внутри региона, может быть больше или меньше произведенного на величину сальдо чистого вывоза. Если регион больше ввозит, чем вывозит, то объем конечного потребления товаров и услуг и валового накопления больше произведенного, а в случае превышения вывоза – меньше.

Для Вологодской области характерен положительный чистый вывоз. На его величину объем внутреннего потребления товаров и услуг меньше, чем их производство.

В рассматриваемом периоде доля вывоза в общем объеме использования ресурсов существенно снизилась. Доля вывоза в регионы РФ сократилась на 2,8 п.п. (с 18 до 15,2%), доля экспорта – на 10 п.п. (с 23,7 до 13,7%), общая доля вывоза – на 12,8 п.п. (с 41,7 до 28,9%).

Доля ввоза в формировании ресурсов снизилась в значительно меньшей степени. Доля ввоза из регионов РФ сократилась на 1,5 п.п. (с 8,9 до 7,4%), доля импорта выросла на 0,1 п.п. (с 2,7 до 2,8%), общая доля ввоза уменьшилась на 1,4 п.п. (с 11,6 до 10,2%).

В результате доля чистого вывоза в 2015 г. сократилась по сравнению с 2000 г. на 11,4 п.п. (с 30,1 до 18,7%, т.е. более чем в 1,5 раза).

Баланс ресурсов и использования продукции с позиций соотношения выпуска, вывоза и ввоза характеризуется следующими основными равенствами:

$$\text{общая емкость рынка} = \text{выпуск} + \text{ввоз}, \quad (13)$$

$$\text{емкость внутреннего рынка} = \text{выпуск} - \text{вывоз} + \text{ввоз}, \quad (14)$$

$$\text{емкость внутреннего рынка для местных производителей} = \text{выпуск} - \text{вывоз}. \quad (15)$$

Соотношения между отдельными компонентами, образующими эти равенства, постоянно меняются как в кратко-, так и в долгосрочном плане.

В текущих ценах, в связи с более быстрым ростом цен на товары регионального производства по сравнению с ценами на импорт в 2000–2015 гг., рост выпуска продукции опережал рост импорта (табл. 2.24). Это обуславливало увеличение общей емкости рынка за счет роста выпуска продукции. Выпуск продукции в текущих ценах, по которым осуществляются реальные операции с товарами и услугами, по отношению к общей емкости рынка увеличился с 88,3 до 89,8%. Роль регионального производства в покрытии ресурсов, необходимых для внутреннего рынка, и емкости внутреннего рынка для вологодских производителей в этот период сокращалась. По отношению к емкости внутреннего рынка выпуск уменьшился на 16,6% (со 151,5 до 126,3%). По отношению к емкости внутреннего рынка для местных производителей сокращение составило 22,2% (со 189,4 до 147,3%). Доля ввоза в общей емкости рынка в действующих рыночных ценах в 2000–2015 гг. сокращалась. В 2000 г. она составляла 11,7%, а в 2015 году – 10,2%. По отношению к емкости внутреннего рынка доля ввоза уменьшилась на 28,8% (с 20,0 до 14,3%). Это снижение достигнуто в основном в 2003–2008 гг. В 2015 г. по сравнению с 2008 г. она изменилась не существенно. Некоторое понижение доли импорта в 2003–2008 годах связано в основном с девальвацией рубля в 1998 г., повысившей рублевые цены импортных товаров.

Таблица 2.24. **Соотношение выпуска, вывоз и ввоза продукции в балансе ресурсов и их использования в Вологодской области в 2000–2015 гг., млрд. руб. (в текущих ценах)**

Показатель	№	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2000 г., раз
Выпуск продукции в рыночных ценах	1	161,0	495,1	771,9	958,8	1012,8	948,6	1022,4	1151,6	7,2
Ввоз, в т.ч.	2	21,3	52,8	99,3	113,3	96,7	92,7	102,6	130,2	6,1
Импорт	3	5,0	13,0	13,3	23,3	16,6	16,5	19,7	35,3	7,1
Ввоз из регионов РФ	4	16,3	39,8	86,0	90,0	80,1	76,2	82,9	94,9	5,8
Вывоз, в т.ч.	5	76,0	190,9	249,1	282,9	249,6	253,5	274,2	369,7	4,9
Экспорт	6	43,2	91,5	121,1	142,9	113,8	100,6	108,3	175,4	4,1
Вывоз в регионы РФ	7	32,8	99,4	128,0	140,0	135,8	152,9	165,9	194,3	5,9
Общая емкость рынка (1+2)	8	182,3	547,9	871,2	1072,1	1109,5	1041,3	1125,0	1281,8	7,0
Емкость внутреннего рынка (1+2-5)	9	106,3	357,0	622,1	789,2	859,9	787,8	850,8	912,1	8,6
Емкость внутреннего рынка для местных производителей (1-5)	10	85,0	304,2	522,8	675,9	763,2	695,1	748,2	781,9	9,2
Справочно:										
Ввоз в % к общей емкости рынка (2:8), в т.ч.	11	11,7	9,6	11,4	10,6	8,7	8,9	9,1	10,2	86,9%
Импорт в % к общей емкости рынка (3:8)	12	2,7	2,4	1,5	2,2	1,5	1,6	1,8	2,8	100,4%
Ввоз из регионов РФ в % к общей емкости рынка (4:8)	13	8,9	7,3	9,9	8,4	7,2	7,3	7,4	7,4	82,8%
Ввоз в % к выпуску продукции (2:1), в т.ч.	14	13,2	10,7	12,9	11,8	9,5	9,8	10,0	11,3	85,5%
Импорт в % к выпуску продукции (3:1)	15	3,1	2,6	1,7	2,4	1,6	1,7	1,9	3,1	98,7%
Ввоз из регионов РФ в % к выпуску продукции (4:1)	16	10,1	8,0	11,1	9,4	7,9	8,0	8,1	8,2	81,4%
Ввоз в % к емкости внутреннего рынка (2:9), в т.ч.	17	20,0	14,8	16,0	14,4	11,2	11,8	12,1	14,3	71,2%
Импорт в % к емкости внутреннего рынка ВО (3:9)	18	4,7	3,6	2,1	3,0	1,9	2,1	2,3	3,9	82,3%
Ввоз из регионов РФ в % к емкости внутреннего рынка (4:9)	19	15,3	11,1	13,8	11,4	9,3	9,7	9,7	10,4	67,9%
Выпуск продукции в % к емкости внутреннего рынка (1:9)	20	151,5	138,7	124,1	121,5	117,8	120,4	120,2	126,3	83,4%
Выпуск продукции в % к емкости внутреннего рынка для местных производителей (1:10)	21	189,4	162,8	147,6	141,9	132,7	136,5	136,6	147,3	77,8%
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.										

Усиление негативных экономических тенденций, обусловленных недостаточным вниманием государства к проблемам в отраслевой и производственной структуре экономики, в структуре экспорта и импорта, инвестиций и сбережения, требует корректировки государственной экономической политики.

2.4. Направления корректировки экономической политики

Проведенный нами анализ развития экономики и ее производственной сферы позволяет с опорой на мнения ведущих экспертов (В.В. Ивантер [38, 39, 73, 119], А.А. Широков [136], Р.С. Гринберг [117], Е.Б. Ленчук [72], И.А. Погосов [83], С.С. Губанов [26, 28, 29], О.С. Сухарев [127-130], С.Ю. Глазьев [18], А.И. Татаркин [131-133] и др.) выделить ряд приоритетных направлений государственной экономической политики.

Прежде всего необходимо **стимулирование активности экономической деятельности в реальном секторе экономики**. Развитие отраслей экономики, производящих товары (обрабатывающие производства, сельское хозяйство, строительство), во всех развитых странах является приоритетным направлением государственной экономической политики. Приоритетность развития таких отраслей убедительно доказывается межотраслевым моделированием, которое позволяет просчитать последствия для экономики от развития этих секторов. Так, например, рост выпуска в обрабатывающих производствах США на 110% ведет к росту ВВП этой страны на 101,5%, обеспечивает повышение численности занятых на 100,8% (в том числе в промышленности – на 105,4%), фонда оплаты труда – на 101,1%. В результате следующее за этим увеличение потребления, валовых инвестиций, деловых запасов, экспорта и снижение импорта товаров и услуг ведет к позитивному повышению сальдо экспорта и импорта, образованию профицита внешнеторгового баланса, укреплению национальной валюты, снижению инфляции.

Необходимость развития реального сектора экономики подтверждают значения коэффициентов полных затрат²⁰ (рис. 2.26).

²⁰ Коэффициенты полных затрат учитывают затраты, связанные с производством того или иного товара не только прямо, но и косвенно через другие товары, участвующие в производстве данного товара. Чем выше коэффициент полных затрат, тем длиннее цепочка производства товара, тем она сложнее и технологичнее, тем больше в ней переделов.

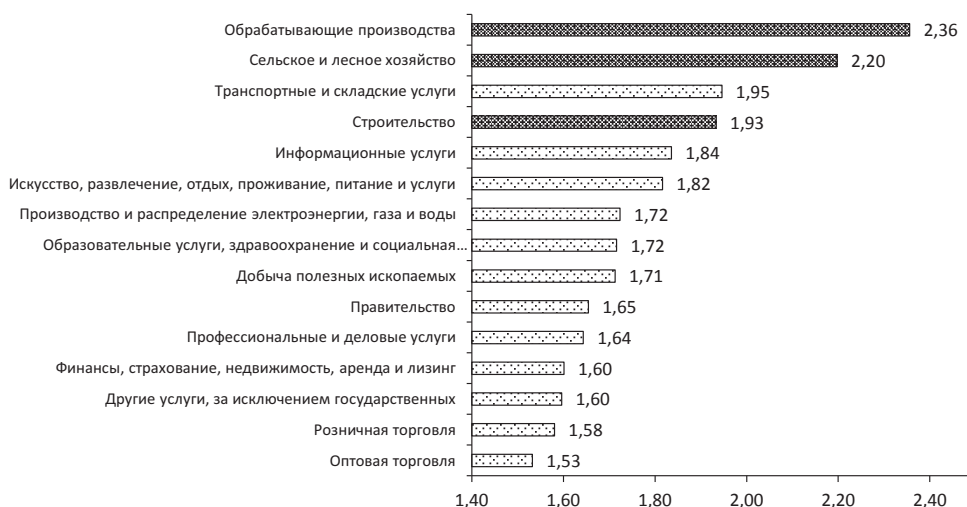

Рисунок 2.26. Коэффициенты полных затрат в отраслях экономики США*,
долларов на 1 доллар продукции (в среднем за 1997–2014 гг.) [157]

* Данные по США приводятся иллюстративно исходя из предположения о примерной схожести технологических процессов в соответствующих видах экономической деятельности в разных странах.

Отрасли с высоким мультипликатором очень важны для развития экономики страны, т.к. они выступают локомотивами развития всех остальных отраслей экономики. Предприятия именно этих отраслей должны быть приоритетными для органов власти при выборе объектов инвестирования.

Основными мерами по развитию реального сектора экономики и увеличению доходности его деятельности являются следующие.

1. Увеличение доли отечественных товаров на внутреннем рынке за счет сокращения спроса на импорт. Существенное падение физических объемов импорта (на 20–40% в реальном выражении в зависимости от товарной группы) привело к переключению части внутреннего спроса на отечественную продукцию, что поддержало объемы внутреннего производства.

2. Загрузка высвободившихся конкурентоспособных мощностей в металлургии, химии, гражданском машиностроении (включая гражданский сегмент ОПК), производстве строительных материалов и других отраслях, завершивших инвестиционные циклы.

3. Расширение производства инвестиционных товаров путем расширенного воспроизводства в машиностроении. Первоочередные направ-

ления и меры государственной политики по развитию машиностроения заключаются в следующем:

- поддержка экспорта машиностроительной продукции в отраслях с высокой долей поставок на внешний рынок (авиастроение и производство космической техники – 30%; производство добывающей и строительной техники – 10%; станкостроение – 10%, в т.ч. производство кузнечно-прессового оборудования – до 50%);
- реструктуризация накопленной задолженности машиностроительных производств;
- для структурообразующих производств инвестиционного машиностроения – расширение стимулирования низкокапиталоемких проектов по повышению локализации производства и снижению зависимости от импортных комплектующих.

4. Сохранение и дальнейшее развитие выстроенной институциональной структуры финансовой поддержки предприятий АПК. Его развитие способно оказать серьезную поддержку процессам восстановления экономического роста. Во-первых, ряд отраслей АПК продолжает быстро наращивать производства в рамках процессов импортозамещения. Во-вторых, развитие АПК создает условия для восстановления роста в сопряженных отраслях, генерируя спрос на их продукцию, в том числе на высокотехнологичные и инвестиционные товары и услуги. В-третьих, АПК способствует решению таких общеэкономических задач, как снижение инфляции на потребительском рынке и сокращение давления продовольственного импорта на обменный курс рубля.

5. Удешевление оборотного капитала за счет обеспечения стабильности валютного курса рубля и устойчивого снижения уровня процентных ставок. При этом одной из главных задач снижения стоимости заимствований является предотвращение избыточного перетока средств из производственного сектора в финансовую сферу. Ее решение также возможно лишь при условии устранения девальвационных ожиданий бизнеса. Кроме того, эта мера должна дополняться использованием иных механизмов (например, введение льгот для банков, которые в обмен на снижение ставок процента обеспечивают кредитами определенные направления бизнеса и принимают на себя риски кредитования оборотного капитала).

6. Рефинансирование потребности российских предприятий в оборотных средствах. Необходимый предприятиям объем средств должен быть доведен до них через механизмы возвратного финансирования.

7. Предотвращение роста прямой и косвенной налоговой нагрузки на бизнес и население, исключив перераспределение так называемых «девальвационных доходов» предприятий в пользу бюджета через ужесточение фискальной политики. Как показывает опыт, изъятые в результате жесткой фискальной политики доходы предприятий не направляются на развитие, а тратятся, как правило, на текущие расходы бюджета.

8. Ограничение роста цен на услуги «инфраструктурных монополий» (электроэнергия, газ, транспорт), а также на моторное топливо. При опережающем росте тарифов в этом секторе ряд преимуществ от девальвации курса будет утрачен. В то же время нельзя ограничивать рост цен в пределах, не покрывающих объективно растущие издержки естественных монополий.

Важным направлением экономической политики является **стимулирование внутреннего потребительского спроса**. Эффект от повышения доходов населения и связанных с ними потребительских расходов начинает проявляться очень быстро, в течение месяцев. Одновременно он создает предпосылки для долгосрочного роста, поскольку дает возможность предприятиям, обслуживающим потребительский спрос, получать приращение ресурсов для инвестиций.

Однако, по оценке Минэкономразвития, вклад расходов на конечное потребление домашних хозяйств в рост ВВП в 2015 г. снизился на 4,6%, в 2016–2018 гг. прогнозируется его слабый рост (табл. 2.25).

Таблица 2.25. **Вклад компонентов конечного использования в темпы прироста ВВП РФ, % к предыдущему году**

Показатель	2014 г.	2015 г. (оценка)	2016 г.	2017 г.	2018 г.
			Прогноз		
ВВП использованный	0,7	-3,9	0,7	1,9	2,4
1. Расходы на конечное потребление, в т.ч.:	0,6	-4,7	0,1	1,2	1,4
домашних хозяйств	0,7	-4,6	0,2	1,0	1,2
государственного управления	0,0	-0,2	-0,1	0,2	0,2
2. Валовое накопление, в т.ч.:	-1,6	-5,1	0,8	0,9	1,1
валовое накопление основного капитала	-0,4	-2,1	-0,4	0,4	0,5
изменение запасов	-1,1	-2,9	1,2	0,5	1,8
3. Чистый экспорт, в т.ч.:	1,8	5,8	-0,2	-0,3	-0,1
экспорт товаров	0,0	-0,1	0,3	0,4	0,6
импорт товаров	1,8	5,9	-0,5	-0,7	-0,7
Источник: Прогноз социально-экономического развития РФ на 2016 г. и на плановый период 2017 и 2018 гг. / Минэкономразвития. – С. 49-50.					

В этой связи необходимо осуществлять поддержку уровня доходов населения и уровня бюджетных расходов на социальные нужды, в том числе как минимум – номинального роста заработной платы в бюджетной сфере и пенсий. Вызванное приростом потребительских и социальных расходов увеличение совокупного спроса станет важнейшим фактором, который сам по себе может вернуть российскую экономику к положительным темпам роста.

Другой возможностью стимулирования внутреннего потребительского спроса является увеличение доходов населения за счет повышения эффективности и производительности труда. Эта задача может быть решена благодаря внедрению передовых социальных, управленческих и производственных технологий, улучшению качества жизни и условий труда населения, предупреждению эмиграции квалифицированных кадров, снижению потерь рабочего времени, сокращению болезней и ранней смертности. В связи с этим к числу приоритетных мер в сфере трудовых ресурсов, нацеленных на восстановление экономического роста, необходимо отнести следующие:

- сбережение трудовых ресурсов на основе снижения смертности населения (особенно мужчин в трудоспособном возрасте), укрепления здоровья нации, улучшения условий труда и экологической обстановки, предупреждения эмиграции квалифицированных кадров;

- поддержание уровня расходов на здравоохранение и образование, который обеспечивает как краткосрочный эффект в виде прироста конечного спроса, так и долгосрочный эффект в виде повышения качества человеческого капитала.

Для стимулирования внутреннего спроса важное значение имеет расширение процессов производственной и региональной интеграции.

Качественный рост экономики невозможен без инвестиций. Поэтому важнейшим направлением государственной экономической политики должно стать **стимулирование инвестиционной активности**. Одним из основных источников инвестиций в развитых странах выступает прибыль самих предприятий. Складывающиеся в России пропорции в распределении первичных доходов экономики затрудняют увеличение относительного объема прибыли, остающейся в распоряжении предприятий и потенциально идущей на инвестиции [32]. В 2015 г. валовая прибыль экономики составила 34,2% ВВП, что ниже значений развитых стран (США – 37,9%, Германия – 37,6%; табл. 2.26). По оценке Минэкономразвития, в 2016 – 2018 гг. ситуация существенно не изменится.

Таблица 2.26. Структура ВВП РФ по источникам доходов, % к итогу

Показатель	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
							Прогноз		
ВВП	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Оплата труда наемных работников	45,4	40,2	43,8	49,6	52,0	52,9	53,0	53,3	53,4
Чистые налоги на производство и импорт	11,9	17,1	19,7	17,8	15,6	12,9	12,6	12,3	12,1
Валовая прибыль экономики	42,7	42,7	36,5	32,6	32,4	34,2	34,4	34,5	34,5
Источники: данные Росстата; Прогноз социально-экономического развития РФ на 2016 г. и на плановый период 2017 и 2018 гг. / Минэкономразвития. – С. 53.									

В связи с этим государству необходимо активизировать деятельность в инвестиционной сфере, привлекая для этих целей средства населения и бюджета. Возможными направлениями такой политики могут стать:

- снижение процентных ставок и бюджетное стимулирование;
- повышение привлекательности для населения вложения средств в финансовые инструменты;
- осуществление крупных инвестиционных проектов.

Изменение качества экономического роста, создание экспортного потенциала требует более глубоких изменений в экономической системе страны, значительного роста эффективности производства и увеличения затрат на исследования и разработки. В качестве важнейшего драйвера экономического роста большинства промышленно развитых и развивающихся стран, вставших на путь инновационного развития, выступает **новая индустриализация**. Такой курс направлен на структурные изменения в индустриальной базе национальных хозяйств за счет широкомасштабного внедрения инноваций и перевода промышленных производств различных секторов экономики на новую высокотехнологичную основу и реализуется государствами на основе формирования новой промышленной политики. Это позволяет решить целый ряд важнейших проблем: повысить конкурентоспособность производства по широкому кругу отраслей, увеличить производительность труда, создать новые рабочие места, что в конечном счете создаст предпосылки для обеспечения устойчивой динамики экономического роста. Проблема перехода к инновационной модели развития остро стоит и перед Россией.

Содержанием новой индустриализации является процесс распространения «прорывных технологий», который охватывает как формирование новых отраслей и секторов промышленности, воспроизводящих эти про-

рывные технологии, так и их распространение в традиционных отраслях промышленности и секторах национального хозяйства, что требует соответствующей модернизации производственного аппарата [45, 46, 72].

Согласно методологии национального счетоводства, ВВП, или конечный спрос (Y), включает заработную плату v (выражает интерес работника); валовую прибыль s (интерес частного собственника) и государственный бюджет b (интерес совокупного, социального капитала) [26]:

$$Y = v + s + b. \quad (16)$$

Следовательно, ВВП можно увеличивать за счет отдельных его элементов. В настоящее время действует вариант с максимизацией прибыли промежуточного выпуска²¹ [28]:

$$[AX + (s \rightarrow_{\max})] + (v + b) \rightarrow_{\min} = X. \quad (17)$$

Однако такой вариант несовместим с максимизацией не только заработной платы, но и госбюджета (феномен офшоризации собственности и прибыли). Результаты функционирования такой экономической модели, приведенные выше, доказывают необходимость ее изменения.

Требованиям и задачам модернизации экономики страны, проведения новой индустриализации отвечает прежде всего курс на максимизацию зарплат и госбюджета, а также минимизацию прибыли промежуточных стадий производства в составе Y . Основное уравнение межотраслевого баланса при этом принимает вид [28]:

$$AX + [(v + b) \rightarrow_{\max} + (s \rightarrow_{\min})] = X. \quad (18)$$

Этим требованиям более всего соответствует вертикально интегрированная форма организации народного хозяйства. Как показывает практика²², все известные ныне передовые достижения и эффекты высо-

²¹ Согласно основному уравнению межотраслевого баланса $AX + Y = X$, где AX – промежуточное потребление, Y – конечное потребление, X – валовой выпуск.

²² Если обратиться к группировке корпораций США по концентрации капитала и прибыли, то увидим, как в период 1970–2005 гг. неуклонно и систематически укреплялись доминирующие позиции крупнейших, вертикально интегрированных структур с капиталом более 1 млрд. долл. В 1970 г. крупные вертикально интегрированные корпорации обладали 48,8% совокупного капитала, 51,9% – прибыли; в 2005 г. их доля поднялась, соответственно, до 83,2 и 86%. Сопоставима также их доля в экспорте, накоплениях, НИР и НИОКР, инновациях. Короче говоря, в развитых странах полностью доминирует экономика корпораций, а не малых предприятий. Безраздельно господствует именно экономика вертикальной интеграции, в отличие от пореформенной России, где возобладала экономика частнокапиталистической стихии, дезинтеграции и децентрализации. На ведущих направлениях неоиндустриализации – электроника и технотронное двигателестроение – господство ТНК просто безоговорочное [29].

котехнологичного прогресса реализуемы только в условиях единых вертикально интегрированных цепочек добавленной стоимости, в рамках экономики многоотраслевых национальных и транснациональных корпораций на базе смешанной, планово-интегрированной экономической системы, которая использует и косвенные, и прямые методы регулирования ключевых воспроизводственных пропорций, начиная с накопления капитала и его эффективности.

Для решения задачи проведения новой индустриализации России в соответствие с законом вертикальной интеграции, суть которого состоит в том, что промежуточные производства имеют нулевую рентабельность, следует запретить извлечение прибыли из промежуточного производства, допуская ее извлечение из производства конечной продукции [26]. Действительно, многоотраслевые корпорации извлекают прибыль не из производства средств производства, не из сырья и полуфабрикатов, а из производства продукции высших переделов. Нефтяные корпорации торгуют не нефтью, а продуктами глубокой нефтепереработки; машиностроительные – не алюминием, медью, чугуном, сталью, а двигателями, станками, машинами, самолетами; электронные – не кремнием и редкоземельными металлами, а микропроцессорами и цифровой техникой.

Решение задачи неоиндустриализации России потребует осуществления общегосударственной программы вертикальной интеграции народного хозяйства. Основой экономики страны должны стать созданные государственные корпорации, имеющие в своем составе технологически сопряженные производства средств производства.

Важнейшим приоритетом должно стать возрождение и развитие диверсифицированного отечественного машиностроения, которое будет обеспечено конечным спросом. Специалисты ИНП РАН указывают на возможную реализацию следующих технологических цепочек в экономике России [15, 73]:

- оборонно-промышленный комплекс – станкостроение и отрасли, его комплектующие, современное приборостроение;
- отрасли топливно-сырьевого сектора и энергетика – тяжелое и энергетическое машиностроение – станкостроение;
- транспортное машиностроение – станкостроение;
- АПК – сельскохозяйственная техника – станкостроение;
- лесной комплекс – оборудование для заготовки, переработки и обработки древесины – станкостроение;

- текстильная и легкая промышленность – оборудование для текстильной, швейной и обувной промышленности – станкостроение;

- строительный комплекс – производство современных стройматериалов – строительная техника различного назначения – станкостроение.

Модель новой индустриализации должна стать новой экономической моделью России. При этом, как показало исследование, ключом к решению проблемы экономического развития нашей страны является динамичное и масштабное повышение следующих базисных параметров народнохозяйственной системы:

- мультипликатора добавленной стоимости (до 12–14 и выше);
- доли автоматизированных рабочих мест (до 25–30% в секторах материального производства);
- производительности труда (с темпом роста не менее 9% в год);
- качества и конкурентоспособности продукции (рост экспорта готовой продукции на 15–20% в год);
- реальной покупательной способности населения, товаропроизводителей и государственного бюджета (с темпом не ниже 7% в год);
- доли внутреннего фонда накопления (не менее 30% ВВП);
- эффективности капитальных вложений в секторах материального производства (не менее 35–40%).

Перечисленные системные параметры являются довольно жесткими, но они вполне реалистичны для экономической системы передового интегрированного типа. Модель новой индустриализации, содержащая и включающая фундаментальные источники экономического роста, представляет собой модель прогрессивной структурной диверсификации отечественной экономики и увеличения производительности труда.

При этом особенно следует подчеркнуть, что преодоление системного кризиса в экономике России требует активного участия государства в регулировании воспроизводственных процессов. Это, в свою очередь, обусловливает необходимость применения соответствующего методического инструментария. Важным инструментом разработки научно обоснованных сценарных вариантов развития экономики и моделирования последствий их реализации для социально-экономической системы выступает межотраслевой баланс.

ГЛАВА 3

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

3.1. Сценарное межотраслевое моделирование экономики

Регулирование современной экономики затрудняется сложностью и взаимообусловленностью протекающих социально-экономических процессов [140]. В таких условиях для повышения качества и обоснованности управляющих воздействий целесообразно использовать межотраслевые балансовые модели, отражающие экономические процессы на уровне экономики в целом, ее отраслевой и институциональной структуры. Такие модели позволяют проводить вариантные расчеты состояния экономики с учетом изменений как со стороны личных и общественных потребностей (т.е. со стороны спроса), так и со стороны производственных возможностей (т.е. со стороны предложения). Подобные расчеты ориентированы на достижение определенных конечных результатов в производственной (увеличение или сокращение объемов производства) и в социальной (повышение уровня жизни) сферах.

В рамках исследования предлагается межотраслевая модель экономики, позволяющая проводить помимо анализа ключевых показателей и основных пропорций в экономике вариантные расчеты. В частности, она дает возможность проводить оценку изменения объемов выпуска товаров и услуг, численности занятых (в разрезе профессий), фонда оплаты труда по отраслям и всей экономике в целом при сокращении или росте конечного спроса на продукцию одной из отраслей. Т.е. модель позволяет видеть, что произойдет с экономикой, если изменится спрос в одной из отраслей (например, в сельском хозяйстве из-за ограничения импорта продовольствия в результате введения ответных санкций); насколько при этом увеличится выпуск в отраслях и в целом по экономике; насколько

потребуется увеличить численность работников (в разрезе профессий, т.е. сколько управленцев, рабочих, юристов и т.п. для этого понадобится) и фонд заработной платы.

Возможности модели:

- анализ показателей и основных пропорций в экономике;
- вариантные расчеты (оценка изменения объемов выпуска товаров и услуг по отраслям и всей экономике в целом при сокращении или росте конечного спроса на продукцию одной из отраслей).

Условия и ограничения модели:

- конечный спрос меняется только в рассматриваемой отрасли, в других отраслях он не меняется;
- работники рассматриваемой отрасли покупают продукцию только своей отрасли, т.е. не совершают покупки в других отраслях.

В качестве информационной базы использовалась статистика Bureau of Economic Analysis и ряда других ведомств США. В основе лежат таблицы The Make of Commodities by Industries и The Use of Commodities by Industries (Producers' Prices). Дополнительно использовались также Import Matrices (Use of imported commodities by industry), National Industry-Specific Occupational Employment and Wage Estimates, GDP by Industry (COMP, TXPIXS, GOS).

Выбор США обусловлен доступностью статистической информации. Кроме того, рассмотрение США любопытно с точки зрения дальнейшего сопоставления России с крупнейшей экономической державой; определения значения ключевых показателей, к которым надо стремиться. Отметим, что таблицы «затраты – выпуск» в США и России строятся по единой методологии. Разработанную модель можно наполнить данными по России.

Модель опирается на основное уравнение межотраслевого баланса. В матричной форме оно имеет вид:

$$x = Ax + y, \quad (19)$$

где x – вектор общего объема продукции; A – матрица коэффициентов прямых затрат; y – вектор конечного продукта.

В моделировании использовалось уравнение:

$$(E - A)^{-1} \cdot y = x, \quad (20)$$

где E – единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

На основании полученной матричной зависимости можно рассчитать, какой должен быть объем реализации x во всех отраслях экономики, если планируется изменение конечного спроса y , т.е. приводится расчет полных затрат.

Исходные данные для расчета полных затрат представлены двумя таблицами: The Make of Commodities by Industries (в России – таблица «Ресурсы товаров и услуг»; приложение 1) и The Use of Commodities by Industries (в России – таблица «Использование товаров и услуг»; приложение 2). Следует отметить, что в таблице ресурсов товаров и услуг по i -м строкам приводятся отрасли промышленности (Industries), а по j -м столбцам – товары (Commodities). В таблице использования товаров и услуг – наоборот. Алгоритм расчета следующий:

1. На основе данных таблицы использования товаров и услуг рассчитывается матрица прямых затрат A вида C/I (Commodity-by-Industry, товар-отрасль; приложение 3). Для этого определяется доля прямых затрат F_{ij} в объеме выпуска продукции X_j :

$$a_{ij} = F_{ij} / X_j. \quad (21)$$

Элемент a_{ij} матрицы A показывает расход товара i непосредственно при производстве единицы продукции отрасли j .

2. На основе данных таблицы ресурсов товаров и услуг вычисляется корректирующая матрица W вида I/C (приложение 4). Матрица W используется для преобразования матрицы прямых затрат A вида C/I в симметричную матрицу прямых затрат $A \cdot W$. Для этого рассчитывается доля затрат X_{ij} в объеме выпуска продукции X_j :

$$w_{ij} = X_{ij} / X_j. \quad (22)$$

Матрица W обеспечивает пропорциональность входов для предприятий различных отраслей, которые необходимы, чтобы произвести первичные и вторичные продукты каждой отрасли.

3. На следующем этапе рассчитывается симметричная матрица прямых затрат $A \cdot W$ вида C/C (Commodity-by-Commodity, товар-товар; приложение 5). Для этого несимметричная матрица прямых затрат A вида C/I умножается на корректирующую матрицу W вида I/C.

4. Далее вычисляется симметричная матрица полных затрат $B = (E - A \cdot W)^{-1}$ (приложение 6). Для этого из единичной матрицы E вычитается матрица $A \cdot W$. Полученная матрица возводится в степень -1 , т.е. находится обратная матрица $(E - A \cdot W)^{-1}$. Также на данном этапе рассчитывается матрица полных затрат $W \cdot (E - A \cdot W)^{-1}$ вида I/C (приложение 7).

Элемент b_{ij} матрицы B характеризует потребность в валовом выпуске отрасли i , который необходим для получения в процессе материального производства единицы конечного продукта отрасли j . Благодаря этому имеется возможность рассматривать валовые выпуски отраслей x_i в виде функции планируемых значений y_j конечных продуктов отраслей:

$$x_i = f(y_1, y_2, \dots, y_n) = \sum_{j=1}^n b_{ij} y_j. \quad (23)$$

Коэффициенты полных затрат отражают все многообразие и сложные косвенные связи, возникающие в процессе общественного воспроизводства.

Рассчитанные коэффициенты полных затрат позволяют проводить вычисление таких важнейших конечных показателей (x), как валовой выпуск товаров (Total Commodity Output, TCO) и валовой выпуск отраслей (Total Industry Output, TIO) при различных сценариях изменения значений конечного потребления (Total Final Uses, TFU, y).

Матрица полных затрат вида C/C , умноженная на вектор конечного потребления (y), равняется полной товарной продукции для каждого производимого товара в экономике:

$$TCO = (E - B \cdot W)^{-1} \cdot y. \quad (24)$$

Матрица полных затрат вида I/C , умноженная на вектор конечного потребления (y), равняется полной продукции всех отраслей:

$$TIO = W \cdot (E - B \cdot W)^{-1} \cdot y. \quad (25)$$

Добавим, что для наглядности вектор-строку TIO целесообразнее транспонировать в вектор-столбец TIO^T .

Расчеты по данному алгоритму были проведены для 15 отраслей экономики США.

Приведем пример расчета изменения объемов валового выпуска товаров (x , Total Commodity Output, TCO) для отрасли «Сельское хозяйство, лесничество, рыболовство и охота» при сценарии роста конечного спроса (Total Final Uses, TFU, y) на товары данной отрасли на 10% (рост спроса может быть обусловлен, например, ростом заработных плат, ограничением импорта, снижением цен). Модель позволит рассчитать, насколько при этом увеличится выпуск в различных отраслях и в целом по экономике, численность работников (в разрезе профессий, т.е. сколько управленцев, рабочих, юристов и т.п. для этого понадобится) и фонд заработной платы.

Начальные условия для данной отрасли: валовой выпуск товаров (X1) – 301582 млн. долл. США; конечное потребление (Y1) – 51305 млн. долл. США; численность занятых (L1) – 410 тыс. чел. (0,3% от общей численности занятых); фонд оплаты труда (COMP1) – 34668 млн. долл. США; средняя годовая зарплата по отрасли (COMP1/Per) – 84,6 тыс. долл. США (табл. 3.1).

Таблица 3.1. Исходные данные для модели

Отрасль	Конечное потребление (Y1), млн. долл. США	Валовой выпуск товаров (X1), млн. долл. США	Численность работников (L1), тыс. чел.	Фонд заработной платы (COMP1), млн. долл. США	Средняя заработная плата (COMP1/Per), тыс. долл. США
Сельское хозяйство, лесничество, рыболовство и охота	51305	301582	410	34668	84,6
Добыча полезных ископаемых	-141189	363479	824	47133	57,2
Коммунальные услуги	216548	489431	548	56111	102,4
Строительство	1165565	1353656	6094	387464	63,6
Промышленное производство	1545844	4620298	12101	895803	74,0
Оптовая торговля	595204	1099267	5780	379273	65,6
Розничная торговля	1003464	1119986	15473	477532	30,9
Транспортные и складские услуги	291811	768906	5203	231536	44,5
Информационные услуги	499558	933892	2736	241382	88,2
Услуги в области финансов, страхования, недвижимости, аренды и лизинга	2306658	4326840	7637	636775	83,4
Профессиональные и бизнес-услуги	784639	2745380	19065	1012225	53,1
Образовательные услуги, здравоохранение и социальная помощь	1690988	1735126	31100	793048	25,5
Услуги в области искусства, развлечения, отдыха, проживания, питания	706028	912708	14747	291354	19,8
Другие услуги, за исключением государственных	450298	622769	3938	209479	53,2
Государственное управление	2034337	2112221	9473	1404133	148,2
Лом, использованные и поддержанные товары	-11520	7915	–	–	–
Несопоставимый импорт и регулировки с остальным миром	-95810	1435	–	–	–
ИТОГО	13093728	23514891	135128	7097916	52,5
Источник: [101, 157].					

Допустим, из-за ограничения импорта продовольствия (другими факторами могут быть снижение цен, рост оплаты труда) конечный спрос на товары данной отрасли вырос на 10%, т.е. $Y_2 = 110\% \cdot Y_1 = 56\,436$ млн. долл. США, прирост $(Y_2 - Y_1) = 5130$ млн. долл. США (табл. 3.2).

Таблица 3.2. Изменение объемов выпуск товаров (X2) и конечного спроса (Y2)

Отрасль	Рост Y2, %	Прирост Y2	Конечное по- требление (Y2)	Прирост X2	Валовой выпуск товаров (X2)	Рост X2, %
Сельское хозяйство, лесничество, рыболовство и охота	110,0	5130	56436	6551	308133	102,17
Добыча полезных ископаемых	100,0	0	-141189	246	363725	100,07
Коммунальные услуги	100,0	0	216548	175	489606	100,04
Строительство	100,0	0	1165565	68	1353724	100,01
Промышленное производство	100,0	0	1545844	2101	4622399	100,05
Оптовая торговля	100,0	0	595204	501	1099768	100,05
Розничная торговля	100,0	0	1003464	17	1120003	100,00
Транспортные и складские услуги	100,0	0	291811	323	769229	100,04
Информационные услуги	100,0	0	499558	59	933951	100,01
Услуги в области финансов, страхования, недвижимости, аренды и лизинга	100,0	0	2306658	606	4327446	100,01
Профессиональные и бизнес-услуги	100,0	0	784639	442	2745822	100,02
Образовательные услуги, здравоохранение и социальная помощь	100,0	0	1690988	7	1735133	100,00
Услуги в области искус- ства, развлечения, отды- ха, проживания, питания	100,0	0	706028	34	912742	100,00
Другие услуги, за исклю- чением государственных	100,0	0	450298	44	622813	100,01
Государственное управление	100,0	0	2034337	18	2112239	100,00
Лом, использованные и подержанные товары	100,0	0	-11520	7	7922	100,09
Несопоставимый импорт и регулировки с осталь- ным миром	100,0	0	-95810	34	1469	102,38
ИТОГО	100,04	5130	13098859	11233	23526124	100,05

Рост спроса на продовольствие приведет к увеличению объема валового выпуска товаров в отрасли «Сельское хозяйство, лесничество, рыболовство и охота» на величину $(X_2 - X_1) = 6551$ млн. долл. США (т.е. на 2,17%). Важнейший момент модели МОБ: кроме роста объемов производства в рассматриваемой отрасли, произойдет рост объемов выпуска товаров и услуг практически во всех остальных отраслях экономики. Суммарный прирост составит 11 233 млн. долл. США, т.е. каждый доллар спроса на товары отрасли «Сельское хозяйство, лесничество, рыболовство и охота» будет способствовать росту объемов производства в других отраслях на 2,19 доллара (т.е. 11233/5130).

Для обеспечения дополнительных объемов производства потребуется увеличение численности работников в отрасли «Сельское хозяйство, лесничество, рыболовство и охота» на 8,901 тыс. чел. и 25,862 тыс. чел. в целом по экономике (табл. 3.3). Это, в свою очередь, увеличит фонд оплаты труда в отрасли «Сельское хозяйство, лесничество, рыболовство и охота» на 753 млн. долл. США и на 1817 млн. долл. США в целом по экономике.

Таблица 3.3. **Изменение численности работников (L2) и фонда заработной платы (COMP2)**

Отрасль	Прирост L2, тыс. чел.	Численность работников (L2), тыс. чел.	Рост L2, %	Фонд заработной платы (COMP2), млн. долл. США	Прирост COMP2, млн. долл. США	Рост COMP2, %
Сельское хозяйство, лесничество, рыболовство и охота	8,901	419	102,17	35421	753	102,17
Добыча полезных ископаемых	0,558	825	100,07	47165	32	100,07
Коммунальные услуги	0,196	548	100,04	56131	20	100,04
Строительство	0,306	6094	100,01	387483	19	100,01
Промышленное производство	5,503	12106	100,05	896210	407	100,05
Оптовая торговля	2,637	5783	100,05	379446	173	100,05
Розничная торговля	0,235	15473	100,00	477539	7	100,00
Транспортные и складские услуги	2,185	5205	100,04	231633	97	100,04
Информационные услуги	0,174	2736	100,01	241397	15	100,01
Услуги в области финансов, страхования, недвижимости, аренды и лизинга	1,069	7638	100,01	636864	89	100,01
Профессиональные и бизнес-услуги	3,068	19069	100,02	1012388	163	100,02
Образовательные услуги, здравоохранение и социальная помощь	0,117	31100	100,00	793051	3	100,00

Окончание таблицы 3.3

Отрасль	Прирост L2, тыс. чел.	Численность работников (L2), тыс. чел.	Рост L2, %	Фонд зара- ботной платы (COMP2), млн. долл. США	Прирост COMP2, млн. долл. США	Рост COMP2, %
Услуги в области искусства, развлечения, отдыха, прожи- вания, питания	0,554	14748	100,00	291365	11	100,00
Другие услуги, за исключени- ем государственных	0,278	3938	100,01	209494	15	100,01
Государственное управление	0,080	9473	100,00	1404145	12	100,00
ИТОГО	25,862	135154	100,02	7099733	1817	100,03

Кроме того, модель позволяет рассчитывать распределение прироста численности работников по профессиям (приложение 8). Так, например, из требуемых 25 862 человек новых занятых необходимо 3641 работник сельского хозяйства, 1172 управленца, 6462 водителя и т.д.

В целом увеличение спроса в отрасли «Сельское хозяйство, лесничество, рыболовство и охота» на 10% приведет к приросту ВВП на 0,04%. При этом возрастут объемы потребительских расходов, инвестиций в основной капитал, запасов, экспорта товаров и услуг, снизятся объемы импорта товаров и услуг, что приведет к позитивному повышению сальдо экспорта и импорта, образованию профицита внешнеторгового баланса, укреплению национальной валюты, снижению инфляции.

Таким образом, использование методологии межотраслевого баланса для моделирования экономики позволяет проводить сценарные расчеты с учетом изменения основных макроэкономических показателей (объем производства, численность занятых (в разрезе профессий), фонд оплаты труда по отраслям и всей экономике в целом) при изменении конечного спроса.

3.2. Прогнозирование межрегионального экономического сотрудничества

Решение актуальнейшей задачи развития экономики обуславливает необходимость поиска источников ее роста. Одним из таких источников выступает межрегиональная интеграция на основе стимулирования развития и укрепления экономического взаимодействия субъектов РФ. Межрегиональное экономическое взаимодействие обеспечивает потребительский рынок товарами, которые не выпускаются на территории региона, а

местных производителей – устойчивыми поставками сырья и комплектующих материалов; способствует стимулированию развития внутреннего рынка товаров и увеличению внутреннего спроса на продукцию, диверсификации экономики, устранению территориальных барьеров, затрудняющих перемещение производственных, инвестиционных и трудовых ресурсов между регионами.

Вместе с тем в процессе реформирования российской экономики межрегиональные связи, существовавшие внутри страны, а также между бывшими республиками СССР, были практически полностью разрушены. Это и значительное снижение экономической активности, свертывание производств привели в середине 1990-х годов к глубокому спаду экономики регионов и страны в целом, следствием которого стало резкое ухудшение благосостояния населения [23].

Ошибочность проводимой политики, необходимость усиления регулирующей роли государства, в том числе в развитии межрегионального взаимодействия, признается большинством ученых-экономистов и политиков. Между тем региональные органы государственной власти не уделяют этим вопросам должного внимания и недостаточно эффективно используют механизмы воздействия на хозяйствующие субъекты, формирующие межрегиональные потоки товаров и услуг. Отсутствует оценка влияния сотрудничества регионов на их экономику. Региональные законы, направленные на его развитие, не предусматривают конкретных методов и рычагов его стимулирования. Разрабатываемые в регионах целевые программы, ориентированные, как правило, на отдельные направления или сферы деятельности, зачастую имеют формальный характер, недостаточно финансируются, а выполнение мероприятий слабо контролируется [60]. К тому же составляемые прогнозы социально-экономического развития и развития промышленности не учитывают должным образом укрепление межрегиональных связей.

В свете этого актуальной задачей является разработка методов их активизации как одного из действенных факторов экономического развития региона. Воспроизводственный подход к управлению экономикой доказывает, что для производства необходимы экономические ресурсы, не только имеющиеся у региона, но и завезенные из других регионов, а также присутствие спроса в других территориях на выпускаемую в нем продукцию [134]. Это обуславливает зависимость регионов от межрегиональной экономической интеграции и делает экономическое сотрудничество между ними существенным фактором развития их промыш-

ленности. Важность межрегионального сотрудничества подтверждается рядом научных теорий.

Основы теории межрегионального взаимодействия были заложены еще в XVIII веке в теории абсолютных и относительных преимуществ (А. Смит, Д. Рикардо), суть которой заключается в том, что одни страны (регионы) могут производить товары более эффективно и по более низкой цене, чем другие, и на этой основе имеют абсолютные преимущества, реализуемые через торговлю [112].

Значительный вклад в формирование теории межрегионального взаимодействия внесли классические теории размещения: теория локализации И.Г. Тюнена, теория центральных мест В. Кристаллера, теории промышленного штандорта В. Лаунхардта и А. Вебера. В их рамках ключевое внимание уделялось географическим (расстояние) и экономическим (размеры и структура затрат) факторам эффективности размещения и функционирования экономического объекта (предприятие, город, район). Штандортные теории получили свое продолжение в концепции интеграции территорий как инструмента повышения конкурентоспособности стран (регионов) в условиях конкуренции за пространство и ресурсы; в частности, этим аргументировалась необходимость интеграционного объединения стран Европы (концепция Срединной Европы Ф. Науманна [43]). Кроме того, эти теории стали основой для формирования большинства современных пространственных теорий развития [174], которые начали развиваться быстрыми темпами с 1930-х гг. и были основаны в отличие от классических теорий размещения на принципе общего, а не частичного равновесия.

Разработанная А. Лешем теория пространственного экономического равновесия представляет собой модель территориальной самоорганизации общества и его экономической жизни. Он создал концепцию экономического ландшафта, определяющим фактором которого являются сбытовые зоны, образующие сеть экономических районов, при этом главная роль отводится максимизации прибыли, а не снижению издержек (сырьевых и транспортных) [8].

Как показывают экономико-географические теории (представленные в основном советскими учеными – Н.Н. Баранским, Н.Н. Колосовским, М.К. Бандманом и др.), укрепление межрегионального экономического взаимодействия выступает фактором конкурентоспособности региона за счет усиления технологической специализации, кооперирования и агломерационного эффекта [94].

В целом наиболее значимыми положениями теории межрегионального взаимодействия явились следующие:

1. Основу богатства населения различных территорий составляют разделение труда и последующий обмен его результатами.

2. Источниками специализации экономики территории выступают пространственный рост, неравномерность в размещении ресурсов, растущая конкуренция.

3. Существует прямая зависимость между эффективностью размещения факторов производства (территориально-отраслевая организация хозяйства) и производительностью.

В середине XX века экономисты стали по-новому формулировать причины, которые определяют направление и структуру торговых потоков между странами и регионами. Так, шведские ученые Э. Хекшер и Б. Олин дополнили теорию сравнительных преимуществ, предложив теорему «выравнивания цен на факторы производства». Ее суть состоит в том, что каждая страна (регион) специализируется на производстве тех товаров, для которых отношение факторов производства, которые она имеет, является наиболее благоприятным. Другими словами, страна (регион) экспортирует те товары, для производства которых общая стоимость всех затрат ниже, чем в других странах (регионах), а продажа дает прибыль.

В 1948 г. П. Самуэльсон и В. Столпер представили свою теорему, являвшуюся улучшенным доказательством теоремы Хекшера–Олина: в случае однородных факторов производства, совершенной конкуренции, идентичности, технологии и полной мобильности обмен товаров выравнивает цену факторов производства между странами (регионами). В концепциях торговли, основанных на трудах Д. Рикардо, Э. Хекшера, Б. Олина и П. Самуэльсона, торговля рассматривается не только как взаимовыгодный обмен, но и как инструмент сокращения разрывов в развитии между территориями.

Вторая половина XX века ознаменовалась резким ростом мировой торговли и увеличением конкуренции между странами и регионами. В результате стали зарождаться теории конкурентных преимуществ отдельных территорий. В частности, М. Портер выявил закономерности в конкуренции территорий: чем более развита конкуренция на внутреннем рынке, тем больше вероятность успеха страны (региона) на международных рынках (и наоборот, ослабление конкуренции на национальном рынке может привести к потере конкурентных преимуществ) [170].

Исследуя торговое взаимодействие территорий, П. Кругман отметил, что международная торговля все больше имеет природу межрегиональной торговли, потому что факторы производства и компетенции в принятии стратегических решений постепенно перемещаются на региональный уровень. Движущей силой торговли при конкуренции и подобию факторов производства является выигрыш, получаемый странами в результате дифференциации товарного предложения и экономии от масштаба; конкурентоспособность стран и регионов с дефицитом факторов производства определяется преимуществом использования специальных форм организации и концентрации производства [151; 162; 163].

Последний тезис был дополнен в теориях и концепциях развития кластеров. В них исследовались структуры и формы организации экономической деятельности в пространстве (вертикально и горизонтально интегрированные организации, кластеры, сети), факторы конкурентоспособности экономических агентов, способы их взаимодействия [173]. К представителям этих научных теорий относятся прежде всего М. Портер, М. Энрайт, Д. Хамфри, Э. Шмитц, М. Сторпер. Кластерная форма организации производства позволяет:

- увеличивать производительность труда и стимулировать инновационный процесс путем создания для этого благоприятных условий [170];
- эффективнее использовать преимущества близости (концентрации), создать благоприятные условия для проявления эффекта масштаба, снижения операционных издержек [79];
- оптимизировать цепочки добавления стоимости, что приводит к улучшению воспроизводственной структуры региональной экономики.

В трудах отечественных ученых также уделяется большое внимание вопросам развития межрегионального взаимодействия территорий. Во времена СССР исследования были направлены на решение проблемы рациональной территориальной организации хозяйства и поиск методов планирования и регулирования экономического развития. Наиболее известные отечественные ученые-регионалисты – В.С. Немчинов, А.Е. Пробст, Р.И. Шнипер, А.Г. Гранберг. Среди исследователей, посвятивших свои работы формированию и развитию межрегиональных экономических отношений, координированному функционированию регионов в крупных экономических районах (в т. ч. в федеральных округах) в современных российских условиях, следует выделить А.И. Татаркина [131-133], С.Ю. Глазьева [18], П.А. Минакира [66], О.А. Романову [91], Р.А. Латыпова [58], И.М. Рукину [92], К.В. Павлова [78].

Вместе с тем многие аспекты методологии формирования региональной политики в сфере межрегиональных связей и методов ее реализации еще не имеют достаточного научного обоснования. Среди них такие актуальные вопросы, как увязка регионального компонента с общенациональной политикой, определение приоритетов государственной поддержки, последовательность реализации в регионах программных мероприятий, координация их осуществления в отраслевом разрезе.

Общая логика активизации межрегионального экономического взаимодействия подразумевает осуществление трех основных взаимосвязанных этапов: информационно-аналитического, целевого и реализационного (табл. 3.4).

Таблица 3.4. Принципы развития межрегионального сотрудничества

Принцип	Суть принципа
Целенаправленность	Формирование политики в сфере межрегионального сотрудничества должно опираться на систему стратегических и тактических целей промышленного развития региона
Комплексность	Необходимость учета при разработке и реализации политики в сфере межрегионального сотрудничества совокупности экономических, социальных, экологических, политических и других факторов развития региона
Системность	Определение целевых ориентиров и задач промышленного развития региона и механизмов его реализации должно осуществляться с учетом связей, характеризующих взаимозависимость его развития с другими регионами и страной в целом
Адаптивность	Формирование политики в сфере межрегионального сотрудничества должно осуществляться с учетом возможных изменений внешней среды, которые могут обусловить корректировку целей, задач, основных направлений и механизмов их реализации
Эффективность	Необходимость доказательства того, что именно предлагаемый набор целей, задач, основных направлений, выбранных в качестве приоритетных, набор регулирующего инструментария реализации политики обеспечат достижение требуемого результата
Консенсус интересов	Необходимость выявления и удовлетворения интересов всех субъектов хозяйствования и управления, вступающих в экономические отношения, при разработке и реализации политики в сфере межрегионального сотрудничества
Источник: составлено по [69].	

Информационно-аналитический этап предполагает сбор, систематизацию и анализ материалов, составляющих информационную базу для развития межрегионального сотрудничества и включающих данные, предоставленные органами статистики; данные соответствующих структурных подразделений органов власти; данные экспертных оценок, полученные путем проведения специальных опросов.

По нашему мнению, спектр вопросов, рассматриваемых на данном этапе, должен включать: оценку современного состояния, основных тенденций и закономерностей развития межрегиональных связей; анализ конъюнктуры промышленного рынка региона; выявление и систематизацию предпосылок, ограничений и проблем развития межрегиональных связей.

Для диагностики состояния и тенденций развития межрегиональных связей региона на практике применяется большой набор различных методов и подходов: сравнение; приведение показателей в сопоставимый вид; применение относительных и средних величин [134]; группировка информации; методы факторного, корреляционного, многомерного сравнительного анализа [155; 161; 175]; методы экспертной диагностики [178] и др. Для анализа конъюнктуры промышленного рынка региона, с учетом возможностей региональной статистики, используются показатели, характеризующие направления, структуру и объемы предложения и спроса на продукцию внутрирегионального, межрегионального и внешних рынков [69].

На целевом этапе определяются возможные варианты решения проблем межрегиональных связей региона, формируются целевые ориентиры и задачи развития межрегионального сотрудничества (с учетом общенациональных целей и региональных задач промышленного развития), выделяются приоритетные направления в этой сфере, просчитываются возможные последствия их реализации.

В качестве методической базы на данном этапе могут использоваться методы SWOT и PEST-анализа. Это позволит дать характеристику состояния и оценку влияния внешней среды на исследуемый объект с целью выработки методов и способов адаптации и реагирования на изменения во внешнем окружении, а также агрегировать результаты детальных обследований и обоснований в суждения, касающиеся преимуществ или недостатков исследуемого объекта.

Для аргументирования целей, задач и направлений развития межрегионального сотрудничества региона может использоваться и методический подход [12; 134], основанный на построении матриц перспектив развития межрегионального торгово-экономического сотрудничества региона на базе методологии портфельного анализа. Данный подход поможет проводить диагностику состояния межрегиональных связей, разрабатывать систему дифференцированных направлений их развития в разрезе групп регионов-потребителей и поставляемых товаров.

Чтобы определить потенциальные возможности наращивания межрегионального вывоза продукции промышленных предприятий региона, применяем следующий алгоритм действий [60]:

- анализируем структуру промышленного комплекса региона, выявляем ключевые производимые товары, исследуем возможности для увеличения объемов их производства;
- оцениваем принятые национальные, региональные и отраслевые стратегии и программы развития промышленности на предмет возможного участия в них предприятий региона (в качестве поставщиков продукции и объектов модернизации);
- определяем контрагентов для поставок (при этом следует учитывать географию их расположения, существующие и требующиеся контрагентам объемы поставок);
- оцениваем возможный рост объемов межрегионального вывоза по конкретным товарам и по отраслям в целом.

Полученные данные могут быть использованы для оценки последствий реализации политики в сфере межрегионального сотрудничества. Количественной характеристикой такой политики выступает изменение объемов промышленного производства региона с учетом межрегиональных поставок. Оценить влияние межрегиональной деятельности на промышленное производство региона позволяют межотраслевые модели балансового типа²³ [23; 165; 167; 172]. В них используется основное уравнение межотраслевого баланса, которое в матричной форме имеет вид:

$$x = Ax + y, \quad (26)$$

где x – вектор объема выпуска продукции; A – матрица коэффициентов прямых затрат; y – вектор конечного продукта.

С помощью такого уравнения возможно рассчитать, какой должен быть объем выпуска x во всех отраслях экономики региона, если планируется изменение конечного спроса y .

²³ В период плановой экономики межотраслевые балансы (МОБ) использовались для оценки влияния межрегионального взаимодействия на экономику. По данным последнего отчетного МОБ экономических районов СССР за 1987 г. доля межрегионального вывоза в структуре поставок произведенной продукции в 11 экономических районах составляла 20–26%, доля межрегионального ввоза в потреблении – 23–32%. Согласно расчетам, при изменении межрегиональных связей на 1% изменение внутреннего конечного продукта районов варьируется в пределах от 0,49 до 0,92% [63].

В 1990-е гг. в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН и в Совете по изучению производительных сил для оценки влияния межрегиональных связей были разработаны модели экономического взаимодействия регионов и оптимизационные межрегиональные модели.

Алгоритм расчета при этом следующий:

1. На основе данных таблицы использования товаров и услуг²⁴ рассчитывается матрица прямых затрат A вида товар/отрасль. Для этого определяется доля прямых затрат F_{ij} в объеме выпуска продукции X_j :

$$a_{ij} = F_{ij} / X_j. \quad (27)$$

Элемент a_{ij} матрицы A показывает расход товара i непосредственно при производстве единицы продукции отрасли j .

2. На основе данных таблицы ресурсов товаров и услуг²⁵ вычисляется корректирующая матрица W вида отрасль/товар. Матрица W используется для преобразования матрицы прямых затрат A вида товар/отрасль в симметричную матрицу прямых затрат $A \cdot W$. Для этого рассчитывается доля затрат X_{ij} в объеме выпуска продукции X_j :

$$w_{ij} = X_{ij} / X_j. \quad (28)$$

3. Рассчитывается симметричная матрица прямых затрат $A \cdot W$ вида товар/товар.

4. Вычисляется симметричная матрица полных затрат:

$$B = (E - A \cdot W)^{-1}. \quad (29)$$

Элемент b_{ij} матрицы B характеризует потребность в валовом выпуске отрасли i , который необходим для получения в процессе материального производства единицы конечного продукта отрасли j . Благодаря этому имеется возможность рассматривать валовые выпуски отраслей x_i в виде функции планируемых значений y_j конечных продуктов отраслей:

$$x_i = f(y_1, y_2, \dots, y_n) = \sum_{j=1}^n b_{ij} y_j. \quad (30)$$

5. Путем перемножения матрицы полных затрат вида товар/товар и вектора конечного потребления (y) рассчитывается объем товарной продукции для каждого производимого в экономике товара:

$$x = (E - B \cdot W)^{-1} \cdot y. \quad (31)$$

²⁴ Таблица использования товаров и услуг характеризует использование товаров и услуг на промежуточное потребление в отраслях экономики и конечное потребление, валовое накопление и экспорт; входит в состав системы таблиц «затраты-выпуск».

²⁵ Таблица ресурсов товаров и услуг показывает формирование ресурсов товаров и услуг за счет внутреннего производства и импорта, а также основные компоненты образования цен покупателей по товарным группам; входит в состав системы таблиц «затраты-выпуск».

На основании полученных матричных зависимостей может быть оценен объем производства во всех отраслях промышленности региона при планируемом росте спроса в других регионах на производимые товары.

Реализационный этап направлен на формирование механизма реализации мероприятий в сфере межрегионального сотрудничества и включает конкретный набор применяемых инструментов, которые выбираются в соответствии с существующими условиями и возможностями государственного управления. Концептуальная схема такого механизма представлена на рисунке 3.1.

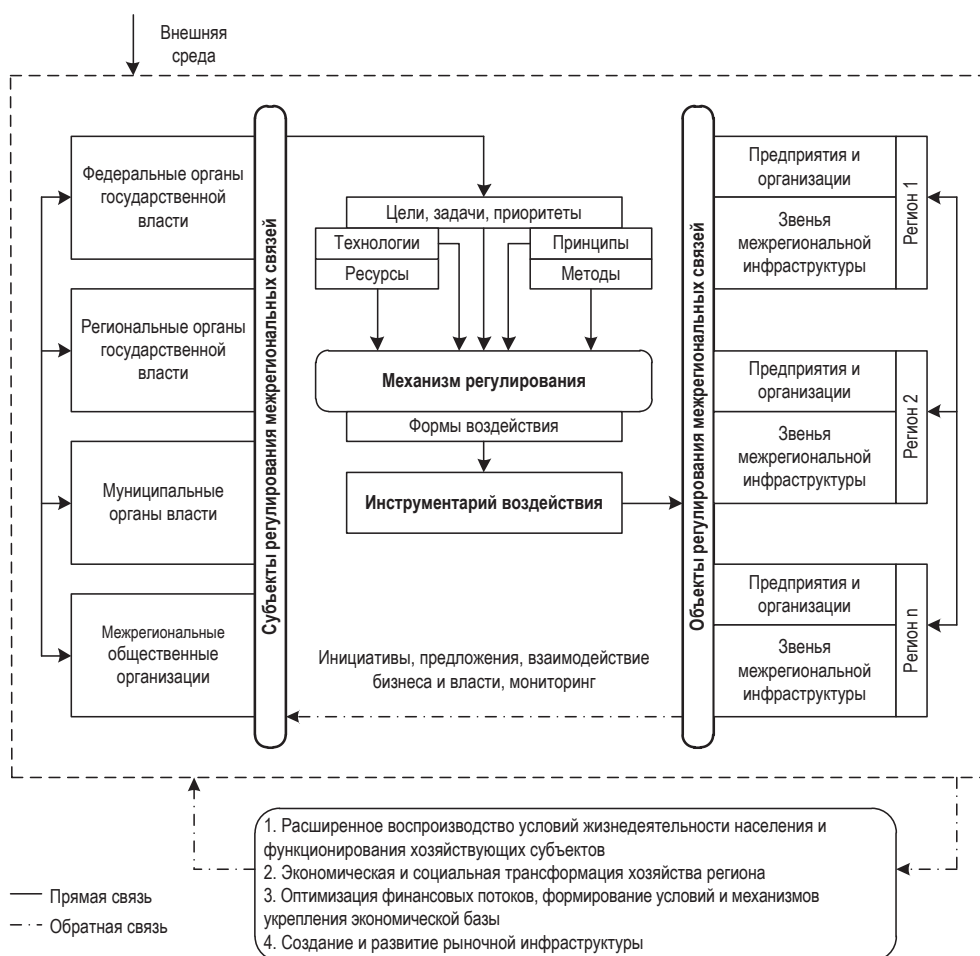

Рисунок 3.1. Концептуальная схема механизма регулирования межрегиональных экономических связей региона

Анализ подходов по данной проблематике [14; 47; 49; 90] позволяет типологизировать инструментарий реализации политики в сфере межрегионального сотрудничества по ряду признаков:

- пространственному признаку – методы, применяемые на макро-, мезо- и микроуровне;
- направленности воздействия объектов – административные, правовые, экономические и программно-целевые методы;
- характеру воздействия на объект – прямые и косвенные методы;
- содержательной функции метода регулирования – макроэкономические, ресурсные, институциональные и информационные методы.

Применительно к региональному уровню, на наш взгляд, может быть использована классификация по содержательной функции методов реализации политики в сфере межрегионального сотрудничества (табл. 3.5). При этом в качестве отдельного блока предлагается рассматривать программно-целевой метод, представляющий собой форму реализации политики, в основе которой лежит взаимоувязывание целей и задач развития с ресурсными возможностями и ограничителями их реализации.

Таблица 3.5. **Характеристика методов регулирования межрегионального сотрудничества региона**

Методы регулирования	Сущность метода	Основные направления регулирования
Ресурсные	Методы прямого воздействия на объект, обеспечивающие хозяйствующие субъекты региона воспроизводственными ресурсами в целях решения задач их эффективного функционирования	Прямое финансирование; экономическое регулирование (инструменты налоговой, кредитной, внешнеэкономической политики, государственное регулирование цен и тарифов)
Институциональные	Методы, направленные на формирование организационно-экономической и правовой среды, соответствующей рыночным принципам и задачам промышленного развития территории	Нормативно-правовое регулирование; административно-экономическое регулирование; развитие отношений собственности; развитие новых организационно-правовых форм
Информационные	Методы, направленные на обеспечение органов управления полной, своевременной и достоверной информацией о межрегиональном сотрудничестве	Проведение мониторинга промышленного развития региона; оценка вариантов и перспектив функционирования отраслей; выработка рекомендаций
Программно-целевые	Методы, направленные на формирование и реализацию программ развития в соответствии с поставленными целями и задачами, ресурсными возможностями и ограничениями	Программы развития межрегиональных связей региона; программы развития отраслевых комплексов; программы, нацеленные на решение отдельных проблем их развития

Таким образом, алгоритм активизации межрегионального экономического взаимодействия может быть представлен в виде схемы, включающей три этапа: информационно-аналитический, целевой и реализацион-

ный. Важным элементом является также разработка системы обратной связи, позволяющей определить степень воздействия применяемых мер на промышленное развитие, оценить результативность и действенность реализуемой политики. Апробация данного алгоритма проведена на материалах Вологодской области.

Промышленность Вологодской области представляет собой многоотраслевой комплекс, обеспечивающий выпуск важнейших видов продукции для народного хозяйства страны: 17,7% объема общероссийского производства проката черных металлов; 7,5% – синтетического аммиака; 6,9% – пиломатериалов; 6,6% – стальных труб; 2% – цельномолочной продукции. Отрасли промышленности формируют более 38% валового регионального продукта, около 26% занятых в экономике, почти 40% налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

Для функционирования региональной промышленности большое значение имеет взаимодействие с другими регионами. Результаты регулярно проводимого нами опроса руководителей крупных и средних промышленных предприятий Вологодской области позволяют сделать вывод о том, что подавляющее большинство предприятий (94%) сотрудничают с регионами РФ. Основной формой сотрудничества является торговля: продажа готовой продукции (79%), поставка сырья (61%) и закупка сырья (21%). Реже используются такие перспективные формы, как производственная кооперация (20%), обмен технологиями (14%), инвестиционная деятельность (12%) и привлечение специалистов из других регионов (9%).

Значительная часть производимой промышленностью области продукции реализуется на внутрироссийском рынке. Высокая зависимость от рынка других регионов страны характерна для производства стальных труб, проката черных металлов, деловой древесины, цельномолочной продукции (табл. 3.6).

Таблица 3.6. Структура поставок ключевых товаров, произведенных в Вологодской области в 2014 г., % к итогу

Вид продукции	Собственная территория	Другие субъекты РФ	Экспорт
Прокат черных металлов	13,7	43,9	42,4
Стальные трубы	10,0	81,3	8,7
Минеральные удобрения	4,0	19,2	76,8
Деловая древесина	53,5	40,4	6,1
Пиломатериалы	33,4	11,2	55,4
Мясо	75,1	24,9	0
Цельномолочная продукция	61,6	38,4	0

Источник: составлено по: Ввоз и вывоз потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения по Вологодской области в 2014 году: стат. бюллетень / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 211 с.

Область реализует в регионы РФ продукции значительно больше, чем в них приобретает: вывоз превышает ввоз в 1,5–2 раза (в докризисные годы – в 2,5 раза). В последние годы межрегиональный товарооборот области демонстрирует отрицательную динамику. Основу товарооборота (в разные годы от 82 до 90%) составляет продукция производственно-технического назначения. Межрегиональные взаимоотношения Вологодской области носят в основном ресурсно-сырьевой характер, к тому же в вывозе наблюдается сильная моноструктурность – 80–85% составляет продукция невысокого передела металлургического производства. Другими важными статьями поставок выступают продукция химического и лесопромышленного комплексов, а также продовольственные товары, сырьевой основой которых служит молочно-мясное животноводство. Тенденцией последних лет является переориентация промышленными предприятиями области направлений своих поставок с внешних рынков на внутренние. Это характерно для деловой древесины, пиломатериалов, бумаги, проката черных металлов, стальных труб. Исключением стали минеральные удобрения, доля межрегиональных поставок которых несколько сократилась.

Однако потенциал межрегионального сотрудничества используется не в полной мере. К основным проблемам, сдерживающим развитие межрегиональной торгово-экономической деятельности области и не позволяющим использовать ее потенциал для развития промышленности, относятся следующие.

1. Несбалансированная структура промышленности. За годы реформ в ней не произошло позитивных изменений. В 2014 г. удельный вес производства машин и оборудования в общем объеме отгруженной продукции составил лишь 4,5%, тогда как на долю металлургического производства пришлось 56%.

2. Высокая степень морального и физического износа основных промышленных фондов. Уровень износа в целом по промышленности области в 2014 г. составил 45,9%.

3. Узкий ассортимент вывозимой за пределы области продукции, основу которого составляет небольшая группа товаров с низкой степенью переработки. На российском рынке область представлена в основном сырьем и продукцией невысокого передела. Это становится причиной уязвимости региональной экономики и для внешних шоков.

Развитие промышленности региона в значительной степени зависит от изменения ситуации на внутренних и внешних рынках сбыта продукции. Для Вологодской области, как и для страны в целом, характерной чер-

той развития промышленного сектора экономики в последние годы является негативная тенденция, связанная со сжатием сложившихся товарных рынков под влиянием ряда причин.

Во-первых, рынки резко сжались после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.

Во-вторых, имело место значительное падение цен на основные экспортируемые областью товары (стальной прокат и удобрения).

В-третьих, существенно сократился российский внутренний рынок потребительских товаров, что произошло в результате комбинированного влияния ряда факторов – потери населением сбережений в результате существенной инфляции и сокращения его текущих доходов в силу спада производства и нарастания масштабов неплатежей.

Перечисленные факторы повлекли за собой снижение спроса и замедление темпов роста или спад производства практически во всех взаимосвязанных отраслях промышленного комплекса региона (табл. 3.7).

Таблица 3.7. **Индекс физического объема производства ключевых отраслей промышленности Вологодской области, % к предыдущему году**

Отрасль промышленности	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2008 г., %
Промышленное производство в целом	95,3	90,5	111,8	105,6	101,3	102,5	103,7	115,0
Металлургия	92,2	87,3	114,5	107,6	98,9	106,5	101,7	115,2
Химическое производство	97,4	106,8	103,5	102,4	105,0	99,9	109,0	129,4
Деревопереработка	96,9	94,3	106,8	113,9	104,6	106,4	103,0	131,5
Пищевое производство	101,4	98,5	113,5	100,0	99,7	99,3	103,1	114,1
Машиностроение	112,0	68,3	116,7	104,0	114,3	86,6	106,9	87,7
Источник: составлено по: Промышленное производство Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 146 с.								

Сложившаяся конъюнктура промышленного рынка и тенденции его развития обуславливают необходимость формирования и реализации активной политики по укреплению межрегионального сотрудничества. Для этого важно определить целевые ориентиры и основные направления его развития на долгосрочную и среднесрочную перспективу, а также выработать соответствующие формы и методы их реализации.

Целями развития межрегиональных отношений Вологодской области в среднесрочной и долгосрочной перспективе являются совершенствование меж- и внутриотраслевой структуры межрегиональных отношений;

использование устойчивых товаропотоков для привлечения финансовых ресурсов из регионов-контрагентов; совершенствование территориально-географической структуры межрегиональных отношений.

Обоснование первоочередных задач и главных направлений укрепления межрегионального сотрудничества и организация стимулирования его эффективного функционирования предполагает определение перспектив развития такого сотрудничества. Дать прогноз состояния внутреннего спроса и возможностей наращивания поставок продукции предприятиями региона на межрегиональные рынки позволяет оценка планов развития промышленности РФ.

Подобная оценка приведена для металлургической отрасли промышленности Вологодской области. Отрасль является крупным игроком национального рынка. Внутренний спрос на ее продукцию в последние годы достаточно активно растет, все чаще поставки продукции, ранее отправлявшейся на экспорт, переориентируются на российский рынок. Ключевые предприятия отрасли – Череповецкий металлургический комбинат ОАО «Северсталь» (кокс, чугун, сталь, сортовой и листовой прокат, лист с полимерным покрытием), ОАО «Северсталь-метиз» (стальной прокат, профиль, проволока, канаты, сетка, гвозди), ООО «Северсталь ТПЗ-Шексна» (трубы для строительной индустрии и машиностроения).

Энергетическая стратегия России дала ясную картину спроса на продукцию металлургов (нефте- и газопроводы, портовая и транспортная инфраструктура) по целому ряду инфраструктурных проектов топливно-энергетического комплекса. Максимальный вклад в развитие отрасли генерирует машиностроительный комплекс [54]. Стратегия развития автомобильной промышленности определила долгосрочный спрос на прокат высокого качества (табл. 3.8). Целевые показатели, заложенные в Стратегию развития транспортного машиностроения и Стратегию развития железнодорожного транспорта по выпуску подвижного состава и элементов транспортной инфраструктуры, позволяют сформировать долгосрочное видение рынка сбыта продукции и обоснованно инвестировать в развитие современных производственных мощностей.

Потенциальными потребителями металлургической продукции Вологодской области выступают предприятия автомобилестроения в Санкт-Петербурге, Калининграде, Москве, Калуге, Нижнем Новгороде, Ульяновске, Тольятти; тяжелого машиностроения – в Электростали, Подольске, Сызрани, Орске, Екатеринбурге, Красноярске, Иркутске; транспортного машиностроения – в Москве, Волчанске и др.

Таблица 3.8. Прогноз развития рынка машиностроительной продукции России, тыс. шт.

Сегмент рынка	Год								2020 г. к 2013 г., %
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Легковые автомобили	1964	2093	2235	2397	2690	2907	3048	3150	160,4
Легкие коммерческие автомобили	203	204	210	220	243	261	272	280	137,9
Грузовые автомобили	158	175	192	209	237	257	270	280	177,2
Автобусы	29	28	28	28	31	33	34	35	120,7
Тракторы	16,1	16,8	17,6	18,4	19,3	20,2	21,1	21,9	136,0
Зерноуборочные комбайны	6,4	6,6	6,8	7,0	7,2	7,4	7,7	7,9	123,4
Кормоуборочные комбайны	1,1	1,1	1,2	1,2	1,3	1,4	1,4	1,5	136,4
Бульдозеры	1,9	2,4	2,8	3,0	3,2	3,5	3,7	4,0	В 2,1 р.
Экскаваторы	2,5	3,0	3,6	3,8	4,0	4,3	4,7	5,0	В 2,0 р.
Автогрейдеры	1,0	1,3	1,5	1,8	2,0	2,3	2,5	2,8	В 2,8 р.
Строительные погрузчики	0,5	0,8	1,5	2,5	3,0	3,5	4,0	4,5	В 9,0 р.
Маневровые тепловозы	0,26	0,26	0,26	0,23	0,25	0,28	0,30	0,42	161,5
Магистральные тепловозы	60	60	150	180	190	220	290	320	В 5,3 р.
Грузовые вагоны	62,8	63,2	59,6	65	62,4	64	65	65	103,5
Пассажирские вагоны	0,30	0,35	0,55	0,62	0,62	0,75	0,92	0,98	В 3,3 р.
Магистральные электровозы	0,45	0,45	0,45	0,50	0,50	0,55	0,63	0,7	156,7
Металлорежущие станки	4,0	4,9	5,1	5,4	5,6	5,9	6,2	6,5	162,5
Кузнечно-прессовые машины	2,3	2,5	2,7	2,8	3,0	3,1	3,3	3,4	147,8

Источники: составлено по: Стратегия развития автомобильной промышленности РФ на период до 2020 г.; Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года; Стратегия развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года.

Увеличение поставок вологодского металлургического производства на российский рынок сдерживается из-за недостаточной конкурентоспособности продукции, не всегда отвечающей возрастающим запросам металлопотребляющих отраслей (машиностроение, строительный сектор, нефтяная, газовая отрасли, железнодорожный транспорт). В этой связи приоритетным направлением развития металлургического комплекса будет повышение конкурентоспособности за счет улучшения технического и технологического состояния ведущих предприятий области. В Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа до 2020 г. в числе мер, направленных на решение этой задачи, предусматривается расширение лизинга современного оборудования, развитие кредитного сотрудничества предприятий комплекса с банками СЗФО, улучшение сопровождения инвестиционных проектов и создание условий для привлечения инвестиций (в том числе за счет налогового стимулирования), а также поддержка научно-проектной сферы металлургического комплекса и системы специального образования на основе расширения сотрудничества с предприятиями.

В рамках Стратегии развития металлургической промышленности РФ до 2020 г. предусматривается реконструкция и модернизация производств на предприятиях металлургического комплекса в целях обеспечения выпуска конкурентоспособной продукции с высокой долей добавленной стоимости.

В целом, в соответствии со стратегиями развития отдельных отраслей экономики РФ, в среднесрочной перспективе прогнозируется рост емкости внутреннего рынка продукции черной металлургии на 30–40% (табл. 3.9) и, следовательно, возможность пропорционального увеличения поставок вологодской металлической продукции.

Таблица 3.9. **Прогноз потребления металлопродукции в РФ, млн. т**

Вид продукции	2013 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.	2020 г. к 2013 г., %
Чугун	45,9	48,9	50,9	52,0	106,5
Готовый прокат черных металлов, в т.ч.	38,0	50,4	57,8	62,0	132,6
сортовой	19,1	23,8	26,8	28,5	124,6
листовой	19,3	26,6	31,0	33,5	137,8
Стальные трубы, млн. т	9,0	13,1	14,7	16,2	145,6
Источник: составлено по: Стратегия развития черной металлургии России на 2014–2020 годы и на перспективу до 2030 года.					

Выявленные тенденции экономического взаимодействия регионов и прогнозные данные, представленные в стратегических и тактических документах развития РФ, регионов и отраслей экономики, позволяют определить перспективы активизации межрегиональных связей региона, сформулировать основные направления и задачи для их реализации.

Первое. Возможно наращивание поставок продукции черной металлургии на внутренний рынок, которое будет обусловлено повышением качества и конкурентоспособности металлопродукции за счет улучшения технологического уровня производства ведущих предприятий и ожидаемым ростом производства практически во всех основных металлопотребляющих секторах (в первую очередь в машиностроении) российской экономики. Перспективными направлениями расширения поставок продукции металлургической отрасли на внутренний рынок должно быть продвижение новых эффективных видов продукции с высокой добавленной стоимостью, заключение долгосрочных соглашений с партнерами.

Для формирования устойчивого спроса на внутреннем рынке и сохранения предложения – на внешнем потребуются:

- повышение конкурентоспособности продукции путем наращивания в ней удельного веса современной высокотехнологичной металлургической продукции;
- укрепление позиций на приоритетных рынках – машиностроительном и топливно-энергетическом.

Второе. Расширение межрегиональных поставок продукции химической отрасли будет сдерживаться вероятным увеличением ее себестоимости и снижением конкурентоспособности в связи с повышением цен на продукцию естественных монополий, ухудшающимся состоянием материально-технической базы предприятий. Перспективы развития химической отрасли видятся в создании новых конкурентоспособных производств, базирующихся на современном оборудовании, в расширении списка выпускаемой продукции. В качестве первоочередных задач выступают:

- наращивание производства минеральных удобрений и фосфорной кислоты, модернизация действующих предприятий по производству серной кислоты;
- диверсификация отрасли путем расширения производства полимерных материалов и сжиженных газов и создания предприятий по производству газохимической продукции, т.е. товаров, которые будут иметь устойчивый спрос как на внутреннем, так и на внешних рынках;
- расширение номенклатуры выпускаемой продукции с учетом потребностей на внутреннем и внешнем рынках сбыта;
- организация эффективного маркетинга продукции.

Третье. Перспективы увеличения предложения продукции легкой и пищевой отраслей промышленности будут сопряжены с ростом спроса на данные виды товаров внутри региона и за его пределами. Это в первую очередь касается продовольственной, а именно молочно-мясной продукции. Рост доходов и платежеспособного спроса населения в других регионах России обеспечит возможности роста поставок в них непродовольственных товаров, изготавливаемых из металла, древесины и льна.

Для реализации потенциала и конкурентных преимуществ легкой промышленности региона необходимо осуществить:

- технологический прорыв, который обеспечил бы качественное обновление ассортимента продукции и техническое переоснащение, улучшение технологической базы производства, совершенствование организации труда;

- проведение комплекса мероприятий по организации товаропроводящей сети.

Для развития пищевой промышленности целесообразно:

- формирование вертикально интегрированных структур, осуществляющих производство, переработку и реализацию сельхозпродукции и продовольствия, что будет способствовать снижению совокупных издержек при движении продукции до потребителя;

- применение современных технологий переработки сырья, использование энерго- и ресурсосберегающих технологий, внедрение эффективных систем качества, что повысит конкурентоспособность выпускаемой продукции.

Четвертое. Повышение конкурентоспособности и технологического уровня продукции машиностроительной отрасли региона (за счет модернизации и внедрения на предприятиях систем управления качеством на базе стандартов серий ISO 9000 и ISO 14000) выступит определяющим фактором ее вывоза. Активизация машиностроительных предприятий области на внутреннем рынке создаст условия для увеличения объемов поставок. В то же время их товарная структура в перспективе останется традиционной (подшипники качения, оптические приборы и инструменты, электрическая аппаратура высоко- и низковольтного типа, дерево- и металлообрабатывающие станки). Исходя из вышесказанного задачами функционирования отрасли являются следующие:

- восстановление научно-технического потенциала;
- использование современных наукоемких технологий (электронно-ионно-плазменные технологии, робототехнические системы и др.) и новых материалов (композиты, полимеры, специальные сплавы и т.д.);
- производство конкурентоспособной на мировых рынках продукции с улучшенными потребительскими свойствами.

Пятое. Перспективы наращивания межрегиональных поставок лесопромышленной продукции в определяющей степени зависят от развития лесоперерабатывающих производств (главных потребителей древесного сырья) и сфер конечного потребления лесопродукции – гражданского строительства (главным образом деревянного домостроения).

Основными направлениями развития деревообрабатывающей отрасли выступает обеспечение эффективного использования лесного потенциала региона, формирование устойчивого лесопромышленного комплекса. При этом главными задачами следует считать такие, как:

- углубление степени переработки древесного сырья за счет технического перевооружения действующих производств;

- развитие производственной кооперации между лесозаготовителями и лесопереработчиками региона;
- создание производств, перерабатывающих низкосортную древесину и отходы для энергетических целей;
- развитие транспортной инфраструктуры с учетом размещения предприятий по производству и переработке лесопроductии.

Прогнозируемые на основе межотраслевой модели²⁶ с учетом оценки перспектив развития межрегиональных поставок объемы промышленного производства Вологодской области в отраслевом разрезе на период до 2020 г. представлены в таблице 3.10.

Таблица 3.10. **Прогноз промышленного производства Вологодской области до 2020 г. (в ценах 2013 г.)**

Отрасль промышленности	Единица измерения	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2020 г.
Промышленность в целом	Млрд. руб.	429,9	479,9	542,9	637,4
	% к 2013 г.	100,0	111,6	126,3	148,3
Черная металлургия	Млрд. руб.	245,4	257,6	274,8	294,4
	% к 2013 г.	100,0	105,0	112,0	120,0
Химическая	Млрд. руб.	66,2	82,7	102,5	125,7
	% к 2013 г.	100,0	125,0	155,0	190,0
Пищевая	Млрд. руб.	30,7	34,1	39,9	49,1
	% к 2013 г.	100,0	111,0	130,0	160,0
Деревообработка	Млрд. руб.	20,7	24,9	31,1	38,3
	% к 2013 г.	100,0	120,0	150,0	185,0
Машиностроение	Млрд. руб.	18,8	23,5	30,1	37,6
	% к 2013 г.	100,0	125,0	160,0	200,0
Электроэнергетика	Млрд. руб.	32,2	33,8	35,8	38,0
	% к 2013 г.	100,0	105,0	111,0	118,0
Прочие	Млрд. руб.	15,3	23,3	28,8	54,2
	% к 2013 г.	100,0	152,3	188,2	354,2

При интенсификации работы по укреплению межрегионального сотрудничества «локомотивами» роста производства промышленной продукции области в перспективе выступают четыре отрасли: черная металлургия, лесопромышленный и машиностроительный комплексы, химическая промышленность. Именно они покажут наибольшие приросты

²⁶ При расчетах нами был сделан ряд допущений. Из-за отсутствия статистических данных матрица коэффициентов полных затрат для Вологодской области была экспертно оценена на основе матрицы коэффициентов полных затрат для России в целом. Разбивка добавленной стоимости по отраслям промышленности области проводилась исходя из данных по стране и имеющихся данных о структуре выпуска продукции по Вологодской области.

абсолютных объемов производства за счет его современной структуры и наличия материальных, сырьевых и финансовых ресурсов. Влияние этих отраслей на региональную экономику будет иметь как прямой (увеличение объемов производства товаров и пополнение бюджета), так и мультипликативный (рост занятости и зарплаты населения, перераспределение инвестиционных потоков) эффект.

Отметим также наиболее существенные резервы отраслевого развития промышленности Вологодской области: в металлургии предполагается увеличение производства стали, качественных видов проката, высокотехнологичной продукции для машиностроения; в химической промышленности – новых видов минеральных удобрений; в лесопромышленном комплексе ожидается рост производства мебели, фанеры и бумаги; в машиностроении – продукции для металлургии и тяжелого машиностроения, других отраслей промышленности; в пищевой отрасли максимальный прирост предусматривается в молочно-мясной подотрасли.

Развитие промышленного производства будет сопровождаться непрерывным ростом производительности труда, повышением зарплаты работников, ускорением инвестиционных процессов, внедрением инноваций, увеличением прибыли предприятий.

В результате выхода в 2020 г. на указанные объемы производства существенно изменится структура промышленности региона. Доля металлургии снизится до 46% (против 57% в 2013 г.), но соответственно возрастет доля продукции других отраслей промышленности, что позволит значительно диверсифицировать структуру производства, укрепить экономическую и бюджетную безопасность региона. Причем представленные данные рассматриваются как необходимые и вместе с тем вполне реалистичные. Исключая инерционный (пессимистический) по существу вариант развития, они предполагают возможности перехода к оптимистическому варианту, при котором за семилетний срок объемы промышленного производства области вырастут в 1,6–1,7 раза.

Приведенные расчеты показывают эффективность укрепления межрегиональных связей для развития экономики региона и его промышленного комплекса. Реализация выделенных в этой сфере направлений будет опираться на комбинацию стимулирующих воздействий (посредством методов и форм регулирования), выбор и применение которых необходимо осуществлять с учетом сложившейся в регионе социально-экономической ситуации и возможностей государственного регулирования экономики.

Для Вологодской области можно рекомендовать следующие мероприятия:

- формирование и реализация двусторонних программ развития межрегиональных экономических отношений;
- участие в работе и развитии автономной некоммерческой организации «Стратегическое партнерство по экономическому и социальному развитию Северо-Западного федерального округа»;
- создание кооперативных взаимоотношений между участниками одного производственного процесса;
- поддержка выставочного и ярмарочного бизнеса, содействие привлечению предприятий к участию в российских и международных выставках;
- создание информационно-организационной системы межрегиональных связей региона с размещением ее в сети Интернет.

Выполнение вышеперечисленных задач, реализация предложенных и ряда других мероприятий позволит активировать межрегиональное экономическое сотрудничество.

Таким образом, в условиях модернизации экономики и приобретения регионами заметной независимости в принятии решений важным фактором их развития выступает укрепление экономического сотрудничества с другими регионами страны. Оно помогает снабжать внутрирегиональный рынок потребительскими товарами и продукцией производственно-технического назначения, обеспечивая производителям устойчивый ввоз сырья и комплектующих материалов; стимулирует внутренний рынок и увеличивает внутренний спрос, способствует диверсификации экономики и снижению барьеров при перемещении ресурсов.

Активизация экономического сотрудничества регионов должна основываться на институциональном и нормативно-правовом сопровождении данного процесса, развитии транспортной, информационной и другой инфраструктуры, использовании стратегического планирования социально-экономического развития, прогнозирования и моделирования внутреннего спроса, а также ряде других экономических инструментов. Все это позволит выработать концепцию механизма госрегулирования межрегионального сотрудничества. Ее реализация укрепит межрегиональные связи регионов и будет способствовать преодолению негативных тенденций в их развитии.

3.3. Проектирование вертикально интегрированных структур

Реализации стратегического направления модернизации экономики страны, а также новой индустриализации будет способствовать государственная политика стимулирования вертикальной интеграции народного хозяйства. Активное развитие интеграционных процессов представляет одну из основных тенденций функционирования экономик развитых стран мира (США, Германия, Франция, Япония, Китай и др.) в течение последнего столетия. Это привело к тому, что в настоящее время их основу составляют крупные компании, носящие характер транснациональных. Так, в США лица промышленности определяют около сотни многоотраслевых корпораций, являющихся по своей природе высоко интегрированными («General Motors», «Du Pont», «General Electric», «Ford Motors», «AT&T» и др.). Каждая из таких корпораций содержит в своем составе предприятия 25 отраслей, 35 корпораций ведут деятельность в 32 отраслях промышленного производства, а 10 – в 50-ти. Согласно официальным данным, на долю таких компаний приходится 55–60% ВВП страны, в них трудоустроено 45% общего числа занятых в экономике, направляется около 60% общего объема инвестиций. Кроме того, уже к концу 60-х гг. XX века в США и Канаде более 90% продукции птицеводства производилось на интегрированных предприятиях, в Нидерландах – 90%, в Бельгии – 70%, в ФРГ и во Франции – 60%.

При этом ключевой характеристикой данных субъектов, позволяющей повысить их конкурентоспособность на национальном и мировом рынках, является создание единых технологических цепочек добавленной стоимости в рамках единой организационной структуры. Это способствует минимизации издержек и повышению рентабельности производства за счет использования внутренних трансфертных цен, устранения эффекта «двойной маржинализации», характерной для дезинтегрированной экономики, концентрации и рациональному использованию производственного, денежного и товарного капитала, увеличению скорости его воспроизводства, внедрению инноваций [26].

Такие крупные компании служат источником обеспечения занятости населения, вносят значительный вклад в формирование ВВП данных стран, наполняемость бюджетной системы и социально-экономическое развитие территории в целом. В связи с этим формирование и эффективное управление развитием вертикально интегрированных структур является важной научной и практической задачей.

Для проведения объективного анализа и оценки уровня вертикальной интегрированности экономики в целом и отдельных хозяйствующих субъектов в частности необходимо определить критерии его измерения. На наш взгляд, наиболее обоснованный, универсальный подход к оценке уровня вертикальной интегрированности экономики, который легко можно применять на практике при осуществлении расчетов, разработал в своих исследованиях С.С. Губанов. Для этого он использовал мультипликатор добавленной стоимости [26, 28].

В наших исследованиях [51] данный методический инструментарий был адаптирован к уровню хозяйствующих субъектов, и под *мультипликатором добавленной стоимости* в данной ситуации понимаем *отношение совокупной величины товарной массы, произведенной предприятием, к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот*:

$$M_i = TM_i / C_i, \quad (32)$$

где M_i – мультипликатор добавленной стоимости i -го хозяйствующего субъекта; TM_i – совокупная величина товарной массы, произведенной i -м предприятием (выручка, полученная от продажи на сторону продукции, произведенной хозяйствующим субъектом на всех стадиях его технологической цепочки); C_i – стоимость первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот i -го предприятия (стоимость сырья, материалов, комплектующих, которые используются в качестве первичных ресурсов при производстве на первом этапе технологической цепочки).

Чем выше значение мультипликатора добавленной стоимости, тем большее количество стадий технологической цепочки и переделов проходит продукт, до того как он превратится в конечный товар. Соответственно, для компаний, производящих в рамках единого технологического процесса продукцию с высокой добавленной стоимости, значения мультипликатора будут значительно выше, чем для дезинтегрированных субъектов [52].

Данный методический инструментарий был апробирован при анализе деятельности крупнейших зарубежных и отечественных вертикально интегрированных компаний, ведущих свою деятельность в различных отраслях экономики. Для этого были проанализированы их финансовые отчеты за последние несколько лет. Рассчитанные значения мультипликатора добавленной стоимости по зарубежным ВИС представлены на рисунке 3.2.

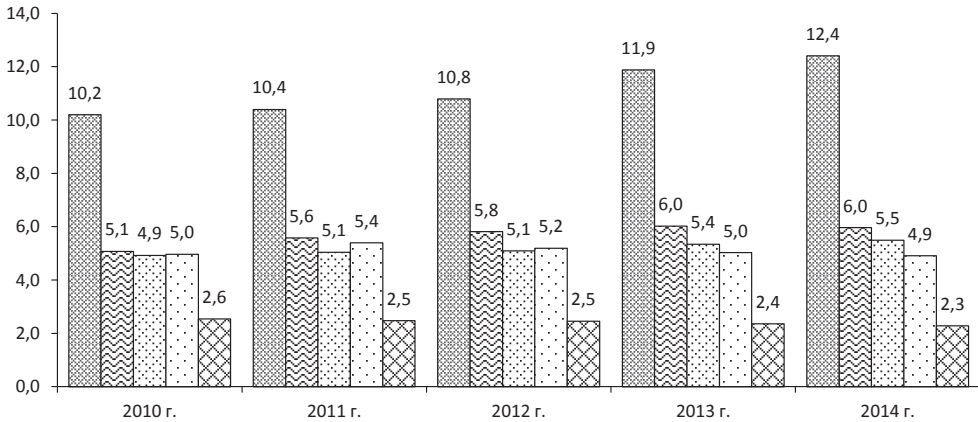

Рисунок 3.2. Мультипликатор добавленной стоимости крупнейших зарубежных вертикально интегрированных компаний [51]

Для анализа текущей ситуации в экономике России были выбраны крупные отечественные ВИС: химическая промышленность (ОАО «ФосАгро»), нефтехимия (ОАО «ЛУКОЙЛ»), агропромышленный комплекс (АПХ «Мираторг»), машиностроение (ОАО «КамАЗ»), целлюлозно-бумажная промышленность (ОАО «Архангельский ЦБК»). Динамика рассчитанного нами мультипликатора добавленной стоимости данных компаний в 2010–2014 гг. представлена на рисунке 3.3.

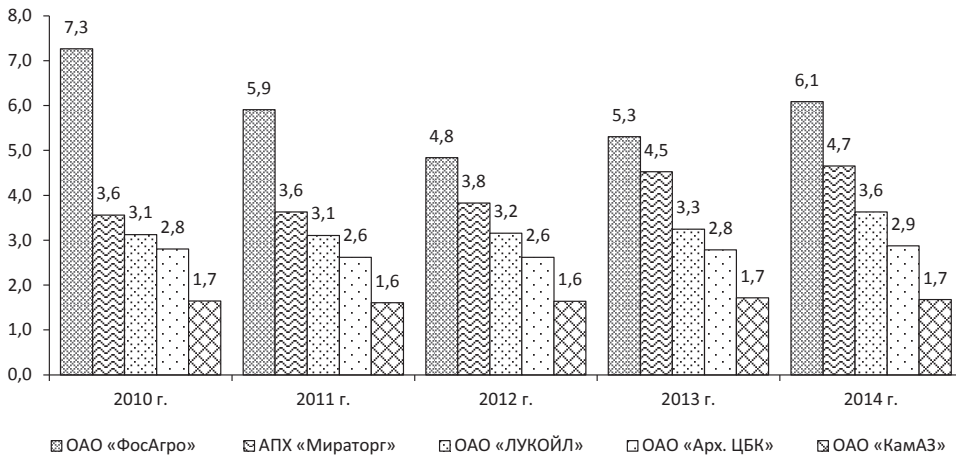

Рисунок 3.3. Мультипликатор добавленной стоимости крупнейших отечественных вертикально интегрированных компаний [51]

Следует отметить, что значения мультипликатора добавленной стоимости «Лукойла» в 2010–2014 гг. ниже, чем у целого ряда зарубежных компаний-конкурентов (например, у Sinopec он превышает 10, BP plc. – 6, Royal Dutch Shell – 5), что в долгосрочной перспективе может быть фактором, ограничивающим конкурентоспособность компании на мировых рынках энергетической, а главное, нефтехимической продукции. При этом за более длительный период и вовсе наблюдается снижение значений данного показателя: с 5,06 в 1999 году до 3,6 в 2014 году. Одной из причин этого может быть некоторая трансформация бизнеса компании, увеличение товаров первого и второго переделов в общем объеме ее продукции и снижение доли продукции глубокой переработки.

Относительно невысокие значения мультипликатора в ОАО «КамАЗ» по сравнению с зарубежными компаниями-аналогами (например, на Daimler – 2,0–2,5) могут свидетельствовать о потенциальных возможностях к дальнейшему формированию единой технологической цепочки производства, полному обеспечению хозяйственной деятельности компании материалами и комплектующими высокого качества и собственного производства. Именно формирование вертикально интегрированной структуры полного цикла, на наш взгляд, позволит повысить конкурентоспособность компании за счет оптимизации издержек производства.

Повышению конкурентоспособности ОАО «Архангельский ЦБК» будет способствовать дальнейшее развитие производства и организация выпуска продукции еще более высоких переделов, т.е. осуществление интеграции «вперед» (например, организация производства мелованной бумаги и других товаров с высокой добавленной стоимостью) [52].

В целом следует отметить, что значение мультипликатора добавленной стоимости в среднем по экономике России значительно ниже уровня развитых стран мира: около 1,3–1,5 против 11–13 единиц по расчетам С.С. Губанова и других исследователей [28, 157].

Данные цифры свидетельствуют о том, что технологические цепочки в экономике России в настоящее время разрушены и ее основу составляют большое количество дезинтегрированных хозяйствующих субъектов, производящих в рамках одного предприятия продукцию лишь нескольких переделов. Объем российских высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью ограничен, и они являются неконкурентоспособными на мировых рынках по сравнению с продукцией крупнейших ТНК, производящих аналогичную продукцию [51, 52].

Поэтому важную задачу для федеральных и региональных органов власти представляет осуществление трансформационных преобразований в экономике страны путем ликвидации ее дезинтегрированности и восстановления технологических цепочек добавленной стоимости в приоритетных отраслях народного хозяйства, поскольку лишь в этом случае удастся реально перевооружить отечественную промышленность, провести ее неоиндустриализацию на основе инноваций. В этой связи необходимо формирование и развитие в приоритетных отраслях экономики России вертикально интегрированных структур. При этом в отношении данных компаний должна быть принята соответствующая законодательная база, регламентирующая отношения с органами власти, бюджетной системой и т.п.

В экономической науке и нормативно-правовых актах существует целый ряд различных концептуальных и методических подходов к оценке эффективности вертикальной интеграции (подход, основанный на теории транзакционных издержек; обеспечения конкурентных преимуществ; теории финансового менеджмента; расчет мультипликатора добавленной стоимости ВИС; Z-модель Альтмана и т.п.). Сложность выработки единой методологии связана с наличием целого ряда особенностей функционирования и этапов становления таких компаний [37, 57, 71, 89, 114, 115, 142].

Формирование и развитие вертикально интегрированных структур требует наличия определенных объективных предпосылок для такого рода объединения. В этой связи созданию ВИС должно предшествовать проведение анализа потенциальной эффективности интеграции в отрасли и определение наиболее предпочтительных для включения в данную структуру предприятий. При этом возникает необходимость в анализе потенциальной устойчивости кооперационных связей между интегрируемыми предприятиями, рыночной концентрации в отрасли, возможной степени увеличения рыночной власти от такого объединения и т.п.

Проведем оценку целесообразности и эффективности вертикальной интеграции, используя данный инструментарий, на примере взаимодействия *ОАО «Стальное производство»* и *АО «Корпорация «Машиностроитель»*. Эти предприятия находятся на различных стадиях единой технологической цепочки, начинающейся с добычи и переработки сырья и заканчивающейся производством современной продукции машиностроения.

ОАО «Стальное производство» в своем производственном процессе соединяет два технологических передела: *I передел* – добыча и первичная переработка природного сырья (добыча железистых кварцитов и коксу-

ющего угля твердых марок; производство окатышей железной руды, железорудного концентрата; коксующегося и энергетического угля); *II передел* – производство из данного сырья конечной продукции: стальной прокат, сортовой прокат, трубы большого диаметра и метизная продукция, атмосфероустойчивые автомобильные детали, заготовки для машиностроительной отрасли и т.п.

Ключевые клиенты ОАО «Стальное производство» на внутреннем рынке – строительные компании, трубопрокатные заводы, машиностроительные предприятия и производители автомобилей.

В свою очередь, АО «Корпорация «Машиностроитель» в настоящее время является одним из крупнейших предприятий в своем сегменте, которое занимается производством продукции машиностроения (*III передел*), в том числе наиболее современных ее типов (современные виды вооружения), и использует необходимое сырье для данных целей. Вместе с тем компания не обладает собственной производственной базой, достаточной для полного обеспечения технологического процесса комплектующими и иными агрегатами для сборки продукции машиностроения.

Таким образом, у данных предприятий существуют объективные предпосылки для образования кооперационных связей. Степень потенциально возможного участия предприятия ОАО «Стальное производство» в едином технологическом процессе весьма значительна: 55% общего объема производимых корпорацией товаров в настоящее время являются продукцией с высокой добавленной стоимостью, которая в дальнейшем будет востребованной для использования в машиностроении. То есть значения данного индикатора свидетельствуют о наличии высокого потенциала такого объединения. Текущие производственные возможности ОАО «Стальное производство» могут полностью покрыть потребность АО «Корпорация «Машиностроитель» в металле и комплектующих.

О долгосрочной устойчивости и способности к дальнейшему развитию новой ВИС свидетельствуют значения рассчитанного нами мультипликатора добавленной стоимости. При его вычислении были сделаны следующие допущения: объем производственной мощности АО «Корпорация «Машиностроитель» был определен на текущем его уровне. Соответственно, объем используемых на данном этапе технологической цепочки сырья и материалов, произведенных ОАО «Стальное производство», также был подкорректирован под данные потребности. И наконец, размер выручки, получаемой последним подразделением, не корректировался с учетом применения трансфертных цен внутри подразделений новой

интегрированной структуры по причине невозможности определения их обоснованного уровня. Полученные значения мультипликатора представлены на рисунке 3.4.

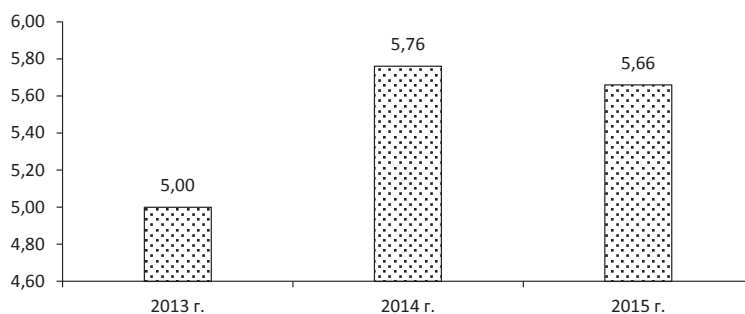

Рисунок 3.4. **Мультипликатор добавленной стоимости созданной на базе ОАО «Стальное производство», АО «Корпорация «Машиностроитель» новой вертикальной интегрированной структуры**

Примечательно, что значения мультипликатора добавленной стоимости созданной ВИС больше суммы значений данного показателя для входящих в ее состав элементов. Например, в 2015 году значение данного показателя для ОАО «Стальное производство» было 2,56, для АО «Корпорация «Машиностроитель» – 2,22 (сумма их равна 4,78), тогда как для вновь образованной компании – 5,66. В этом проявляется эффект синергии, характерный для данных структур.

При этом следует отметить, что применение на практике трансфертных цен, увеличение производственных мощностей предприятий III технологического передела обеспечит еще большие значения мультипликатора добавленной стоимости.

О чем это свидетельствует? В первую очередь о том, что компания производит продукт с высокой добавленной стоимостью; повышается рентабельность бизнеса за счет оптимизации издержек производства; у предприятия появляется возможность эффективной борьбы с конкурентами на основе использования гибкого ценообразования; дополнительная прибыль может быть направлена на проведение модернизации, внедрение инновационных технологий и дальнейшее развитие производства. Кроме того, существует и целый ряд других неэкономических эффектов, которые позволяют компании быть конкурентоспособной и устойчиво развиваться в долгосрочной перспективе.

Таким образом, формирование единых технологических цепочек в экономике в форме вертикальной интеграции позволит консолидировать и рационально использовать ресурсы для решения важнейших проблем с целью устойчивого развития экономики страны в долгосрочной перспективе.

Важным элементом этого процесса выступает оценка вклада каждой компании вертикально интегрированной корпорации в ее общий финансовый результат. Такая оценка возможна на основе методологии межотраслевого баланса. Построение баланса производства и потребления корпорации (табл. 3.11) даст информацию о ее внутригрупповых операциях. Необходимость применения балансового метода вытекает из того, что при консолидации элиминируются внутрикорпоративные расчеты и из отчетности не видно взаимодействия участников корпорации между собой. В консолидированной управленческой отчетности в обязательном порядке должна представляться информация в разрезе организаций корпорации.

Таблица 3.11. **Баланс производства и потребления корпорации**

Показатель		Потребление						Валовая продукция
		Компания 1	Компания 2	...	Компания n	ИТОГО внутри корпорации	Конечные потребители	
Производство	Компания 1	X_{11}	X_{12}	...	X_{1n}	$\sum X_{1i}$	Y_1	X_1
	Компания 2	X_{21}	X_{22}	...	X_{2n}	$\sum X_{2i}$	Y_2	X_2
	...	...	...	...	...	...	...	...
	Компания n	X_{n1}	X_{n2}	...	X_{nn}	$\sum X_{ni}$	Y_n	X_n
	ИТОГО внутри корпорации	$\sum X_{i1}$	$\sum X_{i2}$	...	$\sum X_{in}$	$\sum X_{ij}$		
Закупки извне		Z_1	Z_2	...	Z_n	$\sum Z_i$		
Прямые расходы на оплату труда								
Итого маржинальный доход								
Косвенные расходы								
Налог на прибыль								
Чистая прибыль								
Валовая продукция		X_1	X_2	...	X_n		$\sum Y_i$	$\sum X_i$

Баланс производства и потребления отражает фактические материальные потоки внутри корпорации и позволяет оценить эффективность деятельности компаний, входящих в ее состав, и их вклад в общий финансовый результат.

Построение баланса производства и потребления проходит по следующему алгоритму:

1. Для каждого участника корпорации (материнской компании, дочерних компаний и других бизнес-единиц) рассчитываются коэффициенты прямых материальных затрат (a_{ij}). Эти коэффициенты рассчитываются как суммарная доля стоимости продукции i -го участника корпорации в продукции j -го участника. Расчет производится на этапе планирования деятельности корпорации на соответствующий период, на момент составления плана, и остается неизменным в течение этого периода. Для расчета планируемые нормы материальных затрат соответствующей продукции умножаются на рыночные цены и складываются между собой. Результат делится на продукцию по рыночным ценам. Для каждого участника корпорации аналогично рассчитывается стоимостной норматив закупок извне Z_j .

2. На основе плановых данных заполняется плановая форма баланса производства и потребления.

3. По окончании отчетного периода на основании известных данных о продаже конечным потребителям определяется отчетный баланс производства и потребления в пересчете на фактическую конечную продукцию. Для этого для первых n строк содержательной части таблицы решается система уравнений относительно X_i по известным Y_i и a_{ij} . На основе полученных X_i рассчитываются Z_i и V_i . К тому же в наличии будут иметься ряды величин добавленной стоимости по участникам корпорации.

Формирование и развитие вертикально интегрированных компаний в экономике России предполагает необходимость разработки соответствующей государственной политики, которая с помощью стимулирующих мер побуждала бы предприятия к созданию интегрированных хозяйственных субъектов.

Основные методы построения интегрированных структур, выявленные на основе исследования зарубежного опыта (Франция, Италия, Германия, США, Великобритания, Китай, Япония, Южная Корея) [145, 148, 150, 153, 154, 156, 166, 177, 179], включают в себя выкуп государством контрольных пакетов акций предприятий, финансовые инструменты (государственные банки контролируют предприятия посредством финансовых механизмов, побуждая их к объединению), государственное регулирование (объединение отраслей и предприятий в группы по интересам), жесткое государственное регулирование конкуренции (государственное регулирование, принуждающее к объединению предприятий или уходу с рынка) и др.

Иными словами, процесс формирования и развития ВИС должен происходить при активной поддержке со стороны органов власти (прежде всего, федеральных и региональных), направленной на создание благоприятных условий для повышения эффективности использования ресурсных возможностей хозяйствующих субъектов. Однако следует отметить, что в настоящее время в России не существует сформировавшейся государственной политики, способствующей активному развитию вертикальной интеграции в экономике страны.

На наш взгляд, государственная поддержка должна включать информационные и институциональные методы регулирования и мероприятия ресурсного характера как косвенного (льготное налогообложение), так и прямого воздействия (кредитование на льготных условиях, бюджетное финансирование эффективных и быстрокупаемых инвестиционных проектов и т.п.).

Меры экономического воздействия на хозяйствующие субъекты, стимулирующие их к объединению в рамках вертикально интегрированных структур, могут включать в себя следующие инструменты.

1. Инструменты бюджетной политики:

- предоставление из бюджета региона субсидий на компенсацию части процентной ставки по банковским кредитам;
- предоставление хозяйствующим субъектам бюджетных кредитов и осуществление прямых государственных инвестиций в развитие производства (в том числе в формате государственно-частного партнерства);
- предоставление государственных гарантий;
- содействие развитию ВИС на долевых началах с другими участниками.

2. Инструменты инвестиционной политики:

- предоставление инвестиционного налогового кредита;
- реструктуризация кредиторской задолженности хозяйствующих субъектов перед бюджетами всех уровней.

3. Инструменты налоговой политики:

- совершенствование налогового законодательства территории базирования интегрированной структуры;
- предоставление налоговых льгот (освобождение полностью или частично от уплаты налогов, снижение ставок; целевые льготы).

Кроме органов власти, к управлению и контролю при формировании вертикально интегрированных компаний целесообразно широко привлекать координационные и совещательные органы. Их участие необхо-

димо не только в период научной и проектной подготовки, но и непосредственно на стадии создания.

В целом управление процессами интеграции предполагает широкое использование методов и форм программно-целевого управления, при котором вся совокупность объектов, участвующих в формировании ВИС, будет рассматриваться в качестве единого объекта с общей задачей функционирования. Незаменимым инструментом анализа, планирования и проектирования процессов вертикальной интеграции компаний выступает методология межотраслевого баланса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложность и масштабность экономических задач, стоящих перед органами властями, требуют совершенствования методов государственного регулирования экономических процессов, расширения спектра применяемого методического инструментария, позволяющего проводить обстоятельный анализ, выявлять факторы, оказывающие наиболее сильное влияние на происходящие процессы, моделировать сценарии их развития при реализации тех или иных управленческих решений, обосновывать пути совершенствования проводимой экономической политики.

В наибольшей мере анализу и моделированию экономики соответствует применение методологии межотраслевого баланса.

Во-первых, изучение теоретико-методологических основ системы национального счетоводства (СНС), построения межотраслевого баланса, анализ отечественного и зарубежного опыта его использования в практике государственного управления убедительно доказывают, что использование этого метода позволяет увязать потребности экономики и ресурсы в масштабе всего народного хозяйства, координировать развитие смежных отраслей, обеспечивать пропорциональность элементов экономики, просчитывать различные варианты развития социально-экономических процессов в зависимости от принимаемых решений.

Во-вторых, проведение углубленного исследования экономики России на основе анализа ключевых показателей и данных межотраслевых балансов дает возможность аргументировать наличие системного кризиса в экономике страны, во многом predetermined слабого регулирования сферы общественного воспроизводства; зафиксировать диспропорции в отраслевой структуре экономики, в структуре экспорта и импорта, инвестиций и сбережения; научно обосновать необходимость государственного регулирования воспроизводственных процессов и управления

ключевыми параметрами кругооборота промышленного капитала (скоростью, пропорциями), обеспечения необходимой величины, технологической и продуктовой структуры капиталовложений, поддержки приемлемого уровня обновления основных производственных фондов.

В-третьих, доказано, что при выборе методов государственного регулирования социально-экономических процессов принципиально важным является наличие обоснованных сценарных вариантов развития экономики и моделирование последствий принимаемых управленческих решений. Решению этой задачи способствует методический инструментарий регулирования экономики на основе межотраслевого баланса. Разработанная и апробированная межотраслевая модель экономики позволяет прогнозировать динамику основных показателей в разрезе отраслей экономики (объемы выпуска товаров и услуг, численность и состав занятых, фонд оплаты труда) в зависимости от спроса на производимую продукцию.

В-четвертых, критический анализ передового отечественного и зарубежного опыта государственного регулирования экономики, мнений ведущих экспертов, результаты апробации методологии межотраслевого баланса позволили предложить приоритетные направления корректировки государственной экономической политики, в перечне которых стимулирование роста доходов хозяйствующих субъектов, развитие внутреннего потребительского и инвестиционного спроса, стимулирование инвестиционной активности.

В-пятых, использование методологии межотраслевого баланса дало возможность сформировать межотраслевую модель экономики, доказывающую необходимость укрепления межрегионального экономического сотрудничества, и предложить инструментарий анализа, планирования и проектирования процессов вертикальной интеграции компаний. Реализация этих направлений обеспечит переход российской экономики на путь инновационного развития, новое качество экономического роста за счет глубоких изменений в экономической системе страны, значительного роста эффективности производства, увеличения затрат на исследования и разработки. Это, несомненно, будет способствовать преодолению системного кризиса и укреплению позиции Российской Федерации в мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аганбегян, А.Г. О применении научных методов при подготовке решений социально-экономических проблем [Текст] / А.Г. Аганбегян // Вопросы экономики. – 2013. – № 7. – С. 124-137.
2. Аганбегян, А.Г. Экономико-математический анализ межотраслевого баланса СССР [Текст] / А.Г. Аганбегян, А.Г. Гранберг. – М.: Мысль, 1968. – 357 с.
3. Алмон, К. Искусство экономического моделирования [Текст] / К. Алмон. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 648 с.
4. Амосов, А. Проблемы интенсификации экономики и экономического роста [Текст] / А. Амосов // Экономист. – 2017. – № 7. – С. 14-25.
5. Анализ конкурентоспособности России за 2010-2011 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cpei.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/88661.htm>
6. Анализируя прошлое, думать о будущем [Текст]: монография / колл. авт.; под ред. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН. – 2015. – 336 с.
7. Белоусов, А.Р. Долгосрочные тренды российской экономики. Сценарии экономического развития России до 2020 г. [Текст] / А.Р. Белоусов. – М.: ЦМАКП, 2005. – 141 с.
8. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе [Текст] / М. Блауг. – М.: Дело, 1996. – 720 с.
9. Большая советская энциклопедия [Текст]: в 30 т. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
10. Большой бухгалтерский словарь [Текст] / под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 1999. – 574 с.
11. Борисов, В.Н. Инновационное развитие машиностроения [Текст] / В.Н. Борисов, О.В. Почукаева // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 1. – С. 38-51.

12. Булатов, А.Н. Стратегическая матрица перспектив промышленно-торговой межрегиональной кооперации [Электронный ресурс] / А.Н. Булатов // Российский экономический интернет-журнал. – 2010. – № 4. – С. 133-145.

13. Власюк, Л.И. Исследование экономики Дальнего Востока России на основе таблиц «затраты-выпуск» [Текст] / Л.И. Власюк // Пространственная экономика. – 2006. – № 2. – С. 79-90.

14. Воротин, В.Э. Макроэкономическое регулирование в условиях глобальной трансформации [Текст]: монография / В.Э. Воротин. – К.: Знания, 2002. – 165 с.

15. Восстановление экономического роста в России [Текст]: научный доклад / под ред. академика В.В. Ивантера. – М., 2016. – 32 с.

16. Гильмундинов, В.М. Влияние немонетарных факторов на инфляцию в России [Текст] / В.М. Гильмундинов, А.О. Денисов // ЭКО. – 2012. – № 1. – С. 116-129.

17. Гильмундинов, В.М. Концепция учета воздействия шоков фискальной и монетарной политики на отраслевую структуру экономики в общеравновесной межотраслевой модели с блоками агрегированных рынков [Текст] / В.М. Гильмундинов // Проблемы и перспективы модернизации российской экономики: сб. науч. тр.; отв. ред. А.В. Алексеев, Л.К. Казанцева. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. – С. 61-68.

18. Глазьев, С.Ю. О стратегии устойчивого развития экономики России [Текст] / С.Ю. Глазьев, Г.Г. Фетисов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1 (25). – С. 23-35.

19. Горшенина, Е.В. Региональные экономические исследования: теория и практика [Текст]: монография / Е.В. Горшенина. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 203 с.

20. Гранберг, А.Г. Динамические модели народного хозяйства [Текст] / А.Г. Гранберг. – М.: Экономика, 1985. – 240 с.

21. Гранберг, А.Г. Моделирование социалистической экономики [Текст] / А.Г. Гранберг. – М.: Экономика, 1998. – 487 с.

22. Гранберг, А.Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства [Текст] / А.Г. Гранберг. – М.: Экономика, 1973. – 211 с.

23. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики [Текст] / А.Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 495 с.

24. Гранберг, А.Г. Российская Федерация в общесоюзной экономике (межотраслевой анализ) [Текст] / А.Г. Гранберг, В.С. Зайкин, В.Е. Селиверстов. – Новосибирск: Наука, 1981. – 288 с.

25. Губанов, С. Антинаучный миф (о 70% госсектора) и его социальный подтекст [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2017. – № 8. – С. 3-27.
26. Губанов, С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3-27.
27. Губанов, С. Трудовая парадигма: А. Смит против «неоклассики» [Текст] // Экономист. – 2009. – № 3. – С. 57-80.
28. Губанов, С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция [Текст] / С.С. Губанов. – М.: Книжный мир, 2012. – 224 с.
29. Губанов, С.С. Системный кризис и выбор пути развития России [Текст] / С.С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 2 (38). – С. 23-41.
30. Гусев, М.С. Моделирование экономического роста в долгосрочных прогнозах [Текст] / М.С. Гусев // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 5. – С. 3-14.
31. Гусев, С.Н. Экономический рост в России: потенциальный уровень и ограничения [Текст] / С.Н. Гусев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 130-136.
32. Дасковский, В. Проблемы интенсификации экономики и экономического роста [Текст] / В. Дасковский, В. Киселев // Экономист. – 2017. – № 8. – С. 3-27.
33. Долгосрочный прогноз развития экономики России на 2007-2030 гг. (по вариантам) // Проблемы прогнозирования. – 2007. – № 6. – С. 3-45.
34. Долгосрочный прогноз социально-экономического развития Вологодской области [Текст] / Л.Г. Иогман, А.А. Широков, А.А. Янговский, Д.Б. Кувалин // Проблемы прогнозирования. – 2009. – № 1. – С. 74-92.
35. Ершов, Э.Б. Взаимосвязи капитальных вложений и вводов основных фондов в динамической модели межотраслевого баланса [Текст] / Э.Б. Ершов, Е.А. Рутковская // Экономика и математические методы. – 1978. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 53-64.
36. Ершов, Ю.С. Регионализация народнохозяйственных таблиц «затраты – выпуск» [Текст] / Ю.С. Ершов. – ЭКО. – 2011. – № 6. – С. 119-138.
37. Иванова, В.О. Особенности менеджмента вертикально-интегрированной компании [Текст] / В.О. Иванова // Российское предпринимательство. – 2011. – № 11. – Вып. 2 (196). – С. 55-60.
38. Ивантер, В. Структурно-инвестиционная политика [Текст] / В. Ивантер // Экономические стратегии. – 2017. – № 4. – С. 22-27.
39. Ивантер, В.В. Стратегия перехода к экономическому росту [Текст] / В.В. Ивантер [Текст] // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 1. – С. 3-8.

40. Изард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах [Текст] / У. Изард. – М.: Прогресс, 1966. – 659 с.
41. Ильин, В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие [Текст]: препринт / В.А. Ильин, А.И. Поварова, М.Ф. Сычев. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 104 с.
42. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
43. Исаев, Б.А. Геополитика [Текст] / Б.А. Исаев. – СПб.: Питер, 2007. – 512 с.
44. Исследование структуры американской экономики. Теоретический и эмпирический анализ по схеме «затраты-выпуск» [Текст] / В. Леонтьев и др. – М.: Госстатиздат, 1958. – 639 с.
45. Калинин, А. Наилучшие доступные технологии как инструмент государственной промышленной политики [Текст] / А. Калинин, М. Осолодченко // Общество и экономика. – 2017. – № 7. – С. 64-73.
46. Каменик, Л. Экономика будущего и замкнутый ресурсный цикл [Текст] / Л. Каменик // Экономист. – 2015. – № 3. – С. 32-41.
47. Кириченко, В. Реформационный процесс и становление государственной политики России [Текст] / В. Кириченко // Российский экономический журнал. – 1999. – № 8. – С. 3-21.
48. Киршин, И.А. Трансформация представлений о действиях механизма возрастающей отдачи в теории экономического роста [Текст] / И.А. Киршин // Журнал экономической теории. – 2008. – № 4. – С. 128-146.
49. Кистанов, В.В. Региональная экономика России [Текст] / В.В. Кистанов, Н.В. Копылов. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 584 с.
50. Клинов, В. Сдвиги в мировой экономике в XXI веке: проблемы и перспективы развития [Текст] / В. Клинов // Вопросы экономики. – 2017. – № 7. – С. 114-127.
51. Кожевников, С.А. Институциональные и экономические основы вертикальной интеграции [Текст] / С.А. Кожевников // Проблемы развития территории. – 2015. – № 4. – С. 142-156.
52. Кожевников, С.А. Формирование технологических цепочек добавленной стоимости в форме вертикальной интеграции [Электронный ресурс] / С.А. Кожевников // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 3. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1885>

53. Комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС [Текст]: монография / А.А. Шилов и др. – СПб.: Центр интеграционных исследований, 2012. – 168 с.

54. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/wps/Mcm/myconnct/economylib/mcrl/welcome/prcsssccvcc/cvcntschronic/doc1217949648141>

55. Коссов, В.В. Межотраслевой баланс [Текст] / В.В. Коссов. – М.: Экономика, 1966. – 224 с.

56. Кучуков, Р. Модернизация экономики: проблемы и задачи [Текст] / Р. Кучуков // Экономист. – 2010. – № 1. – С. 20-29.

57. Лапкин, Р.М. Инструментарий формирования и развития вертикально интегрированной предпринимательской структуры [Текст] / Р.М. Лапкин // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 5-6 (39-40). – С. 76-84.

58. Латыпов, Р.А. Управление межрегиональными экономическими связями [Текст] / Р.А. Латыпов, А.П. Мищенко. – Казань, 2005. – 146 с.

59. Леонтьев, В.В. Межотраслевая экономика [Текст] / В.В. Леонтьев. – М.: Экономика, 1997. – 479 с.

60. Лукин, Е.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы [Текст]: монография / Е.В. Лукин, Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 148 с.

61. Лукин, Е.В. О факторах роста экономики [Электронный ресурс] / Е.В. Лукин // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 2. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1819>

62. Лукин, Е.В. Параметры технологического развития экономики России [Электронный ресурс] / Е.В. Лукин // Вопросы территориального развития. – 2015. – № 7. – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1518/full>

63. Манцев, Д.А. СНГ: межгосударственное регулирование экономической интеграции [Текст] / Д.А. Манцев. – М.: РАГС, 2003. – 238 с.

64. Мельникова, Л.В. Таблицы «затраты – выпуск»: путь к сближению наций [Текст] / Л.В. Мельникова // ЭКО. – 2011. – № 5. – С. 27-34.

65. Методологические положения по статистике. Выпуск первый [Текст] / Госкомстат России. – М., 1996. – 510 с.

66. Минакир, П.А. Пространственные эффекты в экономике и управлении / П.А. Минакир // Экономика и управление. – 2011. – № 5 – (67). – С. 22-33.

67. Михеева, Н.Н. Статистическая оценка таблиц «затраты-выпуск» для российского Дальнего Востока [Текст] / Н.Н. Михеева // Пространственная экономика. – 2005. – № 2. – С. 61-79.

68. Михеева, Н.Н. Таблицы «затраты-выпуск»: новые возможности экономического анализа [Текст] / Н.Н. Михеева // Вопросы экономики. – 2011. – № 7. – С. 140-148.

69. Москвина, О.С. Промышленная политика – ядро модернизации экономики [Текст] / О.С. Москвина. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. – 136 с.

70. Немчинов, В.С. Экономико-математические методы и модели. Избранные произведения [Текст] / В.С. Немчинов. – Т. 3. – М.: Наука, 1967. – 490 с.

71. Непринцева, Е.В. Особенности оценки эффективности вертикально интегрированных структур [Текст] / Е.В. Непринцева, С.А. Шубин // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – 12 (51). – С. 76-83.

72. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики [Текст]: научный доклад / под научн. рук. Е.Б. Ленчук. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 58 с.

73. Новая экономическая политика – политика экономического роста [Электронный ресурс] / В.В. Ивантер. – Режим доступа: <http://viperson.ru/data/201305/klmjcblljujsltljtcjb.pdf>

74. Об информации о межотраслевых связях и структурных пропорциях экономики РФ [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 14.02.2009 г. № 201-р // КонсультантПлюс.

75. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (ред. от 07.10.2016) [Электронный ресурс]: приказ Росстандарта от 31.01.2014 г. № 14-ст // КонсультантПлюс.

76. Оптимизационные межрегиональные межотраслевые модели [Текст]: монография / колл. авт. – Новосибирск: Наука, 1989. – 257 с.

77. Павлов, В.Н. Региональное прогнозирование: ценовой и материально-вещественный аспекты [Текст] / В.Н. Павлов, В.С. Зайкин, Ю.С. Ершов // Регион: экономика и социология. – 2002. – № 4. – С. 3-14.

78. Павлов, К.В. Межрегиональные социально-экономические отношения [Текст] / К.В. Павлов, Л.А. Попова, В.В. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера. – 2011. – № 1. – С. 112-125.

79. Пилипенко, В.И. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве. Теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы [Текст] / В.И. Пилипенко. – М.: Ойкумена, 2005. – 494 с.

80. Плышевский, Б. Накопление капитала в постсоветском периоде [Текст] / Б. Плышевский // Экономист. – 2016. – № 9. – С. 22-36.

81. Плышевский, Б. Об эволюции либерализма в России [Текст] / Б. Плышевский // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 3-15.

82. Погосов, И.А. Баланс ресурсов и использования продукции в России в начале XXI века [Текст] / И.А. Погосов, Е.А. Соколовская. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 36 с.

83. Погосов, И.А. Источники финансирования модернизации экономики [Текст] / И.А. Погосов, Е.А. Соколовская. – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 54 с.

84. Позамантир, Э.И. Иерархическая система моделей межотраслевого баланса и территориального размещения производства. Часть 1. Постановка задачи и общий подход к ее решению [Текст] / Э.И. Позамантир // Экономика и математические методы. – 2017. – № 2. – С. 5-23.

85. Позамантир, Э.И. Иерархическая система моделей межотраслевого баланса и территориального размещения производства. Часть 2. Структурно-математические и вычислительные аспекты модели, алгоритм решения задачи [Текст] / Э.И. Позамантир // Экономика и математические методы. – 2017. – № 3. – С. 3-17.

86. Пономарёва, Е.А. Факторы экономического роста [Текст] / Е.А. Пономарёва, А.В. Божечкова, А.Ю. Кнобель. – М.: Дело, 2012. – 186 с.

87. Потапенко, В.В. Последствия изменений ставок страховых взносов на обязательное социальное страхование [Электронный ресурс] / В.В. Потапенко. – Режим доступа: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/sa2011/11>

88. Производственные мощности обрабатывающей промышленности России: важнейшие тенденции и структурные характеристики [Текст] / Д. Галимов, А. Гнидченко, О. Михеева, А. Рыбалка, В. Сальников // Вопросы экономики. – 2017. – № 5. – С. 60-88.

89. Пунгина, В.С. Оценка экономической эффективности и инвестиционной привлекательности вертикально-интегрированных структур [Текст] / В.С. Пунгина, Т.А. Рожкова // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 48-58.

90. Региональное развитие: Опыт России и Европейского союза [Текст]: монография / А.Г. Гранберг, И.М. Бусыгина, В.Г. Введенский и др.; рук. авт. колл. и отв. ред. А.Г. Гранберг. – М.: Экономика, 2000. – 435 с.

91. Романова, О.А. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы [Текст] / О.А. Романова // Экономика региона. – 2011. – № 2. – С. 40-48.

92. Рукина, И.М. Регионы России: развитие экономических связей и процессов интеграции в условиях перехода к рыночным отношениям [Текст] / И.М. Рукина. – М.: Альфа-Доминанта, 2003. – 75 с.

93. Рябушкин, Б. Развитие отечественной методологии и аналитических возможностей межотраслевого баланса [Текст] / Б. Рябушкин // Экономист. – 2013. – № 7. – С. 66-73.

94. Савельев, Ю.В. Теоретические основы современной межрегиональной конкуренции [Текст] / Ю.В. Савельев // Журнал экономической теории. – 2010. – № 2. – С. 86-98.

95. Савчишина, К.Е. Прогнозирование показателей налогового-бюджетной сферы в рамках квартальной макроэкономической модели QUMMIR» [Текст] / К.Е. Савчишина // Научные труды ИМП РАН. – 2008. – Т. 6. – С. 225-241.

96. Савчишина, К.Е. Итоги XX международной конференции по межотраслевому моделированию INFORUM [Текст] / К.Е. Савчишина. – Проблемы прогнозирования. – 2012. – № 6. – С. 144-148.

97. Сайт Development Research Center of the State Council [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.drc.gov.cn>

98. Сайт Global Trade Analysis Project [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gtap.agecon.purdue.edu>

99. Сайт Organisation for Economic Co-operation and Development [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/sti/inputoutput/>

100. Сайт Regional Institute for Economic Planning of Tuscany [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.irpet.it>

101. Сайт U.S. Bureau of Labor Statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://stats.bls.gov/oes/current/oessrci.htm>

102. Сайт Universität Osnabrück [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uni-osnabrueck.de>

103. Сайт University of Florence [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unifi.it>

104. Сайт University of Lodz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iso.uni.lodz.pl>
105. Сайт University of Maryland [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.umd.edu>
106. Сайт Казанского федерального университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kpfu.ru>
107. Сайт Рижского технического университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fsd.rtu.lv>
108. Саянова, А.Р. Таблицы «затраты-выпуск» в анализе и прогнозировании структурных параметров региона [Текст] / А.Р. Саянова // Проблемы прогнозирования. – 2004. – № 6. – С. 28-41.
109. Селезнев, А.З. Ограничения экономического роста в России [Текст] / А.З. Селезнев // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 6. – С. 29-43.
110. Серебряков, Г.Р. Межотраслевая модель экономики Ивановской области [Текст] / Г.Р. Серебряков, М.Н. Узяков, А.А. Янтовский // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 4. – С. 64-74.
111. Серебряков, Г.Р. Опыт построения динамической межотраслевой равновесной модели российской экономики [Текст] / Г.Р. Серебряков // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 2. – С. 3-19.
112. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / А. Смит. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
113. Соколов, М. Амортизационная политика и диверсификация экономики [Текст] / М. Соколов // Экономист. – 2010. – № 10. – С. 20-24.
114. Соколов, Ю. Интеграция как условие воспроизводства промышленного капитала [Текст] / Ю. Соколов // Экономист. – 2006. – № 5. – С. 21-28.
115. Спицын, А. Интеграция и модернизация экономики [Текст] / А. Спицын // Экономист. – 2006. – № 5. – С. 3-9.
116. Стоун, Р. Метод затраты – выпуск и национальные счета [Текст]: пер. с англ. / Р. Стоун. – М.: Статистика, 1964. – 263 с.
117. Стратегические ориентиры экономического развития России [Текст]: монография. – СПб.: Алетейя, 2010. – 657 с.
118. Стрижкова, Л.А. Межотраслевые традиции ГУ ИМЭИ и проблема товарных балансов [Электронный ресурс] / Л.А. Стрижкова. – Режим доступа: http://www.macroeconomics.ru/MOB_nujen.pdf

119. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России [Текст]: монография / под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. – М.: Научный консультант. – 2017. – 196 с.

120. Суворов, А.В. Система макроэкономических балансов для прогнозирования экономики региона [Текст] / А.В. Суворов, М.Ю. Горст // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 4. – С. 67-83.

121. Суворов, Н.В. Экономический рост, межотраслевые пропорции и приоритеты развития реального сектора в среднесрочной перспективе [Текст] / Н.В. Суворов, А.В. Суворов, В.Н. Борисов // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 4. – С. 49-64.

122. Сулакшин, С.С. Макробаланс страны как инструмент и реальность [Текст] / С.С. Сулакшин, Л.И. Кравченко. – М.: Наука и политика, 2016. – 96 с.

123. Суслов, В.И. Стратегия развития Сибири: макроэкономическая и территориальная проекция [Текст] / В.И. Суслов, С.А. Суспицын // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 4. – С. 77-92.

124. Суслов, Н.И. Моделирование и анализ межотраслевых и межрегиональных взаимосвязей развития энергетического сектора России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regconf.hse.ru/uploads/70c02bddf34324a2cd7115725c17570c3138da1c.doc>

125. Суспицын, С.А. Концепт-модели стратегического прогнозирования и индикативного планирования регионального развития [Текст] / С.А. Суспицын // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 1. – С. 40-63.

126. Суспицын, С.А. Проект СИРЕНА: комплекс моделей ситуационного анализа регионального развития [Текст] / С.А. Суспицын. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. – 108 с.

127. Сухарев, О. Реиндустриализация России: возможности и ограничения [Текст] / О. Сухарев // Экономист. – 2013. – № 3. – С. 6-12.

128. Сухарев, О.С. Структурное моделирование экономического роста: технологические изменения [Текст] / О.С. Сухарев // Журнал экономической теории. – 2015. – № 1. – С. 39-53.

129. Сухарев, О.С. Структурные изменения и методы их исследования в экономической теории [Текст] / О.С. Сухарев, А.В. Малявина // Журнал экономической теории. – 2008. – № 2. – С. 119-135.

130. Сухарев, О.С. Экономическая политика и развитие промышленности [Текст] / О.С. Сухарев. – М.: Финансы и кредит, 2011. – 216 с.

131. Татаркин, А.И. Промышленная политика и механизм ее реализации: системный подход [Текст] / А.И. Татаркин, О.А. Романова // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 19-31.

132. Татаркин, А.И. Развитие экономического пространства РФ на основе кластерных принципов [Текст] / А.И. Татаркин, Ю.Г. Лаврикова, А.Г. Высокинский // Федерализм. – 2012. – № 1 (65). – С. 45-60.

133. Татаркин, А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации [Текст] / А.И. Татаркин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6 (24). – С. 42-59.

134. Ускова, Т.В. Межрегиональное сотрудничество региона: оценка и перспективы развития [Текст] / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 5. – С. 119-131.

135. Ченери, Х. Экономика межотраслевых связей [Текст] / Х. Ченери, П. Кларк; пер. с англ.; под ред. Л.Я. Берри. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962.

136. Широ́в, А.А. Логика перехода к новой модели экономического роста [Текст] / А.А. Широ́в, М.С. Гусев // Экономист. – 2015. – № 9. – С. 3-12.

137. Широ́в, А.А. Межотраслевая макроэкономическая модель RIM – развитие инструментария в современных экономических условиях [Текст] / А.А. Широ́в // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 3. – С. 3-18.

138. Широ́в, А.А. Обоснование возможных сценариев долгосрочного развития российской экономики [Текст] / А.А. Широ́в, М.С. Гусев, А.А. Янтовский // ЭКО. – 2012. – № 6. – С. 60-80.

139. Широ́в, А.А. Прогноз развития пенсионной системы России на период до 2030 г. [Текст] / А.А. Широ́в, В.В. Потапенко // ЭКО. – 2011. – № 3. – С. 38-57.

140. Шмелев, Н.П. Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности) [Текст] / Н.П. Шмелев, В.П. Федоров // Современная Европа. – 2008. – № 1. – С. 5-22.

141. Эйдельман, М.Р. Межотраслевой баланс общественного продукта [Текст] / М.Р. Эйдельман. – М.: Статистика, 1966. – 375 с.

142. Экономическое обоснование и оценка эффективности проектов создания корпоративных структур [Текст] / под ред. С.Б. Гальперина. – М.: Новый век, 2001. – 51 с.

143. Ямада, И. Теория и применение межотраслевого метода [Текст] / И. Ямада. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – 255 с.

144. Яременко, Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики [Текст] / Ю.В. Яременко. – М.: Наука, 1997. – 400 с.

145. Adelman, M. Integration and the antitrust laws [Текст] / M. Adelman // Harvard Law Review, 1949. – Vol. 63. – № 1. – P. 27-77.

146. Baranov, A. Forecast for the Development of the Russian Economy for 2012-2015 Using the Dynamic Input-Output Model [Текст] / A. Baranov, V. Gilmundinov, V. Pavlov, T. Tagaeva // Macroeconomic modelling for policy analysis: ed. by R. Bardazzi, L. Ghezzi. – Firenze: Firenze Univ. Press, 2013. – P. 135-146.

147. Baumol, W. Leontief's Great Leap Forward [Текст] / W. Baumol // Economic Systems Research. – 2000. – № 12. – P. 141-152.

148. Coase, R.H. The nature of the firm [Текст] / R.H. Coase // Economica. New Series. – 1937. – Vol. 4. – № 16. – P. 386-405.

149. Eurostat Manual of Supply, Use and Input-Output Tables [Текст]. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2008. – 590 p.

150. Fisher, L. Verticale Integration in der nordamerikanishen Landwirtschaft, Berichte über Landwirtschaft [Текст] / L. Fisher. – Berlin. – 1960. – P. 337.

151. Fujita, M. The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade [Текст] / M. Fujita, P. Krugman, A. Venables. – The MIT Press, 1999. – 367 p.

152. Grassini, M. Accumulation and Competitiveness [Электронный ресурс] / M. Grassini. – Режим доступа: http://inforumweb.umd.edu/papers/conferences/2009/grassini_paper.pdf

153. Grossman, S. The Costs and Benefits of Ownership: A Theory of Vertical and Lateral Integration [Текст] / S. Grossman, O. Hart // Journal of Polit. Econ. – 1986. – Vol. 94. – P. 691-719.

154. Harrigan, K.R. Vertical Integration and corporate strategy [Текст] / K.R. Harrigan // The Academy of Management Journal, 1985. – Vol. 28. – № 2. – P. 397-425.

155. Harris, G.D. The market as a factor in the localization of production [Текст] / G.D. Harris // Annals of the Association of American Geographers. – 1954. – Vol. 44. – P. 315-348.

156. Hart, O. Property Right and the Nature of the Firm [Текст] / O. Hart, J. Moore // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98. – № 6. – P. 1119-1158.

157. Input-Output Accounts Data [Электронный ресурс] / Bureau of Economic Analysis. – Режим доступа: http://bea.gov/industry/io_annual.htm

158. Isard, W. Methods of Regional Analysis: an Introduction to Regional Science [Текст] / W. Isard. – The MIT Press, 1960. – 816 p.

159. Jiang, X. Statistical and Economic Applications of Chinese Regional Input-Output Tables [Текст] / X. Jiang. – Groningen: University of Groningen, 2011. – 228 p.

160. Katanaka, M. Note on Consolidation within a Leontief System [Текст] / M. Katanaka // *Econometrica*. – 1952. – Vol. 20. – № 2. – P. 301-303.
161. Kilkenny, M. Transport Costs and Rural Development [Текст] / M. Kilkenny // *Journal of Regional Science*. – 1998. – № 38-2. – P. 293-312.
162. Krugman, P. *Economics* [Текст] / P. Krugman, R. Wells. – Worth Publishers, 2006. – 864 p.
163. Krugman, P. Globalization and the Inequality of Nations [Текст] / P. Krugman, A. Venables // *Quarterly Journal of Economics*. – 1995. – Vol. 110. – P. 857-880.
164. Kurz, H.D. Who is Going to Kiss Sleeping Beauty? On the «Classical» Analytical Origins and Perspectives of Input – Output Analysis [Текст] / H.D. Kurz // *Review of Political Economy*. – 2011. – Vol. 23. – № 1. – P. 25-47.
165. Leontieff, W. Multiregional input-output analysis in «International conference on input-output techniques» [Текст] / W. Leontieff, A. Straut. – Geneva, 1961. – 119 p.
166. Miller, G. Die landwirtschaftliche Erzeugung in der Vertikalen Integration, Berichte über Landwirtschaft [Текст] / G. Miller. – Berlin. – 1961. – H. 3. – S. 414.
167. Miller, R.E. *Input-Output Analysis Foundations and Extensions* [Текст] / R.E. Miller, P.D. Blair. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 784 p.
168. Nishimura, S. Towards Analysis of Vertical Structure of Industries: A Method and its Application to U.S. Industries [Электронный ресурс] / S. Nishimura. – Режим доступа: https://www.iioa.org/working_papers/WPs/WPIOX11-001.pdf
169. Oosterhaven, J. Evaluation of Non-Survey International IO Construction Methods with the Asian-Pacific Input-Output Table [Электронный ресурс] / J. Oosterhaven, D. Stelder, S. Inomata. – Режим доступа: http://ir.ide.go.jp/dspace/bitstream/2344/641/3/ARRIDE_Discussion_No.114_inomata.pdf
170. Porter, M. *Competitive Advantage of Nations* [Текст] / M. Porter. – New York: Free Press, 1998. – 896 p.
171. Raa, T. *Input-Output Economics: Theory and Applications. Featuring Asian Economies* [Текст] / T. Raa. – Singapore: World Scientific Publishing Co., 2010. – 549 p.
172. Raa, T. *The Economics of Input-Output Analysis* [Текст] / T. Raa. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 212 p.
173. Rastvortseva, S.N. Identification and assessment of regional clusters [Текст] / S.N. Rastvortseva, N.A. Cherepovskaya // *Economy of Region*. – 2013. – № 4. – P. 123-133.
174. Rastvortseva, S.N. The issues of regional competitiveness in the works by the researchers of the swiss school of territorial production systems / S.N. Rastvortseva, N.A. Grinyova // *Economy of Region*. – № 4. – P. 60-63.

175. Regional Development in Russia: Past Policies and Future Prospects [Текст]. – Cheltenham: Edward Elgar Publ., 2000. – 205 p.

176. Richter, J. Commodity taxes, commodity subsidies, margins and the like [Электронный ресурс] / J. Richter. – Режим доступа: <http://inforumweb.umd.edu/papers/conferences/2010/Richter.pdf>

177. Spengler, J. Vertical Integration and Antitrust Policy [Текст] / J. Spengler // Journal of Political Economy. – 1950. – Vol. 58. – P. 347-352.

178. Storey, D. Issues of Integration, Participation and Empowerment in Rural Development: the Case of Leader in the Republic of Ireland [Текст] / D. Storey // Journal of Rural Studies. – 1999. – № 15-3. – P. 307-315.

179. Williamson, O. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications [Текст] / O. Williamson. – 1975. – NY: Free Press. – 286 p.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ФАКТОРЫ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Е.В. Лукин, С.А. Кожевников, А.Е. Мельников

ОРГАНИЗАЦИЯ И ФАКТОРЫ
НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развитие российской экономики в настоящее время происходит в условиях внутреннего системного кризиса и сложившейся нестабильной геополитической обстановки, накладывающей ограничения по достижению устойчивого экономического роста и укреплению позиций России в мире. В научном сообществе и экспертной среде развернулась дискуссия, в фокусе внимания участников которой – факторы и причины падения экономики, а также те меры, которые следует принять для преодоления негативных тенденций и вывода экономики на траекторию взлета.

Очевидно, что модернизация российской экономики должна осуществляться с учетом глобальных трендов и противоречий социально-экономического развития страны. К одному из таких трендов относится новая индустриализация, в рамках которой большое внимание уделяется созданию новых высокотехнологичных секторов экономики и масштабному проникновению новейших технологий во все сферы жизни общества. Такой подход к промышленной политике является залогом обеспечения лидерских позиций страны на мировой арене.

В настоящее время у России нет более весомой альтернативы наращиванию своего промышленного потенциала, чем модернизация технологической базы. Это обуславливает актуальность исследований, связанных с организацией и поиском факторов проведения новой индустриализации в российских условиях. В данной монографии представлены результаты изысканий, осуществленных учеными Вологодского научного центра РАН в попытках сделать шаг в критически важном для страны направлении.

Особое внимание в исследовании уделено аспектам развития промышленности и формирования вертикально интегрированных структур. Индустриальный сектор – основа устойчивости, конкурентоспособности и технико-технологической эффективности народного хозяйства. Он во

многим определяет качественные и количественные характеристики пространственного развития, поэтому вопрос реализации промышленного потенциала является важнейшим в современной экономической политике. В то же время формирование вертикально интегрированных структур в приоритетных секторах экономики видится одним из главных условий вовлечения в процесс новой индустриализации максимального числа субъектов предпринимательства и создания тем самым основы для повышения спроса на продукцию более мелких игроков рынка.

В главе 1 «Обоснование факторов новой индустриализации» обоснована необходимость проведения новой индустриализации как одного из факторов экономического роста страны, а также выявлена роль и место вертикальной интеграции в данном процессе.

В главе 2 «Оценка состояния и проблем промышленного сектора экономики» выявлены показатели системного кризиса экономики страны, рассмотрены тенденции развития российской промышленности, систематизированы проблемы общественного воспроизводства, обозначены структурные приоритеты новой индустриализации и выделены особенности функционирования вертикально интегрированных компаний.

В главе 3 «Организация новой индустриализации» уделено внимание совершенствованию промышленной политики в контексте проведения новой индустриализации, вопросам управления формированием и развитием вертикально интегрированных структур в приоритетных секторах экономики, поиску финансовых средств для осуществления перехода к новым технологическим укладам.

Монография адресована работникам органов государственного управления, научным сотрудникам, преподавателям высших учебных заведений, студентам, аспирантам, а также широкому кругу читателей, которые интересуются проблемами экономического развития России.

ГЛАВА 1

ОБОСНОВАНИЕ ФАКТОРОВ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

1.1. Новая индустриализация как необходимое условие обеспечения экономического роста

7 мая 2018 г. Президент РФ подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В нем ставится цель войти к 2024 г. в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечив темпы экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности. В настоящее время российская экономика находится на шестом месте в мире (после Китая, США, Индии, Японии и Германии; рис. 1). Темпы ее роста последние пять лет уступают мировым, страна не наращивает, а, напротив, снижает свою долю в мировом ВВП.

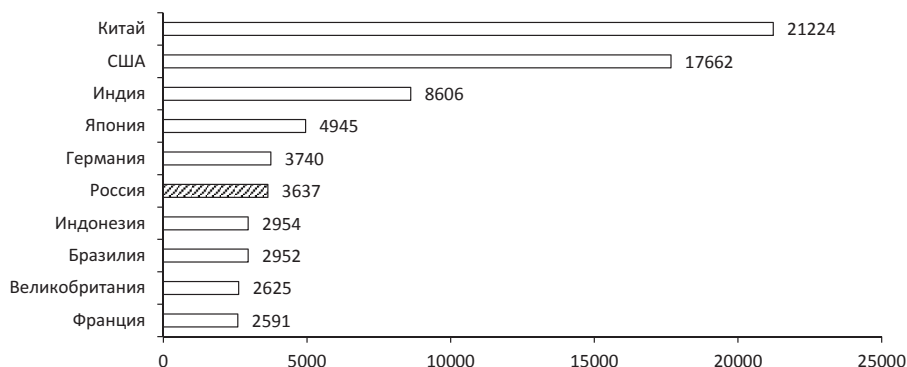

Рисунок 1. Валовой внутренний продукт 10 крупнейших экономик мира в 2017 г., млрд. долл. США (по паритету покупательной способности)

Источник: рассчитано по данным WorldBank.

При сохранении существующих тенденций Россия к 2024 г. не обгонит Германию, а уступит Индонезии¹. По нашим оценкам, чтобы занять и сохранить за собой пятое место, необходимо расти с темпом не ниже 5% в год². Такие темпы роста экономика за весь постсоветский период показывала только в 1999–2008 гг. – среднегодовой прирост ВВП составлял 6,9%. За 2009–2017 гг. валовой внутренний продукт страны увеличился лишь на 5,5% (0,6% в год), за этот же период мировая экономика выросла на 24,4% (2,5% в год).

По мнению экспертов [8; 14; 37], действующая в России экспортно-сырьевая модель себя исчерпала и не способна обеспечить требуемых темпов роста экономики. Это доказывают итоги социально-экономического развития последних 10 лет. Промпроизводство выросло только на 10,5%, инвестиции – на 1,2%, реальные доходы населения – на 5,2% (табл. 1). Доля страны в мировом ВВП сократилась с 3,5 до 2,9%. Усиливаются процессы деиндустриализации экономики – вклад промышленности в формирование добавленной стоимости снизился до 24,3% (в том числе обрабатывающих производств – до 11,9%).

Таблица 1. **Итоги социально-экономического развития РФ в 1991–2017 гг.**

Показатель	1991 г.	1999 г.	2008 г.	2017 г.	1999 к 1991 г., %	2008 к 1999 г., %	2017 к 2008 г., %
Валовой внутренний продукт, трлн. руб.	74,1	47,7	87,3	92,0	64,3	183,1	105,5
Доля России в мировом ВВП, % к итогу	3,9	1,9	3,5	2,9	50,0	180,8	84,3
Доля промышленности в ВВП, % к итогу	37,6	27,6	25,3	24,3	73,4	91,6	96,0
Объем промышленного производства, трлн. руб.	58,8	30,9	48,2	53,2	52,5	156,0	110,5
Объем продукции сельского хозяйства, трлн. руб.	5,3	3,2	4,5	5,7	59,9	140,4	127,0
Инвестиции в основной капитал, трлн. руб.	19,3	5,0	15,8	16,0	26,1	312,6	101,2
Степень износа основных фондов, %	35,4	41,7	45,3	48,1	117,8	108,6	106,2
Денежные доходы в расчете на душу населения, руб. в месяц	26493	11908	29917	31477	44,9	251,2	105,2

¹ В 2013–2017 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП России составили 0,2%, Германии – 1,7%, Индонезии – 5,1%.

² В Послании Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. озвучена задача к середине следующего десятилетия увеличить ВВП на душу населения в полтора раза (источник: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>). Ее достижение потребует примерно таких темпов роста.

Окончание таблицы 1

Показатель	1991 г.	1999 г.	2008 г.	2017 г.	1999 к 1991 г., %	2008 к 1999 г., %	2017 к 2008 г., %
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения	33,5	28,4	13,4	13,2	84,8	47,2	98,5
Численность населения, млн. чел.	148,3	146,3	142,8	146,8	98,7	97,6	102,8
Численность родившихся на 1000 человек населения, чел.	13,4	8,3	12,0	11,5	61,9	144,6	95,8
Численность умерших на 1000 человек населения, чел.	11,2	14,7	14,5	12,4	131,3	98,6	85,5
Примечание. Стоимостные показатели приведены в постоянных ценах 2017 г. Источник: рассчитано по данным Росстата и WorldBank.							

Рост при существующей в стране экономической модели зависит от внешней конъюнктуры и результатов экспортно-импортной деятельности [22; 40]. Чистый экспорт (т.е. экспорт за вычетом импорта), несмотря на то что на него приходится не более 10% ВВП, выступает в России одним из ключевых факторов экономического роста (а чаще спада; рис. 2). По итогам 2017 г. его вклад в прирост ВВП составил -2,3% (экспорт +1,3%; импорт -3,6%).

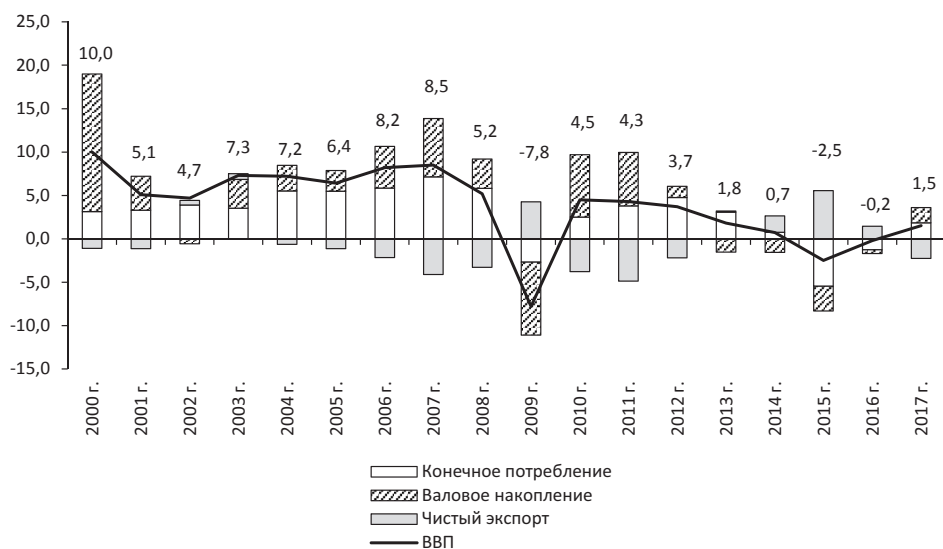

Рисунок 2. Вклады факторов экономического роста в прирост ВВП России, %

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Вклад в прирост ВВП другого фактора роста (менее зависимого от внешних условий и лучше поддающегося регулированию) – совокупного внутреннего спроса³ – в последние годы соизмерим с вкладом чистого экспорта. При этом его удельный вес в использовании ВВП составляет более 90% (в т.ч. конечное потребление домашних хозяйств – 52%, государственного управления – 18%, валовое накопление – 24%). В результате некоторого восстановления внутреннего спроса по итогам 2017 г. его вклад «перекрыл» убыль от чистого экспорта и составил 3,6% (в т.ч. конечного потребления домашних хозяйств +1,8%, государственного управления +0,1%, валового накопления +1,8%). Это позволило выйти на положительные темпы роста в 1,5%.

По нашему мнению, узость внутреннего рынка является одним из основных сдерживающих экономическое развитие факторов. Она ведет к недопотреблению товаров и услуг, сокращению стимулов у предприятий для наращивания производства и увеличения глубины переработки сырья. Совокупный внутренний спрос в России (в расчете на душу населения) в 2,4 раза ниже, чем в США, и в 2 раза ниже, чем в Германии (табл. 2).

Таблица 2. **Совокупный внутренний спрос в РФ, США и Германии в 2016 г.**

Показатель	РФ	США	Германия	США / РФ, раз	Германия / РФ, раз
<i>Объем, трлн. долл.</i>					
Совокупный внутренний спрос	3,309	17,770	3,740	5,37	1,13
Конечное потребление	2,557	14,351	2,934	5,61	1,15
Валовое накопление	0,752	3,419	0,806	4,55	1,07
<i>Отношение к ВВП, %</i>					
Совокупный внутренний спрос	92,4	102,9	92,8	1,11	1,00
Конечное потребление	71,4	83,1	72,8	1,16	1,02
Валовое накопление	21,0	19,8	20,0	0,94	0,95
<i>На душу населения, тыс. долл.</i>					
Совокупный внутренний спрос	22,541	54,662	45,169	2,42	2,00
Конечное потребление	17,418	44,137	35,435	2,53	2,03
Валовое накопление	5,123	10,518	9,734	2,05	1,90
<i>Справочно</i>					
ВВП по ППС, трлн. долл.	3,581	17,270	4,030	4,82	1,13
ВВП на душу населения, тыс. долл.	24,394	53,122	48,671	2,18	2,00
Численность населения, млн. чел.	146,8	325,1	82,8	2,21	0,56
Источник: рассчитано по данным Росстата и WorldBank.					

³ Под совокупным внутренним спросом понимается конечное потребление товаров и услуг резидентами страны. Он включает в себя конечное потребление частного и общественного сектора и валовые капиталовложения.

Итогом этого является отсутствие спроса внутри страны на многие виды товаров и услуг, экспорт низкотехнологичной продукции. Такое положение вещей по спирали усугубляет развитие экономики – из-за недополученной добавленной стоимости сокращаются доходы компаний, государства и населения. Это в свою очередь снижает конечное потребление и возможности для инвестирования (рис. 3).

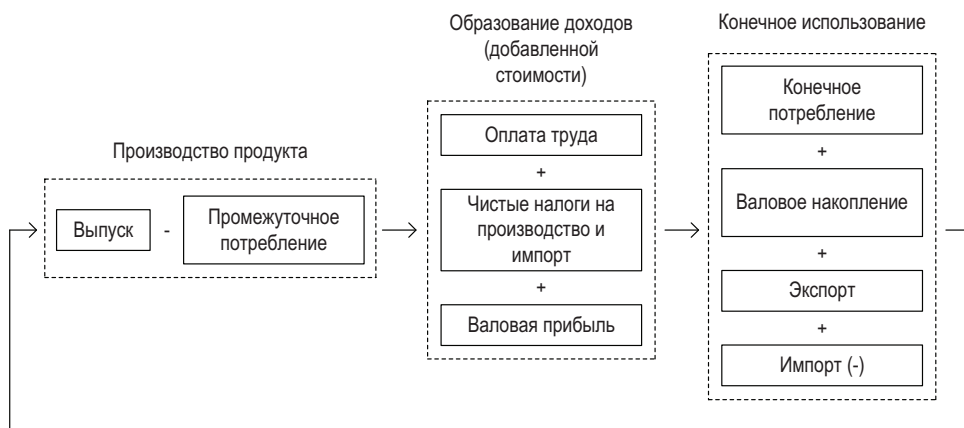

Рисунок 3. Упрощенная схема формирования и использования доходов в экономике*

* Основной ресурс экономики является национальное производство. В процессе производства, с одной стороны, создаются товары и услуги в их натуральном виде, с другой – их стоимость и добавленная стоимость, которой соответствуют образовавшиеся в производстве первичные доходы: оплата труда наемных работников, получаемые государством чистые налоги на продукты и валовая прибыль экономики. Первичные доходы после их распределения и перераспределения образуют располагаемые доходы субъектов хозяйствования (институциональных единиц, экономических агентов) и расходуются на конечное потребление и валовое накопление, образующие совместно конечный спрос. Разница между национальным производством и конечным использованием по экономике в целом, группам продуктов и отдельным продуктам балансируется за счет экспорта и импорта.

Источник: составлено на основе материалов Росстата и [46].

Качество экономического роста при существующей модели нельзя признать удовлетворительным. Такая модель усиливает отставание от промышленно развитых стран в научно-технологическом и инновационном развитии и объемах товарного производства высокотехнологичных отраслей реального сектора экономики [5]. Критических величин достигла зависимость от импорта технологий. По данным Минпромторга РФ (2014 г.), доля импорта в ряде стратегических отраслей превышает 80%, при этом в станкостроении – более 90%, в тяжелом машиностроении – до 80%, в легкой промышленности – до 90%, в радиоэлектронике – до 90%, в фармацевтической и медицинской промышленности – до 80% [29].

Перед страной встает проблема выбора новой стратегии качественного экономического роста, рассчитанной на долгосрочную перспективу [55]. Для изменения ситуации необходима государственная политика по повышению доходов всех субъектов экономики (населения, компаний, государства) за счет формирования собственных цепочек добавленной стоимости, производящих товары для конечного потребления.

При этом основой этих преобразований должен стать курс на новую индустриализацию экономики. Стране нужен собственный промышленный капитал, воплощенный в автоматизированной технике и автоматизированных рабочих местах, роботизированные, оцифрованные высокие технологии и высокотехнологические комплексы обрабатывающей индустрии [51].

Ядром «неиндустриальной парадигмы современного развития» являются фундаментальные научные обобщения С.С. Губанова, представленные в серии статей на эту тему в журнале «Экономист», начиная с 2008 г. Впоследствии парадигма новой индустриализации стала активно обсуждаться ведущими отечественными учеными (С.Д. Бодрунов, С.Ю. Глазьев, Р.С. Гринберг, С.С. Губанов, В.В. Ивантер, В.Л. Иноземцев, В.М. Кульков, Е.Б. Ленчук, О.А. Романова, В.Т. Рязанов, О.С. Сухарев, А.И. Татаркин). Понятие «новая индустриализация» в ходе научных дискуссий детализируется и обогащается (табл. 3).

Таблица 3. Подходы к определению сущности понятия «новая индустриализация» [55]

Автор	Подход
Губанов С.С.	Под новой индустриализацией (неоиндустриализацией) понимается исторически закономерный процесс развития производительных сил, который разворачивается после завершения, в основном, первой фазы индустриализации – электрификации. Он представляет собой вторую фазу индустриализации, то есть автоматизацию и компьютеризацию производственного аппарата.
Воробьев Е.М., Демченко Т.И.	Неоиндустриализация – это не только и не столько восстановление промышленного потенциала, утраченного в годы «суверенного» существования постсоветских стран, сколько импульс для их развития на инновационной основе.
Бодрунов С.Д.	Термины «реиндустриализация», «новая индустриализация», «инновационная индустриализация», «неоиндустриализация» равнозначны.
Байнев В.Ф.	Неоиндустриализация: «автоматизация национальной экономики плюс вертикальная интеграция производств и капиталов».
Киреев А.Б.	Неоиндустриализация (новая индустриализация) – воссоздание и интенсификация – на основе перспективных технологических и технических решений – многоукладной, наукоемкой промышленно ориентированной экономики.
Ковалев С.Г.	Неоиндустриализация – развитие традиционной индустриализации вширь (создание принципиально новых отраслей, например биохимии, нанотехнологий, космических технологий).

Окончание таблицы 2

Автор	Подход
Кульков В.М.	Неоиндустриализация – выход на уровень современных мировых технологических требований (путем заимствования технологий за рубежом или технологического импортозамещения).
Кульков В.М.	Новая индустриализация – соотношение процессов конструктивного удержания, модернизации и сверхмодернизации экономики, сочетание трех стратегий: восстановления, динамического намерстывания и опережающего развития, лидерства.
Эпштейн Д.Б.	Новая индустриализация означает появление новых отраслей производства.

Наша позиция ближе всего к научным взглядам С.С. Губанова, который рассматривает новую индустриализацию как вторую технотронную фазу (после электрификации) исторически закономерного процесса развития производительных сил.

Можно согласиться с утверждением, что «проводить новую индустриализацию в России – это значит действовать по двум основным внутренне единым направлениям – реиндустриализации и неоиндустриализации, – которые соотносятся друг с другом как два взаимосвязанных этапа в развитии народного хозяйства страны» [55]. Если реиндустриализация предполагает, прежде всего, устранение последствий деиндустриализации, то неоиндустриализация нацелена «на создание качественно новых производительных сил технотронного уровня, взаимосвязанных в системе автоматизированных машин» [62]. Содержанием новой индустриализации является процесс распространения «прорывных технологий», который охватывает как формирование новых отраслей и секторов промышленности, воспроизводящих эти прорывные технологии, так и их распространение в традиционных отраслях промышленности и секторах национального хозяйства, что требует соответствующей модернизации производственного аппарата [39].

Неоиндустриальная парадигма роста основана на высокой производительности труда как комплексном выражении интенсификации всех факторов производства, а не на благоприятной конъюнктуре сырьевого рынка.

Рост производительности труда позволит не только перевести экстенсивный рост экономики, обеспеченный сырьевыми ресурсами, в интенсивный, базирующийся на достижениях НТП, и сделать отечественную продукцию конкурентоспособной на внутреннем и мировом рынках, но и, как следствие, повысить уровень благосостояния российских граждан, качество их жизни.

В экономике развитых стран производительность труда имеет важное значение, экономическая политика направлена на ее последовательное возрастание. В настоящее время за счет этого достигается практически весь прирост национального дохода и выпуска продукции промышленности, сельского хозяйства, других отраслей [50].

По сравнению с развитыми странами уровень производительности труда в России достаточно низок (табл. 4). Если в 1991 г. разрыв между Россией и США по уровню производительности труда составлял 1,9 раза, то в годы активных рыночных преобразований отставание усилилось – к концу 1990-х оно достигло 3,1 раза. В 2000-е гг. ситуация несколько улучшилась: к 2017 г. отрыв от США снизился до 2,2 раза. Однако он по-прежнему очень велик. В повышении производительности труда есть большой резерв для роста российской экономики, уровня доходности всех ее субъектов.

Таблица 4. **Производительность труда***, тыс. долларов (по ППС, в ценах 2011 г.)

Страна	1991 г.	1999 г.	2008 г.	2017 г.	1999 к 1991 г., %	2008 к 1999 г., %	2017 к 2008 г., %	Ранг, 2017
<i>Развитые страны</i>								
США	76,5	89,9	103,8	111,1	118	115	107	9
Италия	82,2	97,0	95,7	93,5	118	99	98	16
Франция	73,9	84,8	88,7	92,6	115	105	104	18
Германия	69,3	80,5	87,9	89,2	116	109	102	22
Канада	64,4	74,2	79,0	83,9	115	106	106	26
Великобритания	57,4	68,5	77,7	79,3	119	113	102	28
Япония	60,5	64,3	71,8	74,4	106	112	104	32
<i>Развивающиеся страны</i>								
Турция	33,7	40,1	59,5	68,7	119	148	115	35
Южная Корея	28,6	42,5	57,9	68,0	149	136	117	37
Польша	23,7	35,9	47,4	56,9	152	132	120	51
РФ	40,5	29,4	47,6	49,6	72	162	104	59
Аргентина	30,6	40,0	44,6	45,1	131	111	101	65
ЮАР	40,4	35,7	40,1	42,4	88	112	106	69
Бразилия	28,3	27,3	30,8	31,7	97	112	103	87
Китай	3,0	6,1	14,0	27,2	206	228	195	97
Индия	4,8	6,6	10,1	16,8	139	152	166	119
<i>Страны бывшего СССР</i>								
Литва	37,3	27,7	52,7	58,4	74	190	111	48
Эстония	26,8	33,0	52,5	56,5	123	159	108	52
Латвия	34,5	25,7	43,9	52,5	75	170	120	55
Казахстан	23,7	20,0	37,8	47,3	84	189	125	62
Туркменистан	21,5	13,4	20,7	36,6	62	155	177	78

Окончание таблицы 4

Страна	1991 г.	1999 г.	2008 г.	2017 г.	1999 к 1991 г., %	2008 к 1999 г., %	2017 к 2008 г., %	Ранг, 2017
Азербайджан	22,3	10,6	31,2	31,8	47	296	102	86
Белоруссия	18,1	15,2	28,6	30,9	84	188	108	88
Армения	8,2	7,4	20,0	19,9	90	270	99	108
Грузия	12,5	6,8	13,7	18,7	54	202	136	112
Украина	21,6	11,0	19,8	17,8	51	180	90	117
Узбекистан	8,7	6,8	9,1	14,2	78	135	155	124
Молдавия	10,0	5,7	9,5	13,0	57	167	136	128
Киргизия	8,6	5,2	6,8	8,6	60	131	126	144
Таджикистан	11,2	3,8	6,0	7,5	34	158	126	147
<i>Справочно</i>								
Мир	21,3	23,6	29,4	34,6	111	125	118	-
ЕС	59,2	69,3	78,1	81,8	117	113	105	-
США / РФ, раз	1,89	3,06	2,18	2,24	162	71	103	-
Германия / РФ, раз	1,71	2,74	1,85	1,80	160	67	97	-
* Отношение ВВП к общему количеству занятых в экономике. Источник: рассчитано по данным WorldBank.								

При этом необходимо отметить, что проблема повышения конкурентоспособности и достижения высоких темпов производительности является актуальной для большинства стран мира, как развитых, так и развивающихся.

Потенциал дальнейшего роста производительности экономик развитых стран в условиях существующего экономического и технологического уклада оказался близок к исчерпанию. За последнее десятилетие производительность труда в США выросла лишь на 7%, в Канаде – на 6%, во Франции и Японии – на 4%, в Германии и Великобритании – на 2%. По сравнению с 2000-ми годами существенно замедлились темпы роста производительности и в экономиках развивающихся стран.

Сформировать ответ на эти вызовы в настоящее время призвана, прежде всего, проводимая индустриально развитыми странами и рядом новых индустриальных стран научно-технологическая и инновационная политика. Ее цель – стимулировать разработку и внедрение передовых технологий, производительность которых существенно превышает характеристики традиционных. Страны-лидеры реализуют целый пакет больших государственных программ в сфере передовых технологий в промышленности и непромышленных секторах экономики, рассчитанных на запуск новой технологической революции и радикальное укрепление конкурентных позиций на глобальных рынках [73]. Примерами

таких программ являются Industrie 4.0 в Германии, Smart Factory в Нидерландах, Usine du Futur во Франции, High Value Manufacturing Catapult в Великобритании, Fabbrica del Futuro в Италии, Made Different в Бельгии, Made in China в Китае, Monodzukuri в Японии, Industrial Internet Consortium в США [55].

В России в ответ создана национальная технологическая инициатива (НТИ) и реализуется несколько ее «дорожных карт», усилия которых направлены, в первую очередь, на развитие здравоохранения, новой энергетики, робототехники, укрепление безопасности (дорожные карты «Нейронет», «Аэронет», «Маринет» и «Энерджинет»). Реализуется программа цифровизации экономики.

Таким образом, проведение политики новой индустриализации следует признать не только необходимым, но и обязательным, исторически закономерным условием обеспечения качественного экономического роста страны в современном мире. Объективная необходимость перехода на путь новой индустриализации для России вызвана тем, что в настоящее время фактически нет иного способа преодолеть технологическое отставание и зависимость, кроме проведения политики новой индустриализации. Только собственный высокотехнологический промышленный капитал позволит выстроить длинные цепочки добавленной стоимости и максимизировать доходы всех агентов экономики – населения, компаний и государства.

1.2. Перспектива новой индустриализации России

Развитие национальной экономики в современных условиях во многом зависит от уровня обеспеченности отраслей народного хозяйства промышленной продукцией, в частности, высокотехнологичного машиностроения, и масштабного проникновения новейших технологий во все сферы жизни общества. По этой причине сейчас основным источником социально-экономического развития является научно-технический прогресс, достижения которого существенно упрощают выполнение множества трудоемких задач, дают возможность производить виды продукции, ранее недоступные вследствие технологического несовершенства, способствуют повышению энергоэффективности и т.д. Значительная доля достижений научно-технического прогресса приходится на отрасли, входящие в состав машиностроительного комплекса, что позволяет называть машинную индустрию основой передовой национальной экономики.

Однако в России роль машиностроения не столь велика, что вполне объяснимо крепкими позициями импортных производителей на отечественном рынке. В итоге доля машинной индустрии в общем объеме промышленной продукции остается стабильно низкой, существенно уступая показателям развитых зарубежных стран. Так, удельный вес сектора за период с 2008 по 2016 год не превысил 15% и даже снизился после 2013 года, хотя, например, в США данный показатель превышает 24% и постоянно растет (рис. 4).

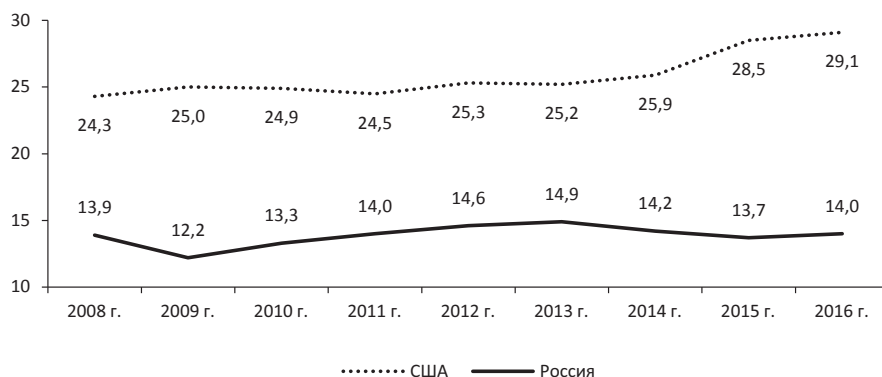

Рисунок 4. Доля машиностроения в общем объеме промышленной продукции, %

Источник: рассчитано по данным Росстата и U.S. Bureau of Economic Analysis.

Устойчивый рост машинной индустрии в США и в передовых экономиках в целом объясняется пристальным вниманием к стимулированию инновационных процессов. Прямое участие и реальные меры поддержки машиностроения со стороны государства позволили странам G7 достичь высокого уровня развития новых технологических укладов и увеличить долю этого сектора в общем объеме выпуска промышленной продукции до 30–50%.

Например, в США на долю пятого технологического уклада приходится 60% и около 5% – на долю шестого. Для сравнения: в России доля пятого уклада составляет лишь 10%, а основная масса производительных сил базируется на технологиях четвертого уровня⁴. В итоге основу российской экономики составляет индустриальный уклад доэлектронной формации, в то время как в мире преобладают высокие, наукоемкие и цифровые технологии [33].

⁴ Дмитрий Рогозин: Скоро мы сможем печатать оружие на принтерах // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/11/22/tehnologii.html>

Стимулирование высокотехнологичной деятельности в России недостаточно эффективно, не способствует росту спроса на выпускаемую продукцию и приводит к технологической отсталости экономики. На такие реалии промышленность реагирует низкими темпами производства, особенно это заметно на примере машиностроения: выпуск транспортных средств, машин и оборудования чуть ли не в 2 раза ниже уровня 1991 года (рис. 5).

Рисунок 5. Производство в отраслях машиностроения России, % к 1991 году

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Такая ситуация более чем неблагоприятна для российской экономики, поскольку в рамках новой индустриализации ключевое значение приобретает именно машиностроение. Оно имеет потенциал развития и, если будут сняты системные ограничения, может стать базисом для качественного обновления производительных сил. Хотя переходный период после развала СССР и современные экономические реалии оказали пагубное воздействие на народное хозяйство страны, способствовали частичной утрате накопленного за советский период научно-технического и производственного потенциала⁵, вклад промышленности в устойчивость экономики все еще остается значительным.

В частности, в промышленности сконцентрированы отрасли с высоким мультипликатором добавленной стоимости, являющиеся локомотивами развития других секторов национальной экономики, что подчерки-

⁵ Например, за период с 1991 по 2016 год доля промышленности в структуре валовой добавленной стоимости снизилась с 40,1 до 26,2%.

вает их чрезвычайную важность для страны. В связи с необходимостью новой индустриализации именно промышленные предприятия должны быть приоритетными для органов власти при выборе объектов инвестирования.

Впрочем, несмотря на широкое понимание важности технологически развитой промышленности для обеспечения экономической безопасности государства и достойного уровня жизни населения, в стихийном порядке новая индустриализация не начнется: вследствие деиндустриализации и связанных с ней проблем выход промышленного сектора экономики на интенсивный путь развития представляется невозможным. Поэтому процесс крупномасштабной новой индустриализации требует организации.

Необходимость этого обусловлена социально-экономической ситуацией в стране. Современный этап развития экономики характеризуется спадом темпов роста производства и уменьшением реальных доходов населения, одной из острых проблем является снижение потребительского спроса, влекущее за собой сокращение уровня жизни и объемов розничной торговли. На отечественную промышленность негативное влияние оказывают высокие тарифы и процентные ставки по кредитам, наблюдается дефицит квалифицированной рабочей силы.

Деиндустриализацию и критическое экономическое состояние страны ряд ученых и представителей экспертного сообщества связывают с затяжным системным кризисом, обусловленным исключительно внутренними причинами. Привлекает внимание утверждение С.С. Губанова о том, что постсоветская Россия изначально находится в состоянии системного кризиса, регулярное обострение которого происходит одновременно с падением цен сырьевого экспорта. В связи с этим подчеркивается, что наблюдаемый ныне «кризис обусловлен не санкциями, не внешнеторговой конъюнктурой, а экспортно-сырьевой моделью работы на иностранный капитал» [16, с. 26].

Схожей позиции придерживаются многие отечественные ученые. Так, на системные ограничения указывает К.И. Микульский, описывая экономическую ситуацию следующим образом: «Нынешний же российский кризис – системный, вытекающий из неадекватности системы требованиям развития общества и ее неспособности к позитивной эволюции. Он базируется на глубоком конфликте интересов элиты и задач общественного прогресса, на превращении части элитных кругов в его выгодоприобретателей» [38, с. 6].

Таким образом, сложившаяся вследствие реформ экономическая система является внутренне кризисной, а потому выступает одной из главных причин осложнения условий функционирования промышленности. Наличие системного кризиса вполне объясняет, почему мировой финансовый кризис 2008 года и экономико-политические санкции против России усугубили кризисные тенденции в ее экономике. Их главным последствием стало ускорение девальвации национальной валюты, рост процентных ставок по коммерческим кредитам, снижение совокупного спроса, уровня жизни населения и деловой активности. Из-за падения курса рубля относительно доллара и европейской валюты снизилась доступность импортного оборудования, сырья и материалов. Рост производственных затрат и снижение реальных доходов населения в итоге привели к ухудшению финансового состояния предприятий в промышленном секторе.

Следует отметить, что при наличии в экономике России объединенных технологических цепочек (вертикально интегрированных структур), реализующих полный цикл трансформации сырья в готовую высокотехнологичную продукцию с ее последующей реализацией потребителям, стране удалось бы гораздо быстрее преодолеть последствия деиндустриализации. Иными словами, вертикально интегрированные структуры видятся одним из важных факторов, способствующих новой индустриализации и повышению конкурентоспособности народного хозяйства.

Развитие технологических цепочек считается мощным стимулом для ускорения научно-технического прогресса и модернизации отечественных производств [58]. Более того, вхождение России в число промышленно развитых экономик мира представляется возможным именно за счет организации новой индустриализации, основу которой должна составлять вертикальная интеграция [15]. По нашему мнению, отсутствие подобных структур в отечественной экономике будет способствовать дальнейшему пребыванию реального сектора страны в упадочном состоянии.

Организация новой индустриализации в России должна осуществляться параллельно нейтрализации влияния факторов, сдерживающих развитие отечественной промышленности. Среди них в настоящее время наиболее критичным является недостаток денежных ресурсов. В условиях системных ограничений развития экономики финансовый аспект становится первопричиной неудовлетворительного положения отечественных производителей, тем самым обуславливая дефицит

высококвалифицированной рабочей силы, низкую доступность современных средств производства (в частности, импортного сырья, материалов и оборудования) и почти неизменные в масштабах страны объемы выпуска продукции.

Основной причиной сложившейся ситуации можно назвать низкую рентабельность НИР, НИОКР, обрабатывающих производств, которая фактически не оставляет места для высокотехнологичного маневрирования отечественных предприятий. Из-за этого ресурсы для проведения НИОКР, освоения инновационных технологий и совершенствования производственных процессов с целью повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции в большинстве случаев расходуются лишь на поддержание текущего уровня и не направляются в развитие.

Недостаток денежных ресурсов объясняется прежде всего несовершенством налоговой и денежно-кредитной политики. В первом случае уплата налоговых сборов почти оголяет предпринимательство, не оставляя для дальнейшего функционирования достаточного объема финансов. Во втором – бизнес получает доступ к внешним источникам финансирования на крайне невыгодных, зачастую неподъемных условиях. Вследствие этого для промышленного сектора экономики характерна циклическая проблематика:

1. Стабильному развитию промышленности необходим достаточный объем финансовых ресурсов, однако значительная доля получаемой предприятиями выручки расходуется на налоговые отчисления.

2. Существует возможность компенсации налоговых расходов и финансирования оборотных средств за счет коммерческих кредитов, но высокие процентные ставки по ним снижают привлекательность и распространенность такого метода.

3. Отсутствие достаточного объема финансовых ресурсов приводит к замедлению процессов модернизации основных фондов или отсутствию соответствующих планов, что обуславливает высокую долю использования устаревшего и изношенного оборудования.

4. Несовершенство технологической базы предприятий становится причиной выпуска продукции неудовлетворительного качества, ее примитивности или низкой востребованности на рынках развитых стран.

5. Вследствие отсутствия сильных конкурентных преимуществ отечественной продукции на российских предприятиях наблюдается недостаточный объем заказов.

6. Малое количество заказов, крепкие позиции зарубежных производителей и низкая инвестиционная привлекательность отечественной промышленности являются причинами получения незначительного объема выручки.

7. После уплаты налогов от небольшой выручки остается лишь незначительный объем свободных финансовых ресурсов, недостаточный для комплексного обновления, проведения НИОКР или освоения новейших технологий. Таким образом, перед предприятиями встает вопрос внешнего финансирования, которое фактически недоступно по перечисленным причинам.

Опыт высокотехнологичных экономик показывает, что в целях превентивного реагирования на проблемы подобного характера необходима реализация мероприятий, направленных на защиту и поддержку отечественных производителей, стимулирование их деятельности за счет предоставления льготных условий функционирования, увеличение гибкости финансовых инструментов развития, обеспечение устойчивого спроса на выпускаемую инновационную продукцию.

Для осуществления новой индустриализации государство и бизнес должны иметь обоюдный интерес в проведении НИОКР, развитии передовых технологий, модернизации производственных мощностей.

Например, в США промышленная политика ориентирована на развитие наукоемких и сверхнаукоемких производств, а также предусматривает возможность государственной корректировки структуры производства продукции и распределения инвестиций в промышленности [53]. В государственной поддержке машиностроения особое место занимают такие ключевые направления, как антимонопольное регулирование, реализация федеральных программ с высокой долей финансирования за счет бюджетных средств, проведение целенаправленной амортизационной политики, преобразование результатов НИОКР военного назначения для гражданской сферы.

В частности, целенаправленная амортизационная политика, во-первых, способствует активизации притока инвестиций в машиностроение: в сфере производства вычислительной техники компании имеют право ускорять амортизацию и списывать до 30% стоимости техники и другого электронного оборудования сразу после их приобретения. Во-вторых, стимулирует модернизацию на предприятиях за счет амортизационной премии. Этот метод позволяет организациям в дополнение к

стандартным амортизационным отчислениям исключать из собственных доходов сумму, равную 10% исходной стоимости основных средств. Преимущество данного инструмента заключается в более быстром исчислении амортизации оборудования на начальном этапе при соблюдении двух ключевых условий: материальная часть должна быть новой, а расчетный срок эксплуатации – превышать 3 года.

Опыт США по части обеспечения технологического лидерства наглядно показывает, каких результатов можно добиться благодаря расстановке приоритетов, адекватных современным требованиям общественного развития, и конкретизации направлений высокотехнологичной деятельности.

Так, в целях активизации полупроводниковой отрасли в стране сделан акцент на интернете вещей и технологии создания комплексных, оптимизированных аппаратно-программных финишных радиоэлектронных изделий высокой доходности. Внедрению и разработке этих технологий в США уделяется первоочередное внимание, благодаря чему в настоящее время полупроводниковая отрасль в США – «локомотив и катализатор фундаментальной цифровой трансформации существующих отраслей, социальной сферы и создания новых глобальных рынков» [5, с. 4].

В развитых странах мира в настоящее время особое внимание уделяется развитию высокотехнологичных отраслей экономики, укреплению роли промышленности, протекционизму внутренних производителей. Со стороны государства осуществляется поддержка инвестиционных проектов в области НИОКР, промышленности, инновационной инфраструктуры [39]. Разработка и внедрение передовых технологий обеспечены рядом законодательных и экономических мер, направленных на снижение количества организационно-правовых препятствий ведения деятельности, повышение конкурентоспособности, стимулирование развития бизнеса и национальной экономики в целом.

В России на пути высокотехнологичного развития, напротив, присутствует множество барьеров, порождаемых несовершенством экономической политики и законодательных норм, что еще больше усугубляет проблему деиндустриализации экономики. В свою очередь, для новой индустриализации необходимо преодоление противоречий между состоянием институциональной среды и требованиями общественного прогресса, актуализация и конкретизация мероприятий промышленной политики, определение ключевых направлений развития национальной экономики.

Без значительных изменений условий общественного воспроизводства в стране говорить о создании новых факторов экономического роста не приходится.

1.3. Роль вертикальной интеграции в развитии промышленного сектора экономики

В условиях острой конкурентной борьбы не только отдельных хозяйствующих субъектов, но и целых стран поиск источников их развития является важнейшей задачей, стоящей перед органами власти всех уровней. Как свидетельствует мировой опыт, одним из таких источников выступает формирование и развитие в приоритетных отраслях экономики, в том числе промышленности (машиностроение, металлургия, химическое производство, лесопромышленный комплекс), вертикально интегрированных структур, так или иначе подконтрольных государству.

Вертикальные интеграционные процессы начали особенно активно развиваться с 50-х гг. прошлого века и, как показала мировая практика, были фактором повышения эффективности национальных экономик. При этом важнейшей характеристикой вертикально интегрированных структур, позволяющей повысить их конкурентоспособность на мировом рынке, является создание единых технологических цепочек добавленной стоимости в рамках одной организационной структуры. Их деятельность позволяет концентрировать производственный, денежный и товарный капитал, увеличивать скорость его воспроизводства, внедрять инновации, производить продукты с высокой добавленной стоимостью, выходить на мировые рынки.

Актуальность данной проблематики обусловила появление в литературе множества исследований. Большой вклад в развитие этих вопросов внесли такие известные зарубежные ученые, как М. Аделман, В. Абернаси, Р. Базел, Р. Блэр, Р. Коуз, Дж. Стиглер, О. Уильямсон, К.Р. Харриген, К. Эрроу.

Проблемы интеграции хозяйствующих субъектов рассматривались и в трудах отечественных авторов: А.Я. Бутыркина, М.М. Вороновицкого, С.С. Губанова, Е.Ф. Герштейна, Н.В. Игнатовой, Е.М. Коростышевской, В.А. Крюкова, С.А. Мещеряковой, С.А. Подзоровой, А.А. Попова, И.В. Ратникова, О.Ю. Челноковой и др.

Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время в экономической науке так и не сложилось общей теории и единого подхода к объяснению сущности, природы и особенностей вертикальной интеграции.

Так, в *неоклассической теории*, единственным оправданным случаем существования вертикальной интеграции является наличие непрерывной технологической взаимосвязи различных технологических стадий производства. Предполагается, что для достижения эффективности последовательных процессов, совпадающих во времени и пространстве, необходима общая собственность [69, с. 125]. Представители данного подхода полагали, что это приведет к выигрышу потребителей и новых отраслевых образований. Хозяйствующие субъекты получают снижение промежуточных затрат, а потребители смогут приобретать продукцию по более низким ценам. Однако, как показала мировая практика, далеко не все условия и ограничения, которыми оперируют неоклассики, верны: рынок не является идеальным механизмом распределения ресурсов, а успешная вертикальная интеграция существует и в дискретных во времени и пространстве производствах (например, автомобилестроении).

Американские экономисты А. Янг и Дж. Стиглер объясняли наличие и целесообразность вертикальной интеграции с точки зрения теории разделения труда А. Смита. На ее основе они делают вывод о том, что в момент зарождения отрасли все фирмы являются высоко интегрированными, так как из-за новизны продукта, материалов, оборудования хозяйствующему субъекту сложно найти контрагентов, с которыми возможно сотрудничать. Поэтому фирмы вынуждены покрывать эту потребность за счет производства внутри своих подразделений. Вместе с тем по мере роста и достижения отраслью определенного размера происходит дезинтеграция стадий технологической цепочки, так как специализированные фирмы выполняют определенные функции с большей эффективностью и меньшими издержками благодаря разделению труда. Но как только отрасль входит в стадию спада, начинается стагнация и в «обслуживающих» отраслях, которые производят материалы и оборудование. Эффективность деятельности фирм в этих отраслях падает, что, по мнению Дж. Стиглера, требует возврата ранее переданных функций в фирму и наличия высокой степени ее вертикальной интеграции [84, с. 189-190].

В работах других экономистов [7] показано, что в условиях высокой рыночной процентной ставки и ненадежности договорных соглашений вертикальная интеграция может оказаться вполне устойчивой организационной структурой. Однако по мере развития, улучшения качества институтов, восстановительного роста экономики ее «вертикальная интегрированность» снижается. Так, С. Хелпер отмечает расширение практики аутсорсинга в автомобильной промышленности США по мере ее техноло-

гического развития. Существует ряд других работ, в которых также развивается гипотеза о более высокой эффективности крупных вертикально интегрированных структур именно на начальном этапе переходного периода в экономике [75].

Вопрос о стимулах к вертикальной интеграции для экономических агентов детально исследуется в *неоинституциональном направлении экономической теории*. В отличие от неоклассики, в качестве единицы анализа здесь используется транзакция, а не товары и услуги. Фирма рассматривается не как производственная единица, а как «управляемая» структура [85].

Теория *транзакционных издержек* объясняет вертикальную интеграцию с точки зрения существования издержек взаимодействия агентов на рынке. Ее основоположником является Р. Коуз, который в работе «Природа фирмы» впервые обратил внимание на существование издержек использования ценового рыночного механизма (транзакционных издержек), устранение которых возможно благодаря вертикальной интеграции. Р. Коуз считал, что о наличии интеграции можно говорить в том случае, когда транзакции, ранее происходившие между предприятиями, осуществляются уже внутри одной фирмы [72, с. 390-391]. Целесообразность создания такой структуры определяется не столько благодаря технологии, как это предполагают исследователи других экономических школ, а в связи с появлением более дешевого способа управления компанией изнутри в сравнении с закупками ресурсов на рынке.

Другим существенным стимулом к вертикальной интеграции является возможность компаний, принадлежащих рынку несовершенной конкуренции, реализовать рыночную власть данной предпринимательской структуры. Стремление к экономии финансовых ресурсов активной фирмы также может быть мотивом для вертикальной интеграции, поскольку появляется возможность эффективного финансового управления.

Кроме рассмотрения вертикальной интеграции как механизма уменьшения транзакционных издержек сторонники данного подхода определяют границы расширения фирмы и, соответственно, пределы вертикальной интеграции. Фирма может расширяться до тех пор, пока предельные издержки, связанные с использованием рынка, равны предельным издержкам, обусловленным использованием иерархической организации [72, с. 394].

Пределы расширения фирмы были также рассмотрены в работах А. Алчиана и Г. Демсеца. По их мнению, основным преимуществом вертикально интегрированной фирмы является возможность более эффектив-

ного использования определенного ресурса в составе целой «команды». Как только издержки по контролю и предотвращению «отлынивания» превышают выгоды использования ресурса «команды», расширение фирмы становится неэффективным.

Суть вертикальной интеграции с точки зрения С.С. Губанова [9–12] сводится к закономерным и объективным процессам централизации собственности и становления ее новой макроэкономической формы – государственно-корпоративной. В своих работах автор обосновал целесообразность вертикальной интеграции и неоиндустриализации как важнейших условий модернизации отечественной экономики и превращения нашей страны в одну из промышленно развитых держав мира⁶.

При этом вертикальная интеграция рассматривается как система производственных отношений неоиндустриального уровня развития производительных сил. Важнейшими условиями эффективности вертикальных интеграционных процессов как технологических цепочек добавленной стоимости, объединенных в рамках одного предприятия, наряду с нулевой рентабельностью его подразделений являются отсутствие их экономической самостоятельности и технологическая модернизация вертикально интегрированных мощностей на основе наукоемких, электронных технологий.

Таким образом, в настоящее время сложилось множество определений данного феномена, которые зачастую значительно отличаются друг от друга. Основное различие существующих определений вертикальной интеграции с точки зрения исследователей заключается в степени контроля одной фирмы над другой, который возникает в результате объединения различных стадий цепочки добавленной стоимости.

В частности, в настоящее время сложился подход, согласно которому под вертикальной интеграцией понимают долгосрочные контрактные взаимоотношения между независимыми хозяйствующими субъектами, находящимися на различных ступенях технологической цепочки. Так, по мнению немецкого экономиста Г. Мюллера, вертикальная интеграция является контрактной связью между независимыми предприятиями, которые обрабатывают один и тот же продукт на различных стадиях производственного процесса, причем соглашения касаются прежде всего количества и качества продукта и в большинстве случаев включают также консультационную службу [81].

⁶ Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. (Серия «Сверхдержава»). М.: Книжный Мир, 2012. 224 с.

По мнению другого немецкого исследователя Л. Фишера, под вертикальной интеграцией следует понимать объединение путем заключения соглашений между экономическими единицами с различной структурой. Новая организация получает право распоряжаться двумя или более ступенями в производстве, обработке и сбыте. При этом не предусматривается ни слияния, ни смены права собственности [74]. Примером анализа вертикальной интеграции в рамках контрактного подхода к фирме выступают также работы Уильямсона [86].

Вместе с тем, на наш взгляд, данный подход не является полностью верным, поскольку не гарантирует исключения риска оппортунистического поведения контрагентов, и в данном случае не выполняется основной закон вертикальной интеграции – нулевая рентабельность промежуточных стадий [11].

Профессор Гарвардского университета К.Р. Харриген дает более широкое определение вертикальной интеграции как способа увеличения добавленной стоимости при создании продукта (услуги) и продвижения его к конечному потребителю. Такая точка зрения предполагает разнообразие форм и степени контроля взаимоотношений между различными стадиями производства, в том числе и их дезинтеграцию. Последнее явление наблюдается во многих отраслях промышленности, например в автомобилестроении [77, с. 397].

Существует и другой, противоположный подход, согласно которому контроль над собственностью служит ключевым признаком вертикально интегрированных структур. Так, профессор Массачусетского технологического института М. Аделман считает, что фирма является вертикально интегрированной, когда внутри нее из одного подразделения в другое происходит перемещение товара и услуги, которые могли бы быть проданы на рынке без дальнейшей переработки [67, с. 27]. Данная трактовка отражает мнение большинства ученых о том, что вертикальная интеграция предполагает стопроцентный контроль фирмы над несколькими стадиями производства. Такое определение исключает гибкость фирмы при выборе степени вертикальной интеграции, а также возможность реализации квазиинтеграционных стратегий.

При этом вертикально интегрированная фирма в ее классическом понимании сочетает контроль над собственностью и поведением участников, обычно создается через слияние (поглощение). Если же речь идет лишь о контроле над поведением участников, то такие отношения называются вертикальными ограничениями.

Таким образом, под вертикальной интеграцией понимается объединение последовательных стадии производства в рамках одной технологической цепочки внутри одного предприятия. При этом под стадией производства понимается процесс, при котором к первоначальной стоимости продукта присоединяется добавленная стоимость, а сам продукт перемещается по цепочке к конечному потребителю. Предмет труда проходит последовательный ряд связанных между собой процессов, которые осуществляются на отдельных, но дополняющих друг друга машинах [60].

Вертикально интегрированные компании выступают заменой простой кооперации отдельных машин органически единой системой машин. Системе машин отвечает принцип единой межотраслевой технологической цепочки производства, протянутой от добычи сырья до выпуска готового продукта конечного назначения и утилизации отходов. В своих работах С.С. Губанов [9; 10; 11] отметил очень важную взаимосвязь неиндустриальных технотронных производительных сил с вертикальной интеграцией, соответствующей им формой производственных отношений. Аргументация такой взаимосвязи состоит в следующем. Технотронные производительные силы представляют собой функционирующую без людей систему машин. Формулировка научного критерия системы машин принадлежит К. Марксу: «Но собственно система машин заступает место отдельной самостоятельной машины только в том случае, когда предмет труда проходит последовательный ряд взаимосвязанных частичных процессов, которые выполняются цепью разнородных, но дополняющих друг друга рабочих машин» [35, с. 390]. Другие трактовки дефиниции «вертикальная интеграция» представлены в таблице 5.

Таблица 5. Интерпретации определения «вертикальная интеграция»

Автор	Определение
1. Столярова Е.	<i>Вертикальная интеграция</i> – это процесс включения в структуру компании фирм, которые связаны с ней единой технологической цепочкой, либо слияние стадий производства единой технологической цепи и установление контроля одной компании над ними.
2. Ситникова Л.В.	<i>Вертикальная интеграция</i> – объединение компаний одной или различных отраслей по принципу технологического единства производственных процессов.
3. Портер М.Е.	<i>Вертикальная интеграция</i> – это осуществление компанией вертикально связанных между собой видов деятельности. Чем больше фирма владеет и/или управляет последовательными стадиями цепочки ценностей своей продукции, тем выше степень вертикальной интеграции.
4. Третьяк В.П.	<i>Вертикально интегрированной</i> называется действующая на отраслевом рынке фирма, которая вбирает в себя две и более связанные между собой технологические стадии производства продукта, производимого и реализуемого под контролем как над собственностью, так и над управлением ранее независимых до слияния или поглощения фирм.

Окончание таблицы 5

Автор	Определение
5. Качапкина Ю.В.	<i>Вертикальная интеграция</i> представляет собой расширение сферы деятельности в данной отрасли: интеграция «вперед» – к конечному пользователю продукции и «назад» – к поставщикам. Существуют также полная и узкая интеграции. При полной объединяются все «входы» или «выходы», узкой является, например, покупка компанией части входящих элементов и производство остальных собственными силами.
6. Владимирова И.Г.	<i>Вертикальная интеграция</i> – это объединение организаций, дополняющих друг друга в технологической цепочке, например по циклу: разработка – производство – транспортировка – сбыт. В практической деятельности – это объединение той или иной организации с партнерами, осуществляющими содействие ей в достижении поставленных целей.
7. Бочаров С.Н.	<i>Вертикальная интеграция</i> – производственное и организационное объединение, слияние, кооперация, взаимодействие предприятий, связанных общим участием в производстве, продаже, потреблении единого конечного продукта: поставщиков материалов, изготовителей узлов и деталей, сборщиков конечного изделия, продавцов и потребителей конечного продукта.
8. Бочкарев А.	<i>Вертикально интегрированная структура</i> – это объединение собственности предприятий различных организационно-правовых форм, осуществляющих последовательные стадии единого цикла производства какого-либо продукта. Этот процесс включает этапы получения ресурсов, производства сырья и материалов, изготовления готовых товаров и заканчивается реализацией их потребителю, а также включает контроль за использованием оборудования предприятий на разных стадиях технологической цепочки, за трудовыми, материальными и финансовыми ресурсами.

Таким образом, ключевой принцип формирования интегрированной бизнес-структуры – система участия как в капитале, так и в системе управления, за счет чего формируется и обеспечивается важнейшая форма связи всех участников. Это позволяет сформировать сеть из большого числа филиалов, организовать систему соподчиненности и взаимозависимости различных видов деятельности (на которых специализируется корпорация) и дает возможность головной компании управлять данной сетью посредством контроля всех направлений деятельности, движения финансовых потоков и т.п.

На основании анализа данных интерпретаций можно сделать вывод о том, что *вертикальная интеграция представляет собой экономическое, финансовое и организационное слияние нескольких производственных единиц с различной структурой, участвующих в процессе производства, распределения и сбыта продукции на разных ступенях производственного процесса, с целью получения дополнительных конкурентных преимуществ на рынке*⁷.

⁷ Под квазинтеграцией понимается ситуация, при которой имеет место наличие контроля активной фирмы над поведением формально самостоятельных субъектов при отсутствии такового над их собственностью [20]. Квазинтеграция как форма взаимодействия хозяйствующих субъектов требует меньше капиталовложений в ее организацию и позволяет компаниям оставаться более свободными [59; 66, с. 642].

Она призвана гарантировать фирме стабильные поставки сырья, сбыт продукции и присуща хозяйствующим субъектам, *связанным последовательностью стадий производства и реализации товаров, что особенно характерно для отраслей промышленности*. Ключевой задачей интеграционных образований является обеспечение между входящими в их состав звеньями того, что именуется синергией, или усилением взаимного действия.

Углубление интеграционных отношений в условиях глобализации экономики приводит к формированию мощных бизнес-образований международного характера, таких как транснациональные корпорации (ТНК). ТНК – это фактически концерн, который действует на ряде национальных рынков, включая приграничные сегменты, который не только реализует продукцию на многих внешних рынках, но и размещает свои производственные мощности, что позволяет использовать конкурентные преимущества экономик различных государств (рабочая сила, ресурсы, инфраструктура, налоговое законодательство и т.д.) и активнее осуществлять экспансию на новые сегменты рынка [34].

Общие черты вертикально интегрированных компаний

Результаты исследований и практики создания и развития интеграционных процессов в промышленности позволяют выделить следующие общие характерные черты вертикально интегрированных структур (ВИС):

1. Их организационно-правовой основой выступает открытое акционерное общество холдингового типа.

2. Ядро ВИС – совокупность предприятий, являющихся последовательными стадиями одного производственного цикла и связанных между собой технологическими производственными связями. Вертикальная интеграция означает органическое объединение добывающих и обрабатывающих производств, научно-технологических и инжиниринговых центров, фирменных сетей оптовой и розничной торговли. В компании объединяются предприятия по выпуску средств производства и предметов конечного потребления, а интегрирует их общекорпоративная собственность, которая, как правило, в большей или меньшей мере смешана с государственной. В число участников также могут входить структуры, не связанные технологическими процессами. Но они тоже вносят существенный вклад в совокупный эффект, поскольку обеспечивают необходимую финансовую и иную инфраструктуру [36]. Данное свойство вертикальной интеграции соответствует принципу единой межотраслевой

технологической цепочки производства, основы которого были заложены еще К. Марксом, когда он говорил о замене кооперации отдельных машин органически единой системой машин.

3. Природа вертикальной интеграции исключает возможность извлечения прибыли из промежуточного производства, причем данный процесс происходит организационно-экономическим образом, за счет корпоративной формы производственной организации. Будучи межотраслевой по природе, корпорация соединяет воедино технологически смежные отраслевые комплексы, выстраивает единые технологические цепочки, в которых органически объединены добывающие и обрабатывающие звенья промышленности, а продукция не покидает цикла производства, пока не превратится из промежуточной в конечную, полностью пригодную для конечного потребления.

4. Вертикальная интеграция трансформирует экономический регулятор ценообразования, накопления, окупаемости и эффективности капитальных вложений, потому что замещает частную норму прибыли общекорпоративной. Внутри межотраслевой корпорации снимается проблема разной выгодности между добывающими и обрабатывающими звеньями, между промежуточными и конечными производственными комплексами [19].

5. Рационально и без инфляции, неценовым способом решается проблема распределения эффекта, обеспечиваемого вложениями в новые средства производства, технологии, инновационно-технологические продукты и процессы. Как известно, в многоотраслевом народном хозяйстве эффект создается в одном звене, а реализуется и извлекается в другом, технологически смежном. Будучи по экономической сути потребительной стоимостью, эффект новой техники всегда выявляется лишь в процессе и по месту ее применения. Если оба звена интегрированы в единой цепочке, в единой корпорации, то эффект становится общекорпоративным и распределяется централизованно, в виде внутрикорпоративного распределения капиталовложений, прибыли, заработной платы. Если же оба звена обособлены, то проблема разделения эффекта капиталовложений становится камнем преткновения. Тогда включается механизм цены и дифференциального ценообразования вместо интегрального: создатель эффекта получает свою долю от эксплуатанта через более высокую цену.

6. Для вертикально интегрированной структуры характерно поддержание отношений как прямой (формальной), так и косвенной (неформальной) экономической зависимости ключевых поставщиков. Так, не

обязательно прямое включение того или иного сырьевого предприятия в формальную структуру корпорации, чтобы оно работало на общий конечный результат.

7. Главным источником накопления для корпорации служит не повышение цен, а сокращение издержек и стоимости, увеличение товарного выпуска. Суммарная экономия издержек выступает центральной «инвестиционной составляющей», в отличие от пореформенной экономики России, где за «инвестиционную составляющую» принимается рост цен и тарифов, т. е. инфляция, а не снижение стоимости продукции [19].

8. Для вертикально интегрированной структуры характерна целевая продуктовая специализация. Она выпускает продукцию технотронного качества, наукоемкую, способную удовлетворять как промежуточный, так и конечный спрос [19].

9. Вертикальная интеграция подразумевает гибкую организационную структуру, подвижную во времени и пространстве. Управление производством и денежными потоками осуществляет материнская компания. При этом корпорация может оперативно избавляться от устаревших звеньев, создавать или присоединять новые по мере своего развития.

10. Особенностью вертикальной интеграции является концентрация базовой науки в составе корпораций и в университетах. В России же в настоящее время противоположная ситуация: университеты во многом утратили научную базу и сократили научно-исследовательские работы. Отдельное предприятие, вне корпорации, вне вертикальной интеграции, содержать науку не в состоянии, а для вертикально интегрированной корпорации наука становится внутренним фактором развития [65].

Вертикально интегрированные структуры могут служить различным экономическим целям, однако их общей целью является оптимизация хозяйственно-экономической деятельности, максимизация нормы прибыли. Этой цели должны способствовать организационное единство всех элементов технологической цепочки и формирование общей производственно-экономической дисциплины всех входящих в вертикально интегрированную компанию бизнес-единиц.

Выгоды вертикальной интеграции

Вертикальная интеграция обеспечивает корпоративным структурам, возникающим на ее основе, значительные преимущества.

Во-первых, достигается экономический выигрыш при продвижении продукта по сложным производственным циклам, увеличение объемов получаемой прибыли за счет решения проблемы «двойной над-

бавки» («двойной маргинализации») [83]. Следует отметить, что проблема «двойной надбавки» возникает в случае, когда рынок промежуточной и конечной продукции являются рынками несовершенной конкуренции.

Во-вторых, уменьшается неопределенность в предложении комплектующих, сопряженная с необходимостью получения соответствующей информации на каждом последующем производственном цикле.

В-третьих, появляется возможность перераспределить риски по всей технологической цепочке.

В-четвертых, уменьшаются транзакционные издержки.

В-пятых, возникает множество побочных эффектов (овладение дополнительной информацией, оптимизация налогового бремени). В рамках вертикально интегрированных компаний сумма косвенных налогов (например, налога на добавленную стоимость) будет ниже, чем сумма, которая была бы уплачена самостоятельными хозяйствующими субъектами. Кроме того, вертикальная интеграция зачастую дает возможность обойти установление государством максимальной границы цен на продукцию [20].

В-шестых, диверсификация производства, позволяющая снизить общий риск хозяйствования.

Основные факторы, позволяющие увеличить объемы прибыли бизнеса в результате вертикальной интеграции, представлены в таблице 6.

Таблица 6. Основные факторы создания дополнительной стоимости бизнеса в результате вертикальной интеграции

Фактор	Элементы
1. Увеличение денежного потока участников интегрированной структуры	1.1. Рост выручки (увеличение объема производства и продаж в натуральном выражении): – снятие ограничений перерабатывающих предприятий на обеспеченность сырьем; – рост конкурентоспособности продукции за счет выхода на конечного потребителя; – увеличение производства за счет более высоких цен на конечную продукцию. 1.2. Снижение издержек: – снижение потерь; – эффект масштаба; – совершенствование системы управления. 1.3. Рост чистой прибыли: – налоговая экономия за счет налоговой оптимизации; – возможности получения налоговых льгот.
2. Повышение эффективности использования капитала интегрируемых предприятий	2.1. Ускорение оборачиваемости оборотного капитала (снижение резервных запасов у производителей сырья). 2.2. Снижение потребностей в финансировании технического оснащения. 2.3. Повышение эффективности инвестиций (расширение и диверсификация портфеля инвестиционных проектов). 2.4. Снижение риска недофинансирования проектов.

Окончание таблицы 6

3. Снижение рисков интегрированной структуры	3.1. Снижение производственных рисков (рисков принятия необоснованных решений, потерь по причинам нарушения технологии и т.п.). 3.2. Снижение рыночных рисков (повышение качества маркетинга, устойчивые связи с торговыми организациями, расширение рынков). 3.3. Снижение финансовых рисков (повышение финансовой устойчивости за счет улучшения финансовых результатов, расширение рынка капитала и улучшение положения на рынке).
4. Социальные факторы роста стоимости бизнеса	4.1. Рост имиджа и привлекательности структуры на рынке продуктов и сырья (рост клиентской стабильности). 4.2. Рост стабильности и квалификации персонала (увеличение инвестиций в персонал, социального пакета за счет повышения финансовых результатов). 4.3. Совершенствование системы мотивации персонала (формирование системы оплаты труда, ориентированной на рост стоимости бизнеса интегрированной компании).
Составлено по: Лапкин Р.М. Инструментарий формирования и развития вертикально интегрированной предпринимательской структуры // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 5-6. С. 76-84.	

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что вертикальная интеграция обеспечивает для хозяйствующих субъектов следующие преимущества:

- наличие возможности организовать замкнутый цикл производства от переработки продукции до ее реализации с целью вытеснения посредников, увеличения прибыли и повышения конкурентоспособности;
- сокращение времени и транзакционных издержек на ведение переговоров;
- использование административных механизмов для быстрого разрешения межподразделенческих конфликтов;
- сокращение времени и затрат на обработку информационных потоков;
- снижение оппортунизма, повышение взаимного доверия;
- эффективный механизм контроля за соблюдением договорных условий.

Наряду с объективными преимуществами вертикальной интеграции исследователи выявляют ее потенциальные издержки, к числу основных из которых могут относиться:

- снижение эффективности производства и рост издержек на единицу продукции в связи с отказом от разделения труда и специализации, поэтому издержки самостоятельного производства для фирмы могут оказаться выше, нежели цена, по которой данный товар возможно было купить на рынке;
- увеличение масштаба фирмы усложняет процесс управления ею, а следовательно, обуславливает рост издержек на контроль и управление;

в частности, необходимость подчинения единой стратегии снижает заинтересованность отдельных бизнес-единиц в собственной деятельности, что приводит к необходимости создания дополнительных структур управления и контроля в рамках корпорации, увеличению управленческих расходов;

- процессы слияния и поглощения в рамках вертикальной интеграции сопряжены со значительным объемом расходов (явных и неявных) на совершение такого рода сделок;

- вертикальная интеграция создает барьеры входа на рынок и обеспечивает монопольную власть фирм-продавцов. Это снижает конкуренцию на рынках промежуточной и конечной продукции. Так, на рынках промежуточной продукции доступ новых покупателей ограничен в связи с невозможностью или неблагоприятными условиями заключения контрактов с фирмами, входящими в интегрированную структуру. Если вертикально интегрированные фирмы объединяют только часть поставщиков промежуточной продукции, повышается монопольная (монопсоническая) власть не вовлеченных в объединение фирм. На рынках конечной продукции объединенная фирма обладает преимуществом в издержках, что позволяет в конечном счете укрепить ее монопольную власть. Таким образом, снижение уровня конкуренции, ограничение доступа конкурентов на смежные вдоль технологической цепочки рынки, можно признать положительным эффектом для участников вертикально интегрированной компании, однако отрицательным для развития отрасли, национальной экономики в целом.

Кроме того, вертикально интегрированные структуры как сложные межотраслевые компании с точки зрения некоторых исследователей [20] в меньшей степени склонны к изменениям технологии, что чревато образованием значительных издержек. В связи с этим авторы делают вывод об эффективности вертикальной интеграции для отраслей, не ориентированных на частую смену продукции, так как эти процессы связаны с сокращением производственной гибкости, увеличением времени на разработку и выведение на рынок новых изделий и ведут к увеличению издержек согласования на всех этапах технологической цепочки. Не всегда положительные результаты вертикальной интеграции подтверждает и мировая практика.

При этом основными факторами, отрицательно повлиявшими на деятельность интегрированной бизнес-структуры, как правило, выступали ошибки в планировании конечных результатов объединения, негатив-

ные изменения рыночной ситуации, неэффективность вновь созданной организационно-управленческой структуры компании, несовместимость корпоративных культур, разногласия между членами Совета директоров и топ-менеджментом, увеличение затрат на содержание аппарата управления, рост неконтролируемых статей расходов.

Несмотря на это, мировая практика свидетельствует о множестве удачных примеров вертикальной интеграции, благодаря которым компании вышли на качественно новый уровень ведения бизнеса и добились быстрого роста.

Типы вертикальной интеграции

Схематично структура вертикально интегрированной компании (на примере нефтегазовой сферы) представлена на рисунке 6.

Рисунок 6. Вертикальная интеграция в нефтегазовой сфере

Источник: составлено по: [41].

Основным элементом организации взаимодействия участников в рамках вертикально интегрированной структуры является звено «поставщик – потребитель» (рис. 7).

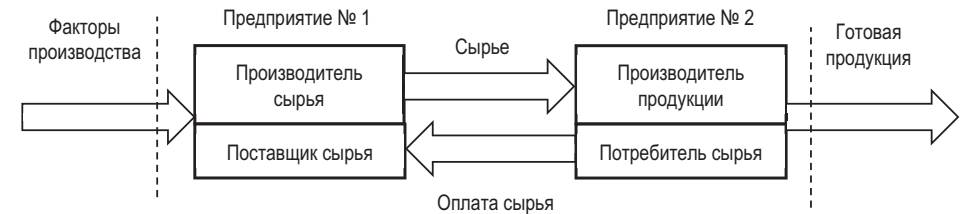

Рисунок 7. Звено взаимодействия участников в рамках вертикальной интеграции

На рисунке представлены два предприятия-участника интеграции: первое выступает поставщиком ресурсов для хозяйственной деятельности, а второе – их потребителем. «Поставщик» и «потребитель» вместе участвуют в производстве продукции и, соответственно, в формировании финансового результата (пунктирными линиями представлены границы фирмы, обусловленные отношениями существующих прав собственности).

При этом в ходе взаимодействия «поставщик» продает сырье (материалы, полуфабрикаты, продукцию на реализацию и др.) хозяйствующему субъекту, являющемуся его «потребителем». Между данными агентами возможны две альтернативные формы координации взаимодействия:

- 1) рыночный механизм организации сотрудничества;
- 2) административный (иерархический) механизм.

В рамках выделенных границ отношения между предприятиями, которые могут быть основаны не на рыночной, а на иерархической координации взаимодействия участников, диктуются менеджментом головной компании (собственником) интегрированного образования. Это позволяет минимизировать транзакционные издержки в системе обменов и изыскивать дополнительные возможности, связанные с генерированием синергетических эффектов⁸.

В действительности же в состав интегрированного образования может входить гораздо больше субъектов, формирующих цепочку, состоящую не из одного, а двух и более звеньев. В число участников также могут входить структуры, не связанные технологическими процессами. Но они тоже вносят существенный вклад в совокупный эффект, поскольку обеспечивают необходимую финансовую и иную инфраструктуру.

На практике выделяются два основных вида вертикальной интеграции:

1. «Интеграция назад» (обратная) – компания приобретает либо усиливает контроль над поставщиками. Фирма может создавать дочерние структуры, осуществляющие снабжение, либо приобретать такие компании. Это позволяет ей уменьшить зависимость от колебания цен на комплектующие изделия и другие запросы поставщиков, добиться их удешевления, улучшения качества сырья и материалов. В случае вертикальной интеграции поставки как центр расходов для компании могут превратиться в центр доходов.

⁸ Бочаров С.Н., Герман О.И. Методические аспекты оценки эффективности вертикальной интеграции // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-2 (74). С. 269-275.

2. «Интеграция вперед» (*прямая*) – подразумевает объединение с последующими стадиями цепочки создания стоимости (потребителями произведенной продукции). Часто предприятие присоединяет организации, выполняющие сбытовые функции (перевозка, логистика, сервис, собственно продажа).

Вертикальная интеграция разграничивается также на *полную* и *частичную*. Полная интеграция означает, что вся продукция, произведенная на первой стадии, поступает на вторую стадию без продаж или закупок со стороны других компаний. Частичная интеграция существует в тех случаях, когда стадии производства не обладают внутренней самодостаточностью. Так, частичная интеграция характерна для нефтяных и газовых гигантов. «Богатые сырьем» компании (например, Statoil) производят нефти больше чем перерабатывают, и являются сетевыми поставщиками сырой нефти. «Бедные сырьем» компании (Exxon Mobil) вынуждены дополнять собственное производство закупками сырья для своих нефтеперерабатывающих заводов.

Среди других характеристик вертикально интегрированных структур можно выделить *длину, ширину и степень вертикальной интеграции*.

Длина вертикальной интеграции определяется числом звеньев в производстве и сбыте конечной продукции, объединенных (находящихся в собственности) или контролируемых одной фирмой.

Ширина вертикальной интеграции – число фирм одного звена всей цепочки производства и сбыта конечной продукции, объединенных (находящихся в собственности) или контролируемых одной фирмой-инициатором интеграции.

Степень вертикальной интеграции определяется тем, какой контроль имеет ее инициатор над интегрированными фирмами. Иногда еще эту степень называют степенью устойчивости вертикальной интеграции [34].

Таким образом, вертикально интегрированная единица, в полном смысле слова, предусматривает сочетание двух типов контроля: контроля над собственностью предприятий, принадлежащих к разным стадиям технологической и/или сбытовой цепочки, а также контроля над их поведением. Данные структуры в настоящее время являются основой функционирования не только отраслей промышленности, но и развитых экономик мира.

ГЛАВА 2

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И ПРОБЛЕМ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

2.1. Динамика основных экономических показателей РФ

Переход России к рыночным отношениям сопровождался кризисными явлениями в экономике и непрерывным спадом производства. Лишь с начала 2000-х годов наметилась, а затем стала устойчивой позитивная тенденция в развитии российской экономики. По данным Федеральной службы государственной статистики, за 2000–2007 гг. произошел рост валового внутреннего продукта (ВВП) Российской Федерации на 63%. Положительные тенденции были характерны и для её субъектов. Однако мировой финансово-экономический кризис, захвативший во втором полугодии 2008 г. и российскую экономику, стал причиной смены ее роста резким падением, обострением социальных проблем и неопределенностью перспектив. К началу 2009 г. началась рецессия, сопровождавшаяся обесценением рубля, ростом безработицы, приостановкой реализации инвестиционных программ. Негативная динамика промышленного производства отмечалась почти во всех регионах. В середине 2009 г. удалось преодолеть спад экономической активности и в первом квартале 2010 г. возобновить рост.

Однако уже в период 2009–2014 гг. среднегодовые тренды указывали на резкое замедление темпов роста экономики. Если в 2004–2008 гг. ежегодный прирост ВВП составлял более 7%, то в 2009–2014 гг. – 1,1%. По итогам 2015 года валовой внутренний продукт снизился на 2,8% к предыдущему году, по итогам 2016-го – на 0,2%. Отрицательный тренд ВВП, отсутствие очевидных успехов, прорывных действий, которые бы вели

страну к экономическому росту, позволяют говорить о продолжении экономического кризиса, вызванного внутренними факторами.

Затухание динамики российской экономики и неспособность выйти на докризисные (2000–2008 гг.) темпы экономического роста свидетельствуют об исчерпании потенциала сложившейся модели «сырьевого роста», которая преимущественно зависит от конъюнктуры мировых цен на энергоносители и постоянно усиливает угрозу закрепления за Россией роли сырьевого придатка развитого мира (рис. 8, 9).

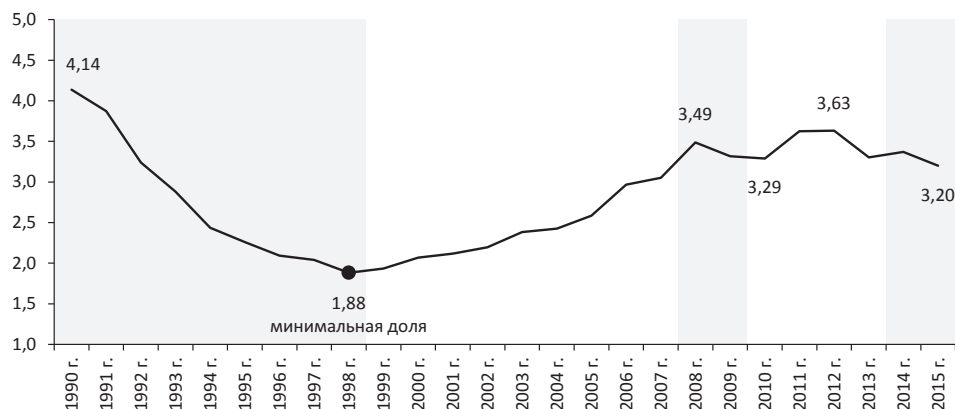

Рисунок 8. Доля России в мировом ВВП, % к итогу (по ППС)

Источник: рассчитано на основе данных WorldBank.

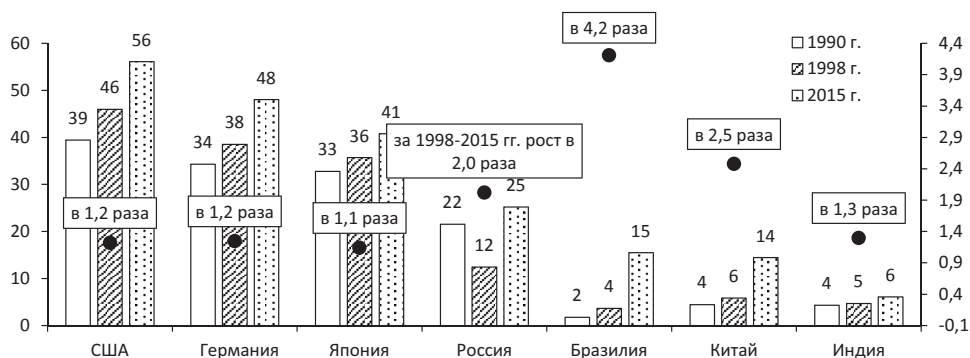

Рисунок 9. ВВП на душу населения, тыс. долл. США (по ППС) в ценах 2015 г.

Источник: рассчитано на основе данных WorldBank.

Негативные процессы, происходящие в стране, отражаются и на положении регионов. Темпы роста их ВРП в последние годы существенно замедлились (табл. 7). Наименьшие темпы прироста ВРП в 2012–2015 гг. показали Северо-Кавказский (+11,8%), Южный (+9,6%) и Приволжский (+7,3%) федеральные округа.

Таблица 7. **Динамика ВРП, % к предыдущему году**

Территория	2000– 2007 гг.	2008– 2009 гг.	2010– 2011 гг.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2012– 2015 гг.
Российская Федерация	163,1	97,7	110,2	103,1	101,8	101,3	99,4	105,7
Северо-Кавказский ФО	191,3	109,7	110,2	103,4	103,6	104,6	99,8	111,8
Южный ФО	162,8	100,7	112,3	103,7	104,0	102,1	99,5	109,6
Приволжский ФО	152,6	97,3	112,7	104,1	102,4	102,0	98,7	107,3
Северо-Западный ФО	165,5	99,4	110,8	103,8	100,3	100,9	101,5	106,6
Сибирский ФО	155,0	99,8	109,6	103,0	102,1	101,6	98,8	105,6
Центральный ФО	171,0	95,9	107,9	103,7	101,6	100,8	99,3	105,5
Уральский ФО	164,0	95,1	111,7	101,5	102,2	99,0	98,8	101,5
Дальневосточный ФО	149,4	105,0	112,5	98,6	99,1	101,9	100,7	100,3
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.								

Распределение регионов по величине душевого ВРП крайне неоднородно (табл. 8). Например, ВРП Уральского федерального округа почти в 4,2 раза выше ВРП Северо-Кавказского федерального округа.

Таблица 8. **ВРП на душу населения, тыс. руб. (в ценах 2015 г.)**

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	239	255	408	430	442	449	447	444	185,3
Уральский ФО	407	445	700	729	736	750	740	730	179,2
Центральный ФО	319	331	535	559	577	585	587	581	182,2
Дальневосточный ФО	294	315	535	565	558	556	568	573	195,0
Северо-Западный ФО	246	260	440	466	482	480	483	490	199,1
Сибирский ФО	185	200	316	332	342	349	354	349	188,4
Приволжский ФО	175	189	290	310	323	331	338	334	190,8
Южный ФО	162	173	284	302	312	324	329	327	201,8
Северо-Кавказский ФО	76	84	152	161	165	170	177	175	231,6
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

Наибольшими значениями ВРП обладают регионы с развитой промышленной базой. Промышленное производство обеспечивает почти 52% валовой добавленной стоимости в экономике Уральского федерального округа, 38% – Дальневосточного. В среднем по стране доля промышленности в структуре ВВП составляет 24%. В отраслевой структуре промышленного комплекса РФ доминируют обрабатывающие производства – их доля 66%.

В то же время именно на промышленно развитых регионах в наибольшей степени сказались кризисные явления. Если в период с 2000 по 2007 г. промышленное производство в целом по стране развивалось достаточно устойчиво, то уже с 2008 г. в нем отчетливо проявились негативные последствия кризиса. Замедление роста промышленного производства по сравнению с 2007 г. отмечалось по всем видам экономической деятельности и было характерно практически для всех регионов. В период с осени 2008 и до середины 2009 г. регионы страны испытали сильный спад в ряде ключевых отраслей промышленности, и прежде всего в металлургии, машиностроении и деревопереработке. Вследствие этого по итогам 2008 г. производство выросло всего на 0,6%, а по итогам 2009 г. упало на 10,7% (табл. 9). 2010–2011 годы стали временем восстановительного роста промышленности. Докризисного уровня производства удалось достичь практически всем регионам. Однако с 2012 по 2016 г. темпы роста промышленного производства начали замедляться, став в 2015 г. в целом по стране отрицательными.

Таблица 9. **Динамика промышленного производства, % к предыдущему году**

Территория	2000– 2007 гг.	2008– 2009 гг.	2010– 2011 гг.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2012– 2016 гг.
Российская Федерация	148,9	89,8	112,7	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1	103,1
Южный ФО	169,7	90,5	118,9	107,8	104,4	105,2	102,8	106,4	129,5
Северо-Кавказский ФО	167,0	103,9	113,5	106,3	106,2	100,4	102,3	106,8	123,8
Сибирский ФО	141,0	96,4	125,8	107,2	104,7	102,7	100,2	100,6	116,2
Дальневосточный ФО	170,1	107,4	116,6	103,0	103,3	106,7	101,0	100,8	115,6
Центральный ФО	184,0	89,5	112,8	105,7	101,4	101,4	97,2	104,0	109,9
Приволжский ФО	137,4	95,3	119,9	104,5	101,8	102,5	96,5	101,0	106,3
Уральский ФО	151,0	89,1	106,3	101,6	101,1	100,7	98,1	101,8	103,3
Северо-Западный ФО	180,6	93,2	116,2	102,6	99,8	97,9	96,0	102,0	98,2
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

Еще не восстановлен уровень промышленного производства 1991 г. (рис. 10). По-разному развиваются сектора промышленности. Относительно неплохо себя чувствует сектор промежуточного спроса (101,8% от 1991 г.), хуже дела обстоят в секторе конечного потребления (87,7%). Но наибольшие трудности испытывают отрасли инвестиционного спроса – объемы их производства в 2016 г. составили лишь 64,7% от 1991 г.

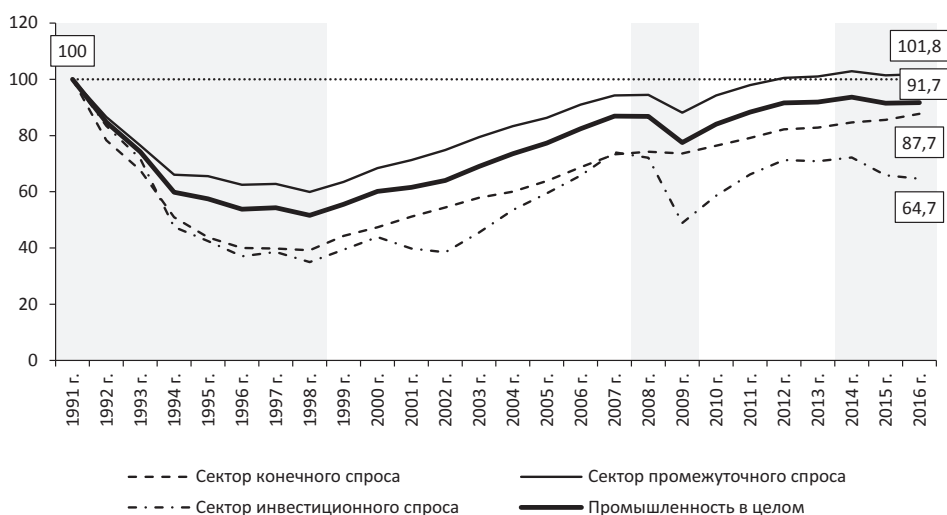

Рисунок 10. Динамика промышленного производства РФ, % к 1991 г.

Примечание. **Сектор конечного спроса** – производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; текстильное и швейное производство; производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; **сектор промежуточного спроса** – добыча полезных ископаемых; обработка древесины и производство изделий из дерева; целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность; производство кокса и нефтепродуктов; химическое производство; производство резиновых и пластмассовых изделий; металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; **сектор инвестиционного спроса** – производство прочих неметаллических минеральных продуктов; производство машин и оборудования; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; производство транспортных средств и оборудования.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

В региональном разрезе лидерами по промышленному производству в расчете на душу населения являются Уральский, Северо-Западный и Дальневосточный федеральные округа (табл. 10). По этому показателю дифференциация достигает почти 14 раз.

Таблица 10. **Промышленное производство на душу населения,**
тыс. руб. (в ценах 2016 г.)

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	232	311	340	368	369	369	355	359	155,0
Уральский ФО	513	729	743	762	768	771	754	766	149,4
Северо-Западный ФО	225	372	425	466	463	452	433	441	196,3
Дальневосточный ФО	149	188	317	358	372	397	402	406	271,9
Центральный ФО	192	316	331	372	376	380	368	382	198,9
Приволжский ФО	189	242	287	329	335	344	332	336	177,4
Сибирский ФО	150	199	255	290	304	312	312	314	209,0
Южный ФО	91	126	154	181	188	198	203	185	202,8
Северо-Кавказский ФО	26	34	43	50	53	52	53	57	217,9

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Большое значение для экономики страны имеет экспорт товаров и услуг. Он является источником валютных поступлений и формирует значительную долю доходов экономики. Объемы экспорта РФ в последние годы стабильно растут (рис. 11, 12).

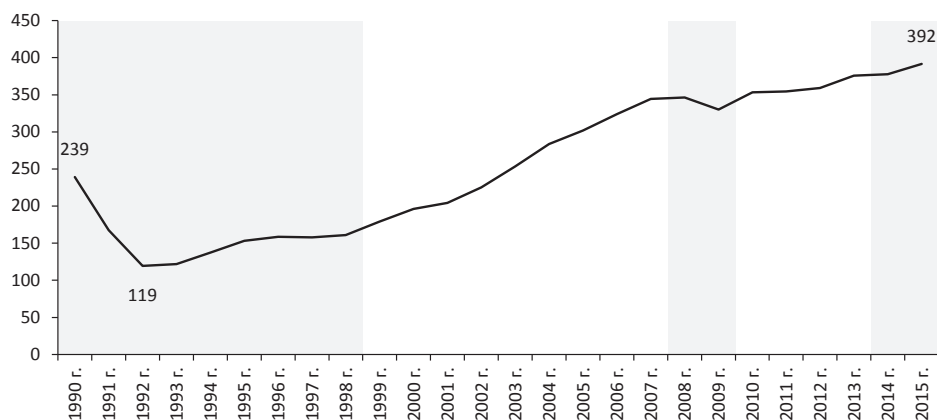

Рисунок 11. **Динамика экспорта товаров и услуг РФ,**
млрд. долл. США (в ценах 2015 г.)

Источник: WorldBank.

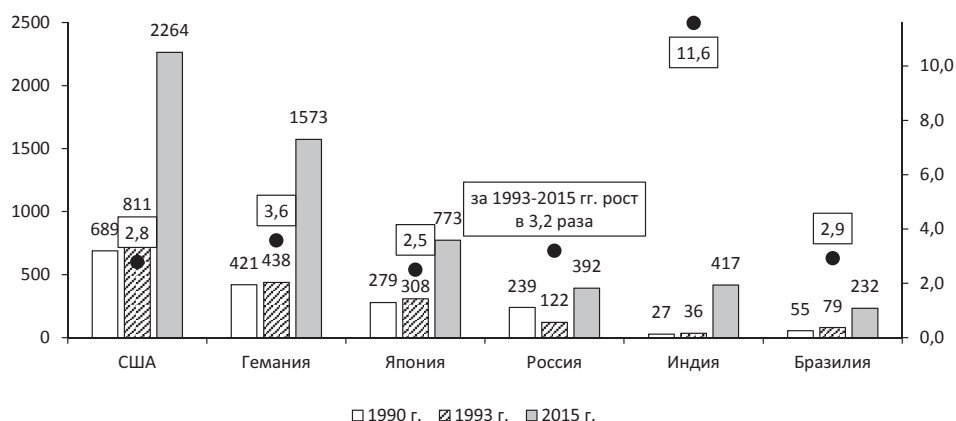

Рисунок 12. Сравнительный объем экспорта товаров и услуг России и стран мира, млрд. долл. США (в ценах 2015 г.)

Источник: WorldBank.

В период с 2000 по 2016 г. экспорт товаров и услуг в целом по стране увеличился в 2,8 раза. Наибольшие темпы роста были характерны для Дальневосточного, Центрального и Южного федеральных округов (табл. 11).

Таблица 11. Экспорт на душу населения по федеральным округам, долл. США

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	704	1692	2779	3661	3661	3404	2344	1948	276,5
Центральный ФО	845	2582	4209	6144	6598	6556	4358	3499	414,0
Дальневосточный ФО	532	1365	2960	4152	4527	4618	3328	3008	565,8
Северо-Западный ФО	705	1462	2707	4051	3789	4027	2819	2293	325,4
Уральский ФО	1656	3416	4936	6465	5228	3074	2191	2182	131,8
Сибирский ФО	562	1303	1958	1842	1869	1811	1563	1344	239,3
Приволжский ФО	505	1031	1560	2325	2315	2145	1399	1057	209,6
Южный ФО	215	413	762	1486	1376	1444	959	783	364,4
Северо-Кавказский ФО	64	154	105	136	133	133	114	101	156,9

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Импорт товаров и услуг в Россию до недавнего времени также активно рос (рис. 13, 14). Но финансовый кризис 2008–2009 гг. и обострение внешнеэкономической обстановки в 2014 г. вызвали его понижающую динамику.

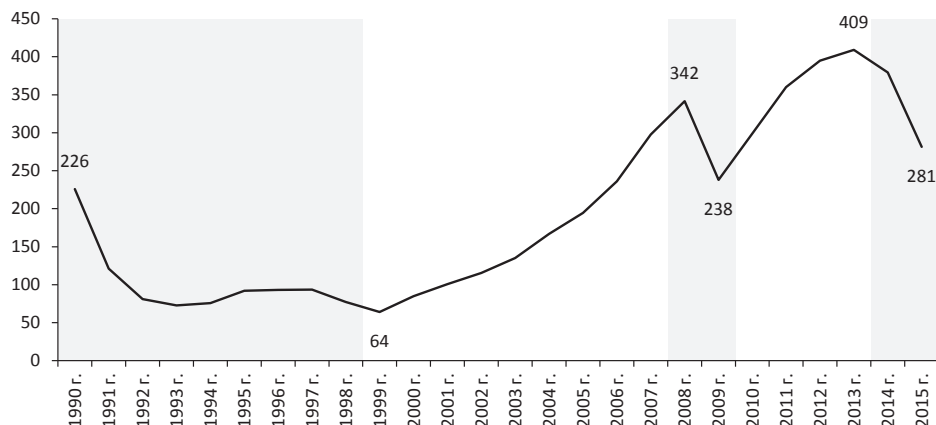

Рисунок 13. Динамика импорта товаров и услуг РФ, млрд. долл. США (в ценах 2015 г.)

Источник: WorldBank.

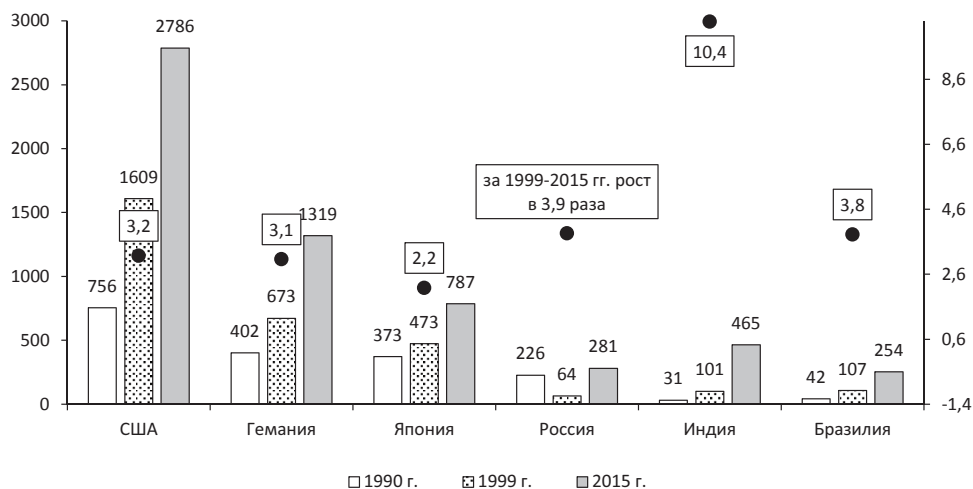

Рисунок 14. Сравнительный объем импорта товаров и услуг России и стран мира, млрд. долл. США (в ценах 2015 г.)

Источник: WorldBank.

С 2000 по 2016 г. импорт в целом по стране увеличился в 5,4 раза (табл. 12). Наибольший его рост был зафиксирован в Дальневосточном (в 9,5 раза), Центральном (в 6,8 раза) и Северо-Западном (в 7 раз) федеральном округах.

Таблица 12. **Импорт на душу населения по федеральным округам, долл. США**

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	232	691	1602	2213	2195	1960	1247	1243	536,5
Центральный ФО	407	1343	3432	4992	4971	4462	2814	2789	684,9
Северо-Западный ФО	329	1380	2925	4211	4139	3939	2434	2316	704,8
Дальневосточный ФО	98	862	1224	1687	1944	1715	949	936	954,1
Уральский ФО	164	327	716	856	852	707	525	878	536,8
Южный ФО	103	306	714	851	879	789	530	432	417,8
Приволжский ФО	91	173	356	550	637	594	376	348	383,6
Сибирский ФО	113	202	382	545	481	418	336	304	269,5
Северо-Кавказский ФО	34	51	137	211	228	215	110	104	302,1

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Анализ товарного состава экспорта и импорта показывает невысокий уровень технологических переделов в РФ. В структуре экспорта преобладают нефть и газ (37%), нефтепродукты (22%) и металлы (8%; рис. 15).

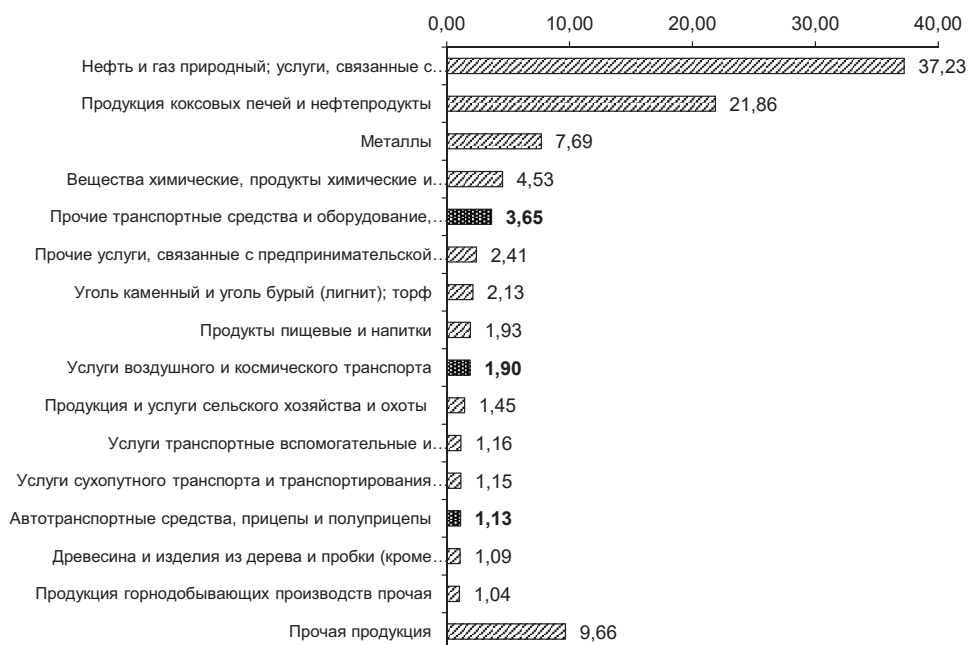

Рисунок 15. **Структура экспорта товаров и услуг РФ в 2014 г., % к итогу**

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

За период с 1990 по 2014 г. произошли существенные трансформации в отраслевой структуре экспорта – значительно увеличилась доля сырьевых отраслей, снизилась доля машиностроительных (рис. 16). Это меняет структуру доходов в секторах экономики в пользу низкотехнологических отраслей.

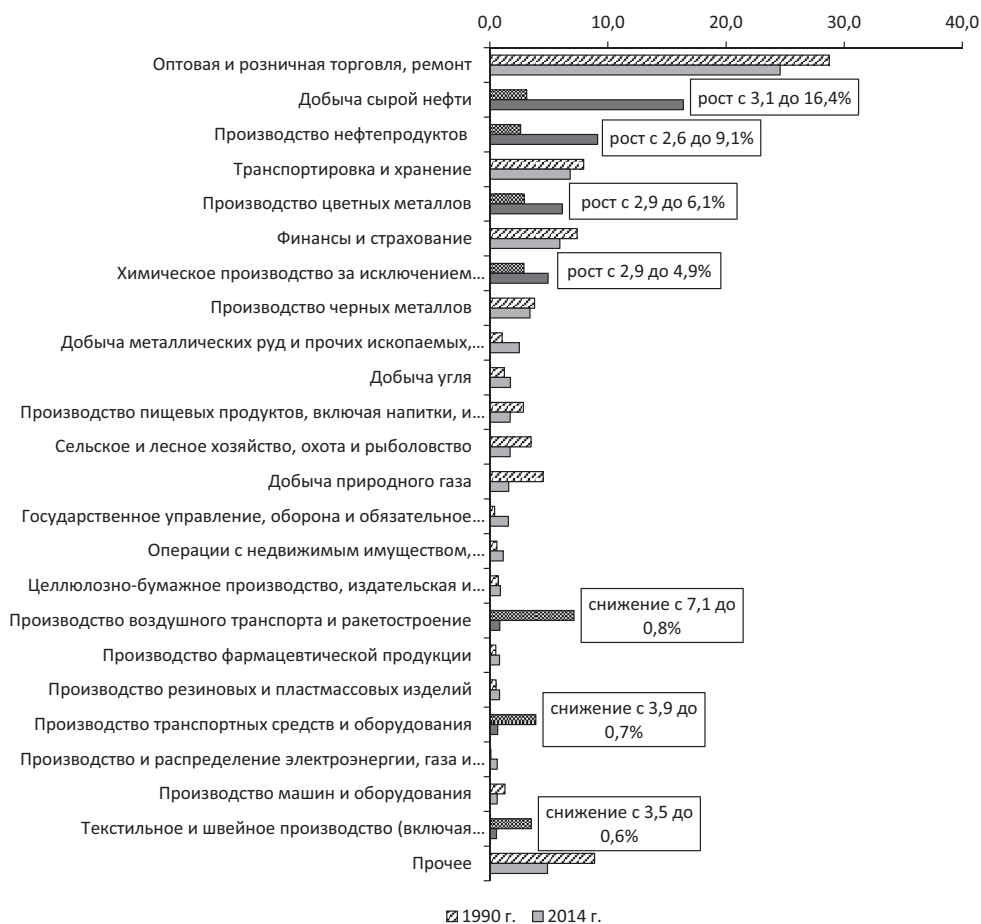

Рисунок 16. **Отраслевая структура экспорта товаров и услуг РФ в 1990 и 2014 гг., % к итогу**

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Ключевыми импортируемыми товарами выступает машиностроительная продукция (рис. 17, 18).

Рисунок 17. Доля импорта в формировании ресурсов продукции РФ в 2014 г., % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Рисунок 18. Доля импорта в машиностроении РФ в 2014 г., % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Для сравнения: в США ситуация в корне другая. Основа их импорта – газовое и нефтяное сырье. Удельный вес использования импорта в выпуске товаров и услуг по отраслям экономики США приведен в таблице 13. По данным таблицы можно сделать вывод о низкой импортной зависимости экономики США. Наибольшая зависимость от импорта отмечается в таких отраслях экономики США, как добыча нефти и газа; компьютерные и электронные продукты; электрическое оборудование,

приборы, компоненты; текстиль и текстильные изделия; первичные металлы. Потребности в большинстве товаров и услуг США покрывает за счет внутреннего производства.

Таблица 13. **Использование импортных товаров отраслями экономики США в 2015 г.** (доля импорта в выпуске более 1%)

Товар	Выпуск, млрд. долл. США	Использование импорта, млрд. долл. США	Доля импорта в выпуске, %
Добыча нефти и газа	323,0	292,7	90,6
Лом, используемый и б/у товары	11,3	6,6	58,6
Электрическое оборудование, приборы, компоненты	118,3	46,5	39,4
Компьютерные и электронные продукты	316,6	110,1	34,8
Текстиль и текстильные изделия	51,6	15,3	29,7
Первичные металлы	297,5	76,5	25,7
Лесное хозяйство, рыбная ловля	61,1	14,3	23,4
Одежда, кожа и смежные продукты	37,2	6,5	17,4
Машинное оборудование	399,0	67,8	17,0
Неметаллические минеральные продукты	98,6	16,5	16,8
Изделия из древесины	88,1	14,7	16,7
Пластмассы и резинотехнические изделия	215,0	34,2	15,9
Автотранспортные средства, кузова и прицепы, запчасти	594,8	91,9	15,5
Готовые металлические изделия	335,0	47,8	14,3
Химические продукты	784,4	96,9	12,4
Продукты из нефти и угля	802,0	95,8	11,9
Бумажная продукция	167,2	19,6	11,7
Прочие производства	162,9	17,6	10,8
Другие транспортные средства	272,5	27,5	10,1
Мебель и сопутствующие товары	64,8	4,5	7,0
Страхование перевозчиков	785,0	49,9	6,4
Фермы	419,9	20,8	4,9
Добыча, за исключением нефти и газа	104,8	5,1	4,9
Воздушный транспорт	173,5	7,1	4,1
Еда, напитки и табачные изделия	919,5	33,5	3,6
Проектирование компьютерных систем	444,7	15,5	3,5
Прочие профессиональные, научные и технические услуги	1612,2	48,3	3,0
Печать и сопутствующие услуги	62,1	1,8	2,9
Киносъемки и записи звука отраслей	150,5	3,0	2,0
Источник: рассчитано на основе данных U.S. Bureau of Economic Analysis.			

Ключевым фактором экономического роста территории выступают инвестиции. Однако ситуация в этой сфере достаточно сложная. В 2016 г. объем инвестиций в основной капитал РФ составил лишь 67% от уровня 1990 г. (рис. 19, 20).

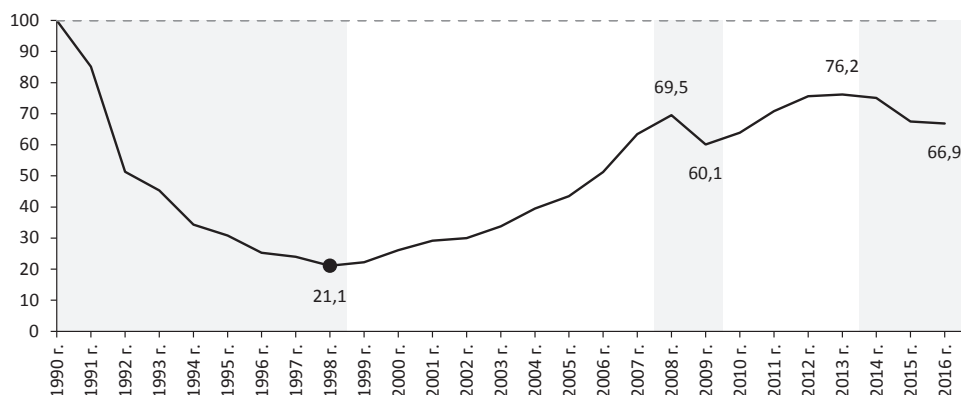

Рисунок 19. Динамика инвестиций в основной капитал РФ, % к 1990 г.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

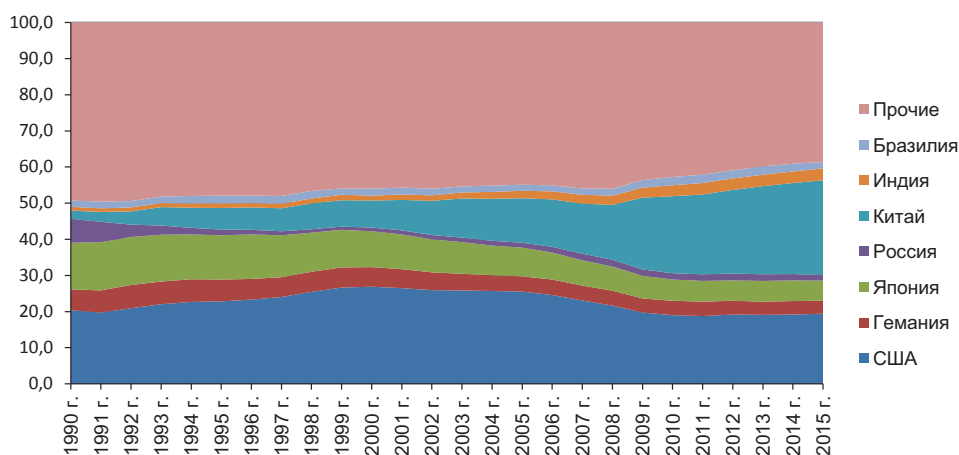

Рисунок 20. Структура мировых инвестиций в основной капитал, % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных WorldBank.

За период с 2012 по 2016 г. инвестиции в основной капитал в целом по стране сократились на 5,5% (табл. 14). В 2014–2016 гг. практически повсеместно наблюдался спад инвестиций. Такие низкие цифры связаны, несомненно, со структурными проблемами. Приток инвестиций явно недостаточен, а санкции в отношении России еще больше его снижают.

Говоря о частных инвестициях в народном хозяйстве, необходимо отметить, что их финансовая база размывается из-за интенсивного вывоза капитала корпоративным сектором за рубеж [21].

Сложившаяся ситуация негативно влияет на процессы модернизации экономики регионов. В 2016 г. износ основных производственных фондов достиг 48,1% (в 2000 г. – 39,3%).

Таблица 14. **Динамика инвестиций в основной капитал, % к предыдущему году**

Территория	2000– 2007 гг.	2008– 2009 гг.	2010– 2011 гг.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2012– 2016 гг.
Российская Федерация	229,7	92,6	117,8	106,8	100,8	98,5	89,9	99,1	94,5
Центральный ФО	214,6	87,8	111,9	112,9	105,2	102,8	94,1	98,7	113,4
Уральский ФО	187,3	100,0	124,6	106,4	101,4	103,2	89,7	108,8	108,7
Северо-Кавказский ФО	141,7	110,3	115,5	112,2	107,8	104,2	87,5	96,3	106,2
Приволжский ФО	221,9	90,1	119,0	109,5	106,9	100,1	93,1	92,3	100,7
Северо-Западный ФО	318,8	89,6	127,1	104,0	90,6	95,7	90,8	108,3	88,7
Сибирский ФО	303,9	95,7	131,9	111,8	94,1	99,2	83,4	95,8	83,4
Южный ФО	168,3	116,8	131,5	107,4	114,6	88,3	85,6	83,6	77,8
Дальневосточный ФО	333,5	119,6	134,2	88,1	83,2	93,4	98,9	97,1	65,7
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

При этом в стране наблюдается значительная дифференциация регионов по инвестиционной привлекательности. Разрыв между наиболее и наименее инвестиционно привлекательными федеральными округами достигает почти 3 раз (табл. 15). Основная масса инвестиций вкладывается в регионы-лидеры по экономическому развитию. В дальнейшем такое положение вещей только усилит социально-экономическое неравенство между территориями, что является дестабилизирующим фактором для федеративного устройства страны и может привести к нарастанию регионального сепаратизма.

Таблица 15. **Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб. (в ценах 2016 г.)**

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	42	69	98	115	116	112	101	100	236,2
Уральский ФО	86	114	182	219	222	228	204	222	256,6
Дальневосточный ФО	41	117	188	211	176	165	164	159	388,6
Северо-Западный ФО	36	87	125	142	128	122	111	120	329,2
Центральный ФО	42	65	81	98	102	105	98	97	233,1
Приволжский ФО	32	51	73	89	95	95	89	82	254,7
Сибирский ФО	22	43	75	98	92	91	76	73	336,4
Южный ФО	39	43	93	110	126	111	95	68	172,3
Северо-Кавказский ФО	29	49	47	54	58	60	52	50	171,0
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.									

Судя по мировому опыту, инновации выступают одним из основных факторов достижения роста экономики. Однако необходимо отметить, что инновационная активность организаций регионов страны находится на крайне низком уровне: по данным государственной статистики в 2016 г. менее 9% обследованных организаций осуществляли инновационные мероприятия (табл. 16). Основная причина – недостаток инвестиций как основного драйвера роста экономики.

Таблица 16. **Инновационная активность организаций, %**

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	8,8	9,7	9,5	10,3	10,1	9,9	9,3	8,4	95,5
Центральный ФО	10,0	10,3	8,6	10,9	10,7	10,9	10,9	10,3	103,0
Приволжский ФО	10,1	10,8	12,3	11,9	11,7	11,4	10,6	9,4	93,1
Северо-Западный ФО	7,7	9,4	9,4	11,0	10,7	10,3	9,6	8,3	107,8
Уральский ФО	10,6	12,4	11,5	10,6	9,6	8,9	7,9	8,2	77,4
Южный ФО	7,6	8,5	7,5	7,4	7,2	7,7	7,6	7,1	93,4
Сибирский ФО	6,1	7,7	8,2	8,5	9,1	8,8	8,0	6,9	113,1
Дальневосточный ФО	6,3	6,2	8,6	10,8	9,5	8,9	7,2	6,4	101,6
Северо-Кавказский ФО	7,6	8,5	6,2	6,4	5,9	6,5	4,7	2,9	38,2
Источник: Росстат.									

Таким образом, сложившаяся в экономике России модель инвестиционной деятельности, которой органически присущи постоянные миграции частного капитала к зарубежным центрам аккумуляции прибыли, значительный удельный вес в структуре национального накопления государственных вложений, а также острая нехватка адекватных существующим потребностям внутренних источников дешевых «длинных» денег, в принципе не способны демонстрировать минимально приемлемые темпы расширения производственных возможностей.

Что касается второго внутреннего драйвера экономической динамики – повышения покупательной способности населения, то он зависит от темпа роста реальных располагаемых доходов домашних хозяйств. Не будет большим преувеличением утверждать, что этот параметр фиксирует верхнюю границу, верхний предел потенциального экономического роста. Ясно, что при планировании объемов выпуска на следующий производственный период субъекты предпринимательской деятельности будут исходить из ожидаемых размеров платежеспособного спроса, ибо в противном случае они столкнутся с проблемой сбыта своей продукции [17].

За счет перераспределения экспортных доходов до недавнего времени удавалось поддерживать рост реальных доходов населения (рис. 21).

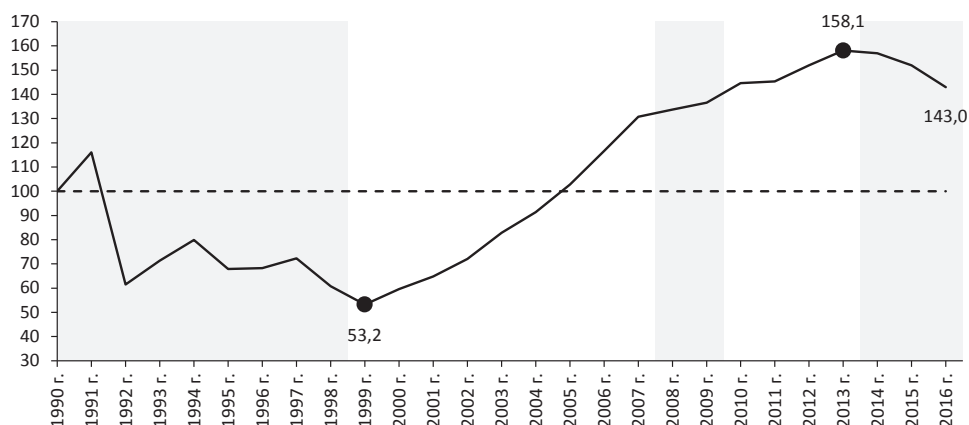

Рисунок 21. Динамика реальных денежных доходов населения РФ, % к 1990 г.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Согласно результатам государственного статистического наблюдения, реальные располагаемые доходы населения нашей страны в течение 2009–2012 гг. увеличивались ежегодно в среднем на 3,2%. С 2013 по 2016 г. реальные среднедушевые доходы населения сократились на 10,8% (табл. 17). Кроме того, под вопросом оказывается выполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 об увеличении в 2013–2018 гг. размера реальной заработной платы в 1,4–1,5 раза.

Таблица 17. Среднедушевые денежные доходы населения, тыс. руб. (в ценах 2016 г.)

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., раз
Российская Федерация	11,3	21,2	30,2	32,8	34,4	33,0	32,1	30,7	2,7
Центральный ФО	16,6	29,8	40,2	43,2	45,1	42,1	41,1	39,5	2,4
Дальневосточный ФО	12,2	22,4	32,8	35,5	37,8	37,7	38,2	36,5	3,0
Северо-Западный ФО	11,6	24,1	31,7	33,4	35,0	34,0	34,0	33,5	2,9
Уральский ФО	13,3	24,7	34,5	36,7	38,1	36,4	34,8	32,2	2,4
Южный ФО	8,5	15,4	24,3	26,8	29,1	29,0	26,9	26,5	3,1
Приволжский ФО	8,3	15,9	24,6	27,1	28,3	28,0	27,5	25,7	3,1
Сибирский ФО	9,0	16,6	23,4	25,4	26,6	25,2	24,7	23,6	2,6
Северо-Кавказский ФО	5,9	12,5	20,9	24,1	25,0	25,0	24,2	23,4	4,0

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Принимая во внимание тот факт, какой уровень неравенства, поляризации, расслоения присущ современному российскому обществу, несложно догадаться, что в отечественном народном хозяйстве обсуждаемая неравномерность распределения с большой вероятностью выражена еще сильнее. Как справедливо подчеркивает академик РАН А. Аганбегян, повышение благосостояния в нашей стране охватывает лишь «малочисленную богатую прослойку» граждан [1]. Из этого следует, что верхняя граница потенциального экономического роста в России может быть еще ниже, чем это показывают значения индикатора среднего увеличения реальных располагаемых доходов населения.

С 2016 года наметились негативные тренды социальных настроений – комплексного показателя, отражающего психологическое состояние общества. Население волнуется из-за отсутствия позитивных изменений в динамике материального положения. Низкие зарплаты, рост цен и сложное положение дел в экономике – три наиболее острые проблемы, которые отмечают жители страны [2].

Всё это замедляет положительные изменения, происходящие в демографической сфере страны (табл. 18). Из-за низкой рождаемости и высокой смертности депопуляционные процессы в ряде регионов приобрели устойчивую тенденцию. Показатели рождаемости в 1,5 раза ниже, чем необходимо для простого воспроизводства населения. Такая ситуация ставит под вопрос дальнейшие возможности народов России развивать накопленный веками материальный, духовный и культурный потенциал.

Таблица 18. Коэффициент естественной убыли (-), прироста (+) населения, на 1000 человек населения

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., п.п.
Российская Федерация	-6,6	-5,9	-1,7	0,0	+0,2	+0,2	+0,3	0,0	+6,6
Северо-Кавказский ФО	+1,9	+4,5	+8,7	+9,1	+9,2	+9,3	+8,7	+8,1	+6,2
Уральский ФО	-5,2	-3,7	+1,1	+2,5	+2,7	+2,7	+2,3	+1,8	+7,0
Сибирский ФО	-4,9	-5,1	-0,1	+1,3	+1,5	+1,5	+1,2	+0,8	+5,7
Дальневосточный ФО	-3,5	-3,9	-0,6	+0,9	+1,3	+1,4	+1,3	+0,8	+4,3
Приволжский ФО	-6,5	-6,7	-2,6	-0,7	-0,6	-0,6	-0,6	-0,8	+5,7
Северо-Западный ФО	-8,7	-8,4	-3,5	-1,6	-1,2	-1,0	-0,9	-0,8	+7,9
Южный ФО	-6,4	-5,7	-2,3	-0,8	-0,6	-0,5	-0,8	-1,2	+5,2
Центральный ФО	-9,6	-8,4	-4,5	-2,5	-2,3	-2,2	-1,8	-1,9	+7,7

Источник: Росстат.

Таким образом, итоги социально-экономического развития доказывают наличие системного кризиса в экономике страны.

2.2. Тенденции развития российской промышленности

Развитие высокотехнологичных видов деятельности, формирование высокоукладной технологической основы экономики является одним из важнейших направлений современной экономической политики в мире. Россия реализует широкий комплекс мероприятий, чтобы вместе с развитыми странами своевременно включиться в мейнстрим разработки и внедрения новейших технологий.

Однако на этом пути у нее есть множество объективных преград, препятствующих уверенной активизации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, освоению инновационных методов производства. Преобладание в структуре российской промышленности низкоукладных отраслей находит свое отражение в медленных темпах экономического роста. Так, ВВП России⁹ за 2007–2016 годы вырос лишь на 9,4% и в настоящее время находится в состоянии стагнации (рис. 22).

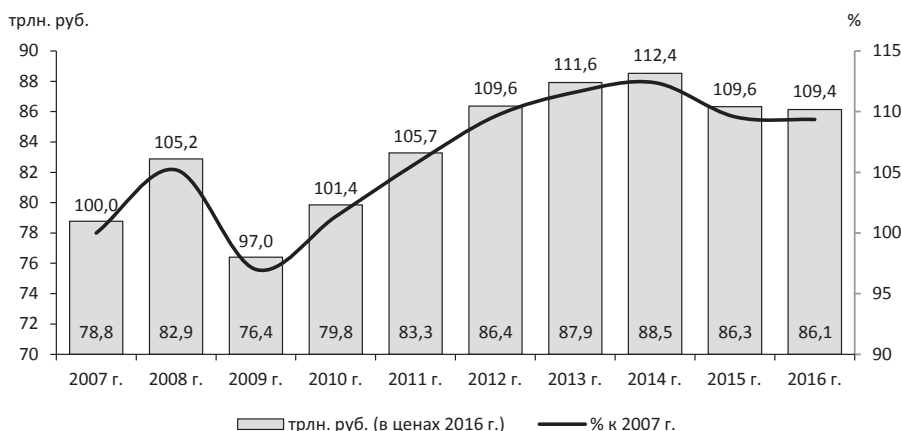

Рисунок 22. **Валовой внутренний продукт России**

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Необходимо подчеркнуть, что переход национальной экономики на путь устойчивого развития зависит от раскрытия территориального потенциала, диверсификации структуры промышленного производства,

⁹ Базовым периодом для сопоставления с текущими показателями выбран 2007 год как последний год докризисного развития российской экономики.

проведения эффективной промышленной политики. Понимание важности реализации этой задачи есть и на государственном уровне, однако существующие в настоящее время формы, методы и инструменты управления промышленностью не обеспечивают ее пропорционального развития.

В результате этого изменение номенклатуры, характеристик, улучшение качества выпускаемой продукции и обновление основных фондов в большинстве своем носит инертный характер и наблюдается преимущественно в сырьевых отраслях и пищевой промышленности. Хуже данные процессы протекают в машиностроении и производстве технологически сложных непродовольственных товаров [49]. Объем производства, не подкрепленный стабильным увеличением спроса, годами остается почти на одном уровне. Дополнительно его замедлению способствует санкционная политика стран Запада и неспособность отечественных производителей навязать конкурентную борьбу импортным поставщикам.

Промышленность в настоящее время находится скорее в замершем состоянии. С одной стороны, негативные явления прошлых лет не получили дальнейшего развития, с другой – по-прежнему отсутствуют сильные факторы роста, вследствие чего в основном можно наблюдать стагнацию производственных показателей. Представители промышленных предприятий¹⁰ видят причины такой ситуации в неадекватности условий функционирования современным требованиям развития.

В частности, вызывают беспокойство высокие цены на сырье и материалы (68,3%), топливо и энергию (55,6%), размер налогообложения (52,4%), недостаток оборотных средств (42,9%), несвоевременность оплаты за поставляемую продукцию (36,5%). Можно сделать вывод, что основные препятствия для развития промышленности кроются в рыночной конъюнктуре и государственной политике и лишь в малой степени обусловлены недостатками в организации производственной деятельности (табл. 19).

¹⁰ Здесь и далее использованы результаты опроса руководителей промышленных предприятий Вологодской области. Исследование проводилось сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН в первом полугодии 2017 года. Объем выборки составляет более 200 промышленных предприятий региона.

Таблица 19. **Факторы, сдерживающие развитие промышленных предприятий,**
% от числа ответивших

Факторы	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 / 2015, п.п.
Высокие цены на сырье, материалы	63,8	59,8	68,7	76,5	68,3	-8,2
Высокие цены на топливо, энергию	62,8	69,1	61,2	63,2	55,6	-7,6
Высокие налоги	57,4	47,4	64,2	47,1	52,4	+5,3
Недостаток оборотных средств	34,0	33,0	46,3	42,6	42,9	+0,3
Несвоевременная оплата отгруженной продукции	34,0	36,1	40,3	48,5	36,5	-12,0
Изношенность основных фондов	24,5	41,2	25,4	22,1	22,2	+0,1
Использование неэффективных технологий	21,3	12,4	14,9	4,4	15,9	+11,5
Перебои с поставками сырья, материалов	6,4	20,6	9,0	7,4	6,3	-1,1
Источник: результаты опроса руководителей промышленных предприятий Вологодской области.						

Обозначенные факторы препятствуют реализации перспективных планов по освоению новых технологий, методов производства, осуществлению НИОКР и т.д. В основном это происходит из-за недостатка инвестиций, объем которых в 2016 году, как уже было сказано в предыдущем параграфе, составил лишь 67% от уровня 1990 года (рис. 19). При этом за период с 2007 по 2016 год совокупный объем капиталовложений увеличился лишь на 6,2%.

Приток инвестиций мог быть гораздо активнее, если бы свою роль не сыграла дестабилизация деловой активности в стране. В результате известных экономико-политических событий после 2013 года произошло резкое снижение денежных вливаний в реальный сектор, что можно объяснить оттоком иностранного капитала, отсутствием адекватных объектов инвестирования, свободных денежных средств, наличием больших рисков.

Детализация результатов инвестиционной деятельности в разрезе отраслей промышленности показывает достаточно неблагоприятную картину. Если прирост инвестиций в добычу полезных ископаемых увеличился на 40,9%, то в обрабатывающие производства – лишь на 3,3%. В то же время в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, напротив, произошло снижение на 2% (табл. 20). Отдельное внимание обращает на себя активный приток инвестиций в машиностроительные производства, которому во многом способствовало увеличение спроса на российские машины и оборудование на фоне повышения их качества [27].

Таблица 20. **Инвестиции в промышленность**, млрд. руб. (в ценах 2016 года)

Отрасль	Год						2016 / 2007, %
	2007	2012	2013	2014	2015	2016	
Добыча полезных ископаемых	1923,8	2444,7	2486,6	2536,1	2536,5	2710,5	140,9
Обрабатывающие производства	2040,9	2221,4	2413,7	2464,9	2310,4	2108,5	103,3
Пищевая	351,5	287,4	289,6	297,3	262,8	243,5	69,3
Легкая	20,2	22,6	27,7	34,1	18,9	14,1	69,6
Деревообработка	58,6	74,2	66,8	58,4	61,8	66,0	112,6
Целлюлозно-бумажная	83,4	77,2	70,9	58,9	55,2	66,4	79,6
Химическая	470,3	736,3	899,7	936,4	935,6	822,6	174,9
Стройматериалы	192,6	193,1	181,9	161,4	110,8	79,9	41,5
Металлургия	425,4	340,2	310,5	292,7	293,7	318,2	74,8
Машиностроение	329,8	367,4	435,8	481,1	453,0	382,6	116,0
Прочее	44,9	35,4	44,8	46,2	23,4	30,3	67,5
Энергетика	963,6	1533,8	1473,6	1402,6	1042,1	944,7	98,0
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.							

Таким образом, в целом промышленность не получает достаточный объем капиталовложений, средств на модернизацию производственных фондов практически нет. Это, в свою очередь, значительно препятствует уверенному освоению новейших технологических укладов, выпуску конкурентоспособной на международном рынке продукции. Как следствие, качественные характеристики производимой товарной номенклатуры долгое время существенно не меняются, что обуславливает ее недостаточную привлекательность для потенциальных потребителей и не создает предпосылок для наращивания объема отгрузки.

Условия функционирования промышленности во многом осложняет сформировавшаяся в стране экономическая модель, в то время как мировой финансовый кризис 2008 года и антироссийские санкции лишь обострили актуальные проблемы. Их главным последствием для реального сектора стал рост процентных ставок по кредитам, спад деловой активности, уменьшение доступности импортного оборудования, сырья и материалов, в ряде случаев – потеря поставщиков и партнеров.

Помимо сдерживания экономического роста, недостаток инвестиций создает объективные преграды на пути развития НИОКР, препятствует модернизации и обновлению производственных мощностей предприятий. Производственная база в России действительно достаточно стара,

а статистические данные подтверждают вывод о том, что внимание модернизации основных производственных фондов (ОПФ) уделяется лишь в редких случаях. Так, износ ОПФ в добывающих и обрабатывающих производствах к 2016 году по сравнению с 2007 годом вырос на 5,2 и 5,7 п.п. соответственно (рис. 23).

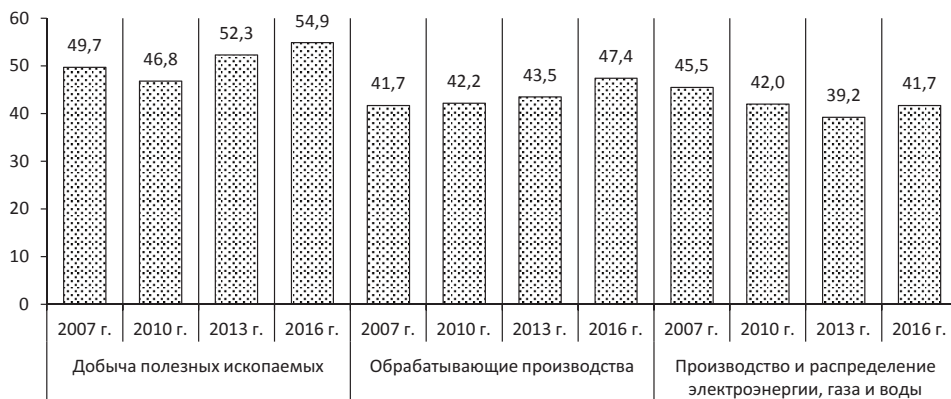

Рисунок 23. **Уровень износа основных производственных фондов, %**

Источник: составлено на основе данных Росстата.

Обратная ситуация наблюдается на предприятиях, осуществляющих производство и распределение электроэнергии, газа и воды, поскольку их тесная связь с объектами социальной инфраструктуры стимулирует своевременное обновление производственных мощностей. В результате этого за 2007–2016 годы износ в отрасли снизился на 3,8 п.п.

Как показал анализ, состояние большей части ОПФ в промышленности лишь в лучшем случае можно назвать удовлетворительным. На практике это находит свое выражение в производстве значительного количества бракованных изделий, необходимости отправки готовых образцов на повторную обработку в целях увеличения точности и приведения их параметров в соответствии с регламентированными требованиями, увеличении затрат материальных ресурсов, времени, труда на выпуск единицы продукции.

Обладая сформировавшимся за советский период серьезным научно-техническим потенциалом, отечественная промышленность почти не реализует эффективных мероприятий по его раскрытию и преумножению. Вследствие такой инертной политики инновационная активность пред-

приятий находится на достаточно низком уровне и не имеет предпосылок для роста. В целом можно сделать вывод о невосприимчивости экономики страны к инновациям [31].

Произошедшие за последние годы геоэкономические изменения привели к сокращению количества проводимых НИОКР (рис. 24). Во многом это стало отражением недостатка финансовых ресурсов и квалифицированного персонала, малой восприимчивости организаций к нововведениям, несовершенства производственной инфраструктуры.

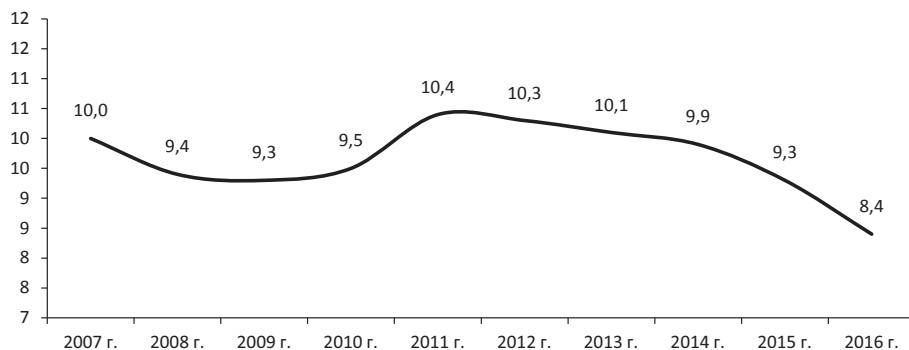

Рисунок 24. Инновационная активность организаций, %

Источник: составлено на основе данных Росстата.

При неблагоприятном стечении обстоятельств и отсутствии значимых изменений Россия имеет шансы оказаться на обочине мировой цифровизации. Реализация курса на новую индустриализацию также окажется под большим вопросом, поскольку сейчас в стране сформировался «режим стагнационного технологического стояния» с ориентацией на импорт передовых технологий из-за рубежа [63]. Это подчеркивает важность реализации более эффективных мероприятий научно-технического развития страны.

В качестве основных препятствий для реализации НИОКР и мероприятий модернизационного плана на предприятиях выступают недостаток собственных денежных средств и высокая стоимость нововведений (58,7 и 47,6% соответственно). Инициацию инновационных проектов сдерживают высокий экономический риск (41,3%) и длительные сроки окупаемости (39,7%), недостаток финансовой поддержки со стороны государства актуален для 30,2% участвовавших в исследовании предприятий (табл. 21).

Таблица 21. **Факторы, сдерживающие инновационную активность
промышленных предприятий, % от числа ответивших**

Фактор	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 / 2015, п.п.
Недостаток собственных денежных средств	62,0	57,4	65,7	58,8	58,7	-0,1
Высокая стоимость нововведений	50,0	41,5	62,7	64,7	47,6	-17,1
Высокий экономический риск	25,0	29,8	44,8	32,4	41,3	+8,9
Длительные сроки окупаемости нововведений	20,7	25,5	55,2	41,2	39,7	-1,5
Недостаток государственной финансовой поддержки	33,7	30,9	32,8	29,4	30,2	+0,8
Низкий платежеспособный спрос на новые продукты	14,1	18,1	13,4	23,5	22,2	-1,3
Несовершенство нормативно-правовых документов	32,6	9,6	9,0	10,3	14,3	+4,0
Недостаток квалифицированного персонала	31,5	19,1	20,9	20,6	7,9	-12,7
Недостаток информации о новых технологиях	17,4	5,3	7,5	7,4	6,3	-1,1
Неразвитость инновационной инфраструктуры	23,9	8,5	16,4	10,3	3,2	-7,1
Низкий инновационный потенциал организации	33,7	13,8	20,9	11,8	3,2	-8,6

Источник: результаты опроса руководителей промышленных предприятий Вологодской области.

Судя по данным опроса, недостаток финансовых средств не позволяет проводить активную инновационную политику. В связи с этим внедрение новейших технологий, использование инновационных методов производства, модернизация фондов в 2016 году осуществлялись на 52,4% предприятий, в то время как отсутствие потребности в мероприятиях подобного рода отметили только 12,6% опрошенных руководителей. Следовательно, треть предприятий, испытывающих потребность в улучшении производственных параметров, были вынуждены работать по кризисной схеме: на внешние вызовы и растущие требования потребителей отвечали соответственно своим возможностям, зачастую прибегая к пассивным методам развития, среди которых большую роль играет совершенствование контроля качества над процессами производства.

Актуальной проблемой развития России, которая также может сказаться на перспективах новой индустриализации, замедлить темпы развития высокотехнологичных производств, создать кадровый дефицит на предприятиях, является сокращение численности занятых работников. В настоящее время в экономике страны трудоустроено 72 млн. человек, однако макроэкономическая ситуация достаточно сильно влияет на состояние рынка труда и не способствует устойчивому росту занятости. Наблюдаемое в 2015–2016 годах резкое увеличение показателя является лишь следствием изменения официальной методики расчета баланса трудовых ресурсов (рис. 25).

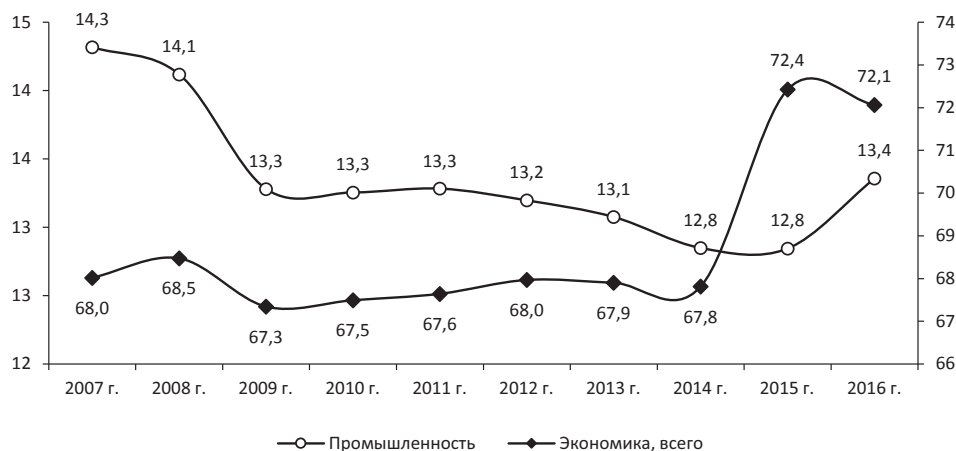

Рисунок 25. Среднегодовая численность занятых, млн. чел.

Источник: составлено на основе данных Росстата.

Сокращение численности занятых в промышленности, наоборот, носит открытый острый характер. В процентном выражении спад относительно уровня 2007 года составил 6,3%. Региональный срез за последние 5 лет показывает, что наибольшая убыль произошла в Сибирском (на 6,4%), Приволжском (2,9%) и Дальневосточном (2,8%) федеральных округах. В противовес им в Южной и Центральной России отмечается существенное наращивание рабочей силы – прирост составил 14,9 и 6,8% соответственно (табл. 22).

Таблица 22. Среднегодовая численность занятых в промышленности, тыс. чел.

Федеральный округ	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 / 2012, %
Южный	968,9	966,8	955,4	949,0	1113,1	114,9
Центральный	3384,5	3343,3	3305,4	3297,3	3613,8	106,8
Уральский	1580,2	1580,6	1566,7	1554,8	1594,7	100,9
Северо-Кавказский	455,5	459,3	459,5	448,4	457,2	100,4
Северо-Западный	1346,1	1335,1	1293,6	1269,7	1335,1	99,2
Дальневосточный	544,8	540,4	531,5	521,0	529,4	97,2
Приволжский	3187,9	3159,7	3075,0	3050,7	3096,0	97,1
Сибирский	1728,7	1690,2	1661,7	1641,1	1618,2	93,6

Источник: составлено на основе данных Росстата.

Одними из причин таких изменений, помимо сложных условий функционирования и перехода к ведению деятельности на принципах теневой

экономики, можно назвать широкое распространение современных технологий управления предприятием, модернизацию фондов, автоматизацию производственных процессов, реализацию мероприятий, направленных на рост производительности труда. Все это способствует снижению потребности предприятий в трудовых ресурсах и вместе с тем повышает востребованность высококвалифицированных работников, специалистов по автоматизации, ИТ и связи. Сейчас спрос на них не столь высок, однако, ориентируясь на прогнозируемое количество выпускников вузов в этих сферах до 2020 года, можно предположить значительное увеличение потребности в них [26].

Впрочем, пока в российской экономике профицита высококвалифицированных специалистов не наблюдается. Зачастую имеет место кадровый дефицит. Так, ответы руководителей промышленных предприятий Вологодской области свидетельствуют о низкой обеспеченности инженерно-техническими работниками и квалифицированными рабочими – такая проблема наблюдается на каждом втором предприятии региона (табл. 23).

Таблица 23. **Уровень обеспеченности промышленных предприятий кадрами,**
% от числа ответивших

Тип персонала	Уровень обеспеченности		
	Удовлетворительный	Недостаточный	Очень низкий
Управленческий персонал	82,5	17,5	0,0
Инженерно-технические работники	57,1	34,9	7,9
Квалифицированные рабочие	52,4	46,0	1,6
Низкоквалифицированные рабочие	70,6	16,2	13,2
Обслуживающий персонал	83,8	10,3	5,9

Источник: результаты опроса руководителей промышленных предприятий Вологодской области.

Наряду с недостаточной укомплектованностью предприятий кадрами требуемой квалификации обращает на себя внимание и невысокое качество подготовки выпускников учебных заведений. Сформировавшаяся за постсоветские годы система образования сделала возможной ситуацию, когда новый сотрудник, прошедший соответствующее профессиональное обучение, вынужден предварительно повышать уровень компетенции, чтобы справляться со стоящими перед ним задачами.

Что касается качества подготовки выпускников учебных заведений, то оно лишь в редких случаях соответствует предъявляемым требованиям, находясь в основном на среднем уровне (рис. 26). Вместе с воз-

растным старением производственного персонала такая ситуация создает существенные риски для раскрытия имеющегося промышленного потенциала.

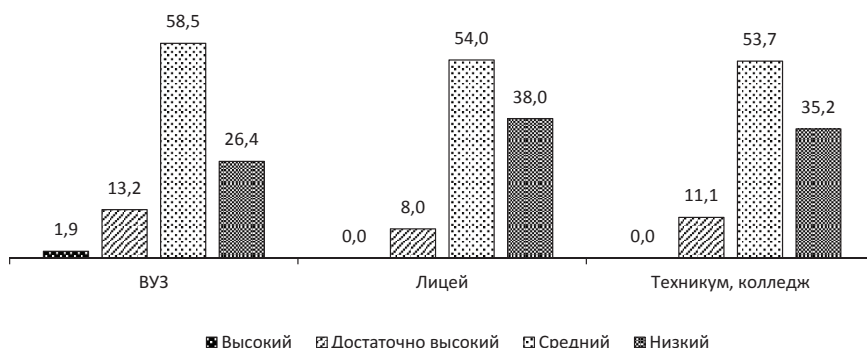

Рисунок 26. **Уровень подготовки выпускников учебных учреждений,**
% от числа ответивших

Источник: результаты опроса руководителей промышленных предприятий Вологодской области.

Таким образом, характерными чертами текущего этапа развития промышленности в России являются высокий износ производственных фондов, низкая инновационная и инвестиционная активность, сокращение численности занятых. В перспективе комплекс этих проблем может привести не только к деиндустриализации, но и затуханию экономики. В этом случае вместо инициации мероприятий для реализации курса на новую индустриализацию потребуются разработка программ оздоровления народного хозяйства. Следовательно, ресурсы для высокотехнологичного развития будут растрочены лишь на восполнение потенциала, а не на его преумножение.

2.3. Проблемы общественного воспроизводства и структурные приоритеты новой индустриализации

Осуществление крупномасштабной технологической модернизации экономики обуславливает необходимость активного государственного участия в регулировании воспроизводственных процессов. Между тем, существующие системные условия хозяйствования остаются дезинтегрированными, а упрощенная схема функционирования экономики свелась к вывозу сырьевых ресурсов в обмен на машинно-технические изделия

и продовольствие. При такой схеме социально-экономическая ситуация значительно зависит от внешней конъюнктуры, у страны не появляются ни внутренние, ни внешние факторы крупномасштабной технологической модернизации, не происходит оживления базового и фундаментального источника прогресса – производства новейших наукоемких средств производства [16].

Сложившаяся в 1990-е годы экономическая система нарушила целостность действовавших цепочек добавленной стоимости. Рассечены на разрозненные переделы и дезинтегрированы технологические цепочки во всем народном хозяйстве. Из-за системной дезорганизации и упадка обрабатывающей промышленности существенно снизилась величина агрегированного мультипликатора добавленной стоимости¹¹ (рис. 27). Как показывает анализ, в расчете на единицу стоимости добывающего сектора обрабатывающая промышленность в 2005–2016 гг. создавала в среднем 1,58 единицы добавленной стоимости. Это почти на порядок ниже, чем в промышленно развитых странах, где значение мультипликатора поддерживается в диапазоне 11–13 единиц (в США – 12,8 [33]).

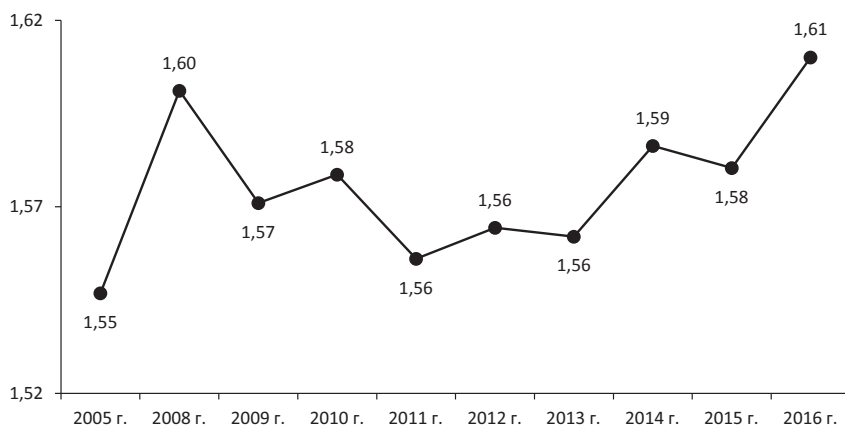

Рисунок 27. Динамика мультипликатора добавленной стоимости в экономике России

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

¹¹ Мультипликатор добавленной стоимости исчисляется отношением совокупной величины товарной массы к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот, и рассчитывается по официальным данным Росстата о детализированной разработке счета производства СНС [15]. Он характеризует глубину переработки сырьевых ресурсов.

Итогом проводимых в России рыночных реформ стало ограничение длины технологических цепочек в экономике двумя-тремя переделами. Из-за недополученной добавленной стоимости сокращаются доходы компаний, государства и населения, снижается потребительский спрос и возможности для инвестирования. Практикуемая фиксация прибыли на стадии добычи сырья и производства полуфабрикатов ведет к депрессии производства конечной продукции, деградации производства машинных средств производства, снижению внутреннего спроса на фундаментальную и прикладную науку, НИР и НИОКР, достижения научно-технического прогресса, ухудшению материально-технической базы образования и здравоохранения, деqualификации кадров – страна попадает в спираль отсталости и разложения [13]. В связи с этим удлинение цепочек добавленной стоимости (ЦДС) в национальной экономике является одним из важнейших направлений современной экономической политики [13; 23; 37]. При этом реализация такой политики невозможна без анализа текущего положения региональных экономик¹² в существующих ЦДС.

Для характеристики усредненного положения некоторой отрасли в ЦДС в англоязычной литературе используется показатель, именуемый *Upstreamness*. Его значение для отрасли *i* отражает средневзвешенное количество стадий производства до конечного спроса отраслей, в которых продукция *i* выступает в качестве комплектующего [28]. Методика расчета показателя *Upstreamness* приведена в приложении 1.

Полученные значения показателя *Upstreamness* свидетельствуют о существенном различии в положении российских отраслей в ЦДС. Минимальное значение по агрегированным отраслям в 2015 г. составило 1, максимальное – 4,237 (рис. 28). К отраслям, выпуск в которых практически полностью расходуется на конечное потребление, относятся здравоохранение (1,058), образование (1,078) и госуправление (1,099). Ярко выраженная удаленность от конечного потребления характерна для добычи полезных ископаемых (4,237), производства и распределения электроэнергии, газа и воды (3,447). Обработывающие производства располагаются примерно посередине ЦДС. Среди них наименее промежуточными являются отрасли легкой (1,267) и пищевой (1,318) промышленности; наиболее – металлургия (3,765) и производство прочих неметаллических минеральных продуктов (3,546). Такое распределение отраслей в целом соответствует априорным представлениям о положении той или иной отрасли в ЦДС.

¹² Важность регионального уровня связана с управленческим аспектом реализации экономической политики, т.к. региональные органы власти являются ее важным субъектом.

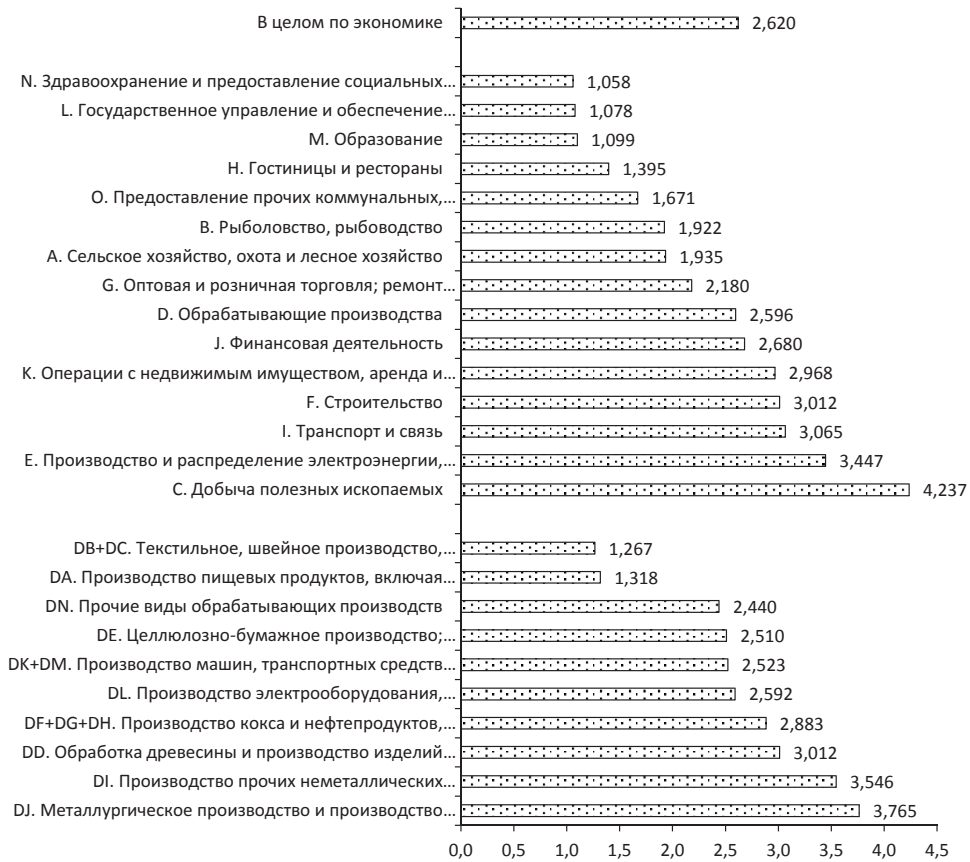

Рисунок 28. Показатель Upstreamness по отраслям (видам экономической деятельности) российской экономики в 2015 г.

Источник: рассчитано на основе данных таблиц «затраты – выпуск» Росстата.

В качестве особенности показателя Upstreamness необходимо отметить то, что он верно отражает ранжирование для отраслей, одна из которых выступает преимущественным поставщиком продукции для другой [28]. Это отчетливо проявляется на разагрегированном уровне. Иллюстративным примером могут быть значения показателя Upstreamness цепочки по производству печатной продукции (табл. 24). Согласно расчетам, отрасли лесоводства (3,761) и производства лесоматериалов (3,671) признаются менее конечными по сравнению с целлюлозно-бумажной отраслью (2,634), которая в свою очередь находится дальше от конечного потребителя, чем отрасли, изготавливающие изделия из бумаги (2,030)

и книги (1,946). Подобного рода закономерности прослеживаются и для других технологически связанных отраслей экономики.

Таблица 24. Показатель Upstreamness отраслей цепочки по производству печатной продукции в 2015 г.

Наименование продукции	Значение
Книги, газеты и прочие материалы печатные и носители информации записанные	1,946
Изделия из бумаги и картона	2,030
Целлюлоза, бумага и картон	2,634
Лесоматериалы, продольно распиленные, строганные или пропитанные	3,671
Продукция лесоводства, лесозаготовок и связанные с этим услуги	3,761
Источник: рассчитано на основе данных таблиц «затраты – выпуск» Росстата.	

Если рассматривать экономику региона как совокупность отраслей, то использование показателя Upstreamness с учетом удельного веса отраслей в экономике позволяет охарактеризовать место региона в ЦДС. Широкий размах отраслевых данных показателей и различность отраслей специализации российских регионов обусловили значительную территориальную дифференциацию значений показателя Upstreamness. Наименьшие его значения зафиксированы в республиках Ингушетия (1,970), Тыва (1,985), Северная Осетия-Алания (2,036), Алтай (2,057), Калмыкия (2,098), Адыгея (2,174), Дагестан (2,184), Крым (2,209), Чеченской (2,030), Карачаево-Черкесской (2,092), Кабардино-Балкарской (2,115), Камчатском (2,135) и Ставропольском (2,207) краях, Севастополе (2,014), в которых слабо развита промышленность, в структуре экономики преобладают сельское хозяйство, пищевая промышленность, торговля и сектор здравоохранения, образования и госуправления (табл. 25). Наибольшие значения Upstreamness характерны для ресурсодобывающих регионов – Ненецкого (3,744), Ханты-Мансийского (3,705), Ямало-Ненецкого (3,508), Чукотского (3,111) автономных округов, Сахалинской (3,464) и Оренбургской (3,046) областей, республик Саха (3,217) и Коми (3,059). Значения показателя Upstreamness регионов, специализирующихся на обрабатывающей промышленности¹³, лежат в диапазоне от 2,37 до 2,76. Для Омской области значение показателя составляет 2,372, Калужской – 2,375, Владимирской – 2,383, Липецкой – 2,418, Тульской – 2,423, Нижегородской – 2,434, Новгородской – 2,435, Свердловской – 2,444, Челябинской – 2,461, Вологодской – 2,476, Красноярского края – 2,754.

¹³ Доля валовой добавленной стоимости, создаваемой обрабатывающими производствами, превышает 30% ВРП.

Таблица 25. Показатель Upstreamness по экономике регионов России в 2015 г.

Территория	Знач.	Территория	Знач.
Республика Ингушетия	1,970	Санкт-Петербург	2,435
Республика Тыва	1,985	Республика Карелия	2,437
Севастополь	2,014	Волгоградская область	2,441
Чеченская Республика	2,030	Хабаровский край	2,443
Республика Северная Осетия-Алания	2,036	Свердловская область	2,444
Республика Алтай	2,057	Москва	2,453
Карачаево-Черкесская Республика	2,092	Республика Башкортостан	2,455
Республика Калмыкия	2,098	Челябинская область	2,461
Кабардино-Балкарская Республика	2,115	Новосибирская область	2,464
Камчатский край	2,135	Забайкальский край	2,470
Республика Адыгея	2,174	Вологодская область	2,476
Республика Дагестан	2,184	Курская область	2,496
Ставропольский край	2,207	Белгородская область	2,510
Республика Крым	2,209	Ленинградская область	2,550
Ивановская область	2,238	Мурманская область	2,575
Псковская область	2,251	Республика Хакасия	2,617
Орловская область	2,256	Амурская область	2,685
Брянская область	2,264	Пермский край	2,719
Еврейская авт. область	2,266	Самарская область	2,744
Алтайский край	2,272	Красноярский край	2,754
Кировская область	2,276	Тюменская область (без АО)	2,762
Курганская область	2,284	Астраханская область	2,783
Республика Марий Эл	2,299	Магаданская область	2,786
Тамбовская область	2,312	Удмуртская Республика	2,796
Костромская область	2,317	Республика Татарстан	2,821
Республика Бурятия	2,330	Кемеровская область	2,843
Рязанская область	2,331	Архангельская область (с АО)	2,846
Республика Мордовия	2,332	Иркутская область	2,852
Чувашская Республика	2,333	Томская область	2,936
Пензенская область	2,338	Оренбургская область	3,046
Архангельская область (без АО)	2,360	Республика Коми	3,059
Ростовская область	2,363	Чукотский АО	3,111
Приморский край	2,369	Республика Саха (Якутия)	3,217
Омская область	2,372	Сахалинская область	3,464
Калужская область	2,375	Тюменская область (с АО)	3,501
Воронежская область	2,377	Ямало-Ненецкий АО	3,508
Краснодарский край	2,381	Ханты-Мансийский АО – Югра	3,705
Владимирская область	2,383	Ненецкий АО	3,744
Саратовская область	2,384		
Смоленская область	2,388	Северо-Кавказский ФО	2,150
Московская область	2,401	Южный ФО	2,412
Ульяновская область	2,414	Центральный ФО	2,429
Тверская область	2,415	Северо-Западный ФО	2,542
Калининградская область	2,416	Приволжский ФО	2,624

Окончание таблицы 25

Территория	Знач.	Территория	Знач.
Липецкая область	2,418	Сибирский ФО	2,644
Тульская область	2,423	Дальневосточный ФО	2,859
Ярославская область	2,431	Уральский ФО	3,133
Нижегородская область	2,434		
Новгородская область	2,435	РФ	2,620
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.			

Географическое распределение региональных показателей Upstreamness по территории страны представлено на рисунке 29. Можно отметить снижение их значений с севера на юг и с востока на запад, стремление к местам скопления населения как конечного потребителя.

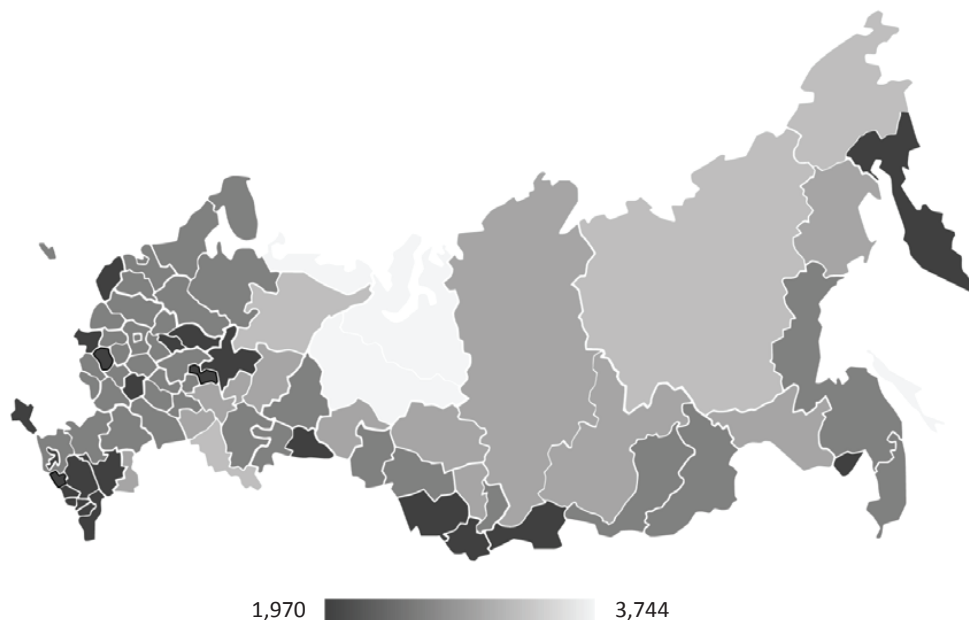

Рисунок 29. Показатель Upstreamness по экономике регионов России в 2015 г.

Источник: построено на основе данных Росстата.

Для российских регионов отмечается сильная положительная корреляция между значением показателя Upstreamness их экономики и объемом среднедушевого ВРП – высоким значениям Upstreamness соответствуют высокие значения ВРП на душу населения (рис. 30а). То есть в российской экономике имеет место парадоксальная ситуация:

чем дальше регион в ЦДС от конечного потребителя, тем выше валовые доходы его экономики. Причины этого кроются в структурных изменениях экономики регионов, вызванных существующей экономической моделью, рост в которой во многом определяется результатами экспортно-импортной деятельности и внешней конъюнктурой. Наибольшую выгоду получают экспортеры продукции невысоких переделов, продукция собственных высоких переделов (прежде всего машиностроения) не востребована экономикой.

Для сравнения: на рисунке 30б проиллюстрирована ситуация в американской экономике. Ввиду отсутствия сильной дифференциации между штатами¹⁴ там не прослеживается корреляция между объемом душевого ВРП и значением показателя Upstreamness.

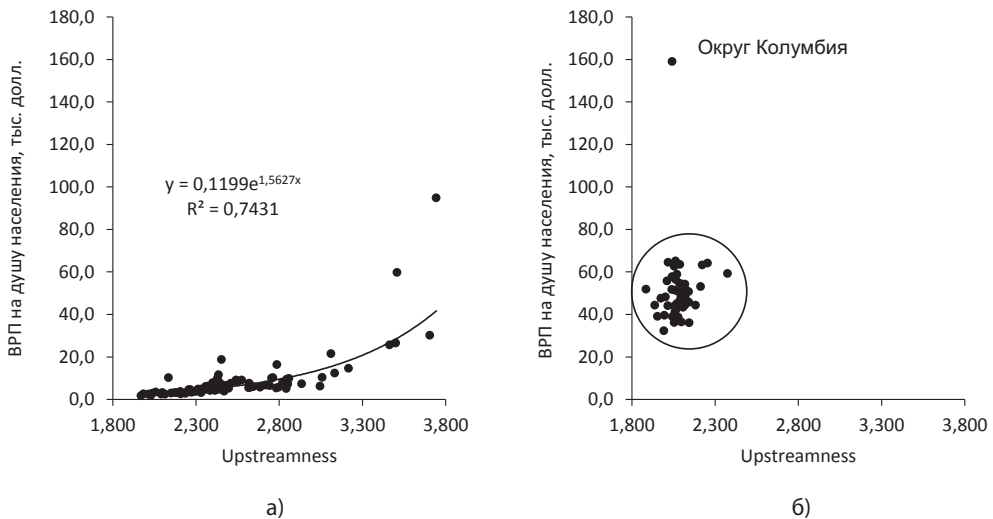

Рисунок 30. Взаимосвязь ВРП на душу населения и показателя Upstreamness по экономике регионов России (а) и США (б) в 2015 г.

Примечание. Для лучшей наглядности масштабы на обоих графиках выбраны одинаковыми, а ВРП регионов России пересчитан в долларах по среднегодовому курсу 2015 г.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата и U.S. BEA.

¹⁴ По объему ВРП на душу населения в 2015 г. (без учета округа Колумбия) разрыв между максимальным (67,6 тыс. долл. в Северной Дакоте) и минимальным (31,7 тыс. долл. в Миссисипи) значениями составлял 2,1 раза (4,9 раза с учетом округа Колумбия). По значению показателя Upstreamness разрыв между максимальным (2,376 в Вайоминге) и минимальным (1,886 на Гавайях) значениями составлял 1,3 раза. В России – соответственно 15,2 (без учета автономных округов Архангельской и Тюменской областей; с их учетом – 54,5 раза) по душевому ВРП и 1,9 раза по значению показателя Upstreamness.

Однако происходящие в экономике США структурные изменения ведут к планомерному снижению показателя Upstreamness (рис. 31). Это является тенденцией как минимум последних 20 лет развития их экономики.

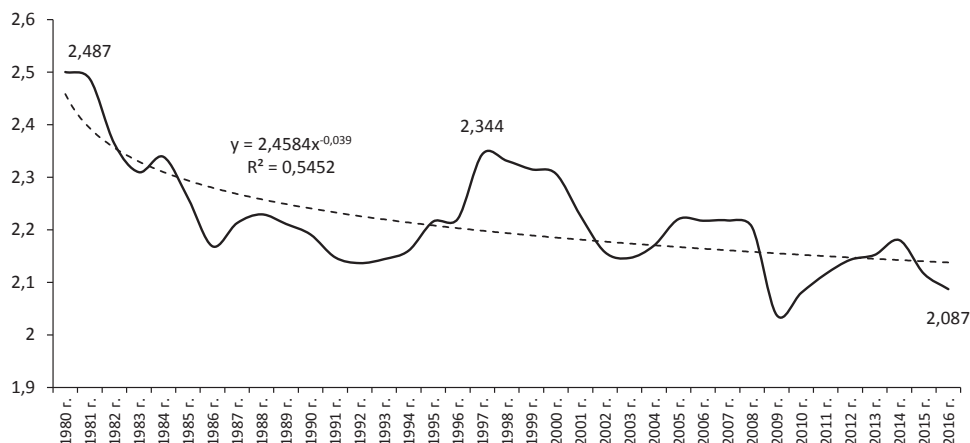

Рисунок 31. Динамика показателя Upstreamness по экономике США в 1980–2016 гг.

Источник: рассчитано на основе данных таблиц «затраты – выпуск» U.S. BEA.

За годы рыночных реформ в отраслевой структуре российской экономики произошли кардинальные изменения (табл. 26). Изменилась структура валового выпуска: сократилась доля продукции машиностроения, сельского и лесного хозяйства, легкой промышленности, возрос удельный вес предпринимательских услуг (прежде всего финансового посредничества и операций с недвижимым имуществом), полезных ископаемых и торговли. Это привело к перераспределению валовой добавленной стоимости (т.е. доходов) по отраслям экономики.

Таблица 26. Структура валового выпуска и валовой добавленной стоимости (ВДС) в РФ в 1990–2016 гг., % к итогу

Отрасль	Валовой выпуск			ВДС		
	1990 г.	2016 г.	2016 к 1990 г.	1990 г.	2016 г.	2016 к 1990 г.
Прочие услуги*	6,4	15,0	+8,6	7,7	20,8	+13,1
Добыча полезных ископаемых	3,6	7,3	+3,7	3,4	9,4	+6,0
Энергетика	1,6	5,2	+3,6	-1,3	3,1	+4,4
Государственное управление	5,0	5,9	+0,9	3,6	7,9	+4,3
Оптовая и розничная торговля	10,0	13,6	+3,6	13,7	16,0	+2,3

Окончание таблицы 26

Отрасль	Валовой выпуск			ВДС		
	1990 г.	2016 г.	2016 к 1990 г.	1990 г.	2016 г.	2016 к 1990 г.
Металлургия	4,0	4,1	+0,1	0,9	2,5	+1,6
Образование	1,6	3,3	+1,7	3,1	4,3	+1,2
Строительство	7,7	6,6	-1,1	5,4	6,2	+0,8
Пищевая промышленность	7,1	4,9	-2,2	1,5	2,1	+0,6
Здравоохранение	2,3	3,2	+0,9	3,7	3,8	+0,1
Связь	1,5	1,3	-0,2	2,4	1,3	-1,1
Деревообработка	1,9	1,2	-0,7	2,1	0,8	-1,3
Химическое производство	5,7	6,5	+0,8	5,2	3,3	-1,9
Транспорт	6,6	7,1	+0,5	8,9	6,6	-2,3
Прочее	5,9	4,3	-1,6	7,2	3,7	-3,5
Сельское и лесное хозяйство	11,1	4,3	-6,8	11,0	4,5	-6,5
Машиностроение	11,4	5,8	-5,6	12,0	3,6	-8,4
Легкая промышленность	6,5	0,4	-6,1	9,4	0,3	-9,1
*К прочим услугам отнесены такие виды деятельности по ОКВЭД, как: Н. Гостиницы и рестораны, J. Финансовая деятельность, K. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, O. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг. Источник: рассчитано на основе данных Росстата.						

Отраслевая структура влияет на возможности роста добавленной стоимости и чистого дохода, предопределяет фондо- или материалоемкость продукта. Это влияет на масштаб возмещения основных фондов и возможности накопления и, следовательно, роста в перспективе.

В структуре российского хозяйства единственными секторами, способными генерировать технологическое развитие, являются обрабатывающие и добывающие производства (табл. 27). По итогам 2016 года их вклад в ВВП составил 17,9 трлн. руб., или 23,1% его совокупной величины. При первичной оценке данный показатель представляется достаточно весомым, формально он даже находится выше уровня развитых стран (в американской экономике, например, вклад обрабатывающей и добывающей индустрии составляет 13,3% ВВП [32]).

Таблица 27. Валовая добавленная стоимость РФ по ВЭД в 2016 г.

Вид экономической деятельности	Млрд. руб.	% к итогу
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	13314	17,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	12390	16,0
Обрабатывающие производства	10636	13,7
Добыча полезных ископаемых	7297	9,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	6102	7,9

Окончание таблицы 27

Вид экономической деятельности	Млрд. руб.	% к итогу
Транспорт и связь	6067	7,8
Строительство	4781	6,2
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3456	4,5
Финансовая деятельность	3455	4,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2921	3,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2416	3,1
Образование	2011	2,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1334	1,7
Гостиницы и рестораны	649	0,8
Деятельность домашних хозяйств	461	0,6
Рыболовство, рыбоводство	218	0,3
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	77508	100,0
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.		

В то же время структура национального хозяйства развитых стран и масштабы разработки, освоения, производства и применения высоких технологий существенно отличаются от российских. Так, в США помимо сектора обрабатывающей и добывающей индустрии на производство высоких технологий работают также государственный сектор (его вклад в ВВП составляет 12,3%), сектор промышленного лизинга (12,1%), сектор инжиниринга и научных услуг (6,9%), сектор информационной техники (4,7%) [33]. Их общая доля превышает 50% ВВП. Поэтому можно утверждать, что ВВП США технологичен более чем наполовину. Этим предопределяются высокое значение мультипликатора добавленной стоимости и разница в уровнях технологических вкладов с РФ.

Повышение технологического уклада в России идет крайне медленно. Как было показано в параграфе 1.2, до сих пор не удалось восстановить уровень 1991 г. в производстве транспортных средств (66,2%) и машин и оборудования (45,7%; см. рис. 5). Продолжается утрата материально-технической базы инвестиционного машиностроения [6; 48; 52], о чем свидетельствует отрицательная динамика производства по многим видам продукции в станкоинструментальной и электротехнической промышленности (приложения 2 и 3). Загрузка мощностей по большинству важнейших видов продукции инвестиционно-технологического назначения является очень низкой (табл. 28). Без восстановления загрузки и ввода новых мощностей машиностроительного комплекса технологическое (т.е. основанное на современных наукоемких технологиях) развитие неосуществимо [15].

Таблица 28. Уровень использования среднегодовой производственной мощности в машиностроении России в 2010–2016 годах

Наименование продукции	Год							2016 г. к 2010 г., п.п.
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Электродвигатели универсальные мощностью более 37,5 Вт	46	43	42	38	32	33	42	-4
Автомобили легковые	57	72	80	68	59	43	41	-16
Автобусы	29	40	50	44	35	34	38	+9
Автомобили грузовые (включая шасси)	31	42	47	45	39	34	35	+4
Турбины газовые, кроме двигателей турбореактивных и турбовинтовых	54	55	41	28	43	40	33	-21
Подшипники шариковые или роликовые	29	33	33	29	29	31	27	-2
Краны мостовые электрические	12	13	13	10	9	20	27	+15
Бульдозеры самоходные и бульдозеры с поворотным отвалом	32	57	44	39	19	17	15	-17
Станки металлорежущие	8	13	10	24	17	17	14	+6
Машины кузнечно-прессовые	38	44	40	39	18	21	13	-25
Экскаваторы	28	20	12	12	16	12	13	-15
Тракторы для сельского и лесного хозяйства прочие	25	39	40	19	16	10	12	-13
Турбины на водяном паре и турбины паровые прочие	41	54	44	38	12	20	9	-32
Источник: Росстат.								

При 16,4 трлн. руб. инвестиций в основной капитал ввод основных фондов в обрабатывающих производствах составил в 2016 году 1,75 трлн. руб., или 10,7% совокупной величины, т.е. норма накопления промышленного капитала¹⁵ в России равняется 2% ВВП (табл. 29). Это свидетельствует о крайне неэффективном распределении инвестиций в российской экономике (для сравнения: в экономике США норма накопления промышленного капитала превышает 15% ВВП).

Таблица 29. Движение основных фондов в обрабатывающих производствах России

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2010 г., %
Наличие основных фондов, трлн. руб.	8,0	8,9	9,9	11,4	13,6	15,1	16,4	205,0
Коэффициент обновления, %	5,9	6,4	6,5	6,9	6,9	6,3	5,2	88,1
Коэффициент выбытия, %	1,0	1,0	0,8	1,1	1,0	1,0	0,8	80,0
Объем ввода, млрд. руб.	881,4	1094,2	1186,5	1540,8	1666,7	1646,2	1753,5	198,9
Источник: Росстат.								

¹⁵ Величина приобретения основных средств производства, инвестирования промышленными предприятиями.

Таким образом, проанализированные данные указывают на слабое регулирование в сфере общественного воспроизводства. Существуют проблемы в отраслевой и воспроизводственной структуре ВВП, в структуре экспорта и импорта, инвестиций и сбережения. Технологическое развитие экономики требует управления ключевыми параметрами кругооборота промышленного капитала (скоростью, пропорциями), обеспечения необходимой величины, технологической и продуктовой структуры капиталовложений, поддержки должных уровней обновления основных производственных фондов.

2.4. Особенности функционирования вертикально интегрированных компаний в России и за рубежом

В экономической литературе существует целый ряд публикаций, в которых на основе критического переосмысления мирового опыта обосновывается наличие непосредственной связи между вертикальной интеграцией и решением проблемы перехода страны к инновационной экономике. Приведем несколько точек зрения известных российских ученых-экономистов по этому вопросу.

Так, д.э.н. Ю. Соколов, говоря о перспективах модернизации экономики России, отмечает: «Без масштабной интеграции науки, добывающего и обрабатывающего секторов, включая полные производственные циклы, ожидать активизации инвестиционной деятельности по замене устаревших основных фондов не приходится» [57, с. 23].

Вертикальную интеграцию в качестве ключевого фактора обеспечения научно-технического прогресса рассматривает А. Спицын: «Развитие сектора крупных вертикально интегрированных хозяйственных структур, в том числе межгосударственных корпораций, является мощным фактором ускорения научно-технического прогресса и модернизации производства» [58, с. 8].

Д.э.н., профессор главный редактор журнала «Экономист» С.С. Губанов считает, что вертикальная интеграция составляет основу неоиндустриальной стадии развития капитализма (государственно-корпоративный ее этап) [9; 10].

Для развитых стран мира вертикально интегрированные структуры являются в настоящее время одним из главных источников экономического роста и двигателей технологического развития, обеспечивающих

научный прогресс и оказывающих непосредственное влияние на ход всех социально-экономических процессов внутри страны.

Следует отметить, что такие интеграционные процессы начали особенно активно развиваться с 50-х гг. XX в. Так, в 60-70-е годы произошли серьезные изменения в мировом нефтяном бизнесе. Страны ОПЕК в 80-е годы активно приобретали материальные и финансовые активы нефтеперерабатывающих производств и сбытовых компаний на территории стран-потребителей нефти в Северной Америке и Западной Европе. Вертикальная интеграция развивалась в направлении от разведки и добычи нефти к сферам ее переработки и маркетинга продукции. Целью такой интеграции было стремление компаний овладеть рынками конечного спроса и добиться конкуренции в сфере нефтедобычи в условиях достаточно насыщенного рынка и снижающейся эффективности инвестиций в освоение новых нефтяных ресурсов.

По-другому шла вертикальная интеграция в нефтяных компаниях стран Западной Европы (за исключением «British Petroleum» и «Shell», давно входящими в число крупнейших международных компаний). Так, во Франции и Италии сформировавшийся еще в 50-е годы мощный государственный сектор в нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности находился в сильной зависимости от поставок со стороны крупнейших нефтяных компаний мира. Используя конкурентные противоречия между транснациональными нефтяными корпорациями и правительствами нефтедобывающих стран (прежде всего в Северной Африке), европейские государственные и частные компании сумели занять нишу в сфере нефтедобычи на более приемлемых для стран-собственников ресурсов концессионных условиях. Иными словами, основным двигателем данного интеграционного процесса было стремление к преодолению зависимости от поставок сырья. В результате этого сложились такие крупные нефтяные компании, как французская «Total» и итальянская «ENI», входящие ныне в число лидеров отрасли [3].

Одной из стран мира, где процессы вертикальной интеграции получили особенно широкое распространение, являются Соединенные Штаты Америки. Лицо промышленности страны определяют 100 многоотраслевых корпораций, являющихся высокоинтегрированными корпоративными компаниями. Каждая из этих корпораций насчитывает в своем составе предприятия 25 отраслей, 35 корпораций работают в 32 отраслях промышленного производства, 10 – в 50 отраслях.

К корпорациям, основу которых составляет крупная промышленная компания, можно отнести «General Motors», «Du Pont», «General Electric», «Ford Motors», «AT&T» и другие, которые в свою очередь владеют банками и финансовыми компаниями. Характерная черта данных компаний – преобладание вертикальной составляющей над горизонтальной.

Основой «General Motors», например, является крупнейший в мире автомобилестроительный концерн. Головная компания концерна выступает в качестве материнской по отношению к тысячам других фирм корпорации, контролируя их производственную и финансовую деятельность. Корпорация владеет собственной финансовой компанией «General Motors Acceptance Corporation» – крупнейшим в США источником коммерческих кредитов. «General Motors» финансирует процессы слияния и поглощения компаний, занимается коммерческим лизингом промышленного оборудования («General Motors Leasing corp.»), владеет сберегательными и кредитными компаниями во многих штатах.

Классическим примером вертикальной интеграции являются также действия американской компании «Зингер» (Singer Corporation), которая в один из периодов своей деятельности осуществляла весь цикл производства – от добычи и обработки первичных сырьевых ресурсов (леса и железной руды) до выпуска готовых швейных машин.

На мировом рынке алюминия доминируют такие крупнейшие вертикально интегрированные компании, как «Alcoa», «Alcan», «Hydro» и другие, которые стремятся получить контроль над большей частью производственных стадий – от добычи бокситов, производства глинозема и до выпуска алюминиевого проката.

Интегрированная структура крупнейшей в мире алюминиевой компании «Alcoa» (США) позволила ей значительно снизить сырьевую составляющую в себестоимости алюминия. В структуру компании входят бокситовые рудники, производства глинозема и алюминия, а также полуфабрикатов. Благодаря технологической вертикали, позволяющей строить внутренние расчеты по цене, близкой к себестоимости, «Alcoa» удается экономить около 40% затрат на каждой тонне глинозема по сравнению с производителями алюминия, работающими на внешнем сырье. В результате доля компании «Alcoa» на рынке первичного алюминия в США достигла 74% [54].

Вертикальная интеграция получила широкое развитие и в сельском хозяйстве развитых стран мира, прежде всего в области птицеводства, что привело к созданию крупных предприятий, оснащенных современной техникой по выращиванию цыплят-бройлеров и производству яиц.

Так, уже к 1969 году в США и Канаде свыше 90% продукции птицеводства производилось на интегрированных предприятиях, в Нидерландах – 90%, в Бельгии – 70%, в ФРГ и во Франции – по 60%. Производство цыплят в США практически полностью интегрировано. В 1967–1968 гг. интеграция стала развиваться и в области производства свинины (в Бельгии – 50% производства данного вида продукции производится в вертикально интегрированных компаниях). Распространена она также в овощеводстве, производстве консервированных фруктов и ряда технических культур (льна, хлопка, сахарной свёклы). В США, например, около 90% консервируемых и замораживаемых овощей приобретает заводы на основе вертикальной интеграции.

ТНК Tyson Foods имеет в своей собственности инкубаторы, птицекомбинаты для забоя птицы, комбикормовые заводы, транспорт, сервис ветеринарного контроля и консультации, заводы по глубокой переработке бройлеров и производству полуфабрикатов, оптовую торговлю со складами в различных регионах, дистрибьюторские центры, поставляющие продукцию в розничную сеть.

Существует также успешный опыт вертикальной интеграции на стадии старения отрасли. Например, после того как в середине 1960-х годов в США начался упадок сигарного бизнеса, ведущему в стране поставщику – корпорации Culbro пришлось приобрести все дистрибьюторские сети на ключевых рынках Восточного побережья страны. Ее основным конкурент – компания Consolidated Cigar уже занималась сбытом, а дистрибьюторы Culbro «потеряли интерес» к сигарам и с большей охотой стали торговать другими товарами.

Примером успешной вертикальной интеграции является также функционирование японских компаний, занимавшихся производством часов в 70-е годы. Высокоинтегрированные производители часов в Японии смогли быстро перестроиться на выпуск электронных часов и занять лидирующее положение в этой сфере в 80-х годах. Швейцарские же сборочные фирмы, которые не были интегрированы с поставщиками деталей и не смогли организовать производство электронных компонентов (интегральных схем, кристаллических индикаторов, шаговых двигателей), оказались отброшенными с прежних лидирующих позиций.

Компания IKEA также осуществила успешную интеграцию своего бизнеса: от продажи мебели до ее разработки и производственного планирования, а также интеграцию «вперед», оставляющую последнюю стадию производства – сборку мебели.

Интеграция туристической фирмы VingrevSor в гостиничный бизнес путем создания дачных поселков на туристических курортах – это пример интеграции «вперед» – от продажи путевок до размещения на время отпуска, шаг, который расценивался как вероятное стратегическое преимущество.

Идея создания вертикально интегрированных компаний в нашей стране начала претворяться в жизнь еще во времена Советского Союза. Одной из попыток реорганизации промышленности в СССР было создание межотраслевых научно-технических комплексов и государственных концернов, объединявших по различным принципам промышленные активы в крупные группы. В рамках этого этапа в 1988–1991 годах были сформированы государственные концерны «Газпром», «Норильский никель» и ряд других. Конечно, вопрос о приватизации вовсе не рассматривался, а модель образования вертикально интегрированных компаний была скорее экспериментальной и имела своей целью, например, в нефтяном секторе максимальную реализацию эффекта масштаба при повышении степени хозяйственной самостоятельности предприятий в рамках «перестройки».

Существующие особенности таких объединений в России определяются условиями их формирования. При переходе от административно-командной системы к рыночной экономике были сформированы непреодолимые барьеры для производственного сотрудничества. Формирование вертикально интегрированных групп происходило в соответствии с правительственными нормативными актами или через приобретение собственником недооцененных предприятий. Структура предприятий зачастую не позволяла реализовать интеграцию производственного капитала, так как в обоих случаях при принятии решения о вхождении в структуру использовался не экономический принцип, не технологическая общность, а доступность активов для инициатора объединения. Порой под одним названием объединялись предприятия, десятилетиями функционировавшие в рамках различных министерств и ведомств в условиях централизованно планируемой, разобщенной в отраслевом отношении экономики, с различным технологическим циклом.

Лишь после 1998 года произошла переориентация на построение вертикально интегрированных компаний с глубоким взаимопроникновением капиталов, построением технологических цепочек. Этот процесс особенно ярко наблюдается в нефтяной, химической и пищевой промышленности, гражданском авиастроении и ряде секторов военно-промышленного комплекса.

В наибольшей степени процессы вертикальной интеграции коснулись в 1990-е годы российского нефтяного сектора, который пережил невиданную по масштабам реструктуризацию: на базе принадлежавшего государству единого производственного комплекса были сформированы вертикально интегрированные нефтяные компании (ВИНК).

Их появление изменило сущность и характер взаимоотношений между субъектами хозяйственной деятельности, а также между ними и государственными органами управления.

В результате приватизации, консолидации активов и последующих структурных преобразований к 2005 году образовались четыре основные группы ВИНКов:

- полностью под контролем государства (Газпром-нефть, Роснефть);
- подконтрольные субъектам Федерации (Татнефть, Башнефть);
- подконтрольные менеджменту (ЛУКОЙЛ, Сургутнефтегаз);
- принадлежащие финансово-промышленным группам (ТНК-ВР, Славнефть).

Почти все российские нефтегазовые компании ставят перед собой задачу интеграции «вперед» – активного освоения сектора переработки и доставки продукции конечным потребителям. Для российской нефтяной промышленности, обладающей всеми стадиями нефтяного цикла, реформирование путем создания ВИНК эффективно, но вместе с тем существует ряд характерных отличий классических вертикально интегрированных компаний от российских в их нынешнем состоянии.

Вертикальная интеграция была реализована и в российской черной и цветной металлургии. В условиях кризиса этой отрасли выстраивание вертикально интегрированных холдингов (от поставок угля и руды до выпуска стали и проката) позволило поставить под жесткий контроль себестоимость. Сейчас российская черная металлургия – это несколько крупных сталепрокатных групп (ОАО «Северсталь», «ЕВРАЗ Групп», ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат», ОАО «Мечел», «Металлоинвест»). В цветной металлургии – это две крупнейшие компании (ОАО «ГМК «Норильский никель» и ОАО «РУСАЛ»).

Так, ОАО «Северсталь», потратив крупные средства во второй половине «нулевых» годов на приобретение обрабатывающих активов в Европе и Северной Америке и получив от этого большие убытки, к настоящему времени продало существенную часть этих активов, переориентировавшись на зарубежные проекты Greenfield в сфере добычи.

Другим лидером программы зарубежной экспансии среди компаний черной металлургии является «ЕВРАЗ Групп». На сегодня это одна из крупнейших в мире вертикально интегрированных металлургических и горнодобывающих компаний с активами в России, Украине, Европе, США, Канаде и Южной Африке. Компания имеет достаточно четкую отраслевую специализацию – производство продукции для развития инфраструктуры. Например, в России она обеспечивает 90% производства железнодорожных рельсов, 86% – балки, 56% – швеллеров и т.д. Предприятия компании «ЕВРАЗ» в США и Канаде специализируются на производстве рельсов и труб.

ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» (ММК) осуществил создание вертикально интегрированной компании, объединяющей все металлургические переделы в одной структуре (интеграция «вниз»). ММК сформировал холдинг с участием Магнитогорского калибровочного завода и Магнитогорского метизно-металлургического завода. Формирование холдинга позволило обеспечить более глубокую переработку металла, расширить ассортимент выпускаемой продукции и снизить ее себестоимость. ММК приобрел пакет акций Владивостокского морского торгового порта, через который в год проходит 1,5 млн. т грузов.

Холдинг «РУСАЛ» выступает лидером мировой алюминиевой отрасли. Фирма имеет активы в 19 странах на пяти континентах (72 тыс. занятых). В состав компании «РУСАЛ» входят 16 заводов по выплавке алюминия, 13 предприятий по производству глинозема, 8 рудников по добыче бокситов, 3 предприятия по производству металлических порошков, 3 – кремния, 3 – вторичного алюминия, 3 фольгопрокатных завода и целый ряд других активов.

Классической является стратегия компании по созданию самообеспеченного горно-металлургического вертикально интегрированного холдинга. В первое десятилетие текущего столетия компания реализовала крупную программу по приобретению как добывающих, так и обрабатывающих активов. В плане прямой вертикальной интеграции компания ставит перед собой задачу увеличить долю производства продукции с высокой добавочной стоимостью (алюминий высокой частоты, катанка, фольга, сплавы) до 50% в объеме продаж.

ОАО «Уральская горно-металлургическая компания» (УГМК) как вертикально интегрированная компания в сфере цветной металлургии включает в себя горнодобывающие предприятия (Гайский ГОК, Сафмедь), поставляющие медные концентраты для медеплавильных комбинатов

(Кировград, Красноуральск, Ревда). В свою очередь, катодная медь поступает на Кировский завод ОЦМ (производство медной ленты) и Катур-Инвест (медная проволока, катанка). Продукты этих переделов направляются далее на радиаторные заводы и другие производства.

В последние годы процессы вертикальной интеграции развиваются в российской лесной промышленности, которая традиционно была представлена совокупностью трех относительно самостоятельных отраслей: лесозаготовительной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной. Значительную роль данные интегрированные структуры также играют в российских моногородах («Базовый элемент», «Интеррос», ОАО «ХК Металлоинвест», ОАО «ЕВРАЗ Груп», ОАО «МХК ЕвроХим» и т.п.).

Для объективного анализа уровня вертикальной интегрированности компании необходимо наличие определенных показателей. Одним из первых критериев являлся предложенный в 1955 году Аделманом показатель измерения вертикальной интеграции как отношения добавленной стоимости к доходу от продаж. Высокоинтегрированные компании характеризуются низкими расходами на закупку товаров и услуг по сравнению с продажами. В масштабах всей экономики уровень ее интегрированности предлагается также рассчитывать как отношение добавленной стоимости (ВВП) к суммарной стоимости продаж. В качестве правомерности такого подхода приводится целый ряд аргументов. Так, если экономика полностью вертикально интегрирована, то продаются только конечные продукты, а размер продаж примерно равен добавленной стоимости; если же она дезинтегрирована, то фирмы покупают друг у друга промежуточную продукцию и стоимость продаж оказывается значительно больше добавленной стоимости.

В другой работе (Perry, 1998) был сделан обзор показателей, которые в настоящее время применяются в качестве меры вертикальной интеграции. Из этого обзора следует, что подавляющее большинство исследований опирается на неформальную классификацию. Например, часто используются такие косвенные переменные, как отношение числа веретен к числу ткацких станков в текстильной промышленности и т.п.

В качестве других показателей оценки вертикальной интеграции предлагаются также следующие индикаторы: отношение стоимости выпуска вертикально интегрированных фирм к суммарной стоимости производства в экономике; отношение числа занятых в вертикально интегрированных фирмах к совокупному числу занятых в экономике; отношение

добавленной стоимости к объему промежуточного потребления. Последний показатель, на наш взгляд, имеет существенный недостаток. Если большие вертикально интегрированные фирмы осуществляют продажи промежуточной продукции своим дочерним структурам, то такой факт фиксируется в системе национальных счетов как промежуточное потребление.

Как нам представляется, наиболее обоснованный, универсальный подход к оценке уровня вертикальной интегрированности экономики, который легко можно применять на практике при осуществлении расчетов, разработал в своих исследованиях С.С. Губанов. Для этого использовался такой показатель, как мультипликатор добавленной стоимости, под которым понимается отношение совокупной величины товарной массы в экономике к стоимости первичных сырьевых ресурсов.

В наших исследованиях [24] данный методический инструментарий был адаптирован к уровню хозяйствующих субъектов, и под *мультипликатором добавленной стоимости* в данной ситуации мы понимаем *отношение совокупной величины товарной массы, произведенной предприятием, к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот*:

$$M_i = \frac{TM_i}{C_i}; \quad (1)$$

где M_i – мультипликатор добавленной стоимости i -го хозяйствующего субъекта; TM_i – совокупная величина товарной массы, произведенной i -м предприятием (выручка, полученная от продажи на сторону продукции, произведенной хозяйствующим субъектом на всех стадиях его технологической цепочки); C_i – стоимость первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот i -го предприятия (стоимость сырья, материалов, комплектующих, которые используются в качестве первичных ресурсов при производстве на первом этапе технологической цепочки).

Чем выше значение мультипликатора добавленной стоимости, тем большее количество стадий технологической цепочки и переделов проходит продукт до того, как он превратится в конечный товар. Соответственно, для компаний, производящих в рамках единого технологического процесса продукцию с высокой добавленной стоимостью, значения мультипликатора будут значительно выше, чем для дезинтегрированных субъектов.

Данный методический инструментарий был апробирован при анализе деятельности крупнейших зарубежных и отечественных вертикально интегрированных компаний, ведущих свою деятельность в различных отраслях экономики. Для этого были проанализированы их финансовые отчеты за последние несколько лет. Рассчитанные значения мультипликатора добавленной стоимости по зарубежным ВИС представлены на рисунке 32.

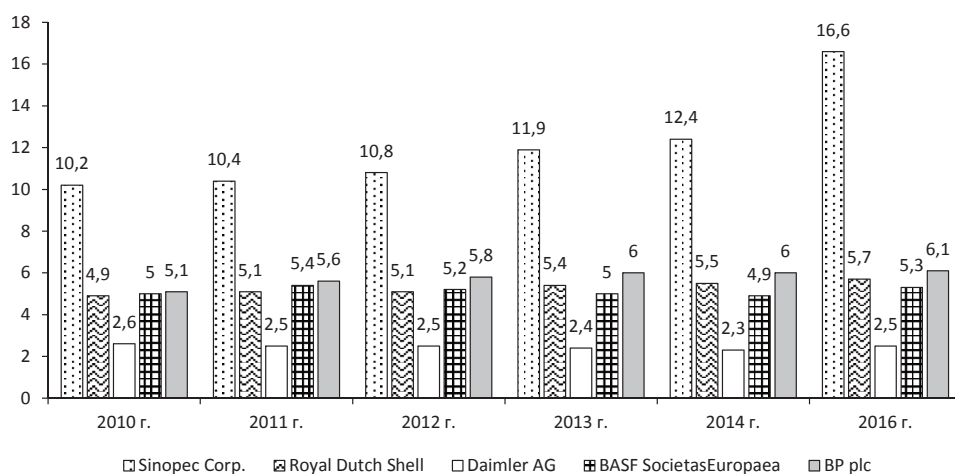

Рисунок 32. Мультипликатор добавленной стоимости крупнейших зарубежных вертикально интегрированных компаний

Для анализа текущей ситуации в экономике России были выбраны крупные отечественные ВИС: химическая промышленность (ОАО «ФосАгро»), нефтехимия (ОАО «ЛУКОЙЛ»), агропромышленный комплекс (АПХ «Мираторг»), машиностроение (ОАО «КамАЗ»), целлюлозно-бумажная промышленность (ОАО «Архангельский ЦБК»). Динамика рассчитанного нами мультипликатора добавленной стоимости данных компаний в 2010–2016 гг. представлена на рисунке 33.

Следует отметить, что значения мультипликатора добавленной стоимости «Лукойла» в 2010–2016 гг. ниже, чем у целого ряда зарубежных компаний-конкурентов (например, у Sinopec он превышает 16, BP plc. – 6, Royal Dutch Shell – 5), что в долгосрочной перспективе может быть фактором, ограничивающим конкурентоспособность компании на мировых рынках энергетической, а главное, нефтехимической продукции. При этом за более длительный период и вовсе наблюдается снижение

значений данного показателя: с 5,06 в 1999 году до 3,5 в 2016 году. Одной из причин этого может быть некоторая трансформация бизнеса компании, увеличение товаров первого и второго переделов в общем объеме ее продукции и снижение доли продукции глубокой переработки.

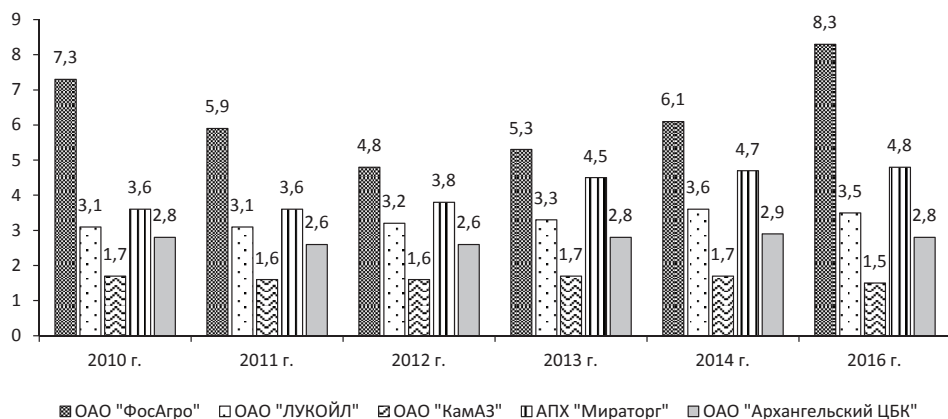

Рисунок 33. Мультипликатор добавленной стоимости крупнейших отечественных вертикально интегрированных компаний

Относительно невысокие значения мультипликатора в ОАО «КамАЗ» по сравнению с зарубежными компаниями-аналогами (например, в Daimler – 2,0-2,5) могут свидетельствовать о том, что существуют потенциальные возможности к дальнейшему формированию единой технологической цепочки производства, полному обеспечению хозяйственной деятельности компании материалами и комплектующими высокого качества и собственного производства. Именно формирование вертикально интегрированной структуры полного цикла, на наш взгляд, позволит повысить конкурентоспособность компании за счет оптимизации издержек производства.

Повышению конкурентоспособности ОАО «Архангельский ЦБК» будет способствовать дальнейшее развитие производства и организация выпуска продукции еще более высоких переделов, т.е. осуществление интеграции «вперед» (например, организация производства мелованной бумаги и других товаров с высокой добавленной стоимостью).

В целом следует отметить, что значение мультипликатора добавленной стоимости в среднем по экономике России значительно ниже уровня развитых стран мира. Так, по расчетам С.С. Губанова и других исследова-

телей, это значение в нашей стране составляет около 1,3-1,5, а в Соединенных Штатах Америки – 12,8, других развитых странах мира – 11-13 единиц [78].

Данные цифры свидетельствуют о том, что основные технологические цепочки в экономике России в настоящее время разрушены и ее основу составляют большое количество дезинтегрированных хозяйствующих субъектов, производящих в рамках одного предприятия продукцию лишь нескольких переделов. Объем российских высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью ограничен, и они являются неконкурентоспособными на мировых рынках по сравнению с продукцией крупнейших ТНК, производящих аналогичную продукцию.

Причиной такого положения дел является прежде всего то, что западные вертикально интегрированные компании образовывались под воздействием рыночных сил, отвечая на запросы потребителя и регулирующих мер государства. Каждая из существующих компаний прошла через серию слияний и продаж своих дочерних структур, которые продолжают и в настоящее время. Многие же российские компании были созданы одномоментно в соответствии с президентскими и правительственными нормативными актами. В их составе объединились предприятия, десятилетиями функционировавшие в рамках различных министерств и ведомств в условиях централизованно планируемой, разобщенной в отраслевом отношении экономики. При этом набор объединяемых предприятий далеко не всегда имел достаточно содержательное обоснование. Поэтому проблема их взаимодействия и превращения в единый экономический организм, одной из целей функционирования которого является получение оптимальной совокупности прибыли, пока еще не в полной мере решена.

Наряду с этим в деятельности российских ВИК существует целый ряд других проблем, которые ограничивают их положительное влияние на конкурентоспособность российской экономики в целом и могут существенно снизить их собственные конкурентные позиции в будущем.

Например, в деятельности российских ВИК в нефтяной сфере добыча превышает ввод в эксплуатацию новых месторождений. Рост чистой прибыли и выручки в большей степени обусловлен благоприятной ценовой конъюнктурой на рынке, а не расширением деятельности. У российских компаний запасы в несколько раз больше, чем у аналогичных структур в других странах. Это снижает мотивацию к инвестициям в геологоразведочные работы. По оценкам экспертов, на сегодняшний

день у российских нефтяных компаний в структуре стоимости одного барреля на геологоразведку приходится всего 1 %, в то время как у крупных западных – 5 %.

Основным экспортным товаром по-прежнему является сырая нефть, ее переработка же развивается более медленными темпами. Из-за низкой глубины переделов российские нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) загружены на 70–75 %, однако для мировой нефтепереработки из-за высокого спроса и цен на нефтепродукты сегодня характерна загрузка близкая к 100% (в Европе – 86%, в США – 92%). Таким образом, происходит вывоз из страны сырья, а высокая добавленная стоимость при этом не создается. Слабо работают механизмы вовлечения других компаний в бизнес (ВИК слабо способствуют развитию смежных отраслей), что могло бы быть при осуществлении нефтепереработки внутри РФ. Данные процессы способствовали бы и развитию машиностроения – производству оборудования для НПЗ, что позволило бы повысить занятость в стране, и вызвало бы потребность в квалифицированных кадрах, рабочих определенных специальностей, в научных разработках.

В структуре экспорта российской нефтепереработки преобладают относительно дешевые нефтепродукты, в том числе прямогонный бензин, вакуумный газойль, дизельное топливо низкого в сравнении с европейскими требованиями по содержанию серы качества, а также топочный мазут, базовые масла. Доля товарных нефтепродуктов с высокой добавленной стоимостью крайне мала.

Аналогичные проблемы характерны и для ВИК других отраслей отечественной экономики.

Поэтому важной задачей для федеральных и региональных органов власти является осуществление трансформационных преобразований в экономике страны путем ликвидации ее дезинтегрированности и восстановления технологических цепочек добавленной стоимости в приоритетных отраслях народного хозяйства, поскольку лишь в этом случае удастся осуществить реальное перевооружение отечественной промышленности, провести ее неиндустриализацию на основе инноваций. В этой связи необходимо формирование и развитие в приоритетных отраслях экономики России вертикально интегрированных структур. При этом в отношении данных компаний должна быть принята соответствующая законодательная база, регламентирующая отношения с органами власти, бюджетной системой и т.п.

ГЛАВА 3

ОРГАНИЗАЦИЯ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

3.1. Совершенствование промышленной политики в контексте новой индустриализации

Преодоление технической отсталости, обеспечение опережающих темпов экономического роста, повышение производительности труда, модернизация производственного аппарата страны, внедрение цифровых технологий являются крайне актуальными задачами, стоящими перед Россией. В таких условиях возрастает роль промышленности как катализатора научно-технического прогресса и драйвера общественного развития, однако сложившаяся в настоящее время макроэкономическая ситуация в стране не способствует раскрытию фундаментальных функций индустриального сектора, препятствует уверенному освоению новейших технологических укладов, ведет к деиндустриализации.

Новая индустриализация и переход России на путь устойчивого развития в современных условиях зависят от скорости изменения структуры промышленного производства, создания условий для ухода от сырьевой модели экономики к модели, базис которой составляют производства с высокой добавленной стоимостью. Фактором экономического роста в следующие годы будет модернизация традиционных отраслей промышленности и развитие новых технологических сегментов. Вместе с тем неустойчивое положение производственного сегмента вкупе с исчерпанием потенциала роста сырьевых отраслей, действием ряда дестабилизирующих мировую конъюнктуру факторов, негативными тенденциями экономического развития страны создают определенные преграды на этом пути.

Промышленность как основа народного хозяйства должна выступать одним из главных объектов государственного управления, поэтому для обеспечения ее развития, формирования инновационного облика в первую очередь необходима модернизация действующих форм, методов и инструментов регулирования. Сейчас можно резюмировать, что в этом направлении на государственном уровне реализуется широкий комплекс мероприятий, предусматривающих разработку новых инструментов и институтов стимулирования промышленного производства. Однако для полного преодоления тенденций деиндустриализации, развития технологически емких секторов экономики этого по-прежнему недостаточно.

В контексте новой индустриализации требует пристального внимания со стороны органов власти раскрытие имеющегося промышленного потенциала и его преумножение на основе новейших технологических укладов, а также возвращение собственного высокотехнологичного сектора, обеспеченного соответствующей ему технологической базой и конечным спросом.

Этим задачам не в полной мере способствует современная промышленная политика России, которая апеллирует к созданию благоприятных условий для индустриального сегмента, но организации действительных процессов уделяет мало внимания. Так, на вопросы становления конкурентоспособной, устойчивой, сбалансированной промышленности, способной к постоянному саморазвитию за счет инновационной составляющей, Федеральный закон № 488 «О промышленной политике в Российской Федерации» отвечает рядом приоритетных государственных направлений:

- создание и развитие современной промышленной инфраструктуры, поддержка промышленных видов деятельности;
- обеспечение более выгодных условий осуществления промышленной деятельности по сравнению с условиями функционирования на территории иностранных государств;
- стимулирование промышленности к проведению НИОКР и внедрению их результатов, освоению инновационных методов производства;
- создание условий для наращивания объема выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью;
- поддержка мероприятий технологического перевооружения промышленных предприятий и модернизации основных фондов.

Реализация этих направлений осуществляется за счет предоставления промышленным предприятиям преференций различного рода, оказания поддержки научно-технической, инновационной и внешнеэкономической деятельности, финансовой и информационно-консультационной поддержки, а также содействия развитию кадрового потенциала.

Однако, если обратить внимание на статистическую картину, можно обнаружить, что с момента вступления в силу закона «О промышленной политике» значительных изменений в промышленности не произошло. Как и раньше, имеет место недостаточная инвестиционная и инновационная составляющая роста, развитие сопровождается инертными кризисными явлениями, положительные изменения показателей деятельности предприятий в большинстве случаев отсутствуют. Таким образом, регламентируемая помощь субъектам промышленной деятельности на практике почти не находит своего адресата.

Этот вывод подтверждают результаты исследования российских предприятий реального сектора, проведенного Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН в ноябре–декабре 2017 года. Из них следует, что поддержка бизнеса на региональном уровне носит достаточно скромные масштабы, что говорит о сложной обстановке в экономике. Респонденты преимущественно оценили помощь со стороны государства как близкую к нулю или незначительную [27].

Результаты опроса Вологодского научного центра РАН показывают схожую картину: актуальной проблемой экономической политики на региональном уровне является невысокая результативность диалога между органами власти и промышленными предприятиями. Так, треть респондентов (29,6%) оценила качество такого взаимодействия как низкое, чуть большая доля (31,5%) – среднее, остальные участники исследования (38,9%) – достаточно высокое. Средний результат составил 6,2 балла (табл. 30).

Таблица 30. **Результативность региональной промышленной политики,**
% от числа ответивших

Оценка результативности взаимодействия между органами власти и промышленными предприятиями		Оценка региональной экономической политики в отношении промышленных предприятий	
1–4 балла	29,6	Считаю правильной	53,7
5–7 баллов	31,5	Считаю неправильной	22,2
8–10 баллов	38,9	Затрудняюсь ответить	24,1

Положительный момент заключается в том, что, несмотря на невысокий уровень поддержки со стороны региональной власти, экономическая политика развивается в правильном направлении, о чем говорят ответы 53,7% респондентов. Впрочем, высока доля и тех, кто считает применяемые методы управления промышленностью неверными (22,2%) или не имеет четкого представления об их содержании и эффективности (24,1%). В целях улучшения ситуации, совершенствования экономической политики большинство респондентов считают целесообразным проводить регулярное обсуждение проблем в индустриальном сегменте совместно с уполномоченными представителями органов власти.

Для проведения новой индустриализации в России необходима разработка целенаправленной долгосрочной государственной политики, ставящей своим приоритетом не только создание благоприятных условий для экономического роста, но и формирующей конкретный управленческий импульс по части развития высокотехнологичных видов деятельности в стране, скрупулезно выводящей идею о технико-технологическом превосходстве экономики и ее цифровизации в абсолют. Иными словами, новая индустриализация должна иметь соответствующее ей институциональное обеспечение, которого в настоящее время в стране не наблюдается. Справедливости ради, необходимо отметить, что определенная активизация работ в этом направлении на государственном уровне имеется.

В частности, большую роль в развитии промышленности, становлении высокотехнологичного сектора, активизации НИОКР играет ряд фундаментальных государственных программ. Среди наиболее принципиальных для российской индустрии можно назвать такие, как «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Цифровая экономика Российской Федерации», в содержании которых отражен широкий перечень инструментов поддержки и стимулирования промышленной деятельности и научно-технологического развития в целом.

Впрочем, экспертная среда сходится во мнении, что принимаемых мер недостаточно для преодоления тенденций деиндустриализации и осуществления перехода к развитию промышленных и наукоемких секторов экономики. Не преуменьшая важности предлагаемых инструментов и институтов поддержки, можно предположить, что причины сложившейся ситуации видятся преимущественно в недостаточной организационной составляющей экономических процессов, которым уделено основное внимание в данных программных документах.

Перспективы развития российской промышленности, раскрытия научно-технического потенциала, преодоления тенденций деиндустриализации во многом видятся в активизации государственных мер поддержки производственной деятельности, увеличении их содержательной части. Отдельное внимание должно быть уделено следующим направлениям:

1. Обеспечение субъектам промышленной деятельности со стороны государства льготных условий функционирования, предоставление субсидий, инвестиционных кредитов для реализации перспективных проектов технологического развития и освоения инновационных разработок. В контексте развития кадрового потенциала необходимы гранты для образовательных учреждений, осуществляющих подготовку высококвалифицированных специалистов для инновационно активных отраслей экономики.

2. Совершенствование законодательства в области регулирования налоговой политики и снижение административной нагрузки. В первую очередь, следует апеллировать к активизации практики предоставления налоговых льгот, сокращению количества и конкретизации обязательных требований к промышленным предприятиям, уменьшению количества процедур проверки. Воздействие на промышленный сектор со стороны государства должно быть направлено не только на создание благоприятных условий функционирования для крепко стоящих на ногах субъектов промышленной деятельности, но и на повышение его привлекательности для новых участников рынка.

3. Усиление степени взаимодействия между государством, промышленными предприятиями и научно-образовательными учреждениями в целях повышения качества подготовки специалистов для промышленности и увеличения количества выпускников для инновационно активных отраслей экономики. При этом восстановление развернутой системы подготовки профессиональных рабочих, расширение практики обучения непосредственно на мощностях действующих промышленных предприятий, обновление материально-технической базы учебных заведений.

Необходимы предоставление реальному сектору возможности участвовать совместно с органами власти в разработке мероприятий по стимулированию экономического роста, упрощение административных процедур регулирования предпринимательской деятельности, устранение избыточной роли государства в сфере лицензирования, контроля, серти-

фикации выпускаемой продукции. В рамках мероприятий, обеспечивающих раскрытие научно-технического потенциала, к перспективным направлениям можно отнести:

- формирование цепочек вертикальной интеграции добывающих и обрабатывающих производств, что будет способствовать повышению мультипликатора добавленной стоимости;
- упрощение доступа предприятий к энергосетям за счет открытия информации о свободных мощностях и установления доступных фиксированных цен для присоединения к ним;
- предоставление промышленным предприятиям преференций при выкупе арендуемого имущества, а также снижение ставок по аренде нежилых помещений и земельных участков, находящихся в региональной и муниципальной собственности;
- регламентация процедур закупок, осуществляемых субъектами естественных монополий и государственными корпорациями, с установлением преференций для поставщиков российской наукоемкой продукции;
- субсидирование процентной ставки по отдельным видам инвестиционных кредитов, привлекаемых в промышленности.

Ожидания от реализации предложенного комплекса мер связаны прежде всего с подъемом обрабатывающих отраслей промышленности, развитием высокотехнологичных производств, становлением конкурентоспособного российского наукоемкого сегмента. Значимость таких позитивных изменений для отечественной экономики сложно переоценить, поскольку промышленность в ее технико-технологическом многообразии способствует увеличению доходной части бюджетов различных уровней, стимулирует инвестиционную активность, создает новые рабочие места, повышая занятость населения.

Необходимость развития отраслей промышленности подтверждают значения коэффициента полных затрат, который характеризует полные затраты продукции одной отрасли, приходящиеся на производство единицы продукции других отраслей. Чем выше значение данного показателя, тем большим экономическим эффектом для экономики обладает отрасль.

Как показывают данные авторских расчетов, значение коэффициента полных затрат для обрабатывающих производств и предприятий, осуществляющих производство и распределение электроэнергии, газа и

воды, имеет максимальный для российской экономики эффект – 2,55 и 2,52 рубля на 1 рубль произведенной продукции соответственно, что делает эти виды деятельности мощным драйвером экономического развития (рис. 34).

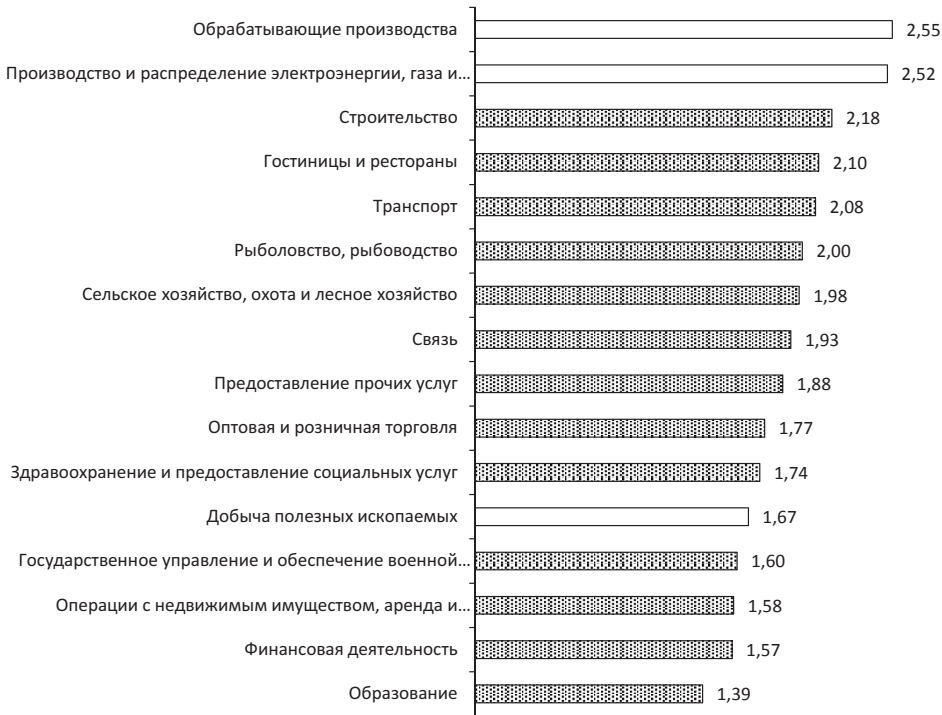

Рисунок 34. Коэффициенты полных затрат по видам экономической деятельности в России, рублей на 1 рубль продукции

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики.

Проведение новой индустриализации будет способствовать повышению спроса на продукцию машиностроения. Предположим, в результате реализации предложенных выше мер, осуществления крупных инвестиционных проектов в стране, развития производственной и инновационной инфраструктуры возрастает спрос на продукцию российского машиностроения. Для наглядности зафиксируем увеличение внутреннего спроса на номенклатуру отрасли на уровне 10%. В этом случае можно будет наблюдать прирост основных показателей по всем видам экономической деятельности.

В целом по экономике России активизация машиностроительных отраслей обеспечит прирост валового выпуска продукции на 708,5 млрд. руб., численность занятых увеличится на 277,4 тыс. человек, фонд заработной платы – на 113,9 млн. руб. (табл. 31).

Таблица 31. Прирост основных экономических показателей по видам экономической деятельности в результате увеличения производства продукции машиностроения на 10%

Вид экономической деятельности	Валовой выпуск продукции, млн. руб.	Численность занятых, чел.	Фонд заработной платы, млн. руб.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	11456	12092	2,862
Рыболовство, рыбоводство	402	163	0,091
Добыча полезных ископаемых	19543	1928	1,474
Обрабатывающие производства (без машиностроения)	112385	25262	8,970
Машиностроение	396487	166013	70,096
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	23777	6296	2,785
Строительство	5074	2902	1,043
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	47054	30051	9,717
Гостиницы и рестораны	905	848	0,186
Транспорт	29695	8680	4,537
Связь	1448	1697	0,667
Финансовая деятельность	13894	4513	3,795
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	43130	13639	6,516
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	1183	537	0,270
Образование	351	831	0,269
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	267	289	0,098
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1462	1703	0,615
В целом по экономике	708513	277444	113,991
Примечание. Под эффектом понимается прирост валового выпуска, численности работников и фонда оплаты труда в соответствующих видах экономической деятельности. Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики.			

Таким образом, произведенные расчеты показывают, что увеличение спроса на продукцию обрабатывающих отраслей российской промышленности оказывает колоссальное влияние на подъем всего народного хозяйства страны. Десятипроцентное увеличение спроса на продукцию

только трех основных машиностроительных производств активизирует рост экономики примерно на 1%. Прирост по другим фундаментальным отраслям промышленности вкупе со становлением непроеизводящих отраслей народного хозяйства как раз обеспечит необходимый темп роста отечественной экономики в размере 3,5–4% в год [56].

Существенная проблема кроется в том, каким образом организовать реальный прирост производственных показателей, за счет чего создать спрос на отечественную продукцию и стимулировать появление высокотехнологичных производств, когда на внутреннем рынке в изобилии представлена инновационная импортная номенклатура. Новая индустриализация, не обеспеченная устойчивым спросом, видится сложноосуществимой.

На этот вопрос в экспертной среде с давних пор есть непопулярный на государственном уровне ответ: необходима реализация политики поддержки своих товаропроизводителей, должны быть определенные гарантии, что результат их научно-исследовательских и опытно-конструкторских изысканий будет востребован как минимум внутри страны. До тех пор пока такая политика отсутствует, говорить о значительной активизации национальной промышленности, как показывает исторический срез, не приходится. Возможна лишь минимизация потерь за счет создания благоприятных условий деятельности.

В свете этого большое влияние на народное хозяйство страны должно оказать формирование вертикально интегрированных структур в приоритетных секторах экономики. Вкупе с реализацией мероприятий по улучшению условий функционирования предприятий реального сектора этот инструмент экономической политики позволит вовлечь в процесс новой индустриализации максимальное число субъектов предпринимательства и вместе с тем создать основу для повышения спроса на продукцию более мелких игроков рынка.

3.2. Управление формированием и развитием вертикально интегрированных структур в приоритетных секторах экономики

Управление процессами формирования и развития вертикально интегрированных структур в приоритетных отраслях отечественной экономики является в настоящее время крайне важной не только научной, но и практической задачей. На ее актуальность неоднократно указывал и

Президент РФ В.В. Путин в своих статьях и выступлениях¹⁶. Причем формирование данных структур должно строиться на научно обоснованных принципах с учетом существующей мировой практики.

Учет зарубежного и отечественного опыта свидетельствует о том, что вертикально интегрированные структуры создаются в основном на трех уровнях корпоративной иерархии управления с распределением полномочий следующим образом:

а) корпоративный центр (управление капиталом, распределение ресурсов, формирование портфеля проектов и стратегии развития);

б) управляющие компании, функционирующие на разных сегментах рынка и осуществляющие управление отдельными бизнес-процессами, производством и распределением ресурсов;

в) производственные и сервисные компании.

При этом каждая организация подконтрольна предыдущей.

Существующая практика свидетельствует о том, что рост и развитие компании обычно включает в себя три основных этапа:

1) концентрация на одном бизнесе в рамках местного, регионального или национального рынка;

2) вертикальная интеграция и/или глобальная экспансия к сильнейшей позиции в ключевом бизнесе;

3) диверсификация путем осуществления вложения свободных ресурсов в другие виды бизнеса.

Поэтому одним из ключевых направлений повышения конкурентоспособности хозяйствующего субъекта является ориентир на стратегию вертикальной интеграции. Обеспечение реализации потенциала данной интеграции предполагает, чтобы:

– *во-первых*, непосредственно образование интегрированных структур было направлено на формирование эффекта скоординированной деятельности;

– *во-вторых*, отбор потенциальных участников объединения происходил на основании анализа, позволяющего определить роль каждого из них в процессе достижения единых целей и оценить потенциальные преимущества и недостатки формирующейся группы.

¹⁶ «Именно приоритетами промышленной политики были продиктованы наши действия по созданию крупных госкорпораций и вертикально интегрированных холдингов... Цель была – остановить развал интеллектуальных отраслей нашей промышленности, сохранить научный и производственный потенциал за счет консолидации ресурсов и централизации управления». Источник: Путин В. О наших экономических задачах // Газета «Ведомости». 2012. №15 (3029). 30.01.

В связи с этим созданию вертикально интегрированной структуры должно предшествовать проведение анализа потенциальной эффективности вертикальной интеграции в соответствующей отрасли и определение наиболее предпочтительных для включения в интегрированную структуру предприятий.

Чтобы реализовать возможности интеграции, нужен соответствующий уровень развития менеджмента и системы управления, использующие современные достижения науки и практики и опирающиеся на следующие принципы:

- научная и экономическая целесообразность, обоснованность создания интегрированной компании; при принятии решения об интегрированном объединении важно провести предварительную работу по определению предполагаемого экономического эффекта от объединения;
- вертикально интегрированные образования следует рассматривать как целостные производственные системы, а отдельные предприятия – в качестве их взаимосвязанных частей;
- основой деятельности призвана выступить единая интегрированная технология, комплементарно объединяющая все предприятия по цепочке создания стоимости;
- должна быть реализована инвестиционная политика, учитывающая приоритеты интегрированного образования в целом, а не отдельных участников;
- планирование деятельности участников интегрированного объединения должно осуществляться исходя из конечного результата (программы продаж последнего звена в цепочке);
- реализацию стратегических задач и координацию текущей деятельности участников интеграции целесообразно осуществлять в рамках централизованного корпоративного управления;
- интеграция призвана обеспечить необходимую концентрацию капитала, технического и ресурсного оснащения участников интегрированных объединений для реализации заданной производственной программы;
- при принятии решений в отношении рынков сбыта или иных областей деятельности необходимо проводить серьезную аналитическую работу и использовать специально подготовленный инструментарий, адекватный возникающим ситуациям.

Цель создания вертикально интегрированного хозяйствующего субъекта – обеспечение эффективного решения производственной межотраслевой проблемы, т.е. организация межотраслевого, а иногда и межрегионального, междоугового взаимодействия совокупности элементов производительных сил, принадлежащих различным отраслям, но нацеленных на достижение единой стратегической цели.

Создание вертикально интегрированных компаний может происходить на различных уровнях:

а) *макроэкономический* – объединение предприятий различных отраслей экономики, связанных полным циклом производства продукции на уровне страны или экономического района;

б) *мезоэкономический* – вертикально интегрированная группа предприятий, расположенных на территории региона и объединенных технологической цепочкой производства продукции;

в) *микроэкономический* – предприятие, отдельные подразделения которого обрабатывают один и тот же продукт на различных стадиях производственного процесса.

Основной производственной ячейкой вертикально интегрированных компаний являются промышленные предприятия. Специализация таких объединений может быть разной, поскольку они представляют собой сочетание предприятий нескольких отраслей.

При этом в ходе создания вертикально интегрированных структур возможны два варианта:

а) предприятие создает «с нуля» или приобретает уже готовое производство сырья, используемого для дальнейшего выпуска собственной продукции (вертикальная интеграция «назад», или обратная), такой тип позволяет предприятию ослабить свою зависимость от внешних поставщиков;

б) приобретение (или освоение) производств, связанных с более глубокой переработкой продукции, выпускаемой предприятием, либо приобретение сбытовых организаций, осуществляющих реализацию конечному потребителю продукции, выпускаемой предприятием (вертикальная интеграция «вперед»).

Управление процессом формирования вертикально интегрированных структур требует использования методов и форм программно-целевого управления, при котором вся совокупность объектов, участвующих в создании объединения предприятий, будет рассматриваться в качестве единого объекта с общей задачей функционирования.

Применительно к интегрированной структуре целесообразно изменить подходы к ценообразованию – в организации взаимодействия между участниками интеграции необходимо использовать *трансфертные цены*. Трансфертная цена (внутренняя цена) – это цена продукта или услуги, по которой одно подразделение (участок, цех, дивизион и т.д.) поставляет его другому подразделению той же организации.

Продукция поставляется «потребителю» по трансфертным ценам ниже рыночных, а возмещение «поставщику» разницы стоимости продукции (между рыночной и трансфертной ценой) происходит позже из выручки «потребителя» с определенной премией. Размер премии согласует экономические интересы участников и не позволяет нарушать договорные условия [36].

Именно благодаря такому механизму формирования цен вертикальная интеграция обеспечивает свои преимущества. Трансфертные цены позволяют ограничить извлечение прибыли из промежуточных стадий при производстве конечного продукта. Однако следует отметить, что на практике его использованию препятствует несовершенная нормативная база в области регулирования деятельности холдингов. В соответствии с действующим законодательством сделки между подразделениями одного холдинга зачастую приравниваются к сделкам, совершаемым независимыми участниками. Следовательно, практически одинаково реализуется ценовое и налоговое регулирование, снижающее возможности потенциальных положительных эффектов.

Важным этапом при управлении процессами формирования вертикально интегрированных структур является оценка преимуществ от подобного рода объединения. На рисунке 35 представлен подход к проведению такой оценки, отражающий взаимосвязь между основными параметрами, необходимыми для определения экономического состояния хозяйствующего объекта, и его инвестиционными возможностями.

При этом предполагается использование расчетных коэффициентов в том случае, если наблюдается их значительный рост после вертикального интегрирования в структуру. При противоречивых значениях данных индикаторов необходимо сравнить анализ устойчивости вертикального интегрированного предприятия до и после процесса слияния. Рассмотренные показатели дают возможность оценить отдельные стороны деятельности структуры и составляющих промышленных структур.

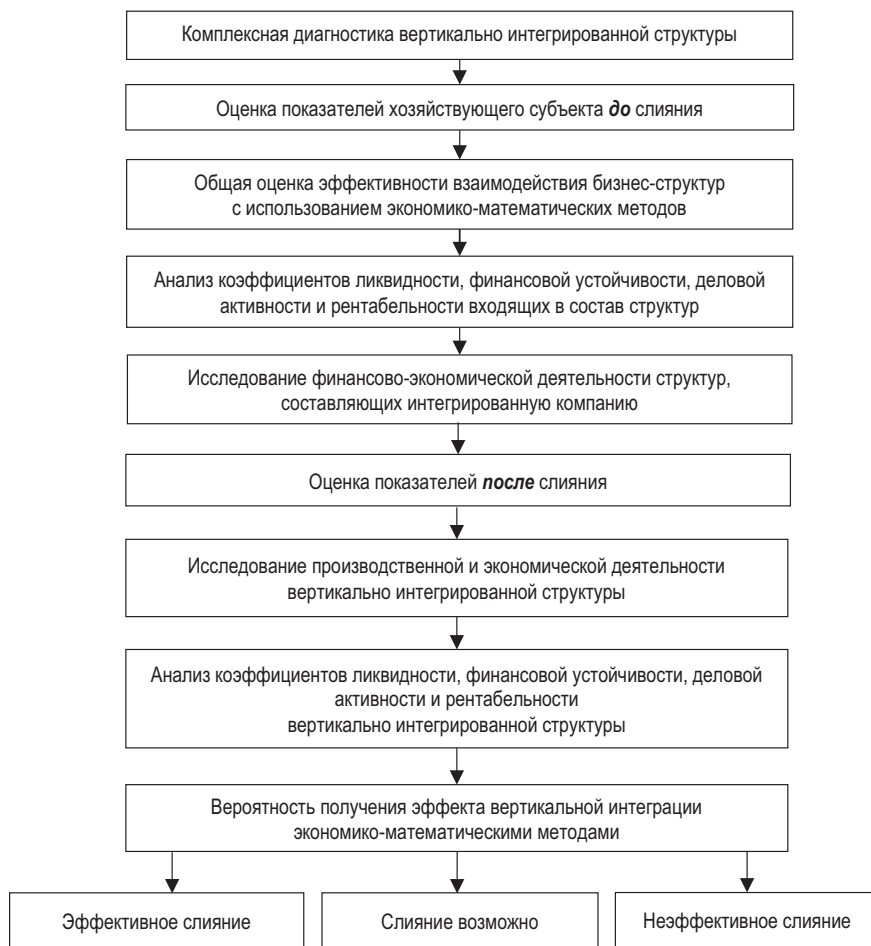

Рисунок 35. Оценка финансово-экономического состояния вертикально интегрированной структуры и входящих в ее состав элементов [4]

Подлежат определенной адаптации и *подходы к управлению совокупными финансовыми потоками*. Наряду с необходимостью оценки финансовой деятельности отдельного предприятия в условиях интеграции при принятии решений возникает задача проведения консолидированного анализа деятельности всего объединения. Это также требует разработки необходимого инструментария.

Непосредственно сам процесс создания вертикально интегрированной компании включает в себя *четыре этапа* (табл. 32).

Таблица 32. **Основные этапы формирования вертикально интегрированной хозяйствующей структуры** [30]

Этап	Основные процедуры
1 этап. Подготовка к разработке проекта формирования интегрированной компании	Анализ вариантов стратегического развития отрасли. Обоснование интеграции как основного направления развития производства. Формирование проектной группы. Разработка, согласование и утверждение плана формирования интегрированной компании. Принятие решения о формировании вертикально интегрированной компании советом директоров и согласование этого с региональными органами власти.
2 этап. Разработка вариантов развития интегрированной компании с точки зрения состава ее участников	Обоснование вариантов развития интегрированной компании по составу участников. Расчет финансово-экономических показателей интегрированной компании. Выявление рисков формирования и развития интегрированной компании и обоснование инструментов их регулирования и минимизации. Расчет эффекта синергии и ранжирование вариантов с точки зрения их корпоративной и общественной эффективности.
3 этап. Организация работы интегрированной компании на начальном этапе	Мониторинг, контроль и анализ деятельности интегрированной структуры. Анализ изменения финансово-экономического положения вертикально интегрированной компании. Обсуждение и принятие рекомендаций относительно планов развития отдельных направлений деятельности интегрированной компании на совете директоров.
4 этап. Разработка и реализация плана развития интегрированной компании	Разработка инвестиционной программы развития вертикально интегрированной по производству продукции, включающей портфель инвестиционных проектов. Мониторинг реализации инвестиционной программы. Проведение анализа ее эффективности, разработка управленческих решений по ее корректировке.

Формирование вертикально интегрированной предпринимательской структуры не может опираться только на количественные показатели целей, поскольку развитие предполагает учет неформализуемых характеристик (агентских конфликтов, качества персонала, корпоративной культуры и др.), а процесс генерации вариантов стратегического развития и их анализа всегда связан с необходимостью учета совокупности креативных суждений специалистов.

Системное использование количественно измеряемых критериев эффективности, основанных на стоимости бизнеса, и совокупности качественных характеристик стратегии интегрированной компании обеспечивают обоснованность управленческих решений по ее формированию и ключевым направлениям развития.

Для эффективного управления процессами создания вертикально интегрированных объединений предприятий необходимо оценить условия реализации интеграции в регионе и определить меры государственного воздействия на формирование интеграционного образования [18].

В связи с этим крайне важным является изучение зарубежного опыта государственного управления формированием и развитием крупных вертикально интегрированных структур в национальных экономиках.

Богатый опыт создания и функционирования интегрированных структур характерен для Японии, Южной Кореи, Китая, США, стран Евросоюза и др. Каждая из этих стран характеризуется своими особенностями формирования данных компаний.

В целях создания благоприятных условий для развития вертикально интегрированных структур органами власти Германии широко используется ряд инструментов, а именно: *выкуп государством акций у частных акционерных компаний, освобождение от уплаты налогов предприятий, входящих в интегрированное объединение, выпуск государственных облигаций участниками*. При этом данным структурам предоставлена возможность самостоятельной разработки рыночной стратегии.

Основной формой интегрированных структур в Италии является концерн, созданный большим числом предприятий под контролем головных фирм холдингового типа через многоуровневое участие владением акций участников образований [64].

Для Франции также характерна высокая степень участия государства в экономике. Оно инвестирует в НИОКР, стимулирует хозяйствующие субъекты к интеграции с использованием экономических инструментов и путем осуществления институциональных преобразований.

Формирование и развитие интегрированных структур в Японии происходило с использованием инструментов программирования, планирования в области государственной политики, направленной на изменение структуры народного хозяйства в целях сглаживания сложившихся диспропорций между отраслями, что обеспечивало сбалансированное и устойчивое экономическое развитие. Процесс создания вертикально интегрированных компаний характеризовался высокой степенью координации действий всех участников, входящих в интегрированную структуру, и применением для этого механизмов государственно-частного партнерства, широким использованием государственных кредитов.

Важную роль при этом играют налогообложение корпораций, налоговые и финансовые льготы, призванные воздействовать на технологическую структуру инвестиций, поощрение вложения средств в строго определенные виды активов, разработка новейших технологий, которые в наибольшей степени способствуют укреплению технической базы экономики, осуществлению ее структурной перестройки.

Среди интегрированных структур Южной Кореи заметное место занимают *чеболи* – многопрофильные экспортоориентированные холдинги. Для них характерна высокая степень концентрации производства и капитала, значительная доля государства в их создании и обеспечении функционирования.

При формировании данных компаний органами власти используется комплекс инструментов, направленных на стимулирование изменения структуры обрабатывающей промышленности в ходе индустриализации, усиление внутри- и межотраслевых производственных связей:

- прямое их финансирование через государственные банки;
- предоставление льготных банковских кредитов и государственных субсидий;
- формирование отраслевых пропорций государством, ориентирующим деятельность на централизованное планирование;
- регулирование государством конкуренции в приоритетных отраслях, сопровождаемое принуждением к объединению предприятий с частным капиталом или уходу их с данного рынка;
- создание научно-производственных парков, НИИ, в разработках которых участвовали предприятия ведущих отраслей [61].

Правительство Китая за счет субсидий, налогов и льгот стимулирует осуществление структурных изменений и технологических преобразований, определяет новые векторы развития приоритетных отраслей промышленности, используя стратегию сравнительных преимуществ, ориентируя производство на экспорт¹⁷. Основные направления экономической политики в стране были направлены на создание сектора крупного механизированного производства под протекторатом государства и подчинение его директивным методам управления¹⁸.

В мире вертикальные интеграционные процессы активно развиваются в сфере нефтедобычи и переработки нефти. Так, с 70-х гг. XX века для обеспечения собственной потребности в нефтепродуктах, а затем и с целью выхода на внешние рынки Саудовская Аравия и многие другие страны-производители начали строить нефтеперерабатывающие и нефтехимиче-

¹⁷ Логинов Л.Н., Филимонов П.И. Особый путь развития Китая: (краткий обзор): монография. М., 2007. 111 с.

¹⁸ Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996–2050 гг.) / отв. ред. М.Л. Титаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 200 с.

ские заводы. В 80-е годы они разнообразили свою политику, приобретая материальные и финансовые активы нефтеперерабатывающих производств и сбытовых компаний на территории стран-потребителей нефти в Северной Америке и Западной Европе.

В данном случае процесс вертикальной интеграции развивался в направлении от разведки и добычи нефти к сферам ее переработки и маркетинга продукции. Важнейшими предпосылками такого процесса можно считать стремление овладеть рынками конечного спроса и конкуренцию в сфере нефтедобычи в условиях достаточно насыщенного рынка и снижающейся эффективности инвестиций в освоение новых нефтяных ресурсов.

Другой пример интеграции можно увидеть в нефтяных компаниях стран Западной Европы. Так, во Франции и Италии мощный государственный сектор в нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, сформировавшийся еще в 50-е годы, находился в сильной зависимости от поставок со стороны крупнейших нефтяных компаний мира. Используя конкурентные противоречия между транснациональными нефтяными корпорациями и правительствами нефтедобывающих стран прежде всего в Северной Африке, европейские государственные и частные компании сумели вклиниться в сферу нефтедобычи на более приемлемых для стран-собственников ресурсов условиях.

Развитие интеграционного процесса в нефтяной промышленности происходило в различных формах, таких как:

- прямые инвестиции в создание новых объектов в сферах производства и сбыта;
- приобретение материальных и финансовых активов существующих компаний (слияние, поглощение и т. д.);
- реализация совместных проектов и образование совместных компаний [43].

Основные способы построения интеграционных образований на основе зарубежного опыта создания европейских вертикально интегрированных компаний и корпораций, холдингов, концернов (Франция, Италия, Германия, США, Великобритания, Китай, Япония, Южная Корея и др.) представлены на рисунке 36.

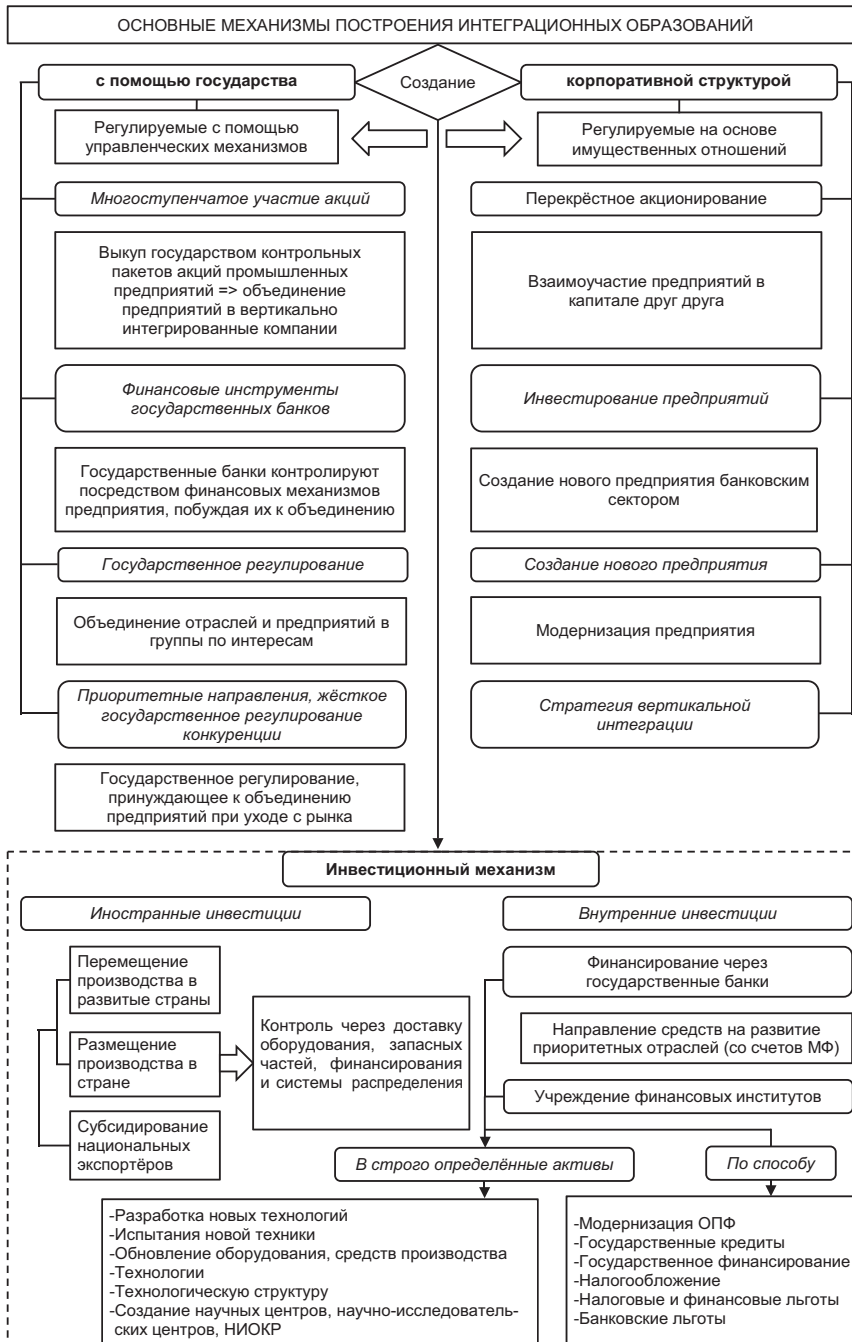

Рисунок 36. Направления и инструменты формирования вертикально интегрированных структур в экономике (обобщение мировой практики) [42]

Изучение опыта СССР также показало, что экономическая ситуация в стране того времени и директивные стратегические установки в сторону техноёмких производств, реконструкции и модернизации основных фондов способствовали становлению государственного сектора крупного механизированного производства. В то время были созданы крупные вертикально интегрированные объединения предприятий (ВИОП: производственно-территориальные, научно-производственные, производственно-технические). Данная форма интеграции предполагает объединение отраслей производства и сектора науки.

С началом распада СССР появилась тенденция к дезинтеграции производства – объединения предприятий стали распадаться на отдельные хозяйствующие субъекты, функционирующие в условиях рыночной экономики.

При этом ситуация в российской экономике в целом и промышленности в частности на протяжении двух последних десятилетий не претерпела качественных изменений. По-прежнему острыми остаются проблемы, обусловленные катастрофической изношенностью основных фондов, сокращением номенклатуры выпускаемой продукции, низкой производительностью труда. И уже очевидно, что прежняя парадигма промышленной политики, связанная с минимальным вмешательством государства и надеждой на то, что стихийный рынок и свободная конкуренция помогут справиться с этими проблемами, себя не оправдала. Назрела необходимость пересмотреть историю развития и функционирования отечественной экономики и существенно модернизировать хозяйственный механизм.

Однако Россия пока находится в самом начале пути по восстановлению промышленного потенциала, конкурентоспособности отечественной продукции и сохранения самой государственности. А базой для дальнейшего развития должны стать крупные индустриальные образования на основе вертикально интегрированной собственности.

При этом создание вертикально интегрированных объединений предприятий в России невозможно без соответствующей государственной политики, которая с помощью стимулирующих мер побуждала бы предприятия к образованию интеграционных образований.

Предпосылкой к формированию вертикально интегрированных структур в отраслях экономики России (машиностроение, лесопромышленный комплекс, АПК и т.д.) является наличие межотраслевых связей между производителями и переработчиками продукции на контрактной основе.

Формирование объединений предприятий может производиться *на макро-, мезо- и микроэкономическом уровне*, в том числе через реализацию федеральных и региональных программ. Именно это усложняет процесс управления при формировании вертикально интегрированных объединений предприятий.

Помимо органов власти, к управлению и контролю при формировании вертикально интегрированных объединений предприятий широко привлечены координационные и совещательные органы. Участие их необходимо не только в период научной и проектной подготовки, но и непосредственно на стадии создания.

Институциональные преобразования в области формирования интегрированных структур, направленные на формирование правовой и организационно-экономической среды в соответствии с целями и задачами экономической и промышленной политики, включают:

- упорядочение отношений собственности, в том числе создание механизмов быстрой концентрации производственных фондов в руках эффективных собственников, а также перераспределение в их пользу трудовых, материальных и финансовых ресурсов;
- правовое регулирование, направленное на разработку соответствующей нормативно-законодательной базы (законы «О промышленной политике», «О научно-технической политике», «Об инновационной политике» и др.);
- реформирование системы управления, проводимое как на макроуровне, так и на уровне отдельных территорий и отраслей, отдельных хозяйствующих субъектов;
- формирование новых организационно-хозяйственных структур, необходимых для решения задач повышения эффективности производства: производственно-коммерческих объединений (концернов, холдингов, финансово-промышленных групп), инновационных структур (технопарков, бизнес-инкубаторов), других форм объединений производителей и потребителей¹⁹.

В экономической науке и нормативно-правовых актах существует целый ряд различных концептуальных и методических подходов к оценке эффективности вертикальной интеграции (подход, основанный на теории

¹⁹ Островская Е.Н., Курочкина А.А. Условия формирования и классификация вертикально интегрированных объединений предприятий как объектов управления // Проблемы деятельности хозяйствующих субъектов современной России: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 17. СПб.: ООО «Студия «НП-Принт», 2012. С. 158-162.

транзакционных издержек, обеспечения конкурентных преимуществ; теории финансового менеджмента; расчет мультипликатора добавленной стоимости ВИС; Z-модель Алтмана и т.п.). Сложность выработки единой методологии связана с наличием целого ряда особенностей функционирования и этапов становления ВИС.

Как уже отмечалось ранее, формирование и развитие подобных структур требует наличия определенных объективных предпосылок для такого рода объединения. В этой связи созданию ВИС должно предшествовать проведение анализа потенциальной эффективности интеграции в отрасли и определение наиболее предпочтительных для включения в данную структуру предприятий. При этом возникает необходимость в анализе потенциальной устойчивости кооперационных связей между интегрируемыми предприятиями, рыночной концентрации в отрасли, возможной степени увеличения рыночной власти от такого объединения и т.п.

Проведем оценку целесообразности и эффективности вертикальной интеграции, используя данный инструментарий, на примере взаимодействия двух реально действующих в экономике России предприятий, которые мы условно назовем *ПАО «Стальное производство»* и *АО «Машиностроитель»*. Эти предприятия находятся на различных стадиях единой технологической цепочки, начинающейся от добычи и переработки сырья и заканчивающейся производством современной продукции машиностроения.

ПАО «Стальное производство» в своем производственном процессе соединяет два технологических передела:

I передел (дивизион «Стальное производство Ресурс») – добыча и первичная переработка природного сырья (добыча железистых кварцитов и коксующегося угля твердых марок; производство окатышей железной руды, железорудного концентрата; коксующегося и энергетического угля);

II передел (дивизион «Стальное производство Российская Сталь») – производство из данного сырья конечной продукции: стальной прокат, сортовой прокат, трубы большого диаметра и метизная продукция, атмосфероустойчивые автомобильные детали, заготовки для машиностроительной отрасли и т.п.

Ключевые клиенты ПАО «Стальное производство» на внутреннем рынке – строительные компании, трубопрокатные заводы, машиностроительные предприятия и производители автомобилей.

В свою очередь АО «Машиностроитель», в настоящее время являющееся одним из крупнейших предприятий в своем сегменте, занимается производством продукции машиностроения (*III передел*), в том числе наиболее современных ее типов (современные виды вооружения) и использует необходимое сырье для данных целей. Вместе с тем эта компания не обладает собственной производственной базой, достаточной для полного обеспечения технологического процесса комплектующими и иными агрегатами для сборки продукции машиностроения.

Таким образом, существуют объективные предпосылки для образования кооперационных связей между данными предприятиями. Степень потенциально возможного участия предприятия ПАО «Стальное производство» в едином технологическом процессе весьма значительна: 55% общего объема производимых корпорацией товаров составляет продукция с высокой добавленной стоимостью, в дальнейшем востребованная в машиностроении. То есть значения данного индикатора свидетельствуют о наличии высокого потенциала данного объединения. Текущие производственные возможности ПАО «Стальное производство» могут полностью покрыть потребность АО «Машиностроитель» в металле и комплектующих.

Кроме того, об эффективности интеграции свидетельствует *Z-модель Альтмана*, рассчитанная для каждого субъекта хозяйствования и описывающая финансовую устойчивость отдельно взятых предприятий до их слияния и устойчивость вертикально интегрированной компании после слияния.

В общем виде данная Z-модель имеет вид:

$$Z = 1,2 \times X_1 + 1,4 \times X_2 + 3,3 \times X_3 + 0,6 \times X_4 + 1,0 \times X_5; \quad (2)$$

где: X_1 – отношение рабочего капитала (разность между оборотными средствами и текущими (краткосрочными) обязательствами) к общим активам; X_2 – отношение накопленного капитала (та часть капитала корпорации, которая образовалась за счет нераспределенной прибыли прошлых лет) к общим активам; X_3 – отношение балансовой прибыли к общим активам; X_4 – отношение капитала корпорации к общему долгу; X_5 – отношение объема продаж к общим активам.

В результате расчета Z-показателя для конкретного предприятия делается заключение:

если $Z < 1,81$ – вероятность банкротства составляет от 80 до 100%;

если $Z = 1,81-2,77$ – средняя вероятность краха компании (от 35 до 50%);

если $Z = 2,77-2,99$ – вероятность банкротства невелика (от 15 до 20%);
если $Z > 2,99$ – ситуация на предприятии стабильна, риск неплатежеспособности в течение ближайших двух лет крайне мал.

Точность прогноза в этой модели на горизонте одного года составляет 95%, двух лет – 83%, что является ее несомненным достоинством.

Сравнение величин Z -модели до и после слияния позволяет сделать вывод об эффективности создания вертикально интегрированной компании. Если величина Z после слияния возросла по сравнению с величинами Z компаний до слияния, то интегрированная компания имеет большую финансовую устойчивость, чем отдельные компании.

Для АО «Машиностроитель» в 2017 году получено значение:

$$Z = 2,417.$$

Модель свидетельствует о неустойчивом финансовом состоянии компании и наличии средней вероятности ее банкротства в течение двух ближайших лет (на уровне от 35 до 50%). Полученные результаты подтверждает и практика: в настоящее время данная структура столкнулась с падением прибыли, увеличением кредиторской задолженности, необходимостью сокращения численности занятых и опасностью предъявления в суд требований со стороны кредитных организаций о признании компании банкротом.

Аналогичные расчеты для ПАО «Стальное производство» привели к следующему: $Z = 3,007$. Это свидетельствует о финансовой стабильности на предприятии.

Далее рассчитаем значение для проектируемой интегрированной структуры, полученной в результате слияния ПАО «Стальное производство» и АО «Машиностроитель». Как следует из проведенных расчетов, Z -значение подобной вертикально интегрированной структуры составляет 2,884, т.е. вероятность банкротства невысокая – на уровне 15-20%. При этом следует отметить тот факт, что в результате объединения машиностроительному сегменту удастся повысить финансовую устойчивость, тогда как в дивизионе добычи полезных ископаемых и производства продукции из металла она несколько снизится.

В этой связи крайне актуальной задачей на первом этапе становления новой вертикально интегрированной структуры является управление денежными потоками внутри нее и достижением финансовой стабильности.

О долгосрочной устойчивости новой ВИС и ее способности к дальнейшему развитию свидетельствуют значения рассчитанного нами мультипликатора добавленной стоимости. При его вычислении были сделаны следующие допущения: объем производственной мощности АО «Машиностроитель» был определен на текущем уровне. Соответственно, объем сырья и материалов, используемых на рассматриваемом этапе технологической цепочки, произведенных ПАО «Стальное производство», также был подкорректирован под данные потребности. Однако размер выручки, получаемой ПАО «Стальное производство», не корректировался с учетом применения трансфертных цен внутри подразделений новой интегрированной структуры по причине невозможности определения их обоснованного уровня. Полученные значения мультипликатора представлены на рисунке 37.

Рисунок 37. **Мультипликатор добавленной стоимости, созданной на базе ПАО «Стальное производство», АО «Машиностроитель» новой вертикально интегрированной структуры**

Примечательно, что значения мультипликатора добавленной стоимости созданной ВИС больше суммы значений данного показателя для входящих в ее состав элементов. Например, в 2017 году значение данного показателя для ПАО «Стальное производство» было 2,17, для АО «Машиностроитель» – 2,28 (сумма их равна 4,45), тогда как для вновь образованной компании – 5,46. В этом проявляется эффект синергии, характерный для подобных структур.

При этом следует отметить, что применение на практике трансфертных цен, увеличение производственных мощностей предприятий III технологического передела обеспечит еще большие значения мультипликатора добавленной стоимости.

О чем это свидетельствует? В первую очередь о том, что компания производит продукт с высокой добавленной стоимостью; повышается рентабельность бизнеса за счет оптимизации издержек производства; у предприятия появляется возможность эффективной борьбы с конкурентами на основе использования гибкого ценообразования; дополнительная прибыль может быть направлена на проведение модернизации, внедрение инновационных технологий и дальнейшее развитие производства. Кроме того, существует и целый ряд других неэкономических эффектов, которые позволяют компании быть конкурентоспособной и устойчиво развиваться в долгосрочной перспективе.

Таким образом, формирование единых технологических цепочек в экономике в форме вертикальной интеграции даст возможность консолидировать и рационально использовать ресурсы для решения важнейших проблем и устойчивого развития экономики страны в долгосрочной перспективе.

Формирование и развитие вертикально интегрированных компаний в экономике России предполагает необходимость разработки соответствующей государственной политики, которая с помощью стимулирующих мер побуждала бы предприятия к созданию интегрированных хозяйственных субъектов.

Основные методы построения интегрированных структур, выявленные на основе исследования зарубежного опыта (Франция, Италия, Германия, США, Великобритания, Китай, Япония, Южная Корея), включают в себя выкуп государством контрольных пакетов акций предприятий, финансовые инструменты (государственные банки контролируют предприятия посредством финансовых механизмов, стимулируя их к объединению), государственное регулирование (объединение отраслей и предприятий в группы по интересам), жесткое государственное регулирование конкуренции (государственное регулирование, принуждающее к объединению предприятий или уходу с рынка) и др.

Иными словами, процесс формирования и развития ВИС должен происходить при активной поддержке со стороны органов власти (прежде всего федеральных и региональных), направленной на создание благоприятных условий для повышения эффективности использования ресурсных возможностей хозяйствующих субъектов. Однако следует отметить, что в настоящее время в России не существует сформировавшейся государственной политики, способствующей активному развитию вертикальной интеграции в экономике.

На наш взгляд, государственная поддержка должна включать информационные и институциональные методы регулирования и мероприятия ресурсного характера как косвенного (льготное налогообложение), так и прямого воздействия (кредитование на льготных условиях, бюджетное финансирование эффективных и быстрокупаемых инвестиционных проектов и т.п.).

Меры экономического воздействия на хозяйствующие субъекты, стимулирующие их к объединению в рамках вертикально интегрированных структур, могут включать в себя следующие инструменты:

1. Инструменты бюджетной политики:

- предоставление из бюджета региона субсидий на компенсацию части процентной ставки по банковским кредитам;
- предоставление хозяйствующим субъектам бюджетных кредитов и осуществление прямых государственных инвестиций в развитие производства (в том числе в формате государственно-частного партнерства);
- предоставление государственных гарантий;
- содействие развитию ВИС на долевых началах с другими участниками.

2. Инструменты инвестиционной политики:

- предоставление инвестиционного налогового кредита;
- реструктуризация кредиторской задолженности хозяйствующих субъектов перед бюджетами всех уровней.

3. Инструменты налоговой политики:

- совершенствование налогового законодательства территории базирования интегрированной структуры;
- предоставление налоговых льгот (освобождение полностью или частично от уплаты налогов, снижение ставок; целевые льготы).

В целом управление процессами интеграции предполагает широкое использование методов и форм программно-целевого управления, при котором вся совокупность объектов, участвующих в формировании ВИС, будет рассматриваться в качестве единого объекта с общей задачей функционирования.

3.3. Финансовые ресурсы новой индустриализации

Решение задачи модернизации экономики сопряжено с увеличением абсолютной величины валового накопления и его доли в ВВП. Валовое накопление основного капитала в России в 2017 г. составляло 20 трлн. руб., норма накопления была равна 21,7% ВВП (табл. 33).

Таблица 33. **Использование ВВП России в 2017 г.**

Показатель	Трлн. руб.	Доля в ВВП, % *
ВВП	92,0	100,0
Расходы на конечное потребление	64,8	70,4
Конечное потребление домашних хозяйств	47,9	52,1
Конечное потребление гос. управления	16,5	17,9
Валовое сбережение	24,4	26,5
Валовое накопление	22,0	23,9
Валовое накопление основного капитала	20,0	21,7
Изменение запасов материальных оборотных средств	2,0	2,2
Чистое кредитование (+), чистое заимствование (-)	2,1	2,3
Чистый экспорт	5,0	5,4
Экспорт товаров и услуг	24,0	26,1
Импорт товаров и услуг	19,0	20,7
Чистый вывоз капитала	4,8	5,2
* Сумма показателей больше 100%.		
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.		

Динамика валового накопления и других элементов использования ВВП России (расходов на конечное потребление и чистого экспорта) представлена на рисунке 38. Согласно данным Росстата, валовое накопление основного капитала за 1995–2017 гг. в сопоставимых ценах увеличилось почти в 2 раза. Конечное потребление за тот же период выросло в 2,1 раза.

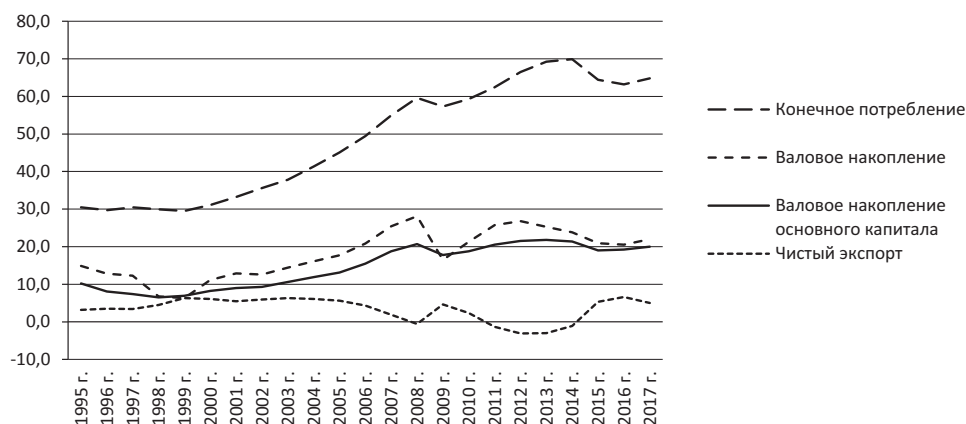

Рисунок 38. **Динамика элементов использования ВВП России в 1995–2017 гг.,**
трлн. руб. (в ценах 2017 г.)

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Существующая норма накопления в России находится на уровне индустриально развитых стран (США, Германии, Франции), однако уступает уровню развивающихся государств, проводящих активную технологическую модернизацию, – в Китае она превышает 40% ВВП, в Индии, Турции и Индонезии – 28% (рис. 39).

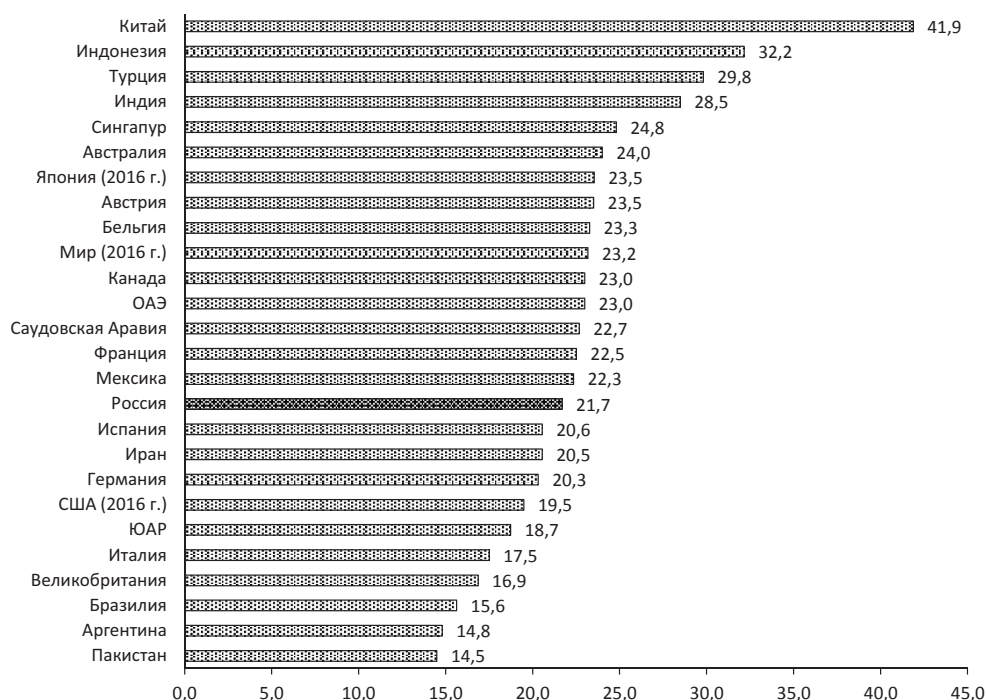

Рисунок 39. Валовое накопление основного капитала некоторых стран в 2017 г., % от ВВП

Источник: WorldBank.

Внутренний инвестиционный потенциал России уменьшается главным образом за счет чрезмерной величины чистого (т.е. за вычетом ввоза) вывоза капитала (за 1995–2016 гг. чистый вывоз капитала составил 54,7 трлн. руб., или 7,5% от ВВП за указанный период)²⁰.

²⁰ Заметим в связи со сказанным, что с экономической точки зрения сущность вывоза капитала не зависит от того, кем он осуществляется – частными собственниками или государством. Так, размещение валютных резервов ЦБ РФ в иностранные активы означает не что иное, как изъятие денежного капитала из внутреннего кругооборота и вывод его за рубеж.

Несмотря даже на понижающую динамику данного показателя (с 2000 по 2016 г. доля чистого вывоза капитала упала с 20 до 5% ВВП), его величина остается существенной (рис. 40). Позитивная динамика обусловлена в основном сокращением чистого кредитования других стран²¹ (в 2000 г. оно составляло 21,6% ВВП, в 2016 г. – лишь 2%); чистый вывоз капитала в форме капитальных и текущих трансфертов, а также доходов от собственности относительно стабилен – 2,5–3,5% ВВП.

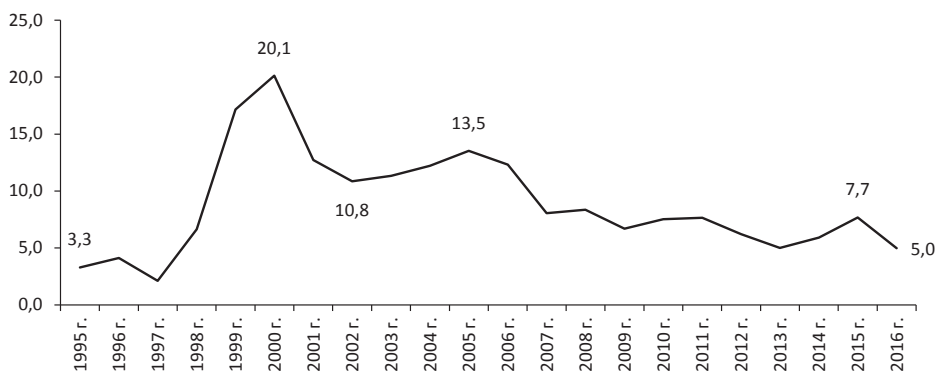

Рисунок 40. Чистый вывоз капитала по экономике России, % к ВВП

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Ранее (с 1998 по 2008 г.) для России было характерно крупное чистое кредитование других стран (до 3 трлн. руб. в год), что снижало валовое накопление на 10–15% от возможностей, вытекающих из объемов сбережений (рис. 41) [47]. В 2017 г. разница между валовым сбережением и валовым накоплением основного капитала составила 4,9% ВВП, или 4,5 трлн. рублей.

Такое значимое сокращение ресурсной базы внутреннего развития сказывается как на инвестиционной ситуации, так и на социальной. С одной стороны, наблюдается существенное недопотребление в сфере домашних хозяйств: они используют лишь 52% ВВП (в развитых странах – в среднем 60%). С другой стороны, экономика испытывает острое недоинвестирование: вместо нормы в 27–30% ВВП используется лишь 21%.

²¹ Превышение финансовых активов, приобретенных резидентами страны, над суммой принятых ими финансовых обязательств.

Рисунок 41. Доля в ВВП валового сбережения и валового накопления основного капитала, % к итогу

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Рыночные реформы коренным образом изменили механизм воспроизводства и накопления капитала: в советский период он действовал на плановой основе, а в постсоветское время свелся к капиталистическим началам (рис. 42). За два с половиной десятилетия преобразований не удалось сформировать механизм воспроизводства и накопления капитала, отвечающий интересам долговременного народнохозяйственного развития.

1991–1998 гг.	1999–2008 гг.	2009–2015 гг.
Накопление капитала по источникам и способам в прямом смысле было первоначальным, так как оно происходило в обстановке денационализации и внеэкономического передела собственности, уменьшения ВВП, фактически неуправляемой инфляции, громадного превышения номинального денежного спроса над реальным объемом предложения товаров и услуг. Основными источниками накопления частного капитала, как денежного, так и представленного в товарном виде, являлись присвоение государственной собственности через процедуру приватизации и снижение уровня жизни основной части населения путем гиперинфляции. Экономика вошла в состояние распада.	Приватизация и перераспределение собственности в основном были завершены, накопление капитала частично переводится на инвестиционную базу, уровень инфляции снижается, достигается, по терминологии реформаторов, макроэкономическая финансовая стабилизация. Однако и на этом этапе рыночные механизмы, сформированные государством и частным бизнесом, не смогли придать росту экономики необходимой устойчивости, интересы обогащения буржуазии подавили неокрепшие стимулы народнохозяйственного развития.	Нерешенность тех стратегических для рыночных реформ задач, которые выходят за рамки первоначального накопления частного капитала. Поэтому посткризисное восстановления не получилось, дело завершилось автономной рецессией, результатом которой стал очередной спад экономики и инвестиционной деятельности в 2015 г. В механизме накопления усилились проявления негативных черт 1990-х гг. – падение доли и эффективности капиталовложений, высокая инфляция, расширение разного рода перераспределительных операций, препятствующих активизации долговременных факторов развития.

Рисунок 42. Этапы трансформации механизма воспроизводства и накопления капитала в России в 1991–2015 гг. [44; 45]

Судя по прогнозу Минэкономразвития РФ на 2018 год и плановый период 2019–2020 гг., в ближайшие годы планируется осуществление некоторых структурных изменений в финансировании модернизационных процессов в экономике (табл. 34). По целевому сценарию ожидается наращивание нормы накопления капитала до 24,6% ВВП при практически неизменной доли расходов на конечное потребление домашних хозяйств.

Таблица 34. **Прогноз Минэкономразвития РФ структуры использования ВВП России**
(базовый сценарий – верхняя строка, целевой – нижняя)

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2020 к 2017 г., п.п.
			Прогноз			
ВВП использованный	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	-
1. Расходы на конечное потребление, в т.ч.:	69,5	68,5	68,6	68,5	67,8	-0,7
			68,3	67,8	66,9	-1,6
домашних хозяйств	51,1	50,5	51,1	51,5	51,3	+0,8
			50,9	51,1	50,9	+0,4
государственного управления	18,1	17,6	17,1	16,6	16,1	-1,5
			17,0	16,4	15,7	-1,9
2. Валовое накопление, в т.ч.:	23,4	24,4	25,4	26,0	26,6	+2,2
			25,5	26,0	26,8	+2,4
валовое накопление основного капитала	21,1	21,4	22,2	23,1	23,8	+2,4
			22,4	23,4	24,6	+3,2
изменение запасов	2,3	3,0	3,2	2,9	2,8	-0,2
			3,1	2,6	2,2	-0,8
3. Чистый экспорт, в т.ч.:	5,2	5,2	4,0	3,6	3,6	-1,6
			4,2	4,1	4,2	-1,0
экспорт товаров и услуг	25,7	25,7	25,7	25,0	24,3	-1,4
			25,9	25,7	25,6	-0,1
импорт товаров и услуг	20,6	20,5	21,7	21,4	20,7	+0,2
			21,7	21,6	21,4	+0,9
Статистическое расхождение	1,9	1,9	2,0	1,9	2,0	+0,1
			2,0	2,1	2,1	+0,2

Источник: Прогноз социально-экономического развития РФ на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг. / Минэкономразвития РФ. С. 50-51.

Следует отметить, что планируемые значения нормы накопления капитала (в случае их достижения) будут самыми высокими за весь постсоветский период (рис. 43). Основным финансовым ресурсом восстановления инвестиционной активности послужит прибыль организаций. Реализация ряда мер, разработанных Правительством Российской Федерации (программа льготного кредитования малого и среднего бизнеса «б,5»; создание на базе Внешэкономбанка «фабрики проектного финансирования»; создание эффективного механизма

государственно-частного партнерства на принципах «инфраструктурной ипотеки»), будет способствовать активизации роста инвестиций за счет кредитных средств. Однако на фоне продолжающегося сокращения бюджетных капитальных вложений (в среднем на 4,1% в год) собственные средства организаций останутся главным инвестиционным ресурсом в среднесрочном периоде. Основой для инвестиционного роста станет повышение уровня доверия бизнеса на фоне сохранения стабильных макроэкономических условий. Положительное влияние на восстановление инвестиционного спроса продолжит оказывать ограничение роста тарифов: сокращение издержек компаний позволит направить часть высвободившихся средств на инвестиционные нужды.

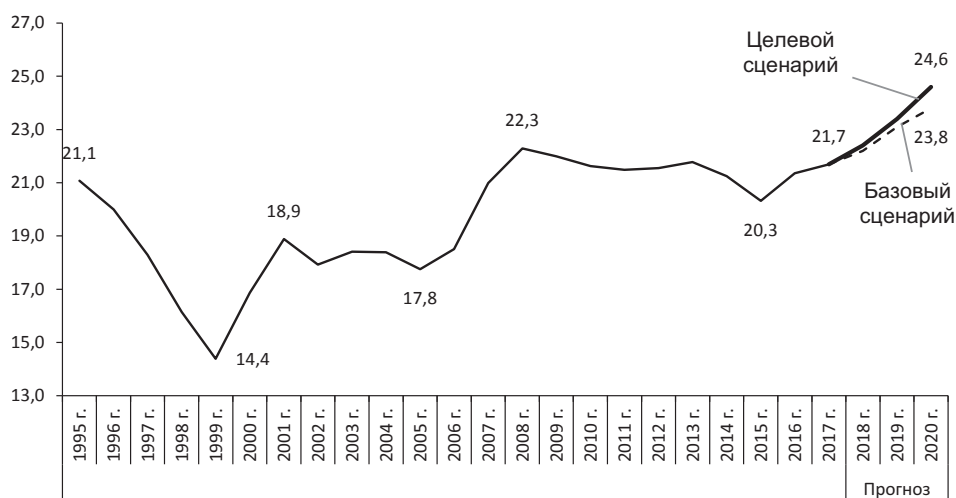

Рисунок 43. Валовое накопление основного капитала в экономике России, % к ВВП

Источники: Росстат; Прогноз социально-экономического развития РФ на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг. / Минэкономразвития. — С. 17, 195.

При этом Россия обладает потенциалом для еще большего наращивания нормы накопления. Для решения проблемы модернизации экономики необходимо увеличение накопления и повышение уровня конечного потребления при снижении темпов его роста. Основным способом изменения соотношения между конечным потреблением и накоплением капитала является рациональное использование прироста ВВП, отражающего прирост доходов экономики. Ключевой задачей финансовой системы страны, включающей финансы государства, корпоративного сектора и

домашних хозяйств, должно быть содействие приросту ВВП, обеспечивающему накопление капитала в целях достижения кардинальной цели – увеличения национального богатства как основы благосостояния населения. Решение этой задачи должно сопровождаться мерами по мотивации деятельности органов государственного управления, предпринимателей и домашних хозяйств. Долговременная финансово-экономическая политика, направленная на модернизацию экономики, предполагает такое распределение прироста ВВП и национального дохода, которое одновременно позволяет:

- увеличивать массу поступлений средств в систему государственных финансов в номинальном и реальном выражении и повышать ее долю в ВВП, имея в виду использование бюджетных средств как для решения социальных проблем, так и для инвестиций в производство;
- увеличивать долю и массу средств в номинальном и реальном выражении, остающихся в распоряжении предприятий при условии их использования на развитие производства;
- увеличивать массу средств, остающуюся в распоряжении домашних хозяйств в расчете на одного жителя в номинальном и реальном выражении. При этом дело не столько в доле конечного потребления в ВВП, сколько в увеличении реальных доходов домашних хозяйств и реальных располагаемых доходов в расчете на человека.

Источниками увеличения средств для накопления с позиций воспроизводственного процесса и оптимизации объемов товаров и услуг, используемых для конечного потребления и валового накопления капитала, могут быть [47]:

- 1) рост производства, обеспечивающий увеличение ресурсов для развития экономики и конечного потребления²²;
- 2) изменение пропорций между сбережением и конечным потреблением за счет сокращения темпов роста конечного потребления и повы-

²² Источники средств для модернизации экономики неразрывно связаны с объемами ВВП и эффективностью промышленного производства. Развитие производства обеспечивает увеличение валовой прибыли экономики, за счет которой в конечном итоге и осуществляется валовое накопление. Основным двигателем развития производства будет внутренний спрос. Основным путем повышения эффективности производства является его модернизация, обеспечивающая снижение издержек, рост производительности труда, капитала и увеличение валовой прибыли экономики – основного источника инвестиций. Решение этих проблем требует экономических механизмов, нацеливающих предпринимателей на развитие производства, снижение издержек и сроков окупаемости инвестиций. Самое главное для развития и модернизации экономики можно сформулировать следующим образом: в России должно быть выгодно производить продукцию и получать прибыль на основе развития производства. Ввод и использование новых мощностей должны быть выгоднее эксплуатации старого оборудования, введенного еще в советские годы.

шения нормы сбережения в ВВП (путем увеличения налогообложения населения с высокими доходами; уменьшения величины и доли средств, используемых в настоящее время владельцами предприятий и высшими менеджерами для личных целей; повышения роли амортизации как источника средств для инвестиций; ограничения масштабов роста доходов населения²³ и др.);

3) сокращение инвестиций резидентов за рубежом за счет их ориентации на инвестиции в национальное производство;

4) привлечение иностранных инвестиций, в том числе путем продажи части активов зарубежным инвесторам;

5) внешние займы государства и частного сектора при условии их использования на развитие производства.

Таким образом, Россия обладает значительным потенциалом для повышения нормы накопления капитала и наращивания внутреннего платежеспособного спроса. Выстраивание механизма воспроизводства и накопления капитала, отвечающего интересам долговременного народнохозяйственного развития, позволит использовать этот потенциал для проведения модернизации и новой индустриализации экономики страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие высокотехнологичных видов деятельности, формирование высокоукладной технологической основы экономики является одним из важнейших направлений современной экономической политики в мире. Россия реализует широкий комплекс мероприятий, чтобы вместе с развитыми странами своевременно включиться в мейнстрим новой индустриализации. Однако на этом пути есть множество объективных преград, препятствующих уверенной активизации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, освоению инновационных методов производства.

Курс на новую индустриализацию в России требует качественной организации, реализации четких управленческих импульсов. В целях определения генерального вектора нового технологического развития необходимо обоснование важнейших факторов, влияющих на экономический рост, а также выявление наиболее уязвимых мест народного хозяйства страны.

Во-первых, отсутствие четких системных представлений об условиях и факторах неоиндустриального развития, недостаточное понимание места и роли России в этих процессах тормозят выработку осмысленной политики. Новая индустриализация должна рассматриваться как необходимое условие обеспечения экономического роста. Однако на пути высокотехнологического развития страны присутствует множество барьеров, порожаемых несовершенством экономической политики и законодательных норм, что еще больше усугубляет проблему деиндустриализации. В свою очередь, для новой индустриализации необходимо преодоление противоречий между состоянием институциональной среды и требованиями общественного прогресса, актуализация и конкретизация мероприятий промышленной политики, определение ключевых направлений развития

национальной экономики. Важная роль в этом процессе отводится вертикально интегрированным структурам.

Во-вторых, проведение исследования состояния народного хозяйства России на основе анализа ключевых показателей дает возможность аргументировать наличие системного кризиса в экономике, во многом предопределенного слабым регулированием сферы общественного воспроизводства. Можно отметить диспропорции в отраслевой структуре экономики, в структуре экспорта и импорта, инвестиций и сбережения. У большинства вертикально интегрированных структур выявлен неоптимальный уровень технологической интеграции, что не служит дополнительным фактором их развития и повышения конкурентоспособности.

В-третьих, в контексте новой индустриализации требует пристального внимания со стороны органов власти раскрытие имеющегося промышленного потенциала и его преумножение за счет внедрения новейших технологических укладов, а также взращивания собственного высокотехнологичного сектора, обеспеченного соответствующей ему технологической базой и конечным спросом. Этим задачам не в полной мере отвечает современная российская промышленная политика, которая апеллирует к созданию благоприятных условий для индустриального сегмента, но уделяет мало внимания организации действительных процессов. Вместе с тем народное хозяйство страны обладает огромным потенциалом для повышения нормы накопления. Этот потенциал при должной политической воле может быть использован для проведения модернизации экономики. Одновременно с этим ключевой задачей органов власти должно стать осуществление трансформационных преобразований в экономике путем ликвидации ее дезинтегрированности и восстановления технологических цепочек добавленной стоимости в приоритетных отраслях народного хозяйства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аганбегян, А.Г. О применении научных методов при подготовке решений социально-экономических проблем [Текст] / А.Г. Аганбегян // Вопросы экономики. – 2013. – № 7. – С. 124-137.
2. Анализируя прошлое, думать о будущем [Текст]: монография / колл. авт.; под ред. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН. – 2015. – 336 с.
3. Аушев, М. Вертикальная интеграция в зарубежной нефтяной промышленности [Текст] / М. Аушев // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 11. – С. 88-93.
4. Безрукова, Т.Л. Производственное и инновационное развитие промышленных предприятий на основе повышения эффективности экономической деятельности [Текст] / Т.Л. Безрукова, И.И. Шанин // Общество: Политика, Экономика, Право. – 2012. – № 2. – С. 52-59.
5. Бетелин, В. О новой технологической революции и готовности к ней экономики России [Текст] / В. Бетелин // Экономист. – 2018. – № 2. – С. 3-9.
6. Борисов, В.Н. Инновационное развитие машиностроения [Текст] / В.Н. Борисов, О.В. Почукаева // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 1. – С. 38-51.
7. Вороновицкий, М.М. Вертикальная интеграция поставщика и потребителя на рынках товаров и капитала при перекрестном владении собственностью [Текст] / М.М. Вороновицкий // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35. – № 1. – С. 28-42.
8. Глазьев, С.Ю. Семь сценариев для России [Текст] / С.Ю. Глазьев // Стратегические приоритеты. – 2017. – № 1 (13). – С. 101-105.
9. Губанов, С. Вертикальная интеграция – магистральный путь развития [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2001. – № 1. – С. 35-49.
10. Губанов, С. К политике неоиндустриализации России [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2009. – № 9. – С. 3-20.

11. Губанов, С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3-27.
12. Губанов, С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2014. – № 4. – С. 3-32.
13. Губанов, С. Неоиндустриальная парадигма развития: краткое обобщение [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2017. – № 11. – С. 22-39.
14. Губанов, С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2016. – № 2. – С. 3-10.
15. Губанов, С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция [Текст] / С.С. Губанов. – М.: Книжный мир, 2012. – 224 с.
16. Губанов, С.С. Системный кризис и выбор пути развития России [Текст] / С.С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 2 (38). – С. 23-41.
17. Гусев, С.Н. Экономический рост в России: потенциальный уровень и ограничения [Текст] / С.Н. Гусев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 130-136.
18. Егоров, А.Ю. Интеграционные процессы промышленных корпораций в современном мире [Текст] / А.Ю. Егоров // Транспортное дело России. – 2015. – № 4. – С. 99-103.
19. Иванов, Ю.В. Интеграция предприятий [Электронный ресурс] / Ю.В. Иванов // Российское предпринимательство. – 2000. – № 10 (10). – Режим доступа: <http://www.creativeconomy.ru/articles/9152>
20. Иванова, Е.А. Интеграционная динамика в корпоративном секторе промышленности современной России [Текст] / Е.А. Иванова // Финансовые исследования. – 2012. – № 1 (34). – С. 154-159.
21. Ильин, В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие [Текст]: препринт / В.А. Ильин, А.И. Поварова, М.Ф. Сычев. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 104 с.
22. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации [Текст] / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
23. Ильин, В.А. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления [Текст] / В.А. Ильин, А.И. Поварова // Экономика региона. – 2014. – № 3 (39). – С. 48-63.
24. Кожевников, С.А. Институциональные и экономические основы вертикальной интеграции [Текст] / С.А. Кожевников // Проблемы развития территории. – 2015. – № 4. – С. 142-156.

25. Кондрашова, Л.И. Индустриализация. Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 [Текст] / под ред. М.Л. Титаренко. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 188-211.

26. Коровин, Г. Цифровизация промышленности в контексте новой индустриализации РФ [Текст] / Г. Коровин // Общество и экономика. – 2018. – № 1. – С. 47-66.

27. Кувалин, Д.Б. Российские предприятия в конце 2017 г.: отсутствие значимых общеэкономических изменений и прогресс в машиностроении [Текст] / Д.Б. Кувалин, А.К. Моисеев, П.А. Лавриненко // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 3. – С. 105-121.

28. Кузнецов, Д. Исследование среднего положения отраслей российской экономики в цепочках добавленной стоимости [Текст] / Д. Кузнецов, В. Седалищев // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 48-63.

29. Кульков, В.М. Завершился ли переходный период в экономике России? [Текст] / В.М. Кульков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4 (40). – С. 45-59.

30. Лапкин, Р.М. Инструментарий формирования и развития вертикально интегрированной предпринимательской структуры [Текст] / Р.М. Лапкин // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 5-6 (39-40). – С. 76-84.

31. Ленчук, Е.Б. Формирование инновационной модели развития в России: работа над ошибками [Текст] / Е.Б. Ленчук // Вестник ИЭ РАН. – 2018. – № 1. – С. 27-39.

32. Лукин, Е.В. О факторах роста экономики [Электронный ресурс] / Е.В. Лукин // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 2. – Режим доступа: <http://vtr.vssc.ac.ru/article/1819>

33. Лукин, Е.В. Параметры технологического развития экономики России [Электронный ресурс] / Е.В. Лукин // Вопросы территориального развития. – 2015. – № 7. – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1518>

34. Малинова, И.А. Сущность интеграции, ее формы и виды [Текст] / И.А. Малинова // Вестник ЧГАА. – 2012. – Т. 62. – С. 119-122.

35. Маркс, К. Собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 23. – М: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 900 с.

36. Межов, И.С. Организация и развитие корпоративных образований. Интеграция. Анализ взаимодействий. Организационное проектирование [Текст] / И.С. Межов, С.Н. Бочаров. – Новосибирск, 2010. – 419 с.

37. Микульский, К. Россия в поисках модели экономического роста [Текст] / К. Микульский // Общество и экономика. – 2017. – № 3-4. – С. 5-15.

38. Микульский, К. Экономика России и противоречия ее общественного устройства [Текст] / К. Микульский // Общество и экономика. – 2014. – № 12. – С. 5-10.

39. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики [Текст]: научный доклад / под научн. рук. Е.Б. Ленчук. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 58 с.

40. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад / под научным руководством В.Н. Княгинина. – М.: Центр стратегических разработок, 2017. – 136 с.

41. Орехов, С.А. Реализация эффекта вертикальной и горизонтальной интеграции в системе управления конкурентоспособностью нефтегазовых структур [Текст] / С.А. Орехов, И.И. Решетько // Транспортное дело России. – 2013. – № 6-2. – С. 114-119.

42. Островская, Е.Н. Зарубежный опыт в области формирования и развития вертикально интегрированных структур [Текст] / Е.Н. Островская // Наука и молодежь: новые взгляды и решения: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – С. 136-138.

43. Островская, Е.Н. Формирование вертикально интегрированных объединений предприятий в промышленности [Текст]: дис. ... канд. экон. наук / Е.Н. Островская. – Санкт-Петербург, 2015. – 175 с.

44. Плышевский, Б. Накопление капитала в постсоветском периоде [Текст] / Б. Плышевский // Экономист. – 2016. – № 9. – С. 22-36.

45. Плышевский, Б. Об эволюции либерализма в России [Текст] / Б. Плышевский // Экономист. – 2017. – № 5. – С. 3-15.

46. Погосов, И.А. Баланс ресурсов и использования продукции в России в начале XXI века [Текст] / И.А. Погосов, Е.А. Соколовская. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 36 с.

47. Погосов, И.А. Источники финансирования модернизации экономики [Текст] / И.А. Погосов, Е.А. Соколовская. – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 54 с.

48. Пономарёва, Е.А. Факторы экономического роста [Текст] / Е.А. Пономарёва, А.В. Божечкова, А.Ю. Кнобель. – М.: Дело, 2012. – 186 с.

49. Потенциал конкурентоспособного выпуска // Эксперт. – 2017. – № 7. – С. 30-35.

50. Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий [Текст]: монография / кол. авт.; под науч. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, К.А. Гулина, Т.В. Усковой, О.Н. Калачиковой. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. – 386 с.

51. Программа развития России на срок до 2025 г.: вопросы разработки // Экономист. – 2018. – № 2. – С. 32-49.

52. Производственные мощности обрабатывающей промышленности России: важнейшие тенденции и структурные характеристики [Текст] / Д. Галимов, А.

Гнидченко, О. Михеева, А. Рыбалка, В. Сальников // Вопросы экономики. – 2017. – № 5. – С. 60-88.

53. Региональная промышленная политика: от макроэкономических условий формирования к новым институтам развития [Текст] / А.И. Татаркин, О.А. Романова, Р.И. Ченёнова, И.В. Макарова. – М.: ЗАО «НПО «Изд-во «Экономика», 2012. – 360 с.

54. Сахаров, А.А. Концепция вертикальной интеграции в контексте современных представлений об эффективности реализации инвестиционных проектов (часть I) [Текст] / А.А. Сахаров // Нефтепромысловое дело. – 2012. – № 8. – С. 47-53.

55. Силин, Я.П. Региональные аспекты новой индустриализации [Текст] / Я.П. Силин, Е.Г. Анимидца, Н.В. Новикова // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 684-696.

56. Система мер по восстановлению экономического роста в России [Текст] / В.В. Ивантер, О.Дж. Говтвань, М.С. Гусев, М.Ю. Ксенофонтов, Д.Б. Кувалин, А.К. Моисеев, Б.Н. Порфирьев, В.В. Семикашев, М.Н. Узяков, А.А. Широков // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 1. – С. 3-9.

57. Соколов, Ю. Интеграция как условие воспроизводства промышленного капитала [Текст] / Ю. Соколов // Экономист. – 2006. – № 5. – С. 21-28.

58. Спицын, А. Интеграция и модернизация экономики [Текст] / А. Спицын // Экономист. – 2006. – № 5. – С. 3-9.

59. Стаки, Дж. Когда нужна и не нужна вертикальная интеграция / Дж. Стаки, Д. Уайт [Электронный ресурс] // Вестник McKinsey: теория и практика управления. – 2004. – № 3. – Режим доступа: <http://www.management.com.ua/strategy/str117.html>

60. Столярова, Е. Вертикальная интеграция компании и теоретические подходы к ее объяснению [Текст] / Е. Столярова // Журнал международного права и международных отношений. – 2007. – № 1. – С. 93-99.

61. Суслина, С.С. Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х – начало 90-х годов) [Текст] / С.С. Суслина. – М.: Восточная литература, 1997. – 224 с.

62. Сухарев, О. Реиндустриализация России. Возможности и ограничения [Текст] / О. Сухарев // Экономист. – 2013. – № 3. – С. 6-12.

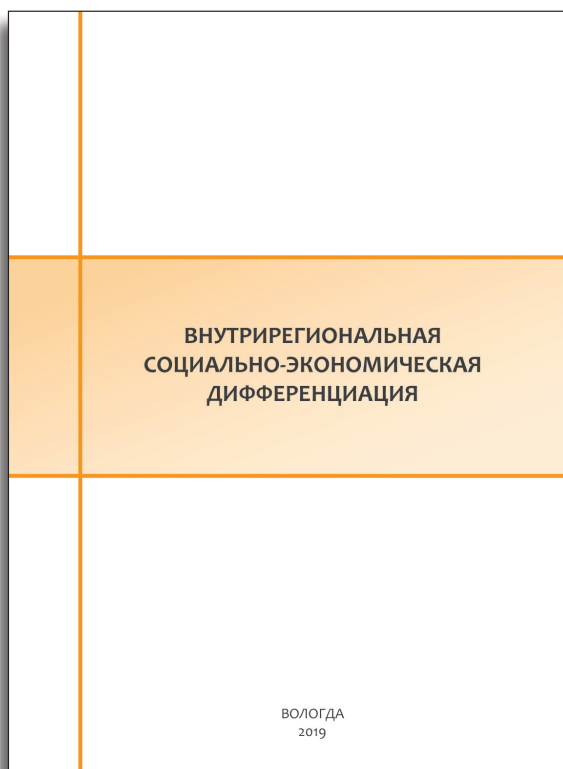
63. Сухарев, О. Технологическое обновление: возможен ли успех цифровой экономики? [Текст] / О. Сухарев // Экономист. – 2018. – № 2. – С. 10-22.

64. Хантуева, Е.А. Интегрированные корпоративные структуры: зарубежный опыт создания и функционирования [Электронный ресурс] / Е.А. Хантуева // Управление экономическими системами. – Режим доступа: <http://www.uecs.ru/teoriya-upravleniya/item/914-2011-12-26-10-07-09>

65. Челнокова, О.Ю. Вертикальная интеграция как необходимое условие экономического роста в России / О.Ю. Челнокова // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. Сер.: Экономика. Управление. Право. – Вып. 2. – С. 33-38.
66. Acemoglu, D. Determinants of Vertical Integration: Financial Development and Contracting Cost [Text] / D. Acemoglu, S. Johnson, T. Mitton // Journal of Finance. – 2009. – Vol. 64 (3). – Pp. 1251-1290.
67. Adelman, M. Integration and the antitrust laws [Text] / M. Adelman // Harvard Law Review. – 1949. – Vol. 63 (1). – Pp. 27-77.
68. Antràs, P. Measuring the Upstreamness of Production and Trade Flows [Text] / P. Antràs, D. Chor, T. Fally, R. Hillberry // American Economic Review. – 2012. – Vol. 102 (3). – Pp. 412-416.
69. Bain, J.S. Industrial Organization [Text] / J.S. Bain. – New York: John Wiley and Sons, 1959. – 643 p.
70. Beladi, H. Cross-Border Mergers and Upstreaming [Text] / H. Beladi, A. Chakrabarti, D. Hollas // World Economy. – 2017. – Vol. 40 (3). – Pp. 598-611.
71. Chen, B. Upstreamness, Exports, and Wage Inequality: Evidence from Chinese Manufacturing Data [Text] / B. Chen // Journal of Asian Economics. – 2017. – Vol. 48. – Pp. 66-74.
72. Coase, R.H. The nature of the firm [Text] / R.H. Coase // Economica. New Series. – 1937. – Vol. 4 (16). – Pp. 386-405.
73. Coccia, M. General Sources of General Purpose Technologies in Complex Societies: Theory of Global Leadership-Driven Innovation, Warfare and Human Development [Text] / M. Coccia // Technology in Society. – 2015. – Vol. 42. – Pp. 199-226.
74. Fisher, L. Vertikale Integration der nordamerikanischen Landwirtschaft [Text] / L. Fisher // Berichte über Landwirtschaft. – 1960. – Vol. 38. – P. 337.
75. Guriev, S. The Role of Oligarchs in Russian Capitalism [Text] / S. Guriev, A. Rachinsky // J. of Econ. Perspectives. – 2005 – Vol. 19. – Pp. 131-150.
76. Hagemejer J., Tyrowicz J. (2017) Upstreamness of Employment and Global Financial Crisis in Poland: The Role of Position in Global Value Chains. In: Havlik P., Iwasaki I. (eds) Economics of European Crises and Emerging Markets. Palgrave, Singapore.
77. Harrigan, K.R. Vertical Integration and corporate strategy [Text] / K.R. Harrigan // The Academy of Management Journal. – 1985. – Vol. 28 (2). – Pp. 397-425.
78. Input-Output Accounts Data [Electronic resource] / Bureau of Economic Analysis. – Available at: http://bea.gov/industry/io_annual.htm
79. Ito, T., Vézina, P.-L. Production Fragmentation, Upstreamness, and Value Added: Evidence from Factory Asia 1990–2005 [Text] / Tadashi Ito, Pierre-Louis Vézina // Journal of the Japanese and International Economies. – 2016. – Vol. 42 (C) – Pp. 1-9.

80. Ju, J., Yu, X. Productivity, Profitability, Production and Export Structures along the Value Chain in China [Text] / J. Ju, X. Yu // Journal of Comparative Economics. – 2015. – Vol. 43 (1). – Pp. 33-54.
81. Miller, G. Die landwirtschaftliche Erzeugung der Vertikalen Integration [Text] / G. Miller // Berichte über Landwirtschaft. – 1961. – Vol. 3. – P. 414.
82. Miller, R.E., Temurshoev, U. Output Upstreamness and Input Downstreamness of Industries/Countries in World Production [Text] / R.E. Miller, U. Temurshoev // International Regional Science Review. – 2017. – Vol. 40 (5). – Pp. 443-475.
83. Spengler, J. Vertical Integration and Antitrust Policy [Text] / J. Spengler // Journal of Political Economy. – 1950. – Vol. 58. – Pp. 347-352.
84. Stigler, G.J. The division of Labor is limited by the Extent of the market [Text] / G.J. Stigler // Journal of Political Economy. – 1951. – Vol. 59 (3). – Pp. 185-193.
85. Williamson O.E. (1986) Vertical Integration and Related Variations on a Transaction-Cost Economics Theme. In: Stiglitz J.E., Mathewson G.F. (eds) New Developments in the Analysis of Market Structure. International Economic Association Series, vol 77. Palgrave Macmillan, London.
86. Williamson, O. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications [Text] / O. Williamson. New York: Free Press, 1983. – 286 p.

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экономические и социальные преобразования, начатые в Российской Федерации в 1990-х годах, привели к децентрализации власти. В результате субъекты Федерации и муниципальные образования получили самостоятельность в решении задач социально-экономического развития. Однако ослабление экономических связей и неравномерность распределения ресурсов между территориями предопределили возрастание не только межрегиональной, но и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации. Следствием усиления неравенства в развитии территорий стало снижение связности единого экономического пространства региона, что, в свою очередь, выступает фактором, тормозящим экономический рост. При этом ограниченные возможности органов местного самоуправления в силу как низкой их финансово-экономической самостоятельности, так и недостаточности полномочий по регулированию процессов экономического развития не позволяют самостоятельно решать задачи комплексного социально-экономического развития территорий. В сложившихся условиях возникает необходимость совершенствования методов и инструментов регулирования внутрирегиональной социально-экономической дифференциации, учитывающих особенности муниципальных образований и позволяющих снизить негативные последствия неравномерного развития.

Проблемы методического инструментария анализа территориального неравенства нашли свое отражение в трудах А.Г. Гранберга, С.А. Суспицына, П.А. Минакира, А.О. Польшева, А.А. Митрошина, А.А. Победина и др.

Значительный вклад в решение задач разработки и реализации региональной социально-экономической политики, в том числе в части регулирования территориальной дифференциации, внесли Э.Б. Алаев, С.С. Артоболевский, М.К. Бандман, С.В. Баранов, П.И. Бурак, И.М. Бусыгина, Е.М. Бухвальд, Г.Г. Господарчук, А.Г. Гранберг, О.В. Грицай, Б.М. Гринчель, Е.С. Губанова,

Г.В. Двас, Б.С. Жихаревич, В.А. Ильин, А.В. Кузнецов, О.В. Кузнецова, С.В. Кузнецов, Б.Л. Лавровский, Г.М. Лаппо, В.Н. Лексин, А.С. Маршаллова, Н.М. Межевич, Р.М. Мельникова, П.А. Минакир, А.С. Новосёлов, В.П. Орешин, А.О. Польшев, В.П. Самарина, В.Е. Рохчин, В.И. Селиверстов, Т.П. Скуфына, Л.В. Смирнягин, С.С. Суспицын, А.И. Татаркин, А.Н. Швецов, В.В. Широков, Р.И. Шнипер, Б.М. Штульберг, Т.В. Ускова, Г.Г. Фетисов, А.М. Ходачек и др.

Особенности внутрирегионального неравенства исследованы в работах К.В. Гетманцева, Д.В. Земскова, О.В. Кравцовой, С.С. Неустроева, А.А. Победина, А.О. Польшева, П.А. Попова, И.В. Разорвина, Г.А. Сульдиной, М.С. Сысоевой, И.Д. Тургель, А.М. Хамидулиной, А.Е. Чепика, Ю.Д. Шмидта и др.

Признавая большой вклад ученых в решение указанных проблем, отметим, что дискуссионными остаются вопросы, связанные с комплексной оценкой неравномерности социально-экономического развития муниципалитетов и обоснованием выбора методов регулирования внутрирегиональной дифференциации для различных типов (групп) территорий. Указанные обстоятельства обуславливают важность обращения к данной теме, а также цель, задачи и логику нашей научной работы.

Цель исследования заключается в разработке теоретико-методических подходов к оценке и совершенствованию методов регулирования внутрирегиональной социально-экономической дифференциации.

Достижение указанной цели предопределило постановку и решение следующих задач:

1. Исследовать теоретические основы социально-экономического неравенства территорий и выявить факторы, обуславливающие внутрирегиональную дифференциацию.
2. Обосновать методический подход к оценке внутрирегиональной социально-экономической дифференциации.
3. Выявить тенденции и факторы внутрирегиональной дифференциации (на примере Вологодской области).
4. Разработать научно-методический подход к регулированию внутрирегиональной дифференциации в рамках региональной политики по развитию муниципальных образований.
5. Предложить методы и инструменты регулирования внутрирегиональной дифференциации.

Информационную базу исследования составили официальные материалы Федеральной службы государственной статистики Российской Феде-

рации (Росстат), Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат), ведомственные данные Департамента внутренней политики Правительства Вологодской области, Департамента стратегического планирования Вологодской области, монографические исследования отечественных и зарубежных ученых, нормативно-правовые акты Российской Федерации и ее субъектов, документы стратегического развития Российской Федерации, материалы периодических изданий по изучаемой проблеме, интернет-ресурсы и другие источники.

Кроме того, в исследовании использовались данные экспертного (анкетного) опроса глав муниципальных образований Вологодской области, полученные на основе регулярно проводимого сотрудниками ФГБУН ВолНИЦ РАН мониторинга реформирования института местного самоуправления.

Результаты работы вносят вклад в совершенствование методов регулирования внутрирегиональной социально-экономической дифференциации и инструментария ее анализа и оценки.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, научно-исследовательскими институтами и иными организациями при разработке форм, методов и инструментов управления территориальным развитием в части решения проблем внутрирегиональной дифференциации, а также высшими учебными заведениями в образовательном процессе по дисциплине «Региональная экономика».

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

1.1. Сущность, содержание, факторы социально-экономической дифференциации территорий

Радикальный переход России в 1990-х годах к рыночной экономике сопровождался существенным снижением роли государства в регулировании процессов территориального развития; усилением конкуренции субъектов Федерации и муниципальных образований в процессе территориального разделения труда за население, средства инвесторов, федеральной поддержки, за размещение производства. Вследствие этого усилились различия между территориальными образованиями (субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями) по большинству параметров социально-экономического развития. Эти процессы актуализируют исследование сущности и факторов внутрирегиональной социально-экономической дифференциации. Однако прежде всего следует определиться с понятием «регион».

Изучение теоретико-методологических основ региональной экономики показало, что существуют разные подходы (системный, комплексный, административно-территориальный, территориально-хозяйственный, территориально-географический, социальный) к трактовке понятия «регион», акцентирующие внимание на его определенных признаках. Представители системного подхода (В.С. Бильчак, В.Ф. Захаров, И.М. Бусыгина, А.Г. Гранберг, Б.Б. Родоман, В.П. Самарина, С.А. Щемелин, О.В. Кругликова и др.) определяют регион как сложноорганизованную социально-экономическую систему, состоящую из различных подсистем, основу развития которой составляет взаимодействие процессов самоорганизации и органи-

зации. Так, академик А.Г. Гранберг понимает под регионом «определенную территорию, отличающуюся от других территорий по ряду признаков и обладающую некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов» [30]. Административно-территориального подхода к определению региона придерживаются В.Н. Лексин, А.Н. Швецов, Ю.Н. Гладкий, А.И. Чистобаев, В.Г. Игнатов, В.И. Бутов, Л.Н. Коган и др., рассматривающие регион в чётко очерченных административных границах (федеральный округ, субъект РФ, муниципальные образования) как объект управления со стороны соответствующих органов власти. Именно этот подход взят за основу в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 16 января 2017 г. № 13, в котором регион определяется как часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации. Вместе с тем следует отметить, что обозначенные выше подходы принципиально не противоречат, а дополняют друг друга, раскрывая важнейшие признаки изучаемого объекта.

В данном исследовании, опираясь на важнейшие черты указанных выше подходов, под регионом мы понимаем субъект РФ, представляющий собой сложную социально-экономическую систему, элементами которой являются муниципальные образования (муниципальные районы, городские и сельские поселения, городские округа, внутригородские территории городов федерального значения, городские округа с внутригородским делением, внутригородские районы), где реализуется вся совокупность воспроизводственных процессов.

Как известно, экономическое пространство характеризуется неоднородностью. И, по словам А.Г. Гранберга, «в качестве идеала не имеется в виду равномерное размещение по территории страны различных отраслей хозяйства и видов деятельности, поскольку как раз их неравномерное размещение является неизбежным свойством любого организованного экономического пространства (следствием территориального разделения труда, концентрации и специализации производства, урбанизации и т.д.)» [30].

Как уже отмечалось, для современного этапа развития характерно усиление внутрирегиональной дифференциации. Проведенный нами анализ научной литературы [9; 27; 30; 75; 121; 127; 155] показал, что при изучении процессов регионального и внутрирегионального неравенства в уровнях социально-экономического развития используются такие термины, как «неравенство», «неравномерность», «неоднородность», «асимметрия», «диспропорции», «дифференциация» (табл. 1.1).

Таблица 1.1. Система понятий, характеризующих различия в социально-экономическом развитии территорий

Термин	Авторы, определение
Дифференциация	Победин А.А.: «Внутрирегиональная дифференциация понимается как объективное состояние неоднородности экономического пространства в результате неравномерного социально-экономического развития территориальных единиц, проявляющееся в различиях по определенным социальным и экономическим параметрам» [121].
Неравенство	Гранберг А.Г.: «Региональные (пространственные) неравенства – различия в уровнях развития, занятости, доходов населения, условиях предпринимательства и т.д.» [30].
Неравномерность	Гаджиев Т.М.: «Территориальная неравномерность в развитии экономики региона – это состояние экономического развития конкретного региона, характеризующееся высокой дифференциацией различных социально-экономических показателей на уровне административно-территориальных образований данного субъекта Федерации» [27].
Асимметрия	Воробьев Д.Н.: «Асимметрия – это такое свойство закономерных, направленных некачественных изменений основных социально-экономических характеристик муниципальных образований, при котором процесс воздействия комплекса внутренних и внешних факторов не в равной степени затрагивает эти характеристики, обуславливая устойчивое во времени и пространстве увеличение отличий между ними (или по отношению к некоему стандарту) и проявляющееся в различных уровнях социально-экономического развития муниципальных образований и изменяющих тренд развития и структуру региона» [9].
Поляризация	Сусипин С.А.: «Степень поляризации региональных экономик, т.е. степень отрыва центров роста – региональных столиц – от остальных населённых пунктов (условно обозначим их термином “периферия”» [111; 127; 155].
Диспропорция	Диспропорции в экономике – это несбалансированность в развитии отдельных отраслей, взаимосвязанных фаз производства, порождающая нарушение норм хода процесса воспроизводства. Лавровский Б.Л.: «Диспропорции – явление, при котором разница в развитии регионов превышает некоторый (предельный, критический) уровень» [75].

Приведенные трактовки позволяют заключить, что в ряде исследований понятия дифференциации, неравномерности развития, территориального неравенства, асимметрии, различий, неоднородности пространства, диспропорции используются как синонимы. Вместе с тем «асимметрия», «поляризация» характеризуют процесс роста региональных различий, а «неравенство», «неравномерность», «диспропорция» – само явление (факт) наличия объективных различий между территориями в уровне и параметрах развития. Термин «дифференциация», по нашему мнению, отражает оба эти аспекта.

Дифференциация может проявляться на разных уровнях управления: страновом, межрегиональном (между субъектами РФ) и внутрирегиональном, местном (между муниципальными образованиями). Как показывает зарубежная и российская практика, наибольший масштаб социально-экономического неравенства отмечается на внутрирегиональном уровне.

В данной работе под *внутрирегиональной дифференциацией (неравенством)* понимается явление, обусловленное множеством факторов природно-географического, экономического, политического характера и вы-

ражающееся в значительных различиях муниципальных образований по основным параметрам социально-экономического развития.

Усиление неравномерности развития приводит к возникновению проблемных территорий, для которых необходимы специальные меры поддержки (выравнивающие механизмы), к значительным различиям в уровне и качестве жизни населения и его миграции в более благоприятные территории, «угасанию» развития и «вымиранию» целых населенных пунктов, разрушению инфраструктуры, потере управляемости территориями, разрушению поселенческой сети [14]. Главным последствием территориальной дифференциации является существенное неравенство условий жизни людей, возможностей их самореализации.

Как отмечает Д.И. Воробьев, «сохранение и дальнейший рост асимметрии (дифференциации) в уровнях социально-экономического развития муниципальных образований объективно усиливает неравенство между ними в возможностях самостоятельно решать вопросы, обуславливает их чувствительность к малейшему изменению внешних факторов, снижая возможность адаптации, увеличивает зависимость от регионального центра, приводит к возникновению территориальных диспропорций в экономических и социальных структурах, ведущих к дезинтеграции единого регионального социально-экономического пространства» [9].

Актуальность проблемы социально-экономической дифференциации регионов и муниципальных образований вызывает необходимость изучения причин этого явления. Каждая территория обладает определенным набором ресурсов, это:

- природно-географические (природные условия и ресурсы);
- трудовые (наличие, состав и квалификация трудовых ресурсов);
- экономические (производственные фонды и мощности);
- финансовые (средства региональных и местных бюджетов, инвестиционные ресурсы бизнеса и населения, сеть финансово-кредитных учреждений);
- инфраструктурные (транспортная, коммунальная, производственная и иная инфраструктура);
- научно-инновационные (применяемые технологии, организации, занимающиеся исследованиями и разработками, инновационная инфраструктура);
- управленческие (квалификация управленческого персонала, применяемые в управлении технологии);
- культурные и другие.

Количественные и качественные характеристики ресурсов, степень их вовлеченности в воспроизводственные процессы, взаимодействие друг с другом (внутри системы соответствующего уровня и с внешней средой) определяют не только особенности развития территории, но и формируют факторы территориальной дифференциации.

В ходе исследования было установлено, что во многих работах (А.Г. Гранберг, Н.В. Зубаревич, Е.А. Коломак, В.А. Кривошей, О.В. Кузнецова, Е.И. Куликова, Б.Л. Лавровский, Н.М. Межевич, Т.Г. Морозова, А.О. Плынев, В.А. Суханова, Е.В. Фролова и др.) значительное внимание уделено факторам, оказывающим влияние на процессы социально-экономического развития территорий и формирование регионального неравенства. При исследовании факторов интеграционно-деинтеграционных процессов в стране А.Г. Гранберг [30] выделяет внутренние и внешние, объективные и субъективные факторы.

В то же время эконом-географ и регионалист Н.В. Зубаревич [45] указывает на две группы факторов регионального неравенства, которые были особенно характерны для переходной российской экономики: внешние (политика федеральных властей, глобализация и включение России в мировой рынок) и внутренние (унаследованные особенности развития регионов, политика региональных властей).

Заслуживает внимания точка зрения О.В. Кузнецовой [73] и предложенная ею пирамида факторов экономического развития территорий: от базовых до более сложных факторов, которые начинают играть роль только в том случае, когда базовые достаточно благоприятны для развития экономики. Соответственно автор выделяет 5 уровней факторов (природно-климатические условия и ресурсы; система расселения и состояние инфраструктуры; уровень развития и структуры экономики; институты государства и политика; инновационная активность населения).

По мнению Н.М. Межевича и А.А. Жабрева, необходимо различать «факторы, оказывающие влияние на формирование сильной региональной асимметрии: свертывание экономических связей и изменение геополитического положения регионов; наличие неоднородного экономического пространства России, серьезных негативных явлений в районах с высокой концентрацией производства, ставших в рыночных условиях нерентабельными; ценовые перекосы в связи с либерализацией цен; формирование реального федерализма; экономический кризис, проявляющийся в спаде производства, сокращении инвестиций, безработице и снижении реальных доходов, инфляции и резком расслоении общества» [83].

Наиболее полный перечень факторов (внутренних и внешних) территориальной дифференциации представлен в работе А.О. Польшева [125], который характеризует каждый из факторов применительно к конкретному региону, или как конкурентное преимущество по сравнению с другими регионами, или как ограничение хозяйственного развития, или как в целом нейтральный фактор. К числу *внешних факторов регионального развития и дифференциации* автор относит:

«— макроэкономические, включая текущие темпы инфляции, уровень и динамику валютного курса рубля, размер и стабильность тарифов на услуги естественных монополий, действующую ставку рефинансирования Центрального банка;

— состояние нормативно-правовой базы государственного регулирования экономического (территориального) развития;

— действующий механизм государственного регулирования экономики, в том числе уровень совокупной налоговой нагрузки на хозяйствующих субъектов, величина таможенных тарифов, характер и масштабы используемых экономических льгот, общий уровень либерализации экономики (степень административного вмешательства в хозяйственную деятельность);

— сложившаяся в стране система межбюджетных отношений, прежде всего между федеральным центром и субъектами Федерации;

— внешнеэкономические, в том числе текущая конъюнктура на мировом и отечественном товарных рынках по продукции специализации регионов РФ, наличие в странах, импортирующих продукцию российских регионов, целевых нетарифных ограничений по объемам и ценовым характеристикам соответствующей продукции».

В состав *внутренних факторов экономического развития регионов* А.О. Польшевым [125] включены:

«— уровень накопленного экономического (в том числе производственно-технического и инновационного) потенциала региона;

— общий уровень совокупного регионального спроса (емкость регионального рынка);

— степень развития в регионе рыночной инфраструктуры;

— степень развития в регионе производственной (в том числе общехозяйственной и транспортной) инфраструктуры;

— степень развития в регионе отраслей социальной инфраструктуры (ЖКХ, здравоохранение, образование, социальное обеспечение);

— обеспеченность региона трудовыми ресурсами нужной квалификации и наличие системы переподготовки и повышения квалификации кадров;

- обеспеченность региона важнейшими видами природных ресурсов, включая минерально-сырьевые и топливно-энергетические, лесные и водные ресурсы, сельскохозяйственные угодья, запасы морепродуктов на прилегающей части материкового шельфа;
- уровень энергообеспеченности территории региона;
- уровень развития сектора информационных и коммуникационных услуг;
- степень диверсификации структуры региональной экономики;
- степень завершенности в регионе структурных и институциональных рыночных реформ;
- действующий механизм регулирования экономического развития на уровне субъекта Федерации».

В работах ряда авторов (М.В. Шмакова [174], С. Дробышевский, О. Луговой и др. [177], Г.Г. Фетисов [112], С.Н. Большаков [4] и др.) указываются факторы, влияющие на дифференциацию территорий, однако не приводятся основания их классификации.

Как было показано выше, авторы преимущественно акцентируют внимание на выделении объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов, используя недостаточное число признаков, позволяющих более полно оценить их действие на развитие территорий.

В связи с этим нами предложены следующие основания классификации данных факторов:

1) *по месту их возникновения*: внутренние, которые возникают, существуют в границах территории субъекта Федерации, и внешние, существующие за пределами региона;

2) *внутреннему содержанию*: экономические, формирующиеся и действующие в процессе экономических отношений различных субъектов, и неэкономические (природные, демографические, политические и др.), формирующиеся в сферах деятельности, напрямую не связанных с экономическим развитием;

3) *возможности управленческого воздействия*: неуправляемые, которые возникают и формируются вне прямой зависимости от деятельности органов власти, и органы власти не могут оказывать на них целенаправленного прямого влияния; управляемые, на изменение которых могут напрямую влиять органы власти различного уровня;

4) *длительности воздействия*: краткосрочные (воздействие в течение 1–3 лет), среднесрочные (3–6 лет), долгосрочные (более 6 лет);

5) *уровням управления (в зависимости от уровня органов власти, которые могут воздействовать на фактор):* федеральные, региональные, муниципальные (местные);

6) *характеру воздействия на развитие муниципальных образований:* прямые и косвенные;

7) *возможности прогнозирования* (прогнозируемые, непрогнозируемые).

Анализ работ отечественных исследователей позволил обобщить факторы дифференциации развития муниципальных образований (табл. 1.2).

Таблица 1.2. **Факторы дифференциации развития муниципальных образований**

Фактор	По месту возникновения	По внутреннему содержанию	По возможности управленческого воздействия	По длительности воздействия	По уровням управления	По характеру воздействия	По возможности прогнозирования
Экономико-географическое положение муниципалитета	Вт	Н	НУ	Д	-	Пр	Нпрог
Уровень накопленного экономического потенциала (природно-ресурсного, производственно-технического и др.)	Вт	Э	НУ	Д	-	Пр	Нпрог
Уровень развития человеческого капитала (способности, знания, навыки, состояние здоровья, миграция, мобильность и адаптивность населения, денежные доходы населения и т.д.)	Вт	Н	У	Д	Р, М	Пр	Прог
Агломерационные процессы на территории региона	Вт	Э	У	Д	Р, М	Пр	Прог
Степень развития в регионе рыночной инфраструктуры и институциональной среды	Вт	Э	У	Д	Р, М	Пр	Нпрог
Степень развития в муниципалитете производственной (транспортной, коммунальной, инновационной и др.) и социальной инфраструктуры	Вт	Н	У	Д	Р, М	Пр	Прог
Макроэкономическая ситуация в мире	Вш	Э	НУ	С	-	Кв	Прог
Макроэкономическая ситуация в стране	Вш	Э	НУ	С	Ф	Кв	Прог
Положение страны в системе мировых экономических отношений	Вш	Э	НУ	Д	Ф	Кв	Нпрог
Положение страны в системе мировых политических отношений	Вш	Н	НУ	Д	Ф	Кв	Нпрог
Деятельность хозяйствующих субъектов муниципалитета	Вт	Э	У	С	Р, М	Пр	Прог

Окончание таблицы 1.2.

Фактор	По месту возникновения	По внутреннему содержанию	По возможности управленческого воздействия	По длительности воздействия	По уровням управления	По характеру воздействия	По возможности прогнозирования
Пространственная и отраслевая структура хозяйства региона	Вт	Э	У	Д	Р, М	Пр	Прог
Система расселения в регионе	Вт	Н	У	Д	Р, М	Пр	Прог
«Теневой сектор» экономики региона	Вт	Э	У	Д	Р, М	Кв	Нпрог
Федеральная нормативно-правовая база	Вш	Н	НУ	К	Ф	Пр	Нпрог
Региональная нормативно-правовая база	Вт	Н	У	К	Р	Пр	Нпрог
Нормативно-правовая база муниципальных образований	Вт	Н	У	К	М	Пр	Нпрог
Действующий механизм государственного регулирования экономики	Вш	Н	У	С	Ф, Р	Пр	Нпрог
Система межбюджетных отношений в стране	Вш	Э	У	К	Ф	Кв	Прог
Система межбюджетных отношений в субъекте Федерации	Вт	Э	У	К	Р, Ф	Пр	Прог
Социально-экономическая политика субъекта Федерации	Вт	Э	У	С	Р	Пр	Нпрог
Социально-экономическая политика органов местного самоуправления	Вт	Э	У	С	М	Пр	Нпрог
Взаимодействие между органами государственной власти субъекта Федерации и органами местного самоуправления (формальные и неформальные отношения)	Вт	Н	У	К	М, Р	Кв	Нпрог
Межмуниципальные (производственные, культурные, организационные и иные) связи	Вт	Н	У	К	М	Кв	Нпрог
Эффективность деятельности органов местного самоуправления	Вт	Н	У	С	М	Кв	Нпрог
Обозначения факторов в таблице следующие: Вт – внутренние, Вш – внешние; Э – экономические, Н – неэкономические (внеэкономические); У – управляемые, НУ – неуправляемые; К – краткосрочные, С – среднесрочные, Д – долгосрочные; Ф – федеральные, Р – региональные, М – муниципальные (местные); Пр – прямые, Кв – косвенные; Прог – прогнозируемые, Нпрог – непрогнозируемые.							

Классификация факторов расширяет возможности не только более глубокого изучения причин изменения неравномерности развития регионов, но и более точной оценки места и роли каждого из них в данном процессе. Вместе с тем понимание особенностей (содержание, сила, характер, длительность, причины и условия возникновения) различных факторов и механизма их влияния на социально-экономическое развитие территории де-

ляет процесс регулирования более упорядоченным и системным по своему характеру. При этом использование разных классификационных признаков одновременно позволяет дать более развернутую характеристику каждого отдельного фактора и сделать выбор методов воздействия соответствующих органов власти и управления более обоснованным.

Для государственной власти и органов местного самоуправления как субъектов управления социально-экономическими процессами на региональном уровне наибольший интерес представляют внутренние факторы, воздействуя на которые, можно регулировать процесс формирования внутрирегиональной дифференциации (рис. 1.1) в целях сокращения ее уровня и нивелирования вызываемых ею негативных последствий.

Рисунок 1.1. Принципиальная схема процесса формирования внутрирегиональной социально-экономической дифференциации

Условные обозначения: $\longleftrightarrow$ – взаимное влияние друг на друга; $\longrightarrow$ – «обратное влияние» последствий дифференциации на ее причины, приводящее к ее усилению.

Различия в ресурсах (их совокупность формирует потенциал территории), а соответственно, и факторах развития муниципальных образований предопределяют отличительные особенности параметров и динамики их социально-экономического развития. Поэтому для любой территориальной социально-экономической системы будет характерно наличие определённого уровня дифференциации. Однако её рост и превышение некоторых порогов приводят к снижению возможностей саморазвития территории и самостоятельности субъектов управления на муниципальном уровне в решении вопросов местного развития, а в конечном итоге к снижению общего уровня социально-экономического развития.

Вместе с тем результативность воздействия со стороны органов управления во многом определяется состоянием институциональной среды, понимаемой как «совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, которая образует базис для производства, обмена и распределения» [99]. В работах отечественных и зарубежных авторов [65; 72; 79; 97; 98; 99; 124; 148; 150; 156; 169; 171] подчеркивается роль институтов в социально-экономическом развитии территорий. Так, Д. Норт [99] указывает на то, что «фундаментальной причиной различий в уровне развития являются различия в институтах». П. Кругман в ходе исследования причин пространственной концентрации экономики [65] также отмечает особое значение факторов «второй природы» (в число которых включены и институты). Становление эффективно функционирующих институтов приводит не только к изменению системы территориального управления, но и трансформации территориальных образований, что позволяет сделать вывод о значительном влиянии институционального фактора на социально-экономические процессы.

Особое место в составе социальных институтов, выполняющих важные функции в развитии общества, занимают институты развития (табл. 1.3), как важный инструмент обеспечения устойчивого развития социально-экономических систем.

Институты развития, понимаемые как «социально обусловленная структура, инструмент, механизм, которые снижают неопределенность в системе и стимулируют более эффективную организацию и осуществление экономической деятельности на территории» [97; 125], способствуют решению ключевых задач территории. Среди них: развитие общественной инфраструктуры (энергетики, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, образования, здравоохранения), инновационной сферы, содействие развитию внешнеэкономической деятельности, поддержка малого бизнеса, а

также устранение дисбалансов в развитии экономики и ее диверсификация, снижение экономического и социального неравенства.

Таблица 1.3. **Классификация институтов развития**

Группа институтов	Примеры институтов
Классификация институтов развития, предложенная А.И. Татаркиным [156]	
1. Институты, функционирование которых связано с прямыми действиями государства по реализации основных положений региональной политики, особенно в отношении проблемных территорий.	Фонды: реформирования ЖКХ; финансовой поддержки субъектов РФ; реформирования региональных финансов; регионального развития и др.
2. Институты, обеспечивающие стимулирование инновационного развития территорий.	Создание особых экономических зон, бизнес-территорий, инноградов и др.
3. Институты, ориентированные на изменение (внедрение, усовершенствование) технологий регионального планирования и управления.	Револьверный фонд, ориентированный на внедрение проектного управления в регионах и муниципалитетах, индикативное планирование и др.
4. Институты развития, связанные с активизацией бизнес-сообщества в формате укрепления горизонтальных связей.	Кластерные формы, ГЧП, проектное планирование и др.
Классификация институтов развития, предложенная сотрудниками ВолНЦ РАН [171]	
1. Формализованные.	Банки, агентства, корпорации, фонды развития и др.
2. Частично формализованные.	Кластеры, технопарки, технополисы, промышленные парки, свободные экономические зоны, зоны территориального развития, территории опережающего развития и др.
3. Институты – технологии управления.	Территориальное общественное самоуправление, муниципально-частное партнерство, межмуниципальное сотрудничество и др.

Практикой российских регионов доказана эффективность функционирования многих институтов, среди которых корпорации, агентства развития (Калужская область), проектное управление (Белгородская область), территориальное общественное самоуправление (Архангельская и Костромская области, Республика Коми, Краснодарский край). Но при этом следует отметить, что результативность данных институтов, степень их положительного влияния на развитие региона во многом определяется уровнем их поддержки со стороны органов государственной власти субъекта Федерации, наличием условий для одновременного развития различных видов (групп) институтов, а также эффективной команды высококвалифицированных управленцев на региональном и местном уровне.

Таким образом, изучение теоретических подходов к феномену территориальной дифференциации и анализ работ ведущих ученых-регионалистов позволили установить, что для современного этапа развития региональной экономики характерно усиление дифференциации территорий. Она возни-

кает под воздействием множества факторов, различающихся по его содержанию, силе, длительности и направлению, возможностям их регулирования со стороны региональных органов государственной власти. Выбор ими направлений и методов регулирующего воздействия с целью сокращения внутрирегиональных различий зависит от большого числа факторов, что требует их классификации. Региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления могут регулировать уровень территориальных различий, воздействуя на внутренние факторы социально-экономического развития муниципальных образований.

1.2. Методические основы оценки внутрирегиональной социально-экономической дифференциации

Признавая объективный характер внутрирегиональной дифференциации, считаем необходимым проведение её комплексной оценки с целью не только исследовать реальное состояние процессов развития муниципальных образований региона и выявить причины сложившихся различий в уровне их социально-экономического развития, но и обосновать методы преодоления чрезмерного неравенства и его негативных последствий.

Изучение работ российских учёных по вопросам анализа территориальной дифференциации позволило установить существование разных подходов к решению этих задач. Так, в работах А.Г. Гранберга [30], А.О. Польшева [125], С.А. Суспицина [127], Р.М. Мельникова [84] оценка территориальной дифференциации проводится на основе расчёта показателей вариации индикаторов социально-экономического развития, имеющих в официальной статистике (коэффициент вариации, осцилляции, размаха вариации, индекс Тейла и др.). В российских нормативно-правовых актах [108] используется, как правило, соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя по субъектам Федерации.

Методический подход, предложенный в работах А.А. Победина [121], А.А. Митрошина [91], базируется на оценке внутрирегионального неравенства как с использованием показателей вариации, так и с применением комплексной оценки различий между муниципалитетами по уровню развития на основе расчёта интегрального показателя и типологизации территорий.

В исследовании А.Е. Чепика [173] на основе показателей структурных сдвигов проводится анализ неравномерности развития муниципальных образований региона, далее осуществляется их многомерная классификация

и дается оценка влияния факторов воспроизводства экономики на неравномерность развития муниципалитетов региона.

Широкое распространение получил подход, в основу которого положено построение разного рода интегральных рейтингов субъектов Федерации и муниципальных образований: инвестиционной привлекательности [48; 50], уровня социально-экономического развития [141; 142], инновационной активности [140], эффективности деятельности органов власти [103] и т.д. Преимущество данного подхода — наглядность характеристик различий между территориями по тем или иным параметрам, сферам развития.

В ходе анализа методик¹ интегральной оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований был выявлен ряд недостатков (табл. 1.4), в числе которых: значительное число показателей, используемых для оценки; сложность математического аппарата их обработки, что может затруднять интерпретацию результатов; отсутствие статистических данных по некоторым показателям; стандартизация показателей относительно лучшего (максимального по всем муниципалитетам субъекта РФ или минимального для ряда показателей) значения может искажать реальную картину.

¹ Перечень рассматриваемых методик:

1. Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «И» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

2. Пространственные аспекты развития региона / под общ. ред. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2008. 298 с.

3. Ефремов К.И., Георгадзе Е.И. Методика проведения комплексной рейтинговой оценки социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // Вопросы статистики. 2002. № 2. С. 61-63.

4. Постановление Администрации Волгоградской области от 9 августа 2010 г. № 353-п «О ежеквартальном мониторинге эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Волгоградской области».

5. Победин А.А. Методика анализа дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований // Муниципалитет: экономика и управление. 2011. Вып. № 1. Режим доступа: <http://municipal.uara.ru/ru/issue/2011/01/04/>

6. Методика комплексной оценки муниципальных районов и городских округов Кировской области по уровню и темпам социально-экономического развития (утверждена Постановлением Правительства Кировской области от 13.06.2006 № 62/130).

7. Туркина И.Г. Территориальные различия качества жизни сельского населения Иркутской области // Известия Иркутского государственного университета. 2010. Т. 3. № 2. С. 179—189.

8. Постановление Администрации Воронежской области от 16 мая 2007 г. № 402 «О методике комплексной оценки уровня социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Воронежской области».

9. Митрошин А.А. Методы оценки качества жизни населения и социально-экономической дифференциации территорий : на примере Московской области : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. М., 2013. 23 с.

Таблица 1.4. Сравнительный анализ методик оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований

Критерий	Номер методики *									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
I. Число исходных показателей, используемых для оценки.	11	20	38	25	11	16	23	15	25	
II. Вид исходных данных, используемых для расчётов (С – данные статистики; В – ведомственные данные; О – результаты социологических опросов).	СВ	С	С	СВ	С	СВ	С	С	С	
III. Наличие группировки показателей в блоки (направления оценки) и число блоков (да, нет).	Нет	Да	Да	Нет	Да	Да	Да	Да	Нет	
IV. Способ стандартизации исходных показателей: Л – стандартизация относительно лучших (максимальных или минимальных) значений по территориям ($X/X_{\max}$; $X_{\min}/X$), Э – относительно эталонных значений ($X/X_{\text{эт}}$); М – стандартизация (масштабирование) относительно расстояния между максимальным и минимальным значениями показателя ($(X-X_{\min})/(X_{\max}-X_{\min})$); Ср – стандартизация относительно среднего по регионам значения показателя ($X/X_{\text{ср}}$); З – с помощью z-преобразования ($z = \frac{X-\bar{X}}{\sigma}$); Р – ранжирование (присвоение территориям рейтинга, места в соответствии с величиной показателя), Балл – присвоение балльной оценки в соответствии со значениями показателя.	М	Р	Л	М	М	Ср	Балл	Балл	М	
V. Способ расчёта интегрального показателя: СА – расчёт среднего арифметического значения стандартизированных показателей или суммы стандартизированных значений показателей; Кор – извлечение квадратного корня из средней суммы квадратов стандартизированных показателей; СГ – расчёт средней геометрической из стандартизированных показателей или темпов изменения показателей; СМ – расчёт суммы мест (или среднего арифметического мест) по показателям в случае использования способа стандартизации «ранжирование».	СА, СГ	СМ	Кор	СА	СА	СА	СА	СА	СА	
VI. Временной период для расчёта интегрального показателя: Т – оценка только текущего состояния в определённом году; Д – оценка динамики социально-экономического развития по показателям; ТД – использование и текущих данных, и их динамики.	ТД	Т	Т	Т	ТД	ТД	Т	Т	Т	
VII. Использование весовых коэффициентов показателей, входящих в состав интегрального показателя: ВС – статистический способ (по матрице парных корреляций), ВЭ – экспертный метод (на основе обобщения оценок экспертов о значимости тех или иных факторов, показателей); БВ – неиспользование весовых коэффициентов (равнозначность показателей).	БВ	БВ	ВС	ВЭ	БВ	ВЭ	БВ	БВ	БВ	
VIII. Интерпретация получаемых оценок: Гр – группировка (типологизация) муниципальных образований; М – ранжирование (присвоение мест).	М	Гр	М	М	Гр	Гр	Гр	М	Гр	
IX. Практическое использование результатов оценки: Гн – Выделение грантов «лучшим» или «худшим» территориям по результатам оценки; Дифф – разработка дифференцированных инструментов региональной политики для групп территорий с разным уровнем социально-экономического развития; Мон – использование в качестве составляющей мониторинга развития муниципальных образований; Стр – учёт результатов оценки в стратегических документах регионального и муниципального уровня.	Гн	Диф	Мон	Мон	Диф	Диф, Мон, Стр	Диф	Диф, Мон	Мон	

* Номер методики соответствует номеру методики в списке на предыдущей странице.

* Номер методики соответствует номеру методики в сноске на предыдущей странице.

Основные отличия в методиках заключаются в составе применяемых показателей и математическом аппарате их агрегирования в интегральный индекс. При этом исходные показатели в большинстве случаев стандартизируются (нормируются) относительно среднего или лучшего значения (нормативного). Принимая во внимание сказанное выше, можно предложить ряд требований, которым должна удовлетворять методика оценки уровня социально-экономического развития:

- наличие всех исходных показателей в сопоставимом виде за длительный период времени (не менее 10 лет);
- охват показателями основных сторон социально-экономического развития муниципальных образований, небольшое число показателей (не более 20), отсутствие взаимной корреляции;
- универсальность методики (возможность её использования для проведения группировки муниципальных образований в любом субъекте РФ);
- простота математического аппарата расчёта интегрального показателя;
- доступная интерпретация полученных результатов расчётов и возможность их применения для принятия управленческих решений.

Таким образом, изучение методических основ оценки внутрирегиональной дифференциации позволило сделать следующие выводы.

1. Во многих работах авторы ограничиваются только оценкой различий между муниципалитетами по основным параметрам социально-экономического развития, что связано с решением отдельных локальных задач.

2. Для данного анализа, как правило, используется либо статистический подход путем расчета размаха вариации, коэффициента вариации, коэффициента размаха вариации, либо рейтинговый подход (например, оценка уровня развития территорий).

3. Некоторые методики отличаются сложностью расчетов и иногда использованием показателей, отсутствующих в официальной статистике.

К отличительным особенностям предлагаемого в нашем исследовании методического подхода к оценке внутрирегиональной дифференциации относятся его комплексный характер; универсальность и простота проведения расчётов; использование помимо статистических данных экспертных оценок. Анализ внутрирегиональной дифференциации заключается в последовательном выполнении следующих этапов (рис. 1.2), на каждом из которых решаются взаимосвязанные задачи.

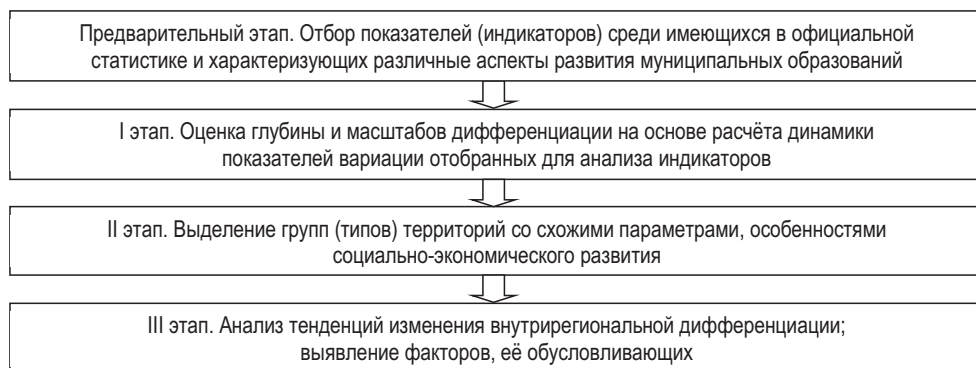

Рисунок 1.2. **Этапы анализа внутрирегиональной социально-экономической дифференциации**

На *предварительном этапе* для анализа дифференциации муниципальных образований региона формируется перечень исходных показателей из числа представленных в официальной статистике за промежуток времени не менее 10 лет.

На *первом этапе* осуществляется оценка глубины и масштабов территориальной дифференциации (табл. 1.5.) Как показывает практика, соответствующие выводы можно сделать и на основе анализа показателей вариации 5–7 ключевых индикаторов социально-экономического развития муниципалитетов.

Таблица 1.5. **Показатели, используемые для оценки глубины и масштабов дифференциации**

Показатель	Содержание показателя
1. Среднее (средневзвешенное) значение показателя в среднем по муниципальным образованиям или по региону в целом	
2. Размах вариации	Характеризует удаленность территории-лидера от территории-аутсайдера.
3. Среднее квадратическое (стандартное) отклонение	Показывает типичное (среднее) отклонение значений показателя от среднего значения и выражается в тех же единицах, что и исходный показатель.
4. Коэффициент размаха вариации	Характеризует в обобщенном виде, но в то же время достаточно наглядно величину дифференциации, неравномерности развития территорий.
5. Коэффициент вариации	Характеризует относительную величину разброса отклонений значений показателя от средней величины показателя. Величина коэффициента ниже 33% свидетельствует о незначительном разбросе значений показателя (об однородности исследуемой совокупности показателей), а при значении выше 66% – о значительной колеблемости (неравномерности распределения признака по территориям).

Окончание таблицы 1.5.

Показатель	Содержание показателя
6. Индекс энтропии Тейла	Этот показатель используется для оценки масштабов экономического неравенства территорий. Индекс Тейла (IT) позволяет разложить показатель общего межрегионального (межмуниципального) неравенства на две составляющие, отражающие межгрупповое и внутригрупповое неравенство. В случае абсолютного межрегионального паритета IT принимает минимальное значение, равное нулю. По мере увеличения степени межрегионального неравенства IT возрастает [84].
7. Доля (в %) каждой территории в общей величине коэффициента вариации	Показывает, какой вклад внес каждый регион (муниципалитет) в общую величину межрегионального (межмуниципального) неравенства по тому или иному показателю [126].

В результате этого этапа анализа определяются количественные значения и тенденции изменения различий между муниципалитетами, что позволяет оценить остроту исследуемой проблемы. Это делает возможным выявление приоритетных сфер социально-экономического развития муниципалитетов, в которых в первую очередь необходимо создавать условия для сокращения различий.

На *втором этапе* выделяются группы территорий, характеризующиеся сходными особенностями и тенденциями развития. Подобная группировка дает возможность аргументировать дифференцированные меры и инструменты регулирующего воздействия со стороны органов государственной власти субъекта Федерации на процессы развития муниципальных образований. Для решения этой задачи может быть использована следующая методика², отличительными особенностями которой являются: наличие оптимального перечня показателей; способ стандартизации исходных показателей и их агрегирования в интегральный; определение границ интервалов значений интегрального показателя для каждой группы территорий. Сущность предлагаемой методики [20] заключается в расчете интегрального показателя уровня социально-экономического развития муниципальных образований, агрегирующего исходные статистические показатели, и выделении на его основе групп территорий. Последовательность проведения оценки уровня развития муниципальных образований представлена следующим алгоритмом.

1. На основе имеющейся официальной статистической информации формируются перечень и блоки показателей, отражающие различные стороны социально-экономического развития территорий (табл. 1.6).

² Данная методика разработана нами на основе совершенствования методики, ранее предложенной в монографии [128]. Вместе с тем был несколько изменён состав показателей и математический аппарат агрегирования исходных статистических данных в интегральный показатель уровня развития муниципального района (городского округа).

Таблица 1.6. **Перечень и блоки показателей для расчёта интегрального показателя уровня социально-экономического развития**

Номер и название блока показателей	Показатель
R ₁ «Демографические показатели»	1. Коэффициент рождаемости, ‰. 2. Коэффициент смертности, ‰. 3. Плотность населения, чел./кв. км (показатель только для районов).
R ₂ «Благоустройство»	1. Обеспеченность населения жильём – жилая площадь на 1 человека, кв. м. 2. Доля жилья, оборудованного водопроводом, в % к итогу. 3. Доля жилья, оборудованного канализацией, в % к итогу. 4. Доля жилья, оборудованного центральным отоплением, в % к итогу. 5. Обеспеченность местами в учреждениях культурно-досугового типа, число мест на 1000 человек населения.
R ₃ «Уровень жизни»	1. Розничный товароборот на душу населения, руб. 2. Объём платных услуг на душу населения, руб. 3. Соотношение средней заработной платы и величины прожиточного минимума, раз. 4. Уровень официально зарегистрированной безработицы, %. 5. Обеспеченность населения врачами на 10000 жителей, чел. 6. Обеспеченность населения больничными койками на 10000 жителей, шт.
R ₄ «Экономика»	1. Объём промышленной продукции на 1 жителя, тыс. руб. 2. Объём сельскохозяйственной продукции на 1 жителя, тыс. руб. (показатель только для районов). 3. Объём инвестиций в основной капитал на 1 жителя, тыс. руб. 4. Бюджетная обеспеченность (доходы местного бюджета) на 1 жителя, тыс. руб.

2. Показатели, составляющие содержание блоков, стандартизируются относительно средних значений:

$$k_i = x_i / x_{\text{ср}i}, \quad (1.1)$$

$$k_i = x_{\text{ср}i} / x_i, \quad (1.2)$$

где k_i – стандартизированный коэффициент, который рассчитывается по формуле 1.1 для прямых показателей³, а для обратных⁴ – в соответствии с формулой 1.2; x_i – значение i -го показателя в муниципальном образовании; $x_{\text{ср}i}$ – среднее значение i -го показателя по всем муниципальным районам и городским округам региона (в среднем по области) или только по муниципальным районам.

Показатели также могут быть стандартизированы (нормированы) относительно лучшего и худшего значений по всей совокупности исследуемых территорий:

$$k_i = \frac{x_i - x_{\text{мин}}}{x_{\text{макс}} - x_{\text{мин}}}, \quad (1.3)$$

³ Увеличение значений прямых показателей свидетельствует о положительных тенденциях развития, улучшении ситуации.

⁴ Увеличение значений обратных показателей свидетельствует об ухудшении ситуации, проблемах в развитии (повышение коэффициента смертности и уровня зарегистрированной безработицы).

$$k_i = \frac{x_i - x_{\max}}{x_{\min} - x_{\max}}, \quad (1.4)$$

$$k_i = x_i / x_{\max}, \quad (1.5)$$

$$k_i = x_{\min} / x_i, \quad (1.6)$$

где k_i — стандартизированный коэффициент, который рассчитывается по формуле 1.3 или 1.5 для прямых показателей, а для обратных — в соответствии с формулой 1.4 или 1.6; x_i — значение i -го показателя в муниципальном образовании; $x_{\max}$ — максимальное значение i -го показателя по всем анализируемым муниципальным образованиям региона; $x_{\min}$ — минимальное значение i -го показателя по всем муниципалитетам.

Для приведения разнородных показателей к сопоставимому виду и устранения «выбросов» (экстремально минимальных и максимальных значений показателей) возможно использование z -преобразования:

$$k_i = \frac{x_i - \bar{x}}{\sigma}, \quad (1.7)$$

где x_i — значение i -го показателя в муниципальном образовании; $\bar{x}$ — среднее значение i -го показателя по всем муниципальным образованиям; σ — стандартное (среднеквадратическое) отклонение по показателю.

На базе стандартизированных показателей определяется *синтетический показатель* по каждому из блоков (R_j) по формуле:

$$R_j = \left(\sum_{i=1}^n k_i \right) / n, \quad (1.8)$$

где n — число показателей в блоке.

При нормировании по формулам 1.3 и 1.4 значения как стандартизированных коэффициентов, так и синтетических показателей по блокам и интегрального показателя располагаются в интервале от 0 до 1.

3. Рассчитывается интегральный показатель уровня социально-экономического развития j -го муниципального образования ($I_{\text{общ}}$):

$$I_{\text{общ}j} = (R_1 + R_2 + R_3 + R_4) / 4, \quad (1.9)$$

где R_1 — интегральный (синтетический) показатель по блоку «Демографические показатели»; R_2 — интегральный показатель по блоку «Благоустройство»; R_3 — интегральный показатель по блоку «Уровень жизни»; R_4 — интегральный показатель по блоку «Экономика».

4. В заключение осуществляется группировка муниципальных образований по уровню социально-экономического развития, который определяется следующими интервальными оценками интегрального показателя $I_{\text{общ}}$:

Уровень	Диапазон $I_{\text{общ}}$	
	Стандартизация по формулам 1.1 и 1.2	Стандартизация по формулам 1.3 и 1.4
Группировка на 5 групп		
Высокий	$I \geq 1,15$	$0,80 \leq I \leq 1,00$
Выше среднего	$1,05 \leq I < 1,15$	$0,60 \leq I < 0,80$
Средний	$0,95 \leq I < 1,05$	$0,40 \leq I < 0,60$
Ниже среднего	$0,85 \leq I < 0,95$	$0,20 \leq I < 0,40$
Низкий	$I < 0,85$	$0,00 \leq I < 0,20$
Группировка на 3 группы		
Высокий	$I \geq 1,10$	$0,67 \leq I \leq 1,00$
Средний	$0,90 \leq I < 1,10$	$0,33 \leq I < 0,67$
Низкий	$I < 0,90$	$0,00 \leq I < 0,33$

Выбор трех градаций уровня развития позволяет легко интерпретировать результаты и устанавливать сходство и различия в особенностях развития муниципалитетов. Ширина интервала средней группы 0,2 единицы (для стандартизации по формулам 1.1 и 1.2), на наш взгляд, достаточно оптимальна, так как районы каждой группы в данном случае отличаются от районов соседней группы по всем показателям в среднем на 10% в большую или меньшую стороны.

При этом первоначально расчёты производятся по всем муниципальным районам и городским округам региона (стандартизируются исходные показатели относительно средних по субъекту Российской Федерации). В дальнейшем, с учетом специфики региона (в случае значительных отличий районов и городских округов по большинству показателей), расчёты могут проводиться отдельно — только по муниципальным районам или только городским округам.

На *третьем этапе* выполняется анализ изменения внутрирегиональной дифференциации (снижение/углубление) под влиянием объективных и субъективных факторов. Это позволяет осуществить теория конвергенции [179]. Известны две концепции конвергенции: « σ -конвергенция наблюдается, когда дисперсия индикаторов развития имеет тенденцию к сокращению; β -конвергенция имеет место, когда менее развитые территории имеют более высокие темпы экономического роста, чем более развитые территории, в результате чего в долгосрочной перспективе происходит выравнивание уровней экономического развития территорий» [59].

В рамках β -конвергенции выделяется безусловная и условная конвергенция. «Безусловная β -конвергенция подразумевает, что все регионы (территории) стремятся к единой траектории пропорционального роста. Из этого предположения вытекает, что регионы имеют однородную структуру экономики, различия в уровнях развития являются временными и объясняются исключительно разными начальными уровнями дохода. В условиях существенных экономических, институциональных и географических различий между регионами такое предположение является нереалистичным. Поэтому в большинстве случаев будет отмечаться не конвергенция, а дивергенция, то есть рост различий. Условная β -конвергенция предполагает, что различные регионы имеют различные траектории пропорционального роста, которые определяются специфическими региональными факторами развития» [59; 164].

Базовой для эмпирических оценок регионального неравенства является модель безусловной β -конвергенции (формула 1.10). Предположением этой модели является то, что в долгосрочной перспективе регионы должны приходить к общей траектории сбалансированного роста [59]:

$$\gamma = a + \beta Y_0 + \varepsilon, \quad (1.10)$$

где γ – логарифм средних темпов роста показателя Y (например, ВРП на душу населения, среднедушевые доходы и т.д.) за период: $\gamma = [\ln Y - \ln Y_0]/T$, где T – количество лет; a и β – коэффициенты линейного уравнения. Скорость конвергенции (дивергенции) определяется значением коэффициента β и рассчитывается по формуле 1.11 [59]:

$$\lambda = -\ln(1 + T\beta) / T. \quad (1.11)$$

Еще одной характеристикой процесса конвергенции (дивергенции) является время преодоления половины расстояния, которое отделяет экономику регионов от траектории сбалансированного состояния и рассчитывается следующим образом: $hl = \ln(2) / \lambda$.

В модели условной β -конвергенции делается предположение о различных устойчивых траекториях роста для разных регионов, что является более реалистичным в условиях существенных различий между территориями [59]:

$$y = a + \beta Y_0 + Z\varphi + \varepsilon. \quad (1.12)$$

Переменная Z объединяет специфические факторы развития, которые оказывают влияние на региональные различия в уровнях равновесных состояний [59].

Вывод о конвергенции и дивергенции делается на основе коэффициента β . Если $\beta < 0$, то по рассматриваемой переменной наблюдается конвергенция; если $\beta > 0$, то имеет место дивергенция (увеличение разрыва между территориями в показателях).

Наличие безусловной β -конвергенции по тому или иному показателю (с учётом высокой значимости коэффициента корреляции линейного уравнения модели) свидетельствует об объективности данного явления. Модель условной β -конвергенции позволяет показать наличие или отсутствие влияния (в случае положительного значения коэффициента ϕ и статистической значимости самого уравнения модели) инструментов региональной политики на сокращение различий между муниципалитетами по тем или иным параметрам.

Анализ конвергенции целесообразно дополнить выявлением тех параметров, по которым различия между территориями оказывают заметное влияние на формирование негативных последствий внутрирегиональной дифференциации. Для решения этой задачи может быть проведён корреляционный анализ зависимости между такими результативными признаками, как, например, «численность постоянного населения на конец года», «коэффициент рождаемости», «коэффициент смертности», «коэффициент миграционного прироста», «абсолютное значение миграционного прироста», и факторным признаком — показателем масштабов межмуниципальных различий (соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя) по ключевым социально-экономическим параметрам, характеризующим развитие муниципалитета. Для каждого результативного признака будут определены наиболее значимые факторные признаки (с коэффициентом корреляции свыше 0,7). Этот позволит в дальнейшем оценить возможные последствия дифференциации при различных масштабах внутрирегионального неравенства, а соответственно, и определить наиболее приоритетные сферы муниципального развития, в которых нужно сокращать различия, чтобы преодолеть негативные последствия дифференциации. Выявить факторные признаки целесообразно и по каждому муниципальному району, городскому округу в отдельности: в данном случае исследуется зависимость между результативными признаками и показателем «соотношение значений основных параметров социально-экономического развития в муниципалитете со средним по региону значением».

Отдельные факторы, воздействующие на развитие муниципальных образований и формирующие внутрирегиональное неравенство, могут быть определены и проанализированы (оценена их значимость) на основе опро-

сов глав муниципальных образований региона. Это позволит сконцентрировать усилия и ресурсы (организационные, административные, финансовые и др.) региональных и местных властей на решении конкретных задач, а также обосновать выбор форм и методов региональной и местной социально-экономической политики для различных типов территорий.

Таким образом, можно заключить, что важное место в системе регулирования внутрирегиональной дифференциации занимает проведение ее комплексной оценки, которая в опоре на принципы системного подхода предполагает решение ряда взаимосвязанных задач, что делает возможным выявить особенности развития муниципальных образований и потенциальные риски. Предложенный методический подход к оценке внутрирегиональной дифференциации позволяет определить масштабы различий и обуславливающие их факторы, выделить группы территорий со сходными параметрами развития и сформировать основу для выбора регулирующего воздействия органов государственной власти субъектов РФ.

1.3. Опыт регулирования территориальной социально-экономической дифференциации

Проблема территориальной дифференциации актуальна для всех стран и регионов, поэтому важным является изучение зарубежного и отечественного опыта регулирования территориального развития.

Определенный практический интерес представляет опыт Европейского союза, региональная политика которого отличается комплексным характером и направлена в значительной степени на преодоление межрегиональных различий. Эта политика (именуемая политикой сплочения) имеет целью достижение гармоничного развития всего сообщества и реализуется посредством сочетания экономических и организационных инструментов.

Основой политики единства в ЕС является Программа, которая разрабатывается и утверждается на семилетний срок (2000–2006; 2007–2013; 2014–2020 гг.). Реализация мер по выравниванию уровня развития территорий осуществлялась до 2014 г. через четыре структурных фонда (Европейский фонд регионального развития, Европейский социальный фонд, Фонд поддержки рыболовства и Гарантийный фонд для сельского хозяйства). Ещё один фонд (Фонд единства) создан для финансирования крупных проектов в области окружающей среды на национальном уровне и трансъевропейских инфраструктурных проектов в тех государствах-членах, где валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения составляет менее 90% от аналогичного среднего показателя по ЕС.

В 2007–2013 гг. средства из структурных фондов на 94% расходовались для достижения следующих целей региональной политики:

«— цель № 1 — «подтягивание» уровня экономического развития менее развитых регионов, в которых ВРП на душу населения составляет менее 75% от среднего значения по ЕС-15 по паритету покупательной способности;

— цель № 2 — содействие экономическим и социальным преобразованиям в регионах со «структурными трудностями»;

— цель № 3 — модернизация системы профессиональной подготовки и трудоустройства» [135; 196].

«Остальные 6% ресурсов распределялись по 4 направлениям, получившим статус "общих инициатив", которые были призваны находить решения проблем, актуальных для нескольких или для всех государств. Например, в рамках "инициативы" EQUAL ("Равенство") выравнивание условий в регионах осуществлялось в аспекте борьбы с дискриминацией на рынке труда» [135]. «Государство-член ЕС, чей ВВП на душу населения составляет менее 75% от среднего по ЕС-15, вправе рассчитывать на поддержку своего отстающего региона в размере 5% от разницы между средним душевым ВВП по ЕС-15 и душевым ВРП в этом регионе. Если отставание от среднего лежит в интервале 75–90%, искомый вес сокращается до 4%» [135].

«На региональном уровне эта помощь нацелена на проведение экономических преобразований в промышленных, городских и сельских районах, а также усиление их конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности. На национальном уровне поощряется стремление к достижению полной занятости, повышению качества и производительности и борьбе с социальным отчуждением» [135].

В период 2014–2020 гг. региональная политика ЕС должна финансироваться через 3 основных фонда, общий бюджет которых составит за данный период 351,8 млрд. евро.

1. Европейский фонд регионального развития (ERDF). Приоритетные направления финансирования из данного фонда: инновации и исследования, цифровая экономика, поддержка малых и средних предприятий (МСП), низкоуглеродная экономика, сокращение экономических, экологических и социальных проблем в городских районах, поддержка удалённых районов).

2. Фонд сплочения (CF). Направления деятельности: трансъевропейские транспортные сети; окружающая среда, энергетика и транспорт.

3. Европейский социальный фонд (ESF). Направления финансирования фонда: содействие занятости и поддержка мобильности рабочей силы, содействие социальной интеграции и борьбе с бедностью, инвестирование в образование, навыки и обучение на протяжении всей жизни, укрепление институционального потенциала и эффективное государственное управление [196].

В результате реализации данной политики в последние годы «наметилась определенная тенденция к снижению уровня вариации показателя ВВП на 1 жителя на уровне NUTS 1 (это наиболее крупные «еврорегионы», ряд из которых охватывают целые страны), а также частично и на уровне NUTS 2. Это свидетельствует о постепенном приближении исследуемых показателей стран-«новичков» к странам «старого состава» ЕС, о наличии устойчивой тенденции к ослаблению региональной асимметрии в рамках ЕС» [135]. Однако это было обеспечено ценой углубления регионального неравенства на уровне NUTS 3 [10] (наиболее мелкие единицы территориальной классификации ЕС, территория которых охватывает отдельные крупные муниципалитеты или группы муниципалитетов). Поэтому, как отмечает автор [10], при выборе объектов выравнивания предпочтителен приоритет в отношении регионов уровня NUTS 3. Кроме того, для повышения результативности политики выравнивания некоторые такие регионы целесообразно укрупнить (объединить).

Из сказанного следует, что региональная политика ЕС, нацеленная на ускорение экономического роста отстающих регионов внутри стран и роста доходов населения, пока не привела к достижению поставленной цели. Активное использование налоговых и других преференций, инвестиций в инфраструктуру не смогло привлечь инвесторов в регионы, которые нуждаются в подобной поддержке.

Следует также обратить внимание на то, что в зарубежных странах существует довольно большое количество инструментов воздействия на территориальную дифференциацию, использование которых дает положительные результаты (приложение А) [9; 137]:

1) средства сдерживания размещения новых предприятий в перенаселенных районах (Франция, Греция) — стимулирование развития промышленности на удалении от перенаселенных столиц;

2) пространственное распределение экономической деятельности государства (Англия, Италия) — стимулирование развития отдельных районов и повышение конкурентоспособности регионов, размещение предприятий государственного сектора;

3) финансовое стимулирование компаний (большинство стран Европы) — заинтересовать фирмы размещать производство или инвестиции в проблемных регионах с помощью дотаций на определенные суммы инвестиций, кредитов, финансовых льгот, субсидий на создание рабочих мест;

4) создание инфраструктуры (большинство стран Европы) — строительство и модернизация за счёт бюджетов социальной и инженерной инфраструктуры;

5) «мягкие» меры стимулирования развития (развитие бизнес-климата) (большинство стран Европы) — поддержка информационных сетей, консалтинговой деятельности, образования, научных исследований и технических разработок;

6) целевые региональные программы (США) — призваны не только устранить региональные противоречия, но и стимулировать экономический рост с изменением структуры хозяйства (например, управление развитием долины реки Теннесси);

7) специализированные институты-организации по развитию территорий: администрации по экономическому развитию (США); региональные государственные и местные корпорации экономического развития (США), в основе работы которых концентрация государственных инвестиций, направляемых в основном на развитие городской инфраструктуры; Национальная система оценки и мониторинга государственных инвестиций (Италия), в рамках которой проводится оценка эффективности деятельности местных властей и выплата им денежных премий за выполнение поставленных перед ними задач;

8) формирование фондов развития отдельных проблемных территорий — Фонд для слаборазвитых регионов (Италия), фонды развития инфраструктуры (страны Латинской Америки);

9) меры и инструменты поддержки экономически слаборазвитых территорий и обеспечение равноценных условий жизни на всей территории страны (Германия) — активное развитие экономического районирования, инвестиции в производство и производственную инфраструктуру, а также неинвестиционные мероприятия, например формирование кластеров; поддержка малого и среднего предпринимательства, технологического и инновационного развития, помощь сельским территориям;

10) административное регулирование деятельности местных органов власти, содействие межмуниципальному сотрудничеству, развитие государственно-частного партнёрства, специальных предпринимательских зон (США);

11) особые (более либеральные) налоговые, таможенные и финансовые режимы (в том числе создание свободных экономических зон), режим привлечения иностранных инвестиций, а также осуществление крупных государственных инвестиций в инфраструктурные проекты (Китай) [9; 137].

Анализ зарубежного опыта региональной политики в части преодоления чрезмерных территориальных различий позволяет сделать вывод о существовании большого количества методов и инструментов решения проблемы дифференциации: от субсидий из различных фондов регионам, муниципалитетам или конкретным предприятиям на создание новых рабочих мест, поддержку инновационных проектов до создания специализированных структур (агентств развития отдельных регионов). Вместе с тем этот опыт далеко не всегда однозначен и положителен, так как при сближении общего уровня стран различия между локальными территориями в пределах отдельных стран или макрорегионов могут увеличиваться.

Остановимся подробнее на изучении опыта, накопленного в нашей стране и ее регионах в период с начала 1990-х годов. В нормативных и стратегических документах по управлению территориальным развитием нашли отражение цели и задачи по снижению дифференциации территорий и преодолению её негативных последствий, однако для их решения не предусмотрены какие-либо конкретные механизмы, инструменты [109].

В начале 2000-х годов с целью *регулирования процессов региональной дифференциации* была разработана федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)» (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 11.10.2001 г. № 717).

Целью Программы являлось сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов, уменьшение разрыва между наиболее развитыми и отстающими регионами к 2010 г. в 1,5 раза, а к 2015 г. – в 2 раза. Предполагалось решение следующих задач: 1) формирование условий для развития регионов, социально-экономические показатели которых ниже средних по стране; 2) создание благоприятной среды для развития предпринимательской деятельности и улучшения инвестиционного климата; 3) повышение эффективности государственной поддержки субъектов Федерации.

Субъектами Федерации, претендующими на господдержку в рамках реализации Программы, признавались те, в которых темпы, масштаб и длительность спада производства, снижения уровня жизни, нарастания негативных тенденций в сфере занятости населения, демографического и экологического развития, предоставления социальных услуг были ниже

общероссийских показателей. Для каждого такого региона разрабатывались определенные комплексы мероприятий, требующие господдержки, направленные на преодоление отставания в социально-экономическом развитии.

Под объектом Программы понимался конкретный проект, реализация которого способствует снижению различий в социально-экономическом развитии регионов в обозначенные сроки и за счет установленного объема ресурсов, источниками которых являются федеральный бюджет, бюджеты субъектов РФ, местные бюджеты, а также внебюджетные средства.

Определение субъектов Российской Федерации, нуждающихся в государственной поддержке, осуществлялось на основе оценки уровня их социально-экономического развития и обеспеченности объектами социальной и инженерной инфраструктуры. Объем финансирования для каждого субъекта РФ был пропорционален отклонению уровня социально-экономического развития субъекта РФ от среднероссийского. Общий объем финансирования, предусмотренный на реализацию мероприятий Программы в 2002–2010 годах, составлял 66 323,3 млн. руб., в том числе объем федерального финансирования – 12 413,3 млн. руб.

В 2006 г. реализация Программы была прекращена, большинство её мероприятий остались нереализованными. Это было обусловлено, в том числе, изменением принципов и механизмов государственной инвестиционной политики – переходом от Фонда регионального развития к Инвестиционному фонду. Вместе с тем дифференциация регионов по экономическим параметрам так и не сократилась за 2000–2006–2010 гг., а сокращение по социальным показателям было обусловлено активными мерами социального и бюджетного выравнивания. К недостаткам Программы можно отнести следующие: не в полной мере учтена территориальная специфика (ресурсы и возможности развития регионов); отсутствие иных (кроме Фонда) механизмов и инструментов реализации намеченного. Однако идеи и принципы данной Программы могут быть использованы для разработки аналогичной программы на уровне субъектов РФ, направленной на снижение дифференциации развития муниципалитетов и преодоление её негативных последствий.

Примером реализации программно-целевого подхода на уровне субъектов РФ стали среднесрочные комплексные программы, нацеленные на развитие отдельных территорий Республики Башкортостан, реализованные в 2011–2015 гг. и продленные на период до 2020 года. Применение программно-целевого подхода к регулированию процессов развития указанных тер-

риторий позволило определить приоритеты, сфокусировать административные, организационные и финансовые ресурсы на решении актуальных задач, обеспечить поддержку отдельных секторов экономики и социальной сферы проблемных территорий республики.

Так, приоритетными направлениями Программы развития Зауралья являются:

- 1) формирование благоприятных условий для развития экономики Зауралья посредством социального и инфраструктурного развития территорий;
- 2) развитие промышленно-производственных видов деятельности и лесного хозяйства;
- 3) развитие социально-бытовой, инженерной и дорожной инфраструктуры;
- 4) оптимизация бюджетных расходов, сокращение нерезультативных расходов, увеличение собственных доходов бюджетов муниципальных образований Зауралья.

Для реализации Программы предполагалось использование механизмов государственно-частного партнерства, внедрения проектного управления, развития межмуниципального сотрудничества и социального предпринимательства, создания зон (территорий) под формирование индустриальных парков, поддержки инвестиционных инициатив за счет специального Фонда, инвентаризации муниципального имущества и формирования в муниципалитетах залоговых фондов, установления льготных условий пользования объектами недвижимости.

За первые четыре года выполнения Программы (2011–2014 гг.) общий объем инвестиций в основной капитал, привлечённых в эти территории, составил свыше 51 млрд. рублей. В результате выполнения программных мероприятий в Зауралье создано более 8,7 тыс. рабочих мест, среднемесячная заработная плата выросла в 1,68 раза, обеспеченность населения жильем увеличилась на 13,6%, налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов — в 1,61 раза, в том числе от деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства — в 1,8 раза, бюджетная обеспеченность (налоговые и неналоговые доходы на душу населения) — в 1,65 раза. Сократился уровень официальной безработицы на 0,84 процентного пункта. На реализацию программных мероприятий второго этапа (до 2020 года) планируется направить 85,6 млрд. рублей в том числе: средства федерального бюджета — 0,2 млрд. рублей; средства бюджета Республики Башкортостан — 4,7 млрд. рублей; средства местных бюджетов муниципальных образований Зауралья — 0,1 млрд. рублей; внебюджетные средства — 80,6 млрд. рублей.

Следует отметить, что во многих субъектах РФ имеется успешный опыт реализации программно-целевого подхода к регулированию территориального, пространственного развития. Так, например, в Пермском, Краснодарском, Хабаровском, Забайкальском краях, Новосибирской, Ростовской, Брянской, Воронежской, Оренбургской, Пензенской областях действуют такие государственные программы, как «Региональная политика», «Региональная политика и развитие территорий», «Региональная политика и развитие гражданского общества», «Развитие институтов региональной политики», «Содействие развитию местного самоуправления», «Содействие развитию муниципальных образований и местного самоуправления», «Развитие территорий и жилищная политика». Объём финансирования мероприятий, в частности, госпрограммы Пермского края «Региональная политика и развитие территорий» (утверждена Постановлением Правительства Пермского края от 01.10.2013 г. № 1305-п) на 2014–2016 гг. из всех источников составлял 49,2 млрд. руб., в том числе из средств краевого бюджета — 7,4 млрд. руб. В Республике Башкортостан реализуются 2 специальные программы по развитию проблемных территорий региона: Среднесрочная комплексная программа социально-экономического развития Зауралья и Среднесрочная комплексная программа социально-экономического развития северо-восточных районов Республики Башкортостан. В рамках перечисленных выше госпрограмм субъектов РФ предусматривается реализация таких мероприятий, как:

- развитие системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников органов местного самоуправления и муниципальных учреждений;
- учет местных особенностей муниципалитетов, влияющих на удорожание муниципальной услуги, в целях межбюджетного регулирования;
- стимулирование органов местного самоуправления к наращиванию собственного экономического потенциала;
- привлечение инвесторов на территорию муниципалитетов, создание территорий опережающего социально-экономического развития;
- проведение мониторинга и оценки эффективности развития муниципальных образований;
- благоустройство территорий муниципальных образований, содействие развитию социальной, инженерной и коммунальной инфраструктуры муниципальных образований;

- привлечение средств специализированных фондов на реализацию мероприятий по строительству и (или) реконструкции объектов инфраструктуры, необходимых для осуществления физическими и юридическими лицами инвестиционных проектов;

- предоставление грантов, организация и проведение конкурсов в сфере местного самоуправления, субсидий бюджетам муниципальных образований на решение вопросов местного значения с участием средств граждан, в том числе в рамках самообложения граждан;

- предоставление субсидий на софинансирование мероприятий по реализации социально значимых проектов ТОС, организация и проведение конкурсов «Лучшее территориальное общественное самоуправление года», «Лучшая местная администрация по работе с территориальным общественным самоуправлением»;

- проведение конкурса на звание «Самое благоустроенное городское (сельское) поселение», «Лучшее муниципальное образование»;

- предоставление субсидий бюджетам муниципальных образований на реализацию муниципальных программ, приоритетных муниципальных проектов в рамках приоритетных региональных проектов, инвестиционных проектов муниципальных образований на условиях софинансирования;

- оказание правовой и методической поддержки органам местного самоуправления в сфере их деятельности, проведение семинаров-совещаний с представителями органов местного самоуправления, организация социологических опросов, осуществляемых с целью изучения общественно-политической ситуации в муниципалитетах, разработка механизмов формирования института сельских старост в населенных пунктах и др.

Следует отметить, что помимо специальных программ, направленных на преодоление различий в социально-экономическом развитии территорий и негативных последствий дифференциации, в практике российских регионов используются различные методы и инструменты реализации отдельных видов государственной политики.

Одним из главных механизмов регулирования территориальных различий является *выравнивание бюджетной обеспеченности* субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а соответственно, и возможностей органов власти по исполнению всех возложенных на них функций и задач. В рамках системы межбюджетных отношений предоставляются следующие трансферты: дотации, субсидии, субвенции и иные.

На уровне субъектов Российской Федерации дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности предоставляются бюджетам поселений

(внутригородских районов), бюджетам муниципальных районов (городских округов, городских округов с внутригородским делением), которые формируют региональный фонд финансовой поддержки поселений и фонд финансовой поддержки муниципальных районов (городских округов). Данные дотации предусматриваются в бюджете субъекта РФ в целях выравнивания финансовых возможностей муниципалитетов в сфере осуществления органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения исходя из уровня расчетной бюджетной обеспеченности муниципальных образований (с учётом нормативов минимальной бюджетной обеспеченности муниципалитетов, как, например, в отношении внутригородских муниципальных образований г. Санкт-Петербурга, или с учётом критерия выравнивания и численности жителей, как, например, в Вологодской области).

При составлении и (или) утверждении бюджета субъекта Российской Федерации по согласованию с представительными органами муниципальных образований дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городских округов, городских округов с внутригородским делением) могут быть полностью или частично заменены дополнительными нормативами отчислений в бюджеты от налога на доходы физических лиц. Для органов местного самоуправления данный способ носит стимулирующий характер, так как позволяет им самим непосредственно оказывать влияние на формирование доходной базы бюджета посредством развития экономического потенциала муниципалитета, повышения собираемости налогов и др. Например, в Вологодской области в результате замены дотаций дополнительными нормативами отчислений от НДФЛ в 2016 году 15 муниципальных районов из 26-ти не получали дотаций на выравнивание.

Местным бюджетам могут быть предоставлены иные межбюджетные трансферты из регионального бюджета, в том числе в форме дотаций на поддержку мер по обеспечению сбалансированности местных бюджетов. Размер данной дотации определяется исходя из суммарной оценки расходных обязательств муниципального образования по вопросам местного значения, рассчитанных в соответствии с региональными законами «О нормативах расходных потребностей».

Следует отметить, что подобные выравнивающие механизмы пока не позволяют обеспечить достаточную наполняемость большинства местных бюджетов для решения не только текущих, но и стратегических задач раз-

вития. При этом дотационный характер выравнивания слабо стимулирует органы местного самоуправления к наращиванию и повышению эффективности использования экономического потенциала муниципалитетов, общего уровня их развития.

Решение проблемы внутрирегиональной социально-экономической дифференциации во многом зависит и от организации системы управления на местном уровне, а также эффективности взаимодействия органов государственной власти органов и местного самоуправления. Это взаимодействие обеспечивается комплексом мер, к числу которых следует отнести: организационные (Совет муниципальных образований субъекта Федерации, управленческие округа, координационные советы, межведомственные рабочие группы, совещания, конференции), экономические (софинансирование расходов, бюджетные кредиты, предоставление льгот и др.), информационные (информационные каналы обмена данными, системы документооборота, обучение и повышение квалификации кадров для органов местного самоуправления) и др.

Так, создание *управленческих округов* позволяет скоординировать деятельность органов государственной власти субъекта Российской Федерации и крупных муниципальных образований (районов и городских округов). Так, в законе Свердловской области под управленческим округом области понимается «часть территории области, на которой осуществляется координация деятельности исполнительных органов государственной власти региона, анализ и прогноз социально-экономического развития входящих в округ административно-территориальных единиц, имеющих близкие природно-географические условия, ресурсный потенциал, уровни развития промышленности и социальной инфраструктуры, транспортную доступность, финансовые возможности и численность населения» [37]. Округ не является административно-территориальной единицей: самостоятельная система исполнительных органов власти в нем не образуется. В данном регионе сформировано 5 таких округов (Восточный, Горнозаводской, Западный, Северный, Южный), при этом ряд муниципалитетов не входят ни в один округ.

В Алтайском крае в 2009 году на основе существующих хозяйственно-экономических связей между территориями края и транспортной доступности были определены 7 управленческих округов (Барнаульский, Заринский, Бийский, Алейский, Каменский, Славгородский и Рубцовский), курируемые заместителями губернатора края, что позволяет усилить

взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления. Как показал опыт территорий, где были созданы управленческие округа, они способствуют более оперативному реагированию на изменяющуюся социально-экономическую ситуацию в муниципалитетах края (ежеквартально проводится анализ развития округов), решению в текущем режиме всех возникающих проблем на рабочих совещаниях, круглых столах с представителями муниципалитетов округа [7].

Важную роль в регулировании процессов внутрирегиональной дифференциации должны играть органы местного самоуправления. Реформирование института местного самоуправления продолжается с начала 1990-х годов. С 1 января 2009 года (в ряде регионов – с 1 января 2006 г.) вступил в полную силу Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ. Целью реформы местного самоуправления 2000-х годов было, с одной стороны, приблизить этот уровень власти к населению, к его интересам и потребностям, а с другой стороны, сделать этот институт полноправным уровнем власти (не являющимся государственным и формально от него не зависящим), ответственным за определённый круг вопросов и полномочий в рамках проведения единой политики, направленной на решение комплексных задач развития страны [171]. Вместе с тем достичь главных целей муниципальной реформы так и не удалось из-за нерешённости комплекса проблем и невозможности их самостоятельного решения органами местного самоуправления, что приводит к формированию негативных условий, ограничивающих экономический рост и устойчивое развитие муниципалитета [6].

Однако опыт ряда субъектов РФ подтверждает существование эффективных инструментов и институтов развития и саморазвития на местном уровне, которые позволяют решать проблемы локального значения при минимуме бюджетных расходов (или вообще при их отсутствии) или достигать максимального эффекта при заданном объёме ресурсов. К числу таких институтов относятся территориальное общественное самоуправление (ТОС); фонды местных сообществ (ФМС); самообложение граждан; различные проекты поддержки местных инициатив (инициативное и партиципаторное бюджетирование). Их деятельность направлена прежде всего на решение проблем инфраструктурного обеспечения и формирование комфортных условий проживания населения. В число важнейших функций данных институтов входят:

1. Строительство и ремонт дорог, мостов, объектов электро-, водо-, теплоснабжения и водоотведения, мест отдыха, общее благоустройство территории. В данном случае создаются условия для закрепления населения на местах, повышения комфортности проживания, привлечения инвесторов.

2. Реализация проектов в сфере активизации экономического развития территорий (создание и модернизация туристических объектов, мест отдыха, развитие народных промыслов, кооперация, использование местных природных ресурсов, обеспечение продовольствием), направленных на формирование точек роста, создание новых рабочих мест, снижение уровня безработицы и социальной напряжённости в проблемных территориях.

3. Коммуникационная функция (поиск и объединение ресурсов, средств населения, бизнеса; формирование локальных сообществ — сплочённой группы лиц, нацеленных на решение общих проблем и задач развития муниципалитета, стимулирование социальной ответственности бизнеса).

4. Функция общественного контроля (за эффективностью деятельности органов местного самоуправления, за развитием территории, бизнеса, за расстановкой приоритетов в деятельности органов власти).

5. Социальная и благотворительная функция (помощь социально незащищённым слоям населения, взятие на себя отдельных функций по решению ряда вопросов местного значения, поиск благотворителей и спонсоров для реализации проектов и поддержки отдельных граждан).

Наибольший эффект в развитии территорий эти институты показали там, где имеется поддержка данных процессов со стороны органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления. Так, в Архангельской области осуществляется поддержка ТОС, в Кировской области — местных инициатив и самообложения, в Республике Татарстан — самообложения (на каждый рубль средств населения, собранных на реализацию проектов, выделяется по 5 рублей субсидии из регионального бюджета). Результаты показывают, что при объёме средств 1,5 млн. руб., вложенных жителями, бизнесом и властью в реализацию проектов, был получен эффект 30 млн. руб. [160].

В Архангельской области за 2006—2014 гг. ТОС реализованы 1496 проектов, а за 2011—2014 гг. силами ТОС удалось отремонтировать и реконструировать 213 тыс. кв. м дорог местного значения, 50 мостов; обустроить 145 объектов водоснабжения, 129 детских площадок, 132 спортивных сооружения, 105 объектов культуры и 60 туристических объектов; реализовать 283

проекта по благоустройству дворов [49]. Отметим и положительный опыт г. Шарья Костромской области, в котором за счет средств инициативных граждан и бизнеса построен мост, стоимость которого составила всего 4% от его возможной сметной стоимости (300 тыс. руб. против 13,5–14,0 млн. руб.). Этот пример стал стимулом и для разработки других проектов (более подробно об это см. в приложении Б). Таким образом, в перечисленных регионах формируется эффективная система объединения ресурсов и сил на местах, формируется действенный механизм взаимодействия власти, бизнеса и населения, направленный на повышение общего уровня социально-экономического развития муниципальных образований, снижение масштабов внутрирегиональных различий и преодоление негативных последствий дифференциации, а также обеспечивающий самоорганизацию и заинтересованность населения в решении проблем местного значения.

Однако пока ещё сохраняются препятствия (бюрократические, пассивность населения, неурегулированность в законодательстве некоторых вопросов функционирования институтов развития на местном уровне), сдерживающие активность населения в управлении территорией, а следовательно, и в решении проблем внутрирегиональной дифференциации.

Важной задачей органов региональной и местной власти является стимулирование и поддержка бизнеса для участия в развитии локальной территории. Если бизнес намерен развивать инфраструктуру муниципалитета и территорию в целом, то для этого необходимо создавать условия (выделять земельные участки, оперативно разрешать все бюрократические процедуры и т.д.). Кроме того, в местных общественных советах обязательно должны быть представители бизнеса. Необходимо обеспечить максимально полное использование потенциала муниципалитетов и потенциала самоорганизации жителей, эффективного взаимодействия власти и бизнеса.

Следует отметить, что в российской и зарубежной региональной науке и практике не абсолютизируется задача выравнивания уровня развития территорий и снижения дифференциации до какой-то отметки. Принципиально важное значение имеет обеспечение равных условий и относительно равных возможностей развития территорий, достижение необходимых социальных стандартов и качества жизни населения.

Обобщение зарубежного и отечественного опыта позволяет выявить совокупность методов и инструментов регулирования территориального развития, которые прямо или косвенно направлены на создание условий для преодоления социально-экономической дифференциации (табл. 1.7).

Таблица 1.7. **Методы и инструменты регулирования внутрирегиональной дифференциации**

Группа методов	Инструменты
Экономические	Дотации (в том числе дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципалитетов), субсидии, субвенции и другие межбюджетные трансферты муниципальным образованиям, замена дотаций дополнительными нормативами отчислений от региональных налогов Перераспределение доходных источников между бюджетами разных уровней Привлечение средств федерального бюджета, средств институтов развития на реализацию конкретных проектов в муниципалитетах Инвестиции за счёт средств бюджета в объекты капитального строительства Льготы, субсидии предприятиям, организациям Льготы и выплаты гражданам, переезжающим в отдельные территории (на Крайний Север; «подъёмные» работникам АПК, учителям и врачам при переезде в сельскую местность и т.д.) Территориальные и производственные кластеры Стратегии социально-экономического развития региона и муниципальных образований Анализ и мониторинг социально-экономического развития муниципальных образований региона, прогнозирование развития территорий Специальные государственные программы развития отдельных территорий (части территории субъекта Российской Федерации) Программы развития моногородов Специальные программы по снижению территориальной дифференциации Программы поддержки малого и среднего предпринимательства Программы устойчивого развития сельских территорий
Административные и организационные	Территории с особым правовым режимом (СЭЗ, ОЭЗ, ТОСЭР, ЗТР) Вынужденное переселение жителей из отдельных территорий Разграничение и передача полномочий между уровнями власти Преобразование муниципально-территориального устройства; создание управленческих округов на территории субъекта Федерации Специальные подразделения в органах исполнительной государственной власти субъектов Федерации, координационные советы по развитию муниципальных образований Подготовка кадров для органов местного самоуправления Различные формы участия населения в управлении развитием территорий (ТОСы, самообложение, проекты местных инициатив и т.д.)
Институциональные	Банки, корпорации, агентства развития территорий Инвестиционные уполномоченные в муниципальных районах и городских округах Государственно-частное партнёрство, муниципально-частное партнёрство Проектное управление Межмуниципальное сотрудничество Институты поддержки и развития предпринимательства и инноваций: бизнес-инкубаторы, промышленные (индустриальные) парки, технопарки, инновационные парки, фонды, центры трансфера технологий Бизнес-кооперация Социальная ответственность бизнеса, социальные программы бизнеса по развитию территорий (в сфере строительства дорог, жилья, модернизации инфраструктуры)

Таким образом, анализ мировой и отечественной практики позволил установить, что существует два основных подхода к регулированию внутрирегиональной дифференциации: а) с помощью специальных методов и инструментов региональной политики, главной задачей которой является обеспечение сбалансированного пространственного развития и снижение

различий между регионами и муниципалитетами; б) с помощью методов и инструментов различных видов политик (структурной, инвестиционной, налогово-бюджетной, промышленной, аграрной и т.д.), в рамках которых создаются условия для развития проблемных территорий, обеспечения равных условий ведения бизнеса, возможностей местных органов власти в решении проблем местного значения; обеспечиваются необходимые стандарты жизнедеятельности населения. Главным координатором территориального развития должно стать государство в лице органов государственной власти субъекта Федерации; основной принцип регулирования социально-экономического развития — согласованное и скоординированное сотрудничество органов государственной власти, органов местного самоуправления, населения и бизнеса.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕГИОНА

2.1. Тенденции внутрирегиональной социально-экономической дифференциации (на примере Вологодской области)

Одну из важнейших задач органов власти и управления на всех уровнях представляет обеспечение сбалансированного пространственного развития региона и необходимого уровня и качества жизни населения. В связи с этим необходимо выявить тенденции и закономерности социально-экономического развития муниципальных образований, оценить масштабы различий между ними, что позволит определить значимость для региона проблемы внутрирегиональной дифференциации, а также оценить эффективность существующего механизма региональной социально-экономической политики в направлении достижения цели сокращения внутрирегионального неравенства.

Вологодская область – субъект Российской Федерации на севере Европейской части России – входит в состав Северо-Западного федерального округа (далее – СЗФО) и Северного экономического района. В области, занимающей 8,6% территории СЗФО и 0,8% всей территории РФ, на 1 января 2016 г. проживало 8,6% населения СЗФО и 0,8% населения РФ. Ведущими видами экономической деятельности, определяющими экономическое развитие области, выступают обрабатывающие производства (металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, химическое производство, производство машин и оборудования, обработка древесины и производство изделий из дерева, производство пищевых продуктов), транспорт и связь, торговля, сельскохозяйственное производство. Это подтверждает структура валового регионального продукта (см. прило-

жение В). Значительная часть промышленного потенциала сконцентрирована в двух городских округах (Вологда и Череповец), а муниципальные районы являются преимущественно сельскими (28,0% населения области по итогам 2015 г. проживало в сельской местности). Вместе с тем Вологодская область относится к зоне Севера и к зоне рискованного земледелия, поэтому повсеместное распространение здесь высокоэффективного сельского хозяйства затруднительно.

С 1 января 2006 г. в области было образовано 372 самостоятельных муниципальных образования. После проведения процедур объединения поселений на 1 января 2016 года осталось 224 муниципалитета, в том числе 2 городских округа (Вологда и Череповец), 26 муниципальных районов, 22 городских поселения, 174 сельских поселения. Количество муниципальных образований области по-прежнему самое большое среди всех субъектов СЗФО (приложение Г). В указанном приложении представлены группировки муниципальных районов, городских и сельских поселений по численности проживающего в них населения. Так, в 20 *муниципальных районах* области (76,9% от их общего числа) численность населения менее 30 тыс. чел., а в 5 районах (19,2%) — менее 10 тыс. Отметим также, что в 15 *городских поселениях* (68,2 % от их общего числа) проживает менее 10 тыс. человек, а в 41,9% *сельских поселений* области — менее 1 тысячи человек. Из представленных данных можно сделать вывод о малонаселенности большинства муниципальных образований региона, приводящей к снижению возможностей и перспектив их развития, особенно в условиях ограниченности бюджетных средств.

Достаточно большие размеры территории области, исторически сложившиеся особенности специализации муниципальных районов, безусловно, определяют существенные различия между территориями региона по основным параметрам социально-экономического развития. Детальный анализ и оценку внутрирегиональной дифференциации следует проводить по таким территориальным единицам, как муниципальные районы и городские округа, поскольку только о них имеется относительно комплексная, сопоставимая и полная статистическая и иная информация за длительный период. Кроме того, именно на этом уровне управления сконцентрированы основные полномочия (в том числе и переданные государством) по управлению комплексным социально-экономическим развитием локальных территорий.

За период 1991–2015 гг. численность населения Вологодской области сократилась на 169,6 тыс. чел., или на 12,5% (табл. 2.1), что превышало темпы

снижения данного показателя в среднем по СЗФО и РФ. В районах области сокращение более значительное — в среднем на 26,1%, рост численности населения имел место только в городах Вологде и Череповце.

Таблица 2.1. Индикаторы демографической ситуации в муниципальных районах и городских округах Вологодской области в 1991–2015 гг.

Район	Численность постоянного населения на конец года, тыс. чел.				Коэффициент естественного прироста населения, промилле			Коэффициент миграционного прироста населения, промилле		
	1991	2001	2015	2015 к 1991, %	1991	2001	2015	1991	2001	2015
Бабаевский	28,7	25,6	20,0	69,8	-4,1	-14,0	-7,9	11,0	1,5	1,5
Бабушкинский	17,8	15,5	11,9	66,9	2,8	-11,1	-7,6	8,3	-7,3	-5,4
Белозерский	24,4	22,3	15,4	63,2	-1,9	-12,5	-10,3	-0,9	-6,0	-10,8
Вашкинский	12,0	10,3	7,0	58,6	-0,6	-17,8	-9,0	1,7	0,7	-14,5
Великоустюгский	74,2	66,6	55,0	74,1	-1,8	-9,7	-4,6	5,0	2,9	-7,1
Верховажский	18,3	16,6	13,1	71,6	1,9	-8,9	-2,1	-4,5	2,6	0,1
Вожегодский	22,1	19,4	15,0	67,7	-3,8	-14,4	-9,3	2,3	4,8	-7,3
Вологодский	57,6	51,1	52,4	90,9	0,3	-7,4	-1,9	-1,3	-3,6	10,6
Вытегорский	37,5	32,6	24,9	66,3	-2,5	-12,1	-9,7	2,4	1,2	-8,2
Грязовецкий	46,0	42,9	33,1	71,9	-0,1	-9,5	-4,7	3,7	-4,8	-10,3
Кадуйский	20,0	19,2	17,0	85,2	-0,6	-10,8	-4,8	6,5	-6,6	6,9
Кирилловский	21,8	19,1	15,1	69,4	-3,7	-10,1	-10,1	15,1	-0,9	3,4
Кичм.-Городецкий	26,2	22,8	16,4	62,5	2,8	-11,4	-7,5	10,3	-1,2	-6,4
Междуреченский	9,4	7,9	5,6	59,8	-0,5	-11,2	-12,5	12,2	-5,0	-3,5
Никольский	31,0	27,1	20,3	65,5	3,2	-9,0	-2,9	5,0	0,1	-10,5
Нюксенский	13,6	11,9	8,8	64,6	1,5	-7,0	-5,3	-0,2	2,6	-12,2
Сокольский	65,0	59,5	49,4	76,0	-4,1	-11,3	-3,4	3,5	-4,0	-3,0
Сямженский	12,4	10,6	8,2	66,5	-1,1	-9,0	-5,8	19,1	9,2	-6,6
Тарногский	17,8	15,6	11,6	65,2	1,9	-8,4	-6,6	-0,6	0,5	-9,3
Тотемский	28,0	26,9	22,9	81,9	1,0	-7,6	-3,7	10,3	1,5	-2,3
Усть-Кубинский	11,0	9,5	7,9	71,6	-3,9	-14,4	-8,4	-6,2	13,0	3,7
Устюженский	23,1	22,3	17,3	75,0	-6,9	-15,9	-9,9	6,4	-0,5	-1,4
Харовский	24,8	21,3	14,7	59,4	-2,6	-14,0	-11,9	-0,3	-2,8	-8,3
Чагодощенский	17,8	16,0	12,6	70,7	-7,3	-16,3	-11,7	3,9	2,6	-6,7
Череповецкий	47,4	41,7	39,5	83,4	-4,0	-12,6	-6,1	0,1	5,3	-6,2
Шекснинский	34,6	35,8	33,3	96,2	-0,6	-9,0	-3,0	5,2	1,3	4,9
г. Вологда	298,6	305,5	320,6	107,4	1,2	-5,1	4,3	1,5	-1,9	-0,6
г. Череповец	316,2	314,6	318,5	100,7	1,7	-4,7	1,8	3,6	2,8	-0,4
По районам	742,5	670,3	548,5	73,9	-1,3	-5,7	-5,8	2,2	-0,2	-3,1
По области	1357,3	1290,4	1187,7	87,5	-0,1	-8,0	-1,1	3,4	0,1	-1,7

Источник: здесь и далее рассчитано на основе официальной статистической информации по городам и районам Вологодской области: [93]; [94]; [134].

Что касается сельского населения, которое составляет большую часть населения районов области, то оно сократилась ещё больше — на 27,7%: здесь сохраняются высокая естественная убыль и миграционный отток в города и другие населённые пункты. Как можно отметить, судя по данным Всероссийской переписи населения [117], в области остались без жителей только за межпереписной период (2002 — 2010 гг.) 506 сельских населённых пунктов (или по 63 в среднем за каждый год) — их доля выросла с 20,2% в 2002 г. (15,6% в 1989 г.) до 26,6% в 2010 г. Число самых малонаселённых пунктов (менее 10 жителей) увеличилось на 6%, их доля составила 40,3%.

В 1991 году в 8 районах области и в городах Вологде и Череповце наблюдался естественный прирост населения, а в 18 районах — естественная убыль, которая в последующие годы зафиксирована во всех районах: в 2001 году коэффициент естественной убыли превышал 10 промилле в двух третях районов, а в 2003 году — в 22 районах [14].

Меры, инициированные на уровне Федерации и субъектов РФ по стимулированию рождаемости и сокращению смертности, а также вступление в детородный возраст достаточно многочисленного, здорового и с сохранившимися установками на детность поколения начала — середины 1980-х годов способствовали началу процессов снижения с 2006 года естественной убыли населения: за период 2001–2015 годов в абсолютных значениях она снизилась более чем в 2 раза в 15 районах области.

Естественный прирост населения впервые за много лет наблюдался с 2011 года в Вологде и с 2012 года в Череповце.

В начале 1990-х годов в 19 районах области зарегистрирован миграционный прирост населения, однако в последующие годы вектор этого процесса изменился — в большинстве районов отмечалась миграционная убыль населения и ее усиление: в 1996 году — в 14 районах, в 2015 году — в 22 районах. Всё это свидетельствует о том, что жители муниципалитетов (главным образом молодежь), в которых уровень социально-экономического развития снижался, переезжали в Вологду и Череповец и в более перспективные районы и районные центры с целью получения более высоких доходов и профессионального роста.

Общая картина развития муниципальных районов и городских округов в 1991–2015 гг. представлена в таблице 2.2.

Согласно этим данным, развитие территорий региона характеризовалось в исследуемый период разнонаправленными тенденциями: в ряде районов отмечался рост промышленного производства (в Кадуйском районе — ещё и рост инвестиций), но в большинстве их значения всех приведенных показателей снизились.

Таблица 2.2. **Изменение основных экономических показателей в районах и городских округах Вологодской области, раз**

Район (городской округ)	2015 г. к 1991 г.			Район (городской округ)	2015 г. к 1991 г.		
	ПП	СХ*	И**		ПП	СХ*	И**
Бабаевский	↓3,9	↓3,7	↓4,3	Нюксенский	↑1,4	↓3,4	↓12,1
Бабушкинский	↓4,5	↓3,6	↓21,2	Сокольский	↓1,4	↓1,5	↓2,7
Белозерский	↑1,7	↓2,7	↓3,1	Сямженский	↓2,4	↓3,8	↓3,1
Вашкинский	↑1,6	↓2,8	↓7,7	Тарногский	↑2,3	↓2,0	↓5,9
Великоустюгский	↓1,3	↓2,4	↓4,3	Тотемский	↓1,5	↓1,2	↓8,9
Верховажский	↓1,9	↓2,4	↓5,8	Усть-Кубинский	↓5,2	↓2,0	↓2,3
Вожегодский	↓1,9	↓2,0	↓29,4	Устюженский	↓2,6	↑1,03	↓5,4
Вологодский	↑2,7	↑1,04	↓7,2	Харовский	↓1,5	↓2,4	↓1,1
Вытегорский	↑3,7	↓3,5	↓2,5	Чагодощенский	↑1,1	↓2,1	↓1,3
Грязовецкий	↓2,0	↑1,04	↓2,0	Череповецкий	↑1,3	↓1,2	↓5,8
Кадуйский	↑3,4	↓2,1	↑5,0	Шекснинский	↓1,5	↓1,3	↓4,6
Кирилловский	↓5,8	↓1,2	↓3,6	г. Вологда	↑1,8	-	↓1,2
Кичменгско-Городецкий	↓6,2	↓2,6	↓22,2	г. Череповец	↑1,02	-	↓1,01
Междуреченский	↑1,2	↓1,8	↓14,7	По области	↑1,3	↓1,3	↓1,8
Никольский	↓1,04	↓2,3	↓5,7				

Обозначения: ↑ – рост значения показателя; ↓ – снижение значения показателя; ПП – физический объём производства промышленной продукции; СХ – физический объём производства сельскохозяйственной продукции; И – физический объём инвестиций в основной капитал.
 * 2015 г. к 1996 г.
 ** 2013 г. к 1991 г.

Неодинаковая готовность районов области к рыночным преобразованиям наряду с различиями в ресурсах обусловили существенную дифференциацию между районами и городскими округами области в развитии промышленного производства (табл. 2.3). Как видно из таблицы, в течение всего исследуемого периода усиливалась дифференциация районов по среднедушевому объёму промышленного производства. Это подтверждает и увеличение коэффициента размаха вариации среди районов с 30 раз в 1991 году до 734 раз в 2013 году (а с учётом городских округов разрыв между г. Череповцом и Кичменгско-Городецком районом достигал 2290 раз!); по итогам 2015 г. различия районов по показателю объёма отгрузки промышленной продукции составили 29 раз. Во многом данную ситуацию обусловили и существенные различия в динамике производства промышленной продукции: если в 4 районах области (Вологодский, Вытегорский, Кадуйский и Тарногский) его физический объём вырос за исследуемый период более чем в 2 раза, то в 16 районах он сократился, а в некоторых – весьма значительно.

Таблица 2.3. Показатели дифференциации муниципальных районов и городских округов Вологодской области по объёму производства промышленной продукции на душу населения

Показатель	Год								
	1991	1996	2001	2006* ¹⁾	2010* ²⁾	2012* ²⁾	2013* ²⁾	2014* ³⁾	2015* ³⁾
В среднем по районам, тыс. руб. (1996 – млн. руб.)	5,1	4,1	24,5	37,7	53,8	68,4	67,2	128,7	146,4
В среднем по области, тыс. руб. (1996 – млн. руб.)	9,4	16,1	69,0	209,7	275,4	338,6	328,1	440,7	498,2
Доля районов в объёме областного производства, %	29,8	13,4	18,4	9,2	9,4	9,6	9,6	13,6	13,6
Доля гг. Вологды и Череповца, %	70,2	86,6	81,6	90,8	90,6	90,4	90,4	86,4	86,4
Доля г. Череповца, %	53,0	70,0	72,6	79,9	80,3	78,8	77,6	68,1	72,4
Макс/мин* ⁴⁾ (районы), раз	29,9	40,6	78,8	47,7	507,5	366,2	733,5	23,3	29,3
Макс/мин* ⁴⁾ (с ГО), раз	33,2	63,8	78,8	151,3	1543,2	1271,1	2289,9	64,5	67,4
Размах вариации (районы)	18,7	29,3	257,7	206,2	278,7	290,4	306,9	387,4	563,8
Размах вариации (с ГО)	20,8	46,4	254,7	663,9	848,4	1009,8	959,2	1105,5	1325,4
Среднее квадратическое отклонение (районы)	4,0	5,5	47,9	50,6	75,5	86,7	77,5	86,4	115,0
Коэффициент вариации (районы), %	77,7	135,1	195,6	134,1	140,4	126,7	115,4	67,1	78,6
Коэффициент вариации (с ГО), %	70,8	87,5	99,7	94,1	93,8	92,4	92,0	80,1	82,0
ИТвг (районы* ⁵⁾)	0,113	0,178	0,306	0,086	0,110	0,097	0,069	0,047	0,074
ИТмг (районы)	0,112	0,216	0,290	0,439	0,527	0,495	0,451	0,138	0,143
ИТ (районы)	0,225	0,394	0,596	0,524	0,638	0,592	0,520	0,185	0,217
ИТвг (с ГО* ⁵⁾)	0,124	0,238	0,334	0,343	0,347	0,321	0,302	0,202	0,270
ИТмг (с ГО)	0,156	0,327	0,286	0,389	0,369	0,349	0,335	0,223	0,221
ИТ (с ГО)	0,280	0,566	0,620	0,732	0,716	0,670	0,637	0,425	0,491
* ¹⁾ С учетом объёма производства малых предприятий, представивших сведения в органы статистики.									
* ²⁾ Без учёта объёма производства малых предприятий.									
* ³⁾ Данные об объёме производства промышленной продукции отсутствовали в официальной статистической отчётности за 2014–2015 гг., поэтому за этот год представлены данные об объёме отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг (без учета объёма производства субъектов малого предпринимательства).									
* ⁴⁾ Макс/мин – соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя.									
* ⁵⁾ Здесь и в последующих таблицах: районы – значение показателя по районам области; с ГО – значение соответствующего показателя по всем территориям области (с учётом городских округов – Вологды и Череповца); ИТвг – индекс Тейла внутригрупповой; ИТмг – индекс Тейла межгрупповой.									

Кроме того, заметна тенденция увеличения концентрации промпроизводства в двух крупнейших городах: если в 1991 году на районы приходи-

лось 30% производства области, то в 2013 году — всего 9,6%; в 2015 г. доля районов в объёме отгруженной продукции составила 13,6%. Это привело почти к трёхкратному росту разрыва между среднерайонным и среднеобластным значениями показателя среднедушевого объёма производства (с 1,8 раза в 1991 г. до 4,9 раза к 2013 году). В большей степени это обусловлено тем, что во многих районах с переходом к рыночной экономике ряд предприятий лесной, пищевой промышленности и сельского хозяйства оказались неконкурентоспособными и прекратили свою деятельность, а открытие новых производств или расширение уже имеющихся осуществлялось в основном в городах Вологде и Череповце и в 4–5 районах области.

Значения индекса Тейла свидетельствуют о преобладании межгруппового неравенства (которое в последние годы формирует до 66–87% всего неравенства), то есть значительного превышения уровня развития производства в лидирующей пятерке районов (Чагодощенский, Шекснинский, Сокольский, Кадуйский, Грязовецкий) по сравнению с остальными районами. В то же время по сравнению с уровнем 1991 г. данный индекс к 2013 г. вырос в 2,3 раза⁵. При расчете индекса с учетом городских округов ситуация не меняется, но в этом случае меж- и внутригрупповое неравенства практически уравниваются, так как положение в группе лидеров г. Череповца, который значительно опережает по объёму промышленной продукции все муниципалитеты, формирует существенное внутригрупповое неравенство.

Наибольший вклад в межмуниципальное неравенство вносили районы-лидеры промышленного производства области (Кадуйский, Шекснинский, Чагодощенский), за счёт которых формировалось от 49 до 92% величины коэффициента вариации по районам. Если учитывать Вологду и Череповец, то доля первого города составила в 2015 г. всего 1,2%, доля второго — 15,4%, а вклад каждого из районов не превышал 4,9%, что свидетельствует о значительном отставании значений показателей в большинстве районов от среднеобластных.

Ведущую роль в экономике большинства районов области исторически играет сельское хозяйство, обеспечивая занятость населения, развитие инфраструктуры в сельской местности. Основные параметры неравномерности развития сельского хозяйства региона представлены в таблице 2.4.

⁵ В 2014–2015 гг. значения данного индекса были несколько ниже, в связи с тем что в эти годы органами статистики публиковались несколько иные по содержанию данные (не об объёме промышленного производства, а об объёме отгрузки по видам деятельности).

Таблица 2.4. Показатели дифференциации районов Вологодской области по объёму производства сельскохозяйственной продукции на душу населения

Показатель	1991	1996	2001	2006	2010	2012	2013	2014	2015
В среднем по районам, тыс. руб. (1996 г. – млн. руб.)	666,9	4,7	15,6	23,3	36,4	38,3	39,4	46,2	52,2
В среднем по области, тыс. руб. (1996 г. – млн. руб.)	364,8	2,5	8,1	11,9	17,5	18,1	18,5	21,5	24,1
Доля 5 лучших районов в областном производстве, %	60,0	53,5	55,8	63,1	66,0	64,8	64,0	64,6	65,1
Макс/мин (районы), раз	10,1	10,1	9,7	20,1	19,8	19,6	19,1	18,9	18,1
Размах вариации (районы)	1862,2	13,1	42,7	74,2	109,4	108,7	111,0	128,1	140,1
Среднее квадратическое отклонение (районы)	460,2	2,7	9,0	16,5	24,9	24,8	24,9	29,4	33,0
Коэффициент вариации (районы), %	69,0	56,4	57,8	71,1	68,5	64,8	63,2	63,5	63,3
ITвг (районы)	0,081	0,068	0,065	0,068	0,054	0,045	0,048	0,038	0,036
ITмг (районы)	0,220	0,138	0,167	0,261	0,266	0,248	0,236	0,249	0,250
IT (районы)	0,301	0,206	0,232	0,329	0,320	0,292	0,283	0,287	0,286

Уровень развития данной отрасли заметно различается по районам в силу как объективных (различия в сельскохозяйственном потенциале, отраслевая специализация районов, различия в количестве, масштабах и возможностях самих сельхозпредприятий, их финансово-экономическом состоянии, уровне интенсификации и модернизации производства), так и субъективных причин (ориентация политики поддержки прежде всего на крупные сельхозпредприятия и территории с относительно развитым сельхозпотенциалом; недостаток квалифицированных кадров). Факт существенной дифференциации районов области по развитию сельского хозяйства подтверждается коэффициентом вариации данного показателя: его значения в анализируемом периоде были достаточно высокими и колебались от 56% в 1996 г. до 71% в 2006 г.

Разрыв по данному показателю между районом-лидером и районом-аутсайдером (в 1991 г. это соответственно Череповецкий и Вытегорский районы, а в 2015 г. – Вологодский и Вытегорский) увеличился за исследуемый период почти в 2 раза – с 10,1 до 18,1. Во многом такая ситуация была обусловлена крайне неравномерным развитием сельского хозяйства в районах области: рост физических объемов производства за 1996–2015 гг. отмечался только в трех из них (Вологодском, Грязовецком и Устюженском), а в трех районах (Вытегорском, Сямженском, Бабаевском) наблюдался существенный спад (в 3,5–3,8 раза; см. табл. 2.2). Значительно сократились в среднем по области и посевные площади под сельхозкультурами (в 2,1 раза), а также поголовье КРС (в 3,7 раза).

Значения индекса Тейла указывают на преобладание межгруппового неравенства, свидетельствующего о значительной концентрации сельхозпроизводства в группе из 5 районов (Вологодский, Череповецкий, Шекснинский, Грязовецкий и Великоустюгский), на которые в 1991–2015 гг. приходилось от 53,5 до 66,0% всего объёма сельхозпродукции области в стоимостном выражении. В большинстве остальных районов наблюдались негативные тенденции, связанные с закрытием или кризисным финансово-экономическим состоянием сельхозпредприятий, сокращением посевных площадей, поголовья скота. Кроме того, в таких районах области, как Вытегорский, Сямженский, Бабушкинский, сельское хозяйство уже практически полностью разрушено.

Наибольший вклад в неравенство (в величину коэффициента вариации) по данному показателю в течение всего исследуемого периода вносят Вологодский и Череповецкий районы (от 5 до 52% каждый). Это два признанных лидера сельхозпроизводства области (объём среднедушевого производства здесь в 2–3 раза превышает среднерайонные значения), имеющие высокий уровень его интенсификации и обеспечивающие продовольствием два крупнейших города области. При этом указанные районы очень выгодно расположены по отношению к рынкам сбыта сельхозпродукции и к основным транспортным коридорам.

Таким образом, можно говорить об усилении дифференциации и асимметричном типе развития сельского хозяйства в районах области, когда в одних районах оно развивается с применением самых современных достижений НТП, а в других происходит дальнейшая его деградация.

Эффективное поддержание устойчивого воспроизводственного процесса возможно лишь в условиях обеспечения расширенного воспроизводства. Инвестиции являются важнейшим фактором социально-экономического развития (создания новых рабочих мест, новых производств, повышения производительности труда, развития инфраструктуры и социальной сферы территорий) [14]. Существенные отличия в инвестиционной привлекательности муниципальных районов области обусловили их значительную дифференциацию по показателю инвестиций в основной капитал на душу населения (табл. 2.5).

Динамика коэффициента вариации среднедушевых инвестиций по районам области (рост с 25 до 100%) свидетельствует об усилении дифференциации, при этом коэффициент размаха вариации увеличился за анализируемый период в десятки раз. Так, по итогам 2015 г. около 80% областного объёма инвестиций приходилось на городские округа Вологду и Череповец.

Таблица 2.5. Показатели дифференциации районов и городов Вологодской области по объёму инвестиций в основной капитал на душу населения

Показатель	1991	1996	2001	2006	2010	2012	2013	2014*	2015*
В среднем по районам, тыс. руб. (1996 г. – млн. руб.)	1,6	1,5	6,0	16,5	23,1	20,1	34,8	26,7	23,4
В среднем по области, тыс. руб. (1996 г. – млн. руб.)	1,5	2,1	7,0	30,0	35,4	41,7	44,2	43,4	51,9
Доля районов в областном объёме инвестиций, %	58,7	36,7	44,2	28,0	31,4	22,7	36,9	28,5	20,9
Доля Вологды и Череповца, %	41,3	63,3	55,8	72,0	68,6	77,3	63,1	71,5	79,1
Макс/мин (районы), раз	2,5	14,7	26,8	35,3	50,4	83,8	160,4	71,6	52,1
Макс/мин (с ГО), раз	2,5	14,7	26,8	35,3	50,4	83,8	160,4	71,6	52,1
Размах вариации (районы)	1,5	7,4	30,3	94,5	92,4	130,1	446,8	164,8	122,8
Размах вариации (с ГО)	1,5	7,4	30,3	94,5	92,4	130,1	446,8	164,8	122,8
Среднее квадратическое откло- нение (районы)	0,4	1,5	6,2	21,3	22,9	26,8	83,8	42,9	26,4
Коэффициент вариации (райо- ны), %	25,3	99,0	104,7	129,2	99,3	133,7	241,1	160,8	112,4
Коэффициент вариации (с ГО), %	28,5	70,4	87,9	82,8	73,0	79,2	183,0	99,5	77,0
ИТвг (районы)	0,014	0,152	0,183	0,217	0,148	0,143	0,674	0,790	0,577
ИТмг (районы)	0,020	0,047	0,087	0,156	0,203	0,166	0,172	0,092	0,097
ИТ (районы)	0,034	0,199	0,270	0,373	0,350	0,309	0,847	0,883	0,674
ИТмг (с ГО)	0,030	0,068	0,145	0,191	0,052	0,084	0,291	0,071	0,183
ИТвг (с ГО)	0,009	0,075	0,050	0,154	0,117	0,172	0,079	0,072	0,136
ИТ (с ГО)	0,039	0,143	0,195	0,346	0,169	0,256	0,370	0,143	0,319
* Без субъектов малого предпринимательства.									

Большая часть инвестиций направляется в сферу обрабатывающих производств (54,7% в 2015 г.), транспорта и связи (18%). Кроме того, в 25 районах за 1991–2013 гг. сократился физический объём инвестиций (максимально – в Вожегодском, Кичменгско-Городецком, Бабушкинском, Междуреченском, Нюксенском – более чем в 10 раз), а его рост наблюдался только в Кадуйском районе (в 5 раз). Всё это свидетельствует о неравномерности распределения инвестиций по муниципалитетам региона и об ограниченности участия государства в регулировании инвестирования.

Значение индекса Тейла подтверждает то, что до 2010 года и в 2013–2015 гг. внутригрупповое неравенство превышало межгрупповое в связи с наличием в каждой группе одного-двух районов, существенно опережающих остальные. Наибольший вклад в значение коэффициента вариации по показателю среднедушевых инвестиций в отдельные годы вносили районы-лидеры по объёму инвестиций (Кадуйский и Нюксенский).

Таким образом, большая часть инвестиций концентрируется в двух городских округах и в 5–6 прилегающих к ним районах области, что приводит к существенному снижению инвестиционной активности большинства районов.

Важнейшим индикатором уровня жизни населения является размер заработной платы, который во многом зависит от состояния производственной сферы соответствующих территорий. Разрыв между районами по уровню оплаты труда, составлявший в 1991 году всего 1,3 раза, через 10 лет увеличился до двух раз, а в 2012 г. достиг своего максимума – 2,9 раза (табл. 2.6). Коэффициент вариации уровня оплаты труда весь период был ниже 33%, что говорит о незначительном разбросе значений данного показателя по районам области. Вместе с тем в начале 2000-х годов наблюдалась тенденция к сокращению подобного неравенства территорий.

Таблица 2.6. Показатели дифференциации районов и городов Вологодской области по размеру среднемесячной заработной платы

Показатель	1991	1996	2001	2006	2010	2012	2013	2014	2015
В среднем по районам, руб. (1996 г. – тыс. руб.)	473	630	2390	7359	13282	17042	18530	20401	21708
В среднем по области, руб. (1996 г. – тыс. руб.)	550	896	3511	10667	18536	22649	25127	26749	27455
Соотношение заработной платы и прожиточного минимума (районы), раз	1,84*	1,47	1,70	1,95	2,11	2,35	2,31	2,27	2,01
Соотношение заработной платы и прожиточного минимума (с ГО), раз	2,27*	2,10	2,50	2,83	2,95	3,13	3,14	2,97	2,54
Макс/мин (районы), раз	1,3	2,2	2,0	1,5	1,6	2,9	1,9	1,8	1,8
Макс/мин (с ГО), раз	1,7	3,1	3,2	2,4	2,2	2,9	2,3	2,2	2,1
Размах вариации (районы), руб.	134	547	1733	3178	6119	22408	12403	13302	13248
Размах вариации (с ГО), руб.	268	912	3640	8505	13209	22408	18514	18499	18828
Среднее квадратическое отклонение (районы), руб.	36	118	442	943	1873	4271	2964	3092	3358
Коэффициент вариации (районы), %	7,6	18,7	18,5	12,8	14,1	25,1	16,0	15,2	15,5
Коэффициент вариации (с ГО), %	15,5	32,8	34,5	31,8	29,6	30,5	28,3	26,0	24,0
* 1993 г.									

Во всех районах области (за исключением Нюксенского) в 2001–2015 гг. уровень оплаты труда был ниже среднеобластного значения, а в 11–15 районах – и среднерайонных значений. Соотношение заработной платы и

величины прожиточного минимума трудоспособного населения в среднем по области превысило уровень 1993 года только в 2001 г., а по районам — в 2004 г. Вместе с тем по итогам 2015 года размер заработной платы в 15 районах области не превышал стоимости двух прожиточных минимумов.

Таким образом, существенные различия между районами области в размере заработной платы обуславливают снижение возможностей самореализации жителей городов и районов и формирование проблемных территорий.

Показатель розничного товарооборота на душу населения, с одной стороны, характеризует уровень развития в районах и городах области сети розничной торговли розничных рынков, развитость сети магазинов и т.д., с другой стороны, позволяет судить о величине платежеспособного спроса населения районов области. Как видно из таблицы 2.7, доля районов в общей величине товарооборота области уменьшилась с 49% в 1991 году до 34% в 2015 году. Это можно объяснить более ускоренным развитием торговой сети в двух крупнейших городах области, значительным сокращением сельского населения, более высокой платёжеспособностью населения городов, повышением мобильности жителей районов и приобретением ими части товаров в городах Череповце и Вологде.

Таблица 2.7. Показатели дифференциации по объёму розничного товарооборота на душу населения

Показатель	1991	1996	2001	2006	2010	2012	2013	2014	2015
В среднем по районам, тыс. руб. (1996 г. – млн. руб.)	2,69	3,6	11,3	25,6	52,4	74,3	80,7	90,5	96,2
В среднем по области, тыс. руб. (1996 г. – млн. руб.)	3,01	4,4	14,3	36,5	71,1	105,1	112,9	123,5	132,5
Доля районов, %	49,0	43,2	41,0	35,7	35,5	33,4	33,5	34,0	33,5
Доля Вологды и Череповца, %	51,0	56,8	59,0	64,3	64,5	66,6	66,5	66,0	66,5
Макс/мин (районы), раз	1,3	3,0	2,8	2,5	1,8	1,8	1,9	2,0	2,1
Макс/мин (с ГО), раз	1,6	3,0	2,8	2,7	2,3	2,6	2,6	2,6	2,7
Размах вариации (районы)	0,76	4,3	14,8	27,7	32,3	44,2	52,8	60,7	70,5
Размах вариации (с ГО)	1,25	4,3	14,8	31,3	51,7	87,8	94,1	103,4	108,6
Среднее квадратическое отклонение (районы)	0,17	1,2	3,2	6,0	8,2	10,9	12,2	14,0	16,1
Коэффициент вариации (районы), %	6,4	32,3	28,4	23,5	15,6	14,7	15,1	15,5	16,7
Коэффициент вариации (с ГО), %	13,2	33,2	30,0	33,2	28,9	31,2	30,4	29,0	29,8
Коэффициент осцилляции (районы), %	28,2	119,8	130,6	108,1	61,6	59,6	65,4	67,1	73,3

Рост соотношения между максимальным и минимальным значениями показателя среднедушевого розничного товарооборота по районам области с 1,3 до 2,1 раза обусловлен активным развитием в 2000-х годах сети розничной торговли во всех районах области, что сопровождалось не только притоком инвестиций, но и увеличением числа работников. Коэффициент вариации по данному показателю говорит о незначительной степени территориального неравенства и его сокращении. Наибольший вклад в значение коэффициента вариации в последние годы вносили Кирилловский и Великоустюгский районы, в которых активно развивалась сфера туризма, и Вологодский район, как пригород областного центра.

Важной характеристикой состояния социальной сферы района является показатель численности врачей на 10 000 населения, в определенной степени отражающий качество медицинской помощи. Динамика данного показателя и характеристика его вариации представлены в таблице 2.8.

Таблица 2.8. Показатели дифференциации по обеспеченности населения врачами

Показатель	1991	1996	2001	2006	2010	2012	2013	2014	2015
В среднем по районам, врачей на 10 000 населения	19,3	18,8	18,0	17,5	17,1	17,5	17,5	18,1	17,8
В среднем по области, врачей на 10 000 населения	32,3	34,3	34,6	35,5	34,6	35,3	34,7	35,2	35,2
Доля районов, %	32,6	29,1	27,0	25,2	23,8	23,4	23,7	23,9	23,3
Доля гг. Вологды и Череповца, %	67,4	70,9	73,0	74,8	76,2	76,6	76,3	76,1	76,7
Макс/мин (районы), раз	2,8	2,8	3,6	3,5	3,0	3,4	3,0	3,4	2,5
Макс/мин (с ГО), раз	5,8	5,8	7,7	7,8	6,2	6,8	5,7	6,0	5,2
Размах вариации (районы)	19,0	21,2	21,9	21,9	19,7	22,0	20,5	24,1	17,3
Размах вариации (с ГО)	50,8	55,1	56,8	59,5	51,5	53,8	49,8	50,9	49,1
Среднее квадратическое отклонение (районы)	4,3	5,2	4,8	4,6	4,3	4,4	4,4	4,9	3,9
Коэффициент вариации (районы), %	22,1	27,6	26,5	26,3	25,1	25,4	25,2	27,2	22,2
Коэффициент вариации (с ГО), %	47,5	53,2	55,1	56,2	54,3	54,9	53,3	52,9	51,8
Коэффициент осцилляции (районы), %	98,6	112,4	121,5	124,9	115,2	126,1	117,3	133,3	97,3

Сократившаяся за исследуемый период (на 9,3 п.п.) доля врачей в районах в общем числе врачей по области составила в 2015 г. 23,3%, при этом обеспеченность населения врачами в районах, начиная с 2006 г., была почти в 2 раза ниже среднеобластных значений. На этом фоне имело место существенное уменьшение количества врачей так называемой узкой специа-

лизации: в 17 районах в 2015 году значение данного показателя было ниже среднего по районам (17,8 врача на 10 000 населения). Вместе с тем заметнее становилось увеличение неравенства по этому показателю: если в 1991 году разрыв (между Великоустюгским и Междуреченским районами) составлял 2,8 раза, то в 2015 году (между Великоустюгским и Никольским районами) — 2,5 раза, а между г. Вологдой и районом с самым низким значением показателя — 5,2 раза.

Коэффициент вариации по данному показателю все годы колебался в пределах 22–28%, что свидетельствует о достаточно однородном территориальном распределении исследуемого признака. Однакостораживает тот факт, что по итогам 2015 года обеспеченность населения врачами в 16 районах была ниже уровня 1991 года, а в 10 районах — и уровня 2001 года.

Таким образом, проведенный нами анализ показал существенные различия районов Вологодской области по основным параметрам социально-экономического развития. Одним из главных факторов, обуславливающих эти различия, является исторически сложившаяся пространственная и отраслевая структура хозяйства муниципальных образований. В ходе анализа тенденций внутрирегиональной социально-экономической дифференциации установлено, что в исследуемый период произошло ее углубление, достигающее в ряде случаев критических значений и приводящее к потере не только ряда производств в муниципалитетах, но и целых населенных пунктов. Отмечается увеличение концентрации экономической активности, а также населения в двух городских округах (Вологда и Череповец) и прилегающих к ним районах (Вологодский, Череповецкий, Шекснинский, Грязовецкий, Сокольский).

2.2. Типология муниципальных образований региона по уровню социально-экономического развития

В ходе исследования тенденций внутрирегиональной дифференциации было выявлено, что некоторые муниципальные образования региона имеют схожие характеристики, тенденции и особенности развития. Это может стать основанием выделения отдельных групп районов, для каждой из которых могут быть определены специфические приоритеты и инструменты реализации региональной и местной социально-экономической политики.

В опоре на положения методического подхода, приведенные выше (параграф 1.2.), нами выполнена оценка уровня социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Вологодской

области, на основании которой была выполнена их группировка. Использование разных методов стандартизации исходных данных (приложение Д)⁶ позволило показать влияние городов на изучаемый процесс (рис. 2.1) и в дальнейшем исследовать только муниципальные районы.

Данная группировка наглядно подтверждает тот факт, что в основном экономическая активность концентрируется в двух городских округах области (Вологда и Череповец), а районы значительно отстают от них по большинству параметров. Из 26 районов области 21 район сформировал группу с низким уровнем развития (значения большинства показателей в этих территориях существенно отстают от средних по области и городским округам), ещё 4 района вошли в группу с уровнем развития ниже среднего, а один район – в группу со средним уровнем. Это позволяет исключить города Вологду и Череповец из дальнейшего исследования, поскольку они являются достаточно саморазвивающимися территориями, и сосредоточить внимание на изучении только муниципальных районов.

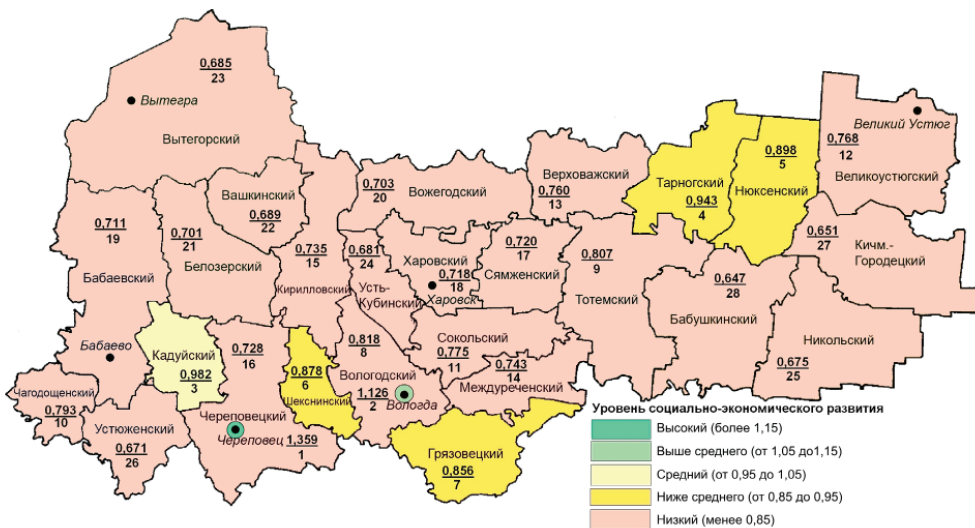

Рисунок 2.1. Группировка муниципальных районов и городских округов Вологодской области по уровню социально-экономического развития в 2015 г. (стандартизация исходных показателей относительно среднеобластных значений)

Примечание: здесь и на рисунке 2.3 в каждом районе над чертой приведено значение интегрального показателя уровня социально-экономического развития, под чертой – место, занимаемое районом по интегральному показателю.

⁶ В приложении Д представлены также результаты группировки муниципалитетов Вологодской области на основе стандартизации исходных показателей относительно максимального и минимального значений по районам и с помощью z-преобразования.

Группы (типы) территорий со сходными параметрами социально-экономического развития могут быть выделены не только на основе расчёта интегрального показателя, но и с помощью кластерного анализа. Для группировки муниципальных образований был применен иерархический кластерный анализ. Все расчёты проведены в прикладном программном продукте анализа данных Statistica 10.0. Использование метода *иерархического кластерного анализа (ИКА)* позволяет выявить по итогам 2015 г. три большие группы районов: 1 группа – наиболее развитые районы (Великоустюгский, Грязовецкий, Сокольский, Шекснинский, Кадуйский, Вологодский, Череповецкий); 2 группа – районы со средними параметрами развития (Бабаевский, Тотемский, Вытегорский, Нюксенский, Белозерский, Междуреченский, Чагодощенский, Кирилловский, Харовский, Тарногский); 3 группа – районы с низким уровнем развития (Бабушкинский, Усть-Кубинский, Вожегодский, Устюженский, Вашкинский, Сямженский, Кичменгско-Городецкий, Верховажский, Никольский) (рис. 2.2). Далее в исследовании будет использоваться разбивка районов именно на три группы.

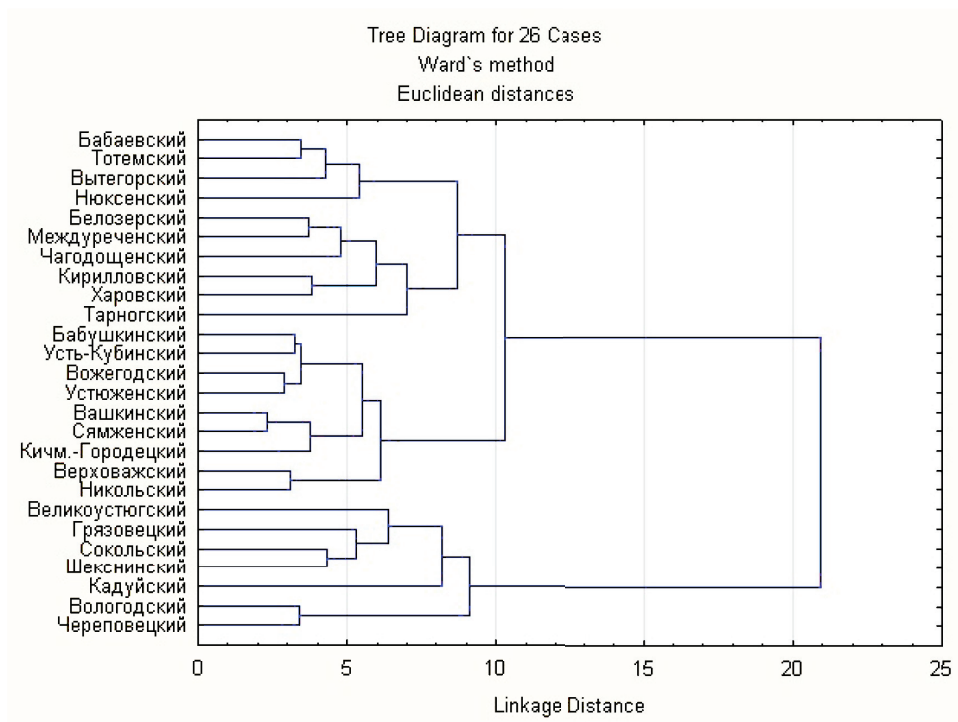

Рисунок 2.2. Дендрограмма кластерного решения за 2015 г.

Группировка муниципалитетов осуществлялась на основе расчета интегрального показателя, отражающего уровень социально-экономического развития районов (по 18 исходным статистическим показателям, стандартизированным относительно среднерайонных значений) (рис. 2.3). В приложении Е представлены значения индикаторов социально-экономического развития муниципальных образований за 2015 г., используемых для расчёта интегрального показателя уровня развития.

Таким образом, в исходной совокупности мы выделили три группы муниципальных районов с разным уровнем социально-экономического развития.

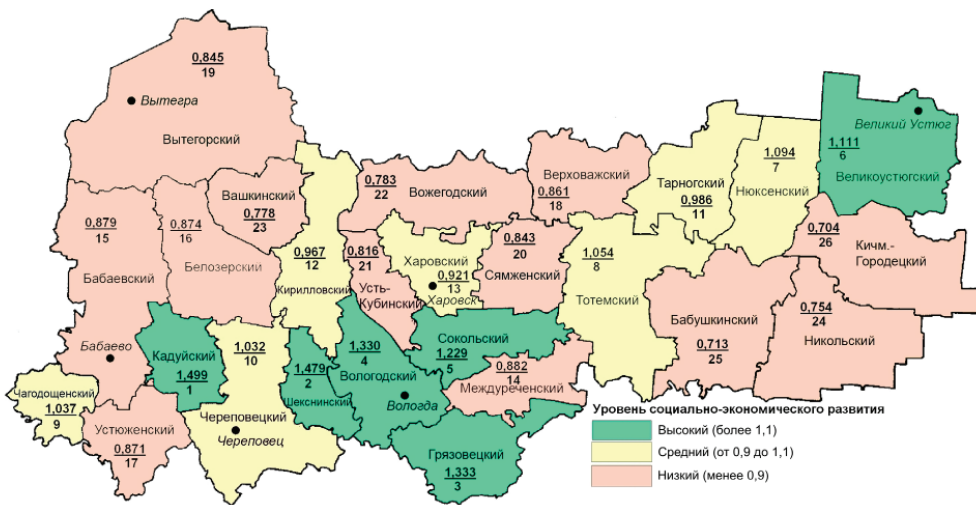

Рисунок 2.3. Группировка муниципальных районов Вологодской области по уровню социально-экономического развития в 2015 г. (стандартизация исходных показателей относительно среднерайонных значений)

За период 2000–2015 гг. ситуация в Вологодской области в целом существенно не изменилась. Как в 2000 г., так и в 2015 г. к группе с низким уровнем развития относилась половина (13 из 26) районов области (табл. 2.9).

Группу районов с *высоким уровнем* социально-экономического развития составили Кадуйский, Шекснинский, Грязовецкий, Вологодский, Сокольский, Великоустюгский. Основными факторами их развития являются выгодное экономико-географическое положение (близость к емкому региональному рынку сбыта продукции); агломерационные процессы и

Таблица 2.9. Ранжирование районов Вологодской области по значениям интегрального индекса социально-экономического развития

Район	2000 г.		2013 г.	Коэффициенты линейного уравнения за 2000-2013 гг.		2015 г.		2015 г. к 2000 г., +/-
	Абс. знач.	Ме- сто	Абс. знач.	b*	a0*	Абс. знач.	Место	Место
Кадуйский	1,655	1	2,014	-0,030	1,740	1,499	1	0
Шекснинский	1,222	5	1,435	0,031	1,223	1,479	2	3
Грязовецкий	1,149	7	1,219	0,002	1,158	1,333	3	4
Вологодский	1,405	2	1,284	-0,013	1,457	1,330	4	-2
Сокольский	1,265	4	1,320	0,002	1,279	1,229	5	-1
Великоустюгский	1,141	8	1,105	-0,001	1,081	1,111	6	2
Нюксенский	0,928	13	0,814	0,003	0,920	1,094	7	6
Тотемский	1,036	9	0,921	-0,005	1,020	1,054	8	1
Чагодощенский	1,202	6	1,221	-0,007	1,497	1,037	9	-3
Череповецкий	1,354	3	1,019	-0,023	1,383	1,032	10	-7
Тарногский	0,861	17	0,961	0,011	0,780	0,986	11	6
Кирилловский	0,872	16	0,875	-0,001	0,860	0,967	12	4
Харовский	0,895	14	0,988	0,008	0,858	0,921	13	1
Междуреченский	0,840	19	0,820	0,000	0,845	0,882	14	5
Бабаевский	0,930	12	0,866	-0,006	0,971	0,879	15	-3
Белозерский	0,878	15	0,817	-0,002	0,848	0,874	16	-1
Устюженский	0,857	18	0,883	0,005	0,820	0,871	17	1
Верховажский	0,766	22	0,780	0,006	0,705	0,861	18	4
Вытегорский	0,957	10	0,790	-0,004	0,866	0,845	19	-9
Сямженский	0,755	24	0,794	0,000	0,745	0,843	20	4
Усть-Кубинский	0,813	21	0,827	0,006	0,849	0,816	21	0
Вожегодский	0,818	20	0,739	-0,005	0,784	0,783	22	-2
Вашкинский	0,937	11	0,739	-0,012	0,856	0,778	23	-12
Никольский	0,693	26	0,759	0,008	0,637	0,754	24	2
Бабушкинский	0,756	23	0,676	-0,002	0,737	0,713	25	-2
Кичм.-Городецкий	0,709	25	0,661	-0,005	0,709	0,704	26	-1

Примечание: b и a0 – коэффициенты линейного уравнения тренда ($y_t = a_0 + b \cdot t$, где t – год) интегрального показателя уровня социально-экономического развития в среднем за 2000–2013 гг.

В связи с отсутствием статистических данных по итогам 2014 и 2015 гг. по показателям «Объем промышленной продукции на 1 жителя» и «Объем инвестиций в основной капитал на 1 жителя» по полному кругу предприятий данные показатели в расчёте за эти годы были заменены соответственно на «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) на 1 жителя» и «Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) на 1 жителя». Поэтому сопоставление значений интегрального показателя УСЭР в 2014–2015 гг. и в предыдущие годы некорректно.

Уровень развития районов области выделен цветом:

Высокий Средний Низкий

система расселения (стягивание экономической деятельности, населения и других ресурсов к крупным городам); диверсифицированная структура хозяйства (в них представлены виды экономической деятельности, имеющие хороший потенциал для развития: электроэнергетика, транспортировка нефти и газа, целлюлозно-бумажная промышленность, производство металлических и неметаллических изделий, текстильное и швейное производство, туризм); более высокая степень развития рыночной, производственной и социальной инфраструктуры (уровень благоустройства жилья водопроводом, канализацией и центральным отоплением выше среднего по районам; хорошее транспортное сообщение, возможность выхода на рынки Москвы и Санкт-Петербурга и т.п.); достаточно высокий уровень развития человеческого капитала (благоприятная демографическая ситуация, уровень жизни населения выше, чем во всех остальных районах, и т.п.); хорошо налаженное взаимодействие с региональными органами государственной власти. Эти и другие факторы обеспечивают привлекательность для инвесторов данных территорий и, как следствие, более высокий уровень их развития.

В 2015 году к группе *со средним уровнем* развития относились Нюксенский, Тотемский, Чагодощенский, Череповецкий, Тарногский, Кирилловский, Харовский районы. Удаленность от главных городов области (110–330 км), изношенность объектов транспортной инфраструктуры, невысокий уровень диверсификации хозяйства (основу их экономики составляют отрасли сельского хозяйства и отдельные промышленные производства: заготовка и переработка древесины, стекольное производство, пищевая промышленность, транспортировка газа и туризм), более низкий уровень развития объектов социальной инфраструктуры, ухудшение демографической ситуации – основные факторы, обуславливающие положение районов в данной группе. Вместе с тем отметим, что в этих муниципалитетах имеются определенные предпосылки для активизации инвестиционной деятельности и диверсификации структуры экономики.

В группу *с низким уровнем* социально-экономического развития в 2015 году вошла половина районов области (Междуреченский, Бабаевский, Белозерский, Устюженский, Верховажский, Вытегорский, Сямженский, Усть-Кубинский, Вожегодский, Вашкинский, Никольский, Бабушкинский, Кичменгско-Городецкий). К основным факторам, определяющим низкий уровень их развития, относятся: крайне невыгодное экономико-географическое положение (удаленность от главных городов области, от

крупных транспортных магистралей, от рынков сбыта собственной продукции), низкий уровень диверсификации экономики (отдельные отрасли сельского хозяйства и заготовка и первичная переработка древесины), низкий уровень обеспеченности объектами производственной, транспортной и социальной инфраструктуры, низкий уровень жизни населения. Всё это постепенно приводит к снижению экономической активности, значительному оттоку населения и нарастанию признаков депрессии.

За 2000–2015 гг. состав групп изменился. Так, пять муниципальных районов (Чагодощенский, Череповецкий, Бабаевский, Вытегорский, Вашкинский) переместились в группу с более низким уровнем развития, а количество районов с высоким уровнем развития сократилось на две единицы. На эту ситуацию повлияло множество факторов, наиболее значимые из них: уровень накопленного экономического потенциала, уровень развития человеческого капитала, степень развития инфраструктуры (транспортной, производственной, социальной), система расселения, взаимодействие между органами власти.

Значительное влияние на социально-экономические процессы в районах оказывает положение муниципалитета в пространстве региона, что подтверждается оценкой этого фактора, результаты которой представлены на рис. 2.4–2.6. Средний показатель корреляции между расстоянием от районных центров до г. Вологды и значением интегрального показателя незначителен (индекс корреляции менее 0,42). Это обусловлено тем, что и на значительном удалении от г. Вологды есть районы с высоким и выше среднего уровнем развития (Великоустюгский, Нюксенский), а на незначительном (менее 100 км) — районы с низким уровнем развития (Усть-Кубинский и Междуреченский). *Общая закономерность уменьшения величины интегрального показателя по мере удаления районов от г. Вологды* показана на рисунке 2.4.

На рисунке 2.5 представлена зависимость наклона тренда⁷ интегрального показателя за 2000–2013 гг. по каждому району от расстояния до г. Вологды. Следует отметить практически отсутствие связи между динамикой интегрального показателя в районах по мере удаления от областного центра (прямая линия графика функции, отражающего данную зависимость, фактически параллельна оси абсцисс).

⁷ Наклон тренда отражается коэффициентом b линейного уравнения зависимости значений интегрального показателя (y_t) от времени (t): $y_t = a_0 + b \cdot t$.

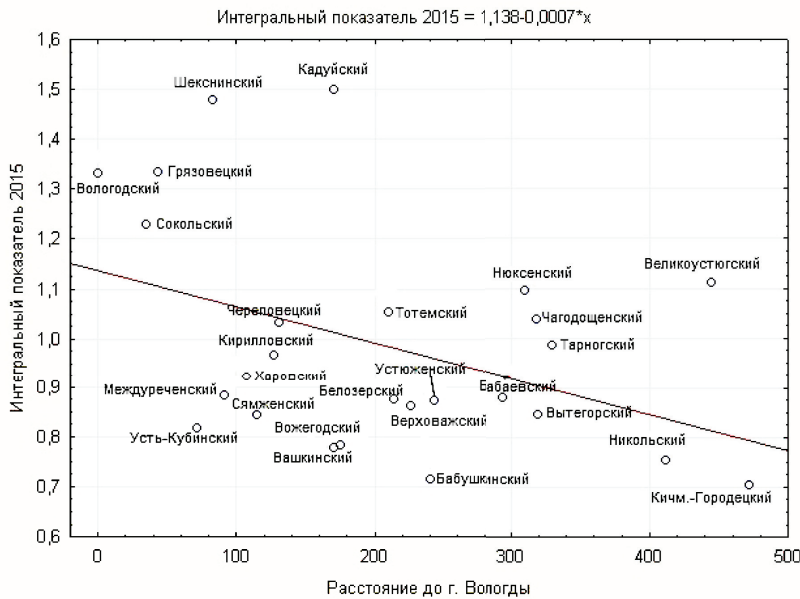

Рисунок 2.4. Зависимость уровня социально-экономического развития муниципальных районов Вологодской области от расстояния до областного центра

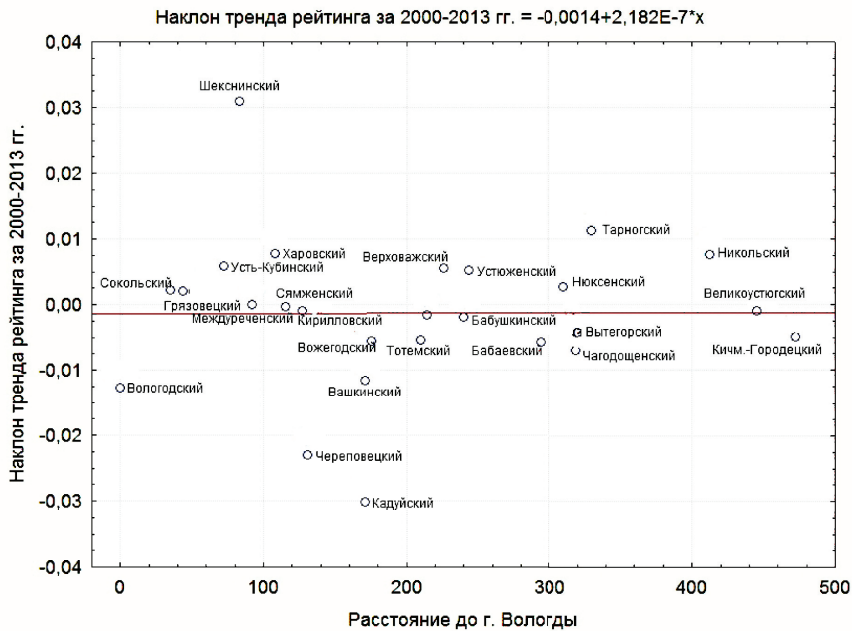

Рисунок 2.5. Зависимость динамики показателя уровня социально-экономического развития от расстояния до областного центра

В то же время зависимость между средней величиной интегрального показателя и его трендом (коэффициентом наклона линейного уравнения тренда за 2000–2013 гг. по каждому району) явилась отрицательной, но также весьма слабой. В некоторых районах-лидерах (Шекснинский, Грязовецкий и Сокольский) интегральный показатель имел положительную динамику, а в других районах (Кадуйский, Череповецкий, Вологодский, Чагодощенский) – отрицательную. Районы с низким уровнем развития (например, Кичменгско-Городецкий, Вожегодский, Сямженский, Вашкинский) показывали отрицательную динамику (рис. 2.6). Таким образом, с удалением от г. Вологды влияние такого фактора, как агломерационные процессы, слабеет, а уровень социально-экономического развития районов снижается. Так, периферийные районы области (за явным исключением Великоустюгского и Чагодощенского) характеризуются низкими значениями основных социально-экономических показателей.

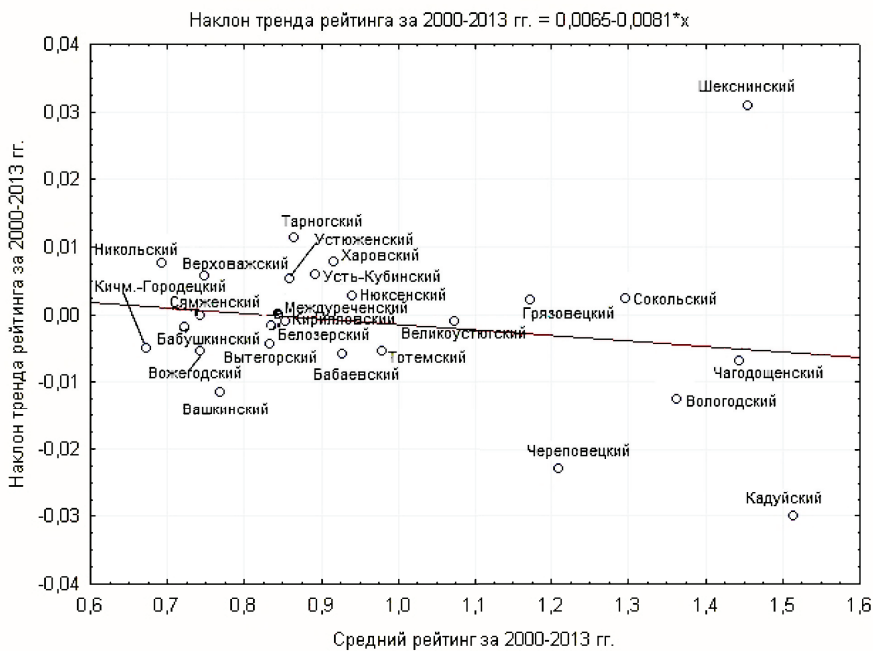

Рисунок 2.6. Зависимость тренда интегрального показателя от его среднего значения

Усиление различий в уровнях социально-экономического развития муниципальных районов приводит к отрицательным последствиям, и в первую очередь в демографической сфере. Это подтверждают данные табл. 2.18, показывающие взаимосвязь интегрального показателя уровня социаль-

но-экономического развития районов области с демографическими показателями. Коэффициенты корреляции между значениями интегрального показателя в 2015 г. и в среднем за 2000–2015 гг. и между коэффициентом миграционного прироста в 2015 г. (табл. 2.10) составляют 0,455–0,466, что говорит о наличии умеренной прямой связи между данными факторами. Кроме того, в среднем в восьми районах с низким уровнем социально-экономического развития численность населения сократилась за 2000–2015 гг. на 25%, в то время как по остальным районам – на 16%.

Таблица 2.10. **Уровень социально-экономического развития и показатели демографического развития муниципальных образований Вологодской области**

Район (городской округ)	Средний рейтинг* за 2000–2015 гг.	Рейтинг за 2015 г.	Кмп 2000 г.	Кмп 2015 г.	МП абс 2000– 2015 гг.	Чнас 2000 г.	Чнас 2015 г.	Чнас 2015 г. к 2000 г., %
Кадуйский	1,512	1,499	-4,4	6,9	444	19224	17032	88,6
Шекснинский	1,452	1,479	1,9	4,9	1325	35830	33273	92,9
Грязовецкий	1,189	1,333	-2,9	-10,3	-3896	42895	33082	77,1
Вологодский	1,359	1,330	-2,0	10,6	2492	51108	52383	102,5
Сокольский	1,285	1,229	-5,5	-3,0	-2611	59502	49416	83,0
Великоустюгский	1,077	1,111	1,9	-7,1	-1264	66609	54985	82,5
Нюксенский	0,969	1,094	0,1	-12,2	-768	11938	8789	73,6
Тотемский	0,989	1,054	4,8	-2,3	-176	26850	22944	85,5
Чагодощенский	1,399	1,037	8,1	-6,7	-479	16001	12589	78,7
Череповецкий	1,190	1,032	5,9	-6,2	-148	41656	39513	94,9
Тарногский	0,879	0,986	-1,4	-9,3	-1416	15622	11609	74,3
Кирилловский	0,873	0,967	1,3	3,4	214	19114	15122	79,1
Харовский	0,922	0,921	1,5	-8,3	-2102	21288	14741	69,2
Междуреченский	0,850	0,882	5,8	-3,5	-235	7887	5625	71,3
Бабаевский	0,922	0,879	1,3	1,5	-1330	25607	20021	78,2
Белозерский	0,839	0,874	-1,6	-10,8	-2416	22321	15424	69,1
Устюженский	0,861	0,871	1,3	-1,4	-605	22291	17326	77,7
Верховажский	0,761	0,861	5,4	0,1	-794	16582	13106	79,0
Вытегорский	0,831	0,845	2,7	-8,2	-1633	32589	24853	76,3
Сямженский	0,754	0,843	9,3	-6,6	-133	10607	8241	77,7
Усть-Кубинский	0,882	0,816	8,8	3,7	615	9545	7875	82,5
Вожегодский	0,746	0,783	8,1	-7,3	-755	19392	14968	77,2
Вашкинский	0,769	0,778	1,2	-14,5	-754	10330	7035	68,1
Никольский	0,702	0,754	-1,1	-10,5	-2220	27135	20297	74,8
Бабушкинский	0,721	0,713	-7,4	-5,4	-2067	15545	11908	76,6
Кичм.-Городецкий	0,675	0,704	-0,5	-6,4	-2192	22845	16387	71,7
г. Вологда	-	-	-0,5	-0,6	8055	305545	320605	104,9
г. Череповец	-	-	3,5	-0,4	14034	314551	318536	101,3
По районам	-	-	0,8	-3,1	-22904	670313	548544	81,8
По области	-	-	1,2	-1,7	-815	1290409	1187685	92,0

* Значение интегрального показателя уровня социально-экономического развития района.

Условные обозначения: Кмп – коэффициент миграционного прироста населения, промилле; МПабс – абсолютный миграционный прирост населения, чел.; Чнас – численность постоянного населения на конец года, чел.

Эти статистические данные, в свою очередь, подтверждают формирование негативных последствий внутрирегиональной дифференциации, которые наиболее ярко проявляются в сфере демографии.

Таким образом, результаты типологизации муниципальных районов доказывают наличие внутрирегиональной дифференциации и позволяют выделить группы районов со сходными характеристиками и проблемами. Установлено, что за исследуемый период уровень развития большинства районов области существенно не изменился, практически половина их относится к группе с низким уровнем развития. В ходе исследования определены факторы, оказывающие значительное влияние на уровень развития муниципалитетов: социально-экономический потенциал муниципалитета, уровень развития человеческого капитала, пространственная и отраслевая структура хозяйства, уровень развития производственной и социальной инфраструктуры. При этом выявлено заметное влияние на формирование внутрирегиональной дифференциации пространственного фактора (удалённость района от двух крупных городов).

2.3. Анализ факторов внутрирегиональной социально-экономической дифференциации

Для выявления ключевых причин неравномерности развития муниципальных образований был применен метод факторного анализа, позволяющий выделить факторные компоненты, описывающие значимую долю вариации исходных параметров. Для проведения анализа использовались показатели, предложенные в параграфе 1.2 настоящей работы, данные расчёты были выполнены в программе Statistica 10.0. В результате было установлено, что пять значимых компонент в течение 2000–2015 годов объясняют до 83% вариации (дисперсии) исходных данных. Связь между значимыми компонентами факторного анализа и исходными переменными (по итогам 2015 года) отражена в матрице поворнутых компонент (метод вращения Varimax raw) (табл. 2.11). Собственные значения всех выявленных факторов (Expl.Var) составляют более 1, следовательно, их выделение обоснованно.

Таблица 2.11. Матрица повёрнутых компонент в факторном анализе по итогам 2015 года

Показатель	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
Объём промышленной продукции на 1 жителя	0,3157	0,8492	0,1241	0,0091	0,0266
Объём сельскохозяйственной продукции на 1 жителя	0,3115	-0,1871	0,5596	-0,4912	-0,0867
Объём инвестиций в основной капитал на 1 жителя	0,1169	0,8079	0,1923	0,1168	-0,3019
Оборот розничной торговли на душу населения	0,0574	0,3332	-0,4666	0,3125	-0,0914
Объём платных услуг на душу населения	0,6718	0,4228	-0,1894	-0,0073	-0,0325
Уровень официально зарегистрированной безработицы	-0,0977	0,1098	-0,1094	0,7701	-0,0628
Обеспеченность населения врачами на 10000 жителей	0,1737	-0,1820	-0,7866	0,0138	-0,0024
Обеспеченность населения больничными койками на 10000 жителей	-0,1762	-0,3257	-0,7037	0,2431	0,0294
Обеспеченность местами в учреждениях культурно-досугового типа	-0,0042	-0,6020	0,3256	0,3905	-0,0760
Обеспеченность населения жильём	-0,3397	-0,1192	0,1711	0,6289	0,0164
Доля жилья, оборудованного водопроводом	0,8476	-0,0990	0,0318	-0,0905	0,0471
Доля жилья, оборудованного канализацией	0,8945	0,2370	0,0698	-0,1987	0,0701
Доля жилья, оборудованного центральным отоплением	0,7310	0,4913	0,0837	-0,3667	0,1011
Соотношение средней заработной платы и величины прожиточного минимума	0,1377	0,5995	-0,0206	-0,2587	-0,6759
Бюджетная обеспеченность на 1 жителя (доходы) на 1 жителя	-0,1849	0,0259	0,0249	0,1410	-0,9405
Коэффициент рождаемости	-0,4401	0,2185	-0,4705	-0,3674	0,0058
Коэффициент смертности	-0,2583	-0,0954	-0,3459	0,7299	0,0300
Плотность населения	0,5572	0,2124	0,0489	-0,6137	0,3192
Expl.Var	3,5280	2,9959	2,2378	2,8663	1,5812
Prp.Totl	0,1960	0,1664	0,1243	0,1592	0,0878

Интерпретация результатов факторного анализа позволяет сделать выводы о том, что *первая* (главная по значимости) доминирующая (Factor 1) компонента связана со степенью развития в муниципалитете производственной и социальной инфраструктуры (уровень благоустройства жилого фонда водопроводом, канализацией и центральным отоплением), уровне развития платных услуг, которые между собой достаточно взаимосвязаны. *Вторая* компонента объединяет показатели объёма промышленного производства и инвестиций, что характеризует влияние таких факторов, как деятельность хозяйствующих субъектов муниципалитета и уровень накопленного экономического потенциала. *Третья* – представлена следующи-

ми параметрами: объём сельхозпроизводства и розничного товарооборота, обеспеченность врачами и больничными койками, что свидетельствует о большем влиянии деятельности хозяйствующих субъектов муниципалитета (основу экономики большинства районов составляет сельское хозяйство и торговля) и степени развития в муниципалитете производственной и социальной инфраструктуры. *Четвёртая компонента*, включающая также весьма взаимосвязанные показатели — уровень безработицы, обеспеченность населения жильём и показатели демографии (рождаемость, смертность и плотность населения), подтверждает влияние уровня человеческого капитала и системы расселения. *Пятая компонента* представлена достаточно зависимыми друг от друга показателями уровня жизни (соотношение зарплаты и прожиточного минимума) и бюджетной обеспеченности, поскольку большую часть собственных доходов местных бюджетов как раз и составляют отчисления от НДС, и характеризует влияние системы межбюджетных отношений в субъекте Федерации и уровня развития человеческого капитала в муниципалитете.

Судя по результатам факторного анализа, для районов Вологодской области наиболее остро стоит проблема их различий в сфере производства и благоустройства, негативным образом влияющих на многие другие параметры развития, в том числе на социальную сферу. Это позволяет сделать вывод о том, что важнейшим направлением региональной социально-экономической политики по снижению внутрирегиональной дифференциации должно быть развитие и расширение производственного потенциала муниципальных образований (особенно в районах с низким и ниже среднего уровнями развития), привлечение инвестиций в развитие их инфраструктуры.

Для более глубокого анализа процессов внутрирегиональной дифференциации необходимо выявить тенденции её изменения как за счёт объективных, так и за счёт субъективных факторов — различных инструментов регулирующего воздействия со стороны органов государственной власти (например, трансферты из вышестоящего бюджета, государственные инвестиции) на процессы развития муниципальных образований. Анализ динамики внутрирегиональных различий (при помощи проверки концепций σ - и β -конвергенции) проведен по таким ключевым индикаторам социально-экономического развития муниципальных образований, как: объём промышленной и сельскохозяйственной продукции, инвестиций и розничного товарооборота на душу населения, размер среднемесячной заработной платы, бюджетная обеспеченность собственными доходами местного бюд-

жета на душу населения. На основе факторного анализа установлено, что именно различия по этим показателям являются наиболее значимыми и негативно влияют на развитие региона.

Концепция σ -конвергенции, согласно рисунку 2.7, находит подтверждение для показателя «объём промышленной продукции и розничного товарооборота на душу населения», «среднемесячная заработная плата», «собственные доходы районного бюджета на душу населения» (наблюдается снижение коэффициента вариации данных показателей за 2000–2013 годы⁸). При этом тенденция сокращения различий весьма неустойчивая: в отдельные годы наблюдается их значительный рост. По показателю «инвестиции на душу населения» фиксируется усиление межрайонных значений (дивергенция), а по показателям объёма сельхозпродукции и численности врачей на душу населения явной тенденции изменения различий нет.

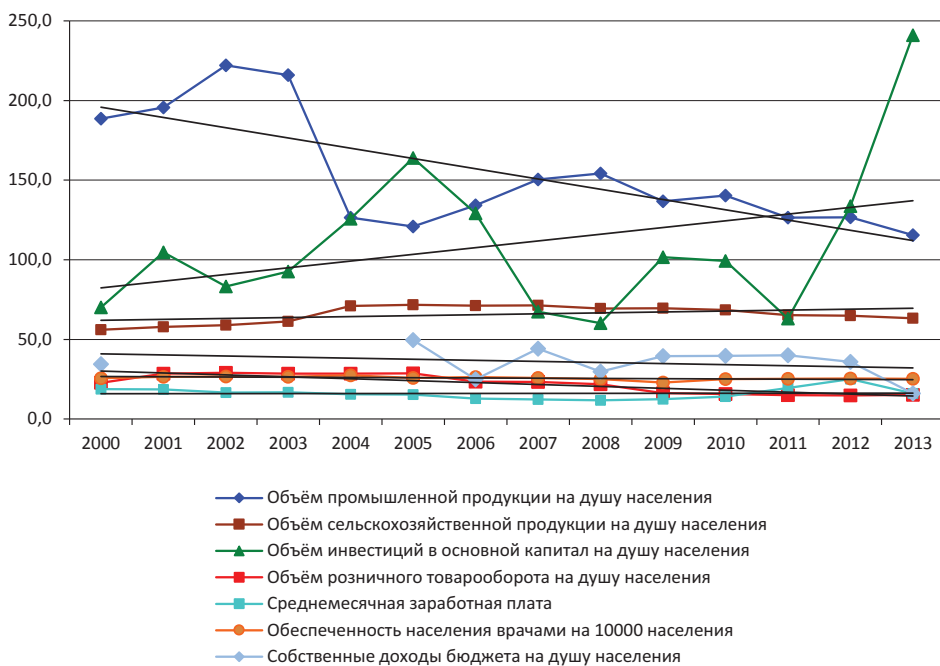

Рисунок 2.7. Коэффициенты вариации ряда показателей социально-экономического развития муниципальных районов Вологодской области, %

⁸ Анализ проводился только за 2000–2013 гг., так как опубликованные в официальной статистике значения некоторых показателей социально-экономического развития районов Вологодской области в 2014–2015 гг. не сопоставимы с данными предыдущих лет в связи с изменением методологии расчёта показателей и полноты представления информации.

Что касается проверки гипотезы наличия β -конвергенции, то результаты расчётов регрессионного уравнения динамики объёма промышленной продукции в районах Вологодской области свидетельствуют о том, что в 2000–2013 гг. наблюдалась их дивергенция (увеличение различий), обусловленная и более высокой динамикой значений данного показателя у районов-лидеров, однако значимость коэффициента дивергенции β и достоверность самого уравнения крайне низкие, поэтому говорить о наличии явной тенденции не приходится (табл. 2.12). Такая же ситуация складывается и с динамикой среднедушевых объёмов сельскохозяйственного производства.

По показателю «объём инвестиций в основной капитал» для рассматриваемого периода времени концепция абсолютной β -конвергенции не отвергается. Об этом свидетельствует отрицательный коэффициент при переменной логарифма объёма инвестиций в 2000 г. Однако данное линейное уравнение описывает лишь 18,09% вариации темпов снижения дифференциации. Значения критерия Фишера подтверждают адекватность и значимость данного уравнения. Таким образом, районы, которые характеризовались меньшей величиной инвестиций на душу населения в 2000 г., имели более высокий темп их роста в 2000–2013 гг.

Таблица 2.12. **Оценка модели безусловной конвергенции по показателям экономического развития** (в текущих ценах)

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
<i>Объём промышленной продукции на душу населения (объём ПП)</i>				
Константа линейного уравнения	-0,00935	0,046576	-0,20071	0,842617
Логарифм «Объём ПП 2000 г.»	0,02326	0,018772	1,239111	0,227286
Коэффициент детерминации				0,0601
Критерий Фишера	1,54	Значимость F		0,22729
<i>Объём сельскохозяйственной продукции на душу населения (объём СХП)</i>				
Константа линейного уравнения	0,033639	0,02102	1,600323	0,12261
Логарифм «Объёма СХП 2000 г.»	0,015309	0,008702	1,759145	0,091298
Коэффициент детерминации				0,1142
Критерий Фишера	3,0946	Значимость F		0,0913
<i>Объём инвестиций в основной капитал на душу населения (объём И)</i>				
Константа линейного уравнения	0,205986	0,031982	6,440775	1,16E-06
Логарифм «Объёма И 2000 г.»	-0,05695	0,024737	-2,30244	0,03029
Коэффициент детерминации				0,1809
Критерий Фишера	5,3012	Значимость F		0,0303
<i>Объём розничного товарооборота на душу населения (объём РТ)</i>				
Константа линейного уравнения	0,294569	0,022087	13,33685	1,36E-12
Логарифм «Объёма РТ 2000 г.»	-0,05707	0,010359	-5,50913	1,15E-05
Коэффициент детерминации				0,5584
Критерий Фишера	30,3505	Значимость F		1,15E-05

Аналогичным образом находит своё подтверждение концепция β -конвергенции и для показателя «объём розничного товарооборота на душу населения». Данное линейное уравнение описывает 55,84% вариации темпов снижения дифференциации в рамках безусловной конвергенции. Оценка коэффициента β , полученная по этому уравнению, статистически значимо отличается от нуля. Скорость безусловной β -конвергенции – 10,4% в год. При такой скорости межрегиональные различия по товарообороту сократятся в 1,5 раза за 3,9 года и в 2 раза за 6,7 года.

В свою очередь динамика большинства показателей, характеризующих социальное развитие и бюджетную обеспеченность, демонстрирует явную тенденцию снижения различий между муниципалитетами (табл. 2.13).

Таблица 2.13. **Оценка модели безусловной конвергенции по показателям социального развития и бюджетной обеспеченности** (в текущих ценах)

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
Обеспеченность населения врачами на 10000 населения (ОбВр)				
Константа линейного уравнения	0,071745	0,034331	2,089808	0,047408
Логарифм «ОбВр 2000 г.»	-0,02528	0,012394	-2,03976	0,052528
Коэффициент детерминации				0,1477
Критерий Фишера	4,1606	Значимость F		0,0525
Обеспеченность населения больничными койками на 10000 населения (ОбБК)				
Константа линейного уравнения	-0,25226	0,071962	-3,50554	0,001817
Логарифм «ОбБК 2000 г.»	0,047477	0,016129	2,943547	0,007094
Коэффициент детерминации				0,2652
Критерий Фишера	8,6645	Значимость F		0,0071
Обеспеченность населения жильём (ОбЖ)				
Константа линейного уравнения	0,084137	0,053052	1,58594	0,125842
Логарифм «ОбЖ 2000 г.»	-0,01964	0,016547	-1,18696	0,24686
Коэффициент детерминации				0,0554
Критерий Фишера	1,4089	Значимость F		0,2469
Среднемесячная заработная плата (ЗП)				
Константа линейного уравнения	0,421579	0,069311	6,082435	2,78E-06
Логарифм «ЗП 2000 г.»	-0,03215	0,009304	-3,456	0,002054
Коэффициент детерминации				0,3323
Критерий Фишера	11,9440	Значимость F		0,0021
Собственные доходы районного бюджета на душу населения (доходы)				
Константа линейного уравнения	0,143519	0,00794	18,07438	1,76E-15
Логарифм «Доходы 2000 г.»	-0,06234	0,005594	-11,144	5,69E-11
Коэффициент детерминации				0,8380
Критерий Фишера	124,1876	Значимость F		5,6924E-11

Так, по показателю «собственные доходы районного бюджета на душу» населения отмечается сильная β -конвергенция. Данное линейное уравнение описывает 83,80% вариации темпов снижения дифференциации в рамках безусловной конвергенции. Это обусловлено тем, что при помощи системы межбюджетных отношений осуществляется целенаправленное выравнивание бюджетной обеспеченности в форме предоставления дотаций местным бюджетам. В соответствии со скоростью безусловной β -конвергенции (12,8% в год) межмуниципальные различия по доходам бюджета сократятся в 1,5 раза за 3,2 года и в 2 раза за 5,4 года.

С меньшей достоверностью β -конвергенция отмечается по показателю обеспеченности населения врачами на 10 000 населения. Данное линейное уравнение описывает 14,77% вариации темпов снижения дифференциации. Такая же ситуация характерна для показателя обеспеченности населения жильём.

По показателю среднемесячной заработной платы также отмечается β -конвергенция. Данное линейное уравнение описывает 33,23% вариации темпов снижения дифференциации в рамках безусловной конвергенции. Оценка скорости безусловной β -конвергенции 4,2% в год. При такой скорости межмуниципальные различия по заработной плате сократятся в 1,5 раза за 9,7 года и в 2 раза за 16,6 года.

По показателю обеспеченности населения больничными койками на 10000 населения тоже отмечается дивергенция (увеличение различий). Данное линейное уравнение описывает 26,52% вариации темпов роста дифференциации.

Отдельно проводились расчёты наличия конвергенции (дивергенции) по 3 ключевым экономическим параметрам в сопоставимых ценах. Для показателей объёма промышленного и сельскохозяйственного производства отмечается слабая дивергенция, для объёма инвестиций в основной капитал – слабая конвергенция. Данное линейное уравнение описывает лишь 18,61% вариации темпов снижения дифференциации (табл. 2.14). Оценка скорости безусловной β -конвергенции 0,7% в год. При такой скорости межрегиональные различия по инвестициям сократятся в 1,5 раза за 54,3 года и в 2 раза за 92,7 года.

Таблица 2.14. **Оценка модели безусловной конвергенции по показателям**
(в сопоставимых ценах)

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
Объём промышленной продукции на душу населения				
Константа линейного уравнения	0,030708	0,020606	1,490296	0,149173
Логарифм «Объём ПП 2000 г.»	0,001612	0,008305	0,194067	0,847756
Коэффициент детерминации				0,0016
Критерий Фишера	0,0377	Значимость F		0,8478
Объём сельскохозяйственной продукции на душу населения				
Константа линейного уравнения	-0,11834	0,037209	-3,18057	0,004025
Логарифм «Объёма СХП 2000 г.»	0,021589	0,009831	2,196054	0,037991
Коэффициент детерминации				0,1673
Критерий Фишера	4,8227	Значимость F		0,0380
Объём инвестиций в основной капитал на душу населения				
Константа линейного уравнения	0,190248	0,057215	3,325138	0,002833
Логарифм «Объёма И 2000 г.»	-0,05926	0,025301	-2,34227	0,027794
Коэффициент детерминации				0,1861
Критерий Фишера	5,4862	Значимость F		0,0277

Для проверки влияния социально-экономической политики субъекта Федерации, в частности мер экономической и бюджетной политики, на процессы конвергенции (сокращение межмуниципальных различий) может быть проведена оценка регрессионной модели с включением дополнительных переменных. В силу ограниченности статистической базы нами использовался только один дополнительный показатель: средняя за период (2009–2013 гг.) доля бюджетных инвестиций в муниципальные образования в общем объёме инвестиций, привлечённых в данный муниципалитет. Гипотеза об условной конвергенции предполагает, что в такой регрессии знак при начальном уровне показателя должен быть отрицательным, а знак при контролирующей переменной – положительным, т.е. больший объём инвестиций за счет бюджетных средств в регионе приводит к более быстрому росту величины результативного показателя. Результаты оценки данной модели представлены в таблице 2.15.

Как видно из представленных оценок, коэффициенты при контролирующих переменных во всех случаях имеют отрицательный знак и очень низкую статистическую значимость. Из этого следует, что муниципалитеты, получившие большие инвестиции из бюджетов всех уровней, продемонстрировали меньшие или относительно меньшие темпы роста показателей. Экономическая и инвестиционная политика, проводимые в Вологодской области, фактически не влияют на развитие муниципалитетов и снижение

Таблица 2.15. Оценка модели условной конвергенции (зависимости темпов роста значений показателей от начального их уровня с включением дополнительной переменной) за период 2000–2013 гг.

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
<i>Объём промышленной продукции на душу населения</i>				
Константа линейного уравнения	0,024045	0,068068	0,353248	0,72712
Среднегодовая доля (2009–2013 гг.) бюджетных инвестиций в общем объёме инвестиций в муниципальные образования	-0,00066	0,000977	-0,67963	0,503525
Логарифм «Объём ПП 2000 г.»	0,017239	0,020951	0,822849	0,419044
Коэффициент детерминации				0,0786
Критерий Фишера	0,9814	Значимость F		0,3899
<i>Объём сельскохозяйственной продукции на душу населения</i>				
Константа линейного уравнения	0,034906	0,022546	1,548234	0,135217
Среднегодовая доля (2009–2013 гг.) бюджетных инвестиций в общем объёме инвестиций в муниципальные образования	-4E-05	0,000217	-0,18299	0,856408
Логарифм «Объём СХП 2000 г.»	0,015268	0,008886	1,718197	0,099196
Коэффициент детерминации				0,1155
Критерий Фишера	1,5017	Значимость F		0,2438
<i>Объём инвестиций в основной капитал на душу населения</i>				
Константа линейного уравнения	0,226731	0,039772	5,700746	8,35E-06
Среднегодовая доля (2009–2013 гг.) бюджетных инвестиций в общем объёме инвестиций в муниципальные образования	-0,00067	0,000759	-0,88485	0,385395
Логарифм «Объём И 2000 г.»	-0,05781	0,024868	-2,32458	0,02928
Коэффициент детерминации				0,2079
Критерий Фишера	3,0181	Значимость F		0,0686
<i>Обеспеченность населения жильём</i>				
Константа линейного уравнения	0,076318	0,052532	1,452782	0,159792
Среднегодовая доля (2009–2013 гг.) бюджетных инвестиций в общем объёме инвестиций в муниципальные образования	-0,00011	8,4E-05	-1,33596	0,19463
Логарифм «ОбЖ 2000 г.»	-0,01617	0,016489	-0,98063	0,336981
Коэффициент детерминации				0,1235
Критерий Фишера	1,6199	Значимость F		0,2197
<i>Среднемесячная заработная плата</i>				
Константа линейного уравнения	0,464716	0,075549	6,151206	2,83E-06
Среднегодовая доля (2009–2013 гг.) бюджетных инвестиций в общем объёме инвестиций в муниципальные образования	-0,00012	9,39E-05	-1,32962	0,196682
Логарифм «ЗП 2000 г.»	-0,03745	0,009988	-3,7498	0,001045
Коэффициент детерминации				0,3800
Критерий Фишера	7,0470	Значимость F		0,0041

внутрирегиональной дифференциации. Это обуславливает необходимость корректировки региональной социально-экономической политики, повышения адресности и целевого характера бюджетных инвестиций в развитие муниципалитетов региона.

Таким образом, анализ процессов конвергенции (дивергенции) муниципальных районов Вологодской области показал, что в сложившихся условиях отсутствуют предпосылки для сокращения различий между муниципалитетами по большинству экономических параметров как за счёт объективных, так и за счёт субъективных факторов.

Далее целесообразно выявить параметры, по которым различия между муниципалитетами оказывают наибольшее влияние на формирование негативных последствий внутрирегиональной дифференциации, таких как высокая смертность, низкая рождаемость, миграционная убыль и снижение численности населения. Результаты исследования влияния (при помощи корреляционного анализа) величины масштабов дифференциации (соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя) муниципальных районов Вологодской области на значения показателей их демографического развития представлены в таблице 2.16. Данный анализ проводился за период 2000–2015 гг.

Таблица 2.16. **Факторные показатели, влияющие на демографическое развитие муниципальных районов Вологодской области**

Результативный показатель *	Перечень факторных показателей, внутрирегиональные различия в которых оказывают наиболее сильное влияние на результативные показатели
Коэффициент рождаемости	1. <i>Оборот розничной торговли (-0,780).</i> 2. <i>Уровень безработицы (-0,698).</i> 3. <i>Доля жилья, оборудованного водопроводом (-0,825).</i> 4. <i>Объём промышленной продукции на душу населения (0,809).</i> 5. <i>Объём сельскохозяйственной продукции на душу населения (0,783).</i> 6. <i>Обеспеченность населения больничными койками (0,782).</i> 7. <i>Обеспеченность населения средним медицинским персоналом (0,936).</i> 8. <i>Плотность населения (0,976).</i>
Коэффициент смертности	1. <i>Оборот розничной торговли (0,765).</i> 2. <i>Обеспеченность населения врачами (0,658).</i> 3. <i>Доля жилья, оборудованного водопроводом (0,767).</i> 4. <i>Объём промышленной продукции на душу населения (-0,605).</i>
Коэффициент миграционного прироста	1. <i>Объём промышленной продукции на душу населения (-0,896).</i> 2. <i>Обеспеченность населения больничными койками (-0,914).</i> 3. <i>Обеспеченность местами в учреждениях культурно-досугового типа (-0,767).</i> 4. <i>Обеспеченность населения средним медицинским персоналом (-0,928).</i> 5. <i>Плотность населения (-0,728).</i> 6. <i>Оборот розничной торговли (0,870).</i> 7. <i>Доля жилья, оборудованного водопроводом (0,761).</i>

Окончание таблицы 2.16

Результативный показатель*	Перечень факторных показателей, внутрирегиональные различия в которых оказывают наиболее сильное влияние на результативные показатели
Абсолютное значение миграционного прироста населения	1. Объём промышленной продукции на душу населения (-0,888). 2. Обеспеченность населения больничными койками (-0,899). 3. Обеспеченность местами в учреждениях культурно-досугового типа (-0,744). 4. Обеспеченность населения средним медицинским персоналом (-0,926). 5. Плотность населения (-0,790). 6. Оборóт розничной торговли (0,869). 7. Доля жилья, оборудованного водопроводом (0,775).
Численность населения	1. Объём промышленной продукции на душу населения (-0,878). 2. Объём сельскохозяйственной продукции на душу населения (0,723). 3. Объём инвестиций в основной капитал на душу населения (0,654). 4. Обеспеченность населения больничными койками (-0,890). 5. Обеспеченность местами в учреждениях культурно-досугового типа (-0,717). 6. Обеспеченность населения средним медицинским персоналом (-0,961). 7. Плотность населения (-0,922). 8. Оборóт розничной торговли (0,825). 9. Доля жилья, оборудованного водопроводом (0,793).
* В среднем по районам области. Примечание. Курсивом выделены показатели, увеличение различий по которым оказывает негативное воздействие на последствия дифференциации (значения демографических показателей). В скобках представлено значение коэффициента корреляции между значениями демографических показателей и различиями (соотношением максимального и минимального значений) между районами области по основным параметрам социально-экономического развития.	

Приведённые нами данные позволяют сделать вывод о том, что чем больше различия между районами области по показателю «розничный товарооборот на душу населения», «обеспеченность населения врачами», «доля жилья, оборудованного водопроводом», тем выше коэффициент смертности в среднем по районам. На миграционный прирост населения негативным образом влияет усиление различий между районами по развитию промышленности и социальной инфраструктуры (больничные койки, средний медицинский персонал, учреждения культуры). Следовательно, главным направлением политики, обеспечивающим решение проблемы внутрирегиональной дифференциации, должно стать развитие в районах социальной и инженерной (коммунальной) инфраструктуры.

Целесообразно определить наиболее значимые факторы внутрирегиональной дифференциации по каждому муниципальному району (городскому округу). В этом случае исследуется (с помощью корреляционного анализа) влияние показателя «соотношение значения различных социально-экономических индикаторов в конкретном районе со среднерайонным уровнем» на значения демографических показателей (рождаемость, смертность, миграционный прирост, численность населения).

Проведенные нами расчеты зависимости результирующего показателя от факторных для наименее развитого Кичменгско-Городецкого района Во-

логодской области (табл. 2.17) позволяют утверждать, что чем ближе были в этом районе значения объёма промышленного производства, инвестиций и оборота розничной торговли к среднерайонному уровню, тем выше был в нем миграционный прирост (или ниже миграционная убыль) населения. Т.е. уровень развития человеческого потенциала (миграция, мобильность населения) в значительной степени зависит от уровня накопленного экономического потенциала и деятельности хозяйствующих субъектов муниципалитета.

Таблица 2.17. Факторные показатели, отставание по которым от среднерайонных значений в 2000–2015 г. наиболее заметно влияет на последствия дифференциации в Кичменгско-Городецком муниципальном районе Вологодской области

Результативный показатель	Перечень факторных показателей
Коэффициент рождаемости	1. Обеспеченность населения врачами (0,915). 2. Обеспеченность местами в учреждениях культурно-досугового типа (0,742). 3. Доля жилья, оборудованного водопроводом (0,845). 4. Собственные доходы районного бюджета на душу населения (0,795). 5. Обеспеченность населения средним медицинским персоналом (0,875).
Коэффициент смертности	1. Собственные доходы районного бюджета на душу населения (-0,675).
Коэффициент миграционного прироста	1. Объём промышленной продукции на душу населения (0,823). 2. Объём инвестиций в основной капитал на душу населения (0,672). 3. Оборот розничной торговли (0,753). 4. Уровень безработицы (0,713). 5. Плотность населения (0,948).
Абсолютное значение миграционного прироста	1. Объём промышленной продукции на душу населения (0,835). 2. Объём инвестиций в основной капитал на душу населения (0,674). 3. Оборот розничной торговли (0,767). 4. Уровень безработицы (0,688). 5. Плотность населения (0,935).
Численность населения	1. Объём промышленной продукции на душу населения (0,813). 2. Объём инвестиций в основной капитал на душу населения (0,694). 3. Оборот розничной торговли (0,790). 4. Уровень безработицы (0,785). 5. Доля жилья, оборудованного центральным отоплением (0,732). 6. Плотность населения (0,981).
Примечание. В скобках представлено значение коэффициента корреляции между значениями демографических показателей и показателем отставания района от среднерайонных значений показателей.	

Кроме выявления внутренних факторов дифференциации необходимо определить внешние факторы, влияющие на развитие муниципальных образований, и возможности органов власти в сфере решения имеющихся проблем местного значения. Вместе с тем внешние факторы носят во многом субъективный характер, и отразить их в цифровых значениях достаточно сложно. Однако их можно выявить с помощью экспертных оценок. Такие оценки могут дать, на наш взгляд, главы муниципальных образований,

ежегодный анкетный⁹ опрос которых проводится сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН (бывший ИСЭРТ РАН) в Вологодской области с 2006 г. (с 2012 года — непосредственно Н.В. Ворошиловым).

Анализ результатов опроса глав муниципалитетов области [6; 153; 162] позволяет сделать вывод, что наиболее значимыми проблемами, препятствиями, снижающими эффективность муниципального управления и ограничивающими возможности решения проблем внутрирегиональной дифференциации, являются следующие.

1. Неудовлетворительное состояние сфер муниципального хозяйства (внутренний фактор). Так, от 25 до 53% опрошенных глав муниципальных образований по итогам 2015 г. дали очень низкие оценки следующим позициям: экономическое развитие и диверсифицированность экономики, демографическая ситуация, развитие дорожно-транспортной инфраструктуры и рынка труда.

2. Сокращение возможностей органов местного самоуправления по решению имеющихся проблем и управлению развитием муниципалитета (внутренний фактор). В своих ответах на это указали 24% глав муниципальных районов, 11% — городских и 34% — городских поселений. Главы отмечают, что меньше всего они могут повлиять на решение проблемы безработицы и трудоустройства населения, обеспечения населения жильем, формирования и развития экономической базы в муниципальном образовании, привлечения туристов, развития малого бизнеса, а также проблем в жилищно-коммунальном хозяйстве.

3. Нерешенность ряда проблем по результатам реформы местного самоуправления (внутренний фактор). Это отмечали в своих ответах более трети всех опрошенных глав районов:

- недостаточность финансовых ресурсов (дефицит собственных доходных источников, недостаточность финансовой поддержки со стороны государства);
- пассивность местного населения и отсутствие механизма учёта баланса интересов бизнеса, власти и населения в процессе развития территории;
- низкая эффективность взаимодействия с органами государственной власти (отсутствие эффективного сотрудничества, финансовая, а зачастую и политическая зависимость от органов власти субъекта РФ, бюрократиче-

⁹ На вопросы анкеты (30–40 вопросов) ежегодно отвечают 190–210 глав муниципальных образований из 282–372 (в 2008–2013 гг. в Вологодской области проходил процесс объединения сельских поселений, в результате общее количество муниципальных образований сократилось на 90), что позволяет обеспечить ошибку выборки не более 4–5%. Главы дают оценку по итогам прошедшего календарного года: например, в опросе 2017 года по итогам 2016 года.

ские препятствия, отсутствие согласованности программных документов, направленных на развитие территории, противоречивость системы разграничения полномочий, отсутствие дифференцированной региональной политики по отношению к территориям с разным уровнем социально-экономического развития);

- несовершенство законодательства в целом, касающегося вопросов функционирования и развития муниципальной власти;

- отсутствие полной и достоверной информации (в том числе у органов государственной власти субъекта Федерации) о развитии муниципалитетов.

4. Неэффективность муниципально-территориального устройства (внутренний фактор): сетка и границы муниципальных образований (прежде всего поселений) сформированы с учётом пешей и транспортной доступности центра муниципалитета, без учёта наличия достаточной финансово-экономической базы для решения органами местного самоуправления всех вопросов и проблем местного значения. Так, 53% глав районов высказались о необходимости пересмотра системы муниципальных образований с целью создания новой административно-территориальной структуры более адекватной современным условиям.

5. Зависимость развития муниципальных образований от политики и решений вышестоящих органов власти (внешний фактор). Так, по мнению глав, наиболее существенное влияние на развитие муниципалитета оказывают региональные (это отметили в своих ответах 65% глав муниципальных районов, 60% — городских и 67% — сельских поселений) и федеральные власти (35, 20 и 56% соответственно), а не органы местного самоуправления, бизнес или население. Кроме того, по итогам 2015 г. 47% опрошенных глав районов указали в своих ответах на то, что действия региональных органов власти, направленные на поддержку муниципальных образований, не привели к существенному улучшению ситуации.

Таким образом, в ходе анализа факторов¹⁰, влияющих на внутрирегиональную дифференциацию, доказано значительное воздействие на этот процесс деятельности хозяйствующих субъектов, степени развития производственной и социальной инфраструктуры, уровня развития человеческого капитала, системы расселения, системы межбюджетных отношений. Установлено, что экономическая и инвестиционная политика, реализуемая органами власти в регионе, не обеспечивает снижения внутрирегиональной дифференциации и преодоления ее негативных последствий.

¹⁰ Более подробно данные факторы рассмотрены в приложении Ж.

2.4. Оценка региональной политики по развитию муниципальных образований

В настоящее время регулирование территориальной дифференциации осуществляется в рамках региональной социально-экономической политики субъекта Федерации, под которой понимается деятельность органов власти по определению и реализации целей и приоритетов территориального развития, механизма стимулирования, поддержки и содействия развитию муниципальных образований, механизма взаимодействия органов власти субъекта РФ и органов местного самоуправления в направлении решения общих проблем и задач комплексного и устойчивого развития региона.

Таким образом, определенный практический интерес представляет анализ проводимой органами государственной власти субъекта Российской Федерации политики по развитию муниципальных образований.

Заметим, что в последние годы (2012–2016) органами государственной власти Вологодской области предпринимались действия, направленные на поддержание развития муниципальных образований и укрепление их финансово-экономической самостоятельности. Среди наиболее значимых из них следует отметить следующие.

В целях активизации развития региона в целом и муниципальных образований в частности, а также повышения их инвестиционной привлекательности в 2012 г. была создана Корпорация развития Вологодской области. В ходе становления этого института сложились основные формы его взаимодействия с муниципальными образованияами. Однако, как показывают данные анкетного опроса их глав, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН (табл. 2.18), сотрудничество Корпорации с муниципальными образованияами носит эпизодический характер, практически отсутствуют контакты с главами сельских поселений.

Для развития инвестиционного потенциала муниципальных образований в области создан Координационный совет, назначены инвестиционные уполномоченные районов и округов. В функции уполномоченных включены: анализ и прогнозирование развития территории конкретного муниципалитета, мониторинг и составление инвестиционных паспортов, оказание правовой, методической и практической помощи инвесторам в реализации проектов [130]. В 2012–2013 г. были разработаны инвестиционные паспорта, инвестиционные и налоговые карты муниципальных районов и округов. Города Красавино, Сокол и Череповец, а также поселок Сазоново включе-

ны в федеральный перечень моногородов, разработаны комплексные планы их модернизации с целью возможного привлечения средств из федерального бюджета.

Таблица 2.18. Распределение ответов глав муниципальных образований на вопрос «Какую помощь в инвестиционном развитии Вашего муниципального образования оказала Корпорация развития Вологодской области в 2016 г.?» (в % от числа ответивших)

Направление взаимодействия	Муниципальные образования		
	муниципальные районы	городские поселения	сельские поселения
Представителями Корпорации осуществлялось обучение и/или консультирование представителей местных органов власти навыкам работы с инвесторами, взаимодействия с бизнесом	41,2	0,0	3,0
Взаимодействие с Корпорацией развития Вологодской области не осуществлялось	41,2	80,0	87,9
Представителями Корпорации реализовывались маркетинговые мероприятия в отношении муниципального образования	23,5	0,0	1,5
Осуществлялось сопровождение реализации инвестиционного проекта, разработанного изначально без участия Корпорации	11,8	0,0	0,0
Начата реализация инвестиционного проекта с участием Корпорации (подготовлен бизнес-план, выделен земельный участок, разработана документация по проекту и др.)	5,9	20,0	1,5
Найден инвестор, готовый вложить средства в развитие муниципального образования	5,9	0,0	0,0
С участием представителей Корпорации осуществлялась оценка потенциала, конкурентоспособности и перспектив развития муниципалитета, определение наиболее приоритетных сфер привлечения инвесторов и т.д.	5,9	0,0	3,0
Реализован конкретный инвестиционный проект с участием Корпорации	0,0	20,0	0,0
Осуществлена разработка инвестиционного проекта с участием Корпорации	0,0	0,0	0,0
Источник: здесь и в таблицах 2.19–2.21: База данных мониторинга изучения условий реформирования института местного самоуправления Вологодской области / ФГБУН ВолНЦ РАН, 2007–2017.			

Однако в основном эти мероприятия не привели к повышению инвестиционной привлекательности муниципалитетов, и поэтому обеспечить приток инвестиций в большинство районов не удалось. Что касается моногородов, то здесь внимание уделяется фактически только Череповцу, который в соответствии с решением Правительства Российской Федерации в августе 2017 г. получил статус территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

В целях оперативного реагирования на социально-экономическую ситуацию в муниципалитетах за каждым городским округом и муниципальным районом области закреплён куратор от Правительства области. Но эффективность этой меры оказалась низкой, поскольку результативность воздействия во многом определяется тем, насколько полно учтены специфика и особенности развития муниципальных образований в документах стратегического планирования региона.

В ходе нашего исследования с помощью метода балльных оценок (приложение 3) проведен анализ учета территориальной специфики в действовавших в 2013–2015 гг. отраслевых стратегиях и государственных, целевых программах Вологодской области. Оценка стратегий проводилась по таким критериям, как «наличие анализа ситуации по районам», «наличие территориальных параметров и ориентиров развития», а оценка программ — по таким критериям, как «наличие анализа исходной ситуации по районам», «наличие территориальных параметров», «наличие порядка распределения средств», «наличие распределения бюджетных и иных средств по районам».

Результаты анализа позволяют утверждать, что территориальная специфика учтена в стратегиях лишь наполовину (средний балл 0,54 из максимально возможного — 1), а в программах — только на треть (средний балл 0,33). Отсюда и низкие оценки главами муниципалитетов эффективности реализации различных видов отраслевой политики. Так, по итогам 2015 г. более половины всех опрошенных глав районов указали на неэффективность 7 направлений региональной социально-экономической политики, проводимой Правительством области; главы сельских поселений — соответственно 11 направлений (табл. 2.19).

Таблица 2.19. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили эффективность действий региональных органов власти, осуществляемых в рамках следующих направлений?»** (в % от числа выбравших вариант ответа «неэффективны»)

Направление деятельности	Муниципальные образования					
	муниципальные районы		городские поселения		сельские поселения	
	2013 г.	2015 г.	2013 г.	2015 г.	2013 г.	2015 г.
Стимулирование привлечения инвестиций в экономику муниципального образования	84,2	56,3	77,8	66,7	77,6	70,3
Снижение уровня безработицы	68,4	58,8	66,7	55,6	78,0	72,2
Создание устойчивых внутрирегиональных кооперационных связей	77,8	56,3	57,1	50,0	75,8	73,2
Пересмотр нормативов отчислений от региональных налогов в местные бюджеты	66,7	52,9	77,8	55,6	62,2	62,3
Поддержка сельскохозяйственного производства	70,6	29,4	83,3	0,0	80,6	51,9

Окончание таблицы 2.19

Направление деятельности	Муниципальные образования					
	муниципальные районы		городские поселения		сельские поселения	
	2013 г.	2015 г.	2013 г.	2015 г.	2013 г.	2015 г.
Развитие сети автомобильных дорог местного значения	68,4	70,6	100,0	66,7	63,2	61,7
Стимулирование создания и функционирования малого и среднего бизнеса	57,9	43,8	50,0	25,0	63,1	52,6
Закрепление за каждым районом куратора от региональных органов власти	31,6	18,8	37,5	33,3	37,3	41,0
Поощрение расширения внутреннего рынка продукции местных производителей	82,4	12,5	71,4	38,5	67,5	56,0
Развитие туризма в области	27,8	35,3	57,1	11,2	49,6	28,0
Обеспечение нормативно-правовой поддержки муниципальных органов власти	29,4	41,2	50,0	22,2	32,5	40,3
Экспертиза муниципальных нормативно-правовых актов	5,9	50,0	11,1	22,2	17,5	19,5
Стимулирование рынка жилья и жилищного строительства	70,6	41,2	88,9	22,2	75,4	57,1
Оптимизация распределения полномочий между региональными и муниципальными органами власти	61,1	76,5	50,0	50,0	58,7	53,5
Модернизация образования и здравоохранения	44,4	58,8	50,0	44,4	67,2	60,3
Формирование регионального дорожного фонда	22,2	29,4	37,5	44,4	26,2	37,8
Развитие форм и механизмов поддержки и адресной целевой социальной помощи отдельным категориям населения	11,1	6,3	0,0	0,0	30,3	32,5

В 2012 году была начата реализация проекта по оптимизации муниципально-территориальной структуры области (объединение сельских поселений в Кичменгско-Городецком, Никольском, Череповецком, Сокольском, Грязовецком и Вытегорском районах). Количество поселений в 2013 году сократилось: на 10 поселений в Кичменгско-Городецком, на 3 – в Никольском, на одно – в Грязовецком, Сокольском и Череповецком районах. В 2014–2016 гг. объединение поселений осуществлено и в других районах области.

Наиболее явный эффект от преобразований – сокращение расходов на управление. Однако главной целью территориальных преобразований в идеале должно быть формирование самодостаточных муниципальных образований, органы власти которых способны самостоятельно решать большинство проблем местного значения. Для достижения этой цели необходима оценка потенциала и перспектив развития объединяемых поселений, создание условий для привлечения инвестиций в реализацию проектов в экономической и социальной сферах муниципалитетов. Департаментом внутренней поли-

тики и Департаментом финансов Вологодской области разработаны инвестиционные (определен перечень реализуемых и предлагаемых к реализации проектов) и налоговые (выполнена оценка налогового потенциала, определены крупнейшие налогоплательщики в местные бюджеты) карты соответствующих муниципалитетов, разработаны инвестиционные паспорта районов и городских округов.

Детальное исследование (приложение И) исходной социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях Кичменгско-Городецкого района позволило сделать следующий вывод: объединились поселения с разными характеристиками (территорий и населения) и невысоким потенциалом. При этом присоединение к условно «сильному» и развитому Городецкому поселению четырёх «слабых» муниципальных образований, вероятно, приведет к распылению и без того незначительных средств на решение проблем во всех поселениях. За счет объединения двух «слабых» поселений в одно — Енангское, 6 «слабых» поселений в одно — Кичменгское — сформировать «сильные» поселения вряд ли возможно. Енангское и Кичменгское поселения также будут существенно уступать и вновь образованному Городецкому поселению по ключевым социально-экономическим параметрам. Кроме того, возникает проблема транспортной доступности для населения Городецкого и Кичменгского поселений их административного центра — села Кичменгский Городок, обусловленная достаточно большой площадью территории этих поселений и плохим состоянием дорог и транспортной инфраструктуры.

Следует отметить, что объединение поселений позволяет снизить сам статистический факт различий между муниципалитетами (различия между 13 муниципалитетами скорее всего будут выше, чем между тремя), но причины и последствия дифференциации не устраняются, как и проблема низкой финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований. Вместе с тем территориальные преобразования могут способствовать появлению более крупного субъекта экономических отношений, формированию квалифицированного кадрового состава органов МСУ, повышению эффективности расходования бюджетных средств. Для этого необходимо научное обоснование целесообразности совершенствования муниципально-территориального устройства (формирование новой сетки муниципальных образований и другие территориальные преобразования) и социально-экономических последствий таких преобразований.

В целях повышения квалификации и управленческих навыков муниципальных служащих в регионе реализуется проект «Команда Губернатора:

муниципальный уровень». Его участниками стали главы, заместители глав муниципальных образований, работники органов МСУ, которых обучают самостоятельно разрабатывать проекты социально-экономического развития своих территорий. Так, в мае 2014 г. обучение по программе повышения квалификации «Муниципальное управление» прошли 84 человека, разработавшие 64 проекта, причем авторы 29 проектов получили гранты на реализацию своих идей [115; 116].

Следует также отметить, что при Департаменте финансов области созданы межведомственная рабочая группа, целью которой является поиск возможных резервов по привлечению доходов в областной и местные бюджеты, и межведомственные рабочие группы, деятельность которых направлена на сокращение задолженности по платежам в областной и местный бюджеты и по выплате заработной платы перед работниками, на легализацию объектов налогообложения [130]. В части укрепления финансово-экономических основ муниципальных образований региона проводится замена части дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности дополнительными нормативами отчислений от налога на доходы физических лиц. Так, в 2015 г. муниципальным образованиям взамен дотаций было передано более 3,1 млрд. руб. НДФЛ. В результате этого половина муниципальных районов вышли на бездотационный уровень. Реализуются также мероприятия по стимулированию роста доходного потенциала местных бюджетов области: собственная доходная база местных бюджетов уже в 2013 году превысила уровень докризисного 2008 года на 1321,4 млн. рублей или на 11,6% [130].

Разработана подпрограмма «Развитие местного самоуправления на территории Вологодской области» государственной программы «Экономическое развитие Вологодской области на 2014–2020 годы», которая предусматривает предоставление межбюджетных трансфертов победителям конкурса «Лучшее поселение Вологодской области», лучшим муниципалитетам по результатам оценки эффективности деятельности органов МСУ; поселениям, участвующим в процессах объединения; премии (гранты) победителям проекта «Команда Губернатора: муниципальный уровень» и «Лучший староста года».

В области на регулярной основе осуществляется ежегодный мониторинг эффективности деятельности органов местного самоуправления в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607 и выделяются гранты лучшим муниципалитетам (по итогам 2015 г. это г. Череповец и Белозерский район). Проводится ежегодный конкурс на

лучшее поселение Вологодской области, его победителям (по 5 в каждой из четырёх номинаций) выделяются гранты на благоустройство территорий и укрепление материальной базы.

Отметим, что эффективность деятельности органов власти и управления проявляется в том, насколько действия, предпринимаемые соответствующими структурами по реализации территориальной политики, межбюджетных отношений, стимулированию развития муниципалитетов, приводят к улучшению параметров социально-экономического развития территорий, повышению качества предоставления государственных и муниципальных услуг.

Как показывают результаты ежегодных опросов глав муниципальных образований (городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений) Вологодской области, проводимых сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН, в 2015 году по сравнению с 2009 годом несколько улучшились оценки главами муниципальных районов действий, предпринимаемых органами государственной власти области по отношению к муниципальным образованиям, а доля негативных оценок со стороны глав районов и городских поселений (суммарно по вариантам ответа «не было оказано никакой помощи» и «помощь была неэффективной») сократилась на 17–34 п.п. Вместе с тем позитивные изменения в сфере поддержки развития муниципалитетов по-прежнему отмечаются не более чем 1/3 опрошенных глав (табл. 2.20).

Таблица 2.20. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете действия региональных органов власти, направленные на поддержку муниципальных образований в ... году?»** (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	2009	2014	2015	2009	2014	2015	2009	2014	2015
Не было оказано никакой помощи	3,8	0,0	0,0	18,2	7,7	11,1	12,0	19,2	14,6
В целом помощь была неэффективной (разработанные мероприятия трудноосуществимы и не привели к улучшению ситуации)	19,2	5,3	5,9	27,3	23,1	0,0	21,5	16,2	26,8
Изменения произошли, но они не существенны	38,5	57,9	47,1	27,3	30,8	55,6	36,1	31,5	31,7
Осуществляемые действия привели к улучшению ситуации	23,1	36,8	29,4	18,2	30,8	33,3	12,0	10,0	8,5
Затрудняюсь ответить	15,4	0,0	17,6	9,1	7,7	0,0	18,4	23,1	18,3

Так, по мнению большинства глав в 2015 г. (77% глав районов, 33% глав городских и 42% — сельских поселений), территориальная политика в регионе должна оптимально сочетать в себе и выравнивание, и стимулирование развития муниципальных образований (табл. 2.21). Вместе с тем 33–44% глав поселений выступают за выравнивающую политику.

Таблица 2.21. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы думаете, территориальная политика в регионе должна быть направлена на ...?»
(в % от числа ответивших)

Направление территориальной политики (вид)	Муниципальные образования		
	муниципальные районы	городские поселения	сельские поселения
Выравнивание социально-экономических условий на всей территории региона («выравнивающая»)	17,6	44,4	32,9
Выявление и первоочередная поддержка узловых точек, полюсов роста (например, в соответствии с Программой устойчивого развития сельских территорий) («стимулирующая»)	0,0	22,2	23,2
Оптимальное сочетание выравнивающей и стимулирующей политики («сбалансированная»)	76,5	33,3	41,5
Затрудняюсь ответить	5,9	0,0	2,4

Одним из способов оценки эффективности реализации политики или деятельности органов власти могут быть экспертные оценки или социологические опросы, которые активно применяются в настоящее время в России в таких исследованиях. В анкетном опросе, проведенном ФГБУН ВолНЦ РАН, главам муниципалитетов было предложено ответить на три вопроса, касающиеся эффективности взаимодействия органов региональной и муниципальной власти региона и их действий по развитию территорий (табл. 2.22). Использование результатов ответов глав муниципалитетов на данные вопросы позволит в общем виде оценить эффективность региональной политики по развитию муниципальных образований [23]. Алгоритм расчётов заключается в следующем.

На *предварительном этапе* проводится анкетный опрос глав муниципальных образований, в который, в частности, включены вопросы об оценке эффективности региональной политики. Далее обрабатываются результаты опроса, определяется доля глав муниципалитетов, выбравших тот или иной вариант ответа.

На *первом этапе* каждому варианту ответа присваивается балльная оценка (от 0 до 2 или 3), соответствующая степени той или иной составляющей эффективности (результативности).

Таблица 2.22. **Балльные оценки вариантов ответов глав муниципальных образований об эффективности региональной политики**

Вариант ответа	Балл
1. Как Вы оцениваете действия региональных органов власти, направленные на поддержку муниципальных образований в ... году?	
Не было оказано никакой помощи	0
В целом помощь была неэффективной (разработанные мероприятия трудноосуществимы и не привели к улучшению ситуации)	1
Изменения произошли, но они не существенны	2
Осуществляемые действия привели к улучшению ситуации	3
2. Как Вы оцениваете эффективность (результативность) взаимодействия с перечисленными ниже институтами? (органами государственной власти региона, органами местного самоуправления и общественными организациями)	
Низкая	0
Удовлетворительная	1
Высокая	2
3. Как бы Вы оценили эффективность действий региональных органов власти, осуществляемых в рамках следующих направлений? (отраслевых политик)	
Не эффективны	0
Эффективны	1

На *втором этапе* определяется средняя балльная оценка по каждой составляющей эффективности путем перемножения доли выбравших тот или иной вариант ответа и балла, соответствующего данному варианту, и суммирования значений, полученных по вариантам ответа на вопрос.

Соответственно, проводится оценка по трём *составляющим (направлениям) эффективности*, таким как:

- 1) эффективность и результативность взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- 2) эффективность действий региональных органов власти, направленных на поддержку муниципалитетов;
- 3) эффективность отраслевой региональной политики.

Эти составляющие определены исходя из содержания заданных главам анкетных вопросов.

На *третьем этапе* выявляется уровень каждой составляющей эффективности на основе средней балльной оценки. Границы интервалов (ширина интервалов одинаковая) уровней эффективности по направлениям оценки будут выглядеть следующим образом (табл. 2.23).

Результаты апробации предложенного инструментария на материалах Вологодской области представлены в таблицах 2.24–2.26.

Таблица 2.23. **Границы интервалов средней балльной оценки различных составляющих эффективности**

Границы интервалов	Уровень эффективности
Эффективность и результативность взаимодействия органов государственной власти и органов МСУ	
[0; 0,67]	Низкий
(0,67; 1,33]	Средний
(1,33; 2]	Высокий
Эффективность действий региональных органов власти, направленных на поддержку муниципалитетов	
[0; 0,75]	Низкий
(0,75; 1,5]	Ниже среднего
(1,5; 2,25]	Выше среднего
(2,25; 3]	Высокий
Эффективность отраслевой региональной политики	
[0; 0,5]	Ниже среднего
(0,5; 1]	Выше среднего

Таблица 2.24. **Эффективность действий региональных органов власти, направленных на поддержку муниципалитетов** (минимально возможный балл – 0; максимальный – 3)

Вид МО	2009 г.		2010 г.		2012 г.		2014 г.		2015 г.	
	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень
ГП	1,46	Ниже среднего	1,75	Выше среднего	1,59	Выше среднего	1,85	Выше среднего	2,11	Выше среднего
СП	1,48	Ниже среднего	1,63	Выше среднего	1,61	Выше среднего	1,32	Ниже среднего	1,34	Ниже среднего
Районы	1,81	Выше среднего	2,44	Высокий	2,14	Выше среднего	2,32	Высокий	2,06	Выше среднего
В среднем	1,58	Выше среднего	1,94	Выше среднего	1,78	Выше среднего	1,83	Выше среднего	1,84	Выше среднего
Примечание. Здесь и в таблицах 2.25, 2.26 обозначения следующие: МО – муниципальное образование; ГП – городское поселение; СП – сельское поселение; В среднем – среднее значение индекса по районам и поселениям; Знач. – значение показателя балльной оценки. Источник: рассчитано авторами по: База данных мониторинга изучения условий реформирования института местного самоуправления Вологодской области / ФГБУН ВолНЦ РАН, 2007–2017.										

Таблица 2.25. **Эффективность отраслевой региональной политики**
(мин. – 0 баллов; макс – 1 балл)

Вид МО	2011 г.		2012 г.		2014 г.		2015 г.	
	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень
ГП	0,31	Ниже среднего	0,41	Ниже среднего	0,52	Выше среднего	0,66	Выше среднего
СП	0,25	Ниже среднего	0,34	Ниже среднего	0,49	Выше среднего	0,49	Ниже среднего
Районы	0,31	Ниже среднего	0,49	Ниже среднего	0,61	Выше среднего	0,56	Выше среднего
В среднем	0,29	Ниже среднего	0,41	Ниже среднего	0,55	Выше среднего	0,57	Выше среднего

Таблица 2.26. **Эффективность и результативность взаимодействия органов госвласти и органов МСУ** (мин. 0 баллов; макс 2 балла)

Вид МО	Направление взаимодействия	2007	2008	2009*	2010*	2012		2014		2015	
						Знач.	Уровень	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень
ГП	Итого органы госвласти	0,50	0,53	1,05	1,16	0,64	Низкий	0,85	Средний	1,09	Средний
	ФОИВ	...	...	...	...	0,71	Средний	1,22	Средний	1,18	Средний
	ОП, КР и СМО	...	...	...	...	0,53	Низкий	0,81	Средний	1,02	Средний
	ОМСУ	0,46	1,03	1,05	1,19	0,94	Средний	1,09	Средний	1,19	Средний
СП	Итого органы госвласти	0,46	0,66	0,98	1,02	0,61	Низкий	0,77	Средний	0,78	Средний
	ФОИВ	...	...	...	...	0,75	Средний	0,93	Средний	1,00	Средний
	ОП, КР и СМО	...	...	...	...	0,39	Низкий	0,73	Средний	0,80	Средний
	ОМСУ	0,55	0,95	1,03	1,12	0,86	Средний	0,93	Средний	0,94	Средний
Районы	Итого органы госвласти	0,67	0,90	1,10	1,18	1,24	Средний	1,18	Средний	1,29	Средний
	ФОИВ	...	...	...	...	1,08	Средний	1,09	Средний	1,26	Средний
	ОП, КР и СМО	...	...	...	...	1,01	Средний	0,98	Средний	1,19	Средний
	ОМСУ	0,54	1,16	1,14	1,00	1,13	Средний	1,18	Средний	1,11	Средний
В среднем	Итого органы госвласти	0,55	0,70	1,04	1,12	0,83	Средний	0,93	Средний	1,05	Средний
	ФОИВ	...	...	...	...	0,85	Средний	1,08	Средний	1,15	Средний
	ОП, КР и СМО	...	...	...	...	0,64	Низкий	0,84	Средний	1,00	Средний
	ОМСУ	0,52	1,05	1,07	1,10	0,97	Средний	1,07	Средний	1,08	Средний

* В 2009–2010 гг. главам задавался вопрос «Как Вы считаете, изменилась ли результативность взаимодействия с перечисленными ниже институтами в 2010 (2009) г. по сравнению с 2009 (2008) г.?, характеризующий динамику изменения взаимодействия, а не степень (уровень) самой эффективности (результативности) взаимодействия. Поэтому индексы 2009–2010 гг. не сопоставимы с показателями остальных лет. Обозначения: ... – индекс рассчитать невозможно в связи с отсутствием вариантов ответа в анкетах соответствующих лет; ФОИВ – федеральные органы исполнительной власти, имеющие свои представительства на территории области; ОП – Общественная палата Вологодской области; КР – Корпорация развития Вологодской области; СМО – Совет муниципальных образований Вологодской области; ОМСУ – органы местного самоуправления района и поселений, местный бизнес и общественные объединения граждан.

Проведённые расчёты свидетельствуют об увеличении оценок эффективности взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления районов с 0,67–0,90 балла в 2007–2008 гг. до 1,18–1,29 балла в 2014–2015 гг. (при максимально возможном балле – 2), характеризующейся средним уровнем.

До уровня выше среднего повысилась и эффективность действий региональных органов власти, направленных на поддержку муниципалитетов, что показали оценки глав районов: 2,06–2,32 балла в 2014–2015 гг. против 1,81 балла в 2009 году (при максимально возможном балле – 3). Однако по сравнению с балльными оценками эффективности в 2010 году отмечается снижение их значений.

Что касается уровня эффективности отраслевой региональной политики, то он характеризуется главами всех муниципалитетов в 2014–2015 гг. как невысокий: от 0,49 до 0,66 балла (при максимально возможном балле – 1). В то же время главы городских и сельских поселений более негативно, чем главы районов, оценивают эффективность внутрирегиональной политики. Это обусловлено тем, что взаимодействие органов государственной власти региона осуществляется преимущественно с органами власти районов и городских округов. При этом следует отметить положительные изменения, произошедшие в последние годы в развитии районов области: выведение половины из них на бездотационность; активное строительство жилья (в т.ч. за счёт реализации федеральной программы переселения из ветхого и аварийного жилья); снижение естественной убыли населения. Однако в сфере экономики ситуация существенно не улучшается, наблюдается также рост миграционной убыли населения из слаборазвитых районов.

Таким образом, результаты нашего анализа показывают, что, хотя усилия органов власти и управления региона направлены на дальнейшее развитие системы поддержки развития муниципальных образований, системный и целенаправленный подход к регулированию внутрирегиональной дифференциации фактически отсутствует. Оценка деятельности органов государственной власти региона, полученная от глав муниципальных образований, дала возможность выявить ряд проблем, среди которых наиболее значимыми стали недостаточная эффективность взаимодействия между органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также отсутствие дифференцированного подхода к реализации мер господдержки территорий с разным уровнем и особенностями развития.

ГЛАВА 3. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

3.1. Научно-методический подход к регулированию внутрирегиональной дифференциации

Одним из приоритетных направлений развития Вологодской области, обозначенных в Стратегии социально-экономического развития области на период до 2030 года (утверждена Постановлением Правительства Вологодской области от 17.10.2016 г. № 920), является формирование пространства эффективности, отличительными признаками которого должны стать равномерные социально-экономические условия обеспечения продуктивной жизнедеятельности человека, наличие комфортной и благоустроенной среды проживания. Вместе с тем, судя по результатам проведенного нами анализа, в области имеют место значительные диспропорции в размещении населения и производительных сил на территории, высокая дифференциация по уровню социально-экономического развития между крупными городами и сельскими территориями, невысокая эффективность деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Решение проблем, связанных с усилением внутрирегиональной дифференциации, требует переосмысления подходов к регулированию указанного процесса с позиций основных положений Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 16.01.2017 г. № 13. Среди принципов, раскрывающих содержание государственной политики регионального развития, впервые указано на дифференцированный подход к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей. По нашему мнению,

именно этот принцип, в совокупности с представленными в табл. 3.1, должен быть положен в основу научно-методического подхода к регулированию внутрирегиональной дифференциации.

Таблица 3.1. **Принципы регулирования внутрирегиональной дифференциации**

Принцип	Содержание принципа
Целенаправленность	Обоснование целей и задач, направленных на достижение конкретного результата
Системность	Регулирование развития региона осуществляется с учетом всех входящих в него подсистем (отраслей/видов экономической деятельности и муниципальных образований)
Учёт особенностей развития муниципалитета	Обоснование и выбор инструментов воздействия с учетом демографических, географических, экономических и социальных характеристик муниципалитета
Согласованность интересов	Координация интересов, действий органов государственной власти субъекта Федерации, органов местного самоуправления, населения и бизнеса в процессе регулирования развития региона и муниципалитетов
Саморазвитие и самоуправление	Максимально полное использование всех имеющихся, преимущественно внутренних, ресурсов развития муниципалитетов в сочетании с внешними факторами
Адаптированность	Учёт возможных изменений внешней среды
Сбалансированность	Поддержка одних муниципалитетов не должна идти в ущерб развитию других; оптимальное сочетание выравнивания и активизации развития всех муниципалитетов

Субъектами регулирования внутрирегиональной дифференциации являются органы государственной власти субъекта Российской Федерации и органы местного самоуправления. Ключевая роль отводится региональным органам управления (департаменты стратегического планирования, экономического развития, финансов), которые осуществляют разработку основных направлений пространственного развития региона с учетом социально-экономических особенностей муниципальных образований и реализацию мероприятий в соответствии с установленными целями и задачами.

Практика последних десятилетий показала заметное воздействие на процесс принятия решений органами законодательной и исполнительной власти, так называемых, *субъектов влияния* (региональные институты развития, бизнес-сообщества и население). Определяющее влияние на развитие муниципальных образований, безусловно, оказывают представители бизнеса, которые, выступая в роли инвесторов, увеличивают производственный потенциал территории, создают новые рабочие места, что позволяет не только укреплять финансовую базу районов, развивать социальную и транспортную инфраструктуру, но и формировать условия для предотвращения отто-

ка населения. Важную роль в разработке и реализации стратегий, программ, планов развития, крупных инвестиционных проектов, в маркетинге территорий субъектов РФ и муниципальных образований играют региональные институты развития, среди которых широкое распространение во всех российских регионах получили *корпорации (агентства) развития*. В настоящее время важно активизировать и деятельность жителей муниципальных образований, принимающих участие в регулировании развития своей территории, проявляющуюся в обсуждении ими социально-экономических проектов и предложении различных инициатив по решению местных проблем.

Объектом регулирования выступают процессы социально-экономического развития в муниципальных образованиях, отличительная особенность которых состоит в их значительной дифференциации.

Результативность регулирования во многом определяют выбор и обоснование главной цели и задач, в направлении которых осуществляется процесс развития муниципальных образований. При этом необходимо учитывать интересы всех участников, а также ограничения, влияющие на процесс регулирования.

Цель регулирования внутрирегиональной дифференциации состоит в создании условий для её снижения и преодоления негативных последствий. Реализация этой цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач:

- 1) обеспечение снижения уровня отставания «проблемных» муниципалитетов по основным параметрам социального и инфраструктурного развития;
- 2) создание стимулов для активизации развития всех муниципалитетов региона (обеспечения их саморазвития за счёт наиболее полного использования имеющегося потенциала);
- 3) согласование интересов и эффективность взаимодействия (сотрудничества) органов государственной власти и местного самоуправления;
- 4) повышение роли института местного самоуправления в решении проблем развития муниципалитетов.

Решение первой задачи нацелено на сокращение разрыва между районами по ключевым показателям развития и создание комфортной среды для жизни населения и деятельности бизнеса. Для этого следует реализовать мероприятия по разработке и продвижению инвестиционных проектов, направленных на создание или реконструкцию объектов производственной, транспортной и социальной инфраструктуры, на активную поддержку бизнес-структур, участвующих в реализации проектов на территориях «проблемных» районов.

Для выполнения второй задачи, связанной с расширением экономического потенциала муниципалитетов, необходимы: дальнейшее развитие кластеров (лесопромышленный, туристический, агропромышленный), территорий опережающего развития, зон территориального развития; активизация деятельности институтов развития (ГЧП, МЧП); стимулирование функционирования малого и среднего бизнеса, деятельности по закреплению кадров, привлечению отечественных и зарубежных инвесторов. Это будет способствовать открытию новых и расширению имеющихся производств, что позволит повысить уровень и качество жизни населения, наполняемость доходов местного бюджета.

Успешное решение этих задач возможно лишь на основе эффективного сотрудничества органов государственной власти и органов местного самоуправления в направлении достижения задач комплексного и устойчивого развития региона. При этом должно быть ясное понимание причин и последствий реальных проблем муниципальных образований, путей и механизмов их решения.

Отсюда третья задача требует мероприятий, связанных с вопросами разграничения полномочий, ответственности и собственности между органами государственной власти и муниципальными образованияами, поддержки проектов в сфере межмуниципального сотрудничества, активного развития организационных форм взаимодействия между органами власти (координационные советы, управленческие округа и др.).

Выполнение четвертой задачи предполагает: совершенствование различных форм самоорганизации населения и его участие в управлении на местном уровне (территориальное общественное самоуправление, самообложение граждан, проекты местных инициатив, фонды местных сообществ); финансовую, организационную поддержку указанных институтов со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления; изучение и распространение опыта лучших практик муниципального управления.

Отметим, что осуществление указанных мероприятий создает возможности для оптимального сочетания выравнивания и стимулирования развития муниципальных образований, а также будет способствовать повышению роли института местного самоуправления.

Сложность и взаимообусловленность поставленных задач, особый характер взаимоотношений между субъектами управления, постоянно изменяющаяся внешняя среда предъявляют требования к *механизму регули-*

рования *внутрирегиональной дифференциации*, который определяется как совокупность форм, методов и инструментов, с помощью которых органы государственной власти и управления региона и органы местного самоуправления воздействуют на процессы социально-экономического развития муниципальных образований. К числу основных требований следует отнести: гибкость и способность реагирования на различные изменения (среды, целей и задач), наличие обратных связей, обеспечение сбалансированного развития экономической и социальной сфер территорий, создание условий для взаимодействия региональных и местных органов власти и управления, его эффективность.

Общая схема механизма регулирования внутрирегиональной дифференциации представлена на рисунке 3.1.

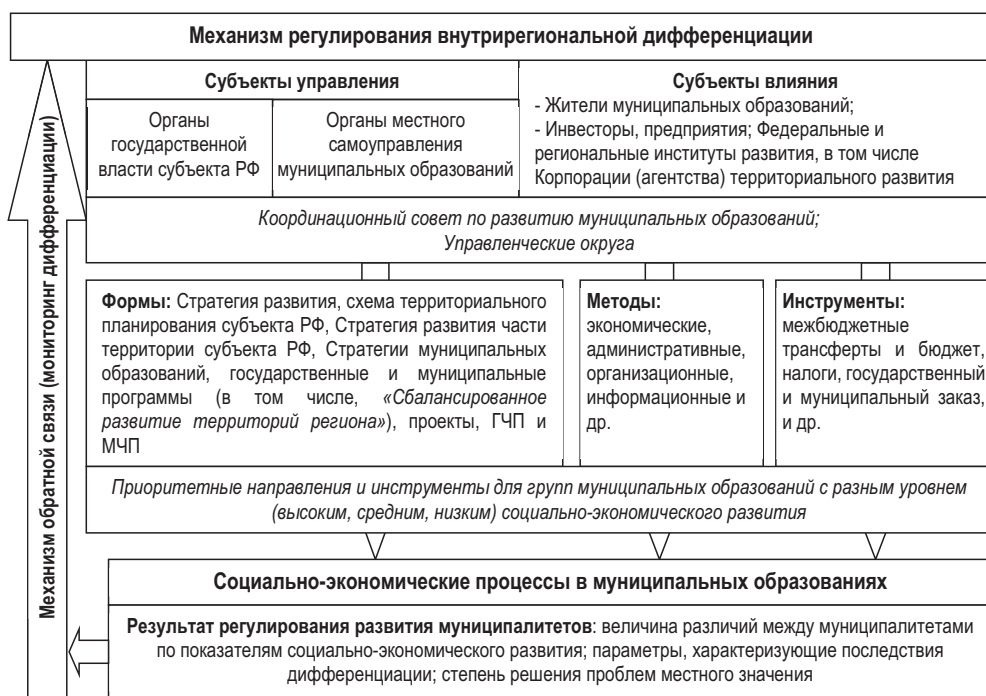

Рисунок 3.1. **Схема механизма регулирования внутрирегиональной дифференциации***

* Курсивом выделены не используемые в настоящее время элементы механизма управления.

Источник: составлено авторами.

Регулирование внутрирегиональной дифференциации целесообразно осуществлять с помощью следующих *методов и инструментов*.

1. Экономические: налоговые и иные льготы, инвестиционные (налоговые) кредиты предприятиям, открывающим производства или создающим новые рабочие места в отдельных территориях; межбюджетные трансферты (дотации, субсидии и субвенции и иные) муниципальным образованиям; государственный и муниципальный заказ; государственные и муниципальные инвестиции в инфраструктуру и другие сферы; формирование на территории региона инновационных производственных и территориальных кластеров.

2. Административные: установление специальных режимов (свободные экономические зоны, зоны территориального развития (ЗТР), территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), промышленные парки, индустриальные парки), лицензионные и разрешительные процедуры, борьба с «теневой экономикой» (незаконной предпринимательской деятельностью и сокрытием доходов) и неформальной занятостью на территории муниципалитета.

3. Организационные: формирование специальных координационных органов, подразделений (например, Координационного совета по развитию муниципальных образований); проведение совещаний, круглых столов, конференций, бизнес-миссий; формирование управленческих округов; изменение муниципального устройства (объединение, разделение и изменение статуса муниципальных образований) в целях формирования более самостоятельных в финансово-экономическом плане муниципалитетов; повышение эффективности деятельности институтов развития (корпораций, агентств развития, бизнес-инкубаторов и пр.); организация в субъекте РФ поддержки проектов местных инициатив, территориального общественного самоуправления, самообложения граждан, фондов местных сообществ.

4. Информационные: мониторинг социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях, инвестиционные порталы региона и муниципальных образований; ГИС-технологии; внедрение системы межведомственного электронного взаимодействия; маркетинг и брендинг муниципалитетов, краудсорсинг и краудфандинг и др.

Особое место в механизме регулирования внутрирегиональной дифференциации занимает блок, в котором представлены стратегические документы, определяющие вектор развития региона. В стратегиях развития субъектов Федерации в идеале должны быть определены территориальные

приоритеты, роль различных муниципальных образований в развитии региона, основные проблемы и стратегические ориентиры, механизмы управления пространственным развитием, «коридоры развития», «точки роста», транспортные коридоры, возможные к формированию зоны территориального развития или территории опережающего развития.

В соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ (далее – 172-ФЗ) возможно также принятие отдельной стратегии социально-экономического развития части территории субъекта РФ, в пределах которой социально-экономические условия требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач развития. Этим же законом установлена необходимость разработки документов стратегического планирования на муниципальном уровне (стратегия, прогноз, план мероприятий, программы). Логика муниципальных стратегий предусматривает проведение анализа социально-экономического потенциала муниципалитета, обоснование путей и механизмов решения его ключевых проблем. Мероприятия, направленные на устранение барьеров в развитии муниципальных образований, находят своё отражение в государственных программах субъекта Федерации и муниципальных программах и проектах.

Важное значение для снижения издержек бизнеса и повышения транспортной доступности районов имеет реализация инвестиционных проектов в сфере создания новых транспортных узлов и магистралей, логистических центров. Это позволит активизировать процессы формирования зон территориального развития в наиболее проблемных муниципалитетах, «точек роста», развития кластеров в регионе, дальнейшего становления институтов развития и эффективного межмуниципального сотрудничества (более подробно эти институты рассмотрены в приложении К). Использование таких форм долгосрочного взаимодействия государства и бизнеса, как государственно-частное и муниципально-частное партнерство, при реализации инфраструктурных проектов будет способствовать не только решению социально-экономических проблем муниципалитетов, но и активному участию бизнеса в их развитии.

Для осуществления проектов развития муниципалитетов с целью снижения внутрирегиональной дифференциации целесообразно, на наш взгляд, разработать и принять специальную государственную программу субъекта Российской Федерации «Сбалансированное развитие территорий региона» (см. более подробное описание в параграфе 3.3).

Важнейшим условием организации эффективного регулирования внутрирегиональной дифференциации является наличие достоверной, достаточной и своевременной информации. Однако на практике иногда ощущается её недостаток, что может отрицательным образом сказываться на принятии решений и не способствует выполнению поставленных задач. Эти обстоятельства вызывают необходимость мониторинга процессов социально-экономического развития муниципалитетов, главная цель которого как раз и состоит в обеспечении соответствующей информацией органов государственной власти и органов местного самоуправления.

С целью мониторингового наблюдения могут быть использованы показатели, которые предложены в параграфе 1.2. для выявления уровня внутрирегиональной дифференциации, на основании которых возможно реально оценить социально-экономическую ситуацию в каждом муниципальном районе. При этом ежегодное проведение процедуры мониторинга позволит отслеживать динамические изменения в экономике и социальной сфере и выявлять обуславливающие их факторы. Осуществлять мониторинг может соответствующий орган государственной исполнительной власти субъекта РФ (например, департамент стратегического планирования, территориального развития и т.д.), а результаты должны обсуждаться в различных координационных, совещательных органах региона и стать основой выбора конкретных управленческих решений.

Организация мониторинга предполагает сбор информации по следующим направлениям:

- оценка масштабов дифференциации;
- уровень социально-экономического развития муниципальных районов;
- факторы, определяющие дифференциацию;
- оценка эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований.

Информация, получаемая в процессе мониторинга, может иметь практическое значение при условии ее использования в таком качестве, как:

- источник информации о проблемных районах и сферах хозяйства, которые нуждаются в поддержке в первую очередь;
- банк данных, необходимых для принятия решений в ходе регулирования внутрирегиональной дифференциации;
- источник информации о деятельности органов власти и управления региона и местного самоуправления;
- основа для принятия, а при необходимости и корректировки, решений субъектами управления.

Как было отмечено выше, одной из главных особенностей предлагаемого научно-методического подхода к регулированию внутрирегиональной дифференциации является обязательный учет демографических, географических, экономических, социальных особенностей муниципальных районов, обуславливающий выбор инструментов воздействия. В ходе анализа социально-экономического развития муниципалитетов выделено три группы районов, различающиеся по уровню развития. На основе этого анализа, а также изучения и обобщения трудов отечественных ученых по исследуемой проблеме были сформированы: перечень приоритетных направлений и инструментов регулирования для всех трех групп районов и перечень приоритетных для них направлений и инструментов регулирования с учетом уровней развития. Добавим при этом, что актуальная информация для определения мер государственной поддержки разных типов территорий получена по результатам анкетного опроса глав муниципальных образований Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН. Как показало исследование (в разрезе различных групп территорий по уровню развития), в регионе получилась довольно объективная картина приоритетности и целесообразности применения тех или иных инструментов регулирования внутрирегиональной дифференциации (см. результаты опроса в приложении Л).

На наш взгляд, можно выделить следующие общие для всех групп муниципальных районов приоритетные направления развития и инструменты их реализации (табл. 3.2).

Направления:

- корректировка федерального законодательства в части закрепления за местным уровнем власти дополнительных источников доходов, урегулирование полномочий и ответственности органов МСУ;
- формирование собственной экономической базы муниципалитета (например, повышение нормативов отчислений от налогов, передача отдельных объектов из государственной собственности в муниципальную);
- учет особенностей, специфики и проблем развития различных типов муниципалитетов в государственных программах субъекта РФ;
- установление межбюджетных отношений, учитывающих особенности каждого муниципального образования;
- замена дотаций местному бюджету дополнительными нормативами отчислений от НДФЛ;
- поддержка развития малого и среднего предпринимательства;

— разработка совместно с муниципалитетами государственной программы области по поддержке и развитию местного самоуправления, в том числе по государственной поддержке территориального общественного самоуправления, инициативного бюджетирования.

Инструменты:

- система межбюджетных отношений в субъекте Федерации;
- создание бизнес-инкубаторов (агентств инвестиционного развития) на территории всех муниципальных районов и городских округов;
- активная деятельность корпораций, агентств регионального развития на всей территории субъекта Федерации;
- создание специализированных структур и организационных подразделений в системе управления регионом (управленческих округов и Координационного совета по развитию муниципальных образований).

Эффективное решение проблем развития муниципальных образований и снижения внутрирегиональной дифференциации возможно лишь при условии обеспечения благоприятных внешних факторов и условий развития территорий. В связи с этим на федеральном уровне необходимо урегулировать, в первую очередь, следующие вопросы.

1. Обеспечить соответствие объёма средств, аккумулируемых в местных бюджетах, объёму полномочий, закреплённых за этим уровнем власти путём совершенствования налогово-бюджетной системы в стране и системы межбюджетных отношений. Решением здесь может быть, например, перечисление 3% (до 2017 г. — 2%) от налога на прибыль, зачисляемого в настоящее время в федеральный бюджет, в местные бюджеты, как это и было ранее.

2. Инвентаризация всех полномочий органов местного самоуправления: устранение их дублирования между различными уровнями власти и видами муниципалитетов, ликвидация полномочий, не попадающих под природу местного самоуправления, устранение неоднозначных формулировок.

3. Расширение полномочий органов МСУ по регулированию социально-экономических процессов в муниципалитетах. Например, в части разрешительных процедур, реальной возможности учреждения муниципальных банков, залоговых фондов, страховых фондов, фондов развития территории. Урегулирование вопросов организации различных форм межмуниципального сотрудничества, в частности чтобы для решения большинства вопросов местного значения органы власти могли учреждать межмуниципальные организации, общества и софинансировать их деятельность за счёт средств местных бюджетов.

Таблица 3.2. Приоритетные направления и инструменты регулирования развития муниципальных образований с разным уровнем развития

Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
<i>Приоритетные направления:</i>		
– создание стимулов для обеспечения саморазвития и формирования на их основе «точек роста» регионального значения (в том числе генерации и распространения инноваций); – обеспечение большей финансовой самостоятельности и перспектив устойчивого роста; – создание условий для привлечения крупных инвестиций для реализации инфраструктурных проектов и проектов по открытию новых производств; – устранение чрезмерного контроля и надзора за деятельностью органов местного самоуправления со стороны органов государственной власти и иных структур.	– создание условий для диверсификации экономики муниципалитета; – выявление неиспользуемых резервов развития муниципалитета; – обеспечение доступа к бюджетному финансированию для реализации перспективных экономических и инфраструктурных проектов; – создание условий для развития и оптимизации сети учреждений социальной сферы.	– обеспечение гарантированного предоставления необходимого минимума инфраструктурных и социальных услуг для проживающего населения (в том числе развитие дорожной и транспортной инфраструктуры); – обеспечение сохранения и развития имеющихся производств и создание условий для открытия новых производств; – выявление неиспользуемых резервов развития муниципалитета; – повышение эффективности сотрудничества с региональными органами власти; – создание условий для развития и оптимизации сети учреждений социальной сферы; – установление ответственности органов местного самоуправления за использование средств государственной поддержки и достижение результатов, предусмотренных стратегиями и программами развития региона и муниципалитетов.
<i>Инструменты:</i>		
– информационно-консультационная поддержка; – корректировка межбюджетных отношений; – развитие кластеров; – формирование территорий со специальными режимами хозяйствования (ТОСЭР, промышленные и индустриальные парки); – создание инвестиционных фондов развития территорий и поддержки гражданских инициатив и содействие реализации перспективных проектов развития; – выставки, ярмарки, использование СМИ для трансляции опыта другим.	– дотации, субсидии, субвенции; – государственные и муниципальные инвестиции – организационная поддержка маркетинга территорий, взаимодействия с инвесторами и других аспектов муниципального и проектного управления; – бюджетные гарантии; – страхование рисков предприятий.	– дотации, субсидии, субвенции; – государственный и муниципальный заказ; – государственные и муниципальные инвестиции в инфраструктуру; – налоговые льготы предприятиям, открывающим свои производства в такой территории; – кредитование малого и среднего бизнеса; – экспертиза стратегий, программ и проектов развития муниципалитетов и местных бюджетов; – формирование территорий со специальными режимами хозяйствования (зоны территориального развития); – субсидии на подготовку и повышение квалификации кадров для органов местного самоуправления; – оказание правовой, методической и консультационной помощи органам местного самоуправления, распространение на постоянной основе лучших практик муниципального управления из опыта области и других регионов; – оказание консалтинговых услуг предприятиям муниципалитета со стороны региональных институтов развития.
Источник: составлено авторами.		

4. Повышение эффективности деятельности федеральных и региональных институтов развития в плане её распространения на всю территорию региона.

Таким образом, исходя из выявленных нами проблем регулирования внутрирегиональной дифференциации на фоне увеличения различий между муниципалитетами обоснована необходимость применения дифференцированного подхода, основу которого составляют принципы системности, учета особенностей развития муниципалитетов, саморазвития и самоуправления, согласованности интересов и адаптивности. Систематизация элементов механизма регулирования позволила определить отсутствующие в настоящее время его формы и инструменты. Обоснованы также направления, методы и инструменты регулирования государственного воздействия на процессы социально-экономического развития, с учётом особенностей территорий и факторов, оказывающих на них влияние.

3.2. Организационные основы регулирования внутрирегиональной дифференциации

В ходе исследования факторов, влияющих на внутрирегиональную дифференциацию, было установлено, что её преодолению препятствуют невысокая эффективность управления территориальным развитием и недостаточное взаимодействие между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Это обуславливает необходимость осуществления ряда преобразований в организации процесса регулирования внутрирегиональной дифференциации, которые позволят не только усилить координацию деятельности органов власти, бизнеса и населения, но и повысить результативность проводимых мероприятий.

Одним из направлений синхронизации действий органов государственной и муниципальной власти является образование в границах региона территориальных зон (*управленческих округов*)¹¹, которые представляют собой особую форму взаимодействия органов власти. На наш взгляд, выделение управленческих округов (групп муниципальных районов и городских округов) следует осуществлять на основе понятных и однозначных *критериев*:

- 1) наличие общих границ муниципальных районов (городских округов);
- 2) похожая специализация экономики районов (городских округов);

¹¹ Опыт функционирования управленческих округов в Свердловской области и Алтайском крае был рассмотрен в первой главе.

3) транспортная и географическая связность районов (расстояние от административного центра округа до административных центров районов округа не должно превышать 200 км, и, кроме того, должно быть постоянное транспортное сообщение по наиболее близким маршрутам);

4) похожие тенденции в социально-экономическом развитии районов [23].

В соответствии с этими критериями и с учётом результатов оценки уровня социально-экономического развития муниципальных районов (см. параграф 2.2) управленческие округа на территории Вологодской области могут иметь следующий состав:

1) *Западный* управленческий округ (Бабаевский, Чагодощенский и Устюженский районы) с административным центром в г. Бабаево;

2) *Северо-Западный* управленческий округ (Вытегорский, Вашкинский, Белозерский и Кирилловский районы) с центром в г. Белозерске;

3) *Вологодский* управленческий округ (г. Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Междуреченский, Сокольский и Усть-Кубинский районы) с центром в г. Вологде;

4) *Череповецкий* управленческий округ (г. Череповец, Кадуйский, Череповецкий и Шекснинский районы) с центром в г. Череповце;

5) *Северный* управленческий округ (Верховажский, Вожегодский, Сямженский и Харовский районы) с центром в г. Харовск;

6) *Восточный* управленческий округ (Бабушкинский, Великоустюгский, Кичменгско-Городецкий, Никольский, Нюксенский, Тарногский и Тотемский районы) с центром в г. Великий Устюг [23].

С целью организации функционирования управленческих округов на территории региона для каждого из них необходимо выбрать куратора (т.е. ответственного за развитие территории), который может также стать и государственным гражданским служащим органа исполнительной власти субъекта РФ. Это возможно реализовать путем конкурсного отбора, предусматривающего голосование жителей соответствующих районов округа (через Интернет, по бланкам в населенных пунктах). Местом работы куратора округа становится административный центр округа (рабочее место будет предоставлено в здании районной администрации или ином помещении). В основные *функции* куратора управленческого округа входят:

1. Постоянное взаимодействие с органами местного самоуправления (МСУ) муниципальных районов округа (консультирование, информирование, разъяснение) по проблемам осуществления ими полномочий по ре-

шению вопросов местного значения, а также переданных государственных полномочий.

2. Анализ социально-экономического развития территорий (муниципальных районов и городских округов).

3. Совместное с органами власти муниципальных образований определение приоритетных проблем развития муниципалитетов округа, возможных путей, средств, механизмов их решения, в которых целесообразно участие органов государственной власти региона.

4. Выражение позиции органов местного самоуправления органам государственной власти региона.

5. Разъяснение органам МСУ позиции органов государственной власти региона по ключевым вопросам социально-экономического развития.

6. Содействие совместно с инвестиционными уполномоченными районов и Корпорацией развития региона в поиске инвесторов, разработке, реализации инвестиционных проектов в экономической и социальной сферах.

7. Консультирование органов МСУ по вопросам взаимодействия с органами государственной власти области.

Для выполнения указанных функций куратор, осуществляющий взаимодействие с главами и специалистами органов МСУ муниципальных образований, запрашивает у данных органов необходимую информацию.

Критериями эффективности деятельности кураторов округа могут быть следующие показатели:

- количество инвестиционных проектов, реализованных при участии куратора в течение года;
- количество инициатив по совершенствованию нормативно-правового регулирования развития муниципальных образований, внесенных органами МСУ при участии куратора;
- сокращение времени на разрешение вопросов, связанных со взаимодействием органов МСУ и органов государственной власти;
- положительные оценки деятельности куратора со стороны глав муниципальных районов округа (доля положительно оценивающих должна составлять более 50%);
- наличие публикаций о деятельности куратора в региональных и местных СМИ.

Для обеспечения эффективного взаимодействия участников процесса регулирования внутрирегиональной дифференциации целесообразно создание при высшем исполнительном органе государственной власти субъекта Российской Федерации совещательного и координирующего органа (не

являющегося самостоятельным юридическим лицом) — *Координационного совета по развитию муниципальных образований*. Это позволит обеспечить комплексный и системный характер реализации региональной политики по развитию муниципальных образований.

В состав Совета на постоянной основе (на примере Вологодской области) могут войти:

- заместитель губернатора области, курирующий вопросы развития муниципальных образований;
- начальники следующих департаментов: внутренней политики; государственной службы и кадровой политики; дорожного хозяйства и транспорта; образования; здравоохранения; социальной защиты населения; труда и занятости населения; физической культуры и спорта; финансов; экономического развития; стратегического планирования; сельского хозяйства и продовольственных ресурсов; имущественных отношений; лесного комплекса; культуры и туризма; по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира; природных ресурсов и охраны окружающей среды; строительства и жилищно-коммунального хозяйства; топливно-энергетического комплекса и тарифного регулирования;
- генеральный директор ОАО «Корпорация развития Вологодской области»;
- председатель (или его заместитель) Законодательного Собрания области и председатель постоянного комитета по вопросам местного самоуправления;
- председатель Ассоциации «Совет муниципальных образований Вологодской области»;
- кураторы управленческих округов;
- главы 6 муниципальных районов области (по одному от каждого управленческого округа) и городов Вологды и Череповца; членство глав районов в Совете устанавливается на 1 год и переходит с началом нового года к другому главе района из данного округа;
- представители ассоциаций и союзов предпринимателей и промышленников области (2–3 человека);
- представители научной общественности (вузов и научных учреждений региона) (3–5 человек);
- представители (председатели) органов территориального общественного самоуправления (по одному от городов Вологды и Череповца и 2–3 от районов области) с ежегодной ротацией [23].

Главной *целью деятельности Совета* является разработка (а при необходимости и корректировка) региональной политики по развитию муниципальных образований, согласование используемых форм и методов с органами местного самоуправления. При этом приоритеты деятельности Совета должны определяться исходя из стратегических ориентиров развития региона и муниципальных образований.

К основным *функциям* данного *Совета* относятся:

1. В финансово-бюджетной сфере:
 - рассмотрение вопросов и разработка мероприятий по корректировке межбюджетных отношений региона и муниципальных образований;
 - выработка предложений по корректировке нормативов расходных потребностей;
 - разработка подходов к анализу эффективности бюджетных расходов, её оценка, обсуждение мер по её повышению.
2. В экономической и инвестиционной сфере:
 - разработка рекомендаций по реализации региональной и муниципальной инвестиционной политики (налоговые льготы, инвестиционные налоговые кредиты и т.д.);
 - выработка рекомендаций и механизмов реализации проектного подхода к управлению развитием субъекта РФ и муниципалитетов;
 - обсуждение возможностей реализации конкретных инвестиционных проектов в муниципальных образованиях (совместно с Корпорацией развития);
 - разработка рекомендаций по использованию механизмов и инструментов реализации проектов государственно-частного и муниципально-частного партнерства;
 - разработка мероприятий и проектов межмуниципального сотрудничества;
 - обсуждение вопросов урегулирования отношений собственности (разграничение собственности, передача с одного уровня на другой);
 - рассмотрение вопросов оценки эффективности изменения муниципально-территориального устройства;
 - рассмотрение инициатив и расстановка приоритетов финансирования объектов капитального строительства за счет средств федерального и областного бюджетов.
3. В социальной сфере (образование, культура, здравоохранение и социальная защита населения): выработка рекомендаций по оптимизации

сети учреждений социальной сферы, по оказанию мер социальной поддержки населению.

4. В сфере развития инфраструктуры: рассмотрение вопросов, связанных с реализацией программы переселения из ветхого и аварийного жилого фонда, капитального ремонта многоквартирных домов; обсуждение вопросов функционирования и разработка рекомендаций по модернизации инфраструктуры.

5. В сфере нормативно-правового обеспечения и кадровой политики:

- разработка проектов нормативно-правовых актов субъекта Российской Федерации, касающихся муниципальных образований (проекты законодательных инициатив органов МСУ, законодательного органа субъекта РФ) и Федерации (проекты законодательных инициатив региона в Государственную Думу РФ);

- разработка мероприятий по оптимизации структуры и штатной численности органов МСУ, подходов к оценке эффективности их деятельности;

- решение проблем, связанных с предоставлением государственных муниципальных услуг в электронном виде и в режиме «одного окна»;

- решение вопросов реализации переданных государственных полномочий;

- рассмотрение и разработка рекомендаций по развитию территориального общественного самоуправления и иных форм участия населения в местном самоуправлении;

- обсуждение региональных проектов, госпрограмм поддержки развития муниципальных образований, местного самоуправления, местных сообществ;

- выработка принципов и механизмов взаимодействия с общественными, религиозными, некоммерческими организациями и политическими партиями;

- решение проблем и разработка рекомендаций по оптимизации и повышению эффективности взаимодействия органов власти субъектов РФ, федеральных органов исполнительной власти и муниципальных образований; оптимизации документооборота, контроля и проверок (в части полномочий органов власти субъекта) [23].

Заседания полного состава Координационного совета целесообразно проводить не реже 1 раза в полугодие. Кроме того, необходимо сформировать 5 постоянных рабочих групп (по бюджетной политике, по экономической политике, по социальной политике, по инфраструктурному развитию,

по нормативно-правовому обеспечению и кадровой политике), которые будут проводить свои заседания не реже 1 раза в квартал. Причем на любое заседание Совета могут быть приглашены все главы муниципальных районов и городских округов области и иные лица.

Решения и рекомендации, принятые Координационным советом по развитию муниципальных образований, носят рекомендательный характер для органов государственной власти региона и муниципальных образований (в части касающихся их вопросов). Деятельность Совета позволит принимать более обоснованные решения во всех сферах экономики и управления, при этом должны учитываться особенности, потенциал и перспективы развития муниципалитетов региона.

Организационное и материально-техническое обеспечение функционирования Координационного совета может осуществлять, например в Вологодской области, департамент внутренней политики Правительства области. Деятельность Совета может финансироваться за счет средств областного бюджета, предусмотренных на финансирование этого департамента.

Одним из направлений повышения эффективности управления территориальным развитием должно стать формирование муниципально-территориального устройства, адекватного современным условиям и особенностям развития муниципалитетов. Муниципально-территориальное устройство представляет собой деление территории региона (субъекта Федерации) на муниципальные образования (или иные административно-территориальные единицы, которые являются объектом управления на местном уровне), а также процедуры преобразования муниципальных образований (объединение, разделение, изменение их статуса).

Изучение научной литературы и опыта территориальных преобразований в России позволяет сделать вывод о том, в перечень критериев определения целесообразности изменения муниципально-территориального устройства могут входить следующие:

- «— низкая численность жителей поселений (менее 200 чел.), муниципальных районов и городских округов (менее 5000 чел.);
- доля полномочий МСУ поселений, реализуемых самостоятельно (без передачи на районный уровень) (критерий менее 50%);
- доля собственных (налоговых и неналоговых) доходов бюджета муниципального образования (менее 25%);
- отрицательная динамика собственных доходов бюджета в течение двух-трёх лет;

- доля расходов на общегосударственные вопросы в структуре бюджета муниципалитета (более 67%);
- соотношение кредиторской задолженности муниципального образования и собственных доходов бюджета (более 50%);
- отсутствие эффективно функционирующих крупных и средних производств, а также малых предприятий и ИП, которые вносят заметный вклад (более 33%) в формирование собственной доходной базы бюджета;
- низкий и крайне низкий уровень социально-экономического потенциала муниципального образования (по различным методикам его оценки);
- отсутствие разработанных инвестиционных проектов развития экономической и социальной сферы, которые могут быть реализованы в течение одного-трёх лет;
- отсутствие собственной возможности предоставлять основные коммунальные и социальные услуги на территории муниципального образования (отсутствие соответствующих муниципальных и частных организаций);
- наличие устойчивых кооперационных, хозяйственных, организационных и иных связей с другими муниципальными образованиями района» [18].

При этом любой из перечисленных критериев не может быть абсолютным условием для осуществления территориальных преобразований. В целях комплексной оценки состояния и перспектив развития территории необходима выработка соответствующего согласованного решения органов МСУ района и поселений, при активном участии населения органов государственной власти субъекта РФ и представителей научного сообщества.

Однако, как показал анализ основных итогов объединения поселений на примере Вологодской области, данные преобразования не позволили повысить уровень развития её территорий. Во многом это обусловлено тем, что они проводились без детального анализа исходной ситуации и всех возможных последствий принятия таких решений. Поэтому, на наш взгляд, процедура изменения муниципально-территориального устройства должна основываться на комплексном исследовании реальной эффективности этих процессов [18]. Алгоритм осуществления таких преобразований представлен на рисунке 3.2.

Рисунок 3.2. **Алгоритм осуществления преобразований муниципально-территориального устройства в субъекте Российской Федерации**

Источник: составлено авторами.

Более детальное описание содержания каждого шага предложенного алгоритма осуществления преобразований муниципально-территориального устройства приведено в таблице 3.3.

Таблица 3.3. Содержание этапов алгоритма осуществления преобразований муниципально-территориального устройства в субъекте Российской Федерации

№ этапа	Содержание этапа
1.	Органами местного самоуправления муниципального района (городского округа), поселений совместно с органами государственной власти субъекта РФ на основе обозначенных выше критериев определяется сама целесообразность осуществления территориальных преобразований.
2.	Проводятся расчёты экономического и бюджетного эффекта от возможных преобразований: прогноз объёма доходов бюджета вновь образованных муниципальных образований; прогноз возможного сокращения расходов на решение вопросов местного значения в связи с формированием единой структуры управления, единой инфраструктуры и роста кадрового потенциала нового муниципалитета, а также сокращения работников органов местного самоуправления ликвидируемых поселений. Анализируются перспективы социально-экономического развития нового муниципалитета, определяются возможности привлечения инвесторов, средств вышестоящих бюджетов на реализацию проектов, направленных на решение имеющихся проблем и достижение стратегических ориентиров. Наличие данных бюджетных и экономических эффектов свидетельствует о целесообразности выбранной формы территориальных преобразований.
3.	Проводится детальный анализ территориальной доступности и инфраструктурной обеспеченности планируемых к образованию новых муниципальных образований с целью необходимости обеспечения транспортной и пешей доступности его административного центра, наличия и возможности самостоятельного функционирования инфраструктуры для обеспечения полного решения всех вопросов местного значения, закреплённых за данным видом муниципального образования.
4.	Определяется структура и штатная численность планируемого к формированию нового муниципального образования (муниципальных образований).
5.	Принимается окончательное решение о преобразовании муниципальных образований или изменении их границ. Предварительно проводятся публичные слушания (сходы граждан) с участием жителей, представителей бизнеса, органов местного самоуправления и органов государственной власти во всех участвующих в объединении поселениях, где обсуждаются все возможности и проблемы осуществления преобразований.
6.	Принимается закон субъекта РФ о преобразовании муниципальных образований, о внесении изменений в административно-территориальное устройство субъекта РФ; об установлении границ и статуса новых муниципальных образований.
7.	Осуществляются организационные мероприятия, связанные с реализацией решения о преобразовании. Назначаются и проводятся выборы главы и депутатов вновь образованного муниципального образования (в случае формирования органов местного самоуправления на выборах), формируются органы местного самоуправления. Проводятся публичные слушания по уставу и бюджету объединённого муниципалитета, принимается его устав. На данном этапе необходимо решить вопросы правопреемства органов местного самоуправления вновь образованного муниципалитета в отношении ликвидированных местных администраций и ранее созданных органами местного самоуправления учреждений и организаций; принять бюджет муниципального образования; обеспечить государственную регистрацию администрации муниципалитета в качестве юридического лица и государственную регистрацию устава муниципального образования.
Источник: составлено авторами.	

На основе предложенного алгоритма были разработаны 4 возможных варианта изменения муниципально-территориального устройства в Великоустюгском муниципальном районе Вологодской области [13]: первый — максимальное сокращение количества поселений (с 20 существующих до 5), при этом ряд городских поселений объединен с сельскими поселениями; второй — формирование 8 новых поселений, при аналогичном объединении ряда городских поселений с сельскими; третий — формирование также 8 новых поселений, причём городские поселения не участвуют в объединении, а все сельские поселения объединены в 5 новых поселений; четвертый вариант — преобразование муниципального района в городской округ Великоустюгский с одновременным упразднением всех поселений района (такие преобразования стали возможны в соответствии с изменениями, внесенными в 2017 г. в 131-ФЗ).

Заключая, отметим следующее. С целью повышения скоординированности действий органов власти и управления региона и местного самоуправления предложено создать на территории региона управленческие округа. Для обеспечения согласования интересов и более эффективного взаимодействия участников процесса регулирования внутрирегиональной дифференциации обосновано создание Координационного совета по развитию муниципальных образований. Установлено, что преобразования муниципально-территориального устройства (целесообразность и эффективность которых может быть определена на основе предложенного алгоритма проведения анализа) позволят более полно учитывать специфику и условия развития районов в ходе регулирования внутрирегиональной дифференциации и, тем самым, повысить эффективность управления территориальным развитием.

3.3. Программно-целевой метод в регулировании внутрирегиональной дифференциации

Существование совокупности проблем, вызванных усилением внутрирегиональной дифференциации, многообразие экономических и социальных задач, решение которых требует концентрации ограниченных ресурсов, изменяющаяся внешняя среда, сложный характер взаимодействия между субъектами регулирования обуславливают необходимость обращения к программно-целевому методу, который получил широкое распространение в России с 2000-х годов. Отметим при этом, что в настоящее время подавля-

ющее большинство расходов федерального, регионального и местного бюджетов (более 75%) носят «программный» характер, то есть направлены на финансирование увязанных по срокам, исполнителям, источникам финансирования и ожидаемым результатам мероприятий в рамках соответствующих государственных и муниципальных программ.

Как отмечает известный российский учёный Б.А. Райзберг, «все формы, виды деятельности, охватывающие планирование, прогнозирование, организацию, координацию на программно-целевой основе, используют общую методологию, называемую программно-целевым подходом или программно-целевым методом. Под ним понимается способ решения крупных и сложных социально-экономических проблем посредством выработки и проведения органами управления (с привлечением участников, исполнителей) системы взаимоувязанных программных мер, направленных на достижение целей устранения, подавления, смягчения возникшей проблемы» [133]. Не вызывает сомнения тот факт, что снижение внутрирегиональной дифференциации представляет собой крупную и сложную социально-экономическую проблему. «В общем виде формулу программно-целевого метода можно представить в виде логической цепочки "цели — пути — средства — организация исполнения"» [133]. Основным преимуществом метода является возможность концентрации ограниченных материальных и финансовых ресурсов на решении принципиальных вопросов социально-экономического развития региона, а также возможность оценки конкретного измеримого результата профинансированных мероприятий.

Программно-целевой метод используется чаще всего в условиях наличия таких проблемных ситуаций, которые не находят своего решения в инерционном режиме функционирования и развития программируемой системы. Иначе говоря, программно-целевой способ следует использовать, если проблема не устраняется в процессе естественного функционирования системы, а, наоборот, обладает тенденцией к обострению. Вследствие этого необходимо принять специальные программные меры, сконцентрировать усилия, мобилизовать ресурсные возможности в интересах решения проблемы в течение определенного срока [133].

В Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ программно-целевой принцип стратегического планирования понимается как определение приоритетов и целей социально-экономического развития и обеспечения националь-

ной безопасности Российской Федерации, разработка взаимоувязанных по целям, срокам реализации государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации, муниципальных программ и определение объемов и источников их финансирования.

Вместе с тем получает развитие проектный подход к управлению. Как отмечается в Докладе Министерства финансов РФ [38], элементы этого подхода должны быть инкорпорированы в программно-целевые механизмы управления бюджетными средствами, в том числе за счет выделения в некоторых государственных программах части расходов, которые должны направляться исключительно на проектных принципах.

Согласно Федеральному закону № 172-ФЗ государственные программы субъекта Российской Федерации разрабатываются в соответствии с приоритетами социально-экономического развития, определенными стратегией социально-экономического развития субъекта Российской Федерации с учетом отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации и стратегий социально-экономического развития макрорегионов, на период, определяемый высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

В первой главе, рассматривающей опыт российских регионов в сфере территориального развития, нами были приведены примеры реализации различных государственных программ субъектов РФ, направленных на развитие территорий и обеспечение осуществления внутрирегиональной политики. Следует отметить, что эти государственные программы не носят ярко выраженного отраслевого характера, а ориентированы на выполнение комплексных задач, связанных со стимулированием развития муниципальных образований, с повышением эффективности функционирования института местного самоуправления и роли населения в решении вопросов местного значения.

Для более эффективной реализации программ в процессе регулирования внутрирегиональной дифференциации предлагается разработать и принять в каждом субъекте Российской Федерации государственную программу «Сбалансированное развитие территорий региона». Отличительная особенность этой программы, которая может занять свое место в числе других государственных программ субъекта Федерации, заключается в том, что она позволит объединить мероприятия, связанные не только с активизацией развития муниципалитетов, но и с повышением эффек-

тивности управления на местном уровне. Основными участниками разработки и реализации этой программы становятся органы государственной власти региона, органы местного самоуправления, Координационный совет по развитию муниципальных образований, Корпорация регионального развития.

В данной программе будет предусмотрено финансирование: 1) приоритетных проектов в муниципалитетах, направленных на снижение различий в их развитии (прежде всего инфраструктуры и социальной сферы); 2) мероприятий по поддержке местного самоуправления (местных инициатив, территориального общественного самоуправления и пр.); 3) мероприятий по подготовке и переподготовке кадров для органов местного самоуправления. Реализация каждого из трех направлений будет осуществляться в рамках подпрограмм.

В российской практике уже сформировались определенные требования к структуре и содержанию текстов государственной и муниципальной программ. Общая характеристика программы (цель, задачи, исполнители, сроки реализации, показатели достижения целей и т.д.) даётся в её паспорте. Паспорт предлагаемой программы «Сбалансированное развитие территорий региона» представлен в таблице 3.4. Цели и задачи данной программы и ее подпрограмм определены исходя из первоочередных задач по регулированию внутрирегиональной дифференциации.

Целевые показатели (индикаторы) государственной программы позволят оценить результативность её реализации при помощи сопоставления достигнутых значений показателей с плановыми (указанными в подпрограмме). При обосновании оптимального срока реализации программы следует принять во внимание такие моменты: во-первых, большинство действующих в настоящее время государственных программ разработаны на 5–7 лет; во-вторых, документы стратегического планирования разрабатываются, как правило, на период не менее 6 лет (в соответствии с ФЗ № 172); в-третьих, Стратегия социально-экономического развития субъекта Федерации разрабатывается на срок не менее 12 лет. Поэтому считаем, что наиболее подходящим сроком для реализации госпрограммы «Сбалансированное развитие территорий региона» является период 6 лет, с возможностью её продления ещё на 6 лет в зависимости от конкретной ситуации и масштабности проблем дифференциации в том или ином субъекте Федерации.

Таблица 3.4. Паспорт Государственной программы субъекта Российской Федерации «Сбалансированное развитие территорий региона»

Составляющая Паспорта Программы	Содержание
Ответственный исполнитель и разработчик	Орган исполнительной власти, отвечающий за развитие муниципальных образований (например, в Вологодской области это департамент внутренней политики Правительства области)
Исполнители	Координационный совет по развитию муниципальных образований Департамент стратегического планирования Департамент экономического развития Департамент финансов Органы МСУ муниципальных районов и городских округов
Цель	Создание условий для снижения внутрирегиональной дифференциации и преодоления её негативных последствий.
Задачи	1. Повышение уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона, улучшение условий жизни их населения. 2. Развитие форм организации местного самоуправления в регионе, повышение роли населения в управлении на местном уровне. 3. Повышение эффективности деятельности глав и муниципальных служащих муниципальных образований региона.
Подпрограммы Государственной программы	1. Активизация социально-экономического развития муниципальных образований. 2. Поддержка и развитие местного самоуправления в субъекте РФ. 3. Развитие кадрового потенциала органов местного самоуправления субъекта РФ.
Цели подпрограмм	<i>Подпрограмма 1:</i> создание условий для активизации социально-экономического развития муниципальных образований региона посредством финансирования инвестиционных проектов, а также отдельных мероприятий. <i>Подпрограмма 2:</i> создание условий для развития в регионе института местного самоуправления, повышения его роли в регулировании внутрирегиональной дифференциации; улучшение качества предоставления муниципальных услуг. <i>Подпрограмма 3:</i> повышение эффективности муниципального управления, качества и эффективности управленческих процессов на основе развития кадрового потенциала органов местного самоуправления и внедрения инновационных кадровых технологий.
Целевые показатели (индикаторы) государственной программы	<i>Подпрограмма 1:</i> 1) различия между муниципальными образованиями по основным параметрам (показателям) социально-экономического развития, раз; отставание слаборазвитых районов по показателям развития от средних значений по районам и области в целом, %; 2) доля освоенных субсидий, предоставленных органам местного самоуправления на реализацию региональных проектов (перечислено в муниципальные бюджеты от годовых ассигнований, %); 3) доля поддержанных проектов, в % от общего числа поданных муниципалитетами заявок. <i>Подпрограмма 2:</i> – количество муниципальных образований, вступивших в процессы преобразований муниципальных образований региона; – доля граждан, принимающих участие в осуществлении местного самоуправления (в том числе в деятельности территориального общественного самоуправления); – количество зарегистрированных ТОС; – количество мероприятий и проектов, реализованных ТОС; – количество муниципальных образований, в которых были осуществлены процедуры самообложения граждан; – количество созданных фондов местных сообществ.

Окончание таблицы 3.4

Составляющая Паспорта Программы	Содержание
	<i>Подпрограмма 3:</i> – численность работников органов местного самоуправления в расчёте на 10000 жителей; – доля расходов на функционирование органов местного самоуправления в структуре расходов местных бюджетов в среднем по городским округам, муниципальным районам, городским и сельским поселениям; – доля работников органов местного самоуправления, прошедших подготовку, переподготовку и повышение квалификации в соответствии с годовым планом; – количество муниципальных образований, принявших участие в конкурсе «Самое благоустроенное городское (сельское) поселение субъекта РФ»; – количество муниципальных районов и городских округов, принявших программы развития муниципальной службы; – доля населения, положительно оценивающего деятельность органов местного самоуправления.
Сроки реализации государственной программы	6–12 лет
Источники финансового обеспечения государственной программы	Средства федерального бюджета, регионального бюджета, местного бюджета, бизнеса и населения (самообложение граждан, а также доля софинансирования населения в проектах поддержки местных инициатив)
Инструменты реализации программы	Субсидии и иные межбюджетные трансферты в бюджеты муниципальных образований, самообложение граждан, государственный заказ
Источник: составлено авторами.	

В рамках подпрограммы 1 «Активизация социально-экономического развития муниципальных образований» предполагается выделение муниципальным образованиям двух видов субсидий. *Первый вид* будет предусматривать приоритетную поддержку инвестиционных и социальных проектов в муниципальных районах (городских округах) с уровнем развития ниже среднего, определённым в соответствии с методикой, которая предложена в параграфе 1.2, результаты апробации которой на материалах Вологодской области представлены в параграфе 2.2 (см. табл. 2.9; рис. 2.3). Финансовая поддержка выделяется на проекты в муниципальных образованиях со значением индекса ниже 1. Размер поддержки для j -го муниципального образования (C_j) определяется по формуле:

$$C_j = A \cdot \frac{1 - I_{сэп} j}{\sum_{j=1}^m (1 - I_{сэп} j)},$$

где A – общий объём поддержки проектов на год в соответствии с подпрограммой 1; $I_{сэп} j$ – значение индекса уровня социально-экономического развития j -го района области; m – число муниципальных образований со значением индекса менее 1.

Распределение первого вида субсидий по муниципальным районам Вологодской области (с учетом оценки уровня их социально-экономического развития по итогам 2015 года), при общем объёме средств на данный вид субсидий в размере 500 млн. руб., может быть следующим (табл. 3.5).

Таблица 3.5. Значения интегрального показателя уровня социально-экономического развития муниципальных районов Вологодской области в 2015 году и распределение первого вида субсидий между районами

Район	Значение / _{ср}	Объем средств из фонда, тыс. руб.	Район	Значение / _{ср}	Объем средств из фонда, тыс. руб.
Кадуйский	1,499	-	Междуреченский	0,882	23384,9
Шекснинский	1,479	-	Бабаевский	0,879	23979,4
Грязовецкий	1,333	-	Белозерский	0,874	24970,3
Вологодский	1,330	-	Устюженский	0,871	25564,8
Сокольский	1,229	-	Верховажский	0,861	27546,6
Великоустюгский	1,111	-	Вытегорский	0,845	30717,4
Нюксенский	1,094	-	Сямженский	0,843	31113,8
Тотемский	1,054	-	Усть-Кубинский	0,816	36464,5
Чагодощенский	1,037	-	Вожегодский	0,783	43004,4
Череповецкий	1,032	-	Вашкинский	0,778	43995,2
Тарногский	0,986	2774,5	Никольский	0,754	48751,5
Кирилловский	0,967	6539,8	Бабушкинский	0,713	56876,7
Харовский	0,921	15656,0	Кичм.-Городецкий	0,704	58660,3

Субсидии подпрограммы 1 предназначены для долевого финансирования инвестиционных проектов по развитию (новое строительство, расширение, реконструкция, техническое перевооружение) социальной и инженерной инфраструктуры муниципальных образований, а также проектов в сфере производства с целью выравнивания уровня их социально-экономического развития.

Объем финансирования данной подпрограммы в целом с распределением по районам устанавливается в первом полугодии каждого года. До 1 сентября от каждого муниципального района в соответствующий уполномоченный орган государственной власти региона представляется проект(ы) в сфере здравоохранения, образования, социальной защиты, развития общественной инфраструктуры в пределах объема средств, выделяемых по первой части фонда. Должна быть определена также обязательная доля софинансирования данных проектов из местного бюджета и внебюджетных источников (от 10 до 50%). В то же время ряд проектов при наличии соот-

ветствующего обоснования могут финансироваться только за счёт средств Госпрограммы без софинансирования из средств местных бюджетов.

Реализуемый проект(ы) должен быть направлен на решение конкретной цели и задачи стратегии или программы развития муниципального района, городского округа и иметь измеримый результат, выражающийся в повышении обеспеченности населения отдельными услугами, объектами инфраструктуры и т.д. В случае представления районом заявок на несколько проектов конкурсным путём выбирается наиболее качественная и результативная на основе алгоритма выявления победивших заявок.

Объём финансирования расходов закладывается в бюджет субъекта Федерации на очередной финансовый год. Распределение объёма первого вида субсидий в разрезе муниципальных образований производится по итогам анализа статистической или оперативной информации, имеющейся у органов власти (как правило, за 1–2 года существенной динамики развития районов не наблюдается, поэтому объективное распределение средств возможно по тем данным, которые собраны).

Право на получение *второго вида субсидии* должно иметь любое муниципальное образование на конкурсной основе. Общий объём финансирования первого и второго вида субсидий из регионального бюджета может быть равным.

Согласно методическим рекомендациям Минфина РФ [105] заявительный принцип и применение программно-целевого метода при подготовке требуемого пакета технико-экономической документации означают, что муниципальные образования, выражающие желание участвовать в конкурсе на получение средств, должны в указанные сроки направить в уполномоченный орган субъекта Федерации заявку с приложением требуемого пакета документов. Он, как правило, включает в себя:

- бизнес-план инвестиционного проекта;
- технико-экономическое обоснование проекта, его проектно-сметную документацию;
- документы, подтверждающие наличие необходимых ресурсов либо возможность их приобретения для реализации проекта (договоры поставки, подряда, правоустанавливающие документы на земельный участок, на котором предполагается реализовать проект и др.) [105].

Таким образом, финансовые средства подпрограммы 1 выделяются под конкретные мероприятия для решения определенной задачи и получения запланированного результата. Проект может включать в себя собственно

инвестиционный проект или отдельные мероприятия неинвестиционного характера. При разработке проекта центральными моментами являются идентификация проблемы, на решение которой направлен данный проект, и формулирование ее в четких измеряемых показателях, обеспечивающих последующий мониторинг и оценку эффективности реализации и эффективности региональной финансовой поддержки [53].

Критерии оценки и отбора проектов и доля финансирования определяются для разных муниципальных образований соответствующим органом исполнительной государственной власти субъекта РФ. Отбор проектов, представляемых на конкурс, предлагается осуществлять с помощью следующих критериев (показателей) (табл. 3.6).

Таблица 3.6. Критерии отбора проектов для предоставления субсидий согласно подпрограмме 1 «Активизация социально-экономического развития муниципальных образований»

Критерий	Границы критерия	Балл
1. Доля внебюджетных источников в софинансировании проекта	Более 50%	3
	25–50%	2
	Менее 25%	1
	Невозможность реализации проекта с привлечением внебюджетных источников	1
2. Доля населения муниципального образования, для которого актуальна реализация данного проекта	Более 10%	3
	5–10%	2
	Менее 5%	1
3. Среднее отставание значений показателей социально-экономического развития муниципалитета, связанных с направлением реализации предлагаемого проекта, от среднего по региону уровня	Более 25%м	3
	10–25%	2
	Менее 10%	1
4. Срок окупаемости проекта	1–3 года	3
	4–5 лет	2
	Более 5 лет	1
	Отсутствует (не представляется возможным определить)	1
5. Соответствие задачи, решаемой при реализации проекта, целям социально-экономического развития субъекта РФ	Соответствует	3
	Не соответствует	0
6. Наличие разработанной проектно-сметной документации проекта	Разработана	3
	Не разработана	0
7. Уровень софинансирования проекта из местных бюджетов	Более 5%	3
	3–5%	2
	Менее 3%	1

Окончание таблицы 3.6

Критерий	Границы критерия	Балл
8. Средний срок достижения среднего по региону значения показателя развития (связанного с реализацией проекта) муниципалитета посредством реализации проекта	Менее 5 лет	3
	5–15 лет	2
	Более 15 лет	1
9. Наличие инициативы населения (не менее 100 чел.), инициативы представительного органа муниципального образования, обосновывающей целесообразность реализации проекта	Присутствует	3
	Отсутствует	0
10. Соотношение показателя «расходы консолидированного бюджета муниципального района (бюджета городского округа) в расчёте на 1 жителя» со средним по региону значением	Менее 100%	3
	100–105%	2
	Свыше 100%	1
11. Соотношение числа новых рабочих мест, созданных при реализации проекта, и численности занятого в муниципалитете населения	Более 0,075%	3
	0,025–0,075%	2
	Менее 0,025%	1
	Не предусмотрено целью проекта	1
12. Прирост объёма налоговых и неналоговых поступлений в местные бюджеты по итогам реализации проекта, в % от консолидированного бюджета муниципального района, бюджета городского округа	Более 0,02% в год	3
	0,01–0,02% в год	2
	Менее 0,01% в год	1
	Не предусмотрено целями и задачами проекта	1
Источник: составлено авторами.		

Проект может быть рекомендован к финансированию при получении суммарного балла не менее 18 баллов. При этом для второго вида субсидий выбираются проекты с наибольшим суммарным баллом. Обязательным условием для отбора проектов, которые будут профинансированы из подпрограммы 1, является наличие прилагаемого обоснования возможности уменьшения различий в социально-экономическом развитии муниципалитетов посредством реализации проекта, а также перечня необходимых мер на местном муниципальном и региональном уровнях, расчета требуемых для этого финансовых ресурсов (в том числе за счет местного, федерального бюджетов и бюджетов субъектов РФ); а в отдельных случаях необходимо обоснование невозможности решения проблемы без использования средств бюджета субъекта Российской Федерации.

Примерная структура распределения средств подпрограммы 1 может выглядеть следующим образом (табл. 3.7). Это распределение обусловлено наибольшей значимостью проблемы дифференциации, особенно в социальной и инфраструктурной сферах, а соответственно, созданием необходимых условий для развития человеческого потенциала и развития экономики.

**Таблица 3.7. Пропорции распределения средств подпрограммы
«Активизация социально-экономического развития муниципальных образований»
по направлениям расходов**

Направление расходов	Доля направления в общем объёме финансовых средств на подпрограмму, %
1. Поддержка социальных проектов (строительство жилья, образование, здравоохранение, проекты в сфере социальной защиты, науки, культуры)	40
2. Поддержка (строительство) объектов линейной инженерной инфраструктуры (энерго-, водо-, тепло-, газоснабжение, дороги, дорожная и транспортная инфраструктура)	30
3. Поддержка объектов производства	20
4. Поддержка проектов по экологической защите и сохранению культурного наследия	10
Источник: составлено автором.	

На предыдущих этапах исследования было показано, что существуют проблемы развития муниципальных образований, которые могут быть решены и без финансирования со стороны субъекта РФ или муниципалитета или при минимальном его объёме на основе активного развития института местного самоуправления (в рамках таких его форм, как территориальное общественное самоуправление, самообложение граждан, поддержка местных инициатив и т.д.). Это стало одним из оснований включения в *подпрограмму 2 «Поддержка и развитие местного самоуправления»* следующих мероприятий.

1. В части развития территориального общественного самоуправления и института самообложения граждан:

1.1. Предоставление иных межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований субъекта РФ на решение вопросов местного значения с участием средств самообложения граждан (по принципу на 1 рубль собранных средств самообложения от 1 до 5 рублей субсидии из регионального бюджета).

1.2. Развитие территориального общественного самоуправления и иных форм участия населения в решении вопросов местного значения путём предоставления субсидий бюджетам муниципальных образований на софинансирование (в соответствии с определенной методикой распределения субсидий) проектов, профинансированных ТОСами муниципальных образований; а также предоставления субсидий бюджетам муниципальных образований на софинансирование мероприятий по организационной, информационной, правовой, финансовой поддержке создания и деятельности органов ТОС.

1.3. Предоставление иных межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований региона на софинансирование муниципальных проектов в рамках программ поддержки местных инициатив (инициативное бюджетирование) и фондов местных сообществ.

2. Организация работ по ежеквартальному, ежегодному мониторингу и анализу социально-экономического развития муниципальных образований региона (в том числе оценка факторов, оказывающих влияние на внутрирегиональную дифференциацию), развитию института местного самоуправления (в том числе финансирование научно-исследовательских работ по тематике Государственной программы).

В качестве одного из мероприятий по развитию института местного самоуправления предлагается проект *«Площадка общественного диалога»*. Суть его заключается в том, что в каждом муниципальном районе и городском округе региона создаётся отдельный *интернет-портал* (или отдельный раздел/страница их официальных сайтов), на котором происходит обсуждение проблем развития муниципального образования, формируются идеи, предлагаются проекты, мероприятия, объединяются ресурсы населения, бизнеса и власти для реализации этих проектов. Кроме того, создаются разделы для городских и сельских поселений района. В рамках подпрограммы 2 на конкурсной основе могут выделяться субсидии и иные межбюджетные трансферты муниципалитетам, отдельным группам лиц, ТОС, фондам на реализацию мероприятий, разработанных и получивших поддержку посредством данного портала.

Координацию реализации проекта «Площадка общественного диалога» могут осуществлять Общественный совет муниципального района (городского округа), представители органов местного самоуправления, местные активисты (председатели ТОС, предприниматели, лидеры общественного мнения, представители общественных организаций и т.д.). Портал может включать в себя два основных блока.

Первый блок — автоматизированная информационная система «Народный контроль». Она представляет собой инструмент (сервис) подачи обращений граждан в органы местного самоуправления по ключевым проблемам, вопросам развития муниципалитета, по оценке деятельности муниципальных служб (предприятий, учреждений), органов власти и их работников. Каждый житель муниципального образования может через сеть Интернет обратиться с претензией, предложением по решению проблем благоустройства и жизнеобеспечения своего муниципалитета (изложить суть проблемы, приложить фотографии, файлы и документы). Обращение

регистрируется ответственным за работу с порталом сотрудником и перенаправляется в орган власти, учреждение, управляющую компанию и т.д. по функциональному назначению. В установленные сроки на портале размещаются результаты рассмотрения обращения.

В муниципалитетах России уже имеется эффективная практика работы подобных систем, например в г. Череповце (<http://pc.cmirit.ru>), Приморском крае (<http://nk.primorsky.ru>). Затраты на внедрение такой системы в муниципальном образовании, по данным «Центра муниципальных информационных ресурсов и технологий» г. Череповца (<http://www.cmirit.ru/ru/products>), не превышают 65 тыс. руб. Система позволяет также выявлять оценку населением эффективности деятельности органов власти и учреждений муниципалитета, формировать соответствующий рейтинг.

Второй блок – информационная система сбора идей и реализации проектов в муниципалитете, которая может включать в себя следующие направления:

1. Онлайн-голосование по различным вопросам развития муниципалитета. Это позволит органам власти выявить мнение населения по актуальным проблемам развития населения, оценить приоритетность и значимость их решения.

2. Система сбора идей (проектов) по решению проблем муниципалитета с возможностью указать их суть, варианты решения, требуемые ресурсы, источники привлечения ресурсов (финансовые средства местного бюджета, федерального и регионального бюджетов, предпринимателей, благотворителей и спонсоров; средства населения, различных фондов; заёмные средства; нематериальные ресурсы), участников реализации проекта и личный вклад каждого из них, этапы, сроки реализации проекта. Здесь также могут обсуждаться возможности проведения референдумов о самообложении, учреждения фондов местных сообществ, участия в региональных программах по поддержке местных инициатив, программах различного рода фондов. После регистрации каждый проект предлагается для онлайн-обсуждения, возможна и организация круглых столов, заседаний по вопросам его реализации. Все стадии реализации проекта отображаются на портале. При этом масштабы проектов, как и объёмы привлекаемых средств, могут быть самыми разными: от ремонта детской площадки до организации клубов по интересам, кружков и до строительства и ремонта дорог, мостов, учреждений образования и культуры и т.д.

3. Обсуждение перспектив развития, стратегических документов муниципального образования на стадии их разработки и реализации, а также

миссии, бренда, мероприятий по формированию имиджа муниципалитета и иных маркетинговых мероприятий.

4. Сбор контактной информации о различных сообществах муниципалитета (общественные организации, НКО, фонды, клубы по интересам, профсоюзные организации, клубы и др.).

5. Ресурс «Народный бюджет». Предоставление в доступном виде информации о местном бюджете, обсуждение приоритетов расходования средств до принятия бюджета, подача заявок на финансирование проектов поддержки местных инициатив за счёт средств местного бюджета.

6. Ресурс обсуждения планируемых мероприятий (субботники, праздники, концерты, спортивные соревнования) в муниципалитете: суть мероприятия, его участники (контактные данные организаторов), сроки, ресурсы, отчёты о проведении.

7. Информация о зарегистрированных в муниципалитете ТОСах, их проектах и результатах деятельности.

8. Актуальная (ежедневная) информация о жизни муниципалитета (мероприятия, результаты, планы).

Успешно и эффективно функционирующим примером похожего Интернет-ресурса является Городской портал Якутска «One click Yakutsk» (<http://www.oneclickyakutsk.ru>).

Целесообразным представляется также, чтобы проект «Площадка общественного диалога» существовал не только в виртуальном пространстве, но и стал бы инструментом (механизмом) коммуникации между различными группами в муниципальном образовании. Для этого необходимо проведение регулярных публичных слушаний, собраний граждан, заседаний общественного совета и рабочих групп по актуальным вопросам социально-экономического развития муниципалитета. Это позволит повысить роль непосредственно населения в управлении развитием территорий, видеть все местные проблемы и оперативно их решать, сформировать площадку для объединения интересов и ресурсов различных сторон.

Подпрограмма 3 «*Развитие кадрового потенциала местного самоуправления*» будет предусматривать реализацию следующих мероприятий.

1. В части формирования эффективной кадровой муниципальной политики:

1.1. Развитие системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки муниципальных служащих и глав муниципальных образований.

1.2. Предоставление субсидий муниципальным образованиям на софинансирование программ развития муниципальной службы (в том числе на заключение договоров на целевое обучение между органами МСУ и студентами вузов с последующей отработкой в течение 5 лет).

1.3. Проведение работ по оптимизации структуры и штатной численности органов МСУ в соответствии с требованиями времени.

1.4. Разработка критериев оценки профессиональной служебной деятельности работников органов местного самоуправления и муниципальных учреждений и взаимоувязка их с системой оплаты труда.

2. В части стимулирования социально-экономического развития муниципальных образований:

2.1. Предоставление субсидий лучшим муниципальным районам и городским округам по итогам оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в целях стимулирования достижения наилучших значений показателей.

2.2. Реализация проекта «Команда Губернатора: муниципальный уровень» (реализуется в Вологодской области с 2013 года).

2.3. Проведение конкурса на звание «Самое благоустроенное поселение субъекта РФ» и предоставление субсидий его победителям.

2.4. Проведение конкурса «Лучший староста населённого пункта региона» и предоставление субсидий его победителям.

2.5. Разработка типовых требований к условиям и результатам оказания муниципальных услуг (выполнения муниципальных работ) на территории муниципальных образований региона.

Источниками финансирования мероприятий, проектов Государственной программы субъекта Российской Федерации «Сбалансированное развитие территорий региона» будут: 1) средства федерального бюджета (участие в соответствующих федеральных программах); 2) средства бюджета субъекта Федерации; 3) средства местных бюджетов; 4) внебюджетные источники (средства бизнеса при реализации совместных инвестиционных проектов в рамках государственно-частного и муниципально-частного партнерства, средства населения). Возможные пропорции между этими источниками суммарно по всей программе могут составить 10, 50, 20 и 20% соответственно. Пропорции распределения средств между подпрограммами целесообразно установить следующие: 70% — на первую подпрограмму (активизация развития муниципалитетов); 15% — на вторую (развитие местного самоуправления); 15% — на третью (развитие кадрового потенциала органов МСУ).

Приоритетные направления, объекты, объёмы финансирования по данной Госпрограмме в разрезе муниципальных образований с возможной корректировкой на каждый год в ходе составления проекта регионального бюджета будут определяться при непосредственном участии Координационного совета по развитию муниципальных образований и соответствующих органов исполнительной власти региона.

Таким образом, доказано, что эффективным инструментом регулирования внутрирегиональной дифференциации является программно-целевой метод, использование которого предполагает разработку и реализацию субъектом Федерации специальной государственной программы. В рамках этой программы в муниципальных образованиях предусмотрено финансирование проектов, направленных на решение ключевых проблем в их развитии и создание условий для снижения межмуниципальных различий. Обоснованы мероприятия и соответствующие источники их финансирования, связанные с поддержкой развития институтов местного самоуправления и повышением роли населения в этом процессе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложный период становления рыночного механизма в России, кризисные явления, связанные с трансформационными процессами, снижение роли государства в регулировании процессов территориального развития привели к усилению территориального социально-экономического неравенства (дифференциации). Особое значение эта проблема приобретает на внутрирегиональном уровне (на уровне муниципальных образований), что находит свое отражение в формировании проблемных территорий, увеличении различий в уровне жизни населения, миграционном оттоке квалифицированных кадров, а также в снижении экономической активности населения и «вымирании» целых населённых пунктов.

Невысокая финансово-экономическая самостоятельность органов местного самоуправления и недостаточность полномочий по регулированию процессов экономического развития затрудняют решение задач комплексного социально-экономического развития муниципальных образований.

Цель исследования заключалась в разработке теоретико-методических подходов к оценке и совершенствованию методов регулирования внутрирегиональной социально-экономической дифференциации.

В рамках достижения поставленной цели получены следующие ключевые результаты:

1. Предложена классификация факторов, обуславливающих внутрирегиональную дифференциацию, позволяющая обосновать выбор направлений и методов регулирующего воздействия органов государственной власти субъекта Федерации с целью сокращения дифференциации и снижения ее негативного влияния на социально-экономическое развитие региона.

Под внутрирегиональной дифференциацией в исследовании понималось явление, обусловленное множеством факторов природно-географиче-

ского, экономического, политического характера и выражающееся в значительных различиях между муниципальными образованиями по основным параметрам социально-экономического развития.

Для систематизации факторов, детерминирующих дифференциацию, были предложены следующие признаки: место их возникновения (внутренние и внешние); внутреннее содержание (экономические и неэкономические); возможности управленческого воздействия (неуправляемые и управляемые); длительность воздействия (краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные); уровень управления (федеральный, региональный, муниципальный – в зависимости от уровня органов власти, которые могут воздействовать на фактор); характер воздействия на развитие муниципальных образований (прямые, косвенные); возможность прогнозирования (прогнозируемые, непрогнозируемые). Классификация факторов создает возможности для более глубокого изучения причин изменения неравномерности развития территорий, более обоснованного выбора методов воздействия соответствующих органов власти и управления, что делает процесс регулирования более упорядоченным и системным по своему характеру.

По итогам проведенного нами анализа мировой и отечественной практики установлено, что существует два основных подхода к регулированию внутрирегиональной дифференциации: а) с помощью специальных методов и инструментов региональной политики, направленных на обеспечение сбалансированного пространственного развития и снижения различий между регионами и муниципалитетами; б) с помощью методов и инструментов различных видов политик (структурной, инвестиционной, налогово-бюджетной, промышленной, аграрной и т.д.), создающих условия для развития проблемных территорий. Вместе с тем показано, что рассмотренные подходы не позволяют в полной мере решить проблему снижения внутрирегиональной дифференциации.

2. Предложен методический подход к оценке внутрирегиональной дифференциации, предоставляющий возможность определить масштабы различий и обуславливающие их факторы, выделить группы территорий со сходными параметрами развития и сформировать основу для выбора регулирующих воздействий органов государственной власти субъектов Федерации на социально-экономические процессы.

В ходе обзора методических подходов к оценке внутрирегиональной дифференциации выявлено, что многие авторы ограничиваются либо оценкой различий по ключевым параметрам, либо оценкой уровня развития, что

свидетельствует о решении только локальных задач и затрудняет формирование объективной картины в отношении происходящих процессов.

Предложенный подход позволяет решить комплекс взаимосвязанных задач:

- оценить глубину и масштабы различий по основным параметрам социально-экономического развития территорий;
- провести анализ уровней социально-экономического развития муниципальных образований и на этой основе выделить группы районов со схожими характеристиками и условиями развития;
- оценить тенденции изменения социально-экономического неравенства, обусловленные влиянием мер государственного регулирования;
- провести анализ факторов, оказывающих влияние на внутрирегиональную дифференциацию

Универсальность подхода заключается в том, что он предполагает возможность применения в любом субъекте РФ и для любых типов территорий, с использованием при этом данных государственной статистики и экспертных оценок.

3. Доказано, что тенденции углубления внутрирегиональной дифференциации и нарастания её негативных последствий вызваны действием множества как объективных (неуправляемых), так и субъективных (управляемых) факторов, включая невысокую эффективность региональной политики и недостаточный учет особенностей развития муниципальных образований при выборе соответствующих методов управления.

Установлено, что за период с 1991 по 2013 г. разрыв между муниципальными районами Вологодской области по среднедушевому объёму промышленного производства увеличился с 30 до 734 раз; в 2015 г. различия между районами по объёму отгрузки продукции составили 29 раз; за 1991–2015 гг. разрыв по объёму производства сельхозпродукции вырос с 2,5 до 50 раз и по объёму инвестиций в основной капитал в расчете на 1 жителя — с 2,5 до 52 раз; усилилось отставание районов области от двух городских округов (Вологда и Череповец) по уровню заработной платы и другим индикаторам.

Выявлено усиление концентрации экономической активности в двух городских округах региона (в Вологде и Череповце сосредоточено 86% областного объёма отгрузки промышленной продукции и 79% — инвестиций области) и в прилегающих к ним четырех районах (Вологодский, Череповецкий, Шекснинский, Грязовецкий, Сокольский), где производится около 64% объёма сельскохозяйственной продукции. Это привело к увеличению миграции из периферийных районов.

Анализ уровня социально-экономического развития муниципальных образований позволил выделить группы районов со сходными характеристиками, что подтвердило наличие внутрирегиональной дифференциации. Показано, что уровень развития большинства районов области существенно не изменился: практически половина из них относится к группе с низким уровнем развития.

Выявлены основные факторы, влияющие на внутрирегиональную дифференциацию: экономико-географическое положение (в том числе удалённость района от крупных городов) и социально-экономический потенциал муниципалитета; пространственная и отраслевая структура хозяйства; уровень развития человеческого капитала; уровень развития производственной и социальной инфраструктуры; несовершенство федеральной и региональной нормативно-правовой базы; низкая эффективность управления территориальным развитием и взаимодействия между органами государственной власти и органами местного самоуправления; недостаточные возможности органов местного самоуправления по решению имеющихся проблем и управлению развитием муниципалитета.

Оценка эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований, проведённая на основе данных анкетного опроса глав муниципалитетов Вологодской области, подтвердила влияние таких внутренних факторов, как: недостаточная эффективность взаимодействия между органами государственной власти и органами местного самоуправления и отсутствие дифференцированного подхода к мерам господдержки территорий с разным уровнем и особенностями развития. В ходе проверки концепции β -конвергенции на материалах Вологодской области было установлено, что в условиях действующей системы управления территориальным развитием различия между муниципалитетами региона по ключевым параметрам экономического развития и по ряду социальных параметров будут только увеличиваться.

4. Разработан научно-методический подход к регулированию внутрирегиональной дифференциации, на основе которого определены методы и инструменты государственного воздействия на социально-экономические процессы муниципалитетов, адекватные особенностям их развития и условиям функционирования.

В работе предложен научно-методический подход, основанный на принципах целенаправленности, системности, учета особенностей развития муниципалитета, согласованности интересов, саморазвития и самоуправления, адаптированности и сбалансированности. Достижение главной цели

регулирования — формирование условий для снижения внутрирегиональной дифференциации и преодоления её негативных последствий — предполагает реализацию ряда взаимосвязанных задач. Определена структура механизма, в состав которого входят формы, методы, инструменты регулирования социально-экономических процессов в муниципальных образованиях, направленные на создание стимулов к их саморазвитию, снижению различий в уровне их социально-экономического развития.

Установлено, что выбор инструментов регулирующего воздействия требует обязательного учета демографических, географических, экономических, социальных особенностей муниципальных районов, чтобы можно было определить приоритетные направления и инструменты регулирующего воздействия для каждой группы районов, исходя из уровней их развития.

Для районов с высоким уровнем приоритетным является создание стимулов к их саморазвитию и формированию на этой основе «точек роста» регионального значения (в том числе генерация и распространение инноваций), выведение их на бездотационность для обеспечения большей финансовой самостоятельности и перспектив устойчивого роста и др.; для районов со средним уровнем — создание условий для диверсификации (реструктуризации) их экономики, проведение оценки потенциала и выявление не используемых ими резервов развития и др.; для районов с низким уровнем — обеспечение гарантированного предоставления необходимого минимума инфраструктурных и социальных услуг для проживающего населения (в том числе развитие дорожной и транспортной инфраструктуры), а также сохранение и развитие имеющихся производств и формирование условий для открытия новых производств с более комплексным и эффективным использованием всех имеющихся ресурсов развития; установление ответственности органов местного самоуправления за использование средств государственной поддержки и достижение результатов, предусмотренных стратегиями и программами развития региона и муниципалитетов.

5. Обосновано, что для эффективного регулирования внутрирегиональной дифференциации целесообразно применение программно-целевого метода, предполагающего формирование организационных условий и разработку специальной государственной программы с целью активизации развития различных типов территорий и снижения социально-экономического неравенства.

Для повышения скоординированности действий органов власти и управления региона и местного самоуправления предложено создать на территории региона управленческие округа. Для обеспечения согласования

интересов и более эффективного взаимодействия участников процесса регулирования внутрирегиональной дифференциации обосновано создание Координационного совета по развитию муниципальных образований. Установлено, что преобразования муниципально-территориального устройства позволят более полно учитывать специфику и условия развития районов в ходе регулирования внутрирегиональной дифференциации и, тем самым, повысить эффективность управления территориальным развитием.

В ходе исследования доказано, что использование программно-целевого метода обеспечит взаимодействие и взаимосвязь органов власти различного уровня и придаст системный характер мероприятиям, направленным на достижение конкретных целей и задач по регулированию внутрирегиональной дифференциации.

Предложено разработать и принять на уровне субъекта РФ государственную программу «Сбалансированное развитие территорий региона», главная цель которой заключается в создании условий для снижения внутрирегиональной дифференциации и преодоления ее негативных последствий. Определены задачи, решение которых необходимо для достижения указанной цели:

1. Повышение уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона, улучшение условий жизни их населения.
2. Развитие форм организации местного самоуправления в регионе, повышение роли населения в управлении на местном уровне.
3. Повышение эффективности деятельности глав и муниципальных служащих органов местного самоуправления.

Обоснована структура Программы, включающая три подпрограммы, для каждой из которых определены цели, мероприятия и целевые индикаторы.

Разработан финансовый механизм Программы, представляющий собой совокупность источников и инструментов финансового обеспечения её мероприятий. Источниками финансирования мероприятий и проектов являются: 1) средства федерального бюджета (участие в соответствующих федеральных программах); 2) средства бюджета субъекта РФ; 3) средства местных бюджетов; 4) внебюджетные источники (средства бизнеса при реализации совместных инвестиционных проектов в рамках государственно-частного и муниципально-частного партнерства, средства населения).

Определены особенности использования финансовых инструментов. В рамках подпрограммы «Активизация социально-экономического развития муниципальных образований» будет предусматриваться предоставление двух

видов субсидий: первый вид — на приоритетную поддержку инвестиционных и социальных проектов в муниципальных районах (городских округах), направленных на повышение обеспеченности населения отдельными услугами, объектами инфраструктуры и т.д.; второй вид субсидий (на конкурсной основе) — на поддержку актуальных проектов, связанных с развитием муниципалитетов.

Согласно подпрограмме *«Поддержка и развитие местного самоуправления в субъекте РФ»* муниципальным образованиям будут предоставляться межбюджетные трансферты на софинансирование проектов территориального общественного самоуправления, самообложения граждан, поддержки местных инициатив и пр.

Подпрограмма *«Развитие кадрового потенциала органов местного самоуправления субъекта РФ»* потребует финансирования мероприятий по повышению квалификации и профессиональной переподготовке работников органов местного самоуправления, по реализации различных кадровых проектов и проектов стимулирования муниципалитетов и их глав к повышению эффективности муниципального управления.

Кроме того, показано, что одним из условий решения проблем внутрирегиональной дифференциации должно быть развитие института местного самоуправления (поддержка территориального общественного самоуправления, самообложения граждан, фондов местных сообществ, проекты поддержки местных инициатив и др.). Для достижения этой цели предложен проект «Площадка общественного диалога», позволяющий на специальном интернет-портале обсуждать проблемы развития муниципалитета, предлагаемые идеи и проекты, мероприятия, а также объединять ресурсы населения, бизнеса и власти для реализации этих проектов.

Таким образом, в настоящей работе развиты теоретико-методические основы исследования внутрирегиональной дифференциации, обоснован комплекс мероприятий, которые обеспечат преодоление последствий дифференциации развития муниципальных образований, снизят масштабы и остроту данной проблемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. База данных показателей муниципальных образований / Росстат. Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>
2. Бачлер Дж. Оценка региональной политики в европейском сообществе. Режим доступа: http://www.politanaliz.ru/articles_501.html
3. Болотов Д.А., Межевич Н.В. Межмуниципальное международное сотрудничество как способ совершенствования государственного и муниципального управления: опыт Ленинградской области // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2017. № 1–1. С. 105–109.
4. Большаков С.Н. Политика регионального экономического развития: методы и механизмы. М., 2005. 100 с.
5. Боровая С.Л., Губанова Е.С. Методика оценки дифференциации социально-экономического развития региона // Регионология. 2008. № 1 (62). С. 77–84.
6. Бухвальд, Е.М., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 132–147. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.9
7. В Алтайском крае ведется целенаправленная работа по развитию управленческих округов // Официальный сайт Алтайского края. Режим доступа: http://www.altairregion22.ru/region_news/v-altaiskom-krae-vedetsya-tselenapravlennoy-rabota-po-razvitiyu-upravlencheskih-okrugov_232192.html
8. Вольманн Х. Пути развития муниципальных систем стран Европейского союза и стимулы к реформам // Регион: экономика и социология. 2014. № 3 (83). С. 287–301.
9. Воробьев Д.Н. Регулирование асимметрии социально-экономического развития муниципальных образований региона : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05.. Екатеринбург, 2006. 207 с.

10. Воронов, В.В. Конвергенция регионов Европейского союза: особенности и оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6. С. 85-99. DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.7

11. Ворошилов Н. В. Усиление дифференциации территорий как угроза экономической безопасности регионов // Интеграция в формате Союзного государства как основной инструмент реализации Стратегии безопасности России и Беларуси. Междунар. науч.-практ. конф., IX заседание Межакадемич. совета России и Беларуси по проблемам развития Союзного государства (г. Вологда, 3–5 июля 2013 г.) : материалы выступлений : в 2-х ч. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. Ч. I. С. 211–218.

12. Ворошилов Н. Типологизация регионов России по уровню социально-экономического развития // Научные основы резервов роста и модернизации экономики: материалы III Форума молодых ученых-экономистов / под общей редакцией д.э.н. Садыкова А.М. Ташкент : IFMR, 2014. С. 346–351.

13. Ворошилов Н.В. Возможности и перспективы саморазвития муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2017. № 4 (90). С. 79–95.

14. Ворошилов Н.В. Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области 1991–2011 гг. // Проблемы развития территории. 2013. № 3 (65). С. 31–41.

15. Ворошилов Н.В. Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области и формирование экономических районов (управленческих округов) // Вопросы экономической географии и статистики пространственного развития: материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященной К.И. Арсеньеву, г. Петрозаводск, 24 октября 2014 г. Петрозаводск : Карельский НЦ РАН, 2014. С. 236–243.

16. Ворошилов Н.В. Дифференциация социально-экономического развития территорий как важнейшая проблема региональной политики // Пространственные факторы инновационной модернизации экономики]: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 25-26 июня 2013 г. СПб. : ГУАП, 2013. С. 13–18.

17. Ворошилов Н.В. Методы преодоления внутрирегиональной социально-экономической дифференциации // Новая экономика России: наука и образование: тезисы докладов Всероссийской науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 9-10 июня 2014 г. Секции 1, 5 / редкол.: А.Е. Карлик (отв. ред.) [и др.]. СПб : Изд-во СПбГЭУ, 2014. С. 251–256.

18. Ворошилов Н.В. Муниципально-территориальное устройство в России: адаптация к разнообразию // Вопросы территориального развития. 2017. № 2 (37). Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2202>

19. Ворошилов Н.В. Направления решения проблемы внутрирегиональной социально-экономической дифференциации // Научные семинары-дискуссии 2014 год. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. С. 38-49.

20. Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6 (36). С. 54–69. DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.5.
21. Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Оценка уровня социально-экономического развития регионов России // Экономика и предпринимательство. 2013. № 12 (ч. 3). С. 325–332.
22. Ворошилов Н.В. Оценка экономического неравенства регионов России // Экономика и предпринимательство. 2013. № 12 (ч. 1). С. 338–343.
23. Ворошилов Н.В. Оценка эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7 (60). С. 54–59.
24. Ворошилов Н.В. Социально-экономическое развитие России и реформирование института местного самоуправления в 2000–2014 годах // Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2015. № 3 (25). С. 126–133.
25. Ворошилов Н.В. Тенденции и проблемы развития муниципальных районов Вологодской области // Вопросы территориального развития. 2014. № 1. Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3489>
26. Ворошилов Н.В. Управление развитием территорий: проблемы и методическое обеспечение // Проблемы развития территории. 2015. № 6 (80). С. 171–185.
27. Гаджиев Т.М. Преодоление неравномерности территориального развития экономики депрессивного региона на основе целевых программ (на примере Республики Дагестан : автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.05. Махачкала, 2004. 23 с.
28. Галдин М.В. Методические подходы к выявлению асимметрии социально-экономического развития муниципальных образований региона (на примере Омской области) : дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.05. Омск : ВЗФЭФ, 2004. 197 с.
29. Государственное регулирование экономики : учеб. пособие для вузов / Т.Г. Морозова, Ю.М. Дурдыев, В.Ф. Тихонов и др.; под ред. проф. Т.Г. Морозовой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 255 с.
30. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учебник для вузов. – 3-е изд.. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 495 с.
31. Гринчель Б.М., Антонова А.А. Измерение динамики агломерационных процессов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 5 (23). С. 79–90.
32. Гринчель, Б.М., Назарова Е.А. Методология построения типологий регионов России в контексте конкурентного потенциала // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2015. № 3 (48). С. 40–60.

33. Гришина Е., Александрова А. Неравномерность развития муниципальных образований // Вопросы экономики. 2005. № 8. С. 97–105.
34. Губанова Е.С. Формирование и реализация региональной инвестиционной политики. Вологда: Легия, 2007. 300 с.
35. Гутникова Е.А., Чекавинский А.Н., Ворошилов Н.В. Социально-экономическое развитие муниципальных районов Вологодской области в 2000–2010 годах // Проблемы развития территории. 2012. № 61. С. 23–34.
36. Дифференциация социально-экономического развития районов Вологодской области и формирование эффективных территориальных агломераций : заключительный отчет о НИР / исполн. В.А. Ильин, Т.В. Ускова, С.А. Селякова, Р.Ю. Малышев. Вологда, 2006. 133 с.
37. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Администрации Южного управленческого округа Свердловской области на 2013-2015 годы. Режим доступа: http://www.midural.ru/files/UO/doklad/doklad_yuo_2013_2015.pdf.
38. Доклад об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета / Министерство финансов Российской Федерации. М., 2015. 124 с. Режим доступа: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2015/07/main/doklad_ob_osnovnykh_napravleniyakh_povysheniya_effektivnosti_raskhodov_federalnogo_budzheta.pdf
39. Домашенко А.А. Инструментарий оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований в регионах России : автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.05. Волгоград, 2007. 25 с.
40. Ермакова Н.А., Ермакова Н.А., Калоева А.Т. Типологии регионов для целей региональной политики : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2011. 65 с.
41. Ефремов К.И., Георгадзе Е.И. Методика проведения комплексной рейтинговой оценки социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // Вопросы статистики. 2002. № 2. С. 61–63.
42. Жихаревич Б.С. Институциональное измерение регионального социально-экономического пространства: подход к исследованию // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2011. № 45. С. 46–50.
43. Жихаревич Б.С. Подход к изучению эффективности стратегического планирования на муниципальном уровне // Регион: экономика и социология. 2012. № 4 (76). С. 235–256.
44. Зубаревич Н. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания // SPERO. 2008. № 9. С. 7–22.
45. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

46. Зябирова С.Ф. Формирование механизма выравнивания региональной социально-экономической дифференциации : автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.05. Чебоксары, 2012. 24 с.
47. Ильин В., Ускова Т. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации // *Федерализм*. 2012. № 3. С. 7–18.
48. Инвестиционный климат регионов – 2017 // Рейтинговое агентство «Эксперт РА». Режим доступа: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2017/att1>
49. Интернет портал территориального общественного самоуправления Архангельской области. Режим доступа: <http://www.tos29.ru/>
50. Итоги V ежегодного рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России // Национальное рейтинговое агентство. Режим доступа: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/Инвестрегионы%202017.pdf
51. Квадрициус Н.В., А.М. Ходачек Реформа местного самоуправления – опыт реализации // *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2004. № 4. С. 41–46.
52. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 240 с.
53. Климанов В.В., Сычев Б.В. Фонды регионального развития как инструмент оказания финансовой помощи местным бюджетам // *Регион: экономика и социология*. 2005. № 4. С. 28–42.
54. Клисторин В.И. Российский федерализм: региональная политика, направленная на поддержку муниципальных образований // *Регион: экономика и социология*. 2009. № 3. С. 41–54.
55. Когут А.Е., Рохчин В.Е. Информационные основы регионального социально-экономического мониторинга. СПб.: ИЭСП РАН, 1995. 142 с.
56. Колесниченко Е.А. Концепция снижения дифференциации развития национального регионального пространства : автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра экон. наук: 08.00.05 / Е.А. Колесниченко. Тамбов, 2009. 47 с.
57. Колечков Д.В. Валовой муниципальный продукт в управлении экономикой (на примере Республики Коми) // *Проблемы прогнозирования*. 2014. № 5. С. 125–139.
58. Коломак Е.А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // *Пространственная экономика*. 2010. № 1. С. 26–35.
59. Коломак Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // *Вопросы экономики*. 2013. № 2. С. 132–150.
60. Комплексное исследование социально-экономического пространства регионов России на основе институционального анализа : монография / под ред. С.В. Кузнецова. – СПб.: ГУАП, 2017. 425 с.

61. Концепция региональной целевой программы социально-экономического развития северных территорий Республики Карелия на период 2011–2015 гг. / ИЭ КарНЦ РАН ; под общ. ред. А.И. Шишкина. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2011. 98 с.
62. Коршунов И.В., Шматко А.Д. Анализ проблем структурной инновационной модернизации экономики промышленных моногородов регионов России // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С. 217–219.
63. Кочеткова Н.В. Теоретические подходы к систематизации факторов социально-экономической дифференциации региона // Культура народов Причерноморья. 2011. № 218. С.109–112.
64. Кривошей В.А., Школкина Н.В. Факторы региональной дифференциации уровня и качества жизни населения // Российский экономический интернет-журнал. 2013. Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/028/02884340b13bcf9e9cfdcfb1a9a539f8.pdf>
65. Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика: теория и политика: пер. с англ. 5-го межд. изд. СПб.: Питер, 2004. 832 с.
66. Кузнецов С., Межевич Н. Региональная политика государства: поиск научных основ // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 8. С. 8–15.
67. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Вопросы теории территориально-политической и хозяйственной организации пространства // Экономика и управление. 2015. № 9 (119). С. 8–13.
68. Кузнецов С.В. Национальные приоритеты в стратегии социально-экономического развития северо-западного федерального округа // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 1 (50). С. 123–133.
69. Кузнецов С.В. Проблемы реструктуризации экономик монопрофильных городов арктической зоны России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 3 (40). С. 25–29.
70. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Экономическое пространство. Теория и практика: монография / Российская акад. наук, Ин-т проблем региональной экономики. СПб., 2012. 149 с.
71. Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: Либроком, 2013. 392 с.
72. Кузнецова О.В. Региональные аспекты деятельности федеральных институтов развития // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. № 4. Том 2. С. 6–23.
73. Кузнецова О.В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 2. С. 3–8.

74. Куликова Е.И. Проблема нивелирования негативного воздействия факторов дифференциации на социально-экономическую систему регионов // Евразийское научное обозрение. 2015. Том 2. № 5 (5). С. 106–109.

75. Лавровский Б.Л. Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2003. Т. 7. № 4. С. 524–537.

76. Ларина Т.Н. Методология статистического исследования социального развития сельских муниципальных районов: автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра экон. наук: 08.00.12. Оренбург, 2010. 41 с.

77. Латышева М.А. Эконометрическое моделирование неравенства социально-экономического развития регионов РФ : дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.13 / М.А. Латышева. Воронеж, 2010. 195с.

78. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: ЛКИ, 2007. 368 с.

79. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе: политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. И. Храмовой. Рим: Инвестиционный центр ФАО, 2010. 272 с.

80. Мартин Ф. География неравенства в Европе // SPERO. 2008. № 9. С. 125–140.

81. Межевич Н.М., Жабрев А.А. Значение европейского опыта региональной политики для анализа неоднородности российского экономического пространства // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2014. № 12 (17). С. 57–62.

82. Межевич Н.М. Межмуниципальное сотрудничество в российском законодательстве о местном самоуправлении // Управленческое консультирование. 2006. № 3 (23). С. 59–66.

83. Межевич Н.М., Жабрев А.А. Региональная дифференциация – фактор социально-экономического развития регионов // Экономика и управление. 2011. № 5 (67). С. 159–158.

84. Мельников Р.М. Проблемы теории и практики государственного регулирования экономического развития регионов : монография. М. : Изд-во РАГС, 2006. 199 с.

85. Мерсиянова И.В., Солодова И.И. Фонды местных сообществ в России; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2009. 154 с. (Мониторинг гражданского общества. Вып. IV).

86. Местная экономическая политика в России: очерк становления и трансформации (1995-2005 гг.) / Б.С. Жихаревич, Н.Б. Жунда, О.В. Русецкая и др. М.: Моск. общественный науч. фонд, 2006. 152 с.

87. Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования: итоговый доклад. М.: Экон-Информ, 2009. 524 с.

88. Методика комплексной оценки муниципальных районов и городских округов Кировской области по уровню и темпам социально-экономического развития: постановление Правительства Кировской области от 13.06.2006 № 62/130 // КонсультантПлюс.

89. Методические рекомендации по выявлению внутрирегиональной асимметрии в субъектах Федерации с целью определения путей сокращения ее в рамках государственной региональной экономической политики / М.К. Бандман, В.В. Воробьева, Т.Н. Есикова, В.Д. Ионова, М.А. Малиновская. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000. 72 с.

90. Минакир П.А. Мнимые и реальные диспропорции экономического пространства // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 5–18.

91. Митрошин А.А. Методы оценки качества жизни населения и социально-экономической дифференциации территорий (на примере Московской области) : автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.э.н.: 08.00.05. М., 2013. 23 с.

92. Мищенко И.В. Сочетание «стимулирующей» и «выравнивающей» региональной политики в целях устойчивого развития региона (на материалах Алтайского края) // Научный эксперт. 2012. 10. С. 64–68.

93. Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели 2000–2016: стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2017. 293 с.

94. Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели. 2000–2015: стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2016. 308 с.

95. Некрасов Н.Н. Региональная экономика: теория, проблемы и методы. 2-е изд. М.: Экономика, 1978. 344 с.

96. Николаев И., Точилкина О. Экономическая дифференциация регионов: оценки, динамика, сравнение (Россия и другие страны) // Общество и экономика. 2011. № 10. С. 23–49.

97. Никонова И.А. Оценка эффективности деятельности институтов развития / И.А. Никонова // Промышленные ведомости. 2009. № 11–12 (ноябрь–декабрь). Режим доступа: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=1791&nomer=62>

98. Новый взгляд на экономическую географию: обзор / Всемирный Банк. Вашингтон, округ Колумбия, 2008. 48 с. Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2009/Resources/4231006-1225840759068/WDR09_OVERVIEW_RU_Web.pdf

99. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: пер. с англ. / под ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

100. О внедрении предметно-зонального (проблемно-объектного) метода государственного управления : постановление Администрации Алтайского края от 3 сентября 2009 г. № 383 // КонсультантПлюс.

101. О Восточном управленческом округе : закон Свердловской области от 20 мая 1997 г. № 32-ОЗ // КонсультантПлюс.

102. О ежеквартальном мониторинге эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Волгоградской области : постановление Администрации Волгоградской области от 9 августа 2010 г. № 353-п // КонсультантПлюс.

103. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» : постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 // КонсультантПлюс.

104. О методике комплексной оценки уровня социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Воронежской области : постановление Администрации Воронежской области от 16 мая 2007 г. № 402 // КонсультантПлюс.

105. О Методических рекомендациях субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям по регулированию межбюджетных отношений : приказ Минфина РФ от 27.08.2004 № 243 // КонсультантПлюс.

106. О результатах применения самообложения граждан на территории Пермского края в 2011–2014 гг. // Официальный сайт Министерства территориального развития Пермского края. Режим доступа: <http://minter.permkrai.ru/index/getfile/id/250/>

107. О' Салливан А. Экономика города. 4 изд.: пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2002. XXVI, 706 с. (Серия «Университетский учебник»).

108. О федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)» : постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717 // КонсультантПлюс.

109. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 // КонсультантПлюс.

110. Объединение субъектов РФ: за и против / С.С. Артоболевский, О.И. Вендина, Е.Ш. Гонтмахер, Н.В. Зубаревич, А.В. Кынев ; под. ред. С.С. Артоболевского, Е.Ш. Гонтмахера. М.: ПРИОР, 2010. 175 с.

111. Оптимизация территориальных систем / под редакцией д.э.н. Суспицына С.А. Новосибирск, 2010. 632 с.

112. Фетисов Г.Г., Орешин В.П. Региональная экономика и управление : учебник. М. : ИНФРА-М, 2006. 416 с.

113. Основные итоги реализации в 2011 году проекта по поддержке местных инициатив в Кировской области // Официальный сайт Правительства Кировской области. Режим доступа: <http://www.kirovreg.ru/social/ppmi/itog.php>

114. Основные направления преодоления диспропорций социально-экономического развития регионов России : сборник материалов / под общ. ред. д-ра социол. наук В.В. Маркина, канд. юрид. наук С.Л. Красноярцева. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2008. 166 с.

115. Официальный портал Правительства Вологодской области. Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/>

116. Официальный сайт Губернатора Вологодской области. Режим доступа : <http://okuvshinnikov.ru>

117. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: www.gks.ru

118. Оценка и направления повышения эффективности региональной политики по управлению развитием муниципальных образований : отчет о НИР / исполн. Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, А.Н. Чекавинский. Вологда, 2013. 167 с. Инв. № 02201454075.

119. Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Либроком, 2009. 544 с.

120. Плякин А.В., Орехова Е.А. Пространственный анализ неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований в геоинформационной системе. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. 140 с.

121. Победин А.А. Политика регулирования внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития (на примере Свердловской области) : автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2008. 24 с.

122. Поздняков А., Лавровский Б., Масаков В. Политика регионального выравнивания (основные подходы и принципы) // Вопросы экономики. 2000. № 10. С. 74–91.

123. Полтавский П.А. Институциональный подход к государственному регулированию деятельности в инновационной сфере // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2010. № 5 (186). С. 13–17.

124. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.

125. Польшнев А.О. Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2011. 208 с.

126. Постникова Е.А., Шильцин Е.А. Новейшие тенденции регионального развития: некоторые фрагменты // Регион: экономика и социология. 2009. № 3. С. 67–86.

127. Проект СИРЕНА: методы измерения и оценки региональной асимметрии / под ред. С.А. Суспицына. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2002. 248 с.

128. Пространственные аспекты развития региона / В.А. Ильин, М.Ф. Сычев, К.А. Гулин; под ред. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2008. 298 с.

129. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента внутренней политики Правительства Вологодской области за 2015 год // Сайт Губернатора Вологодской области. Режим доступа: http://okuvshinnikov.ru/files/ocenka3/zorin_2.pdf

130. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента финансов Вологодской области за 2015 год [Электронный ресурс] // Сайт Губернатора Вологодской области. Режим доступа: http://okuvshinnikov.ru/files/ocenka3/artamonova_22_01.pdf

131. Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д.С. Львова. М.: Экономика, МОНФ, 1999.

132. Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. 258 с.

133. Райзберг Б. А., Лобко А.Г. Программно-целевое планирование и управление : учебник для вузов по экономическим специальностям и направлениям, М.: ИНФРА-М, 2002. 428 с.

134. Районы Вологодской области. 1990–1999 годы: стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2000. 374 с.

135. Региональная политика выравнивания в ЕС: новейшие тенденции / Б.Л. Лавровский, И.А. Мурзов, А.В. Тягнибеда, Е.В. Уварова // Пространственная экономика. 2011. № 1. С. 30–48.

136. Региональная политика России: адаптация к разнообразию: аналит. докл. / [Г.А. Сатаров и др.]; под общ. ред. Г.А. Сатарова. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. 190 с.

137. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 137 с.

138. Региональная экономика : учебник / под ред. В.И. Видяпина и М.В. Степанова. М.: ИНФРА-М, 2007. 666 с.

139. Региональная экономика: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / [Т.Г. Морозова и др.]; под ред. проф. Т.Г. Морозовой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2012. 527 с. (Серия «Золотой фонд российских учебников»).
140. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 / Г.И. Абдрахманова, П.Д. Бахтин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 260 с.
141. Рейтинг регионов (методические подходы к сравнительной оценке социально-экономического развития субъектов Российской Федерации). М.: Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты Российской Федерации, 2009. 155 с.
142. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2016 года // РИА Рейтинг. Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2017.pdf
143. Глазычев В., Щедровицкий П. Россия. Пространственное развитие // Статер.Ру. Режим доступа: <http://stra.teg.ru/library/32/1>
144. Самарина В.П. Совершенствование методологии управления социально-экономическим развитием проблемных регионов России: автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра экон. наук: 08.00.05. М., 2010. 40 с.
145. Селиверстов В.Е. Федерализм, региональное развитие и региональная наука в постсоветской России: модернизация или деградация // Регион: экономика и социология. 2013. № 4. С. 3–36.
146. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан, 2010. 428 с.
147. Сидоров А.А. Методы интегральной оценки, анализа и мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.05. Новосибирск, 2009. 24 с.
148. Сильвестров С.Н., Молодцов А.В., Скориков Е.С. Формирование системы институтов развития на региональном и муниципальном уровнях // Экономические науки. 2013. № 106. С. 7–16.
149. Система муниципального управления : учеб. для вузов / под ред. В.Б. Зотова. 4-е изд., испр. и доп. СПб. : Питер, 2008. 512 с.
150. Скорнякова М.И., Скорнякова М.И., Шматко А.Д. Анализ взаимосвязи между экономическими институтами и экономическим ростом // Экономика и предпринимательство. 2017. № 5-2 (82-2). С. 163–166.
151. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Межрегиональные и межгородские сопоставления как особый вид научного исследования: теоретический аспект // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 322–325.

152. Сорвилов Б.В. Институциональный механизм реализации экономической политики развития территорий в зарубежных странах // Вестник экономической интеграции. 2013. № 7. С. 101–110.
153. Социально-экономические проблемы локальных территорий : монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
154. Стародубовская И.В., Миронова М.Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России; Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара. М. : Ин-т Гайдара, 2010. № 141Р. 116 с. : ил. (Научные труды).
155. Суспицын С. Межрегиональные различия: сравнительный анализ федеральных округов и «субокругов» // Российский экономический журнал. 2001. № 1. С. 53–66.
156. Татаркин А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 42–59.
157. Толстогузов О.В. Стратегия периферийного региона в условиях ограничения информации: методология, теория и практика. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 488 с.
158. Троцкий А.Я., Щетинин М.П. Концептуальные основы регулирования территориального развития на мезоуровне // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2. С. 298–308.
159. Туркина И.Г. Территориальные различия качества жизни сельского населения Иркутской области // Известия Иркутского государственного университета. 2010. Том 3. № 2. С. 179–189.
160. Тюрин Г.В. Опыт возрождения русских деревень. М.: Поколение, 2007. 240 с.
161. Управление муниципальным экономическим развитием / под ред. Г.Ю. Ветрова. М.: Фонд «Институт экономики города», 2009. 258 с.
162. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 156 с.
163. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
164. Факторы экономического роста в регионах РФ. М.: ИЭПП, 2005. 278 с.
165. Фатеев В.С. Региональная политика: теория и практика. Мн.: ЕГУ. 2004. 480 с.
166. Фонд муниципального развития: от политики выравнивания к стимулированию социально-экономического развития / Н.И. Климова, М.М. Низамутдинов, М.Н. Курмышова, И.В. Осипова // Проблемы современной экономики. 2006. № 3-4. С. 354–359.

167. Фролова Е.В. Факторы развития инфраструктуры муниципальных образований в условиях региональной дифференциации // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 6 (106). С. 16–24.

168. Ходачек А.М. Государственное регулирование экономики в субъекте Российской Федерации: теория, методология, организация : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Санкт-Петербург, 2000. 46 с.

169. Ходачек А.М. Институты регулирования регионального развития / А.М. Ходачек // Инновации. 2016. № 3 (209). С. 54–64.

170. Ходачек А.М. Экономические механизмы и средства реализации региональной экономической политики // Инновации. 2017. № 3 (221). С. 18–26.

171. Чекавинский А.Н. Институты развития на местном уровне: монография / А.Н. Чекавинский, С.А. Кожевников, Н.В. Ворошилов. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 200 с.

172. Чекавинский А.Н., Ворошилов Н.В. Территориальное общественное самоуправление как институт развития на муниципальном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз. 2015. № 6 (42). С. 153–168. DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.9.

173. Чепик А.Е. Статистическое исследование неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований региона : автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.12. М., 2015. 23 с.

174. Шмакова М.В. Факторы пространственного развития и их учет в региональных стратегиях. Режим доступа: http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/88794/1/Шмакова_Факторы%20пространственного%20развития.pdf

175. Щедровицкий П. Государственная политика регионального развития в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Русский Архипелаг. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/formula/prospect/>

176. Щетинин М.П. Механизм пространственного регулирования экономики региона на мезоуровне: определение и подход // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2008. № 10 (48). С. 71–73.

177. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах // Консорциум по вопр. приклад. экон. исслед. / Канадское агентство по международ. развитию [и др.] ; [О. Луговой и др.]. М.: ИЭПП, 2007. 164 с. : ил.

178. Andrews R., Van de Walle S. New Public Management and Citizens' Perceptions of Local Service Efficiency, Responsiveness, Equity and Effectiveness. Public Management Review, 2013, vol. 15, iss. 5, pp. 762–783.

179. Barro, Robert J. Economic growth / Robert J. Barro, Xavier Sala-i-Martin. London, Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. Available at: <http://piketty.pse.ens.fr/files/BarroSalaIMartin2004Chap1-2.pdf>

180. China's Population and Development in the 21st Century. Available at: <http://www.china.org.cn/e-white/21st/index.htm>

181. European Charter of Local Self-Government / Council of Europe. Available at: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007a088>

182. European Spatial Development Perspective. Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/pdf/sum_en.pdf

183. Frick, H-J. Interkommunale Zusammenarbeit [Electronic resource]: Handreichung für die Kommunalpolitik / Hans-Jörg Frick und Michael Hockeler. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, KommunalAkademie, 2008. 84 s.

184. Garmann, S. Elected or appointed? How the nomination scheme of the city manager influences the effects of government fragmentation [Text] / S. Garmann / Journal of Urban Economics. 2015. № 86. Pp. 26–42.

185. Grundwissen Kommunalpolitik / hrsg. von der Friedrich-Ebert-Stiftung, Abteilung Politische Akademie, KommunalAkademie. Bonn : FES, 2011. 482 s. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/akademie/kommunal/08975>

186. Kauffmann, A. Das Städtesystem der Russischen Föderation aus Sicht der Neuen Ökonomischen Geographie / Albrecht Kauffmann. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2010. 226 s.

187. Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues. World Bank Policy Research Working Paper, 2010, no. 5430, pp. 1–29.

188. Kreft S.F. An Efficiency Comparison of City Managers and Elected Mayors / S.F. Kreft // Paper provided by Indiana University, Kelley School of Business, Department of Business Economics and Public Policy in its series Working Papers with. 2007. № 2. Available at: <http://kelley.iu.edu/riharbau/RePEc/iuk/wpaper/bep2007-02-kreft.pdf>

189. Kutscherauer A. et al. Regional disparities in regional development of the Czech Republic: their occurrence, identification and elimination. Ostrava: VŠB-Technical University of Ostrava, 2010. 120 p.

190. Lockner A. Steps to Local Government Reform: A Guide to Tailoring Local Government Reforms to Fit Regional Governance Communities in Democracies / A.O. Lockner. USA, Bloomington: iUniverse, 2013. 621 p.

191. Lorenzo G.B. Development and Development Paradigms. A (Reasoned) Review of Prevailing Visions. Available at: http://www.fao.org/docs/up/easypol/882/defining_development_paradigms_102en.pdf

192. Naschold F., Bogumil J. Modernisierung des Staates: new public management in deutscher und internationaler Perspektive. Wiesbaden: Springer Fachmedien GmbH, 2000. 250 p.

193. Özden K. Local Governments and Democracy: Impossible or Indispensible Pairs? / K. Özden // *European Journal of Economic and Political Studies*. 2012. Vol. 5. Iss. 2. Pp. 131–141.

194. Pfiffner J.P. Traditional Public Administration versus The New Public Management: Accountability versus Efficiency. Available at: http://pfiffner.gmu.edu/files/pdfs/Book_Chapters/NewPublicMgt.doc.pdf

195. Porter M.E. *Regions and the New Economics of Competition / Global City-Regions: Trends, Theory, Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

196. Priorities for 2014–2020 [Электронный ресурс] // European Commission. Режим доступа: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/how/priorities

197. Saiensus, M. Analysis of innovative sustainability of socio-economic systems / M. Saiensus // *Socioeconomic Research Bulletin*. 2014. Iss. 4 (55). Pp. 109–114.

198. Territorial Agenda of the European Union 2020. Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/territorial-cohesion/territorial_agenda_2020.pdf

СОТРУДНИКИ ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН – АВТОРЫ МОНОГРАФИЙ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ИЗДАНИЕ

Ильин Владимир Александрович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации

Монографии:

Эффективность государственного управления. Политический цикл 2012–2018: точка зрения главного редактора (2019 г., том 1). Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса (2017 г., том 3).

Социальное государство в России: проблемы и перспективы (2018 г., том 5).

Шабунова Александра Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, директор

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Ускова Тамара Витальевна – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития (2016 г., том 2).

Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса (2017 г., том 3).

Алферьев Дмитрий Александрович – научный сотрудник лаборатории интеллектуальных и программно-информационных систем

Монографии:

Научно-технологическое пространство и прогнозирование его развития в условиях глобальной конкуренции (2018 г., том 6).

Барсуков Виталий Николаевич – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

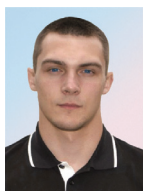

Ворошилов Николай Владимирович – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация (2019 г., том 3).

Галухин Антон Викторович – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах (до октября 2018 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Головчин Максим Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона (2018 г., том 5).

Груздева Мария Андреевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, заведующий лабораторией исследования проблем управления в социальной сфере

Монографии:

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Губанова Елена Сергеевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита Вологодского государственного университета, член Ученого совета Вологодского научного центра РАН

Монографии:

Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация (2019 г., том 3).

Гужавина Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Гулин Константин Анатольевич – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом проблем научно-технологического развития и экономики знаний (до сентября 2018 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Научно-технологическое пространство и прогнозирование его развития в условиях глобальной конкуренции (2018 г., том 6).

Малое предпринимательство в экономике территорий (2017 г., том 6).

Калачикова Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Каминский Вадим Сергеевич – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Квитко Катерина Борисовна – младший научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний (до июня 2019 г.)

Монографии:

Научно-технологическое пространство и прогнозирование его развития в условиях глобальной конкуренции (2018 г., том 6).

Кожевников Сергей Александрович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, заведующий лабораторией пространственного развития и размещения производительных сил

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения (2018 г., том 2).

Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития (2016 г., том 2).

Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса (2017 г., том 3).

Организация и факторы новой индустриализации (2018 г., том 3).

Кондакова Наталья Александровна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Копытова Екатерина Дмитриевна – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах

Монографии:

Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения (2018 г., том 2).

Социальная ответственность бизнеса: проблемы и перспективы развития (2017 г., том 2).

Короленко Александра Владимировна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Косыгина Ксения Евгеньевна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Кремин Александр Евгеньевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний (до февраля 2020 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Малое предпринимательство в экономике территорий (2017 г., том 6).

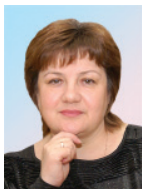

Ласточкина Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения (до августа 2018 г.)

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, заведующий лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона (2018 г., том 5).

Лукин Евгений Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, заведующий лабораторией моделирования и прогнозирования социально-экономического развития территорий

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса (2017 г., том 3).

Организация и факторы новой индустриализации (2018 г., том 3).

Мазилев Евгений Александрович – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом проблем научно-технологического развития и экономики знаний

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Научно-технологическое пространство и прогнозирование его развития в условиях глобальной конкуренции (2018 г., том 6).

Малое предпринимательство в экономике территорий (2017 г., том 6).

Мельников Алексей Евгеньевич – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах (до сентября 2019 г.)

Монографии:

Организация и факторы новой индустриализации (2018 г., том 3).

Морев Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения, заведующий лабораторией исследования социальных проблем и эффективности государственного управления

Монографии:

Эффективность государственного управления. Политический цикл 2012–2018: точка зрения главного редактора (2019 г., том 1). Социальное государство в России: проблемы и перспективы (2018 г., том 5).

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Нацун Лейла Натиговна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

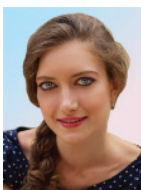
Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Панов Александр Михайлович – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения (до 2017 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Печенская-Полищук Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, заведующий лабораторией исследования проблем развития общественных финансов

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Поварова Анна Ивановна – старший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах (до февраля 2019 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Социальное государство в России: проблемы и перспективы (2018 г., том 5).

Попов Андрей Васильевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Разварина Ирина Николаевна – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Россошанский Александр Игоревич – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Смолева Елена Олеговна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Соловьева Татьяна Сергеевна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона (2018 г., том 5).

Терёбова Светлана Викторовна – доктор экономических наук, доцент, директор Северо-Западного научно-исследовательского института молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленного подразделения ВолНЦ РАН

Монографии:

Малое предпринимательство в экономике территорий (2017 г., том 6).

Механизмы повышения инновационной активности промышленных предприятий: проблемы разработки и внедрения (2017 г., том 6).

Устинова Ксения Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний, заведующий лабораторией инновационной экономики

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Уханова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Чекавинский Александр Николаевич – научный сотрудник, заместитель заведующего отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах (до 2017 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Якушев Николай Олегович – научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний

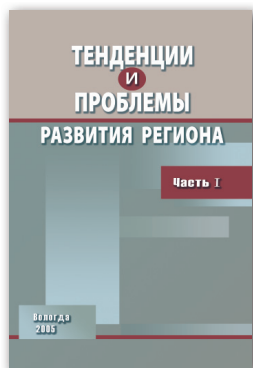
Монографии:

Малое предпринимательство в экономике территорий (2017 г., том 6).

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ МНОГОТОМНЫХ ИЗДАНИЙ

Научные труды к 15-летию ВНКЦ ЦЭМИ РАН

Тенденции и проблемы развития региона
в 3-х частях

Часть I

Становление и стратегия развития рыночной экономики

Ильин В.А., Пашко А.А., Сычев М.Ф.; под ред. Усачева П.А.

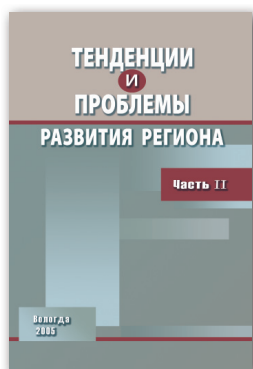
Вологодская область: движение к рынку

Ильин В.А., Сычев М.Ф., Гулин К.А., Бакаева Е.А.,
Губанова Е.С., Дубов С.Н., Задумкин К.А.,
Костылева Л.В., Куковеров М.А., Миронова З.С.,
Москвина О.С., Поляков М.М., Селякова С.А.,
Ускова Т.В., Хамидулина Е.А., Шабунова А.А., Шулев А.С.

Стратегия развития региона

Ильин В.А., Сычев М.Ф., Гулин К.А., Губанова Е.С.,
Задумкин К.А., Костылева Л.В., Куковеров М.А., Миронова З.С.,
Митенев В.В., Ускова Т.В., Шулев А.С.

Региональная стратегия экономического роста – 2015

Часть II

Территориальные проблемы экономического и социального развития

Ильин В.А.

Модернизация промышленного сектора региона

Иогман Л.Г.

Организационно-экономические основы модернизации промышленности региона

Ильин В.А., Сычев М.Ф., Дубов С.Н.,
Дурнова Е.А., Костылева Л.В.

Общественные финансы региона: состояние, факторы, перспективы

Изотова Г.С.; под ред. Гончарук О.В.

Бюджетная безопасность региона: методы обеспечения

Якуничев А.С.

Управление перспективным развитием муниципальных образований городского типа

Часть III

Социальные проблемы регионального развития

Ильин В.А., Гулин К.А.,
Леонидова Г.В., Давыдова В.В.

Трудовой потенциал региона: состояние и развитие

Ильин В.А., Гулин К.А.

Социальная ситуация в регионе: некоторые тенденции и перспективы

Гулин К.А.

Социальная ситуация в регионе и потребительские настроения населения

Попугаев А.И., Гулин К.А., Короленко Н.А.,
Селиванов Е.А., Тихомирова Г.В.;
под ред. Ильина В.А., Колинко А.А.

Состояние здоровья населения региона: тенденции и перспективы

Шабунова А.А., Вологодина Е.Л.;
под ред. Ильина В.А., Колинко А.А.

Формирование здоровья детей: от роддома до школы (итоги 7 лет исследований (на титуле «исследования»))

Гулин К.А., Фалалеева О.И., Ослопова Ю.Е.;
под ред. Ильина В.А., Колинко А.А.

Проблемы психического здоровья населения

Научные труды к 20-летию ИСЭРТ РАН

Тенденции и проблемы развития региона
2006–2010 гг.

в 4 томах

Том 1

Стратегические ориентиры социально-экономического развития региона

Ильин В.А., Сычев М.Ф., Гулин К.А., Шабунова А.А.,
Ускова Т.В., Леонидова Г.В., Слободской Г.В., Задумкин К.А.,
Костылева Л.В., Селякова С.А.

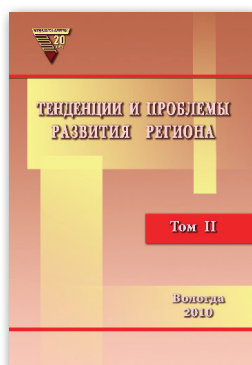
Пространственные аспекты развития региона

Ильин В.А., Гулин К.А., Сычев М.Ф., Ускова Т.В.,
Шабунова А.А., Задумкин К.А., Кожина Т.П.

Проблемы регионального развития: 2009–2012

Ускова Т.В.

Управление устойчивым развитием региона

Том 2

Проблемы становления инновационной экономики

Теребова С.В., Губанова Е.С.

Активизация инновационного процесса в регионе

Задумкин К.А., Кондаков И.А.

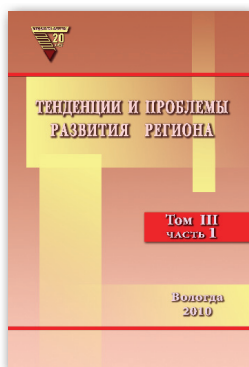
Региональная инновационная система: теория и практика формирования

Ильин В.А., Задумкин К.А., Кондаков И.А.

Научно-технический потенциал региона: проект долгосрочной программы развития

Леонидова Г.В.

Теория и практика формирования научно-образовательного пространства

Том 3 Социальный императив регионального развития

Часть I

Ильин В.А., Колинко А.А., Дуганов М.Д., Гулин К.А.,
Шабунова А.А., Морев М.В., Петухов Р.В., Макеев А.Н.

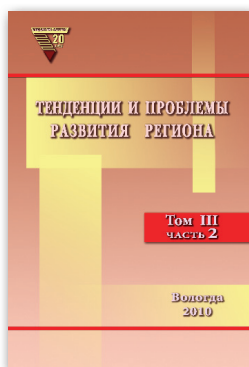
Эффективность здравоохранения региона

Морев М.В., Шабунова А.А., Гулин К.А.; под ред. Ильина В.А.

Социально-экономические и демографические аспекты суицидального поведения

Шабунова А.А.

Здоровье населения в России: состояние и динамика

Часть II

Костылева Л.В., Гулин К.А., Дубиничев Р.В.

Социально-экономическое неравенство населения региона

Попова В.И.

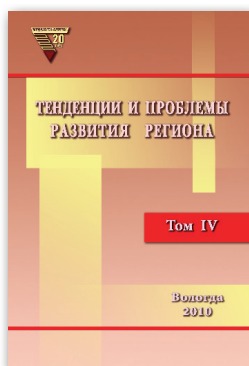
Региональные аспекты безнадзорности несовершеннолетних: социально-экономический подход

Шабунова А.А., Гулин К.А., Окулова Н.А., Соловьева Т.С.

Социокультурные аспекты развития территории

Северо-Запад России: тенденции общественных настроений

Развитие институтов гражданского общества: региональное измерение

Том 4

Модернизация экономического пространства региона

Ильин В.А., Селякова С.А., Малышев Р.Ю., Иогман Л.Г.,
Дубиничева Л.В., Ускова Т.В.

Формирование городской агломерации

Ильин В.А., Гордеев А.В., Ускова Т.В., Сычев М.Ф., Гулин К.А.,
Шабунова А.А., Задумкин К.А., Костылева Л.В., Жаравин Д.П.,
Малышев Р.Ю., Селякова С.А., Орлова Э.О., Дубиничева Л.В.,
Перевалов Д.В. **Экономика сельского района**

Ильин В.А., Плеханов Ю.Н., Ускова Т.В., Селякова С.А.,
Дубиничева Л.В., Марков К.В., Богачева Е.Н.

Стратегия развития туризма в Вологодской области

Ускова Т.В., Барабанов А.С., Попова О.И., Иогман Л.Г.,

Ильин В.В. Производственные кластеры и конкурентоспособность региона

Научные труды к 25-летию ИСЭРТ РАН
Тенденции и проблемы развития территорий
2011–2015 гг.
в 6 томах

Том 1
Эффективность государственного управления и социально-экономическое развитие территорий

Ильин В.А., Поварова А.И.
Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации

Ускова Т.В., Ворошилов Н.В.
Региональная политика территориального развития

Ильин В.А., Морев М.В., Кожина Т.П., Дементьева И.Н., Каминский В.С.
Эффективность государственного управления в оценках населения (по материалам исследований ИСЭРТ РАН)

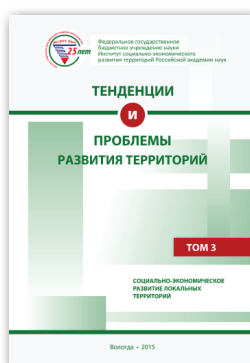

Том 2
Управление экономическим базисом развития территорий

Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.В., Смирнова Т.Г.
Проблемы экономического роста территории

Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Чекавинский А.Н.
Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы

Селименков Р.Ю., Советов П.М.
Лесной комплекс: управление инновационным развитием

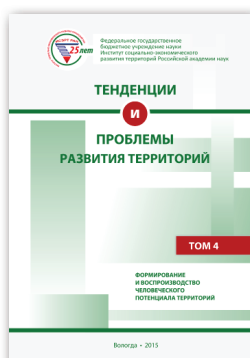
Том 3 **Социально-экономическое развитие локальных территорий**

Ускова Т.В., Ворошилов Н.В.,
Гутникова Е.А., Кожевников С.А.

Социально-экономические проблемы локальных территорий

Ускова Т.В., Чекавинский А.Н., Лукин Е.В.
Экономическое развитие крупного города: состояние, проблемы, перспективы

Ускова Т.В., Дубиничева Л.В., Орлова В.С.
Социально-экономический ресурс туризма

Том 4 **Формирование и воспроизводство человеческого потенциала территорий**

Леонидова Г.В., Устинова К.А., Попов А.В., Панов А.М.,
Головчин М.А., Соловьева Т.С., Чекмарева Е.А.;
под общ. ред. Шабуновой А.А.

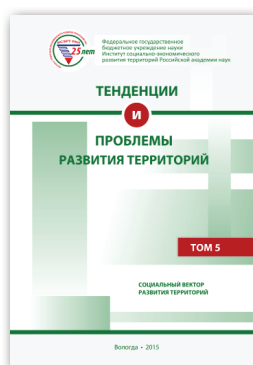
Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования

Шабунова А.А., Леонидова Г.В.,
Антонова М.А., Дементьева И.Н.,
Каминский В.С., Калачикова О.Н.,
Кожина Т.П., Кондакова Н.А.,
Морев М.В., Панов А.М., Устинова К.А.

Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации

Шабунова А.А., Морев М.В.,
Россошанский А.И., Белехова Г.В.

Уровень жизни и социальная реальность: мониторинг перемен

Том 5

Социальный вектор развития территорий

Шабунова А.А., Морев М.В., Кондакова Н.А.

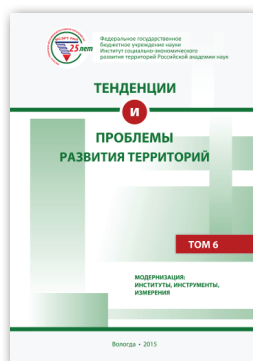
Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга

Калачикова О.Н., Шабунова А.А.

Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы

Морев М.В., Шабунова А.А., Гулин К.А., Попова В.И.

Проблемы насильственной смертности в России

Том 6

Модернизация: институты, инструменты, измерения

Гулин К.А.

Социально-экономическая модернизация России: региональный аспект

Шабунова А.А., Соловьева Т.С., Ласточкина М.А.

Социальная структура и мобильность в российском обществе

Задумкин К.А., Терехова С.В., Гончаров В.В.,

Колотухин В.А., Никеев Д.В.

Международное научно-техническое сотрудничество: региональный аспект (на примере СЗФО и Республики Беларусь)

СОДЕРЖАНИЕ

Ускова Т.В. Предисловие к изданию	7
Предисловие к тому 3	14

АНАЛИЗ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА

Предисловие	18

Глава 1. Теоретико-методологические основы применения межотраслевого баланса в анализе и моделировании экономики

1.1. Сущность балансового метода и межотраслевого баланса	21
1.2. Методология построения межотраслевого баланса	32
1.3. Опыт применения межотраслевого баланса в исследовании экономики	42

Глава 2. Анализ экономики на основе межотраслевого баланса

2.1. Оценка тенденций экономического развития	52
2.2. Диагностика проблем общественного воспроизводства	72
2.3. Анализ структурных сдвигов в экономике	82
2.4. Направления корректировки экономической политики	98

Глава 3. Методический инструментарий регулирования экономики

3.1. Сценарное межотраслевое моделирование экономики	107
3.2. Прогнозирование межрегионального экономического сотрудничества	114
3.3. Проектирование вертикально интегрированных структур	136

Заключение	147

Список использованных источников	149

ОРГАНИЗАЦИЯ И ФАКТОРЫ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Предисловие	164

Глава 1. Обоснование факторов новой индустриализации

1.1. Новая индустриализация как необходимое условие обеспечения экономического роста	166
1.2. Перспектива новой индустриализации России	175
1.3. Роль вертикальной интеграции в развитии промышленного сектора экономики	183

Глава 2. Оценка состояния и проблем промышленного сектора экономики

2.1. Динамика основных экономических показателей РФ	199
2.2. Тенденции развития российской промышленности.....	217
2.3. Проблемы общественного воспроизводства и структурные приоритеты новой индустриализации	226
2.4. Особенности функционирования вертикально интегрированных компаний в России и за рубежом	238

Глава 3. Организация новой индустриализации

3.1. Совершенствование промышленной политики в контексте новой индустриализации	251
3.2. Управление формированием и развитием вертикально интегрированных структур в приоритетных секторах экономики	259
3.3. Финансовые ресурсы новой индустриализации	277

Заключение	286

Список использованных источников	288

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Предисловие	296

Глава 1. Теоретико-методические основы исследования внутрирегиональной социально-экономической дифференциации

1.1. Сущность, содержание, факторы социально-экономической дифференциации территорий	299
1.2. Методические основы оценки внутрирегиональной социально-экономической дифференциации	311
1.3. Опыт регулирования территориальной социально-экономической дифференциации	322

Глава 2. Анализ дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований региона

2.1. Тенденции внутрирегиональной социально-экономической дифференциации (на примере Вологодской области)	338
2.2. Типология муниципальных образований региона по уровню социально-экономического развития	351
2.3. Анализ факторов внутрирегиональной социально-экономической дифференциации	361
2.4. Оценка региональной политики по развитию муниципальных образований	375

Глава 3. Организация процесса регулирования внутрирегиональной дифференциации

3.1. Научно-методический подход к регулированию внутрирегиональной дифференциации	387
3.2. Организационные основы регулирования внутрирегиональной дифференциации	398
3.3. Программно-целевой метод в регулировании внутрирегиональной дифференциации	408

Заключение	424

Список использованных источников	431

Сотрудники Вологодского научного центра РАН – авторы монографий, включенных в издание	447

Содержание предыдущих многотомных изданий	456

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Научные труды 2016–2020 гг.

В 6 томах

Под научным руководством чл.-кор. РАН **Ильина В.А.**,
д.э.н. **Шабуневой А.А.**, д.э.н. **Усковой Т.В.**

Том третий

Развитие экономики региона

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

Л.Н. Воронина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 14.10.2020.

Формат 70×108/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 40,9. Тираж 500 экз. Заказ № 174.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а

Телефон: (8172) 59-78-03, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-472-6

ISBN 978-5-93299-475-7

